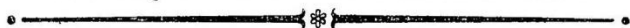

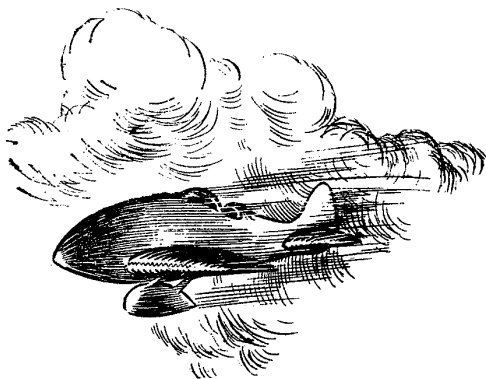
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОСТЬ

Сборник
советских фантастических и приключенческих
произведений 20 – 40-х годов XX века

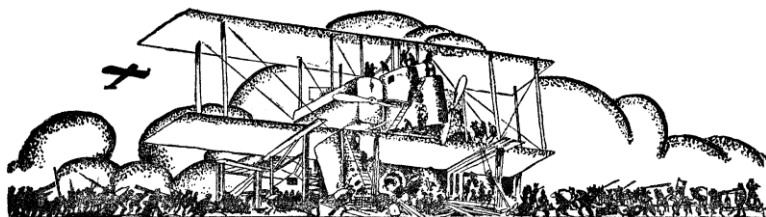
Книжный клуб
«Спутник™»
2022

N

Д-41-3

Рассказ

К БУДУЩЕМУ.

Можно предполагать, что авиация в будущем произведет
Огромное влияние

На духовный склад человечества и целый переворот в социальной жизни.

Одна привычка смотреть на все „свысока“: и на гордые дворцы, и на мрачные тюрьмы и спокойные кладбища, может дать новые элементы человеческой душе.

Новые данные заставят изменить архитектуру наших зданий и городов, повлияют на способы нашего питания и безусловно отразятся на наших костюмах, взглядах и привычках.

И тогда только мы станем настоящими людьми!..

Завоевание воздуха открывает нам

Новую эпоху

В истории культуры. И, что самое важное, оно скорее всего укрепит в сознании человека значение понятий—человек и человечность.

Но человек, только вчера опорвавшийся на спальной площадке от поверхности земли, делающий робкие попытки завоевания воздушной стихии, уже поднял глаза к мерцающим звездам.

Туда,

В лазурную высь!..

К небу!..

К далеким планетам...

Выше и выше,

В мировое пространство!..

И настанет время, когда люди понесутся туда в особых ракетах, и человек действительно станет

Гражданином

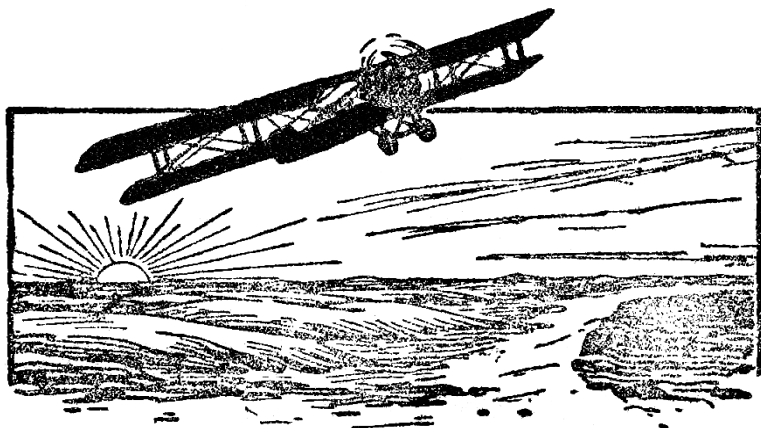
Всего

Беспределного

Мирового

Пространства.

Смирнов вошел в кабинет начальника штаба...

Раньше была женская гимназия — теперь штаб армии.

По темным коридорам, взад-вперед, толпой суетливой бежали из комнаты в комнату ординарцы. Стрекотали пишущие машинки.

Комнат было много. Кое-как на скорую руку повесили на каждую дверь бумажки с номерками и надписями красными чернилами...

Дверь кабинета тяжелая, над дверьми дощечка, синяя с белыми буквами — **Начальница гимназии.**

Внизу бумага гвоздями прибита, на бумаге чиркнуто вкось:

Начальник штаба тов. Эверс.

Кабинет — комната большая, белая. Окна высокие в сад выходят. В углу стол письменный, бумагами заваленный, а на стенах карты, карты, карты разные: пестрые большие и маленькие с красными флажками.

— Вы меня звали, тов. Эверс?

— А, это вы...

— Видите ли, в чем дело. Садитесь, тов. Смирнов. Да, так вот что. Мы вчера ночью получили сведения, что в тылу у противника в важном железнодорожном пункте произошло восстание рабочих, захвативших власть в свои руки. Понятно, бе-

лым такое красное пятнышко не по душе. Сегодня утром на заседании штаба я предложил следующий план...

Встал: сухой, жилистый и крепкий, во френче английском и обмотках зеленых, комнату вкось срезал, к карте пестрой подошел и мерно зачеканил пальцем, по красным точечкам водя.

— Наши части поведут энергичное наступление по всему этому сектору от деревни Тихая до Бобровицкой. Неприятель, имея в тылу восставший железнодорожный узел «Донскую», конечно, часть своих войск перебросит на усмирение восставших рабочих, и этим облегчит нашу боевую задачу.

Телефон в углу вдруг с места сорвался и простуженным звоном задребезжал.

«Алло. Да... да... Я... Хорошо... хорошо... Я дам распоряжение. Нет... нет... ладно...»

— Но нам нужно предупредить донских рабочих о нашем наступлении, а потому я, зная вас, тов. Смирнов, как решительного и храброго человека, которому можно смело поручать самые серьезные вещи, заранее будучи уверенным в их исполнении, предложил послать вас на ст. Донскую с инструкциями Ревкому, во что бы то ни стало, продержаться еще 4-5 дней...

— Благодарю вас, товарищ Эверс, за лестную для меня характеристику. Конечно, я приложу все усилия, чтобы исполнить боевое задание и оправдать ваше доверие ко мне.

— Ну вот... Я рад, что не ошибся. Лететь надо сегодня...

— Слушаю. До свидания, товарищ Эверс.

— Счастливого пути. Инструкции получите от товарища Раппопорта...

Вышел. По коридору длинному быстро прошел — свой человек. Знает каждую дверь, Каждый поворот...

По лестнице мраморной вниз спустился, тяжелую дверь с разбитыми окнами, фанерой заколоченными, толкнул и на улицу выскочил.

Улица после здания серого казалась голубой от солнца, неба веселого. На душе светло стало...

Марш насвистывая, бодро мерил Смирнов большими шагами горячий асфальт, мягкий от солнца.

Сидел в комнатке маленькой и письмо невесте писал.

Невеста в Питере служила в учреждении большом; учреждение помещалось в огромном белом доме на берегу Невы, а Люба (невеста Смирнова) в самом верхнем этаже на машинке «Ундервуд» стучала, получала хороший паек и терпеливо ждала своего Колю...

А Коля сидел в комнатке маленькой, с окнами на пыльную улицу, и письмо в Питер писал:

«Дорогая Люба.

Забегал на минутку домой и пользуюсь возможностью циркнуть тебе несколько строк. Сегодня — через час лечу с серьезным поручением, но как всегда спокоен и верю в свою звезду, хотя на этот раз дело опасное. Погода у нас жаркая и душная, но там, наверху, где я каждый день гуляю, прохладно и хорошо, и я всякий раз вспоминаю тебя, дорогая Любочка... Перед глазами все дни пробегают веселым хороводом... Помнишь, Люба, цирк Модерн?.. А?.. Я помню!

Ну пора. Меня ждет мой Д-41-3

Целую крепко-крепко.

Твой «летунчик» Коля!

Еще раз письмо прочел, вложил в синий конверт, лизнул языком, заклеил, адрес написал падающим почерком.

В соседней комнате часы два раза прохрипели.

— Чорт, уже два! Надо бежать... Письмо по дороге в ящик брошу. Не помню, написал я Любе, чтобы теплые перчатки прислала и газеты... Ну ладно, прилечу, напишу...

Даже и не подумал ни разу о том, что не всегда хорошо кончаются прогулки по голубой, безграничной дороге, там, наверху.

Вышел...

...На столе письменном дымилась папироска, а с карточки фотографической Люба улыбалась, нежная и белая...

На поле, далеко за городом, где на скорую руку, по-походному, устроены ангары, долго

возился у своего «Железного Коня». Любовно и старательно трогал каждый винтик, каждый рычажок... Наконец шлем и куртку кожаные застегнул, портфель с бумагами под сиденье засунул. Влез в гондолу, очки на глаза надвинул, еще раз рычажки потрогал, и...

Легко побежала машина по негладкому полю, слегка подпрыгивая на кочках. Как бы пробуя свои силы для большего прыжка, наконец, от земли черной оторвалась и понеслась стрелой вверх, к солнцу.

Нал городом два круга описала.

...Загорелись на солнце звезды пятиконечные на белых, широких крыльях...

...Следя внимательно за работой машины и на карту пеструю поглядывая, уверенно вел Смирнов машину А-41-3 на станцию «Донскую»!..

Легко и плавно аппарат резал воздух.

Смирнов, уверенный и решительный, четкими движениями рук управлял машиной, и она, покорная воле человека, послушно и неуклонно неслась вперед.

Острым взглядом скользил Смирнов по пестрому ковру полей, раскинувшихся внизу. Там — враг. Там — опасность. Каждую минуту могут заметить аэроплан. А тогда плохо — обстрел. Пульки, как маленькие злые осы, взвывают к небу, а одна такая пулька «в удачное место» — и готово — смерть.

Но сердце Смирнова билось спокойно и ровно. И мысли тихие и ясные полонили голову, покрытую шлемом. Глаза синие, большими очками прикрытые — полонили.

Дело предстояло крупное и ответственное. А думы набегали все то нежные, то тревожные. И забылся, забылся Смирнов.

Было ли это следствием долгих ночей бессонных? И жизни тяжелой, полной риска?..

Но руки крепкие машинально, по-прежнему рулем управляют, глаза синие по-прежнему зорки.

Легко и плавно аппарат режет воздух. Думает летчик Смирнов о своем. Быстро летит аэроплан, а мысли любого аэроплана быстрее, и много их в голове за короткий срок побывает...

Вот:

Во-первых, конечно, Любу вспомнил, невесту свою... В прошлом году познакомились с ней, в цирке «Модерн». На митинге.

Странно было. На арене, где обычно клоуны кувыркались, бегали дрессированные лошади, и директор, в цилиндре с бу-тафорскими медалями на лацкане сюртука, кричал высоким, пронзительным голосом «Allez!» — стоял стол, покрытый сук-ном красным. А под куполом не стройные, в трико с золотыми блестками, затянутые тела летали, а золотые слова, тов. Зиновьевым изо рта выброшенные.

Кончил тов. Зиновьев, толпа потоком ринулась к нему. Вот тут-то и столкнулся Смирнов с Любой. Сначала несколько «об-менных» слов по вопросу, а потом и пошло...

Смирнов вдруг хватает бинокль и зорко глядит вниз...

— Нет, еще не близко...

На компас взглянул:

— Немного правее...

Снова задумался, и уже о совсем недавнем. О своем по-следнем полете.

— Вот здорово обстреляли-то. Едва-едва уцелел. Неужели и сегодня также... Умирать что-то неохота.

Смирнов светло улыбается:

— Да. Подстрелят, а как же повстанцы? Как же наше наступление? Как же Люба? Да нет, нет, нет... не хочу.

Опять улыбается, в бинокль смотрит — недалеко уж, пора снизиться. Острей взгляд, крепче руки...

Ниже, ниже, ниже. Но... что это?!!

...Так... Так... Так... Так-так-так... Так. Так. Так... Перебои. О!!!

Сердце забило сильно вдруг. Тоже с перебоями. Смирнов невероятным напряжением воли берет себя в руки:

— Спокойно! Спокойствие прежде всего. Может быть, де-ло уже не так плохо. Но... Как это случилось?! Почему? Ведь, кажется, перед самым полетом осматривал машину... Чорт по-бери!..

Планирующий спуск.

— Пожалуй, успею. Но как потом по неприятельской земле пробираться? Поймают... Вот несчастье!.. Далеко ли до Дон-ской?!

Еще одно отчаянное усилие — и аэро на земле. Смирнов застыл, затаил дух:

— «Услыхали или нет?»

Прошло несколько минут... — За работу, живо за работу...

Сильной рукой Смирнов испортил мотор окончательно. Чтобы белым не досталось. Ах! Жаль из-за такого пустяка всю машину портить. Ласково погладил аппарат по крылу — прощай, дружок...

Смирнов пополз, все время четко прислушиваясь к окружающему.

Через 10 шагов — проволока.

— М-м, сволочь.

Смирнов выругался, вернулся к аэроплану, взял щипцы.

Раз. Раз. Раз. Раз. Готово.

— Пожалуйте дальше, синьор... —

«Путь свободен, путь свободен» — замурлыкал на мотив «Быть свободной, быть беспечной»...

Белые — пустырь — Донская. Каких-нибудь 200 сажен осталось, — и Донская. Но пройди-ка эти 200 сажен, когда в тебя и эти, и те стрелять будут. Однако, нельзя терять ни минуты. На машине он уже 3 часа, как был бы на месте.

Смирнов ползет, ползет, ползет. Устал до боли, мокрый весь, а на пути всё ухабы, рытвины, ямы. Брюки ободрал и даже кожаную куртку ухитрился где-то порвать. Слава Марксу — пока еще ни на одного белого не нарвался.

М-да... А это что? Белый...

— Вот оно!..

И опять проволочное ограждение.

Белый, очевидно, — часовой...

— Какого дьявола он тут поставлен? Непонятно.

Подполз Смирнов ближе. Почти что вплотную. А потом вдруг как вскочил, да и щелкнул часового по голове щипцами. А щипцы — что твой молот. Аховые. И не пикнул часовой.

«Перекусил» Смирнов проволоку. Снова пополз. Ползет, ползет... Но нервы натянутые не выдержали — выпрямился во весь рост, побежал.

Сзади — стрельба. А как стал приближаться к красным — и оттуда запалили.

И сзади, и спереди — промах.

Закричал Смирнов:

— Свой, свой, товарищи... Из N прилетел, с поручением...

Дальше — больше: — схватили Смирнова три дюжих, с железными мускулами парня, и потащили куда-то...

В небольшом кирпичном, неоштукатуренном доме происходило совещание повстанческого Комитета.

«Положение критическое» — страшная, всех мучившая, общая мысль.

В центре, как раз против дверей, запустив громадную медвежью лапу в громадную шевелюру, сидел пожилой человек с ястребиным, острым взглядом, с крупным, прямым носом — по-видимому, председатель.

С ним, бок о бок, секретарь. Щуплый, бледный, с холодными стальными глазами.

Остальные 15 человек разместились у стен на стульях и табуретах.

— Объявляю перерыв, — сказал председатель, — через 10 минут заседание вновь откроется для вынесения окончательной резолюции...

Стало шумно. Поплыли в воздухе клубы табачного дыма.

Внезапно председателя отозвали по спешному делу.

— Шпиона, кажись, поймали, — громко сказал дежурный вестовой. И среди всеобщей грозной тишины в комнату, сопровождаемый тремя дюжими, с железными мускулами парнями, вошел Смирнов, истерзанный и потный...

Через 10 минут все разъяснилось (благо, все мандаты и удостоверения были со Смирновым).

В кратких выражениях Смирнов передал Комитету повстанцев инструкции Эверса. Необыкновенный подъем духа был ответом на слова Смирнова.

— «Держаться до последней капли крови!» — гласила резолюция собрания повстанческого Комитета на станции Донской от 6 июня 1920 г.

Смирнов говорил:

— Да, товарищ, необходимо, совершение необходимо! Но на чем же лететь?.. Аппарат мой в 25 верстах, в стане белых, испорченный... Нельзя, на самом деле, — на метелке по воздуху передвигаться?..

Улыбнулся широкой своей и неунывающей улыбкой.

«А ведь в детстве я верил в эти самые метелки»...

Предком сказал:

— А зачем же на метелке? Вы лучше на аэроплане летите...

— Как на аэроплане?! А где же взять его?..

— Да хоть два. При захвате Донской нам две машины достались...

Смирнов просиял. Краска радости алым пылом залила щеки.

— Идем, — сказал он.

Пестрая картина открылась глазам. Вдоль длинных, грязных улиц тянулись темные, деревянные бараки; в них жили раньше железнодорожные рабочие, а теперь бараки эти были обращены в склады оружия, в казармы, в гаражи. И на каждом прикреплён, по ветру колыхавшийся, красный флаг.

Что-то смутно-общее было в этой картине с гравюрами, изображающими отдельные моменты Французской Революции: — и эти порванные красные полотна, и эти, в рабочих, запачканных костюмах, с красными ленточками на рукаве люди, загорелые, сильные, — повстанцы. И главное — баррикады. Хаотические сооружения из вагонеток, телег, камней и пр.

— Когда брали станцию, на баррикадах дрались. Наших было человек 400, белых — тысяча с лишним. И вооружение не сравнишь, конечно. Прямо-таки геройства происходили. Поверить трудно. Но, однако, — пришли. Вот сюда, тов. Смирнов.

Смирнов переступил порог огромного сарая, и сердце его радостно вздрогнуло. В темноте сверкали, оживленные струей света, ворвавшейся в открытую дверь, стальные корпуса самолетов...

...Обратно лететь было веселей...

Радовало все... И удачный полет на станцию Донскую, и голубое веселое небо...

Думал:

«Теперь наши двинут... Донская продержится дней пять — рабочие обещали. Фронт белых лопнет, и красной, широкой волной разольемся мы по городам, деревням и заводам — изнывающим под тяжелой пятой белогвардейщины. А из этих сытых, обильных краев хлеб в Питер и Москву повезут... Фабрики задымят, зашумят машины.

И Люба паяк получать будет больше...

Опять к Любе мысли тянутся.

Что она сейчас делает?

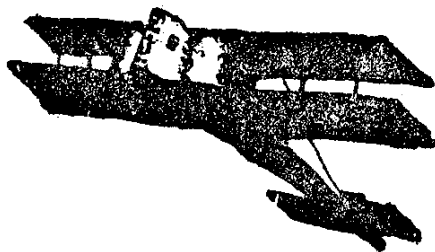
Наверно, выстукивает исходящий какой-нибудь...

Улыбнулся ласково так, как Любе улыбался, когда встречал ее на улицах.

Но руки твердо руль держали...

Но глаза зорко вперед смотрели...

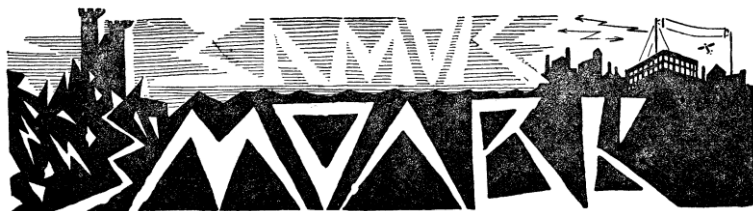
А внизу бежали вперегонку деревни, леса... поля, и маленькие, чуть заметные точки — люди.

А. А. ПЕТРОВСКИЙ

ЗАМОК МОЛВЫ

Научная фантазия

Научная фантазия проф. А. А. Петровского.

I.

Молодой инженер Р., только что окончивший институт, направлялся к месту своей первой службы. Несмотря на то, что он специализировался по сильным токам, ему не удалось использовать свои познания на какой-нибудь крупной установке: конкуренция оказалась столь велика, что он с радостью ухватился за должность механика на одной из захолустных радиостанций, заброшенной в киргизской степи. Погрузив в чемодан и в корзинку свой скромный багаж, состоявший главным образом из книг, инженер, любивший общество и людей, скрепя сердце сел на поезд и решил стойчески смотреть в глаза своему одинокому пребыванию в медвежьем углу. Будучи реалистом по образованию, Р. от природы, однако, питал большую склонность к произведениям античного мира. Безыскусственность и простота древних сказаний, образность и сила воображения творцов народного эпоса захватывали его всецело и переносили в иной мир, заставляя забывать окружающую действительность. Немного расстроенный неудачным подбором места службы, он извлек из корзины одну из любимых книг и углубился в чтение.

«В центре владений творца, на границе стихий перевозданных,

Моря земли и небес, местность лежит одиноко.

Видно оттуда кругом, что бы и где ни свершилось,

Звук ни один никогда чутких ушей не минует...

Замок стоит на вершине скалы, то — богини жилище,

Имя Молва ей...»

«Какая своеобразная фантазия», — мелькнуло в голове инженера: — «и откуда могла прийти в голову такая необычайная комбинация! Конечно, земля представлялась в то время в виде тарелки, так что дальность зрения не ограничивалась горизонтом, но все-таки видеть все, где бы что ни происходило, — это превышает самое смелое воображение...»

*...Денно и ночью открыт,
построен из меди звенящей,
Тихо гудит, отдает голоса,
повторяет что слышит...*

— «Исключительный полет мысли. Слышать все, что творится кругом. Да ведь, во времена Овидия существовало довольно правильное представление о звуке. Уже в физике Аристотеля есть указание, что при звуке воздух приходит в колебательное движение. При таком ясном представлении о природе звука, совершенно невозможно думать, чтобы ускользнуло то обстоятельство, что слышать происходящее вдали мешает не только ослабление силы, но и медленность передачи звука по сравнению со светом...

«Я, конечно, ни на минуту не сомневаюсь в том, что поэт имел в виду какой-то совершенно особенный способ передачи, а отнюдь не обычное распространение слухов от одного лица другому, ведь, даже передавая вести по способу персидского вестника, описываемому у Геродота, нужны были бы недели и даже месяцы, чтобы эти сведения могли дойти по тогдашней Римской Империи от одного конца до другого.

«Вместе с тем самое описание замка Молвы, построено из звонкой меди, указывает, что замечательная способность воспринимать звуки рисовалась воображению поэта не как природный дар, а как продукт какого-то чрезвычайного (теперь мы сказали бы «инженерного») искусства...»

*... Все, что творится кругом на земле, на воде и на море,
Видит Молва и тотчас узнает, где и что происходит...*

«Нет,... это, конечно, идеализация того чувства общности, которое живет в душе каждого человека. Ведь любо-

пытство, стремление узнать новинку — есть первый шаг на пути к познанию истины. Я решительно отказываюсь верить, чтобы автор «Метаморфоз» обладал таким даром провидения, что решился бы утверждать возможность таких вещей, которые даже теперь, через две тысячи лет, трудно постижимы».

И, успокоившись на этом объяснении, инженер, весьма любивший общество, бережно сложил книгу и подумал: «А хорошо, если бы мне хоть во сне удалось побывать в этом замечательном замке...».

II.

Ровная, бесконечная степь... Южная ночь разостлала свой черный шатер... Над горизонтом ярко сверкает Сириус... Мертвая тишина...

Новый механик, прибыв поутру, был радушно встречен своими будущими сослуживцами и немедленно же принялся за дело. Но ему было не по себе, и, усталый от дороги и работы, он направлялся в здание радиостанции, чтобы не оставаться с самим собой.

— Нет ли у вас газеты? — обратился он к радио-инженеру, заведующему приемным отделением, — ну, хоть от прошлой недели. Путешествуя от Ленинграда сюда, я, в сущности, жил все время днем своего выезда и теперь совершенно не имею представления о том, что творится на белом свете... Заведующий оказался очень удивлен такой необычной просьбой.

— Зачем же вам газету, да притом еще старую? Правда, мы получаем официальный орган, но, вырезав из него правительственные распоряжения, пускаем остальное на хозяйственные надобности... Однако, если вы хотите знать последние новости, то к вашим услугам вот этот аппарат: устраивайтесь здесь в кресле, как вам удобнее, наденьте на уши телефон, пустите моторчик и слушайте.

Тут только инженер заметил, что перед ним стоял телеграфон Паульсена и лежало несколько катушек с тонкой стальной проволокой.

— На этих катушках, продолжал его товарищ, — приняты все новости за истекшую неделю. Большого числа катушек мы не имеем, а потому через 7 дней магнитная запись стирается, и

катушка идет для приема новых сведений. Но, ведь, этого вам достаточно, чтобы узнать решительно все, что происходило на всем земном шаре за время вашей поездки...

Неожиданная новость сразу же привела его в хорошее настроение, и через полчаса он уже знал, что в Москве имело место кошмарное преступление, что в Ленинграде объявлен новый налог, что в Америке число радио-клубов возросло свыше ста тысяч и целый ряд других не менее интересных сведений.

Его занятие было прервано голосом заведующего:

— Сейчас 18 часов, и центральная радиостанция в Москве начинает передавать последние новости сегодняшнего дня. Быть может, вам будет интересно присоединиться к нам. Вот запасный телефон — включите его параллельно остальным, и вы поймете, почему здесь, на нашей радиостанции, так мало интересуются газетами.

Инженер повиновался и, переключив телефон, весь превратился в слух и внимание.

— Вот таким образом вы можете слушать два раза в день утром и вечером, и узнавать новости раньше, чем они попадут в газетный набор, так как Центральная радио-телефонная станция получает их непосредственно из цензуры. А так как она работает теперь новыми лампами по 75 киловатт каждая, то передачу можно слышать без усиления решительно во всех углах СССР. Вместе с тем у нас сигналы записываются телеграфом и сохраняются в течение недели на всякий случай...

— Через пять минут официальная передача кончается, и я вам покажу еще более интересные вещи...

Действительно, вскоре Центральная станция объявила конец передачи, и весь персонал, занятый приемом, заметно оживился.

— Теперь в 22 часа придется проверять часы и принимать очередной метеорологический бюллетень, а до того времени мы фактически свободны. Мы всегда утилизируем, это время для того, чтобы осмотреться кругом...

Инженер Р. инстинктивно повернулся, но заведующий, улыбнувшись, продолжал:

— Это я говорю в переносном смысле: для нас кругозор не ограничен пределами этого помещения, а обнимает около четверти поверхности земного шара...

— Вот сейчас производятся опыты Нижегородской радиолaborаторией. Там испытывается первая модель машины высокой частоты на 1500 киловатт. Слышите, какой чистый звук? — Поставьте точнее волну, — обратился он к слухачу — теперь настройка так остра, что регуляторы держат волну с точностью не менее 0,1%, и приходится самым аккуратным образом поворачивать ручку конденсатора, чтобы не проскочить мимо положен. резонанса.

— Хорошо бы иметь кремальер, — вставил робко инженер.

— Теперь так и делается, но у нас нет пока приемника последнего образца Ленинградского радиозавода, на котором предусмотрены все эти тонкости, а потому приходится упражнять собственное искусство.

— А ну-ка, послушаем, нет ли чего в северной части Атлантического океана.

Инженер недоверчиво посмотрел.

— Для этого мы пользуемся многократным усилением...

И, переведя коммутатор приемника, он перенес прием на радиогониометр, посторонние звуки смолкли, и только где-то вдали, на короткой волне замирал слабый сигнал.

— Незадачливый день — говорил заведующий, — по направлению на вест-норд-вест, отсюда на расстояние не менее 4000 километров, происходит несчастье: это приходится где-нибудь севернее Шотландских берегов... Вы слышите редкую отчетливую работу, в которой нетрудно различить повторяемый три раза с промежутками в несколько секунд сигнал бедствия «УОУ»...

— А вот и продолжение: слышите буквы QTE, это по сигнальному ходу означает запрос, где я нахожусь. Через пять минут мы точно узнаем место аварии...

Инженер был весь внимание: он автоматически воспринимал объяснения своего коллеги, машинально вращая рукоятку прибора, и сосредоточенно слушал, как бы желая проникнуть в глубину пространства, откуда приносились эти неведомые звуки... А они вливались один за другим, непрерывно сменяя друг друга. Вот прозвенел колокольчик, чистый тон машины Ганновера, промелькнула, как молния, работа быстродействующего аппарата Берна, на которую тотчас же ответил Мадрид... Вот еще...

— Но мы уже долго занимаемся, — снова слышится голос неутомленного радиоинженера, — я думаю, что пора бы снять телефоны с головы и отдохнуть, слушая в более удобной обстановке.

С этими словами он перевел приемник с усилителем на громкоговорящий телефон, стоявший в углу комнаты и снабженный громадным рупором...

— Товарищи, — раздался визгливый высокий тенор, — мы опять стоим перед лицом...

— Погоди, погоди, мы совсем не тебя собираемся слушать. Пиконен, вы, должно быть, поставили переключатель вместо длинных на короткие волны. Это у нас каждый раз, — добавил он, обращаясь к инженеру, — когда в 20 часов собираешься слушать на волне в 2500 метров и поставишь переключатель не на ту сторону, то вмешивается какая-то радиостанция — не то Харьков, не то Новочеркасск, работающая волной в 1100 метров...

— Отчего же вы ее не слушаете? — спросил инженер, который до того увлекся, что готов был слушать все, что несло из пространства.

— Нет, у нас есть более интересная задача — отвечал радио-инженер — сегодня в РОРИ^{*)} читается доклад о последних успехах радиотехники, причем демонстрируется передача видения на расстояние. Передача происходит, собственно, между Ленинградским и Московским отделениями РОРИ, но, будучи с месяц тому назад в Ленинграде, я достал один экземпляр приемника с обязательством наладить его здесь и представить точный протокол результатов.

Можно себе представить, какое ошеломляющее впечатление произвело это заявление на молодого инженера. Будучи в институте и добросовестно штудировав свою специальность, он слушал лишь общий курс радиотехники и не имел ясного представления о ее последних достижениях.

А, между тем, радиоинженер торопливо налаживал аппарат и, прислушиваясь к каким-то звукам, твердо и уверенно поворачивал регулирующие винты.

— Это предварительная проба синхронизма в тот момент, когда ток передатчика проходит через ноль, в пространство по-

^{*)} РОРИ — Российское Общество Радио-Инженеров.

сылается точка, и все приемные аппараты должны по этим сигналам синхронизировать свои моторы... готово... все исправно... А вот и начало передачи — и он погасил последнюю лампу, освещавшую помещение.

Только теперь инженер обратил внимание на предмет несколько в стороне от рупора, силуэт которого едва выделялся в темноте; он производил впечатление отворенного окна, через которое в комнату проникал рассеянный свет... Вдруг этот свет зашевелился и начал переливаться туманными волнами, постепенно принимая какие-то странные очертания...

Инженер не верил своим глазам: перед ним развевалась, как бы в театральной панораме, большая комната, наполненная сидевшими и стоявшими людьми; на эстраде находилось несколько лиц, составлявших президиум собрания, а двое хлопотали около аппарата. Некоторые из присутствующих показались ему знакомыми. Но вот, председатель собрания встал, его губы зашевелились, и в то же время в комнате раздался отчетливый возглас: «Объявляю заседание ЛО РОРИ открытым»...

Ясная и образная речь оратора, излагавшего основы конструкции нового аппарата и грядущие перспективы, слышалась столь же отчетливо, как если бы она произносилась в соседней комнате.

Инженер весь углубился в созерцание и постепенно начал впадать в какой-то транс.

Фигуры бледнеют и заволакиваются туманом, звуки исчезают, как бы уходя вдаль: перед ним выплывает высокая скала среди бунтующего моря, а на ней красивое многоугольное здание со множеством портиков; громадная толпа наполняет преддверия, сную по всем входам и выходам, смутный гул доносится до слуха, и он сам среди этой толпы...

*Все, что творится кругом на земле, на воде и на небе,
Видит Молва, и тотчас узнает, где и что происходит...*

— Вы, кажется, вздремнули, и во сне декламировали латинские стихи — сказал знакомый голос, и инженер почувствовал, что кто-то тронул его за плечо.

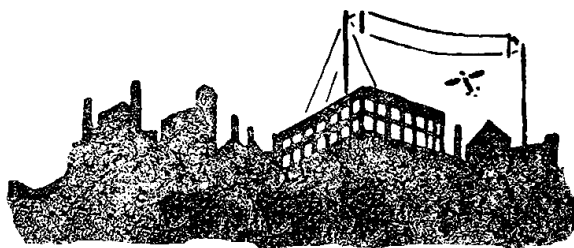
— Я сам любитель классиков, — продолжал говоривший, — и нахожу, что многое, что представлялось поэтической фантазией, теперь переходит в область реального. Ведь и атомы, и самый эфир придуманы греческими мудрецами, но только теперь мы оценили вполне все значение этих понятий...

— А каковы успехи радиотехники? Изумительны!

— Да, в настоящее время житель земли как бы купается в электромагнитном море, и эфирные волны, омывая берега человеческого сознания, вероятно, вызывают в нем такие эффекты, которых мы, при теперешнем состоянии науки, еще не можем осмыслить. Мощь человеческого гения безгранична.

Инженер возвращался домой, очарованный пережитыми впечатлениями, и машинально повторял:

— Замок Молвы — то не сказка, а действительность...

АНАТОЛИЙ КОЛОМЕЙЦЕВ

УЩЕЛЬЕ ДЬЯВОЛА

Фантастико-приключенческий роман

Художник Л. Воронов

«Земля и Фабрика», М.-Л., 1929 г.

АНАТОЛИЙ КОЛОМЕЙЦЕВ

К— 60

УЩЕЛЬЕ ДЬЯВОЛА

РОМАН

«ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА»
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Обложка художника Л. Воронова

Отпечатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“,
Москва, Пименовская ул., д. 16,
в колич. 5.000 экз., 17 л.
Главлит № А—20643.
МСМХХІХ

ГЛАВА I.

Судьба «Громобоя»

Был летний вечер. Матрос Борис Колосов, электрик с крейсера «Память Меркурия», военнопленный у Врангеля, затем беглец с подложными документами, сидел на Приморском бульваре. Алый диск солнца погружался в воду, отбрасывая красноватые лучи на гладкую зеркальную поверхность спокойного моря.

Колосов думал о том, что там, далеко, идет гигантская борьба двух миров. Широкой рекой льется кровь, заливая плодородные поля Украины. Иногда ему чудилось, что вместе с легким порывом ветерка до него доносятся слабые отзвуки оружейных залпов.

Бориса бесила мысль: его товарищи грудью сдерживают бешеный напор врангелевской лавы, а он, боевой матрос, вынужден сидеть здесь и быть свидетелем пьяного разгула белогвардейских офицеров. Он, Колосов, первый возвестил на крейсере победу революции. А теперь, когда она в опасности, должен сидеть в бездействии! «О, нет, сегодня же отправлюсь на север к своим», — твердо решил Борис.

Вдруг перед его глазами легла какая-то тень, и вслед за тем он услышал радостный возглас:

— Борька, бестия!

— Це... Це...

Оба, еще не успев рассмотреть друг друга, подали знак молчания. Борис поднялся. Перед ним стоял франтовато одетый мужчина. Быстро наступившие сумерки не давали ему рассмотреть незнакомца. Но вот незнакомец улыбнулся, и что-то близкое, знакомое почувствовал Борис в этой улыбке. Франт подал знак рукой — следовать за ним.

«Неужели Витька Алексеев, мой старый друг и приятель? Но как он мог сюда попасть? Ведь он остался на Каспии, и вдруг — в тылу у Врангеля?»

Потом, махнув на все рукой, он зашагал незнакомцу в кильватер. Чтобы не возбуждать подозрения у шатающихся здесь офицеров, они свернули в полуосвещенную улицу. Зайдя за угол, незнакомец обернулся и радостно начал трясти руку Бориса. Затем торопливо проговорил:

— Надеюсь, узнал Витьку? Теперь пойдем ко мне. Поменьше разговаривай, а то и у стен есть уши. И не только уши, а и глаза.

Витька Алексеев, тоже старый матрос, комендор с «Памяти Меркурия», был прислан политотделом в тыл Врангеля для подпольной работы. Он держал тесную связь с Красной армией. Под его руководством работала целая сеть подпольных кружков на кораблях белого флота.

Колосова увлекала идея подпольной работы, полная опасностей и всяких неожиданностей. Он решил остаться в Севастополе.

Однажды вечером, когда Колосов со своим другом составляли очередное донесение, в комнату неожиданно ввалился матрос.

Он был в грязном, засаленном рабочем платье, по-видимому, из «духов». На ленточке чуть заметно блестело: «Громобой».

— Товарищ Алек... — Но, увидев Колосова, он резко оборвал себя и с недоумением стал рассматривать его с ног до головы.

— Ничего, Салих, можешь говорить спокойно: этот из наших. Мой друг — Борис Колосов, — успокоил пришедшего Витька.

Салих оживился и крепко, по-дружески пожал руку Колосову.

— Вот что, товарищ Алексеев, — сказал он, садясь к столу, — эсминец «Громобой» завтра с рассветом, а быть может, даже ночью, снимается с якоря и идет в Азовское море. «Громобой» дано задание произвести разведку в районе устьев Дона. А если обстоятельства будут благоприятствовать, разгромить вновь организуемую красную флотилию в Мариуполе.

Эта весть ошеломила наших друзей. По-видимому, белые придавали большое значение красной флотилии, хотя она и создавалась из старых пассажирских, к тому же в большинстве случаев колесных, пароходов.

Друзья решили воспрепятствовать походу «Громобоя». Нужно было действовать немедленно и энергично.

— Откуда ты получил эти сведения?

— Подслушал разговор капитана со старшим офицером. Кроме того, кое-что добавил радист, тоже наш парень.

— Есть ли в море какие-либо суда?

— Миноносец «Свирепый» несет дозор. Остальные на рейде.

— Это лучше. Значит, «Громобой» один собирается делать налет? — проговорил Алексеев. — Только вчера я получил сообщение от своих. Пишут, что создание флотилии находится в самом разгаре. Поход «Громобоя» может надолго затормозить стройку, а значит, и победу красных. Не допустить налета белых в Азовское море — вот задача нашей организации! — энергично закончил Витька.

Долго «штаб» подпольной организации ломал голову над разрешением этой задачи. Наконец, когда на рейде многоголовые склянки проббили двенадцать, план, от выполнения которого в большой степени зависела судьба красной флотилии, был готов.

Рейд спал. На фоне звездного неба высились большие черные силуэты стоявших на якоре судов. Одиноко, тоскливо сверкали штаговые огоньки.

Вдруг на корабле, на мачте которого ярко блестел «фламанский», замигал клотик. Короткие, длинные вспышки света, срываясь с клотика, понеслись в пространство: «Эсминец «Громобой»!.. эсминец «Громобой»!.. эсминец «Громобой»!.. Сняться с якоря и следовать по назначению!

Вдали у западного берега бухты вспыхнул другой клотик и троекратно ответил: «Понял».

Через несколько минут эсминец «Громобой» осветился ходовыми огнями. Загremела якорная цепь. Тихо скользя между темными громадами кораблей, пробирался миноносец к выходу из Северной бухты. Пройдя фарватер, он взял курс на зюйд и дал полный ход.

Светало. Мигающий огонь Херсонесского маяка давно уже скрылся за горизонтом. «Громобой» мчался тридцати-узловым ходом, стальной грудью рассекая поверхность спокойного моря и вздымая целые каскады искрившихся брызг.

Вдали сквозь утренний сумрак виднелась Ялта.

Вон, цепляясь за скалы, над морем повисло «Ласточкино гнездо». А там дальше, отражая лучи восходящего солнца, высятся белоснежные купола Ливадии. Ялтинские дачи расположились амфитеатром, подымаясь по склонам крутых гор и утопая в густых зеленеющих садах.

«Громобой» быстро приближался к Ялте. Вот он поравнялся с молом, и вахтенный офицер приготовился занести в вахтенный журнал: «8 часов 10 мин. Прошли траверс Ялтинского маяка». Взяв перо, он ждал, наблюдая за стрелкой хронометра.

Вдруг «Громобой» вздрогнул всем корпусом и стал замедлять ход. Вахтенный офицер бросился к машинному телеграфу и поставил стрелку на «стоп». Капитан сердито хлопнул дверью рубки и поспешно поднялся на командный мостик. Из машинного отделения выскочил раскрасневшийся механик и метнулся туда же. Скоро оттуда послышался его взволнованный голос:

— Господин капитан, в машине повреждение! Выбило крышку главного воздушного насоса. Машина работать не может, необходимо часов пять на исправление.

— Канальи!!! Расстреляю!!! Под суд всех отдам!!! — гремел капитан, быстро шагая по мостику. — Сорвали оперативное задание! Да вы знаете, что в военное время за это бывает? Знаете, господин механик? — наступал он на оробевшего механика.

— Так точно, господин капитан. Расстреляют! — невнятно пролепетал тот.

— Кто стоял у помпы на вахте?

— Аджаяев, господин капитан.

— Немедленно запереть в трюм. Донести обо всем рапортом. Сейчас же приступить к исправлению повреждений!

— Есть, господин капитан!

Механик ушел. Капитан в раздумье зашагал по мостику, гнев его утихал.

— Н-да-а, — протянул он вслух, уже улыбаясь, — любо отдохнуть в этом райском уголке и немного того... — он подмигнул себе, аппетитно пощелкивая пальцем по горлу.

— Сигнальщик! — крикнул капитан, снова приняв строгий вид.

— Есть! — вытянулся перед ним матрос.

— Передай по семафору на Ялтинский маяк: «Срочно выслать буксир к эсминцу».

Скоро пыхтя, приполз катеришко и, взяв «Громобоя» на буксир, потащил его за ялтинский мол.

Для выполнения намеченного плана Алексееву и Колосову нужно было отправиться в Ялту сухопутьем. Было два часа, когда они вышли из дома. Город спал, они крадучись пробирались по пустынным темным улицам. Жители, напуганные расправами белогвардейцев, еще засветло ложились спать, старательно задраивая каждую щелочку и боясь зажигать свет. Поэтому Колосов был сильно удивлен, когда шедший впереди Витька шепнул ему:

— Смотри, свет впереди!..

— Кажется, автомобиль, — сказал Борис, всматриваясь.

— Ну, конечно, автомобиль, — обрадовался Алексеев.

— Чего ты радуешься? — рассердился Колосов. — Не будь этой чортовой машинки, пошли бы прямо, а теперь вот изволь сворачивать.

— Зачем сворачивать? Так и пойдем прямо. Этот «форд» ведь нас ждет.

— Как нас?! — обрадовался в свою очередь Колосов. — Разве у нас есть свои автомобили? Что же ты, бестия, молчал до сих пор, двести мин тебе в переносицу!

— Тише! Приготовь свой наган. Мы подходим, — оборвал его Алексеев.

— Гм. Вот так свой! — невнятно пробормотал Борис, поспешно расстегивая кобуру.

Тихо подкрались. На заднем сиденье, прижавшись в угол, спал солдат. Шофер тоже храпел. Мигом, тиграми бросились они на спящих белогвардейцев. Через минуту автомобиль перешел в полную собственность подпольщиков, а старые хозяева со скрученными руками лежали на дне.

Витька уселся за руль. Колосов, развалившись на заднем сиденье, как старый капитан, скомандовал:

— Руль право на борт! Полный ход вперед!

За шумел мотор, и автомобиль стрелой помчался по городу, направляясь к ялтинскому шоссе.

Приближалось утро: Восток стал бледнеть, постепенно озаряясь ярко багровым цветом. Город остался далеко позади. Вдали уже показалась подернутая голубоватой дымкой вершина высочайшей горы Крыма Чатыр-Дага. Гут, совсем близко, тянутся склоны крымского хребта, окутанные роскошной растительностью. Лишь изредка горы, как бы стремясь ввысь, к лазурному небу, вырываются из объятий зеленого покрова и образуют каскады причудливых скал, купающихся в утреннем живительном воздухе. Вправо широко раскинулась долина. По ней блестящей змейкой извивается речушка. Вдоль берега белыми пятнами разбросалась татарская деревушка.

Дальше раскинулось море.

— Дымок на горизонте! — воскликнул Борис, глядя на море.

— Да, быстро приближается. Не иначе, как «Громобой» топает.

Алексеев остановил автомобиль и достал из чемодана сильный девятикратный бинокль. Посмотрел и молча отдал Колосову.

Скоро эсминец поравнялся с автомобилем. На судне ясно можно было рассмотреть рулевого, стоящего за штурвалом. Вахтенный офицер расхаживал с подозрительной трубкой, которую то и дело направлял на Ялту. На верхней палубе мелькали белые чехлы матросов.

— Нет, чорт возьми, все это не то! — с досадой сказал Колосов, опуская бинокль. — Автомобиль отдал бы за то, чтобы хоть на одну секунду проникнуть взором в полутемное, душное машинное отделение. Посмотреть, исправно ли работает сердце «Громобоя»...

— Браво!.. Браво!.. У «Громобоя» порок сердца. Он замедляет ход! — перебил его Витька.

Эсминец замер на месте.

Друзья оставили автомобиль в лесу, а сами пешком отправились в Ялту.

Вечерело. Подпольщики уже давно сидели в кафэ «Отдай якорь» и с нетерпением ожидали своего соратника. Назначенное время прошло, а его все не было. Друзья недоумевали,

строая всякие догадки. Во всяком случае, дело принимало дурной оборот, и намеченному плану грозил срыв.

Когда они, отчаявшись, собирались покинуть ресторан, вбежала женщина. Перепуганная, с растрепанными волосами, с отпечатком сильнейшего душевного волнения на лице, она представляла собой воплощение картины Рафаэля: «Страдающая женщина». Тяжело дыша, она упала на стул.

Матросы, посмотрев на нее, переглянулись между собой.

Это была знакомая им жена одного из матросов, работающих в их подпольной организации.

— Наталья Павловна, что с вами? — обратился к ней Колосов.

— Ах, это вы здесь?! — встрепелась она. Потом, немного успокоившись, она бросила подозрительный взгляд за стойку, где дремал хозяин.

Алексеев догадался.

— Пойдемте на набережную, прогуляемся! — предложил он.

Наталья Павловна совсем успокоилась. Выйдя на улицу, она заговорила:

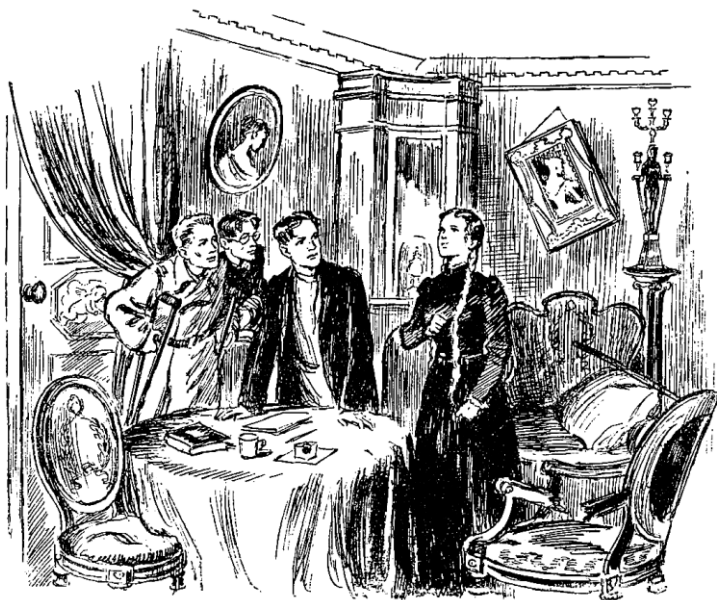
— Шла я сейчас по улице, пристал ко мне какой-то пьяный морской офицер и тащится за мной. «Дай, — говорит, — красавица, разок поцеловать тебя». Я его нахалом обозвала. Он схватил меня за руку и потащил в городской сад. А вы ведь знаете, что он сейчас пустой, хоть шаром покати. Придушит, думаю, и не узнают — кто. Тут я собралась с духом и такую пощечину ему приварила, что он еле на ногах устоял. Я воспользовалась этим и — бежать. Он пришел в бешенство, выхватил револьвер и, за мной, ругается вовсю и кричит: «А, большевичка, окаянное отродье! Капитана первого ранга ругать вздумала! Да я своим «Громобоем» испепелю всю вашу Ялту...»

— Разве сам капитан «Громобоя» гнался? — прервал ее Борис.

— Да такой высокий, жирный; голос резкий, грубый.

— Стой, ребята, гениальная мысль! — радостно воскликнул Витька. — Только вот если бы... — он в нерешительности остановился, потом, набравшись духу, продолжил: — если бы Наталья Павловна согласилась на несколько часов притвориться уличной женщиной.

— Зачем это? — удивился его друг.

— Заманить капитана в нашу квартиру. Мы там учудили бы с ним такую штуку...

Наталья Павловна немного смутилась, потом решительно сказала:

— Я готова. Говорите, что мне делать.

Подпольная организация в тылу Врангеля широко развернула свою работу. В каждом портовом городе она имела свои квартиры и явочные пункты. Одна из этих квартир находилась в Ялте. В нее-то и решили заманить капитана.

Приготовив все для встречи, приятели засели в смежной комнате. Время тянулось, словно тихоходный трамвайчик. Наконец за дверью послышалась мягкая женская поступь, заглушаемая грубым, тяжелым голосом:

— А, вон она, где, голубушка, живет! Далеко от культурного мира. С твоей бы профессией поближе бы туда... к центру... Где повеселей... Денег, поди, зарабатываешь уйму...

Щелкнул замок, и они вошли.

— Сама-то кралей выглядишь, а комнатка у тебя неважная, — продолжал капитан. — Ну, ладно, я не требователен, только вот постельки не вижу... А ведь этот предметец при твоей профессии необходим... Хе-хе-хе... Без него деньжонок-то не заработаешь...

Он грузно опустился на стул.

Наталья Павловна поставила на стол бутылку коньяку.

— Пейте, господин капитан.

— Голубушка, Наточка, не называйте меня господином капитаном... я господин только для скотов... матросов... Для них я господин... господин... что хочу, то и сделаю с ними... Сегодня запер в трюм одного... еще запру, всех запру. Места не хватит? Хватит, найдем места... На рею десяток вздерну... на рею... это вместо флагов расцвечивания. Так и войду на рейд. Пускай посмотрит Врангель, как я стараюсь за единую, неделимую... Георгия потребу... обязательно потребу...

— Господин капитан, пейте еще! — угощала его Наталья Павловна.

— Н-не господин... и... н-не капитан... а В-валентин Петрович... Валечка... милочка... голубушка... поцелуй... Валечку...

Он, омерзительно улыбаясь, встал и с растопыренными руками, шатаясь, начал ловить свою жертву.

В этот момент дверь из соседней комнаты распахнулась, и на него смерчем налетели моряки. Он сразу понял, в чем дело. Хмель слетел. Озверел. Рвался из рук. Глаза метали молнии. Пытался выхватить револьвер. Но его держали стальные тиски матросских рук. Скрутили ноги. Обезоружили и посадили к столу.

— Ну-с, Валечка, — иронически произнес Алексеев, вертя перед глазами наганом, — нам некогда с тобой здесь рассуждать. Если хочешь сберечь свою шкуру, то вот тебе ручка и бумага: пиши, что буду диктовать.

— Но позвольте; господа...

— Какие тебе тут «господа?» Пиши, башка долой!

— Но...

— Без всяких «но». Говорят — пиши!

Витька, диктует:

«Старшему офицеру эскадренного миноносца «Громобой», лейтенанту Вербицкому. Ввиду того, что я сильно заболел...»

— Но ведь я же здоров! — запротестовал капитан.

— Борис, стукни-ка ему по башке, чтобы он почувствовал справедливость моих слов! — сказал Алексеев своему приятелю, стоявшему за спиной капитана.

Но капитан испугался и поспешно взялся за перо.

Алексеев продолжал:

«..Приказываю немедленно с получением сего принять временное командование над эскадренным миноносцем «Громобой»...»

— Позвольте, госпо... товарищи, сам адмирал...

— Чихать мы хотели на твоего адмирала. Пиши без разговоров, а то живо отправлю к праотцам! — пригрозил Колосов, приставляя револьвер к затылку. — Пиши, душа с тебя вон!

Капитан покорно обмакнул перо и старательно выводил под диктовку Витьки:

«..и, согласно полученным инструкциям из штаба, произвести операцию в Азовском море. При всяких обстоятельствах, на обратном пути зайти в Ялту за мной».

По лицу капитана промелькнула чуть заметная улыбка.

«При сем посылаю, — продолжал диктовать Витька, — двух вполне надежных матросов для пополнения экипажа эсминца.

*Командир э/м «Громобой»
капитан 1-го ранга Князев.
Рейд ялтинский».*

Окончив писать, капитан вскочил на ноги и с силой швырнул ручку на пол. Потом со скрежетом:

— Эх, и здесь эти красные дьяволы!..

Но, чувствуя прикосновение холодной стали нагана, он принужден был опуститься на стул.

На трапе миноносца подпольщиков встретил вахтенный на юте. На корабль не пропустил, доложил вахтенному офицеру.

Тот пришел, и свысока, подозрительно осмотрел пришельцев.

— Что нужно? — спросил он.

— Вот, письмо господину лейтенанту, — сказал, подавая письмо, Колосов.

Офицер покрутил, пощупал — тонкое, ничего подозрительного, — и нырнул в люк. Через несколько минут, высушившись из люка, крикнул:

— Идите сюда!

Лейтенант был в каюте. Он испытующе посмотрел на пришельцев и спросил:

— Старые матросы?

— Так точно, господин лейтенант! — хором ответили те.

— Где служили?

— На крейсере «Память Меркурия».

Лейтенант помолчал. Повертел в руках письмо и потом неожиданно, пристально смотря на Алексева, спросил:

— А как вы встретились с господином капитаном?

— Нас к нему послал господин капитан Юревич, начальник контр-разведки Ялтинского района, — не смущаясь, отрезал Витька.

— Завтра явитесь ко мне, а сейчас отправляйтесь к шкиперу, получите, что следует. Павел Николаевич, — обратился он к вахтенному офицеру, — устройте их в кормовом кубрике.

Вербицкий, только что произведенный в лейтенанты, обрадовался случаю показать себя и выдвинуться в глазах начальства. Он сам спустился в машинное отделение и торопил команду с исправлением повреждений, обещая по чарке.

В кубрике был спертый воздух. Свободные матросы играли в карты и в костяшки. Новичков встретили недоверчиво, почти враждебно. Но приятели, выдавшие виды, сразу освоились с обстановкой. Алексеев сел в компанию за костяшки, и через минуту послышался его зычный голос:

— Пошел... Шесть — азик... Прокатился, валяй дальше... Дупель — плешка...

Костяшки стучали вовсю.

Колосов подсел к молодому матросу, читавшему книгу.

— Ну, как, браток, делишки?

Тот безнадежно отмахнулся рукой, не отрываясь от книги.

— Что читаешь? — не отставал от него Борис.

Матрос молча показал обложку книги, на которой Колосов успел прочесть: «Политические партии в России».

— Аджаяаа знаеаь? — допытывалася Колосов.

При этих словах матрос оторвался от книги и долго, пристально смотрел на Колосова, потом быстро перевел глаза на Витьку и, наклонившись к самому уху, шепнул Борису: «Заря революции...» И, получив такой же тихий ответ: «..ярко горит», улыбнулся.

На верхней палубе трелью залилась боцманская дудка, вслед за ней в люк ворвалось:

— Все наверх, с якоря сниматься!

Отдали швартовы, и миноносец, дав задний ход, стал медленно отделяться от стенки. «Громобой» плавно вышел из гавани, взял курс на ост и дал полный ход вперед. Скланки пробили два часа.

Команда разошлась по кубрикам. Подпольщики остались на верхней палубе. К ним присоединился их новый соучастник, матрос Марков. Они посвятили его в свои планы.

— Знаеаь ли ты, где заперт Салих?

— Да, — так же шепотом ответил Марков. — Идите за мной.

Они спустились в проход, ведущий в кочегарное отделение.

— Здесь, сказал Марков, останавливаясь перед задраенным люком.

Быстро отдраив его, Алексеев осветил внутренность отсека электрическим фонариком.

Темно. Сыро. Удушливый до крайности воздух. Аджаяев сидел, прижимаясь к переборке. Увидев свет, он быстро поднялся на ноги, но вдруг зашатался и, вскинув руками, повалился на пол. Колосов подхватил его и вытащил из трюма.

Покамест друзья приводили в чувство отравленного испорченным воздухом Аджаяева, Марков достал ключ от крьюйт-камеры.

Аджаяев с Алексеевым отправились в крьюйт-камеру, а Марков с Борисом пошли на верхнюю палубу расчистить путь к отступлению. Вышли наверх. Темно. На юте маячила фигура вахтенного, прислонившегося к «зенитке».

— Спит! — довольно пробормотал Марков, но не успел он произнести это, как сильно споткнулся о стальной трос и застучал.

Вахтенный вздрогнул, испуганно оглянулся сонными глазами, потом сладко зевнул и снова прикорнул к «зенитке».

Крадучись добрались до него. Вахтенный, скорее инстинктивно, почувствовал их приближение, чем услышал. Подняв голову, сонными глазами посмотрел на подошедших.

— Ну, как, вздремнул? — спросил его Марков.

— Да, чорт возьми, под утро неважко стало. Тут-то покойно. Красные не высунут свой нос сюда. Кругом ни гу-гу! — как бы в оправдание произнес вахтенный.

— Оно, конечно, — согласился с ним Марков, подходя вплотную, — берега наши.

С этими словами он быстрым движением сдавил ему горло и, подняв его, тихо опустил на палубу. Колосов скрутил его и заклепал рот.

В это время у носового мостика замигал свет: это Витька давал знать о том, что они уже справились. Колосов ответил условленным знаком.

— Все готово, — произнес Аджаяев, поспешно подходя.

Собрались на юте. Молча сбросили с себя одежду и привязали к спасательным кругам. Вторые круги надели на себя. Стали у фальшборта на корме. Настала жуткая минута.

Вдали темной полосой тянулись берега. Под кормой бешено бурлили винты, вздувая спокойную гладь моря и образуя пенистые буруны. Позади миноносца тянулся длинный, горящий фосфористым светом след.

— Я команду! — властно прозвучал голос Алексева. — Делать по счету «три»! Слуша..ай!!!

Вдруг воздух прорезал сухой, короткий звук пистолетного выстрела.

Послышалось три шлепка в воду.

Когда Колосов вынырнул, миноносец был уже далеко впереди, темным силуэтом вырисовываясь на фоне звездного неба. Фыркая, к Борису подплыли Алексев и Марков. Аджаяев не было.

Друзья молча внимательно наблюдали за поверхностью моря, покрытой рябью. Каждый из них втайне надеялся, что вот-вот покажется из воды голова Салиха. Но, увы, надежды их оказались тщетны.

Первый прервал молчание Колосов.

— Кто стрелял? — спросил он.

— Выстрел раздался с кормового мостика. Там спит главный боцман.

— А я ведь и забыл про него, — виновато произнес Марков. — Это такая шукура, что ради своего боцманского чина он готов родного отца в ложке утопить.

— Наш план, наверно, открыт, — высказал предположение Алексеев.

— Без сомнения, первым долгом они бросятся к крюйт-камере...

Гу-гу-гу-у... Как бы опровергая их слова, раздался ужасающий взрыв. К небу взлетел высокий столб воды. Гигантский сноп огня, точно молния, прорезал полумрак южного утра, исчезая в пространстве.

«Громобоя» не стало. Лишь плавно набегавшие волны возвещали о его гибели и, как бы радуясь, с тихим, ласкающим рокотом набегали на прибрежные скалы...

ГЛАВА II.

В горы

Салих Аджаев, слушатель третьего курса Морского политического училища, был уроженцем нагорного Кавказа. В его жилах текла буйная кровь природного черкеса. Орлиный нос, бронзовый цвет лица и большие карие, сверкающие хитрым огоньком глаза говорили даже в краснофлотской форме о его принадлежности к кавказской расе.

Еще малышом Аджаев убежал от родителей, спустился с гор в город. Ему стало тесно жить в тисках гор, скучно бродить по диким склонам и пасти овец своего отца. Он искал чего-то нового, чудесного, как в сказках старой Фатимы. И часто, когда лежал Салих на зеленой вершине горы, плавающей в облаках, он с жадностью глядел вдаль, туда, где на солнце сверкала голубая полоска моря. В своих долгих скитаниях по вершинам гор он полюбил эту еле заметную синеву горизонта. Он мечтал о море.

Громадным напряжением сил, долгой упорной борьбой с жизненными невзгодами Салих неясную мечту претворил в действительность. Теперь он моряк.

Аджаев сидел на скамейке в тенистой аллее эссендукского парка и с улыбкой наблюдал за группой рабочих, одетых в санаторные халаты, пьющих минеральную воду из источника.

В его сознании невольно всплыла яркая картина прошлого.

Лет десять назад он впервые попал в этот самый город. Был праздничный день. Он, оборванный, голодный, бродил по улицам. Солнце нещадно палило, накаливая мостовые. До горечи хотелось пить. Воды не было. На его жалобные просьбы: «дайте воды!..» горожане только брезгливо пожимали плечами и проходили молча. Так добрел он до парка. О, радость! Там, за высокой железной решеткой, кверху вздымались целые фонтаны воды. Их серебристые струйки удесятирили жажду Салиха. Недолго думая, он с обезьяньей ловкостью перемахнул через решетку. Но не успел он сделать десяти шагов, как на него вихрем налетел здоровый мужчина и потащил к воротам. Награждая его тумаками, мужчина приговаривал:

— Куда, татарская образина, суешь свой грязный нос? Не для вас устроен сад. Пошел вон!

С этими словами он швырнул его за решетку.

Вспомнил Аджаяев, как стоял он там за решеткой и горько плакал. А по этим аллеям ползали толстые, расфуфыренные дамы. Группа детей, одетых в короткие плюшевые штанишки, весело играла на площадке.

«Почему же меня не пускают туда? Чем я хуже их? — с горечью думал Салих. — Разве я виноват, что у меня штаны разорваны?»

Так впервые Салих Аджаяев познал людскую несправедливость. Так впервые в его юную душу запало зерно ненависти к жирным, разодетым людям.

Долгие годы скитаний не открыли ему того чудного, загадочного мира, который скрывался в сказках старой Фатимы. Но зато первое зерно ненависти к толстопузым людям созрело и выросло в стройное, глубокое познание жизни и необходимости борьбы с врагами трудящихся.

Аджаяев собирался уже уходить, когда к нему неожиданно подбежал молодой студент и воскликнул:

— Дружище!.. Сколько лет, сколько зим!.. Каким ветром занесло?

Салих, оторопелый, стоял, не зная, что делать, и с удивлением глядел на незнакомца.

Но тот, не замечая его смущения, продолжал:

— Неужели забыл? Старого морячка забыл?

— Товарищ, вы, наверное, обознались!

— Ну, как — обознался! — с обидой в голосе воскликнул студент. — Салиха Аджаева не узнать! Да я тебя за тысячу километров в целом полчище горцев узнаю. А ты вот, ты и забыл. Какие знаменательные делишки мы с тобой протяпывали, — и забыл! — укоряюще закончил студент.

— Что за чертовщина, не знаю я вас, товарищ! — рассердился Салих, собираясь уходить.

— А «Громобой» забыл? А Колосова не помнишь?

При слове «Громобой» Аджаев подскочил, как ужаленный.

— Борис Колосов! — вскрикнул он, неистово потрясая руку.

Они присели на скамейку.

— Мы, грешным делом, считали тебя погибшим на «Громобое». «Вы жертвою пали» спели над твоим воображаемым прахом, — шутя, сказал Колосов.

— Немного дело не дошло до этого. Пуля попала в левое плечо, парализовала руку. К счастью, рана оказалась неопасной. Только от толчка я зацепился за поручни и выронил спасательный круг, без него прыгать с раненой рукой не решился. Ко мне подбежал стрелявший боцман Левтонов. Я притворился мертвым.

Только за несколько секунд до взрыва, когда боцман убежал подымать тревогу, мне удалось броситься за борт. Миноносец успел отойти на приличное расстояние. Все же это не обошлось для меня даром: месяца три я совершенно ничего не слышал. Но теперь, как видишь, здоров. Учусь.

— Давно в Ессентуках?

— Только вчера вступил на эту обетованную землю после трехдневного плавания.

— Кишки подремонтировать приехал?

— О, нет. Здоров, как турбины линкора. Получил два месяца отпуска, еду родные места посмотреть. Здесь проездом. А ты где обрел свой удел? Тоже долбишь скалы науки? — закончил Аджаев, глядя на студенческую фуражку Бориса.

— Да, браток, моя утлая ладя после сильных жизненных штормов пристала к тихим берегам Московского горного института. Воспользовался каникулами, приехал омолодить свою утлую ладю. Да заодно эти знаменательные места посмотреть. Они стоят того, чтобы их посмотреть. Чудесный край этот

Кавказ. И, к тому же, наказ имею. Заезжал домой, отец мой, крестьянин Тамбовской губернии, говорит мне: «Поезжай, сынок, попей целебной водицы да узнай, кто там лечится, на этих самых курортах. Ведь за них ты страдал, за них погиб в том краю твой старший брат Павел, а теперь, может быть, опять понаехали туда толстопузые, а наш брат, рабочий да крестьянин, шатается по задворкам. Доподлинно узнай. Не доверяйся одежонке. Буржуи — народ хитрый, у... какой хитрый! Он тебе нищим нарядится, а пролезет куда нужно. Ты, сынок, присмотришься да побеседуй. У нашего брата язык, что крылья у ветряной мельницы, — сразу узнаешь. Разузнай все, и ежели там всякой швали набилось — черкани сюда, а мы уж тут раскопаем, в волисполкоме наш мужик сидит, Гаврила Климов. А ежели што, так мы прямо к Михал Ванычу в Москву письмишко закатим. Чай, тоже мужик, поймет». Чудак старикашка! — кончил Борис.

Наступило минутное молчание.

Потом Салих задумчиво проговорил:

— Смотрел я вон на тех рабочих, которые пьют воду у источника, и вспомнилась мне картинка прошлого, свидетелем которой я был. Сравнивая, что было раньше и что теперь, невольно поражаешься, какие колоссальные завоевания сделал рабочий класс в Октябре...

— Фи...и... — весело засвистав, прервал его Колосов. — Старо, братишка, старо! Сейчас не время воспевать завоевания рабочего класса, а нужно их использовать.

— Воспевание есть могучий стимул к дальнейшей борьбе, а что впереди нам предстоит борьба, ты, конечно, отрицать не будешь, — ответил Аджаяев.

— Пускай воспевают поэты в своих лирических одах. Мы же люди практического дела. Наша задача — реализовать завоевания. Помни, что каждый с толком использованный стакан нарзана помогает нам строить социализм. У нас далеко еще не все используется с толком. Взять, к примеру, вот этот минеральный источник. Его дебит двести сорок ведер в час, значит, в сутки — пять с половиной тысяч, а в год этот источник выбрасывает более двух миллионов ведер.

Аджаяев заинтересовали математические вычисления друга.

Колосов продолжал:

— В один день к нему подходят около трехсот страдающих, которые поглощают до пятидесяти ведер воды. В год из этого источника через желудки людей пройдет приблизительно сорок-пятьдесят тысяч ведер, считая и выпитую из бутылок воду. А где остальные тысячи и миллионы тонн минеральной воды? Где целые реки нарзана, баталинской? Уходят туда, откуда вышли. Уходят неиспользованные. Десятки, сотни миллионов ведер этой драгоценности, живительной влаги, поистине эликсира жизни, навсегда потеряны для человечества. А между тем, многие тысячи рабочих и крестьян с завистью смотрят на выставленные в витринах магазинов бутылки с надписью «нарзан». Использовать дары природы, использовать на все сто процентов — вот в чем соль нашей эпохи. Вот одна из задач строительства социализма.

Наши философски настроенные друзья так увлеклись спором, что не заметили, как ночь окутала парк своим темным покровом.

Вспыхнуло электричество. Испуганные тени прятались в густую листву липовых аллей. На эстраде заиграл оркестр.

— Э, брат, да уж вечер! — спохватился Аджаев. — Время сниматься с якоря.

— Только восемь часов. Куда спешишь, свидание назначил, что ли? Идем к эстраде! — предложил Борис.

— Не могу. Мне нужно идти. Завтра с рассветом уезжаю в горы. Необходимо кое-кого повидать.

— Уезжаешь в горы?

— Да, в Чегем-Баши. Правда, этот аул, где я провел свое раннее детство, беден, но зато какой воздух, какая природа!

Салих восторженно продекламировал:

*Спеша на север издалека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж Востока,
Привез я — странник — свой поклон.
Чалмою белую от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека.
Твой гордый вид не возмутит.*

Закончив, он неожиданно предложил Колосову:

— Знаешь, Борис, поедem со мной.

— С тобой? В горы?

— Ну, конечно, в горы, в аул. Чему ты так удивляешься?

— Вот чудак. Ну, что же я там буду делать? Твои белоснежные вершины считать, что ли? Так они уже давно пересчитаны более умными людьми. К тому же я ни слова, ни звука не знаю по-горски.

— О, на этот счет не беспокойся. Царь-батюшка позаботился об этом. Почти все черкесы говорят на русском языке, хотя и плохо. Правда, исключение составляют женщины — они поголовно не знают русского языка, — но ведь ты, надеюсь, не собираешься в любовные романы влипать. Нечего делать! Да для культурного человека, особенно партийца, работы на два века хватит. Проездом я был в Ростове. Забегал в Юго-восточное бюро ЦК ВЛКСМ. Секция нацменьшинств, узнав, что я еду в медвежий угол, надавала мне столько заданий, что, наверное, моим внукам и правнукам их не выполнить. Если ты хоть сколько-нибудь сознательный партиец, ты безусловно должен помочь мне. Наконец, я гарантирую тебе месяц спокойного, прекрасного отдыха и лечения горным воздухом, какого ты, конечно, не найдешь ни в одной санатории курорта. Ежедневно здоровые, разнообразные развлечения...

— Джигитовка на коне, лазанье по диким скалам. Благодаря покорно, последние брюки, сохранившиеся со времен военного коммунизма, не хочу оставить где-нибудь на кустике, — в тон, шутливо перебил его Борис.

Но Салих как бы не слышал, продолжая перечислять:

— ...экскурсии, кумыс, кефир, разнообразные вина и вообще масса других прелестей.

— Эх, уж эти мне политики, вечно на чувствах да на сознательности играют, — добродушно улыбнулся Колосов, хлопывая по плечу Салиха.

— Так, значит, согласен? Едешь со мной? — обрадовался Аджаяев.

Колосов задумчиво посмотрел вдаль, туда, где сквозь листву аллеи серебрилась седая голова Эльбруса, облитая матовым светом.

— О среброкудрые великаны Эльбрус, Казбек и вы, их младшие братья! — произнес он с шутливым, напыщенным

пафосом, протягивая руку вперед. — Я еду к вам, чтобы рассеять непроглядный мрак, царящий в аулах ваших долин. Я клянусь положить все силы на борьбу с вековым невежеством ваших горных сынов — черкесов, невежеством, покровителем которого были недоступные грани ваших хребтов.

— Вот это уж совсем в лермонтовском стиле! — расхохотался Салих.

Крепким рукопожатием они заключили новый союз.

ГЛАВА III.

Чегем-Баши

У самого гребня Кавказского хребта приютился маленький черкесский аул Чегем-Баши. Как будто со дна глубокого колодца, судорожно подымался он вверх, стиснутый моонными объятиями гор.

Сакли, нагроможденные друг на друга, расположились амфитеатром. Издали они производили впечатление гигантской лестницы,

Издавна Чегем-Баши жил своей особой, замкнутой жизнью. Один раз в год, летом, в аул заезжал исправник с десятком вооруженных казаков для сбора налога. Аул заранее готовился к этому моменту. Старшина аула, старый мурза Аслан-Бек, ежегодно, к приезду гостей, белил свою саклю, расчищал двор от навоза, накопившегося за зиму, и своей сверхраспорядительностью заставлял горцев исправлять мост через теснину Суган.

Зажиточные горцы обычно резали баранов, запасались свежим чихирем, а бедные, которым нечем было платить налоги, вопреки всем ухищрениям Аслан-Бека, уходили в горы, оставляя на растерзание казакам голые стены убогих саклей.

Но как только исправник с нагруженными арбами скрывался за поворотом дороги, жизнь аула входила в свое повседневное, монотонное русло.

С ветхого, облупленного минарета, походившего на покосившийся стог сена, пять раз в день раздавались жалобные завывания муэдзина, призывавшего правоверных отдать день Аллаху.

Скучно и бесцельно текла жизнь Чегем-Баши. Даже волны разбушевавшейся революционной стихии, не признававшие никаких преград, едва-едва докатывались сюда.

Вернее, в этот колодец попадали только грязные брызги этих волн, которые разбивались о недоступные отроги горных хребтов.

Изредка всадники в бурках, из-под которых порой сверкали погоны, в мохнатых черных папах, проникали сюда, в трещину горного колодца-ущелье.

Вихрем проносились они по узким переулкам аула, стреляя в воздух и ругаясь без всякой причины. Потом, когда каждый из них опоражнивал бурдюк с чихирем, они собирали на верхнем отроге, на площадке, всех пожилых горцев и о чем-то говорили. Говорили долго и горячо, потрясая в воздухе оружием и проклиная большевиков.

Такие воинственные собрания кончались обыкновенно тем, что участники их расходились по саклям, доставали старые, кривые дедовские шашки и кремневые ружья, седлали своих маленьких шустрых лошадей и отправлялись в поход.

И вот в темных, прокопченных дымом очага саклях поднимался женский вой. Мать-старушка слезно молила Аллаха пощадить ее любимого сына. Жена, с диким воплем ухватившись за полы черкески, умоляла мужа не покидать родного очага. Отец, убеленный сединой старик, хмуро ворчал из угла:

— Проклятые гяуры, во времена Шамиля воевали с нами, разоряли, жгли наши аулы, убивали жен и детей, а теперь просят помощи, иди клади за них башку.

Вновь сформировавшийся отряд исчезал в страшном Суганском ущелье. Так эта мрачная, зияющая дыра, словно пасть прожорливой акулы, поглощала любимых сыновей, мужей и отцов.

Все реже и реже всадники в мохнатых черных папах появлялись в ауле, становясь с каждым разом свирепей. Как голодные шакалы, рыскали они по саклям. Но на их призыв выходили сторбленные старики, да из дверей саклей градом сыпались проклятья. Только по-прежнему вьюном вился вокруг казаков местный мулла Мустабек. Как и прежде, он с таинственным видом, шепотом информировал усатого есаула о положении в ауле, и в конце совал список особо подозрительных лиц.

Молодые джигиты скрывались от пришельцев, подымались выше в горы, где начиналась серебристая бахрома снегов. Изредка они опускались в Кубанские степи, грабили опустевшие казачьи станицы или соседние аулы, привозили домой добычу. Тогда Чегем-Баши оживал на несколько дней. Резали пригнанный скот, устраивали веселое пиршество. Остальное добро делили поровну. Но дележка скоро кончалась. Джигиты возвращались в горы. Опять аул лихорадочно дремал, напряженно прислушиваясь к шуму в пасти акулы.

Давно уж в ауле не видно было косматых папах, его обитатели несколько успокоились.

Но вот однажды под вечер жители Чегем-Баши были встревожены топотом копыт в ущелье. Они боязливо высовывали головы за двери, с трепетом ожидая появления буйных казаков. Но из ущелья показалась группа вооруженных всадников, человек десять, одетых в странную, невиданную в ауле одежду.

На голове, вместо папахи, у них был причудливый, серый, остроконечный котелок, похожий на островерхую гору Ахтыртау. На нем красовалась красная звезда. Всадники были без бурок.

Но еще больше были поражены черкесы, когда вооруженные верховые, вместо того, чтобы галопировать по аулу и стрелять в воздух, мирно подъехали к крайней, стоящей у дороги, сакле и спешились. Коней, стреножив, они пустили пастись, а сами вошли в саклю.

— Без бурок — значит, не казаки, — решил старик-черкес и поковылял к крайней сакле.

Кавалеристы вошли в саклю к старому черкесу Асабаеву. В сакле поднялся переполох.

Шустрая, черноглазая Джанет, только что наблюдавшая в окно за кавалеристами, быстро сорвалась с места и скрылась в угол за ширму. Старуха, сидевшая у единственного окна, тоже поспешно убралась.

Сам Асабаев суетливо, в десятый раз, без толку передвигал две хромоногих скамейки и принимался стирать с них пыль. Наконец, убрав скамейки, он достал из угла аккуратно свернутый ковер, разостлал его на полу и пригласил гостей.

— Садысь, кунак, — приветливо усаживал он их. — Мой долго ждал болшевик. Ой, как долго! Вся аул ждал болшевик.

Казак на конях скакал наш аул, стрелял в воздух и забирал все наши джигит.

Старуха принесла свежеиспеченные лаваш и большую деревянную чашку кислого молока.

Вест о приезде большевиков быстро разнеслась по аулу.

Пока гости с аппетитом уплетали вкусно пахнувшие лепешки, в саклю собрались почти все взрослые обитатели Чегем-Баши, за стеной шумела детвора, с трудом пробираясь к окну, чтобы хоть одним глазком взглянуть на ужасных большевиков, которыми их вчера пугали бабушки, укладывая спать.

— А где же ваши молодые джигиты? — спросил начальник конного разезда, поднимаясь с ковра и весело окидывая взором старую гвардию, собравшуюся здесь.

— Все наш джигит увел казак, а молодой джигит скрывался от казак и уехал туда на гора, — махнул рукой седовласый старик, указывая на горы.

— А молодухи что же не кажут глаз? — добавил молодой красноармеец, поглядывая за печку, куда скрылась Джанет.

— О, молодой девушка нельзя смотреть, наш адат не велит.

Долго еще буденновцы расспрашивали о жите-бытье бедных горцев, и, наконец, уезжая, начальник разезда сказал:

— Ну, теперь не бойтесь, казаков больше не будет. Передайте своим молодым джигитам, чтобы они спокойно возвращались в аул.

Чегем-Баши облегченно вздохнул. Стал оправляться, словно больной после очень тяжелой болезни. Молодые джигиты вернулись к своим саклям и снова принялись за хозяйство.

Постепенно, тайком возвращались черкесы, уехавшие с казаками. Одни из них ходили на костылях, у других сиротливо болтался пустой рукав черкески, и почти все они были перевязаны.

Вскоре из города приехали большевики для организации власти и собрали всех жителей на той же площадке, куда так недавно их сгоняли казаки.

На собрании приезжие говорили долго и горячо. Правда, черкесы понимали немного, но они остались довольны уже тем, что «большой человек» не потрясает оружием и не зовет их на войну.

Молодежь энергично взялась за дело. Быстро организовали совет. Председателем избрали Гомида Маметова, руководившего молодыми джигитами в горах.

— У нас теперь свой «Большой человек» есть! — говорили шутливо молодые джигиты.

Прошло несколько лет. Гомид бесценно председательствовал в совете, прекрасно справляясь со своей ролью. Он пользовался заслуженным авторитетом. Это он организовал кооперативную лавку в ауле — «Продай-саклю», как здесь ее называли. Это он зажег керосиновые лампы в саклях бедных черкесов, где столетиями коптил каганец.

По его инициативе была выстроена новая, большая сакля под школу, которая служила одновременно и клубом.

Даже старики-черкесы, которые привыкли видеть атамана человека, убеленного сединой мудрости, прониклись уважением к молодому, энергичному и распорядительному председателю.

ГЛАВА IV.

В ауле

Внизу, раскинувшись на склоне горы подобно гигантской черепахе, сверкая чешуей желтых глиняных крыш, дремал на солнце Чегем-Баши.

Полуденное солнце, лившее непрерывные потоки раскаленных лучей, загнало всех обитателей горного колодца в прохладные сакли.

В ауле царила тишина. Но вот вдали, со стороны ущелья, послышался приближающийся скрип. Тихим журчащим потоком полились звуки заунывной горской песни.

Громыкая по ухабистой дороге, со стороны ущелья, показалась двухколесная арба, запряженная парой коротконогих буйволов.

Аул зашевелился. Обитатели высыпали на крыши и с нетерпением ждали приближения арбы. Слишком уж редко просачивались в этот колодец отзвуки жизни, и черкесы рады были появлению каждого горожанина. Особенно торжественную встречу они устраивали городскому кооператору, который регулярно раз в месяц привозил товар в их «Продай-саклю».

Но сейчас они были разочарованы: в подъезжавшей арбе сидело два незнакомых молодых человека, одетых в черное.

Арба остановилась у сакли, где помещался аульский совет.

— Ну-с, приехали, Борис Георгиевич! — сказал Аджаяв, прыгивая с двухколесного экипажа.

Колосов продолжал сидеть, устремив взгляд куда-то вправо.

— Да вылезай же ты, математическая башка! — шутливо крикнул на него Салих. — Довольно тебе подсчитывать кубические объемы гор, ведь не думаешь же ты их использовать для строительства соцбазы в нашей стране?

— Почем знать, быть может, и да, — задумчиво проговорил Колосов, выбираясь из арбы. — Но меня сейчас заинтересовало поразительное сходство вот той горы с буденновкой.

— Это, браток, только начало, еще насмотришься на всякого рода горы.

Они собрали свои скудные пожитки и направились в совет. Сакля, такая же невзрачная на вид, выложенная из серых камней, облупившаяся за зиму, как и все окружающие.

Вошли. В сакле полумрак. В заднем углу, как раз над отверстием в крыше, служившим когда-то трубой для выхода дыма из очага, стоял большой стол, покрытый ковром. Повыше стола, на стене висел портрет Ильича. Другая стена была сплошь залеплена плакатами.

Из-за стола встал и, приветливо улыбаясь, встретил их молодой горец. На нем был темный бешмет, обшитый позолоченным гарусом. На поясе висел сверкавший серебристой отделкой неразлучный спутник джигита — кинжал.

— Наконец-то можно спокойно отдать якорь, — свободно вздыхая, проговорил Салих, ставя чемодан в угол.

— Надеюсь, мы видим перед собой самого большого человека в ауле? — в тон Аджаяву спросил Колосов, обращаясь к горцу.

— Если не самый большой, то уж самый важный, — это несомненно. Кто же может быть в ауле важнее председателя совета? — также полушутя ответил горец, пожимая руки приветливо. — Садитесь, пожалуйста! — добавил он, указывая на длинную скамейку, стоявшую у стены с плакатами.

— Вот и прекрасно, товарищ председатель, нам как раз нужно было с вами кой о чем покаять. Да, между прочим,

— спохватился Аджаяев, — вам, товарищ председатель, как представителю власти, конечно, небезынтересно будет знать, что мы за люди.

— Да, конечно. Язык свободней болтается, когда знаешь, с кем имеешь дело.

— Салих Аджаяев, слушатель Морского училища, бывший житель аула Чегем-Баши, и Борис Колосов, студент Московского горного института, — с напускной важностью отрекомендовался Салих.

— Салих Аджаяев? — с изумлением переспросил Гомид Маметов, вглядываясь в него. — Не тот ли Аджаяев, который еще мальчуганом пропал без вести?

— Он самый. Только я не пропадал, а просто сбежал от родительского гнета, — засмеялся Салих. — Теперь приехал родные места посмотреть. Человек — не бродячее животное: где родился, туда и тянет его. Кроме того, в крайкоме ВЛКСМ прямо вопят о том, что здесь работа на мертвом якорю стоит. Думаем, что пара голов принесет вам какую-либо пользу...

— О работе не беспокойтесь, — перебил его Гомид, — нагрузим, как хороших буйволов, только тащите. Да мы заговорились, я и забыл, что вы с дороги. Наверно, проголодались. Пойдемте ко мне в саклю, — пригласил их председатель.

Скоро наши друзья, подражая туземному обычаю, сидели на ковре, поджав ноги, и с аппетитом уплетали лаваш с айраном.

Не успели они уничтожить и по паре лавашей, как на дворе раздался стук лошадиных копыт, и затем в саклю вошел старичок-горец.

— Это мой отец, — сказал им Гомид. Потом, обращаясь к нему, он на черкесском наречии начал ему что-то объяснять.

Выслушав сына, горец, обращаясь к гостям, заговорил на ломаном русском языке:

— Мой всехта рат принять торохой гость. Мой сакля — ваш сакля. Мой болшевик всехта любил, ой, как любил. Наш аул вся болшевик. Мой тоже болшевик, мой сын болшевик, вся Чегем-Балши болшевик. Болшевик корош — он застрелил русский царь. Всем черной бурка с погон долой с наша земля. Мой всехта любил самый главный болшевик—Ленин. Ленин болшой голова был. Вся черкес плакал, когда Ленин не стало.

— Отец, оставь ты товарищей в покое, дай им пообедать,
— перебил трескотню отца Гомид.

Но тот не унимался и продолжал:

— Казак приехал, стырелял и забирал наш джигит. Большевик корош. Большевик «Продай-сакля» устроил. В «Продай-сакля» все есть. Такой машинка тоже в «Продай-сакля» есть. — Он взял небольшую лампу и повертел ее перед глазами обедавших друзей. — Уф, какой большой огонь делает машинка! И мой арба больше не скрипит. «Продай-сакля» помазал колес мой арбе.

Старик весело засмеялся и, похлопав Салиха по плечу, отправился в другую половину сакли.

— Вы не обращайтесь на него внимания, — как бы извиняясь, проговорил Гомид. — Это такой чужак, что при каждой встрече будет вам молоть одно и то же. Старики все такие.

Друзья поселились в отдельной пустующей сакле, недалеко от совета. В этой сакле когда-то жил Ахмет Угасаев, но его, как и многих, поглотила черная пасть ущелья. Жену взял Узбе-ев в свой гарем. С тех пор сакля стала достоянием горных ветров, свободно разгуливавших по ее темным углам.

Приятели быстро привели заброшенную саклю в порядок и придали ей «европейский» вид. Навесили покосившуюся дверь. В углу сакли забили четыре толстых жерди и положили на них тонкую каменную плиту, покрыли ковром — и стол готов. Вместо стульев отрезали несколько толстых чурбанов. В другой половине сакли из сена и хвороста смастерили кровати.

— Это наша спальня, — говорил шутя Колосов, — а там рабочий кабинет и столовая.

— Совсем как номер в Европейской гостинице, — смеялся Салих, отходя к двери и окидывая внутренность сакли взглядом. — Недостает только электричества.

К вечеру на новоселье к ним пришел Гомид.

— Устроились уже? — удивился он, оглядывая чистенькую саклю.

— Мы быстро, по-военному.

— Вот и хорошо. Значит, завтра можете приниматься за работу. Я вам дельце уже подыскал, — обрадовался председатель.

— Но позволь, товарищ, Гомид, дай нам денька два передохнуть после трехдневной тряски в арбе. Работа не медведь, в лес не убежит, — запротестовал Колосов.

— Да, житье в горах — это сплошной отдых, особенно для приезжающих из города. Я знаю, на Теберду люди и приезжают только за тем, чтобы подышать горным воздухом.

— Товарищи, давайте работать, что называется, по-ленински, — вмешался Салих. — В основу положим его лозунг: «Лучше меньше, да лучше». Сначала нужно присмотреться, ознакомиться с ребятами, а потом можно уж и за дело браться.

— Совершенно верно, — поддержал его Борис.

— Ну, ладно, — сдался Гомид. — Вы, ребята, сами поймите, нужно взяться за работу. А вот как раз наши молодые джигиты идут. Начинайте знакомиться, — добавил он, смотря в открытую дверь.

В саклю собралась аульская молодежь, заинтересованная появлением незнакомых людей. Они, по местному обычаю, расселись у стен на устланный травой (за неимением ковров) пол. Некоторые с интересом рассматривали краснофлотский костюм Аджаяева. А один из них, молоденький веселый паренек, подергал за концы ленточки и, улыбаясь, проговорил:

— Ну и чудная шапка у тебя: с хвостиком, как у наших быков.

— И с блестящими буквами, точно вывеска в городской лавке, — добавил другой, по-видимому, бывалый парень.

Видя такой интерес к его загадочной одежде, Салих решил посвятить вечер беседе о флоте. Он уселся в середину и, обращаясь ко всем, спросил:

— Ребята, слыхал ли кто-нибудь из вас о море?

Отозвался тот же бывалый парень.

— Мой отец был на войне, так ездил по морю. Он рассказывал, что море — это такой большой пруд. Если захватить на середину, — берегов не видеть. И дна нет в этом пруде. Люди ездят там в больших железных корытах. Корыто двигает шайтан.

Салих засмеялся.

— Корабли двигает вовсе не шайтан, а паровая машина, — сказал он. — А корабли похожи скорее на огромную плавучую саклю, чем на корыто.

Затем он начал им рассказывать о кораблях, о флоте, посвящать во все тайны моря, в могучую, несокрушимую силу его.

На другой день, несмотря на обещание дать отдых, Гомид пристроил наших друзей «к делу». Колосов согласился заниматься со школьниками старшей группы, которые из-за отсутствия заболевшего учителя уже давно покинули школьную скамью. Хотя он и отговаривался сначала тем, что не имеет педагогических навыков, тем не менее, дела у него пошли успешно. Школьники с большой охотой взялись за учебу.

Салих энергично принялся за организацию молодежи. Решил несколько оживить комсомольскую работу.

Комсомольская организация, по словам Гомида, существовала с 1923 года.

Когда Аджаяев после долгих поисков нашел секретаря комсомольской ячейки, то оказалось, что он не только не знает, сколько у него в ячейке членов, но сам давно потерял союзный билет и считал себя механически выбывшим.

Аджаяеву пришлось начинать все заново.

Имея поручение крайкома, он произвел перерегистрацию членов комсомольской ячейки, созвал организационное собрание, на котором избрали новый президиум.

Салих в своей повседневной работе на каждом шагу сталкивался со знакомыми предметами, напоминавшими ему смутные картины его детской жизни. Каждое знакомое лицо, каждый знакомый уголок подымали в его душе все новые и новые пласты воспоминаний. Но одна мысль, одно желание с каждым днем все громче и громче стучало в его сознании: это — стремление вырваться из аула и подняться туда, на вершину Адит, где родилась и созрела мысль о море. Но неотложные дела приковывали его к аулу.

Как-то однажды выдался свободный денек. Еще с вечера, ложась спать, Салих решил: «Завтра обязательно отправлюсь». С этой мыслью он уснул.

Рано утром, когда темные силуэты гор еще не сбросили ночного покроя, Аджаяев вскочил и поспешно начал собираться в поход. Поднятый им шум разбудил Колосова.

— Эй, Салих, что ты там возишься, точно медведь в берлоге? Да никак ты собираешься куда-то? — продирая заспанные глаза, удивился Борис.

— Да, отправляюсь на охоту.

Аджаеву одному хотелось побродить по знакомым склонам и тропам, и потому он нехотя предложил:

— Быть может, и ты пойдешь со мной?

Колосов подумал.

— Нет, мне некогда. Я бы не прочь полазать по горам, но у меня сегодня занятия в школе, а потом вечер самодеятельности.

— Так-то и лучше, — обрадовался Аджаев. — А то твой математический глаз, увидев зверя, вместо того, чтоб быстрее прицелиться, будет с помощью тригонометрических формул высчитывать расстояние до траектории. Только зверя пугать будешь, — шутил Салих.

— Ладно, ладно, иди, занимайся политикой с пещерными медведями, а я, в свое время, докажу, что стрелок не хуже тебя, — рассердился Борис, закутываясь в одеяло.

Аджаев надел через плечо провизионную сумку и тщательно, как истый охотник, осмотрел двуствольную централку, взятую у Гомида. Потрогал курок, нажал несколько раз спуск и наконец, убедившись, что все в порядке, зарядил.

— Борька, не забудь привлечь всех комсомольцев на вечер самодеятельности, — бросил он своему другу, выходя.

На дворе он кликнул большого черного дворового пса Митю и направился в горы по кривым аульским улицам.

Уже светало, когда наш охотник остановился на вершине первой горы передохнуть. Вершина, проткнув белую пелену облаков, плыла на поверхности белого молочного озера. Кругом плавали такие же синеющие курганы. Но Салиха не интересовала эта группа вершин. Он искал колыбель, где была взлелеяна мысль о таинственной полоске горизонта. Взор его был устремлен на юг. Сквозь прорыв в облаках он наконец увидел то, чего так долго искал.

Эта вершина, походившая на горб астраханского верблюда, господствовала над окружающим миром.

Она, казалось, находится так близко, что, протянув руку, можно коснуться ее зеленеющей плечи.

Но Салих знал, что это только иллюзия. Нужно было добрых десять часов для того, чтобы попасть на вершину Адит.

ГЛАВА V.

Встреча в горах

Солнце уже давно вступило на вторую половину своего дневного пути, когда сильно уставший Салих сделал последний поворот, и по крутой, узкой козьей тропе вступил на гладкую, покрытую ковром зеленой сочной травы вершину Адит.

Непрерывный поток жгучих лучей изливало раскаленное солнце. Но здесь, на высоте четырех тысяч метров, Салих ощущал какую-то холодную, пронизывающую пустоту. Тело приобрело необыкновенную легкость и подвижность. Аджаев запахнул свой бушлат и взобрался на середину круглой макушки горы.

Изумленными глазами бродил Салих вокруг горы и восторженно думал: «Да ведь это совсем другой мир, иная земля, новая планета. Какая дьявольская сила выворотила, ускорила кожу нашей многострадальной планеты, сморщила ее в ряды этих туманно-синих волн?»

Он постоял с минуту, сбросил с себя охотничьи принадлежности и прилег на пушистую травку. Горы взяли его в каменный свой плен незаметно и мощно. Кругом окаменевшее безумие, суровое и торжественное, вздыбленной земли... Тишина, звучащая, как голос тысячелетий.

Ближайшие горы стоят как великаны в серо-зеленых травяных плащах. Круглые складки их лениво и плавно спадают вниз. На востоке непрерывно тянулся горный хребет, словно гигантская пила с ослепительно-белыми зубьями, торчащими вверх. Дальше лезут в небо, точно бастионы и стены какой-то древнейшей крепости.

Небо — ультрамариновое, густое.

Красноватые утесы врезаются в него ярко и сурово. Точно неведомый скульптор начал высекать на них гигантские барельефы, да так и бросил работу незаконченной. Далеко на севере, лукаво извиваясь, вьется петлей дорога, то карабкаясь на кручи, то сползая с откосов и прячась в густых зарослях леса.

Эта картина зачаровала Салиха. Но его взор искал чего-то другого. Далеко-далеко, на, юго-западе, сквозь прозрачное туманное покрывало гор и долин он рассмотрел узкую полосу голубой лазури Черного моря, сливающуюся с таким же горизонтом неба.

Он впился в нее и пожирал глазами. Салих не мечтал, — он знал теперь, что эта полоска не сказочный, спокойный прудик, каким он ее представлял в детстве, а огромное, необъятное море. Он видел, как эта полоска лазури в дни штормов превращалась в бешено кипящий огромный котел с высоко вздымающимися пенистыми волнами. Он знал, что это бушующее море прожорливой пастью своей поглощало сотни людей и много-тонные стальные гиганты кораблей.

И все же Салих любил эту стихию, любил сильнее, чем в детстве. Тогда он любил эту стихию потому, что она казалась ему такой спокойной, ласковой, сказочно-загадочной. А сейчас море привлекало его своей необузданной силой, мощностью, которую он научился укрощать.

Аджаев так увлекся созерцанием чудной панорамы, что не заметил, как солнце скатилось к вершине западного хребта. Налетевший порыв холодного ветра возвратил его к действительности. Он поднялся. На юге из-за горизонта выползли белые, точно хлопья ослепительной ваты, облака. Серебристые вверх, они, чем ближе к горизонту, становились темней и тяжелей. Через несколько минут показались грозовые тучи. Аджаев пристально взглянул на облака, озабоченно покачал головой и, свистнув мирно спавшего пса Митоу, начал спускаться с горы, бормоча под нос:

— Быть урагану сегодня. Нужно спешить.

Спустившись до полугоры, где пышные горные пастбища переходят сначала в редкий, захудалый пихтовый кустарник, а потом в девственные, непроходимые буковые и дубовые леса, Аджаев услышал выстрел.

— Ого-го, это из централки кто-то! — вслух подумал он. — Не иначе, как русский сюда забрался. У черкесов таких ружей не водится.

Он цыкнул на залаявшего Митоу и с любопытством прислушивался; скоро раздался второй выстрел, но уже ближе.

В жилах Салиха текла кровь природного охотника-стрелка.

Еще в детстве он на расстоянии семидесяти шагов одной шрапнелью из старого дедовского шомпольного ружья сваливал на бегу быстроногую дикую козу. Теперь же этим искусством он владел в совершенстве. Он постоял на месте в раздумье, озабоченно взглянул на подвигающуюся с юга темную завесу и, наконец, снял ружье с плеча и решительно направился в сторону, откуда слышались выстрелы. Но не успел он сделать и десяти шагов, как немного повыше, из-за поворота, стрелой выскочила серна. Она большими прыжками взлетала на гору.

Салих обрадовался случаю принести подарок рассердившемуся другу, быстро вскинул ружье и выстрелил. Дикая козочка, сделав по инерции несколько прыжков, грохнулась на землю и покатилась вниз, но, зацепившись за ствол пихты, повисла.

Аджаев послал Митоу принести добычу, а сам принялся заряжать ружье (ведь у истинных охотников ружье должно быть всегда заряжено).

Он, не торопясь, вставил готовые патроны и спокойно принялся рассматривать принесенную собакой серну, как вдруг из-за того же поворота выбежал стрелявший горец-охотник в какой-то странной, смешанной одежде.

Летний красноармейский шлем как-то не гармонировал с серой казачьей черкеской с позолоченными газырями, обшитой гарусом. А огромное, зеленого цвета галифэ, словно навешенные сбоку, набитые мешки, оттопыривало развевающиеся полы черкески. На ногах мелькали мохнатые мокасины.

Он с рассвирепевшим лицом, грозно потрясая ружьем, быстро мчался на Салиха, нещадно ругаясь; при этом бедный лексикон черкесских ругательных слов обильно пересыпал русским трехэтажным матом.

Аджаев, принявший сначала все это за шутку, весело смеялся.

— Совсем как в кинофильме. Уж не закавказский ли ты Фербенкс? А может быть, и вправду тут где-нибудь на скале прилепился всеведущий, вездесущий оператор?

Но когда перед Салихом остановились и впились в него взбешенные, налитые кровью глаза соотечественника, он понял, что дело приняло дурной оборот.

«Этот чудака на самом деле собирается выпустить мне кишки», — мелькнуло в его сознании.

Скрытые где-то в глубине души хищные струнки дикой природы, запластанные многолетними слоями городской культуры, проснулись в нем и, воспламенившись, вылились в свирепом окрике:

— Стой!.. Застрелю!..

Окрик вместе с двумя стволами централки отрезвил и привел в некоторое замешательство горца. Он с разбегу остановился в нескольких шагах от Салиха и, судорожно ухватившись за кинжал, буквально пожирал глазами своего соперника.

Аджаев, тоже не опуская ружья, пристально рассматривал своего рассвирепевшего коллегу-охотника.

Как будто что-то знакомое почудилось ему в этих узких прорезах немного скошенных глаз, в этом искаженном злобой лице и во всей фигуре, скрытой под смешанным костюмом.

Это «что-то» шевельнулось в мозгу Салиха, всплыло и прояснилось. Он весело засмеялся и, опустив ружье, вскричал:

— Ахметка!.. Сучий ты сын. Да какого же ты дьявола рассвирепел? Или тебе жаль стало этой скотинки?

Тот стоял, опешив от такого крутого оборота дела, и, не понимая, что случилось, молчал.

— Да не хлопай ты своими чертячьими баньками. Пошевели мозгами. Неужели, киль тебе в ребра, не помнишь Салиха, товарища по пастушеству?

— Салих! Откуда нечистые духи тебя принесли? С того света свалился, что ли?

Они обменялись дружескими рукопожатиями. Через минуту эти два сына гор сидели и мирно, по-дружески беседовали.

Ахмет Галиев был закадычным другом Аджаяева. Еще в детстве, когда Салих пас двенадцать овец, составлявших всю движимую собственность его отца, они встретились однажды на соседней горе. Правда, Ахмет был из другого аула, но это не помешало им стать закадычными друзьями.

Они сгоняли овец в одно стадо, оставляли собак сторожить их, а сами взбирались на вершину Адит. Они по целым дням

лежали на пушистом травяном ковре и следили, как там, в синей выси, под самым куполом, суеились облака. Одни из них медленно, степенно плыли с юга на север, другие спеша нагоняли их, а третьи шли наперерез их пути. Встречались, смешивались, но через несколько минут снова расходились, продолжая свой воздушный путь.

Пытливый детский ум пастушат пытался проникнуть в тайны небесных сил, которые двигали эти разноцветные громоподобные облака. Они лежали долго философствовали на эту тему. Каждый из них вспоминал и выкладывал все свои знания, полученные от стариков в долгие зимние вечера, когда вокруг сакли бушует снежный ураган. Ахметка знал больше своего друга. У него, кроме седовласого дедушки, жива была прабабушка, прожившая на свете более ста лет. Она была умудрена глубоким жизненным опытом, кроме того, в отношении небесных светил она знала многое, чего другие не видали.

Так от нее юные философы узнали, что звездочки на небе — это свет, проходящий в дырочки неба, и через эти дырочки, если Аллаху угодно, его пророки льют воду на землю.

Вскоре Салих приобрел другого кумира — голубую полоску горизонта, море-пруд, которое стало предметом его мечты.

Хотя его друг Ахметка по-прежнему имел пристрастие к облакам и звездам, тем не менее, они продолжали дружить до тех пор, пока Аджаяев не исчез.

Теперь, через десять с лишним лет, они снова встретились, но уже не чабанами. Один из них был курсантом Тифлисской кавалерийской школы, а Салих, как мы знаем, слушателем Морского политического училища.

Грохнувшая где-то вдали глухим раскатыстым гулом гроза прервала их задумчивую беседу. Аджаяев встал и, смотря на темно-свинцовые облака, сказал:

— Надо идти: надвигается гроза. Опасно оставаться в горах. Ну, а ты, Ахметка, приходи обязательно, я жду тебя.

— Постараюсь вырвать денек, приду.

Они, распрощавшись, поспешно направились каждый своей дорогой. Убитая серна, чуть не ставшая предметом раздора, полурастерзанная Митой, осталась лежать на месте.

Гроза надвигалась быстрее, чем предполагал Салих.

Он только что вышел на проезжую дорогу, идущую по глубокой долине, стиснутой с двух сторон хребтами, которая с востока вела к Клухорскому перевалу, как почти над самой его головой загрохотал гром, сопровождаемый ослепительным блеском молнии.

Нужно было искать убежища. Всякий, кого застанет гроза с ливнем в горах, обречен на неминуемую гибель. Склоны гор превращаются в сплошной поток, бешено несущийся вниз. В долинах образуются бурные кипящие реки, которые сносят все на своем пути.

Аджаев, не раз попадавший в такой ураган, знал, что единственное спасение от воды — это скрытые убежища, пещеры в горах.

Он огляделся. Местность была хорошо знакомая; порога шла по самой низменной части долины, немного дальше впереди упиралась в отрог левого хребта, сворачивала вправо и шла по крутому склону.

Отрог, задерживающий прямой бег горной дороги, представлял собой группу голых, поросших мхом, громадных утесов.

Аджаев ускорил шаг. Он знал, что там найдет дыру, в которой можно будет укрыться от воды.

Первые крупные капли дождя коснулись раскаленных скал тогда, когда он уже свернул с дороги и взбирался, перепрыгивая с камня на камень, вверх на развалины.

Капли, сначала редкие, падали все чаще и чаще, и скоро превратились в сплошные струйки воды, лившие словно через решетчатое небо.

Салих сделал несколько быстрых, больших скачков вверх и очутился под навесом огромной глыбы, нависшей над небольшой, закрытой с двух сторон, площадкой. Он сбросил с себя охотничье снаряжение и, отряхнувшись от воды, стал у края площадки и, точно с веранды, наблюдал развернувшуюся перед ним картину.

Измокший Митоу терся о ноги своего хозяина, радостно визжа, как будто понимая, что он избавился от гораздо большей неприятности.

Аджаев запел:

*Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали;
Уедем, товарищ, далеко,
Подальше от этой земли.*

Вдруг он оборвал свой напев, прислушиваясь. Издали доносился какой-то глухой, неопределенный гул. Этот гул с каждой минутой становился ясней и отчетливей. Салиху хорошо был знаком этот шум. Он знал, что это вновь образовавшийся поток мчится с гор в долину, по которой он только что шел. Этот гул его не беспокоил. Сквозь шум потока он ясно слышал звонкий лязг конских подков о каменную дорогу. Топот лошадиных копыт приближался с низменной части долины, откуда пришел Аджаев, а гул потока доносился с противоположной стороны, куда змеилась дорога, по которой, очевидно, ехали всадники. Ночь быстро окутывала своим мрачным покровом горы. Темнота усиливалась грозовой завесой. Дождь продолжал лить, как сквозь изрешеченное небо. Ураган свирепел с каждой минутой.

«Сейчас налетит горный поток, и в бешеном водовороте своем увлечет лошадей, а с ними и всадников, — мелькнуло у Салиха. — Нет, я должен попытаться во что бы то ни стало спасти их».

В моменты ярких вспышек молнии, прорезывающих сумерки наступающей ночи, он ясно различал в долине светлую ленту извивающейся дороги. Он с напряжением следил за ней.

Вот на ближайшем повороте промелькнуло черное пятно, за ним второе. При ослепительном свете молнии Салих заметил, чтодвигающийся сзади всадник — женщина.

С мокрыми, развевающимися по ветру волосами, с искаженным от страха лицом, она вцепилась в гриву лошади.

Изредка слышались ее испуганные возгласы.

Митоу жалобно завывл.

«Спаси» — просигнализировало сознание Аджаева. Молниеносным движением сбросил он с себя всю лишнюю одежду и окунулся в ночную мглу, в объятия свирепого урагана.

Салих очутился у края дороги как раз в тот момент, когда первый всадник галопом пролетел мимо него.

Аджаев что было силы крикнул: «Стой! Стой!» Но его призывный крик остановиться был заглушен бешеным ревом потока, несущегося навстречу с гор.

Гроза усиливалась. Оглушительный гул, словно грохот сотен тяжелых орудий, гремел почти беспрерывно. Молния каждую секунду прорезала непроглядную тьму.

Салих, крепко ухватившись одной рукой за край скалы, повис на узком карнизе утеса, приготовившись к прыжку.

Впереди мелькнуло что-то черное.

Салих стрелой метнулся на дорогу. Левой — схватил за поводья, а стальные крючья пальцев правой руки впились в нижнюю челюсть лошади. Та сделала еще прыжок, захрапела, остановилась. Взвилась на дыбы. Пальцы еще крепче впились в мягкое тело языка, прижатого к зубам.

Митой с сердитым рычанием ухватился зубами за хвост лошади и, как волчок, кружился вокруг нее. Лошадь рванулась, снова взвилась на дыбы. Салих, не выпуская ее, повис на руках. Ноги по колено болтались в воде. В лицо брызгами летела слюна взбешенной лошади.

Вблизи послышался душу раздирающий крик ужаса.

Леденящая дрожь пронзила Аджаева.

«Погибли!» — блеснула мысль.

Все же он бросил поводья, быстро сорвал точно приросшее к лошади безжизненное тело наездницы и прыгнул на уступ придорожной скалы. Судорожно хватаясь за скользкие, холодные, оголенные скалы, он поспешно карабкался вверх.

Ужасный гул приближался с роковой быстротой. Не успел он сделать и трех прыжков, как на него обрушился огромный кипящий вал потока.

Снизу доносились слабые, удаляющиеся крики, взывающие о помощи.

Аджаев, сопротивляясь бешеному потоку, инстинктивно продолжал взбираться наверх.

Ветер утих. Ливень прошел. Вдали еще слышались глухие раскаты грозы. Изредка прожектором вспыхивала молния. Кругом по склонам струились говорливые ручейки, превра-

щавшиеся внизу в один огромный, злобно воющий горный поток. По небу неслись отдельные клочья грозовых туч. Чистый восточный небосклон начал алеть.

Первым очнулся Аджаяв. Он лежал на краю площадки, над которой повисла огромная глыба скалы, делая ее недоступной для дождя и горных потоков.

Тут же рядом лежала спасенная им всадница. Салих приподнялся на локте и наклонился над ней, стараясь при слабом свете мерцающих звезд рассмотреть черты ее лица.

Она спала, глубоким, спокойным сном. Аджаяв, расдосадованный тем, что мрак мешал ему рассмотреть лицо, по-видимому, молодой наездницы, встал и побрел вглубь своего убежища. Тут царил полнейший мрак. Он долго бродил из угла в угол. В голове роились тысячи мыслей. Вот сейчас ему хотелось разбудить спящую женщину и радостно крикнуть ей: «Вы спасены! Это я вырвал вас из потока» Потом эту мысль вытеснила новая, обрывки воспоминаний минувшей ночи.

Описывая неправильный четырехугольник по краям площадки, Салих вдруг споткнулся. Нагнулся. Нашупал руками золу и кучу кизяков, наверно, собранных сюда каким-нибудь охотником. Тут же валялся разбросанный сухой валежник. Салих нашел свой бушлат. Полазил по карманам, обрадовался: спички остались сухими. Он принялся разводить костер. Скоро веселые красноватые струйки пламени потянулись кверху, распространяя бодрящую теплоту. Он разостлал высохший бушлат у костра, принес и бережно положил на него свою новую спутницу.

Это была молодая девушка, на вид лет восемнадцати. Целые волны черных волос, разбросанных в беспорядке, обрамляли правильный овал лица. Крутой изгиб таких же черных бровей и восточный нос с характерным округлением необычайно гармонировали с правильными, мягкими чертами лица. Простое розовое, в клетку платье плотно облегалo ее стройный стан.

Широкое красное кисейное покрывало, перекинутое через плечи, дополняло этот портрет горянки.

Охотник сидел у костра и, зачарованный, смотрел на нее.

С севера потянуло утренней прохладой. Горянка, продрогшая в своем мокром костюме, проснулась и скорее с удив-

лением, чем со страхом, устремила свои большие, с синеющим отливом глаза на Салиха.

— Вам холодно? — нежно спросил он ее на черкесском наречии.

— Почему я здесь? Кто вы такой? — не отвечая ему, почти крикнула она на чистом русском языке.

— Значит, вы русская? — удивился Салих.

В его голосе прозвучала еле уловимая нотка разочарования. Затем он продолжал непринужденно:

— В таком случае, давайте по-русски поговорим. Вам холодно? Я могу предложить вам свою фланелевую...

— Отвечайте на мои вопросы, — сердито перебила она его на черкесском наречии. — Где я нахожусь?

Аджаев весело рассмеялся.

— Этак мы с вами и до мировой революции не сговоримся. Давайте, милая гражданочка, выберем интернациональный язык, а то придется нам, как Робинзону с Пятницей, объясняться жестами. Вы хорошо говорите по-русски, надеюсь, мы поймем друг друга, если будем говорить на этом языке.

Она улыбнулась.

— Я согласна. Вы простите, пожалуйста, мою вспыльчивость. Я так взволнована. Но что случилось? Я не могу понять, почему я здесь. Какая-то дыра, похожая на пещеру... — При этих словах она оглянулась кругом. — А может быть, даже пещера. Костер. Благородный джигит. Не правда ли, все это похоже на сон или интересный роман? Но что это там шумит? Вода? О, вода! Сколько воды!

Она испуганно ухватила руками за голову и, словно очнувшись от бреда, с плачем закричала:

— А где Сагиб?.. Где мой Орлик?..

— Сагиб? Какой Сагиб?

— Мой старый Сагиб... Мой Орлик...

Салих молчал, как бы к чему-то прислушиваясь.

Внизу по-прежнему ревел поток.

— Где мой милый, славный Орлик? Где Сагиб?.. — умоляюще простирала она к Салиху руки.

— Там! — неопределенно кивнул он головой в сторону долины.

Горянка упала лицом на землю и горько зарыдала.

ГЛАВА VI.

Северные феллахи¹⁾ и Ущелье Дьявола

Шел двенадцатый час, когда Колосов, сидящий за столом перед разложенной географической картой Кавказского хребта, был потревожен приходом Аджаяева.

— Э, братишка, долго ты охотишься? Наверное, на крупную дичь напал? А я уж думал, что тебя медведи задрали, — с дружеской насмешкой встретил его Борис.

— Презанимательную птичку подстрелил я, — совершенно спокойно ответил Салих, раздеваясь и садясь за стол.

— Ну, выкладывай, посмотрим. Я в зоологии кое-что смыслю.

Охотник рассмеялся наивности друга и затем подробно рассказал о своей встрече в горах.

— Ну, а ты чего корпишь над картой? Зачеты по географии готовишь, или отыскиваешь то место, куда забросила нас «злая воля»? Могу указать, — сказал Аджаяев, заканчивая свой рассказ и доедая третий кусок крепкой, как кирпич, брынзы.

— Ни то ни другое. Знаешь, Салих, вчера на вечере самодеятельности было два курьезнейших выступления. Состязались два поколения: старое — шамилевское, и молодое — комсомольское. Вечер открылся в назначенное время, народу привалило уйма. Даже многие старики, которые обыкновенно сидят у своих очагов, и те приковыляли. Сначала записалось пять человек, желающих выступать. Потом еще трое. Последним выступил молодой комсомолец Султанэ. Весельчак, большой балагур, хорошо владеет не только языком, но и мимикой. Он, как настоящий артист, сразу завоевал огромную симпатию со стороны молодежи. Этот комсомолец, как я потом узнал, жил в каком-то городе и учился на рабфаке. Султанэ с большим юмором рассказывал анекдот—пародию на евангельское сказание о сотворении мира, присовокупив, что это в

1) Феллахи — в Египте и Аравии смешанное земледельческое население, говорящее преимущественно на нечистом арабском языке. Легенда рассматривает феллахов как древних предков нынешних племен и народов Кавказа. (Прим. ред.)

такой же мере относится к корану, как и к евангелию. Этот анекдот так раззадорил старое поколение, что когда я, как конферансье, вышел объявить о закрытии вечера, на подмостки взобрались три старика и наперебой просили дать им высказаться. В сакле поднялся невообразимый шум, гвалт. Пожилые требовали дать высказаться, молодежь кричала: «Долой их! На том свете, перед Аллахом выскажутся». Наконец, после долгой канители, решили дать одному, самому старому, высказаться. Старик затянул чубук и, как у своего очага, в долгие зимние вечера, начал медленным, раздельным голосом:

«Дети мои, большинство из вас, сидящих тут — еще безусые джигиты. Вы молоды. Мало живете на этом свете, мало видели, а многие из вас потеряли веру в Аллаха. Никто из вас, наверное, не знает великих божественных слов, первой молитвы Корана».

Он, в экстазе, нараспев прочел:

*Слава Аллаху, Господу миров,
Милостивому, милосердному,
Владыке судного дня.
Тебе поклоняемся и тебя призываем на помощь;
Наставь нас на истинный путь,
На путь тех, на ком нет гнева твоего
И кто не заблуждается.*

Молодежь снова заволновалась, послышались возгласы: «Долой его! Довольно проповедей! Молитвы мы каждый день дома слышим».

Но старик, не смущаясь, продолжал:

«Все потерявшие веру в Аллаха будут так же жестоко наказаны, как и их предки, северные феллахи, в древности.

Это было давно-давно, когда земли правоверных простирались до берегов Широкой реки, а с востока и запада их ограничивали моря. Правоверные мусульмане жили единой семьей. Не было разделения на черкесов и чеченцев, не было ни кабардинцев, ни ингушей, ни аджарцев. Был один великий народ — северные феллахи. Богато и счастливо жили феллахи. Занимались они возделыванием земли, разведением скота. На их обширных, беспредельных полях круглый год, как камыши, шу-

мела пшеница. В долинах и степях, где трава возвышалась в человеческий рост, паслись бесчисленные табуны лошадей и стада овец.

Каждый год из далеких восточных стран приезжали к феллахам богатые купцы на больших многовесельных лодках, нагруженных коврами, оружием и другими драгоценностями. Все это обменивали на пшеницу и снова уезжали.

Изредка северные феллахи, для того чтобы предохранить свою землю от нашествия гяуров, делали набеги на их селения, сжигали их, а гяуров брали в плен.

Цвела земля феллахов. Прославляли Аллаха правочерные.

Захотелось однажды Аллаху испытать крепость веры феллахов. Послал он на землю великую засуху. Снег на горах растаял. Реки пересохла, цветущие поля выгорели и превратились в сплошные пожарища. Скот падал от голода и жажды. Люди ели разлагающееся мясо животных, а жажду утоляли кровью. Они дикими шакалами бродили по стране. Великий ужас объял всех правочерных. Тогда появился лжепророк, назвавший себя посланником Великого Духа жизни.

Лжепророк ходил из аула в аул, поносил аллаха и его деяния. Он указывал на сожженные поля, трупы и говорил:

— О коварный Аллах! Сотни лет ты жестоко обманывал бедных людей. Твоим именем клялись, тебе поклонялись и молились, но ты так же бессилён прекратить теперь засуху, как труп этой лошади — ожить и заговорить человеческим языком. Ты велик и могуч только в сравнении с беззубой ящерицей. Но ты сам кажешься ничтожной, гадкой лягушкой в сравнении с пославшим меня Великим Духом жизни.

И потом, обращаясь к феллахам, говорил:

— Вы своими руками построили эти мечети. Это ваше богатство. Берите их и уходите на Восток, ибо тут навсегда воцарилась засуха. Спасется только тот, кто покинет этот край и примет веру Великого Духа Жизни.

Лжепророк творил чудеса. Он находил в земле воду там, где феллахи безрезультатно рыли глубокие колодцы. Камни превращал в хлеб. Его проповедь увлекала мусульман, изнуренных долгими страданиями. Они разъяренными толпами нападали на мечети, убивали служителей, разрушали их и предавали огню.

Разгневался Аллах и великое бедствие послал на нарушителей веры ислама.

В одно утро вставшие от сна феллахи заговорили на разных языках. Родители не понимали детей, а дети — родителей. Когда жена иссохшими губами просила достать каплю крови для утоления жажды, муж в испуге убежал, думая, что жена сошла с ума.

Смятение воцарилось среди феллахов. Они в страхе бежали друг от друга в горы, в камыши, в леса.

Так великая нация северных феллахов распалась на сотни маленьких народов, говорящих на разных языках.

С тех пор бедствия не покидали правоверных.

Лжепророк жестоко был наказан: Аллах воплотил его в образе дьявола и изгнал в горы, в дикое ущелье.

Аллах сказал ему:

— Ты будешь страдать тут до тех пор, пока горы не сравняются с землей, а правоверные не заговорят на одном языке. Твоей пищей будет пепел грешников.

Дьявол сделался злейшим врагом людей. С тех пор как ущелье стало его обиталищем и обиталищем злых духов, ни один человек, попавший туда, не возвращается. В ущелье горит вечный огонь из грешников. Всякий, кто осмелится переступить черту, нанесенную Аллахом, неизбежно попадет в лапы дьявола и угодит в костер грешников.

Ущелье Дьявола находится далеко отсюда, в той стороне, куда уходит солнце на ночь. Пускай всякий, кто усомнился в словах моих, пойдет в Ущелье Дьявола и проверит. Да хранит вас великий Аллах от такого поступка», — закончил старик и при глубоком молчании присутствующих торжественно сошел с подмостков и вышел из сакли.

— А что ты на это скажешь, дружище? — спросил Колосов.

— Вся эта белиберда знакома мне с детства. Помню, давно еще, когда я был мальчиком, рассказывали нам разные легенды. Особенно ярко врезалась в память эта — про Ущелье Дьявола. Все мы верили в существование злых духов и дьяволов, а потому эта легенда производила на нас жуткое впечатление. Но теперь, конечно, я не верю в эту чертовщину.

— Дело вовсе не в том, веришь ты или нет. Важно установить факт существования...

— Дьявола? — со смехом перебил его Салих. — Уж не поверил ли ты этой вздорной сказке и не вздумал ли искать на карте логовище дьявола?

— Хотя бы и так, — спокойно ответил Борис.

Аджаев покатился со смеху.

— Уверяю тебя, Борька, что место еще не занесено на карту. Географы заняты отыскиванием...

— Да подожди ты смеяться, мачта стоеросовая. Выслушай до конца.

— Ну, вываливай из своего трюма всю грязь, которая накопилась за эти два дня. Бедная голова, как она только выдержала! Наверное, все синусы и косинусы вылетели оттуда, — издевался Салих.

Но Колосов оставался невозмутимым.

— Ты ведь прекрасно знаешь поговорку: «Нет дыма без огня».

— Устарела. Мы дымовые завесы пускаем из баллонов, где никакого огня и в помине нет, — не вытерпел Салих.

— В таком случае, ты не будешь оспаривать положения: «Нет действия без причины»; хотя эти причины в большинстве случаев остаются скрыты от нас. Когда я стал делиться впечатлениями с Гомидом и другими ребятами, не признающими никаких джинов, они не только не рассеяли этот дымок, а, наоборот, сгустили его. Значит, причина, в данном случае — Ущелье Дьявола, существует.

— Но почему ты не можешь предположить, что причиной в данном случае является не Ущелье Дьявола, а, скажем, может быть, когда-нибудь существовавший народ — северные феллахи? — упорствовал Аджаев. — Что тебе сказал Гомид?

— Когда все разошлись и в сакле остались только мы с Гомидом, я сказал; «Ну, и ахинею пер этот старик! Я раскаиваюсь, что мы дали ему высказаться».

Гомид неодобрительно промычал что-то.

— Разве ты веришь этой легенде? — спросил я.

— Начало, где говорится о феллах, голоде, лжепророке и прочем, конечно, миф. А вот конец... — он задумался.

— Что конец? — спросил я.

— Тут есть что-то правдоподобное. Я знаю два случая, которые как бы подтверждают конец легенды.

— А что именно?

— Подтверждают существование такого таинственного ущелья, откуда никто еще не возвращался живым.

— Это интересно. Расскажи, пожалуйста! — заинтересовался я.

— Первый случай произошел в начале 1920 года, когда я со своими товарищами, молодыми джигитами, скитался по горам. В то время я командовал небольшим отрядом, который назывался: «Стая красных орлят». Правда, наш отряд, плохо вооруженный, почти никогда открыто не нападал на белых. Мы, главным образом, боролись с налетами казаков на наши аулы, действовали сверху со скал, засадами. Держали связь с красными. Однажды мы получили приказ из штаба зеленых войск задержать отступление белых по Клухорскому перевалу. Мы стояли лагерем в одной из долин Среднего хребта. Для выполнения этого приказа необходимо было послать двух человек к Клухорскому перевалу для взрыва моста через теснину Волчий Ров. Ближайший путь лежал через место, носящее название «Ущелье Дьявола». Оно издавна пользуется среди горцев дурной славой. Мои молодцы тоже верили во всякую чертовщину. Никто не решался пройти через логовище Дьявола. А обходить — значит упустить момент, дать белым уйти. Бросили жребий, жребий пал на долю двух парней из соседнего аула. Те уехали и — как в воду канули: ни слуху, ни духу до сих пор.

— Но, может быть, их белые убили на перевале? — высказал я предположение.

— Нет, мост был не взорван. Через три дня мы обыскали весь перевал и нигде их следов не нашли.

— В таком случае, они были взяты в плен, — не сдавался я.

— Белые наших вообще не брали в плен, а тем более, на этом перевале, где впору самим пробираться.

— Все же это недостаточно убедительно. Ну, а второй случай?

— Второй произошел вскоре после того. Однажды вечером, когда мы сидели у костра, ребята разговорились о разных приключениях из своей жизни. Сюда, конечно, были замешаны шайтаны, джины, добрые духи и прочие неземные существа, творящие чудеса. Один паренек из Малой Кабарды, — звали,

кажется, его Мамет — сидел поодаль и не принимал участия в разговорах. Потом возьми да и бухни: «Я не признаю ни чертей, ни джинов, не верю в существование добрых духов и пойду куда угодно!» Ребята начали подтрунивать над ним. Дело дошло до спора. Мамет взялся побывать в «Ущелье Дьявола» с условием, что его одноаулец Агамалы-Оглы уступит ему свою невесту по возвращению в родной аул. Тот согласился. Снарядили двух проводников, которые обязаны были довести его до ущелья и там подождать его возвращения. На другой день утром они ушли...

— Ну, и что же? — спросил я, не вытерпев.

— Через двое суток проводники возвратились без Мамета.

— Рассказывали они что-нибудь?

— Очень мало. Довели они его до ближайшей к ущелью горы, откуда был виден весь его путь. Вдали виднелось мрачное ущелье, загроможденное скалами; один вид ущелья приводил в содрогание даже привычного к горам человека. Пробовали отговорить Мамета, обещали ему соврать, что Мамет в ущелье побывал. Но Мамет был непреклонен. Распрощавшись с проводниками, он направился к ущелью и больше не вернулся. Безрезультатно прождав его полные сутки, проводники вернулись в лагерь.

— Видели они там что-нибудь ночью?

— Да, они рассказывали о каких-то синих блуждающих огоньках, о страшных воплях, доносящихся из ущелья. Но я не придаю этому никакого значения — махнул рукой Гомид, окончив.

Колосов умолк и задумался.

— Не думаешь ли ты, Борька, последовать примеру сумасбродного Мамета? — спросил его Салих.

— Весь этот дым, пушенный стариком и сгущенный Гомидом до плотности дымовой завесы, настолько заинтересовал меня, что я хочу найти причину его, огонь — источник дыма, это страшное Ущелье Дьявола,

— Отправляйся, разыскивай блуждающие огоньки, рассеивай дымовую завесу, но только знай, что Салих Аджаев тебе не товарищ.

— О, брат, я имею несколько собственных предположений, вполне обоснованных, выслушав которые, я уверен, ты изме-

нишь свою позицию в этом вопросе, — загадочно улыбнулся Колосов.

Где-то вдаль запел петух, ему многоголосо вторили другие. Аджаяев сладко зевнул и, потягиваясь, сказал:

— Оставь твои гипотезы при себе, Борис. Давай ложиться спать: утро мудренее вечера.

Восходящее солнце застало наших друзей уже умытыми и одетыми. Аджаяев сидел, склонившись над столом, и рассматривал географическую карту, делая на ней какие-то пометки карандашом. Борис производил математические вычисления.

— Ну вот, смотри, — сказал он, передавая Салиху листок бумаги, испещренный формулами и рядами цифр.

Тот пробежал глазами по столбцам цифр, повертел бумажку и, глядя в открытую дверь, задумчиво молчал.

— Теперь ты согласен с моими доводами? — спросил его математик.

— Твои математические выкладки пунктуальны. Но меня не удовлетворяет твоя аргументация. Нет веских фактов. Я слышал только бредни мистически настроенных горцев. А эти формулы для меня китайская грамота.

— Быть может, ты боишься, что нас постигнет такая же участь, как и злосчастливого Мамета? Клянусь бригадой линкоров — мы гарантированы от этого. Самое худшее, что может случиться с нами, — это мы не добьемся никаких результатов. И тогда мы в выигрыше. Ведь подумай, чего стоит неделька восхитительной прогулки по горам!

— Гмм... да, — неопределенно промычал Салих.

— Я еще раз повторяю, что эта исследовательская работа займет у нас не больше недели. Успех почти обеспечен. Все факты и цифры говорят в пользу моих предположений. Решайся, в противном случае я иду один.

— Ладно, быть по-твоему, — решил Аджаяев. — Сегодня же отправляемся.

— Эй, Гомид, загляни-ка к нам на одну минуточку! — крикнул он проходящему по улице председателю.

— Товарищ Гомид, — обратился к нему Колосов, когда тот уселся к столу, — мы с Салихом вздумали сделать небольшую

экскурсию в горы — поохотиться, да и вообще проветриться, а то в этом колодце можно задохнуться. Надеемся, что вы, как глава местного правительства, не будете возражать против этого? — шутливо закончил он.

Председатель взглянул на разложенную географическую карту и лукаво улыбнулся.

— Знаю, знаю я вашу экскурсию. Легенду вчерашнюю в голову забрали.

Друзья переглянулись.

В глубине карих зрачков Салиха заиграл лукавый огонек.

— Какую легенду? — невинным тоном спросил он.

— Ой, ребята, неладное дело вы задумали. Не быть добру, если только отправитесь в ущелье.

— О каком ущелье ты толкуешь? — притворно недоумевал краснофлотец.

Гомид, прищутив глаза, смотрел на них, лукаво усмехаясь.

— Давай играть в открытую, — вмешался Колосов, и потом, обращаясь к председателю: — Да, товарищ Гомид, мы решили проверить эту басню, и раз навсегда рассеять туман, окутывающий таинственное ущелье.

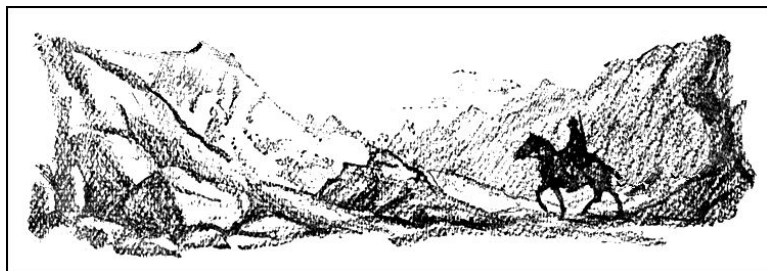
— Ой, не удастся!

— Удастся, только окажи нам некоторое содействие. В первых, точно покажи на карте, где находится это проклятое Ущелье Дьявола, а во-вторых — достань нам надежных проводников...

— Что вы!.. Что вы, товарищи! — заволновался председатель. — Да ни один черкес, не только что правоверный, но и стопроцентный комсомолец, не согласится близко подойти к Ущелью Дьявола.

— Я берусь сам дорогу найти, — сказал Аджаяев. — Ты только поставь-ка крестик на карте там, где находится это ущелье.

— Это можно, хотя я в карте блуждаю, как в дремучем лесу, — смущенно пробормотал Гомид, наклоняясь над картой.

ГЛАВА VII.

Орлиное Гнездо

Одинокий всадник на низком, мускулистом, горячем кабардинском коне, какие только и способны выносить трудные горные переходы, медленно поднимался в гору по Клухорскому му перевалу, направляясь на север.

Всадник в черной мохнатой папахе, закутанный в бурку, накинув поводья на луку седла, ехал молча, о чем-то глубоко задумавшись. Выдрессированная лошадь, помахивая головой, легко ступала по каменистой дороге; без понуканья она поднялась на самую вершину хребта, где еще серебрились клочья нерастаявшего снега. Здесь дул холодный, пронизывающий ветер.

Всадник плотно закутался в бурку, надвинул на глаза папаху и продолжал оставаться истуканом, безучастно относящимся к своему пути.

Внизу, в глубокой долине, где дорога резко сворачивала на запад, лошадь без всякого управления со стороны седока сама повернула вправо и стала пробираться по чуть заметной тропе. Так этот мрачный всадник безмолвно подвигался несколько часов. Низко нависшие ветви хлестали, царапали его лицо, путались в лохматой шерсти его папахи, но горец по-прежнему безучастно относился ко всему окружающему.

Вдруг лошадь остановилась, захрапела и начала испуганно поводить ушами.

Седок встрепенулся, быстро схватил висевший на седле карабин и, щелкнув затвором, принялся осматривать окружа-

ющую местность. Он стоял на небольшой прогалине, окруженной со всех сторон плотной стеной леса. Видно были только два гребня хребтов, между которыми шла долина. Кругом все было спокойно. Он ласково потрепал по шее своего коня, присматриваясь к его поведению. Конь по-прежнему тревожно поводил ушами, не трогаясь с места. Тогда седок достал из кобуры седла бинокль, внимательно осмотрел вершину правого хребта, потом левый хребет; долго водил биноклем по гребню, затем вдруг резко оторвал его от глаз и крепко выругался.

Сунув бинокль в седельную сумку, он натянул поводья и сердито стегнул коня плеткой. Тот бешеным галопом рванулся с места. По узкой козьей тропе вихрем, вперегонку с ветром, мчится горец. Всадник сросся с лошастью. Голова и туловище то пригибаются к самой шее коня на крутых подъемах, то откидываются на круп при головокружительных спусках.

Горячий кабардинец стелется по земле, храпит, брызжет пеной и грудью, словно эсминец форштевнем, режет встречный ветер.

Горец прорезал узкое, извилистое ущелье и въехал в котловину. Тут он умерил бешеный аллюр своей лошади, свернул влево и направился к горе, которая походила на высокий пенъ гигантского дуба, неумело срубленного топором. Этот горный пенъ одиноко возвышался посредине котловины, окруженной густым буковым лесом. Его серые скалы отвесно поднимались кверху, и вершина, загроможденная беспорядочно разбросанными рыжими, покрытыми мхом каменными глыбами, казалась необитаемой.

Всадник подъехал к этой с виду неприступной крепости и соскочил с коня. Взяв лошадь за поводья, он начал подниматься по искусственно высеченной, незаметно вьющейся вокруг горы тропинке. Тропинка была настолько узка, что достаточно было одного неосторожного шага, чтобы идущий по ней с громадной высоты загремел вниз. Но, по-видимому, как горец, так и его лошадь хорошо были знакомы с каждым изгибом своего пути: они быстро и уверенно поднимались вверх.

На вершине пня тропа сворачивала на средину горы и шла расщелиной. Пройдя по ней шагов двадцать, горец остановился. Дорогу преграждала огромная плоская каменная глыба, плотно прилегающая к отвесным стенам расщелины. Приез-

жий взял с земли круглый булыжник и три раза ударил им по висевшей тут же подкове. Минут через десять глыба медленно отвалилась вправо. В проходе за ней показался пожилой горец.

— Отец дома? — нервно спросил приехавший.

— Дома. Уздень очень беспокоится. Все ждет вас.

Всадник бросил ему поводья лошади, а сам поспешно направился к зданию, видневшемуся вдали.

«Орлиное Гнездо», владение бывшего узденя Измаила Узаир-бея, состояло из двух флигелей. Большое двухэтажное массивное здание серого камня, задней стеной которому служил громадный утес, было полуразрушено и казалось необитаемым. Рядом с этим мрачно выглядевшим зданием стоял маленький одноэтажный домик городского типа.

Фасады флигелей глядели на восток. Вправо от них тянулись низкие, такие же серые сараи и конюшни, а влево, присо-
савшись к бугру, желтело несколько миниатюрных саклей.

Замок был сооружен дедом Узаир-бея еще во времена Ша-
миля, когда над Кавказскими горами прожужжали первые свинцовые русские пули. Но отец Узаир-бея, ставший хозяином замка, был умнее и дальновиднее своего убитого родителя. Он видел, что от русских штыков, пуль и снарядов, которые достигают вершин самых неприступных гор, нигде уж не скроешься, а потому он решил: хотя русские и не правоверные, но все же лучше с ними жить в мире. Собрал своих удальцов и пришел к русскому генералу с повинной.

За такое добронравие князь скоро был освобожден из плена, и по указу его императорского величества наделен помещением в долине реки Риона, в Закавказье.

Данное ему поместье да десяток пленных гурийцев оказались в руках практического князя неиссякаемым винным погребом. Он каждый год скупал у окружающих бедных крестьян их маленькие клочки земли, и к моменту появления на свет Измаила это маленькое поместье выросло в огромное имение с двумястами гектарами виноградного и фруктового сада.

Позже, когда Измаил Узаир-бей стал полновластным хозяином имения, винный погреб превратился в неиссякаемый ис-

точник, откуда текла бурная река «настоящего кахетинского» к морю, в Батум. Его отец, умирая, посвятил целый пункт своего завещания горному замку; пункт этот гласил:

«§3. Единственным наследником и распорядителем горного замка «Орлиное Гнездо», расположенного в сорока верстах на восток от Клухорского перевала, в котловине Чорох, на горе Катых-тау, с прилегающими к нему землями и лесами на десять верст в окружности, является мой сын Измаил Узаир-бей. Согласно воле нашего родителя, соорудившего указанный замок, оный и земли, к нему прилежащие, не подлежат ни передаче, ни продаже лицам, не принадлежащим к нашему роду. Замок «Орлиное Гнездо» может быть передан только законному наследнику».

Но память о параграфе третьем завещания, так же как и о самом «Орлином Гнезде», была скоро утоплена в «кахетинской» реке. Долина Риона практическому князю была более интересна.

Как-то вечером князь сидел в своем кабинете и писал письмо своему другу детства, адвокату Тер-Казасьянцу.

«Здравствуй, Алипий!

Я с величайшим изумлением прочел твое последнее письмо. Особенное внимание привлекло то место, где ты пишешь: «Атмосфера напряжена до крайности. Все чаще и чаще по улицам бродят рабочие со знаменами, к ним присоединяются солдаты. В воздухе носится запах революции. Петербург стоит на огромной пороховой бочке, готовый каждую минуту взорваться».

Ты, Алипий, поражаешь меня своим мрачным настроением. Право, дружище, ты сильно преувеличиваешь происходящие у вас, в Петербурге, события. Думаю, что виною всему являются твои расстроившиеся нервы.

Лучшее лекарство для твоего пессимистического настроения — отдых в спокойной обстановке и чистый горный воздух; все это ты можешь найти у меня. Если тебя, жителя далекого Севера, не соблазнят сушеный урюк, оранжевая золотая курага, грецкие орехи, свежий виноград, гранаты,

апельсины, белый и розовый мед, засахаренные арбузы и другие прелести моего сада и огорода, то я надеюсь, что сделаешь мне честь — будешь присутствовать на юбилее в честь двадцатипятилетия первой бочки кахетинского вина, полученного из собственных виноградников...»

Вдруг дверь неожиданно распахнулась, и в кабинет вихрем влетел его сын, студент Тифлисского политехникума.

Князь поднял голову и с недоумением спросил:

— Почему ты здесь, Ибрагим?

— Папочка, революция!!! — не отвечая на вопрос, выпалил сын.

Узденъ вскочил как ужаленный.

— Какая революция? Откуда ты взял?.. Вот сегодняшняя газета, в ней ни слова о революции... Ты болен, Ибрагим!

— Папочка, настоящая революция!.. Получено радио из Петербурга... Царя в России уже нет!.. Тифлиссский губернатор убеждал... Народ бунтует, говорят, убивают всех дворян и богачей.

Слушая бессвязную речь Ибрагима, князь остолбенел.

Перед его глазами встала страшная картина народной расправы, учиненной крестьянами в 1905 году над тогдашним соседом Саид-Гирей-беем.

Он схватил со стола недописанное письмо и яростно начал рвать его на мелкие куски, затем с сердцем швырнул его в пылающий камин.

— Иди, сынок, к себе, отдохни, — сказал он ласково стоявшему посреди комнаты Ибрагиму, а сам нервно зашагал по кабинету.

На другой день срочно была вызвана из Батума тринадцатилетняя дочь. Вечером состоялось семейное совещание.

Князь открыл совещание краткой вступительной речью, в которой он мрачными красками обрисовал создавшееся положение и пришел к выводу о необходимости как можно скорее покинуть ставшие неприветливыми берега реки.

Под конец, когда тема вступительной речи была исчерпана, а трагический пафос иссяк, князь отеческим тоном заявил:

— Дети мои, вы еще молоды. Вы не представляете себе тех ужасов, какие влечет за собой революция. Восстает вся чернь. Все прекрасное, все культурное... все... все погибнет под напо-

ром этой грязной толпы... Я нисколько не сомневаюсь в том, что скоро этот бунт будет подавлен, порядок будет восстановлен, так же как в 1905 году, но пока наши доблестные войска будут исполнять долг перед отечеством, нам нужно отсюда уехать.

Молодая курсистка, напряженно слушавшая своего отца, вдруг выпалила:

— А в книгах совсем не так описывается революция!

Потом спохватилась и замялась. Это восклицание осталось незамеченным.

Ибрагим с радостью ухватился за последнюю мысль отца.

— Папочка, нам обязательно нужно уехать отсюда. Место глухое, кругом крестьяне, в городе тоже беспокойно. Самое лучшее — это отправиться за границу, ну хотя бы в Америку.

— Или в Италию! — подхватила его сестра Наира. — Какая чудная страна! Тропическая природа, огнедышащие горы... Папочка, мы обязательно поедем Везувий смотреть. Жить будем в Риме... Как приятно сознавать, что живешь в великом историческом городе...

— Нет, нет, мы не должны покидать своей родины, нашей прекрасной, богатой страны, — решительно запротестовал отец. — Я глубоко убежден в том, через месяц, два и, самое многое, три порядок будет восстановлен. А поездка за границу сопряжена с большими опасностями и денежными затратами.

Все на минуту задумались.

— Выход найден! Мы спасены! — радостно вскричал Ибрагим, выбегая из библиотеки, где происходило совещание.

Через минуту он вернулся с кипой бумаг.

— Вот где наше спасение! — потрясал он над головой большим листом гербовой бумаги.

Видя, что его не понимают, а на лбу отца легли две параллели морщин, признак гнева, студент постарался разрядить атмосферу:

— Папочка, вспомните, что гласит параграф третий завещания дедушки!

— Орлиное Гнездо!

— Замок в горах!

Тут же был прочитан несколько раз под ряд третий параграф завещания. Ибрагим сказал краткую, но убедительную

речь в защиту своего предложения. Предложение Ибрагима было принято без прений. Решено было отправиться в горный дедовский замок, а имение оставить на попечение управляющего.

Недели через две они окончательно поселились в Орлином Гнезде, перетащив туда из имения все, что можно было перевести на вьюках по узкой горной тропе.

От дедовской постройки осталось одно угрюмое серое здание, в котором нашли себе приют обитатели горных вершин, орлы-ягнятники. Беженцам пришлось оборудовать все заново. Они расчистили нижний этаж главного флигеля и в нем поселились. Но князь не спешил с развертыванием строительных работ, все надеялся, что революция скоро будет подавлена. Часто он переодевался в старую, потертую черкеску, надевал изодранную папаху, садился на коня и отправлялся вниз, в долину Риона. Он объезжал свое имение, расспрашивал встречаемых крестьян о положении дел, изредка украдкой пробирался к заведующему.

С каждой новой поездкой у него все меньше и меньше оставалось надежд на возвращение виноградников.

Однажды князь возвратился мрачнее обыкновенного. На вопрос Ибрагима, что случилось, он разразился целым потоком ругательств:

— У, окаянные голодранцы... арестанты! Ограбили... последнюю рубашку норовят снять... по миру пустить... Привыкли кормиться из нашего кармана. Отняли собственное, созданное вот этими руками...

— Да что случилось, папа? Почему ты так волнуешься? — допытывался сын.

— Власть взяли большевики — и рады... Национализировали имение, виноградники и завод... Нас, владельцев, создателей всех богатств, объявили вне закона.

С тех пор обитатели Орлиного Гнезда на долгое время порвали связь с внешним миром. Вся семья энергично принялась за стройку. И через год дедовский замок стал неузнаваем. Построен был новый городского типа домик. Недоставало только стекол и железа, но крышу они покрыли дранкой, а окна затянули хорошо выделанной овечьей шкурой. Восстановили конюшню (у них было пять лошадей), расчистили небольшой дворик, и жизнь в замке потекла однообразно и нудно, как церковный звон в дни великого поста.

ГЛАВА VIII.

Ибрагим знакомится с дьяволом

Ибрагим потерял свой студенческий облик. Когда-то розовые нежные щеки покрылись бронзовым загаром, голос огрубел, а язык, который в студенческие годы с легкостью электрического звонка звонил по целым часам, теперь ворочался медленно, отрезая слова коротко и резко.

Бывший студент стал заправским охотником. Большую часть дня, а иногда, и ночи, он с ружьем за спиной проводил в лесу.

Как-то под вечер студент-охотник перевалил через гору хребта, окаймлявшего котловину Чорох с южной стороны. Тут бесцельно бродил он по склонам. Его заинтересовал вид мрачного ущелья, видневшегося вдали. Он долго смотрел в ту сторону, созерцая темный абрис раздвоенной ущельем горы. Мрачный тон ее удивительно гармонировал с его настроением.

Солнце скрылось, и горы начали окутываться черной пеленой ночи. Ибрагим хотел уже идти домой, как вдруг зияющая пасть ущелья, от которого он не отрывал взора, засветилась бледно-голубым светом. Свет этот исходил откуда-то из глубины ущелья. Он с каждой минутой все возрастал. Наконец он дошел до выхода из расщелины. Площадка перед ущельем заискрилась. То там, то сям от земли отрывались микроскопические искорки и летели вверх, исчезая на высоте двух метров.

И казалось Ибрагиму, что смотрит он на огромный горн, где горит железо, искрящееся миллионами светящихся фиолетовым светом кристалликов. Потом свет вдруг погас. Ущелье погрузилось в бездну темноты, а через минуту снова вспыхнуло, заискрилось.

Ибрагим стоял, зачарованный этим, казалось, сверхъестественным видением. Он был достаточно образован, чтобы не верить в существование чертей, добрых и злых духов, но все же, сдерживаемый какими-то неведомыми человеку инстинктами, не решился отправиться сейчас же в светящееся ущелье.

Рано утром Ибрагим был на том месте, откуда наблюдал вчера за ночным видением. По-прежнему мрачно зияя, смотре-

ло ущелье. Так же четко выделялись оголенные скалы раздвоенной горы на фоне отдаленного, покрытого лесом хребта.

Он решил, во что бы то ни стало, раскрыть тайну ущелья, и быстро направился к нему. Минут через двадцать он был у цели.

Перед ним отвесной стеной высоко вздымался северный склон горы, раздвоенной узким ущельем. Кругом, в хаотическом беспорядке были разбросаны скалы.

Окинув все одним взглядом, Ибрагим бесстрашно вступил в узкий, извилистый горный коридор. Пройдя метров тридцать, он остановился. В голове зашумело, как после первой бутылки кахетинского, бочки которого когда-то в отцовском подвале значились под № 12. Ему почему-то показалось, что находится он не в ущелье, а идет между двух огромных штабелей бочек с вином в отцовском винном погребе. Ему захотелось вина. Он попытался постучать кулаком в дно бочки, но руки оказались парализованными; тогда он изо всех сил стукнул головой... Очнулся. Напряг силы, сбросил оцепенение. Попробовал двинуться дальше, но ноги отяжелели, приросли к земле, руки повисли плетью. Беспомощно озирался он вокруг. И вдруг — о, ужас! Под ногами он увидел целую кучу человеческих костей. В беспорядке разбросанные костяки ног, туловища с решеткой ребер. С мольбой тянулись несколько уродливых рук. Тут же валялись несколько черепов со страшными впадинами глаз и отвратительными, точно, смеющимися, беззубыми пастями.

Он с трудом оторвал взор от этой ужасной картины. Посмотрел вправо. Смертельная дрожь снова пронизала его до мозга костей. На противоположной стенке прохода он увидел серебристый налет.

«Радий» — как молния среди непроглядной тьмы, мелькнула мысль у Ибрагима. «Бежать! Бежать!!! Бежать отсюда, иначе смерть», — работала мысль.

Напрягая последние силы, судорожно хватаясь парализованными руками за голые, гладкие скалы ущелья, он двинулся назад. Ноги не держали больше тела. Он упал навзничь и так, уже действуя всем телом, подвигался к выходу.

Выполз из ущелья. Последние силы оставили его. Ноги, руки и все мышцы отказались повиноваться воле.

«Смерть... смерть... смерть... Подальше отсюда, подальше... Смерть...» Снова сделал нечеловеческие усилия, то полз, то катился бревном, дальше от смертельной пасти ущелья.

Наконец, последние силы истощились, и он пластом растянулся по земле, потерял сознание.

Очнулся Ибрагим у себя в комнате на постели.

Около него сидела сестра Наира.

Он узнал знакомую обстановку. Но что же случилось с ним? Почему у кровати стоит столик, уставленный пузырьками и флакончиками? Увидел бутылку с вином. Почувствовал жажду и хотел протянуть руку, но она осталась неподвижной.

Вспомнил, рванулся с постели, но сейчас же беспомощно опустился обратно.

Только через три месяца встал с постели больной Ибрагим.

Место, чуть не ставшее гибельным для Ибрагима, вскоре превратилось в источник существования всей семьи.

Бывший студент, изучавший когда-то металлургию и минералогию, решил, что если в ущелье находятся огромные залежи урановой руды, которая содержит большой процент радиевой соли, то очевидно, что вокруг этих основных пластов, поблизости есть такая же руда, хотя и содержащая меньший процент драгоценного вещества. Значит, заключил он, не подвергая жизнь опасности, можно добывать урановую руду, а из нее чистый радий.

Придя к такому выводу, он решил заняться разработкой радиевых месторождений. Посоветовался с отцом; князь, хотя мало разбирался в этом деле, тем не менее, согласился с планом сына и дал свое принципиальное согласие на реализацию фамильных ценностей.

И скоро последние пятьдесят золотых кружков с фигурой одного из самодержцев всероссийских да несколько фамильных бриллиантов перекочевали в карман батумского скупщика, ростовщика Самуила Бравермана. На вырученные деньги Ибрагим приобрел приборы для оборудования лаборатории и почти все необходимое для извлечения из руды дорогих солей радия. Не покладая рук, он с помощью двух горцев, оставшихся верными князю и следовавших за ним в горы, сооружал плавильные печи и различные приспособления для извлечения руды.

Через два месяца импровизированный радиевый завод начал работать.

Хозяйина тайных рудников неотступно преследовала одна мысль, тревожная мысль о том, что предприятие будет разоблачено большевиками, которые воспользуются его открытием, а его...

При одной этой мысли Ибрагим приходил в бешенство и злобно шипел:

— Ущелье мое! Радий... все, что таит в себе эта гора... все мое... Жизнью рисковал. Не отдам, не отдам никому... Всю жизнь буду бороться. Умру — не отдам!..

Его беспокойство несколько умерил Мустабек, мулла из ближайшего аула. Один только Мустабек имел свободный доступ в Орлиное Гнездо. Кроме своих прямых обязанностей — служителя религиозного культа — мулла одновременно выполнял в замке функции специального вестника новостей (конечно, бесплатно), советского юрисконсульта (недаром же он прочитал всю конституцию) и, наконец, друга дома. О том, что он был тайным вздыхателем и созерцателем красоты Наиры, мы умалчиваем; скажем только, что изредка, в присутствии отца он вел с ней душеспасительные беседы, к которым она питала (да простит ей Аллах!) еще большее отвращение, чем к самому Мустабеку.

Мулла, знавший о существовании Ущелья Дьявола, считал своим долгом, как друг дома, предупредить семью Узаир-беев о грозящей им опасности. Как-то вечером, после того, как были исчерпаны все новости, он, выдержав соответствующую паузу, с таинственным видом сообщил о том, что их замок стоит поблизости от ущелья, где нашел себе приют дьявол со всей своей адской свитой, что поэтому не мешает, мол, дом и гору освятить, дабы гарантировать себя от всяких неприятностей.

Хитрый Ибрагим сообразил, что раз невежественные горцы считают ущелье дьявольским логовищем, то можно использовать вывеску дьявола для ограждения своего предприятия от непрошенных гостей. Нужно было эту вывеску только подновить, усилить страшное действие шайтана, да так усилить, чтобы об этом узнали окрестные аулы. В этом ему поможет Мустабек. С ним он решил играть в открытую. Как только мулла окончательно договорился с князем об освящении дома, Ибра-

гим позвал его в свою половину и неожиданно ошарашил вопросом:

— Веришь ли ты в существование Аллаха, Мустабек?

Ошеломленный мулла, сразу потерявший дар речи, только невнятно пробормотал заученные слова:

— Нет бога, кроме Аллаха, а Магомет — его пророк.

— А дьявол существует? — с усмешкой допрашивал бывший студент.

— Дьявол извечно был, есть и будет, — священный Коран тому порука.

— А как ты думаешь, Мустабек, где живет этот дьявол?

— Дьявол, как и все злые духи, пребывает в аду и там, где есть дурные люди.

— Значит, около того ущелья, о котором ты сегодня говорил, тоже есть дурные люди? Может быть, этими людьми являемся мы?

Мулла протестующе замахал руками и ногами.

— В таком случае, чего же он там поселился? — попытался Ибрагим.

— Так угодно Аллаху.

— Кончим эту комедию, — серьезно заговорил мучитель муллы. — Повесь твои уши на гвоздь внимания, слушай и запомни. В ущелье, о котором шла, сейчас речь, не только дьявола, но даже ничтожного джина никогда не было и нет...

— Я имею неопровержимые доказательства, вся Черкесия знает... — запротестовал мулла.

— Успокойся, выслушай до конца! — в свою очередь перебил его Ибрагим. — Я повторяю, что в этом ущелье и духа дьявольского никогда не было. Это я знаю, я был в нем.

— Был в ущелье? — испуганно вскочил Мустабек.

— Да, был. Дьявола нет, но есть нечто такое, что действует на человека сильнее всех злых духов ада: это — радий,

— Радий? А что это за шайтан?

— Радий не шайтан, а такое же вещество, как и камень, железо, соль. (Мысленно добавил: «но нисколько не похоже на твой глупый мозг».) Разлагаясь, радий испускает химические лучи, нечто вроде теплоты или солнечных лучей, которые могут убить человека.

Мулла слушал, недоверчиво качая головой.

— Но здесь дело не в этом. Ты все равно не поймешь действия радия. Я хотел тебе только сказать: это — вещество, что я добываю. Зачем — узнаешь потом. Для меня важно, чтобы сейчас никто не знал об этом. Я надеялся, что ты, как близкий нам человек, поможешь мне в этом. Твоя задача будет состоять в том, чтобы сочинить две-три небылицы про ущелье и распространить среди горцев. Как — это твое дело. Если найдется охотник проверить их — сообщи мне. За работу ты, конечно, получишь вознаграждение. На первый раз вот тебе пятерка.

Мулла с напускным равнодушием взял бумажку, с минуту повертел в руках, наслаждаясь ее шелестом, который был для него мелодичней всяких божественных песнопений, а затем поспешно сунул в карман.

Первая частица радия была получена через три с половиной месяца.

С какой радостью, с каким трепетным волнением укладывал Ибрагим эту драгоценную крупинку в золотой перстень с большим пустотелым изумрудом для того, чтобы везти в Батум!

Через три дня Ибрагим на взмыленной лошади въезжал в предместье Батума и, оставив там у знакомого земляка лошадь, направился в город.

Продать радий оказалось трудней, чем думал его обладатель.

Ростовщик Самуил Браверман встретил своего постоянно поставщика драгоценностей, как всегда, радушно, но когда Ибрагим вместо золота предложил купить у него радий, Самуил замахал руками.

— Ни... ни... ни... Если бы золото — можно. И то, знаете, с большим риском теперь покупаешь. Гепеу так и следит, так и следит: чуть что — сразу и накроет. Да и сбывать трудно. Иностранцы слишком скупы и разборчивы стали. Раньше рубль за рубль платили, а теперь изволь-ка получить по весу. Сколько стоит золото, столько и получите, а орел или там какая другая царская фигура на деньгах, их нисколько не интересует.

— Но ведь это же настоящий радий, — уверял Ибрагим. — Понимаешь — настоящий радий, стоящий в тысячу раз дороже золота! Золото, — да ведь его только в одной России добывают несколько тонн. А радия на всем земном шаре и килограмма не найдешь.

— Ни... ни, с ним только греха наберешься! — отмахивался торговец. — Вот если хочешь, я дам тебе один адресок, попытай там счастья.

Ибрагим записал: «Советский проспект. Представитель торгового дома «Гаррисон и К^о» мистер Вильямс»

Мистер Вильямс, человек средних лет высокий, худой, как щепка, с бритой головой, с большими, в роговой оправе очками на тонком, как таран корабля, носу, встретил Ибрагима в своем кабинете.

— Что вам угодно? — спросил он холодно, поднимая голову от стола и окинув взглядом его потертый национальный костюм.

Смущенный таким холодным приемом, посетитель робко и медленно заговорил:

— Я приехал издалека, с гор... Мне порекомендовал обратиться к вам гражданин Браверман...

Американец нетерпеливо передернулся, смотря в сторону, в окно, забарабанил но столу.

Ибрагима взорвало такое пренебрежение, он, еле сдерживая себя, проговорил:

— Мистер Вильямс, я хотел вам предложить очень ценный товар.

— Что именно? — обернулся американец.

— Радий...

— Радий? Да не может быть?! — удивленно, с неподдельным интересом переспросил Вильямс.

Потом спохватился, подумав, что слишком явно показывает интерес, а это не к лицу коммерсанту. Принял деловой вид, надел маску безразличия и промычал:

— Гм... Радий. Все будет зависеть от качества. Наша фирма как продает, так и покупает только с гарантией за доброкачество. Когда вам будет угодно доставить его нам? — уже совсем почтительно закончил сметливый коммерсант.

— Могу сейчас показать, — ответил горец, с большим трудом снимая перстень с мизинца.

С помощью крошечного скрытого механизма он открыл отверстие в изумруде и подал перстень Вильямсу.

Тот с большим интересом осмотрел чудный изумруд и спросил:

— Сколько хотите получить за перстень?

— Он не продается.

Американец сделал недовольную гримасу и продолжал:

— Пройдемте к моему эксперту.

Они поднялись во второй этаж. В комнате, которая представляла собой нечто вроде лаборатории, их встретил молодой субъект в золотом пенсне. Он почтительно раскланялся с мистером Вильямсом.

Вильямс подал ему перстень с радием и что-то начал объяснять по-английски.

Человек в пенсне засуетился. Положил крупинку радия под микроскоп, потом на крошечные весы и затем проделал с ней еще несколько комбинаций, непонятных Ибрагиму. И через десять минут с поклоном возвратил перстень патрону, буркнув несколько слов по-английски.

— Ваш радий эксперт признал полноценным. Здесь всего одна десятая грамма. Сколько вы хотите получить за него? — спросил Вильямс.

Продавец на минуту замялся, соображая, сколько же ему запросить. Он знал из энциклопедии Брокгауза и Ефрона, что килограмм радия, если бы его можно было добыть, стоил бы около восьмидесяти миллионов рублей, в таком случае грамм стоит около двухсот тысяч...

— Но только имейте в виду, предупредил его мистер Вильямс, — что дороже восьмидесяти тысяч долларов за один грамм наш торговый дом не платит.

— Значит, одна десятая грамма...

— ...оценивается в восемь тысяч долларов, — закончил американец.

— Если вы набавите две тысячи долларов, то не исключена возможность, что через некоторое время я предложу вам еще.

— В каком количестве?

— Приблизительно столько же.

Американец задумался.

— Олрайт! — произнес он. — На первый раз платим вам десять тысяч долларов.

Он передал субъекту в пенсне радий, а сам, присев к столу, написал чек Ибрагиму.

Так была заключена первая сделка на радий.

Князь в раздумье шагал по комнате, изредка поглядывая на большие стенные часы. Он ожидал сына, который повез уже пятую порцию добытого радия.

— Что же с ним могло случиться? — вслух рассуждал он. Документы у него в порядке: Ибрагим-Сулейман Чагадаев, сын лесника, представитель его величества — рабочего класса. Гепеу ведь таких не арестовывает. В дороге разве что приключилось? Так мой орел не таков, чтобы дремать.

Узаир-бей уж сотый раз взглянул на часы и снова, как их маятник, зашагал по комнате.

Но вот дверь распахнулась, и в комнату вбежал долгожданный сын.

— Что случилось? Почему так долго? — встретил его отец.

— Ничего особенного. Маленькая неприятность с властями, но деньги получил, как всегда. Меня беспокоит одно обстоятельство. Сейчас, когда я ехал по Таухарской тропе, я увидел двух человек, которые направлялись в сторону наших шахт. Одеты они не по-черкесски. Мустабек не приезжал?

— Муллы не было. Не следует, сын, так беспокоиться, я ничего угрожающего не вижу в этом. Пускай отведают прелести ущелья, — спокойно ответил князь.

— Нет, этого допускать нельзя. Они не должны там быть! — воскликнул сын.

— Но почему? — удивился князь. — Ты же сам говорил, что всякий, кто не знаком со свойством этого металла, попадет под действие его таинственных лучей и неизбежно погибнет.

— А чем мы гарантированы, что они не знакомы с явлением радиевой эманации? Да потом, они могут увидеть наши приспособления и не войти в ущелье. Тайна нашего предприятия будет разоблачена.

— Н-да, это верно. Нужно искать другой способ устранить эту опасность, — задумчиво протянул князь, садясь у стола.

— Быть может, я помогу вам найти этот способ, — весело проговорила Наира, вбегая в комнату.

— Наира, ты занималась бы своими делами, — ласково проговорил отец, целуя ее в лоб, — пока мы обсуждаем важный вопрос.

— И ты будешь гнать меня с вашего делового совещания?
— целуя брата, кокетливо спросила Наира.

— Нет, зачем же! Я думаю, что ты нам не помешаешь. Не правда ли, отец?

— Ладно, ладно, оставайся.

Все расселись вокруг стола.

Ибрагим в двух словах рассказал сестре, о чем у них шла речь, и закончил словами:

— По моему глубокому убеждению, их не следует даже близко допускать не только к ущелью, но и к нашему замку.

— Да, может быть, они и не сюда идут — предположила Наира.

— Я уверен, что они идут именно сюда, и сейчас находятся в пяти-шести часах ходьбы отсюда. Нужно преградить им путь. Самое верное средство — это выслать наших людей, чтобы они встретили и спустили их где-нибудь в овраг.

— Это опасно, — возразил князь. — Трупы их могут быть найдены охотниками, и опознаны. Дело дойдет до розыска виновников. Мы будем открыты и попадем в лапы коммунистов.

— В таком случае, я беру это дело на себя, — вставая из-за стола, проговорил Ибрагим. — Вы можете быть спокойны, все будет обделано чисто.

— Нет, нет, ты не должен подвергать себя опасности, — запротестовал отец. — Подумай, как мы будем жить с Наирочкой, если с тобой что-нибудь случится.

— Конечно, Ибрагим, твой план никуда не годится, — добавила дочь.

— Не годится? Тогда давайте ваши планы! — он сердито уткнулся в окно.

Наступила минутная пауза.

— По-моему, дело обстоит проще, чем вы думаете, — заговорила Наира. — Не нужно ни крови, ни человеческих жертв, об этом позаботится сама природа. Лучшее, что можно сделать в нашем положении, — это привести их в замок, дать выпить твоей снотворной папоротниковой настойки, чтобы они заснули дня на три, а в это время отвезти их куда-нибудь подальше. Они проснутся и, конечно, больше не пойдут сюда.

Узаир рассмеялся наивности плана дочери.

Ибрагим вспылал:

— К чорту гуманность! С ней добра не наживешь. Довольно разговоров, надо спешить. Заманим их в замок, затем выпытаем. Если они окажутся слишком умными для гостей дьявола, надеюсь, что ты, отец, разрешишь нарушить адат, обязывающий правоверных свято блюсти законы гостеприимства.

Князь чуть заметным движением головы изъясил свое согласие. Потом устало сказал:

— Поручи это дело Хассану. Растолкуй все получше, а здесь займись ими сам.

ГЛАВА IX.

В горном замке

Красный диск солнца уже коснулся своим огненным краем вершины западного хребта, когда наши друзья-экскурсанты подходили к котловине.

Они шли молча, пробираясь по довольно крутому, покрытому буковым лесом склону. Салих впереди прокладывал путь. Он держал в руках небольшой компас, — приз, полученный на олимпиаде. Изредка поглядывал на висевший сбоку самодельный планшет с географической картой.

Борис шагал за ним. Его уже и так изрядно потрепанные студенческие брюки не выдержали столь длинного тернистого пути и в нескольких местах дали трещины. Чтобы уберечь свои когда-то прекрасные джимми от такой же участи, он снял их и нес, перекинув через плечо. На другом плече болталась убитая дорогой дичь, — пара каких-то, по словам Салиха, съедобных птиц, которые водятся только в горных лесах.

Оба они были вооружены охотничьими ружьями. Кроме того, у Аджаяева из-за пояса торчала кривая ручка нагана, а Колосову для пущей важности Гомид повесил на пояс дедовский аршинный револьвер неизвестной системы. Это грозное оружие и могло пугать только своим внушительным размером. Через плечи у них болтались сумки.

— Солнце уже отправляется на покой, пора и нам подумать о ночлеге, — устало проговорил Колосов.

— Судя по нашим измерительным приборам, мы находимся вблизи котловины Чорох, в окрестностях которой и проживает дьявол. По-моему, нам следует добраться до котловины, где мы, по всей вероятности найдем воду, там и заночуем, — высказывал свои соображения Аджаяев.

— Смотри, брат, слишком уж близок опасный сосед будет; как бы ночью он не сделал к нам визита, — пошутил Борис.

— Не беспокойся: говорят, здешний дьявол очень смирен, не выходит из своего логовища, а довольствуется только теми, кто сам в пасть суется.

— Надо полагать, что дрессированный... Наверное, из зоологического сада убежал, — смеялся Борис.

— Вернее, за ненадобностью из адгосцирка выгнали. Теперь ведь грешников дьяволом не напугаешь. Дошлий стал народ!

— Ба!.. Смотри, кто-то карабкается!.. — перебил своего друга студент.

— Гляжу и ничего не вижу.

— Да вон там, вправо от нас, на пригорке какой-то оборванец шатается.

— Вижу. Мне кажется, просто бродячий охотник-горец.

— Не спросить ли нам его о дьяволе?

— Не следует открывать своего инкогнито. Нас и компас доведет. Сейчас обойдем эту гору, а там и Чорох... Э, брат, что-то того... — остановился Салих, глядя на компас.

— Что случилось? — заинтересовался спутник.

— Или мы сбились с пути, пока болтали, или же компас заболел, перестал слушаться норда магнитного.

Друзья остановились.

— Сбиться мы не могли. Впереди серебрится шапка Эльбруса, а влево Псыш уткнул свою морду в облака. Не иначе, как с компасом что-то случилось. Дай его мне.

— Возьми, ты больше анатомию и физиологию этого животного знаешь. Авось вылечишь, — сказал, передавая компас, Салих.

Колосов взял компас. Перочинным ножиком открыл верхнюю крышку со стеклышком и повертел стрелку. Стрелка потанцевала, обернулась раза три вокруг оси, и опять ее нордовый конец упорно уставился на восток. Тогда он кончиком ножа дотронулся до острия стрелки и поводил по картушке. Зюйдо-

вое острие покорно следовало за сталью ножа, но как только нож был отнят, непослушный нордовый конец стрелки снова обратил свой взор на восток. Мастер, закрыв крышку, сильно потряс компас. Стрелка бешено, словно мельничный жернов, повертелась и упрямо остановилась по-прежнему.

Колосов с сердцем сунул компас Салиху.

— Нет, Салих, это животное отказалось служить нам, заболело аномалией, но эта болезнь только подтверждает мои первоначальные предположения.

Экскурсанты так увлеклись своим компасом, что не заметили, как бродивший вдали охотник очутился подле них.

— Страстуй пожалуйста, кунак! — обратился он к ним на ломаном русском языке.

— Здорово, товарищ!

— Шито ваш торога потерял? Машин перестал работать? — загадочно улыбнулся Хассан, указывая пальцем на компас.

— Да, нам котловина Чорох нужна. Можешь ты довести нас туда?

— Чорох... Чорох, — радостно подхватил горец. — Чорох такой большой яма. Мой знайт Чорох, мой там сакля. Мой всехта рат гость. Мой сакля — ваш сакля.

Экскурсанты с недоумением переглянулись.

— Но ведь в Чорохе не живут, там же нет аула!

— В Чорох аул нету, мой сакля один живет. Больше никакой сакля там нету, — твердил охотник, продолжая увлекать за собой наших друзей.

— Странно! — протянул задумчиво Салих и продолжал про себя: «Надо держать ухо востро!»

Горец вскинул ружье на плечо и, возбужденно размахивая руками, говорил:

— Ходы по мой дорога. Чорох тут близко, один поворот, другой поворот, спускался вниз — и Чорох. Там мой сакля на большой гора стоит.

— Ты что, дружище, охотился? Где же твоя дичь? — поинтересовался Борис.

— Моя был на охота. Мой стырелял, стырелял, а птица вся улетел. Ой, как шибка летает птица, мой пуля не дохонял его.

Уже совсем стемнело, когда наши экскурсанты-исследователи подошли к подножью горы, очертания которой терялись в ночной мгле.

Хассан, шедший впереди, остановился и сказал своим спутникам:

— На этой горе стоит мой сакля. Нужно: ходить по узкой дорожке, нужно крепко держаться за этой веревка, а то твой полетит головой на землю.

Решив ни перед чем не отступать, наши друзья смело взялись за протянутый им конец и осторожно стали пробираться по узкой, словно карниз, тропе в гору.

Через полчаса они переступили порог полутемной сакли, освещенной тусклым, коптившим, как фабричная труба, каганцем.

Голые стены, вымазанные желтой глиной. На полу ковер, изодранный в нескольких местах. Грубо сколоченный из бревен стол, две длинных скамьи были единственной мебелью, которая служила показателем того, что обладатель ее имел понятие о европейской культуре.

Хассан усадил своих гостей за стол, а сам суетливо приготовлял обед, состоявший из нескольких кусков брынзы, твердой как булыжник, чашки айрана, полдюжины чуреков и кувшина с аракой.

Проголодавшиеся спутники с жадностью голодных шакалов набросились на поданный обед.

Хозяин куда-то скрылся, оставив гостей одних.

— Не кажется ли тебе, Салих, все это странным, подозрительным? — спросил своего друга Борис, тщетно стараясь откусить кусок брынзы. — Признаться откровенно, мне не совсем нравится этот тип. В нем есть что-то такое подозрительное, да и гнездо, в котором мы находимся, не внушает особого доверия.

— Напрасно, Борька, ты так беспокоишься, — спокойно ответил Аджаев. — Наш хозяин, может быть, парень и не ахти какой честный, тем не менее, я уверен, что гостеприимство он проявляет вполне искренно. Гостеприимство — природная черта кавказца. И, во всяком случае, у кого бы мы ни находились, пока мы под кровом сакли горца, безопасность нам обеспечена.

Колосов сомнительно покачал головой.

— Положение, заимствованное из старых учебников географии.

— Оно остается верным и сейчас.

Скрипнула дверь, и в саклю вошел Хассан.

Он окинул взглядом опустевший стол и, довольно улыбаясь, сказал, обращаясь к гостям:

— Моя отец живет тут близко. Моя отец старый человек, с белой борода... Он мало спускался с гора. Отец просит гость рассказать, шито дэлаетца в большой аул, шито будет война?

— Послушай, дружище, оборвал его Салих, — ты же сказал, что живешь здесь один, а теперь отца где-то разыскал. Может быть, у тебя и жена, сын, дочь и еще с полдюжины родственников найдется. Давай, тащи их всех, сразу всем расскажем о «большой аул» — и дело с концом.

Борис одобрительно усмехнулся.

— О, нэт, нэт, — протестующе замахал руками хозяин. — Жена у меня нэту, сына нэту, дочь тоже нету. Есть одын я, одын отец, одын брат, одын сестра и одын...

Друзья не вытерпели — весело расхохотались.

— Ладно, хозяин, верим, что у тебя есть всех родственников только по одному. Веди нас к твоему белобородому отцу.

— А я бы предпочел лучше сестре твоей рассказать о большом ауле, — проговорил Аджаев, натягивая бушлат. — Она, конечно, тоже интересуется этим? Она ведь молодая, не так ли, хозяин?

Хассан ковырялся в углу в куче овечьих шкур и счел благоразумным оставить этот вопрос без ответа.

Вышли на воздух. Темь непроглядная. Не отставая ни на шаг от горца, они пробирались между огромных, нагроможденных друг на друга каменных глыб. Колосов, шедший позади, на полдороге что-то замешкался, отстал.

Он, как истый ученый муж, не впал в уныние. Посвященный во все тайны сочетания небесных светил, он решил прибегнуть к их помощи для отыскания пути. Он начал ориентироваться в небесном океане.

— Вот четыре колеса с кривой оглоблей телеги — Большой Медведицы, тут повыше Полярная звезда. Мы шли на запад, тут дорога сворачивает на север, мой путь лежит туда.

Производя эти астрономические наблюдения, он решительно направился по мысленно проложенному курсу. На пятом шагу он внезапно почувствовал, как лоб его пришел в энергичное соприкосновение с чем-то твердым, а в глазах за-

плясал весь небосклон. Потом так же внезапно все многомиллионное стадо небесных светил сорвалось с привязей и бешено куда-то поскакало.

Большая комната. Посредине круглый стол, покрытый зеленым сукном. Над ним с потолка повисла, как огромный паук, большая керосиновая лампа с темно-голубым абажуром. Свет падал только на стол и стулья, стоящие вокруг него, кругом же царил таинственный полумрак.

Прямо против входной двери, за столом, развалившись на стуле, сидел седовласый старик. Длинная, но опрятно подстриженная и расчесанная борода и почти новый костюм придавали ему некоторую солидность и говорили за то, что даже в эти годы он заботится о своей внешности. Его кавказский породистый нос служил верным барометром, отмечающим изменения в настроении князя Узаир-бея,

Этого, конечно, не знали и не могли знать ни сидящий за столом против него Салих Аджаев, ни, тем более, его спутник Колосов.

Они также не знали о том, что совсем выпрямленные дуги бровей, круто повисших над глазами, пара глубоких впадин между ними и пунцовая синева носа всегда предвещали грозу, а выгнутые, как радуга, брови и красноватый отлив носа возвещали об игривом, веселом настроении князя.

Так же неведомо было им, какую погоду предвещал этот барометр теперь, когда князь-старик, усадив их, самым непринужденным тоном заговорил на чистейшем русском языке.

— Вы, наверное, поражены тем, что здесь, в этом заброшенном уголке мира, нашли жилище, не похожее на окружающие?

Салих в десятый раз окинул взглядом комнату, в которую они попали.

Все стены от пола до потолка были сплошь обиты разноцветными узорными коврами. Правая стена вся увешана позолоченным и посеребренным оружием самого разнообразного характера, начиная от кремневого ружья и кончая позолоченным генеральским палахом времен Николая Палкина.

Налево вдоль всей стены тянулось несколько простых полок, на которых в строгом порядке расставлены книги в роскошных переплетах.

Мягкий голубоватый свет, падавший сквозь абажур, придавал всей этой обстановке таинственный, привлекающий вид.

— Н-да... — протянул Салих. — До некоторой степени это неожиданность для нас. Из слов вашего сына... Это ведь ваш сын? — испытующе поглядел он на собеседника.

Узаир-бей кивком головы подтвердил как будто бесспорное для него положение.

Аджаев продолжал:

— Из слов вашего сына, встретившего нас в горах, можно было заключить, что мы попадем к какому-нибудь бедному, одинокому охотнику, живущему в горах. Я даже не предполагал, что в этом глухом уголке можно создать такое роскошное, уютное жилище, которое, безусловно, по карману только какому-нибудь узденю. Но они, к счастью, перевелись на нашей земле.

Князь побагровел. Случайно брошенные слова оказались стрелами, тяжело поранившими хозяина в уязвимое место.

Но он быстро овладел собою. Уклончиво парировал:

— Действительно, мой сын ярый охотник. Он день и ночь бродит по горам. Хотя, надо признаться, фортуна не всегда улыбается ему. Кстати, вы, кажется, тоже охотники?

— О, нет, мы просто туристы.

— Странно! На вас костюм, — кивнул он на фуражку с ленточкой, — людей, которые меньше всего связаны и с землей, и, тем более, с горами. Должно быть, Эльбрус является виновником вашей прогулки. Его седая голова далеко видна, поэтому всегда привлекает внимание многих.

— Да, отчасти. Но главным образом долины, девственные леса, черкесские аулы с их легендами и старинными преданиями.

Князь загадочно улыбнулся. Потом сказал со скрытой иронией:

— А я думал, что для культурного человека они потеряли свою привлекательность.

— Нет, почему же? Иногда бывает приятно покопаться в архивах старины.

— Меня, несмотря на мой преклонный возраст, — Узаир погладил свою бороду, — больше всего интересует кипучая,

деловая жизнь города. Но, к сожалению, в эти края так редко заезжают городские, что несказанно радуешься всякому новому человеку...

— Папа, папочка, почитай, как интересно описывают комсомольскую свадьбу... — вихрем врываясь в комнату с журналом в руках, возбужденно проговорила стройная молодая девушка. Но потом, увидев посторонних, она замерла на полдороге, смутилась и опустила увитую кудрями прелестную головку.

Салих вздрогнул. Насторожился. Как будто бы знакомый голос! Несомненно, он где-то слышал этот бархатный сопрано, знакомыми кажутся очертания стройного стана, но лицо... Нет, оно скрыто под волной свисавших кудрей.

— Ах, проказница, ты все со своими книгами да журналами носишься. Легла бы спать — одиннадцатый час. Видишь, я занят! — ласково, с упреком в голосе произнес отец.

Аджаев внимательно рассматривал стоявшую в тени девушку, стараясь уловить ее взгляд. Та находилась в нерешительности. Струнка застенчивости толкала ее скорее уйти, скрыться от взглядов незнакомцев, но женское любопытство взяло верх.

Быстро подняв голову, молниеносным взглядом окинула она гостей.

Взоры их встретились. Салих подался вперед. Застыл, зачарованный блеском глаз. В сознании промелькнуло: «Да, несомненно, это она — Наира».

В воображении отчетливо встала картина трагического момента, при котором они встретились там, в долине.

Наира вдруг сконфузилась, зарделась и торопливо скрылась за темным ковром, который прикрывал дверь, ведущую во внутренние покои.

Эта молчаливая сцена продолжалась не более пяти секунд, однако князь почувствовал, что между ними существует какая-то внутренняя, неведомая ему связь. Брови чуть-чуть нахмурились.

Наступило молчание. Разговор не клеился. Стараясь придать радующие своему тону, князь заговорил:

— Надеюсь, завтра мы будем иметь возможность с вами побеседовать. А сейчас, — он взглянул на часы, — не смею больше вас задерживать.

Друзья поняли, что разговор окончен. Они встали. Из дверей вынырнул знакомый им охотник и почтительно остановился перед хозяином. Князь бросил ему по-черкесски короткую, отрывистую фразу, а сам равнодушно откинулся на тахте, небрежно потягивая трубку.

Гости распрощались и последовали за своим проводником.

Как только вдали заглох шум удалявшихся шагов, ковер, за которым скрылась Наира, раздвинулся, и в комнату вбежал Ибрагим. На ходу он бросил отцу:

— Они все знают!

Князь отрицательно покачал головой.

— Бездельничают. Без толку шатаются по горам, и об ущелье ни-ни.

Ибрагим упрямо повторил, садясь против отца:

— Они все знают, у меня есть доказательства этому. Очень веские доказательства.

— Какие?

— Сейчас, когда вы беседовали с этими шалопаями, я смотрел их вещи. Они имеют с собой некоторые приборы, необходимые для определения аномалии и вообще исследования земли.

— И только?

— Нет. На большой физической карте Кавказского хребта место, где расположены залежи радиевой руды, отмечено карандашом каким-то знаком.

На минуту водворилось молчание. Тишина. Только в задней стенке, куда скрылась Наира, тяжелый ковер бесшумно шевелился, движимый неведомой силой.

— Кроме того, путь от аула Чегем-Баши до ущелья отмечен пунктиром, — добавил Ибрагим.

— Но ведь Орлиное Гнездо расположено далеко от прямого пути?

— Компас подвел. Под влиянием аномалии он неверно указывал направление, они сбились с пути. Обратили внимание только тогда, когда компас перестал совсем действовать. Хассан говорил, что когда он подошел к ним, то они возились с этой «чортовой машинкой». Есть основание предполагать, что они догадались о причине порчи компаса, и это только больше укрепило их первоначальное предположение насчет ущелья

Дьявола. Таково мое умозаключение из всего того, что мне удалось узнать сегодня, — закончил Ибрагим.

— В таком случае... — начал князь.

— В таком случае, — перебил его сын, — нужно поскорее избавиться от них.

Ковер у стены замер, а щелка, где искрилась светлая точка, расширилась.

— Излишняя поспешность может повредить делу — спокойно возразил отец.

— Да, но и за медлительность мы можем дорого поплатиться. Восход солнца они не должны увидеть! — пылко произнес Ибрагим.

— Они его и не увидят, — ехидно усмехнулся Узаир, — но все же сегодня ночью они не умрут.

Ибрагим вопросительно посмотрел на отца.

— Прежде чем они умрут, мы должны узнать от них кое-какие подробности, — не спеша продолжал старик.

— Например?

— Ну, хотя бы то, что пошли они сюда по собственной инициативе, или их послал кто; если они пошли по собственной, то знал ли кто об этом, и массу других сведений подобного характера, важности которых для обеспечения нашей безопасности ты, конечно, не будешь отрицать. А до тех пор, пока мы не получим нужные нам сведения, они будут сидеть в конуре Хассана и свету, конечно, не увидят, — с ехидной усмешкой закончил Узаир-бей.

Ибрагим был побежден доводами отца. Рассудок взял верх над темпераментом.

— Это, пожалуй, верно, нужно сначала потрясти их.

— Завтра мы этим займемся, а пока погляди, чтобы они не убежали, — устало произнес князь, вставая и направляясь во внутренние покои.

Ковер у стены перестал шевелиться, узкая щель исчезла.

Ибрагим постоял с минуту в раздумье, потом вынул из ящика стола кольт и, сунув его в карман бешмета, быстро вышел во двор.

ГЛАВА X

В западне

Первым проснулся Аджаяев. Он поднялся с пола, покрытого овечьими шкурами, служившими им постелью, и присел.

В сакле темно, как в могильном склепе.

Салих протер глаза, зевнул и начал руками ощупывать вокруг себя. Его правая рука уткнулась в роскошную шевелюру друга, находившуюся сейчас в таком состоянии, как лес после урагана. Колосов крепко спал. Салих пошарил у него в карманах и нашел спички, зажег каганец. Тусклый свет с трудом проникал в углы.

Наскоро одевшись, он пошел к двери. Но что это? Почему дверь не поддается усилиям? Он нажимает сильнее. Но дверь, грубо сколоченная из толстых круглых бревен и обшитая кожей, даже не содрогнулась под натиском спортсменских плеч Салиха.

Он с недоумением отошел и сел к столу. Взглянул на часы. Маленькая стрелка ползла к десяти. Послушал: анкер чеканно, с металлическим отзвуком отбивал удары.

— Неужели на дворе еще вечер? — подумал Аджаяев. — Десять часов. А может быть, десять часов утра? Но тогда почему же так темно?

Потом он вспомнил, что в сакле нет окон. У него мелькнула жуткая мысль.

— Эй, Сали, ты уже оделся! — продирая глаза, воскликнул его друг.

— Вставай поскорей, нечего дрыхнуть! — сердито оборвал его Аджаяев.

— В чем дело? Боевая тревога, что ли? Сейчас в ноль минут, в ноль секунд буду на своем боевом посту. Стоп, да у нас и боевое расписание не составлено. Где же мое место?.. Обязательно нужно боевое расписание. Только помни, что я не совсем еще поправился после вчерашнего поцелуя со скалой.

Балагура, Колосов натягивал на себя брюки и ботинки.

— Да быстрее одевайся, довольно тебе язык чесать! — нервно торопил его Салих.

— Расскажи толком, в чем дело. Чего ты сегодня так петушишься? С левой ноги встал, что ли?

— Мы в ловушке! Вот тебе и толк весь.

— В лову-у-ушке?! — изумленно протянул Колосов. — Значит, как мышь в капкане?

Он мигом оделся, вскочил и подбежал к двери. Не найдя никаких запоров, он уперся плечом в дверь. Но его плечи получили такой же молчаливый отпор, как и плечи Салиха.

— Н-да, тут дело нечисто, — почесал он затылок.

Минутная пауза.

— Оружие и вещи целы?

— Вот все, что осталось от нашего оружия.

Моряк вытащил из кармана еще совсем новенький наган.

Колосов бросился в угол, где были сложены вещи путников.

Через минуту оттуда послышался его гневный возглас.

Сумка с геологическими приборами, с которой он не расставался, исчезла.

Он принялся шарить по углам. Скоро из-под кучи наваленных овчин он извлек кривую заржавленную шашку и кинжал с метр длиной. Потрясая в воздухе добытым оружием, Борис воскликнул шутливо-трагическим тоном:

— Браво! Теперь нас целая дикая дивизия не возьмет. Трепещите, народы Кавказа!

Салих сокрушенно покачал головой.

— Ты, Борис, все в детство впадаешь. Ты совершенно не знаешь горцев. Черкесы вообще народ гостеприимный...

— Хорошо они выражают свое гостеприимство. Не хватает кандалов, чтобы мы чувствовали себя совсем как под кровом гостеприимного хозяина...

— Но раз они решились нарушить священный для них адат, — невозмутимо продолжал Аджаев, — то на это у них есть слишком веские причины, и надо думать, что если не совершится какое-нибудь сверхчудо, то мы не выйдем отсюда живыми.

— Умное рассуждение, да вывод ни к чорту не годится. Какой дьявол станет из-за нас беспокоиться и совершать сверхчудеса. Нет, брат, «добьемся мы освобожденья своею собственной рукой». А для этого нам нужно разработать подробный стратегический план, конечно, используя при этом твои

знания местности и местных обычаев... и это оружие, — потряс он кинжалом.

— И твои знания в области астрономии и геологического строения земли, — саркастически добавил Салих, намекая на завязанный глаз.

— Оставим шутки в сторону, — перебил его Борис, — положение наше действительно хуже колчаковского. Нужно помозговать...

Вдруг на крыше сакли раздался легкий топот, заглушаемый толстым слоем глиняной крыши.

Друзья притихли, прильнув к стенке, по углам.

Шаги затихли на середине крыши, послышался шум поспешно разгребаемой земли и глины.

Аджаев потушил коптивший каганец. Внутренность сакли погрузилась в непроглядную тьму. Заключенные с напряжением следили за малейшим шумом на крыше, ожидая, что будет дальше.

Неведомые руки продолжали проворно сверлить землю, вырывая в крыше дыру. Что-то железное ударилось и со скрежетом скользнуло по камню, и вслед за этим те же неведомые руки приподняли каменную плиту, закрывшую небольшую круглую дыру в крыше сакли. С потолка посыпалась земля. В саклю ворвался сноп ярко ослепительных солнечных лучей.

Чернокрылый мрак безоконной сакли вступил в борьбу с этим непрошенным гостем, и все же вынужден был сдаться, отступить в отдаленные уголки.

Пленники, ослепленные ворвавшимися лучами, на минуту закрыли глаза. Но когда они открыли их, то каменная плита снова опустилась на свое место, и через секунду в сакле по-прежнему воцарился мрак.

— Что сие все значит? — воскликнул Колосов.

— А вот сейчас узнаем, — сказал Аджаев, зажигая коптилку.

Выйдя на середину сакли, он осветил потолок, откуда только что вливались потоки ослепительного света. С потолка до самого пола свисала тонкая веревочка.

— Эй, Борька, посмотри-ка, веревку спустили. Уж не предлагают ли нам по ней удрать?

— О, нет, Салих, ты не понимаешь ничего. Наш гостеприимный хозяин дает тонкий намек — вам, мол, ничего не остается делать, как только покончить с собой вот на этом штерте!

Они разразились веселым, раскатистым смехом.

— Напрасный труд, дорогой землячок, — смеялся Аджаяев, — этот номер не пройдет!

Пытаясь оборвать веревку, он почувствовал, что она натянута. Он с удивлением посмотрел вниз. На конце болтался осколок камня, килограмма в два, завернутый в исписанную бумагу. Он оборвал веревку, развернул бумагу и, поднеся ее к свету, с любопытством начал исследовать.

— Послание какое-то, — сказал Колосов, глядя через плечо. — Наверно, увещевают нас покориться своей участи и спокойно умереть.

Аджаяев, еле разбирая почерк, вслух читал:

«Милый Салих! Ты, наверное, будешь удивлен, прочитав это письмо. Ведь мы с тобой встречались всего два раза, и вдруг такое начало... Но бывают в жизни такие встречи, которые дороже десяти лет, прожитых вместе. Я знаю, как по русскому, так и по нашему, мусульманскому, обычаю не принято, чтобы женщины первые высказывали свои чувства. Но закон любви старше всех обычаев. Я не могу больше молчать. Прошла уже длиннейшая в моей жизни неделя с тех пор, как мы впервые встретились там, в горах, но образ твой, мысль о тебе ни на один миг не покидали меня. Тысячу раз я намеревалась покинуть дом отца и по зову сердца идти искать тебя, и только мысль о том, что ты придеешь сюда, только какой-то тайный инстинкт удерживали меня от этого... Но прости меня, Салих, я увлеклась; садясь писать, я только хотела сообщить, что тебе с товарищем угрожает большая опасность. Несколько часов тому назад в соседней комнате вам вынесли смертный приговор. Я спешу предупредить вас об этом. Вы должны сегодня же покинуть этот дом...»

— Покинешь, когда держат под десятью запорами, — сердито проворчал Колосов за спиной Салиха.

«У меня еще жива картина нашей встречи в горах, и я, преисполненная чувством глубокой благодарности, спешу помочь вам. Приготовьтесь и ждите ночи. Не верьте ни слову.

Наира.

P.S. Письмо уничтожьте».

— Ничего не понимаю, — развел руками Борис. — «Встреча в горах», «смертный приговор», какие-то таинственные предостережения. Совсем как в романе.

— Если ты этого не понимаешь, Борька, то для меня все ясно. Черкешенка, которая вчера ворвалась в комнату, когда мы беседовали со стариком, знакома мне. Помнишь, я рассказывал тебе в Чегем-Баши о романтическом приключении в горах? Автор этого письма и является героиней романа, первая глава которого началась в долине.

— Ну, раз в наше дело замешано такое существо, как женщина, так и знай, что все наши труды пойдут прахом, — сокрушенно проговорил Колосов.

— Ты, дружище, заражен предрассудками. Я уверен, что помощь Наиры явится залогом нашего успеха.

ГЛАВА XI.

Замыслы Ибрагима

В библиотеке-гостиной, как называли комнату с книгами и круглым столом обитатели замка, было устроено экстренное заседание президиума семейного совета в составе отца и сына. Хотя если бы председательствующий князь чутко прислушивался к окружающему, то он, наверное, сквозь многоголосые трели сверчков, нарушавших вечерний покой, услышал легкое дыхание незримо присутствующего третьего члена семейного совета, лишённого сегодня своих прав. Но, к счастью «третьего», князь настолько был занят разбором стоящих на повестке дня вопросов, что даже забросил свой неразлучный чубук. Слово держал Ибрагим

— Теперь уже не подлежит никакому сомнению, что эти большевицкие агенты имели своей целью именно радиовое ущелье. Несомненно также и то, что они если не были вполне уверены в существовании огромных залежей этого металла, то, во всяком случае, догадывались, что никаких сверхъестественных сил, о которых им, наверное, наговорили в аулах, там нет. Даже больше того, судя по тем приборам, которые они имели, и главное — по запискам в блокноте, можно думать, что они шли изучать силы природы, скрытые в недрах земли. Значит,

будучи хотя бы в общих чертах знакомыми со свойством радия, они, конечно, не полезли бы в ущелье очертя голову, как это делают другие дураки. И тем более, не полезут сейчас. Отсюда вывод: если мы хотим сохранить то, что принадлежит нам по праву, то мы и должны проделать «работу», которую выполнял до сих пор «дьявол» в ущелье, — кончил Ибрагим.

На минуту воцарилось молчание, опасное для третьего, незримого члена.

— Ты, конечно, прав, сын, во всем. Я согласен, что их нужно убрать с нашего пути. Отделаться от них так, чтобы они не беспокоили нас. Но тут мы стоим перед нарушением законов Корана...

— Отец! Неужели ты, до сих пор, не понял того, что вся эта священная дребедень пишется для темных забитых горцев?! — гневно вскричал Ибрагим.

— Знаю, знаю, сын, — спокойно, с улыбкой продолжал князь, — потому я и говорю об этом. Ведь мы не одни живем здесь. У нас работает трое этих темных, забитых горцев. Все они знают, что у нас находятся русские. И почему знать, не просветлеют ли они, узнав, как мы разделились со своими гостями, не поймут ли, что священные законы в самом деле не священны. А если они это поймут, то отсюда недалеко и до революции в маленьком масштабе. Они уйдут от нас в аул, расскажут все, ну а там...

Ибрагим нетерпеливо перебил его:

— Я обделаю это дело так, что ваши мнимые революционеры будут уверены в том, что мы поступили так, как нам велит священный Коран. И будьте спокойны, головы этих чурбанов нисколько не просветлеют.

— Согласен, но только еще раз говорю: тут нужна осторожность.

— Отец, можешь на меня положиться. Выработанный мною план обеспечивает дело во всех отношениях на сто процентов.

— В чем он состоит?

— Вот слушай.

Тут Ибрагим, понизив голос до шепота, начал излагать его. Третий, незримый член совета, видя свое бессилие, нервничал за ковром.

Наши пленники занимались подробным исследованием места своего заточения, когда за дверью раздался стук отодвигаемого запора. Они, схватившись за оружие, насторожились.

Дверь отворилась, и в ней показался улыбающийся Ибрагим.

— Добрый день, друзья, — небрежно кивнул он головой, как бы с удивлением глядя, как они стояли взъерошенные в углах. — Что это вы, точно голодные волки, приготовились наброситься на меня?

— Руки вверх! Ни с места! — грозно зарычал Аджаяев, направляя на него револьвер.

— Отдай оружие, душа с тебя вон! — поддержал друга Колосов, замахиваясь кинжалом.

— Ну, к чему такие грозные выкрики? Вы совсем испугали меня! — иронически, закрываясь ладонью, проговорил горец. Потом серьезно: — Мы ведь еще не познакомились, и вы вдруг устраиваете мне такую встречу; быть может, вы не за того меня принимаете? Я — сын хозяина. Вы — мои гости, и я с вами еще не ссорился. Чем вы недовольны, — объясните!

С этими словами он беспечно расселся на чурбане, стоявшем у стены.

Такая беспечность тюремщика взбесила Аджаяева. Он вскинул револьвер, прицелился чуть повыше головы и нажал курок. Но вместо оглушительного выстрела боек несмело уткнулся в пустое гнездо, щелкнув, как упавший камешек. Салих заглянул в барабан: он был пуст. Громко выругавшись, он взмахнул наганом. В следующую секунду револьвер, завертевшись, как ветряная мельница, полетел в голову Ибрагима. Тот ловко уклонился и, продолжая иронически улыбаться, быстро выхватил руку из кармана, в которой заблестел вороненый стальной угольник кольта.

— Присаживайтесь, пожалуйста, друзья! — сказал он, указывая на кучу овчинок, лежащих у противоположной стены.

Лишенные возможности защищаться, пленники покорно уселись.

— Давай, выкладывай поскорее! — злобно проговорил Аджаяев.

Ибрагим согнал с лица иронию, заговорил серьезно, стараясь придать своему тону больше убедительности.

— Будем откровенны. Нам прекрасно известна цель вашей экскурсии в горы. По некоторым соображениям, нам нежелательно, чтобы она увенчалась успехом. Поэтому мы вынуждены были прибегнуть к таким крайним мерам, как запор для сдерживания ваших стремлений. Вам, конечно, известно, что священные законы Корана обязывают нас строго соблюдать гостеприимство и оберегать неприкосновенность гостей; поэтому вы можете быть уверены в том, что пока вы находитесь под моим кровом, ваша неприкосновенность обеспечена.

— Хороша у вас неприкосновенность, когда чуть ли не к стенке ставите, — пробурчал Колосов.

— Однако эти священные законы нисколько не обеспечивают вас от всяких случайностей за порогом моего дома, — не смущаясь, продолжал Ибрагим. — Я вас отпущу, но вы должны дать обещание больше не пытаться не только продолжать вашу экскурсию, но и забыть о ней и больше никогда не возвращаться сюда. Только в этом случае я могу вам обеспечить безопасное возвращение домой. Решайтесь!

— Мы согласны сегодня же покинуть это чортово гнездо и больше сюда не заглядывать, только отдайте наше оружие!

— Вы слишком нелюбезно относитесь к моему гостеприимному дому, — с улыбкой проговорил хозяин, — дело идет к вечеру, я не решаюсь отпустить вас сегодня. Завтра с рассветом мы выступаем, я провожу вас до выхода из котловины, а там вы свободны, как вольные птицы. Оружие получите, как только спуститесь с горы.

Ибрагим встал, по-прежнему держа свой кольт в руке и не спуская глаз со своих гостей.

— Ну, а теперь, когда это маленькое недоразумение рассеялось, надеюсь, вы не откажитесь от хорошего обеда, подкрепленного бутылкой кахетинского?

С этими словами, не дожидаясь ответа, он направился к двери. Потом остановился у самой двери и внушительно сказал:

— Если попытаетесь бежать, будете пристрелены.

Он вышел и запер дверь.

Друзья еще минут пять продолжали сидеть на одном месте, молча поглядывая друг на друга.

— Люблю я твоих сородичей за их гостеприимство! — вскакивая, иронически произнес Колосов. — Особенно наш хозяин, прямо душа-человек!

— Положение серьезней, чем ты думаешь, — перебил его Аджаяев. — Я знаю вероломство горцев, особенно тех, кто вкусил прелести городской культуры. Ты ведь заметил, что этот горбоносый чорт не является простым, темным черкесом. Все его поведение говорит за то, что мы имеем дело с культурным дикарем. Ведь его разговор с нами был не чем иным, как простой дипломатией, за которой кроются какие-то коварные планы. Нам нужно быть начеку.

Колосов не разделял мнения своего товарища.

— Сдрейфил парень, поэтому и решил отпустить нас на волю.

— Ну, и чудак ты, Борька, — убеждал его Салих. — Неужели тебе не понятна теория случайностей, которую развивал этот негодяй? Ведь нужно быть ребенком, чтобы не понять, что все его заверения и гарантии безопасности есть только колыбельная песенка, при помощи которой он думал усыпить нашу бдительность и сыграть с нами какую-нибудь скверную штуку. Мы находимся в территории, где революционная законность еще не имеет силы. Закон на стороне оружия и хитрости.

На крыше послышались поспешные шаги. Аджаяев умолк. Прислушались. Раздался стук откидываемых камней. Через минуту рука невидимого человека приподняла край каменной плиты и просунула записку.

Салих жадно схватил ее и быстро пробежал:

«Вам будет принесен обед, вина не пейте, бутылки незаметно опорожните. К заходу луны приготовьтесь. Будьте осторожны. Бежать не пытайтесь.

Наира».

— А, так вот в чем разгадка его дипломатии, подлая душонка! — гневно вскричал Аджаяев.

— Тс...с... — оборвал его друг, — кто-то идет.

Действительно, минут через пять в саклю вошел незнакомый нашим друзьям горец с корзиной в руках. Он поставил на

пол посредине сакли корзину и, обращаясь к пленникам, сказал, приветливо улыбаясь:

— Урус карош человек. Мой урус всехта любил. Мой карош чихирь принес урус человек.

С минуту помолчал, потом как бы что-то вспомнил и, оглянувшись вокруг, с таинственным видом добавил:

— Урус вся болшевик. Кардаш болшевик! — с этими словами он вышел, не забыв тщательно запереть дверь.

Пленники, не евшие со вчерашнего дня, с аппетитом принялись уничтожать скудный обед. Чтобы не соблазниться чихирем, они вылили его из бутылок и прикрыли лужу овчинками.

ГЛАВА XII.

Бегство

Колосов посмотрел на часы и крепко выругался.

— Нет, Сали, я больше не могу терпеть. В желудке все выгорело, как в доменной печи... Маленький бы глоточек воды... Нет, даже не воды... любой отравы выпил бы, только бы утолить эту жажду. Ты понимаешь, во рту — точно в Сахаре, все пересохло... У-у, дьявольское отродье! — он снова многоэтажно выругал своего хозяина и зашагал по сакле.

— Не следует так волноваться, дружище, — успокаивал его Аджаяев. — Надо беречь силы. Впереди нам предстоит работа. Я не меньше тебя страдаю от жажды, однако сдерживаю себя.

Наступило тяжелое молчание.

Колосов нервно ходил из угла в угол, шепотом, пересохшими губами посылая проклятия по адресу всех святых.

Аджаяев сидел на корточках у стола и что-то записывал на листке бумаги.

— Слушай, Сали, — остановился перед ним Колосов.

— Алло! Слушаю!

— Ты вполне уверен в этой девчонке? Не заодно ли она действует с горбоносым негодяем?

— Наира? О, нет. Я верю ей, верю больше, чем себе.

— Гм, странно, — продолжал Борис. — Откуда у тебя такая уверенность? Ведь надо полагать, что она тоже принадлежит к этой шайке.

— Откуда? — засмеялся Салих. — Ну, да не все ли равно — откуда, только я верю в ее искренность.

— Жанна д'Арк в миниатюре! — насмешливо произнес Колосов и продолжал шагать.

Снова наступило угрюмое молчание.

В сакле царил полумрак. Тусклый свет каганца совсем не проникал в дальние уголки, а копоть накладывала на все мрачный отпечаток. Друзья сидели и двигались, словно шахтеры, глубоко под землей, куда не достигает дневной свет. Воздух был насыщен копотью и табачным дымом. В сакле стояла невыносимая жара.

Колосов поминутно глядел на часы. Ему все казалось, что стрелки стоят на месте. Прислушивался, но четкое тиканье с металлическим звуком показывало, что неутомимый «анкер» работал. Тогда он ложился на раскинутые на полу овчины и лежал с закрытыми глазами и, как рыба, выброшенная из воды, бесшумно шевелил губами. Затем вскакивал и снова маячил по сакле. Аджаев, прислонившись к стене, сидел не то в каком-то забытьи, не то погрузившись в бездну мечтаний.

Медленно тянулось время. Наконец, когда Борис чуть не в сотый раз собирался лечь на овчины, на крыше раздались тихие, крадущиеся шаги. Затем послышался заглушенный шум откидываемых камней, и через минуту насторожившиеся друзья с радостью увидели, как над их головами открылась закупоривавшая их пробка.

Они с восхищением смотрели на клочок неба, покрытого светлячками звезд, с жадностью вдыхали ночную прохладу.

Мягкий женский голос шепотом окликнул их сверху:

— Выходите скорей!

Друзья спохватились. Став на спину своего товарища, первым выбрался Аджаев. Через минуту протиснулся широкоплечий Колосов.

Теперь они все трое стояли на плоской глиняной крыше сакли.

Пленики с удивлением посмотрели на закутанную с ног до головы в какой-то темный плед свою спасительницу.

— Идите за мной. Не шумите! — прошептала она и пошла впереди.

Они спустились с крыши и направились в противоположную от замка сторону.

Наира (это была она) с легкостью горной серны перепрыгивала со скалы на скалу, уверенно, словно днем, обходила все препятствия, встречавшиеся на пути. Изредка останавливалась и поджидала своих спутников. Друзья шагали молча, едва поспевая за ней, с трудом ориентируясь в ночном полумраке.

Через четверть часа шедшая впереди Наира остановилась.

— Ну, вот и пришли! — весело сказала она.

Беглецы стояли на небольшой полукруглой площадке. Впереди площадка оканчивалась отвесным обрывом, дно которого тонуло во мраке. С двух других сторон ее возвышались огромные скалы, скрывающие горизонт. Только узкая полоска неба, унизанная узорами звезд, прорезывающая в одном месте сплошную стену скал, показывала, откуда пришли сюда беглецы.

Колосов заглянул в зияющую пропасть, потом обвел взглядом скалы и недовольно пробормотал:

— Ну, браток, и забрались же мы с тобой в какую-то трущобину. Если была какая-нибудь надежда при помощи своих сил выбраться из сакли, то тут мы находимся всецело во власти вот той сумасбродной девчонки.

Он кивнул на Наиру, которая в это время, отойдя немного в сторону, внимательно осматривала подножья скал. Подражая пisku мыши, она засвистала.

От скалы отделилась такая же темная закутанная фигура и приблизилась к ней.

— Еще новость, — воскликнул Колосов. — Да мы попали в какую-то фашистскую организацию. Янисколько не удивлюсь, если нас для испытания нашей преданности заставят прыгнуть в эту пропасть.

— О, не беспокойтесь, мы без всякого испытания уверены в вашей преданности, — весело смеясь, сказала Наира, неслышно подошедшая к ним. — Тем не менее, мы заставим вас измерить глубину этой бездны. Надо спешить! — резко продолжала она. — Сейчас вы должны спуститься с этой площадки вниз. Первый изгиб тропинки проходит на двадцать второй сажени. Длина веревки около тридцати. Вы можете свободно спуститься на тропинку, а там сойти вниз. Вы уже проходили по ней, так что предупреждать вас о том, что требуется боль-

шая осторожность, — излишне. В котловине, около спуска, вы найдете на привязи лошадей. Можете ими воспользоваться. Все ваши вещи лежат вот там, у края скалы. Валима, покажи молодым людям, где привязать веревку.

Колосов последовал за безмолвной Валимой. Салих по-прежнему стоял на одном месте и глядел на черную, казавшуюся ему недостижимой, фигуру Наиры.

Инстинктивно, влекомый какой-то неопределенной силой, он безмолвно приблизился к ней.

— Наира! — полусшепотом произнес он.

Она молчала.

— Наира, помнишь солнечный день там, в горах, когда ты в последний раз махала мне платочком? А помнишь чудный грот, в котором мы провели ночь? Нет? Все забыла!

Та, к которой были обращены эти слова, продолжала безмолвствовать.

— Все забыла! — с горечью повторил Салих. — А я никогда, никогда не забуду этой бурной ночи. Не забуду тебя, Наира. На всю жизнь запечатлелся у меня твой образ. Прежде чем уйти, я еще раз хотел бы посмотреть в твои глаза.

Со слезами в голосе она прошептала:

— А зачем... зачем ты так пристально смотрел на мою подругу Валиму?

Пелена с глаз Салиха спала.

«Ревнует уже! Ну и женщина» — мелькнуло у него. Он, еле сдерживая пенящуюся радость, поспешно проговорил:

— Наира, я же ведь не знал, что эта закутанная фигура — Валима. Я даже не думал о том, женщина это или мужчина. Совсем не думал. Борис боялся, что мы попали в засаду, но я верил тебе. Появление этой закутанной фигуры смутило меня. Наира, но почему ты не снимешь чадру? Не хочешь, чтобы я на тебя посмотрел, или, может быть, ты боишься нарушить священный адат?

— О, нет, я уверена, что останусь правоверной мусульманкой, открывая лицо; ведь все равно ты в такой тьме не увидишь меня! — уже весело зашебетала она, быстрым движением руки сбрасывая чадру на плечи.

— Ирочка, ты жестоко ошиблась. Я прекрасно вижу твою прическу. Нет, не только прическу...

Он подошел вплотную и, понизив голос до шепота, продолжал:

— Теперь ясно вижу изумрудинки твоих глаз. А в них, как в лазури Черного моря, вижу отражение звездного неба. Ясно различаю улыбающийся изгиб рта и...

Губы их слились в долгий поцелуй. Руки Салиха незаметно обвили ее стан. Она не сопротивлялась, только сильнее прильнула к его груди и прошептала:

— Сали, я люблю тебя!

В ответ он крепко поцеловал ее.

— Я не могла забыть тебя. Веришь, Сали, куда бы я ни шла, что бы я ни делала, ты всегда стоял перед глазами. По ночам я слышала твой голос, зовущий меня. Я любила мечтать о тебе. Долго вечерами я просиживала на крыше, мечтая. Я ждала тебя.

Потом она неожиданно переменила тему.

— Сали, ты ведь сегодня уедешь, — в ее голосе послышались слезы, — а я... я снова останусь здесь одна. Снова потянутся длинные, скучные дни.

Минутная пауза.

— Я могу остаться здесь еще на некоторое время, — в раздумье проговорил Аджаев.

— Нет, нет, Сали, здесь тебе грозит смерть. Ты должен уехать отсюда. Хочешь, я убегу с тобой? — неожиданно предложила, она.

Он был ошеломлен ее словами. Раздумывал.

— Значит, ты не любишь меня?

— Наира, ну зачем ты это говоришь? — нежно, с упреком проговорил он. Потом решительно: — Дело в том, что, поехав со мной, ты можешь очутиться в худшем положении, чем сейчас. Я тебя люблю, но я не могу допустить, чтобы ты терпела лишения из-за меня. Ты должна подождать здесь. Скоро я вернусь сюда свободным, и тогда ты можешь поехать со мной куда угодно. Будь благоразумной, Наира!

Она смотрела на него широко открытыми глазами. По ее мраморному, застывшему лицу, сверкая, катились две крупные слезинки. Она с подавленным вздохом прошептала:

— Хорошо, Сали, я буду все делать так, как ты пожелаешь. Я буду ждать тебя на этой горе, хотя бы мне пришлось состариться и умереть здесь.

В словах ее сквозила вся горечь, все страдания наболевшего сердца женщины, обреченной на одиночество.

Салих крепко прижал ее и нежно поцеловал влажные от слез глаза.

— Эй, Салих, все готово! Дашь сюда! — неожиданно раздался басистый голос Колосова.

Влюбленные встrepенулись.

Наира закинула на лицо чадру и, взяв Салиха за руку, увлекла к обрыву.

ГЛАВА XIII.

Дьявол в человеческом образе

Был полдень. Огненно-красный диск солнца повис над головой и непрерывными потоками лил раскаленные лучи.

Кругом по склонам и отрогам, меж скал, по кряжистой, покрытой мелким щебнем почве торчали хилые, обветренные пихты, не успевшие еще оправиться от зимних передряг. Выше расстился травяной покров, а внизу, ошетинившись густым буковым лесом, выступало покрытое синевой, почти круглое дно котловины, посредине которой торчал гигантский пенъ разрушенной горы.

Под тенью пихты на разостланном бушлате лежал Салих. Положив голову на клинообразный камень, он равнодушно смотрел на прозрачные кисейные облака, резво перегонявшие друг друга на небесном лазурном ипподроме.

Немного поодаль, выше на обрыве, с биноклем в руках сидел Колосов. Он напряженно, с интересом смотрел вниз на гранитный неотесанный пенъ. Часто нетерпеливо прикладывал бинокль к глазам, водил по котловине, отрывал его, потом снова ловил что-то на круглый экран его.

Тут же под рукой лежала толстая тетрадка, куда наблюдатель заносил какие-то заметки.

Борис крепко выругался и, спрыгнув с обрыва, подошел к Аджаяву.

— Что там нового, в стане противника? — не отрываясь от сизых облаков, спросил Салих.

— По-прежнему беспокойно. Уехавший утром горец вернулся. Сейчас из этого чортова гнезда выползли снова двое

всадников и направились к югу. Один из них, кажется, горбоносый дьявол.

— Ну и хорошо. Пускай ищут нас на юге. Наш путь на восток, — не встретимся. Я думаю, нам нет смысла больше ждать здесь. Два дня проболтались в этих тущобах, довольно.

— Нет, мы не уйдем отсюда до тех пор, покамест не достигнем своей цели! — твердо сказал Колосов.

— Но мы знаем почти все, что необходимо.

— О, нет, тайна дьявольского ущелья еще не разгадана! Мы не имеем никаких доказательств. Слова, догадки, предположения — аргументы неубедительные. С ними нас встретят смехом и выгонят в шею, куда бы мы ни сунулись. Нужно что-нибудь посильней.

— Так, значит, ты не отказался от мысли спуститься в Ущелье Дьявола?

— Это основная цель нашей экспедиции. А впрочем, если ты боишься, можешь остаться здесь, — едко заметил Колосов.

— Глупости, Борька! Дело тут вовсе не в боязни сверхъестественных сил, а в том, что благодаря нашей неосторожности мы снова можем попасть в неприятное положение. Ведь за нами следят обитатели того чортова гнезда.

— Ерунда. К вечеру всадники возвратятся домой. Мы пождем, пока стемнеет, и незаметно спустимся в пасть дьявола. А завтра утром, когда мы будем иметь все необходимое, отправимся в твой родной аул.

Уже показался полный, улыбающийся лик луны из-за мохнатого лесного покрова соседней горы, когда наши друзья, переводя дух, остановились на гребне небольшого хребта.

Кругом царил бледный полумрак южной ночи. Тишь гробовая. Даже женский плач шакалов, постоянных зачинщиков и участников ночных концертов, и тот не всколыхнул эту штилевую гладь.

— Судя по моим наблюдениям, мы находимся вблизи дьявольского логовища, — негромко произнес Колосов, осматривая местность.

— Не это ли оно? — указал Аджаяев на мрачное ущелье, видневшееся внизу вправо.

— Сейчас постараемся определить, — ответил Борис, поднося зажженную спичку к ручному компасу.

Стрелка компаса беспомощно уткнулась в циферблат и не двигалась с места.

— Да, машинка не работает, придется ориентироваться по звездам, — с сожалением сказал Колосов и, посмотрев на небо, быстро начал спускаться вниз.

Тут, внизу, царил полный мрак. Угрюмые чернеющие скалы тяжело нависли над головой. Мрачные, обросшие мхом валуны на каждом шагу преграждали им путь. Приходилось пробираться ощупью, рискуя на каждом шагу провалиться в расщелину или раскрыть себе голову.

Впереди на фоне звездного неба резко очерченно выделялся абрис гранитного обрыва, словно мечом рассеченного на две части. Ущелье зияло темной голодной пастью, как бы намереваясь поглотить очередную жертву.

Не доходя до ущелья, друзья попали на небольшую гладкую площадку, по-видимому, расчищенную рукой человека.

— Стой! Надо обследовать! — остановился Колосов, почувствовав под ногами утрамбованную почву.

Он зажег клочок бумаги и осветил площадку.

— Ничего интересного.

Двинулись дальше. Через несколько шагов — такая же площадка, но только обширней. Кругом тесным кольцом облегали обрывистые кручи, вышиной в рост человека.

Вдруг идущий впереди Борис внезапно остановился и попятился назад. Впереди чернело круглое отверстие ямы. Снова запылала бумага. Подошли ближе. Большой круглый колодец. Борис бросил догорающий клочок бумаги внутрь. Трехсаженная глубина. Видна еще свежерытая земля. Над круглым отверстием был устроен журавль, какие можно встретить в деревне над колодцем. На длинной веревке висела круглая корзина. К стенке колодца приставлено сучковатое дерево.

— Примитивная шахта, — оценил ее знающий глаз Колосова.

— Так же, как и эта лестница, — добавил Аджаяев.

— Надо полагать, что мы находимся у цели. Быстро за работу! Ты, Салих, поддержи эту лестницу, а я спущусь вниз. По шарю, авось, что-нибудь достану.

Колосов быстро сбросил с себя верхнюю одежду.

Взглянул на компас.

— Компас совершенно перестал действовать. Как видно, здесь в недрах таятся колоссальные залежи радиоактивной ру-

ды. Миллионы тонн. Один грамм чистого радия стоит около полумиллиона рублей, а здесь, быть может, не одна сотня килограммов...

— Подожди богатеть над неубитым зайцем. Поскорей снаряжайся! — перебил его Салих.

— Отправляюсь в зубы дьявола. Держи крепче лестницу!

— Есть так держать! — живо откликнулся Аджаяев. — Валий, за тыл можешь быть спокоен. Если с тобой что-нибудь стрясется, сигнализируй.

Через полчаса, кряхтя, выполз Колосов. Сбоку болталась сумка, набитая до отказа.

— Ну, докладывай, какую Америку открыл, — встретил его Салих.

— Дальше мы не пойдем, — не отвечая, бросил Колосов, быстро одеваясь. — Теперь нам известно не только все, что нужно было знать, но мы еще имеем вещественное доказательство нашего открытия. — При этом он возбужденно похлопал по толстобрюхой сумке.

— Уже поздно. Луна скрылась, скоро начнет светать. Нужно выбраться отсюда до рассвета.

Ощупью стали пробираться обратно прежним путем. Колосов шел впереди, шагах в пяти за ним Аджаяев. Темь непроглядная. Небо задернуло темным покрывалом облаков.

Где-то вдали слышались первые звуки предрассветного концерта.

Искатели радия двигались по узкому, извилистому проходу. Вдруг неожиданно резко под самым ухом прокричала сова. Мелькнуло что-то над головой. Колосов замер на месте.

Салих, шедший сзади, услышал легкий заглушенный крик и возню впереди. Он выхватил наган из-за пояса и бросился вперед. Не успел он сделать и двух шагов, как какая-то тяжелая масса метеором обрушилась на него. Он свалился. Почувствовал острую боль в правой руке и потерял сознание.

Через некоторое время злосчастные исследователи, скрученные по рукам и ногам, лежали на твердом каменном полу.

— Ахмет! — окрикнул сердитый голос.

— Го, хозяин! — послышалось из отдаленного угла.

— Поди сюда!

До слуха Бориса донеслись поспешно шаркающие шаги.

— Затяни покрепче веревки. Раскутай им головы.

Через минуту лохматая бурка, пропахшая конским запахом, окутывавшая голову Колосова, распахнулась, и он свободно вздохнул. Огляделся. Каменный грот. Узкий, но длинный. Влево вдали виднелся в рост человека сводчатый выход. Вправо, в глубине грота, горел костер. Кровавые языки пламени тянулись к потолку, тускло освещая внутренность грота.

Впереди у противоположной стенки, положив одну руку на эфес кинжала, а другой подбоченясь, стоял Ибрагим. Он был все в той же темно-серой, длинной, широкорукавой черкеске и черной высокой папахе. В глазах играл дьявольский танцующий огонек. Лицо исказилось в ехидную, злую гримасу, так что большой, горбатый, нависший над верхней губой нос вытянулся и походил она клюв хищной птицы.

Колосов, глядя на него, подумал: «А, вот какие дьяволы водятся в ущелье. Неудивительно, что отсюда никто живой не возвращается».

— Ну-с, как ваше здоровье, товарищи красные исследователи? — едко усмехнулся Ибрагим, делая ударение на последнем слове.

— Мерзавец! — отрубил Колосов, безуспешно стараясь подняться.

— Я от души прошу, дорогие гости, лежать смирно и не волноваться. Это очень вредно, особенно вашему другу, которого мы немножко поцарапали.

Борис быстро повернул голову к Салиху, лежащему рядом. Только сейчас он заметил, что правый рукав бушлата распорот от плеча почти до самого локтя. Под рукой окрашено. Бледное, с закрытыми глазами лицо было неподвижно.

— У-у, мерзавцы! Изверги! — прорычал Борис.

Ибрагим, смотря на возмущенного пленника, продолжал вежливо-издевательским тоном:

— Мы сочли излишним делать ему перевязку. Чем больше крови вытечет, тем легче ему будет перешагнуть в царство небесное. — Ядовитая усмешка не сходила с его лица.

Жертва отвечала только скрежетом зубов.

— Вы сердитесь? Ах, я и забыл, что коммунисты неверующие. Вы ведь на земле создали прекрасный рай для всего народа!

Он разразился дьявольским хохотом. Потом резко оборвал себя и крикнул вглубь:

— Ахмет, поди сюда!

Прибежал молодой горец с бритой головой, без шапки, одетый в грязный потрепанный бешимет. На ногах опорки. Он принял подобострастную позу. Лицо с таким же орлиным клювом вытянулось в ожидании. Глаза неподвижно устремились на Ибрагима и светились тупой, забитой мутой страха.

Ибрагим, смотря ему в глаза, сказал строгим, внушительным голосом:

— Я на некоторое время уезжаю, ты останешься стеречь этих чертей, — кивнул он на связанных пленников. — Отвечаешь за них собственной башкой. — Как бы в подтверждение своих слов, он нервно выдернул наполовину кинжал из ножен и снова всадил обратно. — Ни слова с ними. Ни воды, ни чуреков не давать — не сдохнут. Заклепать рты и закрыть головы буркой. При малейшей попытке к сопротивлению — разmozжить башку.

— Слушаюсь, хозяин, — подобострастно произнес Ахмет.

Палач еще раз бросил кровожадный взгляд на связанных пленников, пронизал глазами стоявшего перед ним горца, точно стараясь заглянуть ему в душу, и затем, повернувшись, быстро зашагал к выходу.

Ахмет выпрямился и бросил ему вслед долгий, полный ненависти взгляд, погрозил кулаком и отправился в глубину грота, что-то бормоча под нос.

Вся эта сцена не ускользнула от глаз пришедшего в сознание Салиха и нашла свое обобщение в мысли: «Этот парень — рабочий Ибрагима. Эксплуатация держится на страхе, темноте и заботности горца. Ахмет ненавидит своего хозяина. Это противоречие можно использовать».

Мысль заработала напряженной. Когда Ахмет подошел к ним, Салих был готов к словесной атаке.

— Ахметка, ну и сволочь же твой хозяин! — кинул ему Аджаев на черкесском наречии, когда тот старательно забивал кляп в рот Колосову.

Горец быстро выпрямился и с удивлением посмотрел на Салиха, потом машинально:

— О, кунак, свиреп, как зверь!

Затем, как бы испугавшись собственных слов, он боязливо осмотрелся кругом и поспешно начал крепко затягивать веревки на ногах пленника.

— Не бойся, дружище, мы и так не убежим, — с улыбкой продолжал Салих, видя успех первой атаки. — Присаживайся, давай-ка лучше поговорим на нашем родном языке. Ты, верно, один тут живешь?!

— Нет, трое.

— А где же твои товарищи?

— Там, — неопределенно махнул головой горец.

— Однако что же вы тут делаете?

Ахмет бросил испуганный взгляд к выходу и продолжал скручивать.

— Да ты не бойся, Ахметка. Говорю тебе, что мы не убежим. А твой хозяин давно уж дома — не услышит.

Невольный тюремщик улыбнулся, размяк. Он бросил скручивать Колосова, еще раз оглянувшись вокруг, присел на корточках около Салиха.

— Вот так бы и давно, — дружески улыбнулся ему Аджаяев. — Ты скажи, Ахметка, какой тебя нечистый сюда занес? Что вы тут делаете?

Горец о чем-то подумал, потом, не отвечая на вопрос, спросил:

— Как тебя зовут?

— Салих Аджаяев.

— Ты правове́рный?

— Ла иллаха иль алла, Мохамед расуль алла, — ответил Аджаяев.

Ахмет одобрительно помотал головой и печально начал рассказывать.

— Несколько лет назад казаки разгромили наш аул. Моих буйволов, овец, моего коня — все забрали. Саклю очистили, остались мы, отец и мать — старики, двое малышей да я, в пустой сакле. Жаловаться было некому. Голодали целый год, на другой приехал этот дьявол с полными карманами золота, нанял на работу. Дал моему отцу много денег и обещал каждый месяц давать по столько же. Заставил подписать какую-то бумажку. Потом ночью привез сюда. Тут работаем, роем землю, долбим скалы. Добываем какой-то серый камень. Там, в

другой такой же дыре, греем на огне. Он делается жидким, потом застывает большими кусками, которые хозяин увозит к себе домой.

— Сколько же вас человек здесь?

— Приехало из нашего аула шесть, а теперь осталось трое. Двоих придавило камнем во время работы. Один как-то в жаркий день забрался в узкую расщелину в горе и заснул там. Принесли чуть живого — все тело раздулось и покрылось болячками; через несколько дней он умер. Да и мы скоро, наверно, отправимся на тот свет, — закончил он, глядя на свои костлявые, покрытые ссадинами руки.

— Но почему вы не пошлете к чорту своего хозяина и не уйдете?

— Нельзя.

— Почему же нельзя?

— Мы подписали бумажку. Земля и горы принадлежат губернатору. Если мы убежим, нас поймают и повесят, а семьи запорют плетями.

Аджаев громко и весело расхохотался.

Горец смущенно заморгал глазами, оглядываясь и удивляясь тому, что могло послужить причиной веселого смеха его собеседника.

— Эх, чужак, да ведь губернаторов-то нет. Уж несколько лет как всех отправили к чорту на кулички. Живем без губернаторов... еще как. Советы всем заправляют... Губернатор! Здорово придумано. Уморил ты меня, брат, — Салих снова залился смехом.

— Губернатора нет... без губернатора... совет... — растерянно пробормотал Ахмет. — Ничего не понимаю. Как же можно без губернатора. А что такое совет? Это тоже губернатор?

— Да нег же. Совет — это несколько выборных человек, таких же голопупых, как и мы с тобой, которые управляют аулом, губернией, республикой. Советуются между собой и управляют.

— А губернаторов совсем нет? — не унимался недоверчивый горец.

— Выбрось ты это слово из головы. Ни губернаторов, ни царя нет.

Он глубоко задумался. В его сознании не укладывалась мысль о том, что на земле можно жить без урядников, атама-

нов и губернаторов. По лицу его было видно, как трудно проходил у него мыслительный процесс. На лице, открытом и ясном, как в спокойном колодце, отражалось малейшее движение мыслей и настроений души.

— Ахметка, хочешь быть свободным? — неожиданно предложил ему вопрос Аджаев.

Лицо джигита расплылось в растерянную, радостную улыбку.

— А как же хозяин? Бросить?..

Он инстинктивно оглянулся назад. Вздрогнул всем телом и мячом вскочил на ноги. На фоне сводчатого входа виднелся темный силуэт закутанной человеческой фигуры. Силуэт быстро приближался к лежавшим связанными пленникам.

Горец прильнул к стене грота, словно врос в нее, жадно следя за движением силуэта, готовый к прыжку.

— Наира!

Радостный возглас прервал тишину грота, разрядив ее напряженность. Салих пытался подняться, но почувствовал острую боль в правой руке и вынужден был прилечь.

Наира радостно вздрогнула. Опустилась на колени подле него и быстро зашептала:

— Как я спешила сюда! Я случайно узнала, что вы опять попались и находитесь связанные здесь. Брат мой там, в замке, очень радуется. Вы должны бежать, нужно торопиться.

Увидев мертвенную бледность лица, нежно забеспокоилась.

— Ты болен, Салих? Тебе нездоровится?

— Ничего. Немножко поцарапали, это скоро пройдет.

Она осторожно освободила руку из бушлата, принесла от костра кувшин с водой и, промыв, искусно перевязала рану платком.

Игрушечным кинжалом перерезала остальные веревки на ногах.

— Можешь ли ты идти? — спросила она его.

— Мы бежать не можем: находимся под стражей, — кивнул он на Ахмета. — Парень свой, не хочется подводить.

Тот стоял у стены и смотрел безучастным взором на происходившее, точно все это его совершенно не касалось.

— Устроим, — кивнула она. — Как твой товарищ? — обернулась она к Колосову.

— Жив, здоров и свободен, — весело проговорил Борис, взмахнул руками и одним прыжком вскочил на ноги. Вережка, опутывавшая все его тело, упала изрезанной на пол.

— Я тоже не спал, пока ты тут разговаривал на родном языке с этим человеком, — указал он направленным на горца револьвером, оставленным стражем около пленников.

— Брось это пугало, — сказал Аджаяев. А затем, обращаясь к тюремщику, крикнул:

— Ахметка, поди сюда!

Тот подсел на корточках.

— Ты видишь, мы почти свободны. Ты хотел бы тоже избавиться от своего хозяина, не правда ли? Я обещаю тебе, клянусь всем, чем ты хочешь, в том, что ты скоро будешь свободен, как горный орел. Но сейчас я не могу взять тебя с собой, ты должен еще немного подождать тут. Тебе поможет вот эта девушка. Ты в нашем бегстве не виновен.

Через пять минут Ахмет, скрученный по рукам и ногам, с забитым ртом лежал на месте пленников.

Беглецы, увлекаемые Наирой, быстро направились к выходу.

За вторым поворотом Наира остановилась.

— Вот там за скалой стоит моя лошадь, крепкая: выдержит двоих до первого аула. Спешите. Счастливого пути!

Она крепко пожала руку Колосову и повернулась к Салиху. Минуту смотрела на него влажным, затуманенным взором. Потом в неудержимом порыве обожгла его губы поцелуем и скрылась в утренней мгле.

ГЛАВА XIV.

Тайные замыслы муллы и законный проект Ибрагима

Весь аул Чегем-Баши знал о том, что Ущелье Дьявола является заклтым местом и что оно послужило могилой многим смельчакам, которые попытались проникнуть туда.

Обитатели аула, не только правоверные мусульмане, но и молодые джигиты-комсомольцы, относящиеся к аллаху так же, как ишак к своему погонщику, все были уверены в гибели городских пришельцев, осмелившихся пойти против всемогущего дьявола.

А потому к вечеру на восьмой день после того, как наши друзья отправились в поиски радия, когда юркие комсомольцы с быстротой радио оповестили черкесов о возвращении русских, весь аул был встревожен и обрадован.

По одному, маленькими группками, ручейками стекались любознательные горцы к сакле, где помещались Аджаев и Колосов. Скоро тут собралось все мужское население Чегем-Баши, а женское, лишенное этой возможности священными законами Корана, укрылось под кровом гостеприимной Фатимы, в постоянном месте сборища «угнетенной половины».

Крошечная сакля не вмещала всех желающих послушать, поэтому решено было устроить беседу на бархатном склоне горы.

Говорил Салих.

— Товарищи, по-видимому, вы все заинтересовались нашим посещением Ущелья Дьявола. Да оно и понятно: целые десятилетия ходили упорные слухи о близости дьявола, целые века, с малых лет и до глубокой старости, вас пугали гневом и грозной силой царя злых духов. И поэтому, конечно, первый вопрос, который вас может интересовать, — это вопрос о том, существует ли на самом деле такое ущелье, где нашел себе приют дьявол, или это является чистой выдумкой. Да, товарищи, ущелье, откуда не выходит, по крайней мере, не выходил, ни один человек живым, есть, и мы в нем были.

По рядам прошел гул недоверчивого изумления. Поднялся гвалт. Только сидевший поодаль в стороне черкес, закутанный в бурку, в нахлобученной на глаза серой войлочной шляпе, остался неподвижным и безмолвным. Он изредка бросал косые, полные ненависти взгляды на рассказчиков.

Если бы кто-нибудь из жителей Чегем-Баши поинтересовался и взглянул под его широкополую шляпу, он с удивлением узнал бы знакомое лицо, которому совершенно не полагалось присутствовать на данном собрании. Но так как все внимание было обращено на Салиха, то лицо, скрытое под широкими полями шляпы, осталось незамеченным.

Салих выждал, когда гул затих, и продолжал:

— Я повторяю, такое ущелье, где все вступавшие в него нашли смерть, существует, и мы были в нем, но, как и нужно было ожидать, никакого дьявола не встретили там, да и не

могли встретить, потому что такого животного не существует на свете.

Молодежь засмеялась, а старики только недовольно нахмурили брови.

— Все же я должен предупредить вас, товарищи, что в этом ущелье есть нечто такое, что действует посильнее всякого дьявола. Там скрыты огромные залежи урановой руды с большим содержанием радия. Радий — вещество, которое, будучи сосредоточено в большом количестве, испускает лучи такой силы, что они способны моментально убить человека. Но это объяснит вам мой ученый товарищ, я же хотел только добавить, что это ущелье охраняется человеком, которому не место в нашей республике.

Затем Салих, опуская моменты интимного характера, рассказал собравшимся о путешествии, и закончил свою речь словами:

— Товарищи, мы живем в Стране Советов, где хозяином всех богатств являются трудящиеся. Хищник, засевший в этом ущелье, использует эти богатства в целях личной наживы. Наша задача — сделать радий достоянием рабочих и крестьян, достоянием всего Советского Союза.

Поздно ночью расходились черкесы по своим саклям, возбужденно гуторя на своем однотонном наречии. Только закутанный посетитель, мрачно молчавший в продолжение всего вечера, отделившись от толпы, быстро направился в сторону мечети.

И когда обитатели Чегем-Баши попрятались в свои норы-сакли, врытые в гору, и аул погрузился в бездну ночной тишины, из сакли аульского муллы, одиноко приютившейся на окраине, вышел так же закутанный посетитель собрания и направился в гору. Скоро послышался удаляющийся лошадиный топот.

В котловине Чорох, где возвышался одинокий гранитный пень, уже второй день царил переполох.

Ибрагим, сын Узаир-бея, решил во что бы то ни стало поймать беглецов, искателей радия. Он мобилизовал всех имеющих в его распоряжении людей и вместе с ними, точно со стаей голодных хищников, рыскал по всем уголкам котловины.

Не сидел и отец. Князь, давно не спускавшийся с гранитного пня, оседлал такого же старого, как и сам, Карагеца, когда-то боевого коня, и, как в годы бурной юности, гарцевал по горным тропам. Не отставала также и Наира. Боясь быть заподозренной в сообщничестве, она на своем вороном Орлике, в сопровождении неразлучной подруги Валимы, скакала вслед за отцом; за спиной, сверкая серебряной отделкой, болталось игрушечное охотничье ружье, которым горянка владела так же хорошо, как и крючком для рукоделия.

Целый день прошел в бесплодных поисках. Багровый шар солнца коснулся своим раскаленным краем снежного гребня гор, когда князь, на взмыленном коне возвращавшийся домой, невдалеке услышал три выстрела, следовавших один за другим через равные промежутки времени. Это был условный сигнал. Узаир-бей прищипорил своего Карагеца и направился в сторону, откуда доносились выстрелы.

Навстречу ему ехал Ибрагим.

— Ну, отец, попали на свежий след. Беглецы воспользовались лошадьёю.

— Наше дело проиграно, — безнадежно махнул рукой князь. — Теперь они уже далеко отсюда, да, к тому же, надвигается ночь, и вам придется возвратиться с полпути.

— Нет, отец, я отправлюсь в погоню. Со мной едут Хассан и Джалим, остальные останутся при тебе. Отправляйтесь в замок и ждите меня.

И, не дожидаясь ответа, повернул лошадь и галопом помчался по тропинке, ведущей на восток.

Южная ночь давно уже черным саваном окутала махровые лесные хребты и долины.

Ибрагим со своими спутниками продолжал пробираться вперед. Хотя в душе он потерял всякую надежду настичь беглецов, тем не менее, боясь уронить свой авторитет в глазах своих подчиненных, он не решался повернуть коня обратно. В его изобретательном мозгу пронеслись тысячи самых разнообразных планов, но ни один из них не удовлетворял его пылкую натуру.

А разгоряченное воображение рисовало ему ужасную картину нашествия красных варваров.

Он ехал впереди молча. Скорей инстинктивно, чем сознательно, отстранял нависшие ветви деревьев и уклонялся от их хлестких ударов. Позади, гуськом, на измученных лошадях тащились два его верных пса.

Вдруг где-то далеко впереди послышался стук стальных подков по каменистой почве. Ибрагим встрепенулся и осадил коня. Едущие позади также остановились по знаку Ибрагима. Лошадиный топот приближался.

Спрятав коней в лесной чаще, они засели около тропы. Долго ждали они, притаясь у края тропы за деревьями, пока из темной мути ночи вынырнул силуэт всадника, едущего мелкой рысцой. Всадник беспечно напевал какой-то заунывный священный мотивчик.

Вдруг под самым его ухом грянул выстрел, и затем раздался грозный окрик:

— Сто-о-ой, застрелю!

Подкрепленный крепким ругательством, он произвел ошеломляющий эффект на всадника. Лошадь рванулась вперед, но, почувствовав железную силу руки, державшей под уздцы, вздыбилась. Седок выронил поводья и, впевившись в гриву лошади, лепетал трясущимися от страха губами:

— Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет — его пророк... Аллах... Аллах...

— Кто ты? Чего шатаешься по ночам? — гаркнул на него Ибрагим, потрясая за руку.

— Аллах... Нет бога кроме бога... Аллах... Аллах... — продолжал тот лепетать невнятно.

— Какой в чертях тебе тут аллах! Отвечай на вопрос, мокрая курица! — сердито крикнул на него Хассан.

— Служитель Аллаха. Бедный мулла. Ни копейки в кошельке, — он поспешно выворачивал трясущимися руками карманы.

— «Служитель Аллаха», — иронически протянул Ибрагим. — А какого же дьявола, что вша, ползаешь по горам?

— Спешу к Узаир-бею, тут близко, в горах... Несчастье у него случилось.

— Мустабек! Дружище! Да ты ли это? Совсем не узнал, — уже не сердито воскликнул недавний мучитель.

— Ибрагим! Сын мой! Напугал ты меня до смерти, — радостно вторил мулла, бессмысленно размахивая руками в воздухе,

— Да слезай же ты со своего ишака! Давай поговорим по душам. Ты, кажется, какие-то новости везешь?

— О, новость! Много новостей я везу вам!

— Не видел ли ты двух беглецов, русских? Одеты они в черное.

— И русских видал, и слышал все, все, что они говорили. Много новостей, — возбужденно тараторил мулла, привязывая свою длинноухую лошадку, похожую на осла.

— Не тяни, говори скорей, — нетерпеливо перебил его Ибрагим.

Они уселись у края тропы на камне. Мулла полупшепотом говорил Ибрагиму:

— Двое русских пришли в Чегем-Баши. Все были сильно удивлены. Весь аул собрался у них к вечеру, был и я. Слышал, как один из них рассказывал о том, как вы заперли их, а потом хотели...

— Это я знаю. Давай дальше!

— Они уверяли, что в ущелье никакого дьявола нет. Смерть происходит от какой-то силы, скрытой в земле. Для доказательства этого они проделывали разные фокусы с круглой машинкой, похожей на часы.

— Ну, и что же? Им поверили?

— Да, их рассказ произвел огромное впечатление на всех. Расходясь, даже и те правоверные, которые исправно посещают мечеть, говорили о том, что они теперь не верят в существование злых духов. Один комсомолец даже намекнул, что всю эту ложь распространяю я. Эти проклятые гяуры завтра уезжают. Но они обещают скоро вернуться и не только доказать всему аулу, что дьяволов вовсе не существует, а сделать это ущелье источником богатства для всего народа.

— Клянусь бородой Аллаха, это им не удастся! — вскричал Ибрагим. — Эй, ребята, подтяни подпруги! — Потом, обращаясь к мулле: — Ну, спасибо, дружище. Поезжай к отцу. Скажи, что я скоро вернусь.

Он вскочил на седло и, подав знак своим соратникам, тронулся в путь.

Утомленный дневной суматохой, еле добрал князь до своей любимой комнаты — библиотеки, где на свободе предавался он размышлениям. Тяжело упал в самодельное мягкое кресло. Почти моментально его охватило какое-то свинцовое оцепенение, и он погрузился в состояние, подобное летаргическому сну.

В последнее время Узаир-бея мучили страшные предчувствия и их неизбежные спутники — мрачные сновидения. Но сейчас он не мог уснуть. Не успел он и закрыть глаза, как хлопнувшая дверь привлекла его внимание.

Князь поднял голову. У порога стояла одетая в мужскую черкеску и в белой папахе Наира и сурово смотрела на него.

— Наирочка! Что с тобой? Куда ты собралась? — ласково, с удивлением спросил отец.

Дочь безмолвно приблизилась к нему, взяла его за руку и, все так же сурово глядя, сказала:

— Ну, отец, собирайся, поедем!

— Куда?

— В город!

— Ну, что же мы там будем делать? Ведь там большевики. Да они на другой день вздернут нас на виселицу. Нет... Не....

Слова застряли в горле. Князь в ужасе вскочил. Перед ним вместо суровой, но все же близкой, родной Наиры стоял детина геркулесова телосложения. В одной руке он держал нагайку, а другую со зловещей улыбкой протягивал к нему.

— Что, не узнаешь Абдула?

— Абдул... Абдул Кулиев...

При этом князя обуял неопишуемый страх. Хотелось бежать, но ноги свинцовыми сваями вросли в землю. Душили спазмы в горле.

— Да, Абдул Кулиев, большевик, тот самый, которого ты заporол до смерти вот этой нагайкой. Ха-ха, живучий народец эти рабочие. Не правда ли? Пришел счетик свести.

Стальными тисками сжала рука пришельца плечо князя,

Узаир-бей съежился, затрясся мелкой ознобистой дрожью. Расширенные зрачки испуганных глаз не отрывались от плетки.

— Да ты не бойся, хозяин, не стану я тебя бить. Сейчас мы устроим маленькую забаву, такую, как, помнишь, ты в былое

время устраивал, потешая нас. Совсем невинную, бескровную...

Он махнул плеткой к потолку. Оттуда, извиваясь, точно змея, спускалась виселица с готовой петлей.

— Ну, хозяин, иди!

Геркулесова рука, державшая за плечо с неимоверной силой, потрясла его.

Узаир-бей открыл глаза, оглянулся. Перед ним стоял Хасан, его верный слуга.

— Хозяин, хозяин, — тормошил он его за плечо, — там приехал Мустабек, мулла из Чегем-Баши.

— Приехал... Мустабек... А где же тот?.. Абдул? — невнятно, испуганно лепетал князь.

Тут он боязливо поднял глаза к потолку: там попрежнему, распустив крылья, неподвижно висел громадный орел,

— Слава Аллаху, это только кошмар. — Потом к Хассану: — Кто там приехал?

— Мустабек, просит принять его сейчас.

— Да, да, пускай войдет.

В комнату бочком, кланяясь и шепча молитву, вошел мулла.

— А, Мустабек! Присаживайся! Ну, рассказывай, что новенького привез? — приветливо встретил его хозяин.

— Беда, князь.

Узаир-бей, не успевший еще прийти в себя после ночного кошмара, побледнел.

— Какая беда?

— Проклятые гяуры приехали в аул. Рассказывали все, что с ними тут было. Весь аул возмущен. Грозили и мне, я поспешил уехать. Боюсь, дело дойдет до большевиков, тогда нам и здесь несдобровать. О Аллах! — Мулла печально умолк.

— Большевики... Может быть, теперь они уже знают обо всем? Неужели нет никакого выхода? — встал князь, растерянно разводя руками.

Хитрый мулла, выдержав такую паузу, пока растерянность князя достигла кульминационного пункта, вкрадчиво заговорил:

— У меня, князь, есть некоторые соображения, которые могли бы обеспечить безопасность. Только боюсь, вы не согласитесь... Нужны... — тут мулла смущенно заикнулся.

— Деньги нужны? — догадался Узаир-бей.

— Совсем немного, князь, — подобострастно произнес Мустабек.

— Деньги будут, рассказывай, что ты придумал.

— Вера в таинственность Ущелья Дьявола поколеблена. Посмеиваются уж над всеми джинами. Отсюда недалеко и до того, что черкесы перестанут верить в Аллаха, и бросят ходить в мечеть. Нужно восстановить веру в Аллаха и дьявола, поставить правоверных на путь истины.

— Каким образом?

— Совершить чудо.

— Чудо! Какое чудо?

— Есть про запас у меня на всякий такой случай, — ехидно, углами рта улыбнулся Мустабек.

Окинув все темные закоулки комнаты пронирыливым взглядом, он наклонился ближе к князю и начал шепотом излагать проект чуда.

Рано утром возвратился Ибрагим и направился прямо к отцу, который еще не вставал с постели. Бесцеремонно растолкав его, он присел на кровать.

— Ты, отец, наверно, догадываешься о том, что мне не удалось настичь этих подлецов.

— Значит, ускользнули? — протянул еще не совсем очнувшийся от сна князь.

— Да, сегодня они отправляются в город. Но можешь быть спокоен: они туда не доедут, — зло усмехнулся Ибрагим. — Я приготовил им хорошую встречу. Но от этого дело нисколько не улучшится. Тайна Ущелья Дьявола стала достоянием целого аула. Скоро ли, нет ли, но она дойдет и до ушей большевиков. Этого допускать не следует. Нужно немедленно узаконить наше право на дьявола.

Князь, до сих пор спокойно лежавший в постели, при последних словах вскочил:

— Узаконить? Уж не думаешь ли ты отправляться к большевикам и просить у них?..

— О, не волнуйся, отец. Выслушай до конца, — успокоил его сын. — У советского правительства есть закон о концесси-

ях. По этому закону всякая иностранная фирма имеет возможность взять участок земли в эксплуатацию.

— Взять! У кого взять?

— Ну, арендовать у правительства на несколько лет.

— Ведь земля-то наша. Как может правительство сдавать в аренду нашу землю?

— «Наша», — иронически протянул сын. — Кто ее нам давал?

— А завещание покойного отца, — горячился Узаир. — Там ведь ясно сказано: «Единственным наследником, распорядителем горного замка, «Орлиное Гнездо» с прилегающими к нему землями и лесами на десять верст в окружности является мой сын Измаил Узаир-бей».

Ибрагим расхохотался ему в лицо.

— Ты, отец, выжил из ума. Неужели ты до сих пор не понимаешь, что большевики плюют на все дворянские завещания? Попробуй, сунься ты к ним с таким завещанием — живо поставят к стенке.

— Но ведь завещание оформлено. Все в порядке, подписи заверены нотариусом, — не унимался князь.

— Ну, довольно, отец, — резко прервал его Ибрагим. — Со временем ты поймешь. Выслушай меня. Я упомянул о концессиях, но нужно сознаться, что тут у нас есть два затруднения, которые ставят меня в тупик. Во-первых, мы не представляем никакой, не только иностранной, но и русской фирмы; во-вторых, если большевики узнают о тех богатствах, которые скрыты в Ущелье Дьявола, они, конечно, ни за какие деньги не отдадут его в концессию. Надеюсь, ты поможешь мне преодолеть эти затруднения.

Оба задумались.

Ибрагим напрягал весь свой изворотливый ум, строя в уме тысячи всевозможных комбинаций. Узаир-бей, чувствуя умственное и физическое превосходство сына, молчал, понураясь. В голове обрывками проносились мысли, никакого отношения к происходившему разговору не имеющие. Порой он чувствовал какую-то пустоту, как будто вот взял кто-то и вынул у него большие полушария мозга. Черепная коробка гудит, как пустая бочка. Но князь старался показать, что думает по заданию сына, и скорее машинально, чем сознательно, проговорил:

— Не может ли нам помочь американец?

Эффект его слов был поразительный.

Ибрагим вскочил, как футбольный мяч, взлетевший вверх от удара ноги неопытного игрока.

— Отец, ты гений! — вскричал он. — Торговый дом «Гаррисон и К^о» — вот где наше спасение!

Он быстро зашагал по комнате. Мысли его работали с кинематографической быстротой.

— План готов. Можно приступать к его осуществлению, — произнес Ибрагим, останавливаясь у постели отца.

— В чем он состоит? — поинтересовался князь.

— Излагать тебе весь план сейчас слишком долго и скучно, ты, отец, только запомни, что главное действующее лицо в этой комедии буду я, а фирма «Гаррисон и К^о» будет служить мне ширмой.

ГЛАВА XV.

Катастрофа на «Скрипучей переправе»

Утро только начинало вступать в свои права. В траве еще трепетали хрустальные слезинки ночной росы. По узкой теснине, сжатой с двух сторон параллельными хребтами, с многоголосым скрипом ехала арба, запряженная парой низкорослых горных волов.

Верхом на ярме, между рогатками, торчащими, словно пара усов у рака, сидел молодой горец. Коротким кнутом понукал он лениво плетущихся волов, искусно управляя ими на поворотах и изгибах дороги.

В арбе, сплетенной из мелкого ивняка, точно воздухоплаватели в корзине аэростата, скорчившись, сидели наши друзья Аджаяев и Колосов.

— Послушай, Сали, а ведь верно, мы ловко провели этого крючконосового подлеца Ибрагима?

Аджаяев загадочно улыбнулся.

— Провели ли — это еще вопрос. Тут, браток, нужно ухом остро держать, а то сами в дураках останемся.

— Да брось, он уж, наверно, и забыл про нас.

После минутного молчания Колосов продолжал:

— Ну, что, кавказский человек, ты и теперь будешь уверять меня в том, что горцы свято хранят законы гостеприимства?

— О, да. Я и теперь на этом настаиваю. Я по-прежнему утверждаю: будь ты злейшим врагом горца-черкеса, но раз ты его гость, находишься под его кровом, ты для него являешься неприкосновенным. Даже больше того: если кто-нибудь вздумал бы обидеть тебя, твой хозяин счел бы своей священной обязанностью защищать тебя до последнего издыхания.

— Ну, а как же наш тюремщик осмелился нарушить этот закон?

— Минутку — и тебе все будет понятно. Ко всему тому, что я сказал, нужна маленькая оговорка. Общая формула «горец гостеприимен» устарела так же, как и твои матросские брюки. Нужно помнить о классовом антагонизме. Когда я говорил о горцах, я подразумевал всю массу бедных черкесов, этот же головорез, судя по всему, является представителем вымершей породы беков. Значит, кроме каких-то чисто практических соображений, в борьбе с нами им руководила еще классовая ненависть. К тому же я тысячу раз тебе говорил о том, что Ибрагим не просто горец, черкес, а культурный дикарь. И он, конечно, в высокой степени начихал на все священные законы своих предков, и для него ничего не стоило прощупать нас кинжалом или всадить пулю.

Арба спускалась под гору. Дорога вышла из теснины и зигзагами, извиваясь и цепляясь, струилась по узкому обрыву.

С правой стороны громадной стеной вздымалась продолговатая гора Минги-хох, а слева зиял глубокий обрыв, по дну которого, клопоча, бурлил горный поток.

Впереди дорога упиралась в скалистый отрог горы и, круто сворачивая влево, шла через мост и дальше бежала по левому берегу потока.

Через этот мост шел единственный удобопроходимый путь, соединяющий Чегем-Баши с Кисловодском. Сооруженный наскоро черкесами взамен каменного, разрушенного белыми, он представлял собой пару толстых бревен, перекинутых через пропасть, с поперечными перекладинами. Вместо досок мост плотно был устлан хворостом и засыпан толстым слоем земли и навоза. Перилами служила пара более тонких бревен, поло-

женных в рогатки по краям моста. Все это сооружение, чудо архитектурного искусства, скрипело и нещадно дрожало, как только на него ступала нога человеческая. Среди горцев это сооружение было известно под названием «Скрипучей переправы».

Друзья, завидя впереди мост, приготовились испытать приступы морской болезни.

Но вдруг на соседнем склоне сорвалась огромная каменная глыба и с треском, ломая деревья, полетела вниз, сокрушая все на своем пути. Быки метнулись в сторону. Арба со всего разбега налетела на придорожную скалу. Послышался треск. Дышло у самого ярма как перегорело. Погонщик вместе с дышлом полетел с ярма. Волы, почувствовав свободу, с необыкновенной для них резвостью понеслись вперед. Стрелой взлетели на мост. Мост закачался, закрипел, затрещал и вместе с быками полетел в пропасть. Погонщик, не успевший еще подняться, сидел ошеломленный, с искривленным от злобы и отчаяния лицом.

Друзья, пораженные так молниеносно происшедшей катастрофой, выскочили из арбы и побежали к обрыву, где только сейчас красовался мост. Взглянув на место катастрофы, они остановились в изумлении. Да и было чему удивляться. На краю пропасти лежали вложенные в расщелину концы бревен, составлявших основу моста. Они аккуратно были перерублены больше чем до половины.

— Вот так фунт! — воскликнул Салих. — Не иначе, как Ибрагим подстроил!

— Держу пари, что этот капкан поставлен для нас твоим гостеприимным сородичем, — подхватил Колосов.

— Надо думать, что его изобретательная голова не ограничилась этой ловушкой.

Как бы в подтверждение произнесенных слов, на лесистом склоне противоположного берега грянул выстрел. Звякнувшая пуля с треском расплющилась о скалу на несколько сантиметров выше головы Аджаяева. Вслед за первым грянул второй выстрел.

— К оружию! — крикнул Салих, бросаясь к арбе.

Залегли за кучу щебня. Завязалась частая перестрелка с невидимым врагом.

Ибрагим оседлал своего горячего кабардинца и уже соби-
рался выезжать, когда у входа во двор раздался дребезжащий
звон подков. Из-за отваленной каменной плиты, заменяющей
ворота, в узкий проход рысью въехали два всадника.

— А, Джалим! — вскричал Ибрагим, узнав в них своих
сподвижников, оставленных дежурить у моста. — Ну, как дела?

— Очень хорошо, хозяин, — ответил старший.

— Надеюсь, наш план удался?

— Не полностью. Мост обрушился; быки погибли, люди
остались живы, арба уцелела.

— Как — живы? — вскрипел Ибрагим, хватаясь за колыт. —
Скрылись?

— О, нет, хозяин, клянусь Кораном, глаза этих гяуров
больше не увидят восходящего солнца. Правда, они не загре-
мели в пропасть вместе с быками, но зато потом меткая пуля
Хассана навсегда пригвоздила им язык, — закончил старший
горец, многозначительно посматривая на своего товарища.

— Вы уверены в том, что пули попали в цель? — сурово
спросил Ибрагим.

— Собственными руками сбросили в пропасть, — мрачно
улыбнулся младший.

Хозяин облегченно вздохнул.

— Идите в саклю. Получите по бурдюку чихирю. Три дня
свободы — гуляйте, — бросил он им и, вскочив на кабардинца,
рысью тронулся к выходу.

ГЛАВА XVI.

Разоблаченное чудо

Заручившись одобрением Узаир-бея и получив от него два
новеньких, шелестящих червонца, Мустабек на следующее
утро, прямо от князя, направился в соседний аул Джанхот.

Джанхот был расположен километрах в шестидесяти на за-
пад от Чегем-Баши. Там жил и занимался божественным про-
мыслом один из многочисленных знакомых коллег Мустабека
— мулла Хаджи Тагиров.

С месяц назад до описываемых дней с муллой Хаджи приключилась беда. Не приди к нему на помощь Мустабек, Тагиров давно бы уже отправился к праотцам.

В Джанхоте разразился страшнейший мор скота. Сначала появилась какая-то болезнь у овец. Овца, заболевшая этой болезнью, становилась чрезмерно резвой. Бегала, прыгала, бляла, потом падала, как сраженная пулей, и умирала, не дрыгнув ногой. Болезнь быстро передалась козам.

Потом сталидохнуть куры. У них смерть наступала моментально. Напившись воды из каменного корыта, они тут же падали, как мухи от мухомора.

Половина овец и коз, составлявших главное богатство аула, пала за несколько дней. Падеж скота вызвал страшный переполох у жителей.

В борьбе с ним все домашние средства не привели ни к чему.

Темные черкесы были убеждены, что дело не обошлось без вмешательства джинов, поэтому у них оставалась единственная надежда: это — помощь Аллаха. Но его заместитель на земле, в ауле, мулла Хаджи Тагиров, был бессилен что-либо сделать.

Еще в первые дни эпидемии, пообещав правоверным вымолить прощение грехов, он по целым дням безрезультатно взывал ко всемогущему Аллаху. Ночью же, как уверяли суеверные горцы, бродил по пастбищам и вокруг водоемов, производя какие-то таинственные священные обряды.

Мор продолжал свирепствовать.

Обманутые в своих ожиданиях черкесы начали косо поглядывать на своего защитника — муллу. Все чаще и чаще раздавались скрытые угрозы по его адресу. А однажды Алимухаметов, юродивый горец, когда-то отчаянный абрек, пробрался ночью в саклю муллы и, приставив кинжал к груди, пригрозил, что, если через сутки мор не перестанет свирепствовать в ауле, он отправит его к Аллаху.

Тагиров, напуганный этой угрозой, решил обратиться к более смекалистому другу — Мустабеку.

Через несколько дней падеж скота в Джанхоте прекратился.

Тагиров приветливо встретил своего коллегу.

— Ты, дружище, просто чародей, — воскликнул Хаджи, усаживая гостя. — Твое снадобье имело необычайный успех. Через три дня падеж прекратился совершенно. Все жители были несказанно поражены чудодействием моих молитв. Мечеть полна молящихся. Я не говорю уже о чисто материальной благодарности...

— Ладно, ладно, Хаджи, — покровительственным тоном заметил Мустабек. — Поблагодарить друг друга мы сумеем потом. Сейчас, как видишь, я приехал к тебе по делу.

— Моя сакля всегда открыта для тебя.

Хозяин выдвинул на середину сакли низенький круглый стол и пригласил гостя садиться; затем на столе появились узкогорлый кувшин с аракой и неизменные ячменные лепешки с кислым молоком.

— Мои уши открыты для слов твоих.

— Слушай, Хаджи, только помни, все, что я тебе скажу, пусть останется между нами.

— Мои уста будут так же немы, как надгробный камень на могиле моей матери.

— Мне необходимо достать кувшин воды, которую пили животные во время падежа. Или еще лучше, если достанешь крови от больной козы или овцы, — сказал Мустабек, подозрительно оглядываясь вокруг.

Видя, что хозяин задумался, он продолжал:

— Имеется выгодное дельце. В случае успеха будет хорошее вознаграждение.

В подтверждение в его кармане послышался заманчивый шелест новеньких, только что полученных от князя червонцев.

В глубине больших черных зрачков Тагирова вспыхнул жадный огонек. Но он быстро потушил его и, притворно вздыхая, процедил:

— Это сделать очень трудно, почти невозможно.

— Невозможно? Почему же?

— Водоемы с испорченной водой теперь уж обезврежены твоим же зельем. А крови совершенно невозможно достать, так как, по воле всемогущего Аллаха, вот уже месяц, как ни одна овца этой болезнью не была поражена.

— Подумай, Хаджи, может быть, вспомнишь. Хотя бы полкувшина. Ты получишь столько, сколько тебе не дает твоя мечеть за месяц.

Тагиров бросил вопросительный взгляд на гостя.

Тот повертел перед глазами хозяина белой бумажкой.

— Десять рублей! — с еле заметной иронией воскликнул Хаджи Тагиров. — Горбатый месяц не успел еще округлиться с того времени, когда пять таких бумажек перекечевали из моих рук в твой бездонный карман. Десять рублей за кувшин воды, которая может принести кучу денег!

— Тридцать! — раздраженно рявкнул мулла.

Хозяин отрицательно покачал головой.

— Пятьдесят!

— Дело трудное, Аллах свидетель тому; без риска тут не обойтись. Впрочем, если бы десять таких бумажек...

— Ни копейки, — вспылил мулла Мустабек.

— Я отказываюсь тебе помочь! — равнодушно передернул плечами хозяин.

Мустабек, спокойно сидевший на тахте, при последних словах муллы вскочил и гневным движением ноги швырнул подушку прямо в лицо Тагирова. Полуопустошенный кувшин с аракой полетел в сторону.

— Ах, так вот как ты благодаришь, пустоголовый шакал! Что же ты, собака, хочешь провести меня? Думаешь, я не знаю твоих проделок? Может быть, из твоей пустой башки уж все выветрилось? Изволь, я восстановлю эту глупую историю в твоей памяти.

Мустабек прислонился к стенке, не спуская глаз со своей жертвы. Подбоченясь одной рукой, а другой нервно теребя рукоятку кинжала, торчащую из-под черкески, он продолжал:

— Дело началось с пустяков: ты прочел книжонку Сулеймана «Заразные болезни животных». Между прочим, напомним, что книжонка эта пропала у меня: во время одного из твоих посещений, — в этом легко можно убедиться, открыв страницу двадцать пятую, где написана моя фамилия. Дальше ты узнаешь, что у Бузуркиева издохла овца. Все признаки сибирской чумы. Ты решил использовать свои познания в ветеринарии и этот случай для восстановления веры. В результате твоей работы половины скота в Джанхоте не стало. Не помоги я тебе —

твой труп теперь, вместе с сотнями овечьих, орлы и шакалы терзали бы в горах. И все это произошло потому, что твоя башка, подобно этому пустому кувшину, не могла додуматься до того, что, кроме отравления водоемов, для совершения настоящего чуда нужно их еще обезвредить. За такие дела большевики вешают на первом попавшемся сучке, такой участи не миновать и тебе.

Хаджи Тагиров сидел шупленький, уничтоженный, точно приплюснутый громадной тяжестью. Собрав последние остатки сил, он с искусственной твердостью в голосе сказал:

— А доказательства?

— Ха-ха-ха... тебе доказательства? Обратись к Гирееву, — он расскажет всю эту историю более подробно, чем я. Он напомнит тебе проделки... — Потом, внезапно оборвав себя, он быстро направился к двери, бросив на пути: — Об этом ты скоро услышишь в другом месте.

— О Мустабек, подожди. Да благословит Аллах твою мудрую голову... не губи моей души, — лепетал хозяин, ухватившись за полы черкески гостя. — Пусть шакалы растерзают меня до последней косточки, а орлы продырявят мою пустую голову, если ты завтра не будешь иметь целую бочку дьявольской воды.

— Ты не врешь?

— Клянусь Аллахом!

Мустабек подумал, затем испытующе посмотрел на Тагирова.

— Завтра не успеет еще луна подняться над восточным хребтом, я приеду к тебе за водой, — произнес Мустабек, хлопывая дверь за собой.

Тагиров бросил ему вслед яростный, полный бессильного гнева взгляд.

— Да поразят меня громы небесные, если эта собака получит хоть каплю воды от меня! — прохрипел Хаджи Тагиров.

ГЛАВА XVII.

Перед грозой

Жизнь Чегем-Баши, взбудораженная открытием тайны Ущелья Дьявола, после отъезда Аджаяева и Колосова вошла в свое русло и снова потекла тихо, спокойно, как ручеек, роко-чуший в лесной глуши. Так аккуратно, с точностью автомата, с покосившегося минарета в положенное время раздавались призывы муэдзина.

По-прежнему по целым дням над аулом висел разногласный гомон деловой жизни. Скрипели несмазанные колеса арб, слышались понукания, мелькали пестрые шаровары женщин, безмолвно шмыгающих по закоулкам.

Но, видно, не суждено было спокойно пожить аулу. Надвигалась незримая, жестокая гроза, несшая новые волнения.

Вскоре Чегем-Баши снова охватила лихорадка, походившая на внутренний озноб больного малярией.

Сначала по аулу стали распространяться темные слухи. Говорили полушепотом, по темным углам закопченных саклей, на задворках. Ползли слухи о том, что исследователи ущелья, русские, разгневали дьявола и навели беду на аул. Шептались, что на Чегем-Баши обрушится гнев Аллаха, поразит все живое.

Слухи ползли, словно темная осенняя мгла, окутывали Чегем-Баши покровом мрачного ожидания.

Ползли, распространялись, проникали во все щели, за темные закопченные стены саклей, к тлеющим огням очагов, сея везде страх и нагоняя жуть на суеверных горцев. Даже беспечный охотник, гордость Чегем-Баши, Саид Тунаев, не признающий иной силы, как сила кинжала и меткой пули, пришел однажды домой мрачный и неразговорчивый.

Он не уселся на обеденный ковер и не крикнул, как обыкновенно: «Эй, жена, подавай, что Аллах послал!» Саид присел в угол и рассеянно, без всякой надобности перебирал уже заряженные патроны к централке, в сотый раз пересчитывая их. По временам он задумывался, вперив бессмысленный взор в открытую дверь.

Фатима, удивленная поведением своего мужа, сидела у очага, украдкой бросая беспокойные взгляды.

Сидела и молчала, дожидаясь, пока муж не обратится к ней первый, ибо законы адата запрещают жене быть чрезмерно любопытной. Но Саид как бы не замечал ее присутствия, по-прежнему сидел и бормотал под нос:

— О, Аллах, Аллах... будь милостив... О, гяуры проклятые!..

Наконец Фатима не вытерпела этой пытки и, переступая границы адата, спросила у мужа:

— Саид, скажи, что случилось? Почему ты нынче такой страшный, точно джин вселился в твою голову?

— О, беда... О, проклятые гяуры!..

— Какая беда?

Знаком пригласив ее сесть рядом, он заговорил полупшепотом:

— Меня очень беспокоят ходящие по аулу слухи. Я боюсь за своих овец и коз. Погибнут наши овцы — погибнем и мы. Нынче утром я зашел в саклю муллы Мустабека и спросил его:

— Верно ли, Чегем-Баши ожидает гнев Аллаха, или это пустая болтовня?

Он приветливо усадил меня и, тяжело вздохнув, сказал:

— Да, Саид, слышанные тобою слова верны, ибо они являются пророчеством Магомета. Сегодня мне было видение в мечети. Когда я пропел фатиху, передо мной появился сам Аллах в белом облачении, и голосом, подобным звукам зурны, сказал: «Горе, горе живущим на земле. Гяуры сеют смуту и неверие в среде правоверных мусульман. Правоверные бросают веру и топчут ее ногами большевиков и комсомольцев. И пошло я за это на землю мусульман великий мор на животных, птиц и все живущее на земле. И будет свирепствовать мор этот, доколе не возвратятся все заблудившиеся в лоно правоверных». Видение скрылось. Потом я слышу голос трубный, провозглашающий: «И солнце трижды не взойдет, как мусульмане понесут первую жертву за свое неверие. Молитесь, и я услышу вас».

Перед уходом Мустабек сказал мне:

— Иди и передай это пророчество правоверным. Обещай мне не говорить никому о том, что это пророчество ты слышал из уст моих.

— Поклянись! — сказал он мне, подводя к Корану. Я поклялся. О, мои бедные овцы, — закончил Саид.

Наступило молчание.

Во дворе слышались шаркающие шаги, и в открытую дверь кто-то крикнул:

— Эй, Саид, ходи на собрание.

Собрание уже открылось, когда Тунаев вошел в обширную светлую саклю-клуб, место аульских сборищ.

Сакля наполнена до отказа.

Говорил Гомид, председатель совета. Гомид был искушен в ораторском искусстве. Он не однажды был в городе на больших съездах, поэтому, следуя примеру хороших ораторов, говорил деловито, без вычурной образности.

— Товарищи, тайные враги советской власти распускают по аулу темные слухи о том, что наш родной аул Чегем-Баши постигнет какое-то страшное бедствие. Некоторые берут на себя смелость утверждать, что якобы это бедствие обрушится сначала поголовным падежом скота, потом мор поразит все живое в горах, пророчат еще целую кучу бед. Верить этим слухам так же нельзя, как и моему черному Казбеку, который по целым дням лает на ветер. Тот, кто распространяет эти слухи, очевидно, имеет тайную цель. К сожалению, мы еще не установили, откуда исходят эти слухи, не нашли источника паники, но нам теперь уже стало ясно одно, — что эти слухи имеют целью не только подорвать доверие к большевикам и комсомольцам, не только расстроить, сорвать работу совета и не только нарушить спокойную, мирную жизнь и работу населения, а еще, очевидно, использовать создавшееся положение для какой-то иной цели. Ибо какой же смысл был бы держать аул целую неделю под словесным обстрелом самой наглейшей, бессмысленной лжи и выдумки! Губительность и вредность распространенных слухов так очевидны, что об этом не стоит и говорить. Я от имени совета призываю всех объявить беспощадную борьбу с врагами, пытающимися использовать наше невежество. Аульский совет примет все меры к тому, чтобы положить конец этой вредной болтовне. Заканчивая, я выражаю уверенность в том, что вы, все присутствующие тут, поможете совету в его борьбе с тайными врагами советской власти.

Шумными одобрениями встретили присутствующие последние слова докладчика.

Саид Тунаев стоял сзади, прижавшись в уголок. Его мучили угрызения совести. Мысль о том, что он скрывает преступника, не давала ему покоя. Когда Гомид произносил слова «к сожалению, мы еще не установили, откуда исходят эти слухи, не нашли источника паники», перед глазами Саида встал образ Мустабека. Вот он сидит перед ним, толстый, словно пень столетнего дуба, с маленьким, заплывшим жиром лицом. В узкие, как ножом прорезанные, щели смотрят бегающие, горящие плутовским огоньком глаза. А толстые полуоткрытые губы, изпод которых выглядывают желтые клыки, шепчут: «Горе, горе живущим на земле... И солнце трижды не взойдет, как мусульмане понесут первую жертву за свое неверие...»

В душе Саида происходила борьба.

Голос беспечного охотника, голос сознания кричал: «Ты трус. Ты скрываешь врагов совета. Враг совета — твой враг. Погибнет совет — ты снова пойдешь пасти овец Мирзабека. Выйди вперед и крикни: «Это мулла Мустабек сеет смуту! Будь таким же бесстрашным, как и в борьбе с медведем».

Но религиозные традиции мусульманина Саида настойчиво твердили:

«Помни, ты поклялся перед Кораном. Слова муллы есть пророчество самого Аллаха. Жестокий гнев Аллаха постигнет всякого, кто нарушит клятву, кто пойдет против муллы. Будь молчалив!»

Красноармеец Ахмет Галиев, приятель Аджаяева, чуть не застреливший его при встрече в горах, решил навестить своего друга Салиха.

Как заядлый охотник, один из лучших снайперов в кавалерийской дивизии, он никогда не расставался с ружьем. И теперь он надел патронташ и охотничью сумку, решив дорогой поохотиться.

Хотя аул Хихора, в котором жил Ахмет, был расположен всего в пятидесяти километрах от Чегем-Баши, но Галиев так увлекся охотой по пути, что только на третий день увидел огоньки Чегем-Баши, конечную цель своего пути. Он остановился на южной вершине Кольца-горы, окаймляющей чегемский колодец.

Вдали на противоположном склоне искрились огоньки аула. Огоньки мерцали и постепенно гасли, как звездочки при первых признаках появления солнца. Над аулом повис сплошной разноголосый гам собачьего лая.

Ахмет, простояв с полчаса, решил не спускаться в аул, а заночевать в горах. Он расположился в кустах на берегу небольшого горного озера. Поджарил на вертеле несколько кусочков молодой козлятины и, плотно, с аппетитом поужинав, завернулся в черкеску и завалился на мягкий травяной ковер спать.

Всякий знает, что человек, не имеющий чуткого слуха и не обладающий зорким взглядом, не может быть хорошим охотником. Хотя эти два драгоценных качества, необходимых как охотнику, так и бойцу, были присущи и Ахмету, делали его одним из лучших охотников и много раз спасали от смерти в горах и на фронте, тем не менее, они причиняли ему неизмеримое зло, заставляя его ежеминутно просыпаться при самом незначительном шорохе. И сейчас его слух уловил неясный шум. Ахмет бросил убегающую раненую козочку, на которую он охотился во сне, и, поднявшись на локте, прислушался.

Действительно, тревога была поднята не напрасно: где-то неподалеку, со стороны аула, слышался мерный топот лошадиных копыт, заглушенный ковром высокой сочной травы горных лугов.

Ахмет, охочий ко всяким приключениям и слежкам (недаром он был столько времени разведчиком), заинтересовался ночным всадником и решил проследить его. Захватив ружье, он бесшумно пополз на опушку кустарника, где проходила протоптанная стадом тропа.

Топот приближался.

Луна давно уже погрузила свое улыбающееся лицо в море горных вершин, но звездное небо давало Ахмету возможность ясно различать темный силуэт всадника, направлявшегося к берегу озера.

За спиной седока к луке седла был привязан какой-то сверток. Он ехал медленно, тихо мурлыча заунывный мотивчик, изредка останавливал лошадь и озирался по сторонам. Эта чрезмерная, пугливая осторожность еще больше заинтересовала Галиева. Ахмет решил проследить до конца. Тихо, скрытый

кустарником, ужом он последовал за ним. Цепкие ветки шепшена и боярышника хватали его за полы и так уж порядочно изорванной черкески.

Не доезжая до берега, всадник соскочил с лошади, привязал к кустам, снял с седла куль и направился с этой ношей к озерку.

Подождав, покамест человек с ношей удалится, Ахмет подполз к лошади и стал тщательно осматривать ее со всех сторон. Лошадь не представляла ничего интересного. Низкорослая, как и все горные лошади, она, как казалось Галиеву, отличалась от подобных себе только тем, что обладала необыкновенно длинными ушами, делавшими ее похожей на ишака.

Поведение таинственного ночного всадника настолько заинтересовало Галиева и казалось ему таким подозрительным, что он решил на всякий случай сделать свою пометку на лошади. Острым, как бритва, охотничьим ножом он быстро отрезал клочок гривы у самых ушей и спрятал в карман. Потом так же быстро сделал небольшой, безболезненный, но заметный надрез правого уха. Затем кустарником направился бегом в сторону, куда скрылся всадник. Вся операция с лошастью заняла у Ахмета не более двух минут. Однако, когда он добежал до края кустарника, подходившего к самому берегу озера, ночной всадник уже развернул свою ношу. Кустарник и ночная мгла не давали Ахмету рассмотреть предмет, над которым склонился незнакомец. И даже тогда, когда загадочный всадник поднял свою ношу с земли и, размахнувшись, бросил ее в озерко, далеко от берега, Галиеву, не удалось ничего рассмотреть, кроме неясного очертания предмета, похожего по виду на труп годовалой ободранной овцы. Ночной всадник подошел к озерку, помыл руки и, вытерев их о полы бешмета, направился к лошади.

Ахмет Галиев тоже повернулся и хотел направиться кустарником впереди незнакомца. Но вдруг в тот момент, когда он сделал первый стремительный шаг, колючий кустарник, уцепившийся за полы черкески, с треском расплосовал ее. Не успел охотник присесть, как сзади грохнул выстрел. Ахмет со стоном упал на землю. Стрелявший всадник, вероятно, напуганный не меньше своей жертвы, бегом бросился к лошади и галопом поскакал к аулу.

ГЛАВА XVIII.

Торговый дом «Гаррисон и К^о»

Мистер Вильямс, глава представительства торгового дома «Гаррисон и К^о», принял Ибрагима в своем рабочем кабинете.

— Алло, мистер Ибрагим! Доброго здоровья! — приветливо встретил его хозяин, усаживая напротив себя. — Давненько мы не получали от вас очередной дозы лекарственного металла. Уж не лопнуло ли ваше предприятие?

— Благодарю вас. Наше предприятие процветает, как никогда. Вы простите меня, мистер Вильямс, за неурочный визит, но чрезвычайно важные обстоятельства вынудили меня нарушить американизм в вашем доме.

— Дела не терпят никаких искусственно установленных границ, — резонно ответил Вильямс, — а потому в деловых коммерческих отношениях извинения излишни. Ну-с, я вас слушаю!

— Скажите, пожалуйста, мистер Вильямс, ваша фирма занимается только торговыми делами? — прямо приступил к делу горец.

— В договоре, подписанном нашей фирмой и советским правительством, указано, что представительство торгового дома «Гаррисон и К^о» будет нести чисто торговые функции, — уклончиво ответил глава представительства.

«Хитрая бестия», подумал Ибрагим, потом вслух: — А что, если бы вам предложили участвовать в деле, имеющем не только торговые функции?

— Все будет зависеть от того, насколько это дело выгодно, какие гарантии тому, что капиталы, вложенные в него, не лопнут, и, наконец, насколько законно будет данное предприятие. Мы, американцы, миролюбивы, уважаем законы той страны, которая дает нам возможность спокойно работать в пределах своих границ, — с некоторой гордостью закончил Вильямс.

«Да, да, рассказывай, знаем мы таких законников! Так и смотрит, где бы урвать кусок. Все же, чорт возьми, это не нравится мне!» — с досадой думал «человек с гор»; затем, придав лицу спокойное выражение, он ответил с вежливой улыбкой:

— Конечно, конечно, все эти святые принципы, на которых зиждется всякое сколько-нибудь солидное предприятие, будут соблюдены. Я хотел бы получить определенный ответ на вопрос: принципиально ваша фирма не отказывается участвовать в деле, не относящемся к торговле?

— Да, не отказывается.

— В таком случае, приступим к существу. Вам, мистер Вильямс, вероятно, известно, что радий добывается из урановой и некоторых других руд. Руда, содержащая радий, настолько редко встречается на земле, что едва ли найдется полдесятка мест, где она добывается; притом, процентное содержание чистого радия измеряется миллионными долями, — отсюда такая дороговизна радия. Мною открыты и разрабатываются богатейшие на земле залежи урановой руды с огромным содержанием радия. Но, к сожалению, разработка идет кустарным путем, и добыча не достигает больших размеров, как сами вы можете заключить из поставляемого вам радия. Между тем, при хорошо поставленном деле можно было бы получить несколько миллионов рублей дохода в год. Вот для добычи и переработки этой руды я и предлагаю вашей фирме составить компанию.

— Каковы размеры основного капитала и ваши условия? — после минутного раздумья деловито спросил Вильямс.

Он инстинктом охотника-дельца почувствовал, что напал на крупную дичь.

— Основной капитал в два миллиона рублей, а из них семьдесят пять процентов вкладывает ваш торговый дом. Кроме обычного банковского процента, получаемого вами на вложенный в предприятие капитал, ваша фирма будет получать пятьдесят процентов чистой прибыли. Мы заключим с вами предварительное письменное соглашение. Потом, при участии экспертов, едем обследовать залежи, после чего от имени вашей фирмы берем в концессию необходимый нам участок и приступаем к оборудованию копей и эксплуатации залежей. К концу второго года наше предприятие должно работать с полной нагрузкой.

— И вы думаете, что советское правительство отдаст эксплуатировать залежи на таких условиях, что мы сможем получать миллионные прибыли? — со скрытой иронией сказал Вильямс.

— Я вам гарантирую заключение концессии на таких условиях, что при хорошо налаженном производстве ваша фирма будет получать не менее двух миллионов рублей в год чистой прибыли. Но эта гарантия будет дана только в том случае, если вы после предварительного письменного соглашения со мной поручите мне, от имени вашей фирмы, заключить концессионный договор с советским правительством.

— Итак, ваши, условия сводятся к следующему: наш торговый дом вкладывает в предприятие один миллион пятьсот тысяч рублей, поручает вам заключить законный концессионный договор с советским правительством, и после пуска предприятия в ход, через два года получает средний банковский процент на вложенный капитал и пятьдесят процентов чистой прибыли. Причем вы гарантируете, что доля нашей фирмы, т.-е. проценты на капитал и пятьдесят процентов прибыли, будет не менее одного миллиона долларов в год, — резюмировал мистер Вильямс.

— Совершенно, верно, — подтвердил Ибрагим.

— В таком случае, окончательный ответ я вам дам через три дня, так как мне необходимо получить согласие моего патрона. А теперь, надеюсь, вы не откажетесь распить со мною пару кахетинского в восхитительном кафэ «Олимпия»?

— С большим удовольствием.

ГЛАВА XIX

Академик Вольф поражен

Академик Вольф Герман Карлович, профессор Московского Радио-института, один из первых знатоков радио-дела в СССР, работал в своей лаборатории.

Это был мужчина уже преклонных лет, но с бодрой, осанистой фигурой, с темно-русой бородкой, кое-где убеленной сединами; высокий лоб его пересекали морщины. В глубине спокойных сероватых глаз временами поблескивал игривый огонек.

Он был занят нагреванием на электрическом приборе колбы, до половины наполненной блестящим черным порошком.

Вдруг внизу большой люстры, свисавшей с потолка над столом, вспыхнула красная лампочка. Профессор сердито по-

жал плечами и, скорчив недовольную гримасу, ткнул указательным пальцем левой руки в кнопку у края стола. Вошел молодой человек, одетый в студенческую форму, и доложил:

— Герман Карлович, там пришли два молодых человека и просят вас принять их.

— Я же вам русским языком сказал, что я занят, и буду в состоянии принимать только с пятнадцати часов, в своем кабинете, а не здесь!

— Да. Но они настойчиво требуют принять их сейчас. Говорят, что они имеют к вам спешное и очень важное дело.

— Кто они такие?

— Один одет в студенческую форму горного института, другой — краснофлотец.

— Странное сочетание! — улыбнулся профессор. — Просите!

Выключив ток и отложив колбу, с порошком в сторону, он нажал кнопку на спинке кресла. Кресло бесшумно, с помощью скрытого механизма, повернулось в сторону кожаного дивана, стоящего у стенки.

В лабораторию вошли знакомые нам искатели радия Колосов и Аджаяев.

— Присаживайтесь, — приветливо пригласил их профессор, указывая на диван. — Да мы с вами, кажется, знакомы, — сказал академик, вглядываясь в Бориса.

— Да, немножко. Я студент третьего курса Московского горного института, где вы читаете лекции по тектологии, — ответил Колосов и, усевшись на диван, продолжал: — Вы простите нас, Герман Карлович, что мы позволили себе нарушить вали покой, но мы так заинтересованы своим открытием, что не могли дожидаться приемного часа.

— Открытием?

— Да.

— В какой области?

— Мы открыли богатейшие на земле залежи урановой руды, которая содержит необыкновенно большой процент хлористо-радиевой соли.

— Где? В Фергане? — заинтересовался академик.

— О, нет. Там, где меньше всего можно было ожидать. На Кавказе.

— Радий на Кавказе?! — чуть не подскочил профессор. — Да не может этого быть!

— Уверяем вас, что именно на Кавказе мы напали на залежи уранита, — подтвердил Салих.

— В каком же районе?

— Километрах в семидесяти на восток от Клухорского перевала, в районе Средне-Восточного хребта.

— Может быть, вы ошиблись, приняли какое-нибудь другое химическое соединение за уранит?

— Нет, ошибка невозможна. У нас есть с собой доказательство, подтверждающее наше открытие.

— Какое доказательство?

— А вот посмотрите, Герман Карлович, — сказал Борис, подавая ему кожаную сумку, наполненную две недели назад в шахте Ибрагима.

Профессор Вольф взял из нее несколько кусочков руды, переливающихся черным блестящим отливом, и стал рассматривать их, взвешивая на ладони.

— Да, — проговорил он задумчиво, — несомненно, руда обладает всеми внешними признаками уранита. Все же для безошибочного определения настоящей ее природы следует произвести небольшой эксперимент. Разрешите? — спросил он, обращаясь к посетителям.

— Пожалуйста, Герман Карлович!

Академик нажатием кнопки повернул свое кресло столу и весь углубился в работу.

В лаборатории наступила полнейшая тишина; только мерно тикали большие настенные часы, закованные в стекло, да изредка профессор то громко, то совсем тихо издавал носогортанные звуки, характеризующие степень удивления или недоумения. Совсем бесшумно работал альфа-электроскоп, стоявший на стеклянной подставке перед профессором.

Наши друзья продолжали сидеть на диване, и с величайшим волнением следили за каждым движением профессора, за каждым его вздохом, точно приговоренные к смерти — за приготовлениями палача к казни.

Большая стрелка часов уже давно очертила полный круг своим острым концом, а профессор все еще занимался исследованием, склонившись над столом. Наконец, когда в воздухе прозвучал последний, одиннадцатый, удар настенных часов, звуки которых медленно и мягко расплывались, тая в обширной

лаборатории, профессор встал и, подойдя к насторожившимся посетителям, с улыбкой сказал:

— Ну, мои юные друзья, разрешите мне, первому от всего научного мира, поблагодарить вас и поздравить с блестящим всемирным открытием!

Юные исследователи в первый момент настолько были ошеломлены словами профессора, что не могли произнести ни слова.

— В большой степени за это открытие, если оно имеет какое-либо значение, мир обязан вам, — оправляясь от волнения, скромно ответил Колосов. — Это вы открыли нам заветные тайны науки.

— Ну, друзья, мои заслуги в этом деле вы уж слишком преувеличиваете, — весело сказал профессор, — а что касается до значения вашего открытия, в котором вы сомневаетесь, то оно огромно. Я много лет работаю в этой области, имел дело со всеми радиоактивными веществами, но сейчас я был поражен той колоссальной эманацией, которой обладает добытый вами уранит. Мой альфа-электроскоп, лучший в СССР, отказался точно показать насыщенность радиевой руды — слишком большое напряжение. Но и то, что он показал, приведет в восторг весь научный мир. Да, кстати, скажите, как велики залежи, по вашим предположениям?

— Мы при таких странных обстоятельствах сделали наше открытие, что, к сожалению, не могли заняться специально вопросом точного определения залежей. Но думаем, что та сила излучения, при которой человек, попавший в ущелье, где скрыты залежи урановой руды, парализуется и через несколько часов погибает, вот эта сила и говорит кое-что о богатстве месторождений.

— На поверхности земли парализует и убивает человека?! Да это неслыханное в науке явление! Это невозможно! — вскричал Вольф, пораженный.

— Тем не менее, это так, — спокойно ответил Колосов. — Мы, конечно, не имели счастья на себе испытать силу излучения, не хотели принести себя на жертвенник науки, но имели неопровержимые доказательства того, что всякий человек, вступивший в ущелье, Ущелье Дьявола, как местные жители его называют, будет убит эманацией.

— Но, в таком случае, сама руда должна находиться на поверхности земли, что тоже почти невозможно.

— Нет, залежи находятся на глубине пяти-шести метров.

— На глубине шести метров!!! Убивают человека!!! Колоссальная сила излучения!.. Это непостижимо! — волновался академик. — И неужели вы копали шахту такой глубины для того, чтобы добыть несколько кусочков этой руды? — заинтересовался Вольф.

— О, нет. К нашему счастью, мы нашли их уже готовыми, — загадочно улыбнулся Салих.

— Как — готовыми? Разве залежи уже эксплуатируются? — вскричал заинтригованный профессор.

— И да, и нет...

В это время вспыхнула красная лампочка на люстре, заменяющая звонок.

В лабораторию вошел тот же студент, который ввел сюда друзей.

— Герман Карлович, срочная телеграмма вам, — сказал он, подавая свернутую бумажку.

Профессор поспешно пробежал глазами телеграмму и произнес, обращаясь к посетителям:

— Меня срочно вызывают в Ленинград. Сейчас около двух часов, в три двадцать уходит ленинградский экспресс. Завтра я буду в Академии Наук и самым подробным образом доложу о вашем открытии. Вы разрешите мне взять часть добытой вами руды?

— Пожалуйста, пожалуйста!

— Зайдите ко мне денька через четыре, потолкуем об этом деле. Будьте добры, скажите мне ваши адреса... Ну, вот и готово, — кончил записывать академик.

— А теперь позвольте еще раз поздравить вас, — закончил он, пожимая руки юным друзьям.

Те поблагодарили его за прием и ушли, окрыленные надеждой.

Через пять дней неразлучные друзья снова сидели на кожаном диване лаборатории академика Вольфа.

Профессор спокойно прохаживался взад и вперед.

— Итак, мои юные коллеги, вопрос об организации экспедиции решен окончательно в положительном смысле. Правда, как и следовало ожидать, в Академии Наук известие о вашем открытии встретили с некоторым недоверием. Но потом, когда я привел в доказательство все имеющиеся у меня данные, к нему отнеслись положительно. На совещании было принято решение об организации экспедиции, перед которой поставлены три основные задачи: убедиться в существовании урановых залежей, потом определить местоположение и богатство их и, наконец, установить способ их эксплуатации.

Могу еще сообщить, что, к моему великому удовольствию, вы оба включены в состав экспедиции. Я уверен в том, что вы окажете экспедиции неоценимые услуги.

— Мы чрезвычайно благодарны вам, Герман Карлович. Постараемся оправдать оказываемое доверие. Герман Карлович, вы тоже примете участие в этой экспедиции? — спросил Колосов.

— Да, мне поручено руководство.

— Присоединяясь к благодарности, высказанной моим товарищем, я заявляю вам, как руководителю экспедиции, что я, к моему величайшему сожалению, участвовать в экспедиции не могу — через неделю я должен явиться в училище, — с грустью сказал Салих.

— Вы ошибаетесь, молодой человек. Академия Наук ходатайствовала перед штабом флота о предоставлении вам отпуска и уже получила извещение об удовлетворении просьбы. Вот письмо на ваше имя, — произнес профессор, подавая запечатанный конверт.

Салих повертел письмо, затем разорвал конверт и быстро пробежал напечатанную на машинке официальную бумажку:

С.С.С.Р. Нар. ком. по мор. делам. Штаб морских сил Балтийского моря. Штаморсибалт «—» 192—г. № 4589 Ленинград, Гл. Адмиралт.	Слушателю Военно - морского имени т. Рошаля училища Аджаяеву Салиху. Штаб морских сил Балтийского моря настоящим извещает вас о том, что, согласно приказа по морским силам Б. М. за № 512 от „...“ 192...г., вы откомандировываетесь в распоряжение Академии Наук сроком на три (3) ме- сяца, по истечении которого вам надле-
---	--

жит явиться по месту службы. В случае невозможности своевременной явки, распоряжением главного руководителя кавказской экспедиции, академика Вольфа Германа Карловича, срок командировки может быть продлен еще на один месяц сверх указанного в документах, с обязательным письменным уведомлением штаба. Срок командировки считать с момента издания приказа.

При сем прилагаются документы.

Основание: Приказ по морским силам Б. М. за №...

„ ... “ 192 ... г.

Начальник штаба Г.

Комиссар штаба Д.

Пока Аджаяев разбирался в документах, академик продолжал шагать по лаборатории и, как будто рассуждая вслух, говорил:

— Я воображаю, какое огромное экономическое и культурное значение будет иметь разработка этих богатств не только для этой отсталой окраины, но и для всего Союза. На опыте долгих лет работы я убедился, что радий является поистине неисчерпаемым, вечным источником энергии. Радий — это тот вечный двигатель, который так тщательно искали средневековые алхимики. Несколько сот килограммов чистого радия с успехом могут заменить абсолютно все виды энергии, которые имеет наша страна, и с рабской покорностью будут приводить в движение весь огромный хозяйственный механизм Советского Союза. Не надо будет сооружать таких громоздких гигантов, как Волховстрой, Днепрострой. Трудно сейчас предначертать пути развития радиевой техники, но теперь уже ясно, что обладание огромными запасами радия со временем совершенно преобразит хозяйственное лицо нашей страны.

— Да, не только культурное и экономическое, но и политическое значение сыграет это открытие, — присовокупил Борис. — Ведь только подумать: целыми веками эти несчастные меньшинства — черкесы, чеченцы, абхазцы и десятки других — угнетались, преследовались и эксплуатировались царским самодержавием. Они были рабами нашего века. Теперь не то.

Победа революции, создание Советского Союза, а главное — развитие индустрии на окраинах вызовут к жизни новый класс пролетариат. Разовьются у этих народов творческие, созидательные силы. И эти до сих пор полудикие окраины совершенно преобразятся.

— Да, да, конечно, вы правы, — согласился профессор. — Для царского правительства все горцы были разбойниками, воинственными племенами. Но, на самом деле, они в подавляющем своем большинстве совсем не воины, а мирные земледельцы, труженики, крестьяне, пастухи. Воинами они делались поневоле. Делались только потому, что их свободе всегда угрожала опасность со стороны сильного соседа — жадного самодержавия.

— Да и у нас у многих сохранилось такое представление, что горец — это непременно воин, — подтвердил Колосов. — В моем сознании, например, до поездки на Кавказ не укладывалось понятие «горец» без ружья за спиной, без кинжала за поясом, без боевого коня. Я, видевший чеченцев, осетин и черкесов только в «диких дивизиях», только в карательных отрядах в бурках, в мохнатых папахах, с шашкой наголо мечущихся по городу, не мог себе представить этих горцев, мирно пахущих, прилежно обрабатывающих свой скудный клочок земли. Не мог себе представить, что этот, как мне казалось, по природе воин может с киркой и лопатой в руках долбить скалы и вламываться в самое сердце гор. Теперь я убежден, что воинственность вызывалась окружающей средой.

ГЛАВА XX.

Гроза разразилась

Гроза разразилась именно в тот день, когда это предсказывали упорно носившиеся слухи. Чегем-Баши, спавший неспокойным, лихорадочным сном, проснулся очень рано.

Как только заалела заря, встали черкесы-хозяева и пошли в загоны считать своих овец и коз. К великому изумлению, все они нашли свое движимое имущество в полном порядке. Овцы встретили их веселым блеянием, а козы резво бегали вокруг.

Радостно простирали черкесы руки в сторону священной Мекки, горячо благодарили Аллаха. Облегченно вздыхали и снова возбужденно пересчитывали свое богатство.

Выгоняя свое стадо на пастбище, каждый думал:

«Значит, все эти слухи — одно вранье. Значит, прав был Гомид, который утверждал, что ничего не случится. Слава Аллаху!»

И день как будто соответствовал хорошему настроению Чегем-Баши. С утра ясный и теплый. С безоблачного голубого неба огненной лавой лились раскаленные потоки лучей. Даже горный орел-ягнятник, как бы поддаваясь общему настроению, поднялся выше, в безоблачную высь, и там плавно парил, купаясь в небесной синеве.

Однако к полдню погода резко изменилась. Небо заволочло темными, свинцовыми облаками, спустившимися до самых вершин. Орлы-ягнятники и ястреба с резкими криками кружились над самыми вершинами леса.

К этому времени дня относятся и первые раскаты грозы, разразившейся в Чегем-Баши. Точнее выражаясь, нужно было сказать, что это были совсем не громовые раскаты, а испуганный детский лепет младшего сынишки знакомого нам черкеса Саида Тунаева.

Этот восьмилетний мальчуган, которому вместе со старшим братом было поручено пасти овец в горах, прибежал вспотевший, перепуганный и всхлипывающим голосом передал отцу:

— Папаня, папаня, издохла большая белая овца с подрезанным ухом. Черная Хромуля с ягненком тоже заболела.

Эти слова прозвучали для Саида, как первый гром среди ясного дня.

Собственно, здраво рассуждая, ничего необыкновенного в том, что издохла овца, не было. Да мало ли их издыхает? Не пройдет и дня, чтобы тот или иной домашний пастух вместо овцы принес вечером только свежесодранную шкуру. Никто не удивлялся, не горевал.

Но издохнуть овце в тот день, когда предсказывалось начало возмездия Аллаха, — это было зловещее предзнаменование.

Саид Тунаев, мысли которого были настроены именно на этот лад, выслушав сообщение сына, стоял пораженный, бессвязно бормоча какие-то призывы ко всемогущему Аллаху.

Затем он, скорее инстинктивно, по привычке, чем сознательно, подвязал к поясу ненужный ему кинжал и бегом направился в горы, где паслись обыкновенно овцы.

Слухи о первой жертве всепожирающего мора с быстротой радио-волны облетели весь аул.

Услышал об этом и председатель аульского совета Гомид. Не придавая большого значения как смерти овцы, так и распространившимся слухам, он все же решил принять срочные меры к выяснению дела.

Быстро созвал экстренное заседание совета, где решено было создать тройку под председательством самого Гомида для борьбы с распространением ложных слухов.

Тройка сейчас же приступила к работе.

Через два часа было получено сообщение с пастбища о гибели еще пяти овец. Опасность становилась реальной.

Гомид, отправив на пастбище одного из членов тройки, позвал к себе лучшего джигита аула Сахиба Ходжаева и сказал ему:

— Возьми вот бумажку и скачи в город, в совет. Там тебе укажут, где живет ветеринарный доктор; ты передашь ему эту бумажку и потом привезешь его в Чегем-Баши.

— Вилитинарный доктор? А. что это за человек?

— Ну, ученый знахарь, который лечит овец, коров, лошадей и другую домашнюю тварь. Скотный доктор. Понимаешь?

— Товарищ Гомид, так зачем нам его? Лучше я поκληчу Мурада Оразова. Он по этой части ударяет. В прошлом году он с одного раза вылечил моего быка, и не дорого, всего три с половиной метра сукна взял.

— Да закройся ты со своим Мурадом Оразовым, — сердито перебил его председатель. — Обдирала. Скорей в могилу всю скотину загонит, чем вылечит.

— Мне все равно, я поеду. Только у меня арбы нет.

— Поедешь на лошади верхом.

— На лошади? А как же барашку? — удивился Сахиб.

— Какую барашку?

— Да скотскому доктору. Разве он бесплатно поедет? Вон на той неделе приехал мой отец из города, так он рассказывал, что там и шагу бесплатно не сделаешь. Он попробовал покормить быков в садике, где всякие цветы растут, но не успел и

налыгач снять, как подходит к нему какой-то начальник в красной шапке и говорит: «С вас, гражданин, рубль штрафа причитается за нарушение порядка».

— Поедет бесплатно. На это он и поставлен, — перебил Гомид словоохотливого джигита. — Для него возьмешь запасную лошадь под седлом.

— Слушаюсь! — сделав под козырек, по-военному повернулся Сахиб и отправился исполнять поручение.

Вскоре вернулся бывший на пастбище член тройки и доложил председателю:

— Всего издохло восемь овец: три у Тунаева, пять у Долобаева, и одна заболела. Больше никаких признаков падежа нет.

— Куда вы дели трупы дохлых овец? — спросил председатель.

— Зарыли в Глубокой балке.

— Напрасно, завтра приедет ветеринар из города, нужно было бы дать на обследование.

— Вряд ли скоро приедет, — раздался голос в открытую дверь.

Гомид удивленно оглянулся. В двери стоял джигит Ходжаев, отправленный несколько часов назад в город.

— Ты почему до сих пор не уехал? — сердито вскочил Гомид.

— Сообщение с городом отрезано.

— Как!.. Почему отрезано?

— «Скрипучая переправа» вновь отправлена в пропасть.

Глаза Гомида мгновенно заискрились свирепым огоньком.

— Опять эти трусливые шакалы действуют исподтишка. Ну, посмотрим, чья возьмет! — пробормотал он сквозь зубы, потом вслух Ходжаеву:

— Ты отправишься в город Скалистой тропинкой, мимо двухголосых ущелий. Правда, сейчас там немножко опасно: обвалы частые, да и на целые сутки задержка, но другого выхода нет.

— Слушаю! — козырнул джигит.

— Не забудь карабин. Смотри в оба: зазеваешься — отправишься туда же, где «Скрипучая переправа», — крикнул ему вдогонку председатель.

Двуногий телеграф принес сообщение с пастбища о том, что издохла болевшая овца Долобаева, и потом до самого вечера все шло спокойно.

Казалось, грозовые тучи, нависшие над аулом, рас-сеялись. Даже члены тройки, вечером расходясь по домам, сожалели в душе, что подняли напрасную тревогу. Однако события ночи убедили их в том, что тревога была поднята не напрасно.

Аул проснулся рано. Как всегда, хозяйственные черкесы, едва накинув бешмет, отправились в баз, куда на ночь загонялись овцы. Через минуту после того, как скрипнула первая дверь аульской сакли, с окраины, где помешался загон Мурзабека, раздался протяжный жалобный вопль, походивший на вой изголодавшегося волка.

Сам Мурзабек, обладатель шестидесяти овец, что в ауле считалось состоятельным хозяйством, стоял сейчас у входной калитки база и, отчаянно потрясая руками, вопил что было мочи:

— О, проклятые гяуры... исчадие ада!.. Да, покарат вас жестокая рука Аллаха! О, моя баранта! Лучшие овцы лежат, сраженные твоим гневом, о великий Аллах! О, моя славная Кривоножка, ты не будешь больше резвиться, твоё веселое блеяние уже не пробудит от сна твоего славного хозяина Мурзабека Гусейна! О, мой тонкошерстый Гунит, твоя шерсть не будет больше приносить в мой карман божественные бумажки, за которые все дают...

Он поочередно подходил к каждому труп, теребил его за рога, за хвост, словно надеясь своими ласковыми причитаниями оживить их.

На стенания Мурзабека сбежалась вся его семья. Жена Бекух-Фатимет, привыкшая всегда бессознательно повторять все, что делает муж, теперь вторила ему. Восемнадцатилетний джигит Тину метался по базу между трупами издохших овец, в десятый раз пересчитывая всех проявлявших признаки жизни. Кончая считать, он тихо, но выразительно ругался и снова принимался пересчитывать.

Тину имел больше, чем кто-либо, оснований быть недовольным происшествием, ибо каждая издохшая овца, составлявшая частицу калыма, уносила с собой надежду на скорую женитьбу.

Через некоторое время за высоким плетнем в соседнем базе раздались не менее отчаянные жалобные причитания. Это бедняк Мишуриев, разбуженный воплями соседа, прибежал в свой баз. Перед его глазами предстала еще более поразительная

картина. Из десяти овец, оставленных в загоне на ночь, семь лежали неподвижными, с выкатившимися из орбит глазами. Две мучились в предсмертных судорогах, испуская жалобное бление, и только одна казалась здоровой, и проявляла неестественную резвость.

С соседнего загона доносился душу раздирающий женский плач.

К тому моменту, когда вершина Адит позолотилась лучами восходящего солнца, над аулом повисла сплошная завеса воплей, брани и плаксивых причитаний. Жалобное овечьё бление вторило людскому гаму, а лай и заунывный, протяжный вой собак дополняли эту жуткую картину.

ГЛАВА XXI.

Тревожная весть

Подготовка экспедиции академика Вольфа на Кавказ подходила к концу. Борис Колосов, назначенный помощником руководителя, был загружен до отказа. Целыми днями он метался по шумным улицам Москвы, осаждая неприступные цитадели центральных совучреждений.

Не сидел без дела и Аджаяев. Ему, как хорошо владевшему пером, было поручено привлечь общественное мнение к организуемой экспедиции, и надо сказать, что в этом он успел более, чем кто-либо. Все газеты в один голос трубили об их открытии, и шаг за шагом описывали подготовку экспедиции. Академик Вольф был доволен. Однажды забежавшего к нему Салиха он встретил такой тирадой:

— Ого, дружище, ты раззвонился во все московские колокола. Этак, если и дальше будешь трезвонить, вся Москва соберется провожать нас, а это неэкономно. Но это еще пустяки, ты, дружище, только посмотри вот на эти египетские пирамиды — это плоды твоего трезвона!

Профессор подвел его к письменному столу, на котором возвышались три большие стопы бумаги. Он указал на среднюю:

— Вот эта самая большая и самая интересная пирамида. Она построена из писем частных лиц. Что за смехотворные

есть письма, с подробнейшими биографиями, с детальным описанием заслуг перед революцией. Взять, к примеру, хотя бы вот это письмо...

Герман Карлович взял верхний лист бумаги со средней пирамиды и прочел:

«Гражданин Вольф.

Недавно я прочел в нашей уездной газете «Серп и Молот» статью о том, что вы организуете экспедицию на Кавказ. Будучи сознательным гражданином Советской республики (два раза подавал заявление о вступлении в комсомол — только не приняли за отсутствием поручителей), я откликаюсь на ваши призывы и прошу зачислить меня в состав вашей экспедиции. Могу оказать большую пользу. Хотя я родился в нашем уездном городе Тихие Болота, Курской губернии, но я хорошо знаком с географией Кавказского края. В гимназии ежегодно получал пятерки; кроме того, два раза был на курортах Кавказских минеральных вод. Знаком с обычаями горцев; бесчисленное множество раз встречал их на базаре в Пятигорске. Могу быть конвоиром. У меня имеется собственное оружие: кинжал и большой револьвер, купленные у черкесов в Кисловодске. Правда, револьвер уже устаревшей техники, да и патронов к нему нет, но в этой отсталой, дикой стране один вид огнестрельного оружия в руках культурного человека приводит жителей в неопикуемый ужас.

Насчет снабжения меня продовольствием и прочими вещами не беспокойтесь: мои родители имеют собственный галантерейный магазин и снабдят меня всем необходимым.

Жду вашего принципиального согласия. Выеду по первому вашему требованию.

Валерий Свистунов».

— Глупые бредни! — пренебрежительно пожал плечами Аджаяев. — Разве я писал для того, чтобы заручиться помощью подобных недоучек-гимназистов?..

— Да, согласен, что это глупые бредни, но тут, в этой пирамиде, есть и дельные, искренние письма.

Он выдернул из стопы небольшой лист бумаги, испещренный мелким почерком, и прочел:

«Герман Карлович.

Во вчерашнем номере «Красной Газеты» сообщалось, что под вашим руководством организуется экспедиция на Кавказ с целью исследования вновь открытых, месторождений радио-активных руд.

Я, как работающий в этой области науки, очень заинтересован вашим предприятием и прошу, если это возможно, включить меня в состав вашей экспедиции.

*Студент Ленинградского горного института
Галкин».*

Аджаев одобрительно кивнул головой.

— Следующая пирамида немного поменьше, — продолжал профессор. — Это отношения и письма от частных, общественных и даже государственных учреждений и организаций с различными предложениями и просьбами включить их представителей в состав экспедиции, снабдить всем необходимым и т. д.

— Гм... Это понятно: ведь курортный сезон там в разгаре! — с усмешкой пробормотал Салих.

— Дальше идет пирамида вопросов, поздравлений и пожеланий. Право, странно становится, когда вокруг пока еще маленького дела поднято столько шума. И все это благодаря вашему чрезмерному усердию, — ласково потрепал профессор курсанта по плечу.

— Я только выполняю возложенную на меня задачу, — полусмущенно ответил тот. Потом, оправившись, уже твердо сказал: — К чему такая скромность, Герман Карлович? Как только дело коснулось вас, вы говорите: «Маленькое дело, а сколько шуму» А не вы ли недели две тому назад утверждали, что это открытие имеет мировое значение? Да притом я еще раз повторяю, освещая вопросы, связанные с нашим открытием и организуемой экспедицией, я вовсе не имел в виду заручиться помощью недоучившихся гимназистов. Исходя из ваших слов, я придавал огромное значение организуемой экспедиции, так как разработка месторождения радия, быть может, положит начало новой эпохе в нашем хозяйстве. А вы, Герман Карлович, знаете, что у нас, в Советской республике, всякое новое великое начинание должно получить одобрение и может

иметь успех только тогда, когда будет поддержано широкими трудящимися массами.

— Так-то оно так, дружище, но только меня несколько смущают вот эти хеопсовы пирамиды. Нужно несколько того... умерить тон; трудящиеся и так услышат...

— О, нет, Герман Карлович, — смеясь, сказал Аджаяев, — я не только не стану бить отбой, но еще больше усилю свой трезвон.

— Ну, тогда, дружище, тебе самому придется стать во главе экспедиции, ибо к тому моменту, когда экспедиция отправится в путь, я погибну в пучине бумажного потока и буду погребен в катакомбах этих пирамид, — сказал профессор с печально-шутливой миной, указывая на загроможденный бумагами стол.

— О, Герман Карлович, я дам всем маминым сыночкам, мечтающим прославиться, надлежащий отпор. А насчет поздравлений — пускай себе поздравляют. Это показывает, что наша экспедиция нашла отклик у трудящихся.

По пути на квартиру Аджаяев зашел на главный почтамт. Там, на витрине, за железной сеткой, среди сотен других писем лн быстро уловил конверт со знакомыми изгибами почерка:

«До востребования. Москва. Главный почтамт.

Салиху Аджаяеву».

В конверте большой лист бумаги, надушенный ароматом горных цветов, пестрел мелким женским почерком.

«Милый Салих!

Почти два месяца прошло с тех пор, как ты скрылся за поворотом скалы «Одиночество», и с тех пор я не имею покоя. Два месяца показались мне целой вечностью. Ты прости меня, Сали, за откровенность, но ты ведь знаешь, как я тебя люблю, а любовь не признает никаких границ, кем бы они ни были установлены.

Сали, если бы ты знал, как я страдаю, не видя тебя! Помнишь, как странно сложилась наша любовь?

Помнишь чудное утро, когда я уезжала, благодарная тебе и радостно возбужденная. Высоко на безоблачном небе стояло солнце, воздух дышал ароматом, но уже тогда незаметно для меня легла на сердце гнетущая тоска.

До первого твоего поцелуя у обрыва скалы я жила одной лишь надеждой, мечтой увидеть тебя. Я грезил наяву. Твой образ никогда не покидал меня. Когда солнце уплывало в туманные волны вершин, а нашу котловину окутывали вечерние сумерки, я ложилась на крышу и мечтала о тебе. Тогда твой образ с необыкновенной яркостью всплывал передо мной, словно сказочный джигит подхватывал и уносил меня в иной мир.

Я жила тобой. Я страдала, по неразгаданной тайне любви. Меня мучили вопросы: «А любит ли он меня? Увижу ли я его когда-нибудь?»

Вот и теперь я страдаю, но это уж не прежние страдания. Неясные, туманные грезы сменились отчетливой, сознательной мыслью о судьбе нашей любви. Ты уехал на север, далеко-далеко, в шумный, многолюдный город. Я часто думаю, какое огромное расстояние разделяет нас, и кто знает, сумеешь ли ты еще раз пересечь его только для того, чтобы увидеть меня? И кто знает, захочет ли бравый моряк покинуть город затем, чтобы сорвать поцелуй с уст одичавшей горянки Наиры?

Милый Сали, ты не сердись. Я знаю, что ты по-прежнему любишь меня, но ведь мир устроен так, что не всегда и не все могут делать то, что желает душа.

Я не суеверна, как другие мусульманки, однако по временам меня тревожит мрачное предчувствие. Быть может, это предчувствие навеяно той обстановкой, в которой я живу. Отец полубольной, по целым дням ноет и брюзжит, вспоминает свою прошлую роскошную жизнь и ругает большевиков, принесших ему жизненные невзгоды. Теперь, когда раскопки в горах прекратились, отец еще сильнее начал ныть.

Брат все время пропадает в Батуме. Недавно приезжал в замок с каким-то господином в шляпе, с ним было еще двое мужчин в студенческих фуражках, наверно инженеры. Все они несколько раз ходили в ущелье. Потом вечером трое — отец, Ибрагим и господин в шляпе — долго совещались. Я кое-что слышала из этого разговора, но признаюсь: я мало что поняла. Говорили они о концессии на радиы, о миллионных доходах. Спорили что-то о большевиках, ругали их. Уходя, господин в шляпе сказал моему брату:

— Ну, мистер Ибрагим, дело за тобой. Обставь этих твердолобых большевиков, и ты — законный директор кон-

цессионной компании «Гаррисон и К^о», с окладом в двадцать тысяч рублей в год, и получаешь пятьдесят процентов прибыли.

— Можете быть спокойны, мистер Вильямс, — сказал мой брат, — я все Советы поставлю вверх дном, а через месяц вы будете иметь законный договор на право разработки урановой руды в районе котловины Чорох.

На другой день они все уехали в город, и вот уж большие недели, как мой брат не подает признаков жизни.

Милый Сали, если бы ты знал, как здесь скучно, тоскливо! Не забывай свою Наиру, приезжай!

Остаюсь любящая тебя Наира».

Письмо возлюбленной произвело ошеломляющее впечатление на Салиха.

«Опять этот дьявол становится на пути! — подумал он про себя. — Нужно спешить. Он способен на все». Зловещая, призрачная тень Ибрагима заслонила для него милый образ Наиры.

Он помчался разыскивать своего друга Колосова. Бориса случайно встретил в Горном институте. Поймав, он вытащил его в длинный мрачный коридор и еще более мрачным тоном сказал:

— Письмо с Кавказа получил...

— От возлюбленной? Держу пари, что изменила: ты хмурий, точно осенняя ночь!

— Не перебивай! — сердито гаркнул на друга Салих, и продолжал: — Плохие вести. Этот разбойник Ибрагим с помощью каких-то пройдох хочет узаконить свое право на участие с радием.

— Узаконить? — расхохотался Колосов. — Не посмеет он этого сделать!

— И смей нечего. Возьмет в концессию, и все наше мировое открытие полетит ко всем чертям.

— В концессию? Прощелыге-то такому в концессию сдают? Да ты шутишь?

— Возьми вот, почитай! — подал Аджаяев письмо другу, предупредительно подогнув интимную часть.

— Чорт возьми! — выругался Колосов, пробежав конец письма. — Этот подлец еще способен напакостить нам. Нужно сейчас же доложить Герману Карловичу.

— Зачем ему докладывать? Ты же сам — большое начальство!

— Руководитель экспедиции — академик Вольф, а не я, и только он может собрать заседание научной коллегии и снести с соответствующими учреждениями.

— Ну вас ко всем чертям! — озлился Салих. — Теперь начнете собрания, заседания устраивать да дискуссировать по этому вопросу. А потом, вместо живого дела, начнете извергать потоки бумажной волокиты. Я сам улажу этот вопрос. Бегу сейчас в Главконцесском.

У двери на очереди сидел толстый, пожилой гражданин, одетый в новенький, с иголки, клетчатый костюм. В одной руке он держал широкополую шляпу, а другой беспрерывно вытирал ручьями струившийся по лицу пот.

Толстяк часто, нетерпеливо сверкал своими серыми заплаканными глазами на дверь с надписью: «Председатель Главного концессионного комитета». В углу, на кожаном диване, полушепотом разговаривали два каких-то дельца, смахивающие на биржевых маклеров.

По приемной нервно, из угла в угол, шагал хозяйственник с туго набитым, изрядно потрепанным портфелем. Он часто вынимал часы и, не глядя на них, снова клал в карман, с досадой впиваясь в ту же заветную дверь. У стенки на стульях сидело еще десятка полтора посетителей. Появление Салиха только на один миг отвлекло их внимание.

Аджаев, одним взглядом окинув всю эту разнородную публику, направился к двери кабинета председателя.

Сидевший на очереди толстяк встрепнулся и, став у двери, предупредительно сказал:

— Гражданин, следующая очередь моя!

Аджаев, раздосадованный таким препятствием, презрительно окинул взглядом толстяка и сердито бросил:

— Подождешь! Есть дела поважнее твоих!

Сильным движением руки он распахнул дверь и переступил порог. Тут он чуть не столкнулся с выходящим посетителем. Салих извинился и уступил дорогу. И только тогда, когда незнакомец захлопнул за собой дверь, Аджаеву бросились в

глаза чрезвычайно знакомые черты лица. Большие черные горящие глаза, характерный, с орлиным клювом нос, немного не гармонирующий с длинными усами, и рот со стиснутыми челюстями и свирепыми складками в углах.

«Неужели этот дьявол уже здесь?» — мелькнуло у Салиха. Но тут его вывел из нерешительности сухой, резкий голос председателя.

— Садитесь, пожалуйста, — указал он на кресло напротив себя. — С кем имею честь говорить и по какому делу?

— Скажите, товарищ председатель, кто этот гражданин, который был передо мной у вас? — не отвечая, спросил Аджаяев.

— Вы пришли ко мне по делу, которое, как мне кажется, не касается этого гражданина. Я вас слушаю! — сухо, но вежливо сказал председатель.

— Ах, простите! — спохватился Салих и, усевшись на указанное кресло, спокойно заговорил: — Вы видите перед собой, товарищ председатель, неуполномоченного представителя Академии Наук и экспедиции академика Вольфа — Салиха Аджаяева.

Председатель незаметно пожал недоумевающе плечами, вопросительно смотря на посетителя.

— Вы удивлены? Сию минутку объясню все по порядку. Вы, товарищ председатель, наверно слышали об экспедиции академика Вольфа на Кавказ, с целью исследования новых месторождений радия? Это открытое нами месторождение радия имеет огромное экономическое значение для нашего Союза. Сегодня я получил из неофициальных источников сведения о том, что кучка дельцов (некоторые из них мне известны) взяли концессию на разработку этих руд. Об этом я доложил по начальству, но когда получил в ответ, что этот вопрос нужно предварительно подвергнуть обсуждению на заседании, я понял, что до концесскома мое заявление дойдет тогда, когда от радия останется одно воспоминание. Я взял на себя смелость обойти все инстанции и обратиться прямо к вам.

Председатель недовольно барабанил по столу.

— Никакой концессии на эксплуатацию радиоактивных руд Главконцесском не сдавал, — деловито, со скрытым раздражением ответил председатель.

«Ну и влопался! — подумал с отчаянием Салих. — И дернуло же меня сунуться сюда — надула девчонка!»

Силясь что-нибудь сообразить, он медленно промолвил:

— Гм! Источник, сообщивший мне эти сведения, хотя и не является официальным, но вполне заслуживает доверия. Эта кучка дельцов может пойти на всякие махинации, чтобы заполучить в концессию лакомый кусок. Мыслима какая-нибудь незаконная проделка...

Потом, как будто что-то сообразив, он неожиданно спросил: — Главконцесском сдавал ли какую-нибудь концессию на Кавказе в текущем году?

— А где находятся открытые вами радиевые залежи? — не отвечая, спросил председатель.

— Восточнее Клухорского перевала, в районе котловины Чорох.

— В районе Чюрох, на территории Карачаево-Черкесской автономной области?

Порывшись в папке, он прочел вслух:

«Дело № 385.

Проект концессионного договора с американской фирмой «Гаррисон и К^о» на право разработки медных руд на территории Карачаево-Черкесской автономной области».

— Даю голову на отсечение, что это они под маской меди пытаются заграбастать радий! — вскочил Аджаяев. — А этот джентльмен, столкнувшийся со мной в дверях, есть не кто иной, как Ибрагим.

— Вы ошибаетесь! Молодой человек, о котором вы говорите, представитель фирмы «Гаррисон и К^о» Джеймс Смит. Концессия сдана на эксплуатацию медных руд. У нас имеется заключение технической комиссии, в состав которой входят компетентные специалисты и представители правительства Карачаево-Черкесской автономной области и Главконцесскома. Это заключение устанавливает, что данный участок не содержит никаких ископаемых, кроме медной руды. У нас нет никакого основания сомневаться, — проговорил председатель, подсовывая ему большой лист бумаги с целым столбцом подписей.

Салих недоумевающе развел руками.

— Товарищ председатель, я убежден, что тут дело не чисто. Я не хочу сомневаться в верности заключения ваших экс-

пертов, но тут со стороны представителя фирмы допустимы незаконные махинации.

— А именно?

— Ну, скажем, для осмотра технической комиссии показывают схожую близлежащую местность; это тем более возможно, что край малоисследован, и точно установить местоположение крайне трудно. Здесь, товарищ председатель, нужно ГПУ, чтобы уловить такого хитрого зверя, как Ибрагим.

— Да, дело требует расследования, — задумчиво согласился председатель. — Хотя договор уже передан на утверждение в Совнарком...

— На утверждение в Совнарком! — вскричал Аджаяев. — Но ведь завтра, быть может, будет уже поздно.

Председатель вместо ответа взял трубку телефона и позвонил:

— Алло... Алло... Дайте коммутатор Совнаркома... Алло... Соедините с кабинетом Алексея Ивановича... Алло... Алло... Алексей Иванович?.. Говорит председатель Главконцесскома... Здравствуйте. Вчера передан на утверждение Совнаркома концессионный договор за № 385. Мне сообщили некоторые сведения относительно этих залежей... Что?.. Да, да... американская фирма «Гаррисон и К°», представительство в Батуме... Прошу на сегодняшнем заседании вопрос об утверждении договора не ставить. Как только вопрос выясню, буду у вас... Да, пожалуйста... До свидания...

— Ну, товарищ Аджаяев, можете быть спокойны за судьбу своего открытия. Завтра дело выяснится окончательно; заходите часам к трем, сообщу о результатах.

Салих, довольный благоприятным оборотом переговоров, поблагодарил председателя и пробкой вылетел из кабинета.

ГЛАВА XXII.

В одинокой сакле

Оставим на некоторое время наших приятелей в Москве и заглянем в саклю бедного черкеса Эшба Гоама.

Сакля старика Гоама, как и все сакли бедных горцев, походившая на кучу в беспорядке нагроможденных камней, приютилась у подножья горы, теряясь на фоне серых скал.

Темную дыру сакли освещал еле теплившийся очаг. В углу, на куче сухой травы, прислонившись к стене, полулежал горец-старик с убеленной сединами длинной бородой. Он возился со старыми заскорузлыми овчинками, от которых несся удушливый запах. Тут же подле него, у стены, полуприкрытое кучей рваных лохмотьев и овчинок лежало, вытянувшись, костлявое обнаженное тело. Спокойное, немного хрипловое дыхание показывало, что человек спит. Изредка из-под овчинок доносились тихие стоны. Хозяин сакли Гоама проворно работал ножом и толстой проволочной иглой, часто останавливался и с беспокойством прислушивался к стону спящего. Безнадежно качал головой и снова принимался за работу.

Вдруг храп внезапно прекратился, и куча грязных лохмотьев зашевелилась. Эшба проворно отложил свое рукоделие, нагнулся к спящему и стал прислушиваться. Тряпье зашевелилось сильнее, из норки показалась взлохмаченная голова, вслед за тем раздался голос на черкесском наречии:

— Воды! Дайте воды!

Старик поднес к губам больного глиняный кувшин, тот с жадностью набросился на воду. Напившись, беспомощно повалился на свое ложе.

— Где я? Что случилось? — заговорил он слабым голосом. — Почему я в этой сакле?

— Спи, кунак! — ласково проговорил старик. — Маленькая царапина скоро заживет. Спи, джигит! Да благословит тебя Аллах!

Но тот, к кому были обращены эти слова, лежал неподвижно, с закрытыми глазами и, не слушая, шептал воспаленными губами:

— Что же случилось?.. Лагеря... Но почему я лежу не в палатке, а в этой проклятой дыре? Ах, да я ведь в отпуску... в отпуску... Как хорошо побродить по склонам родных гор!.. Однако, почему так долго не видно этого проклятого Чегем-Баши? Третий день иду... О, нет, не спущусь в эту сверкающую тусклыми огнями утробу... Станный всадник, зловещий вид... О, меня, брат, не проведешь!..

Постепенно бред превратился в неслышный шепот, и потом тонкая нить мыслей совсем оборвалась.

Приветливый луч вечернего солнца заглянул в глаза больного.

Его голова энергично затряслась, вслед за тем все тряпье сильно заколыхалось, начало разлетаться во все стороны. Наконец виновник этого тряпочного извержения, обладатель взлохмаченной головы и длинного костлявого тела одним прыжком вскочил на ноги.

— Как? Разве уже вечер? Я целые сутки спал! — вскричал он удивленно, глядя на заходящее солнце.

Вдруг он испуганно, схватился за грудь, прислонился к стенке и медленно-медленно, с болезненной гримасой присел на пол.

Безмолвный свидетель этой сцены, старик Эшба, сначала встревоженный стремительным наступлением раненого на его движимое имущество, потом обрадованный выздоровлением больного, отложил свою работу и заговорил:

— О великий Аллах, ты вернул душу джигиту! Славный джигит, мой дорогой гость, снова может ходить, говорить, восхвалять дела твои, о великий Аллах! Ты возвращаешь жизнь достойным и наказуешь провинившихся. Великий Аллах! Только твой всемогущий гнев может покарать правоверных, вышедших из повиновения. Гнев Аллаха, подобно грому небесному, обрушился на Чегем-Баши и поразил все живое. Великий Аллах!

Раненый Ахмет Галиев, которого, наверное, читатели уже узнали, слушал причитания старика, но не мог уловить их смысл. Однако упоминание Чегем-Баши заинтересовало его.

— О каком гневе ты говоришь? Что случилось в Чегем-Баши?

— О джигит, ты много дней лежал бревном в моей сакле. Глаза твои не видели всемогущих дел Аллаха, а уши оставались глухи к воплям наказанных мусульман. Аул Чегем-Баши постигла большая беда: вся баранта пала. Осталось несколько сот овец, которые пасутся на склонах Бабугана. Куры тоже стали подыхать. О, горе, горе правоверным! — закончил старик, складывая руки на груди.

— Значит, и у тебя овцы подошли?

— Милостив Аллах — все целы!

— А как в других аулах? — подумав, спросил Ахмет Галиев.

— Гнев аллаха обрушился только на Чегем-Баши.

«Мои сородичи всегда склонны всякие беды сваливать или на аллаха, или на дьявола. А я ведь помню хорошо, как полит-

рук говорил, что никаких таких аллахов и дьяволов совершенно не существует. Да оно и правда. Аллах, аллах, а кто его видел? Никто. Да притом, что это за всемогущий бог: один аул обстреливает, а в других живут такие же грешники — и хоть бы что...»

Вдруг осененный какой-то новой мыслью, он спросил у старика:

— Где водопой чегем-башинской баранты?

— Там около аула, в озерке Бекеш.

— А ты своих где поишь?

— За углом сакли течет маленький ручеек с вершины Алимы, в нем пою я своих овец.

— Так ты, старина, говоришь, что в других аулах нет падежа? — допытывался Ахмет.

— Несколько недель назад был такой же падеж в соседнем ауле Джанхот. Только истинные молитвы правоверных умиливали Аллаха.

«Опять — аллах! Нет, брат, тут дело вовсе не в аллахе! — подумал про себя Галиев. — Аллах служит только для пускания пыли в глаза. Тут нужно своим котелком поработать, чтобы разобраться во всей этой кутерьме. Жаль вот, что у меня в груди боль... дьявольский всадник, растуды его в забор».

Пораженный новой мыслью, он вскочил.

— Провались я на этом месте, если он не замешан в деле возмездия. Эй, отец, когда издохла первая овца в Чегем-Баши в счет этого гнева аллаха?..

— Мор в ауле разразился в тот день, когда я подобрал тебя в кустарнике у озера.

— Ну, так и есть. Я распутаю это дело, хотя бы мне пришлось столкнуться со всеми силами ада и рая. Хозяин, достань мою двустволку и патронташ, — крикнул Ахмет, напяливая свою изодранную черкеску.

Хозяин засуетился.

— Ой, не ходи, джигит, болен ты. Не дойдешь до аула. Свалишься. Потерпи до утра!

— Нет, нет, добрый хозяин, аллах призывает меня в другое место для великого дела.

Через несколько минут Галиев уже шагал по тропинке, направляясь в Чегем-Баши.

ГЛАВА XXIII.

В плену

На востоке забрезжил уже свет, когда Ахмет Галиев, уставший после бессонной ночи, проведенной в дороге, остановился подле Сторожевой скалы, возвышавшейся над горным колодцем, где приютился Чегем-Баши. Перед тем как начать спуск по крутой, обрывистой тропинке, цепляющейся за уступы гор, он присел на большой, покрытый мхом обломок скалы и устремил свой взор на восток.

Там, на ярко алом фоне небосклона, вырисовывался блестящий абрис гор, облепленных сахаром вечного снега. Глубоко в колодце сквозь предрассветную мглу виднелся еще спящий аул. Тишину изредка нарушал одинокий жалобный лай собаки, многократным эхом отдававшийся в горах.

Ахмет, отдохнув, собирался уже отправляться в дальнейший путь, как со стороны, противоположной аулу, на тропинке, заросшей кустарником, показался молодой горец. Вслед за ним тащился, еле-еле держась на ногах, какой-то человек, одетый по-городскому, с небольшим чемоданчиком в руках. Серый костюм, изодранный в клочья, представлял печальную, но, вместе с тем, смешную картину. Элегантные когда-то брюки в трубочку превратились в короткие трусики с бахромой клочьев, свисавших до колен; желтые штиблеты фасона «джимми», сохранив наружную оболочку, вводили в заблуждение относительно своей крепости. Стоило только незнакомцу неосторожно ступить на острый обломок камня, как он с криком боли хватался за ногу. Из-под хорошо сохранившейся оболочки, там, где должна была находиться подошва, выглядывала нога в дырявом носке каштанового цвета.

Молодой горец, увидав Ахмета, подошел к нему и, поздоровавшись на черкесском наречии, иронически представил своего спутника:

— Городской бараний доктор, товарищ Галин.

«Бараний доктор» смущенно посмотрел на свой потерпевший столько невзгод костюм и поспешно заговорил:

— Это не дорога, а что-то ужасное! Только высокое сознание своего долга и преданность интересам советской власти

заставили меня пойти на такие лишения. Четвертые сутки без отдыха карабкаемся по горам и лесам...

Видя вспыхнувший огонек восхищения в глазах своего спутника, простодушного горца, ветеринар продолжал:

— Но знаете, товарищи, это сущие пустяки по сравнению с тем, что нам, приверженцам советской власти, пришлось перенести во время гражданской войны. Холод, голод, адская работа, преследования белых — были каждодневными спутниками нам...

Ахмету, который с первых слов уловил льстивый, бахвальный тон ветеринара, надоела его трепотня. Он, обращаясь к земляку, спросил:

— Куда идете?

— Из города в Чегем-Баши.

— В Чегем-Баши? — удивился Ахмет. — Но ведь из Кисловодска в аул есть прямая проезжая дорога. Какой дьявол занес вас сюда?

— Мост через ущелье разрушен. Пришлось дать круг, целых два дня потеряли.

— А зачем этот господин идет в аул?

— Падеж скота у нас в ауле свирепствует. Совет послал меня за бараньим доктором в город, вот и тащу чуть живого... Ворчит всю дорогу, нет спасения...

— Гм... У нас, в Красной армии, такая порода людей называется ветеринарными врачами. Да... хотя и не нравится мне его морда, но будем надеяться, что он смыслит в бараньих болезнях, — пробормотал Галиев.

Ветеринару надоело заниматься своим костюмом и слушать их разговор на непонятном языке, поэтому он решил вмешаться в беседу.

— Я поражаюсь дикости и некультурности этого края. Карабкаешься ли на крутую скалу, разговариваешь ли с каким-нибудь горцем, — и кажется тебе, что находишься ты не в Советском Союзе, не в стране, где заложен фундамент социалистического здания, а где-нибудь в дебрях Африки в восемнадцатом столетии. Или вот взглянешь вокруг себя — кругом богатейшие, прямо девственные леса, куда не ступала нога человеческая. Смотришь и диву даешься, спрашиваешь себя: что же делают местные советы? Почему не изгоняют отсюда до

сих пор дух первобытного коммунизма? Спят ли они до сих пор, или в них сидят ярые контр-революционеры?..

Тут эти благородные сетования ярого последователя социализма были прерваны возгласом его спутника, в котором читатели, наверное, уже признали джигита Сахиба Ходжаева.

— Ну, товарищ, двинули дальше! — Видя, как ветеринар, тяжело поднимаясь, качает сокрушенно головой, Сахиб добавил: — Ничего, старина, теперь близко. Вот видишь, белеют ступеньки на ту гору: это и есть Чегем-Баши.

С этими словами он двинулся вперед по узкой тропинке, ловко маневрируя между наваленными камнями. За ним, осторожно ступая, потянулся Галин, а шествие замыкал Ахмет.

Так, молча, спускались они до самого дна колодца.

Сахиб, опередивший своих спутников, ступил на ровную почву и хотел издать ободряющий возглас своим спутникам, которые мелькали между кустарником на высоте ста метров, как вдруг из-за соседней скалы вывернулась фигура человека, закутанного в бурку, направившая на него карабин.

— Ни с места! Молчать!

Сахиб онемел от изумления. Еще более были поражены его спутники, прыгнувшие с последнего уступа и очутившиеся под дулом карабинов. Рядом с первой фигурой появились еще две и, взяв ружья наизготовку, молча стояли.

Еще не совсем рассеявшийся предрассветный мрак, бурки и мохнатые стогообразные папахи мешали рассмотреть лица этих вооруженных людей.

Один из них буркнул что-то своим соратникам, опустил карабин и, подойдя к задержанным, повелительно сказал:

— Отдайте ваше оружие. Бросай на землю ружья, кинжалы и пистолеты!

При первых звуках голоса главаря этой маленькой шайки Сахиб встрепенулся и затем недоумевающе развел руками:

— Умар, да ты ли это? Неужели не узнал Сахиба, пес тебя задери?

Тот, кого называли Умаром, мрачно засмеялся и сердито процедил сквозь зубы:

— Поменьше болтай, давай оружие и айда к атаману! Там все разберут.

Оторопевший Сахиб, не понимая в чем дело, стоял с разведенными руками. Наведенные карабины убедили Сахиба и его спутников, что с ними не шутят. Они поспешно сняли с себя оружие и побросали его к ногам Умара. Тот, навесив оружие на себя, пошел вперед по тропинке, ведущей к аулу, приглашая следовать за собой свои жертвы; двое других двигались сзади арестованных, не опуская карабинов.

Галин, сначала оцепеневший от наведенных на него карабинов, теперь, когда их дула смотрели в затылок, дал волю своему негодованию.

— Это чорт знает, что такое! — ратовал он. — На территории Советской республики творятся такие дела! Меня, представителя соввласти, без всяких оснований арестовывают, даже не арестовывают, а задерживают какие-то бандиты! Это недопустимо. Я вынужден буду обратиться за содействием в ГПУ. Я, наконец, срочно телеграфирую во ВЦИК...

Умар остановился и свирепо бросил разгневанному ветеринару:

— Перестань шлепать языком!

Галин испуганно умолк.

Их ввели в саклю, где помещался совет. Тут их глазам представился целый ночлежный дом. На полу, на разостланных войлоках и бурках, храпело человек семь вооруженных черкесов, совсем одетых. По углам стояли берданки и ружья. На подмостке, покрытом ковром и служившем когда-то столом, лежал горец, завернувшись в бурку, в папахе с позолоченными галунами. Из-под бурки торчал длинный кинжал, сверкающий позолотой. Под боком присосался льюис с боевым диском.

Умар растолкал золотые галуны и, показывая приведенных пленников, что-то торопливо рассказывал. Тот выслушал до конца и, соскочив со стола, крикнул громовым голосом:

— Эй, вы, черти, вставайте, довольно дрыхнуть!

Спавшие моментально повскакивали и схватились за оружие. Но атаман крикнул:

— Оставьте ружья, идите на двор, проветритесь! Далеко не расходитесь.

Сам уселся за стол, придвинул льюис и сказал, обращаясь к пленникам:

— Ну-с, теперь займемся с вами, молодчики.

Сахиб Ходжаев стоял в темном углу сакли и с возрастающим недоумением наблюдал за всем происходящим.

«Что произошло? Почему в совете вместо Гомида сидит какой-то вооруженный незнакомый черкес, по-видимому, атаман шайки? — вопрошал себя Сахиб. — Кругом знакомые лица, но как изменились их отношения к нему, Ходжаеву! Саид Тунаев, не только лучший охотник, но хороший товарищ, почему-то отворачивался. Умар — один из друзей, и вдруг озверел, даже разговаривать не хочет. Правда, в давно прошедшие времена, когда отец Умара был самым богатым хозяином в ауле и держал в ежовых рукавицах бедных горцев, тогда Умар издевался над Сахибом, но ведь сейчас он такой же бедняк, как и многие. Потом этот незнакомец. Кто он такой? Что ему нужно в нашем ауле?»

Пока Ходжаев мучился над разрешением этих вопросов, атаман, обращаясь к Галину, прошипел:

— А, это ты и будешь главным большевиком? Пришел в аул порядок наводить! Подойди поближе, посмотрим, что за птица.

Ветеринар съёжился от пронизывающего взгляда, и семена ногами, подошел к столу.

— Ну, рассказывай, зачем пришел в аул? — допрашивал атаман, вырезывая на столе какие-то пометки кинжалом, один вид которого приводил в ужас городского героя.

— Не знаю, — растерянно лепетал ветеринар.

— Как-так—не знаешь? Что у тебя на плечах — голова или чурбан?

— Не знаю, господин атаман, даю честное, благородное слово — не знаю. Я что, маленький человек. Мне приказало начальство отправиться в аул вот с этим товар...

Тут Галин о чем-то спохватился, поперхнулся на полуслове. Потом растерянно поглядел на золотые галуны атамана и обратил свой умоляющий взгляд на спутника.

— Скотинячий доктор это. Падеж скота у нас был, вызвали лечить, — бросил Сахиб.

— Гм... скотинячий доктор!? — иронически произнес атаман, оглядывая бахромистые брюки Галина. — Знаем таких

докторов... Агент ГПУ! Здорово заgrimировался. Не узнаешь! Пришел изловить нарушителей советских порядков. Слишком толст для этого. Вот повисишь недельку где-нибудь на суку, подсохнешь, и тогда можешь приняться за дело.

— Господин атаман, вы меня оскорбляете, называя агентом ГПУ, — возмущенным тоном заговорил ветеринар. — Мы, люди умственного труда, люди науки, ничего общего с революцией не имеем. Я ветеринарный врач Петр Николаевич Галин, офицер лейб-гвардейского его величества полка. С первых дней революции боролся с большевиками. Агент ГПУ? Да из-за ГПУ мне пришлось покинуть Петроград, скитаться по всей России!..

— Хорошо, господин Галин, присядьте, мы с вами поговорим потом.

Затем обратился к Ахмету:

— А ты что бродишь по ночам?

— Я из соседнего аула, шел в Чегем-Баши к другу, а меня задержали по дороге вот эти головорезы, — ткнул он на стоящих позади конвоиров.

— Кто твой друг?

— Салих Аджаяев, приехал из Балтфлота.

— Аджаяев!..

При этом атаман вскочил и ударил обнаженным кинжалом с такой силой, что целый угол доски со свистом отлетел к дверям. Со скрежетом пробормотал:

— Опять Аджаяев.

Потом крикнул в полуоткрытую дверь:

— Эй, молодцы, валяй сюда!

В саклю влетело трое черкесов.

— Заприте вместе с другими. Башкой отвечаете за них.

Сам, как разъяренный тигр, зашагал по сакле.

Несомненно, читатели узнали в этом блестящем атамане знакомого нам авантюриста Ибрагима, сына Узаир-бея, разоблаченного Салихом в Москве при попытке заключить концессионный договор.

ГЛАВА XXIV.

«Потомок Шамиля»

Что же в самом деле случилось с Чегем-Баши? — спросит законно недоумевающий читатель. — Где же Гомид? Почему в совете вместо него, председателя аульского совета, хозяйничает какой-то пришелец?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам необходимо вернуться немного назад.

Последний раз мы оставили Чегем-Баши в тот момент, когда комиссия, созданная для борьбы со свирепствующим падежом скота, послала в город гонца за ветеринаром.

Однажды ночью, когда тройка в сотый раз безрезультатно дебатировала вопрос о причинах падежа и виновниках бедствия, на другом конце аула, по узким, извилистым переулочкам, меж ступенчатых рядов саклей Ибрагим в ночной мгле незаметно пробрался в саклю муллы.

— Ну, дружище Мустабек, я пришел к тебе по важному, можно сказать, священному делу, — сказал он, небрежно развываясь на мягкой тахте и спокойно раскуривая папироску под взволнованным взглядом старого негодая.

— Во имя Аллаха, я всегда готов пожертвовать собой, — подобострастно проговорил мулла.

— Да ты садись. Чего стоишь как пень? Ведь я больше уж не уздень! Развенчан большевиками...

Мустабек что-то смущенно пробормотал, садясь напротив гостя.

Ибрагим быстрым пронизывающим взглядом окинул все уголки сакли. Мулла, уловив движение гостя, поспешно проговорил:

— Можешь говорить спокойно: никто не услышит, в сакле живу только я один.

— Слушай, Мустабек, на днях мне понадобится десятка два-три надежных молодцов. Они должны иметь оружие.

Черные дуги бровей муллы чуть-чуть сблизились, а выше переносицы легли две складки, сигнализирующие нарастающее недовольство.

Ибрагим, уловив этот сигнал, другим тоном продолжал:

— Впрочем, уверяю тебя, в деле, которое я затеваю, ты так же кровно заинтересован, как и я. Какое это дело, я расскажу потом, когда буду уверен в твоей помощи. Если мой план рухнет, то знай, что вся вера в аллаха полетит к чорту, и того нищенского бакшиша, который ты сейчас собираешь, не видать тебе, как ослу рая.

— Сколько тебе нужно? — переспросил мулла.

— Человек двадцать — тридцать.

— Они получают вознаграждение или извлекут какую-нибудь пользу?

Ибрагим углами рта иронически улыбнулся.

— О, нет, они должны идти на это дело, движимые силой веры в аллаха... Ну, да это уж твое дело. Мне нужны джигиты, свято соблюдающие законы адата и готовые жертвовать собой во имя Корана, как в славные дни Шамиля.

Мулла задумался, как будто решая в уме трудную математическую задачу.

Ибрагим развалился на тахте и, устремив взгляд в дальний угол, делал вид, что безучастно относится ко всему. Вдруг мулла неожиданно вскочил, как бы радуясь решенной задаче, проворно протянул гостю руку и сказал:

— Держи руку... Завтра у тебя будут двадцать отборных джигитов, способных сокрушить самого сатану.

Ибрагим просиял.

— Ну, в таком случае слушай, какое дельце я хочу сотворить с моими молодцами. Но только ни слова... башку долой!

Его кривая, как дуга, шашка зловеще брякнула. Не обращая внимания на протестующие жесты муллы, он подсел к нему вплотную и понизил голос до шепота.

По выражению лица муллы можно было судить о содержании речи Ибрагима.

— Якши, кунак, якши! — наконец одобрительно вскричал он. — О, теперь, гяуры, берегитесь! — И, обращаясь к Ибрагиму, он сказал: — Ты призван спасти веру ислама от поругания. Ты продолжишь дело, начатое Шамилем. Ты должен так же, как наш славный учитель и непревзойденный вождь, собрать вокруг себя всех, кто еще предан Аллаху, кто свято блюдет законы Магомета. Пусть Коран, священная из священнейших книг, руководит тобою, а в нас, служителях Аллаха, ты

всегда найдешь преданных приверженцев и борцов за дело правоверных.

Новый, доморощенный Шамиль полулежал на тахте и, медленно потягивая дым из чубука, одобрительно кивал головой.

Мулла, воодушевленный сочувственным отношением собеседника, продолжал:

— Ты явишься правоверным, как посланный Аллаха, — спасти их от большевицкого разврата. Каждый аул, каждая сакля, каждый выступ скалы должны стать неприступной крепостью, откуда ты будешь поражать своих врагов — большевиков. Ни одного гяура не должно остаться на земле правоверных. Кавказ, с его горами, цветущими долинами, девственными лесами, бурными горными потоками и всеми его богатствами, должен принадлежать только мусульманам, править которыми будешь ты.

Ибрагим внимательно слушал Мустабека. Его честолюбивая, страстная натура увлечена была новой идеей.

Первоначальный план был изменен.

После минутной паузы он сказал:

— Я согласен с тобой. Отныне я — внук Шамиля, Ибрагим, призванный спасти правоверных. Завтра же за дело. Приготовь все к моему появлению!

Затем он завернулся в бурку и бесцеремонно тут же растянулся спать.

ГЛАВА XXV.

Во имя Аллаха

Ибрагим спал чутким, беспокойным сном хищника. Ему снилось, что он стал вождем и повелителем всех правоверных мусульман. Он видел себя во главе многотысячной армии джигитов, бесчисленные отряды которых гарцуют по склонам гор. На вершинах отрогов, холмов и курганов, граничащих с беспредельными кубанскими и ставропольскими степями, стоят его воины, сросшиеся со своими боевыми конями, словно изваяния.

«Шамиль был преданным мусульманином, храбрым воином и гениальным организатором, но он был консервативен. Это явилось причиной его гибели. Я не повторю его ошибок. Недаром же я семь лет учился в институте, — рассуждал во сне Ибрагим. — Я вооружу свой народ пушками, пулеметами и бронемашинами, и тогда я буду непобедим. Много пушек будет у меня. Мистер Вильямс за радий вооружит весь мой народ. На каждом утесе, на каждом отроге, из всех расщелин скал будут торчать их страшные пасти, готовые выплюнуть смертельный плевок шрапнели. И залпы их будут греметь перекатным эхом, отзываясь во всех аулах, и, как призывный клич муэдзина, собирать на борьбу с большевиками всех мусульман. О, это еще не все...»

Перед Ибрагимом всплыл ненавистный ему образ Салиха.

«Вот кто явился виновником всех бед, — заскрежетал зубами Ибрагим. — О, нет, теперь не уйдешь, задушу...»

Он вцепился руками в горло и с остервенением начал душировать его. Вдруг душу раздирающий вопль заставил его протрунуться. Он поднялся, и заспанными глазами огляделся вокруг.

Перед ним стоял раскрасневшийся мулла, испуганно ощупывая шею.

— Тьфу... дьявольское отродье, чуть было не задушил, напугал до смерти!

Гость продолжал сидеть, недоумевающе глядя на муллу и пожимая плечами.

— Будить пришел тебя, — объяснил хозяин, — только нагнулся, а ты сцапал меня и давай душировать...

Ибрагим рассмеялся веселым раскатистым смехом.

Мулла пришел в ярость.

— Смеешься, дьявольское отродье, злоупотреблять моим гостеприимством вздумал... К чорту таких посланников аллаха! Нынче шутишь вцепился в горло, а завтра придушишь где-нибудь в углу... Ни одного джигита не получишь, можешь убираться на все четыре стороны.

— Прости, Мустабек! Право же, я в этом несколько не виноват. Понимаешь, сон такой приснился: я душил своего врага... В это время ты подошел... Прости!..

Мустабек и сам подумал, что уж слишком далеко зашел в своем гневе, поэтому сразу же пошел на мировую.

— Ну, ладно, ладно, верю. Иди, поешь, да пойдем, покажись народу, который уж ждет тебя.

В то время как Ибрагим за обе щеки уплетал айран с чуреками, мулла сидел против него, поджав ноги под себя, и инстинктивно Ибрагима.

— Действуй решительно и смело, — говорил он. — А главное, ври больше, и все беды сваливай на головы большевиков. Не забудь сделать упор на падеж овец. Это сейчас растравленная рана нашего аула. Знай, падеж скота и ненависть к большевикам, вызванная им, — это тот ишак, на котором ты должен взобраться на высочайшую и недоступную скалу славы. Помни, во всех бедах виноваты большевики, и, только избавившись от них, правоверные обретут блаженство на земле. Не забудь сначала сказать, что ты послан самим аллахом спасти правоверных... Тут тебе представляется полнейшая свобода. Измышляй, ври, насколько хватит силы, — эти олухи все равно поверят. Остерегайся комсомольцев: их у нас мало, но действуют они дружно. При первой возможности их нужно обезвредить. Не менее опасен Гомид, наш председатель. О нем я уж позаботился: он будет окружен надежными людьми.

Ибрагим опорожнил всю посуду, стоявшую на низком столике, дослушал инструктаж до конца и, несколько преобразив свою внешность, направился к месту собрания, не забыв пристегнуть пояс с оружием и накинуть бурку.

Окраина аула. Обширная площадка, окруженная беспорядочно разбросанными утесами, пестрела разноцветными бешметами черкесов, собранных усилиями муллы и его приверженцев. Тут, где еще так недавно под звуки тамбуры и зурны веселилась аульская молодежь, чинно поодиночке и маленькими группками сидела вся мужская половина Чегем-Баши. Не слышно было ни громового говора, ни смеха; только хмуро надвинутые на самые брови папахи и широкополые войлочные шляпы, из-под которых сверкали мрачные огоньки глаз, да особенно зловещий блеск посеребренных кинжалов говорили о том, что эта толпа, с виду спокойная, чем-то возбуждена и недовольна.

При появлении Ибрагима с муллой по площадке пробежал легкий гул, похожий на жужжание растревоженных пчел. Собравшиеся так же молча встали со своих мест и сгруппировались в углу площадки, где возвышался отдельный утес, походивший на трибуну. С площадки наискось были высечены ступеньки, ведущие наверх утеса.

Ибрагим, сопровождаемый муллой, медленно, с важностью имама, поднялся на природную трибуну. Окинув быстрым пронизывающим взглядом аудиторию, он внутренне содрогнулся. Ему впервые приходилось выступать перед огромной массой хмурых, раздраженных горцев. Однако, внешне оставаясь спокойным, он принял величественную позу и начал холодным, звенящим, как лязг скрестившихся шашек, голосом:

— Отцы и братья! Много лет назад, когда были живы наши деды и прадеды, Кавказ принадлежал только правоверным мусульманам. Хорошо жилось им. Земля давала обильные урожаи, по склонам гор паслись несметные стада баранты, табуны лошадей без всякого присмотра гуляли по обширным степям. Волею Аллаха цвела земля правоверных. Но вот, с далекого Севера нахлынули русские, которые начали громить аулы наших дедов и грабить их добро. Разгорелась долголетняя борьба. Много славных джигитов пало в этой борьбе, но неверные были сильнее и многочисленнее, и они победили. Теперь земля правоверных мусульман населена гяурами-большевиками. Гяуры богаты. Они живут в больших аулах, в высоких, как Казбек, каменных саклях. Они ездят на быстроногих, не знающих усталости, стальных конях. Гяуры, вопреки священным законам Корана, устроили себе железных птиц, на которых, как горные орлы, парят по воздуху. Гяуры-большевики владеют беспредельными полями и лесами. Большевикам этого мало. Они, как ненасытные волки, посягают на бедных горцев. Высасывают последние капли крови. Вытесняют нас из родных гор, долины и склоны которых кормили наших дедов и прадедов. Теперь они загоняют бедных черкесов, чеченцев, дагестанцев в дикие ущелья и пещеры, где даже медведи дохнут от голода. Те, кто покоряется им и живет по их указанию, впадают в неверие и забывают шариат. Всесильный Аллах жестоко карает всех впавших в неверие. Жестокий мор, страшные болезни, падеж скота, обвалы и наводнения обруши-

ваются на тех, кто забывает Аллаха. Чегем-Баши стал жертвою гнева Аллаха. Сотни овец пали под его ударами, лучшие быки подошли. Буйволы ходят, понуря голову, неспособные к работе. Но это не все. Всесильный Аллах, чтобы доказать свою мощь и покарать всех впавших в неверие, не остановится перед тем, чтобы послать всеобщий мор на людей. Волею Аллаха я призван спасти вас. Я — внук Шамиля, который первый поднял знамя жестокой борьбы против гяуров.

Тут голос оратора, звучавший до сих пор спокойный и величественно, загремел громко и повелительно.

— Отныне я объявляю священную войну всем гяурам-большевикам!

Из задних рядов слышались негодующие протесты.

Но оратор продолжал:

— Я освобожу всех мусульман, я спасу их от всех бед. Я дам им свободно распоряжаться землею, горами и всеми богатствами. Чечня, Дагестан, Ингушетия уже восстали. Первые капли крови уже оросили землю правоверных. Все способные владеть кинжалом, шашкой и ружьем должны стать в ряды священной армии. Смерть тем, кто посмеет сопротивляться воле Аллаха! Клянитесь, что все вы будете выполнять волю имама!

Грозно сверкнув, над головами поднялся целый лес длинных остроконечных кинжалов, и, как внезапный порыв урагана, грянуло ответное:

— Клянемся!

Сквозь многоголосое «клянемся», из задних рядов раздался энергичный протестующий крик:

— Долой бандита!

На месте крика небольшое движение, молниеносная схватка, сопровождающаяся гневным проклятием и стонами; через минуту все стихло.

Тем временем, работая локтями, словно пропеллером, к трибуне пробивался еще молодой, безусый черкес.

В два прыжка, точно разъяренный тигр, он взлетел на трибуну и, потрясая кулаками, заговорил сильным, дрожащим от гнева властным голосом:

— Товарищи, все, что говорил вот этот пришелец, назвавший себя посланником аллаха, является ложью. Он бесстыдно

клеветал на советскую власть, на русских рабочих и крестьян, таких же бедных, как и мы.

Толпа загудела, как встревоженный рой, слышались возгласы:

— Долой!

— Кончай базар!

— Продался большевикам! С дьяволом дело имеешь!

— В России уж нет тех генералов, губернаторов, приставов и атаманов, которые притесняли нас, обирали и угнетали, — продолжал оратор, покрывая шум. — Там властвуют теперь рабочие и крестьяне. Они возвратили нам свободу, землю и все богатства, отнятые у нас генералами и беками. Земля беков и узденей принадлежит беднякам. Земля правоверных принадлежит только им, и никто не собирается ее отнимать. Советская власть никогда не запрещала и не запрещает мусульманам почитать Аллаха.

Ибрагим стоял сзади говорившего оратора, прислонясь к отвесному утесу. Черные дуги бровей выпрямились, круто нависли над налившимися кровью глазами. Руки нервно сжимали посеребренную рукоятку кинжала.

Оратор продолжал:

— Большевики помогают нам строить нашу жизнь. Кто зажег в наших саклях вместо тусклого каганца светлую керосиновую лампу? Кто проложил нам дорогу в город, дорогу, по которой разъедутся две арбы? Кто наполнил нашу «Продай саклю» товарами? Кто построил школу и дал книги, написанные на понятном нам языке? Все это сделали советская власть и наши друзья большевики. Все, что обещал вам этот «посланник аллаха», есть просто обман и пустословие. Неужели вы, граждане, снова послушаете его и снова пойдете на кровопролитную бесполезную бойню затем, чтобы снова полились реки никому не нужной крови? Неужели вы хотите снова обречь свои семьи на голодную смерть? Товарищи, этот бандит пришел...

Оратор взмахнул руками и с глухим стоном полетел вниз с трибуны. Глухо отдался звук упавшего тела. По толпе, как шорох листьев, прошел одобрительный гул.

Ибрагим, потрясая окровавленным кинжалом в воздухе, гаркнул:

— Всех восставших против воли аллаха постигнет такая же смерть. Изловить большевиков и комсомольцев! Запереть в саклю! Выбрать сотенного и готовиться к походу!

Размашистым движением вытер о полу бурки окровавленный кинжал, вложил в ножны и, нахлобучив мохнатую папаху, в сопровождении муллы направился к нему в саклю.

ГЛАВА XXVI.

В тюрьме

Сакля, отведенная под тюрьму, находилась на самом верху лестницы, образуемой уступчатыми рядами аульских улиц. Вдолбленная в скалу, она срослась с горой. Только передняя стена, выложенная камнем и выбеленная, да грубо сколоченная из бревен дверь указывали на то, что здесь человеческое жилье.

Пред этой дверью расхаживал часовой, черкес с винтовкой. Ахмета с его спутниками втолкнули зияющую пасть пещеры-сакли и захлопнули тяжелую дверь. Внутри царил вечный полумрак, только тонкие нити солнечных лучей, проскальзывающих в щели между дверных бревен, освещали эту трупобу.

Тяжелый, насыщенный запахом человеческих испражнений воздух, кучи беспорядочно набросанных полугнилых листьев, на которых в таком же беспорядке, в тяжелом забытье валялись связанные люди.

Сначала никто не обращал внимания на вновь посаженных, потом, когда ветеринар, тяжело плюхнувшись в угол на кучу листьев, ноющим тоном начал причитывать:

— Это ужасно. Прямо первобытные нравы. За тысячу верст приехал ответственный работник советской власти, а тут вместо почетной встречи заперли в эту клоаку. Да еще испытывают крепость нервов обнаженным кинжалом. Это ужасно...

Лежавший около него со связанными руками заключенный поднялся на локоть, с удивлением посмотрел на ноющего ветеринара, затем на его товарищей и, пораженный, воскликнул:

— Эй, Сахиб, да и ты сюда попал?

— Товарищ Гомид, овечьего доктора вам привел. Возьми его, пожалуйста, все время скулит да хвостом вертит, — взмолился Сахиб.

— Поздно, брат, — печально отмахнулся от него рукой председатель.

— А что случилось, товарищ Гомид? Почему ты сидишь в этой дыре, а там хозяйничает какой-то оболтус? Аул захватили бандиты, что ли?..

— Если бы бандиты, а то хуже.

— Ого... — удивленно развел руками Сахиб. — Да что же может быть хуже бандитов? Уж не белые...

— Нет, их нужно окрасить в какой-то другой цвет. Наши аульские восстали. Приехал какой-то проходимец, как видно, из беков, сговорился с муллой, объявил себя посланником Аллаха и поднял восстание,

— Наши аульские... восстали? Против кого?

— Известно... против Советов. Этот проходимец наклеветал на Советскую власть, наобещал всяких благ, взбаламутил людей и объявил русским священную войну.

— Но почему же ты не помешал собранию и не арестовал его?

— Меня не было в ауле. Ездил к Бекеш-озеру. Приехал, когда наше дурачье, развесив уши, поймалось уже на налыгач. Не успел я пробраться к трибуне, как меня схватили, связали и отправили сюда.

— А комсомолия что же?

— Не дали длиннородые развернуться. Секретарь Далиев выступил, но не успел он покрыть его, как этот дьявол полоснул парня кинжалом в спину. Семь человек поймали и арестовали — вот они, — указал он на лежавших рядом, — а остальные скрылись в горах.

— А этот третий кто? — спросил Гомид, кивнув на Ахмета.

— Я? — встрепенулся тот. — Ахмет Галиев. Шел в Чегем-Баши к товарищу Салиху Аджаяеву.

— А, к тому, который ходил в Ущелье Дьявола. Молодец, храбрый джигит. Ну что ж, ты не наш аульский, тебя отпустят, — утешил Гомид.

Наступило молчание. Каждый, уткнувшись в сено, углубился в свои мысли.

Ахмета снова начала беспокоить открывшаяся рана. Переворачиваясь на другой бок, он громко застонал.

— Что, блоха укусила? — шутиливо спросил Сахиб.

— Ранен.

— Ранен? В девятнадцатом году? Или корова пырнула?

Ахмет рассказал по порядку известное нам ночное происшествие у Бекеш-озера, где он получил рану,

Гомид, лежавший подле рассказчика, заинтересовался рассказом.

— Странное совпадение! — задумчиво проговорил председатель. Потом спросил: — У тебя сохранился пучок волос, вырезанный из гривы лошади?

Галиев порылся в кармане и достал оттуда свалывшиеся в комок волосы.

— Какого цвета конь? — спросил Гомид.

Ахмет подошел к двери и, подставив волосы под тонкий ручеек света, сказал:

— Кажется, буланый.

— А каков из себя он? — допытывался председатель.

— Конь — как конь, самый обыкновенный: голова, хвост, четыре ноги. Конячьего языка не знаю, а поэтому не мог узнать о возрасте и социальном положении. К какому полу принадлежит сие животное, к сожалению, из-за темноты не мог разобрать...

— Брось дурить... Я на самом деле тебя спрашиваю.

— Правда же, больше ничего сказать не могу. Вот разве только мне показалось, что Аллах уши ослиные по ошибке приделал этому лошаку да строптивым характером наградил: чуть руку не откусил, когда я подошел к нему.

«Буланая, длинные уши, сердитая лошаденка — разрази меня громом на этом месте, если это не Мустабек. Но что он мог там делать? Такое странное совпадение... Нет, тут дело не обошлось без вмешательства «священного» лица».

— Послушайте, доктор, — обратился Гомид к ветеринару, — от какой болезни больше дохнет скотина?

Ветеринарный врач Галин лежал на спине, с закрытыми глазами и, подложив руку под голову, рисовал себе уют трехкомнатной квартиры на улице Труда. В это время квартира пышет аппетитными запахами лука и жареных котлет. Голубоглазая Эмилия спешит приготовить обед к двенадцати. Не успела еще кукушка на больших стенных часах своим мягким бархатным голосом прокукувать двенадцатый, как в комнату

со смехом ворвались Вера и Коля. Бросив книги на окно, они сели за стол. Коля, погрозив пальцем на кукушку, весело крикнул:

— А ты, пеструшка, и сегодня проспала. Вишь, на целые пять минут позже прокукукала. Я тебя выучу. Будешь работать по НОТ'у, как наш Сергей Сергеевич.

Будь дома сам Галин, он обязательно вспомнил бы: «Завтра нужно позвать часового мастера, отрегулировать ход», — как это он говорил уже больше года. Но сегодня Коля, не получив постоянного ответа, наверное, вспомнит отца:

— Мама, а папы еще нет?

— Нет, детки, скоро придет. Кушайте, сегодня щи очень вкусные.

А Вера, пренебрежительно оттопырив губки, как всегда, скажет:

— Фи... когда он перестанет возиться с грязной скотиной, — противно, да еще ночевать в казачьих хатах...

«Да, — думал Галин, — надо бросить советскую службу. Грязное и беспокойное это дело. Сегодня в одну станицу тебя запрут, завтра в другую тащат. Займусь частной практикой — спокойнее и прибыльней».

Как раз когда Галин пришел к такому важному выводу, касающемуся его дальнейшей карьеры, раздался уже сердитый голос Гомида.

— Доктор, да вы оглохли, что ли?

— Что такое? Нет, слава Богу, я вас прекрасно слышу,

— Я вас спрашиваю, от какой болезни больше всего дохнет скот? (А про себя: «И этот с богом, как мулла с четками, носится. А еще ученый. Дурак!»)

— Да, знаете, разные болезни бывают. К примеру, взять вот хотя бы сибирскую язву. Болезнь заразная. Почти все животные, заболевшие этой болезнью, издыхают. Среди домашних животных свирепствует иногда чума, тоже заразная. Эта болезнь вызывает поголовный падеж скота.

— А как передается зараза?

— Микробы переносят. В одном стаде пасутся, пьют из одного пруда, или просто по воздуху. В позапрошлом месяце в ауле Джанхот была зарегистрирована эпидемия чумы. Болезнь, как после узнали, передавалась через отравленные водоемы. Озеро у них такое есть, где берет начало речка.

— А... а, вот оно что, — протянул Гомид. — Теперь понятно. Ну, погоди ж, дьявольское отродье. Бакшиш уменьшился, — страшать вздумал. Чудеса показывать, собачий сын. Я тебя проучу. Я тебе таких чудес натворю, что самому аллаху тошно станет.

Все заключенные, привлеченные гневом Гомида, подняли головы и вопросительно смотрели на него.

— Неужели вы, товарищи, еще и сейчас не поняли того, что «гнев аллаха», который обрушился на наш аул, есть проделки муллы Мустабека? — обратился к ним председатель.

— Да как же он мог знать, что есть такие болезни? — усомнился кто-то. — Ведь голова-то у него кизьяками набита!

— Э, брат, на такие дела ума у них хватает. У них целая шайка собралась. Недаром же Мурад Оразов, Козиев и Далиев за три дня до падежа угнали свой скот на склон Бабугана. А кто первый схватил меня? Те же Далиев и Оразов. Одна шайка. Сговорились мулла да богатеи. Хотят набить себе карманы, забрать весь аул в свои руки. О, нет, это им не удастся!

ГЛАВА XXVII.

Экспедиция подвигается к цели

Прошло уже два дня с тех пор, как экспедиция академика Вольфа за Баталпашинском сменила удобные и быстрые грузовые автомобили на единственные в своем роде «горные автобусы» — ишаков. Караван, состоящий из двадцати пяти выючных ишаков и пятнадцати всадников, растянулся, словно змея на солнцепеке, и медленно полз в гору, делая по тридцати километров в сутки.

Скалистая, кривая, косая дорога неожиданно прыгала вверх, становилась боком и вдруг совсем исчезала на склонах серых кряжистых гор.

Ишаки, покорно склонив головы, осторожно ступая по ухабистой, усеянной щебнем дороге, с выюками по восемьдесят кило на спине легко взбирались на крутизны, так же свободно сползая вниз.

Салих ехал верхом на кабардинце рядом с Колосовым. Рассеянным взглядом скользил он по развертывающимся перед

ним панорамам. Он думал о Наире, и на вопросы отвечал односложно и невпопад. Колосов, зная его слабую струнку, играл на ней.

— Твоя Наира очень симпатичная девчонка, но при чем тут твой конь? Зачем ты его мучаешь?..

— А? Что ты сказал? — переспросил Салих.

— Я говорю: Александр Македонский был великий человек, но зачем же стулья ломать?..

— Ах, отстань. Ты вечно со своими академическими шуточками носишься. Вот лучше бы высчитал, сколько один грамм радия излучает тепла и сколько его излучит все Ущелье Дьявола, — поддел в свою очередь Аджаяв.

— С удовольствием, если тебя это интересует. Один грамм бромистого радия выделяет в час сто малых калорий тепла. Этого тепла достаточно для того, чтобы в час нагреть сто тридцать граммов воды, около полустакана, на один градус по Реомюру. Через два часа вода будет иметь два градуса, а через трое суток закипит. Исходя из того, что радий составляет одну миллионную часть урановой руды, можно сказать, что из тонны этой руды мы добудем грамм радия. Залежи уранита в Ущелье Дьявола исчисляются в миллионах тонн; значит, тепла, которое излучит добытый нами радий, хватит не только для того, чтобы превратить в ничто самого дьявола, но и полностью заменить все виды топлива, употребляемые сейчас в СССР. Но только еще и еще раз повторяю: пока человечество не изобрело прозодежды для работы с радием, будь осторожен, иначе тебе не пожить с твоей прелестной Наирой...

Но Салих не слышал последних слов. Пришпорив коня, он был уже далеко впереди.

— Совсем с ума спятил парень, — рассмеялся ему вслед Борис.

К Колосову пытался подъехать, неуклюже сидя на седле, академик Вольф. Он усердно колотил каблуками под бока лошади, стараясь обогнать ишаков, на что смышленная горская лошадевка, чувствуя неопытность седока, резонно отвечала спокойным помахиванием хвоста. Видя затруднительное положение профессора, Колосов придержал лошадь и подождал его.

— Ну, как, Борис Георгиевич, вы еще не устали?

— О, нет, Герман Карлович! Я готов без передышки ехать до конца.

— Я вижу, вы и, особенно, ваш товарищ проявляете большое рвение. Это хорошо, но не всегда полезно. Я думаю, что следует устроить небольшой привалец, дать лошадям отдохнуть, да и самим подкрепиться.

— Что ж, я не прочь. Вот спустимся сейчас в эту седловину и остановимся. Там, наверное, и вода есть.

— Распорядитесь, пожалуйста, относительно расположения...

Профессор повернул лошадь и поехал на прежнее место.

Голова колонны начала спускаться вниз.

Подъехал Аджаяев.

— Ну, Салих, сейчас устроим маленький привал в этом лесочке. Поедем выбирать место, — предложил ему Колосов, пуская коня рысью.

— Сейчас привал?! — удивленно воскликнул Салих, следуя за ним. — Но ведь только начало двенадцатого часа. Этак будем двигаться, — как раз к зиме в гости к дьяволу приедем.

— А ты сегодня хотел бы попасть в объятия прелестной Наиры?

Аджаяев промолчал. Спустились в долину, тут умили бег коней и поехали шагом.

— Вот что, Борька, — заговорил вдруг Салих, — мне нужно серьезно с тобой поговорить, как со старшим помощником начальника экспедиции.

— Ого! Начало серьезное, послушаем, что будет дальше, — с серьезной миной вскричал Колосов.

Аджаяев развернул перед ним карту Кавказа и, указывая пальцем на изгиб жирной линии, пересекающей Кавказский хребет, сказал:

— Сейчас мы находимся приблизительно вот здесь. Конечная станция — вот, — ткнул он пальцем в отмеченный крестом пункт. — Если мы будем двигаться и дальше таким же черепашьим шагом, то к этому крестику мы прибудем на четвертый день к вечеру.

— Точнее, на пятый утром, — поправил Борис.

— Это не имеет значения, важно помнить, что эти залежи открыл и присвоил крючконосый чорт Ибрагим. Он же хотел

сплавить их концессионерам, — сорвалось. Из рук ГПУ выскользнул и скрылся неизвестно куда. Надо полагать, что он не примирится со своим положением и постарается наделать нам каких-нибудь пакостей. Мне пришла идея: прежде чем вступить в котловину Чорох, сделать предварительную разведку.

— Да, в этом ты, пожалуй, прав, — согласился Борис, — только вряд ли Герман Карлович согласится послать пять или даже три человека на разведку.

— Не надо и трех. Я поеду один.

— Как — один?.. У него ведь целая шайка!

— Чудак ты, Борька, неужели ты не понимаешь простых вещей? Если хозяин Ущелья Дьявола задумал устроить нам какие-нибудь козни, так с ним не справятся не только пять, но и десять человек. Тут нужно брать не силой, а хитростью. Я берусь разузнать все, что творится в котловине Чорох и ее окрестностях. На третий день к вечеру присоединюсь к вам в том месте, где вы свернете с Клухорского перевала.

В это время друзья остановились на небольшой лужайке. Суетливо шумя, нес свои воды прозрачный горный ручеек. По берегу росли развесистые вербы.

— Подождем Германа Карловича, — сказал, слезая с коня, Борис. — Пожалуй, место самое подходящее для привала. Как ты думаешь, Салих?

— Я вообще против всяких привалов. Это место отвратительное!

— Конечно, Орлиное Гнездо куда удобнее этой долины, — смеясь, ответил Борис.

Аджаев сердито прыгнул с лошади и, ослабив подпруги, пустил ее на траву. Через двадцать минут лужайка на берегу ручейка превратилась в оживленный лагерь. Тонкими прозрачными струйками потянулся дымок от костров.

Академик подсел к друзьям, развалившимся под развесистым буком. Закурив папироску, он мечтательно заговорил:

— И какая чудная природа здесь! Ароматный воздух, восхитительные пейзажи, горные ручьи и водопады с их холодной хрустальной водой, пышные бархатные луга, — все это делает Кавказ одним из замечательнейших уголков земного шара. Я на своем веку исколесил почти весь свет. Был на Альпах, бродил вокруг Везувия, излазил горный Алтай, ходил по улицам Гон-

конга и Бомбея, посетил все красивейшие уголки мира, но ничего подобного Кавказу не видал. Я только удивляюсь, — сказал он, обращаясь к Аджаяву, — как вы, природный горный житель, променяли столь чудный уголок на скучное, серое море?

Салих загадочно улыбнулся.

— Я подвергся общему социальному закону, который называется классовой дифференциацией. Хозяйство моего отца пришло в упадок, жить стало нечем, я вынужден был покинуть аул и искать средств к жизни в городе. Но о море я мечтал, еще бродя по вершинам гор. Напрасно, Герман Карлович, вы так пессимистически отзываетесь о море. Море с бешеными штормами, корабли — стальные гиганты, — это еще привлекательней, чем горы. Вы ведь не знаете, как живут люди на кораблях. За годы службы я полюбил нежнейшие звуки, которыми отмечен там каждый час. Звуки эти — звуки гортанных и певучих валторн. И горнисты, творя их, вкладывают чувство смятения в звуки тревог и сборов, веселый речитатив — для обеда и отдыха, медлительную меланхолию, как восточную песню муэдзина, для спуска флага и для сна в торжественную, немного задумчивую зарю. Я полюбил еще нежнейший переклик склянок, словно спадающих хрустальными каплями с высоты, и переливчатые трели боцманских дудок, напоминающие приманивание каких-то неземных, фантастических птиц. На меня всегда умиротворяюще действовал тихий, журчащий напев динамо-машины, который, как заботливая мать, убаюкивает ночью жителей стального города. В звуках этих, в любви моряков к звукам, к оркестрам, к встречам и проводам музыкой есть своя особая, неповторимая морская романтика. И я заявляю вам, что без них скучно мне, как и всякому моряку, жить на прозаической земле, где люди встают по крику петуха, а чаще всего — по скучному и унылому зову гудков. Ну, ладно, я впал в лирику, — вдруг неожиданно оборвал себя Салих, потом, обращаясь к Колосову, полушутливо произнес:

— Борис Георгиевич, донесите по начальству о моем предложении.

Профессор, выслушав проект о предварительной разведке, с одобрением отнесся к нему.

Через несколько минут Салих лихо вскочил на кабардинца и вихрем умчался.

ГЛАВА XXVIII.

В стане „Шамиля“

Но вернемся в Чегем-Баши. Внешне казалось, что течение жизни, нарушенное появлением потомка Шамиля, вошло в свое русло, и аул снова зажил спокойной советской жизнью. Но достаточно было взглянуть на саклю, где помещался аульский совет, чтобы убедиться в обратном. Вместо красного полотнища, которое черкесы привыкли видеть в праздничные дни на длинном шесте, воткнутом в глиняную крышу, полоскался большой лоскут какой-то темной, замызганной материи с грубо нарисованными белыми полумесяцем и звездой. Около ворот на желтой стене дегтем на черкесском наречии было выведено: «Атаман священной армии аллаха».

Из полуоткрытой двери доносился шум спорящих голосов.

За столом в углу сидел знакомый нам Ибрагим, провозгласивший себя потомком Шамиля. Тут же, вокруг стола и вдоль стен, расселось еще полдюжины человек. В сакле было темно, Густой, табачный дым застилал все туманом. Происходило какое-то собрание.

Говорил Хаджи Тагиров.

— Я истинно, как правоверный мусульманин, предан делу, за которое вы боретесь. В мечети и в саклях, на пастбищах и в ауле, днем и при свете звезд я трудился над выполнением поручения, данного мне советом старейших. Но меня постигло жестокое разочарование. Нынче я пришел сказать вам, что жители аула Джанхот враждебно относятся к нашему выступлению. За призыв присоединиться к нам меня хотели убить. Только всесильный Аллах спас мою грешную душу.

Тут мулла перевел дыхание и, стараясь придать своему дрожащему голосу твердость и убедительность, продолжал:

— Все мои старания внушить правоверным, что они должны бороться против большевиков, не привели ни к чему. Вчера комсомольцы нашего аула, вооружившись, отправились в аул Байдачари, где у них происходят сборы. Пожилые хозяева недовольны нашим выступлением. Некоторые собираются присоединиться комсомольцам против нас. Мусульмане впали в безверие и больше не повинуются служителям Аллаха... Я сказал.

На минуту воцарилась гнетущая тишина. Медленно поднялся со своего места Саид Тунаев и, окинув присутствующих безразличным взглядом, заговорил мрачным голосом, как и вся фигура и скуластое лицо.

Говорил он, как будто рассуждая вслух:

— Гнев Аллаха обрушился на наш аул. Мои последние шесть овец издохли. У моего соседа Мишуриева из десяти осталась одна. Все, кто имел мало овец, лишились их. Баранта Козиева, Далиева и Оразова пасется на склонах Бабугана. Баранты у них как звезд на небе, и вся жива. Почему такая несправедливость?

— Такова воля Аллаха, — заметил кто-то сзади.

— Дела Аллаха всемогущи и непостижимы нашему разуму, — согласился оратор, иронически усмехнувшись из-под нависших бровей. — Но почему люди несправедливы? Пришел великий джигит, назвавший себя потомком Шамиля и посланником Аллаха, и творит несправедливости. Мои овцы подохли, в сакле пустые стены, жена и дети голодают; несмотря на это, у меня взяли пять кур и телку. Теперь требуют, чтобы я отдавал половину своей охотничьей добычи. У Далиева и Оразова баранта жива, — у них ничего не берут. Они были раньше богатые, и теперь у них много добра. Их щадит Аллах, и посланник его ничего не берет. Почему такая несправедливость?..

Поднялся шум, оратор продолжал:

— Я первый взялся за оружие по призыву великого джигита. Я буду бороться за магометанскую веру, но накормите мою жену и детей. Разделите баранту Козиева, Далиева и Оразова между бедными, тогда...

Поднялся невообразимый гвалт. Оратор сел.

К столу вышел аульский богач Далиев. Он весь горел гневом. Бросив уничтожающий взгляд на предыдущего оратора, он гаркнул:

— Саид Тунаев — безбожник. Он выступил тут и хулит Аллаха за его деяния. Кто виноват, что у него все овцы подохли, а у нас целы? Так было угодно Аллаху! Кто посмеет восстать против воли Аллаха? Кунаки, вы слышали, какие черные мысли высказывал Тунаев? Разделить баранту Далиева! Нынче разделить баранту, а завтра разделить моих жен, а послезавтра снять с меня бешмет. Ведь большевики, наши враги, говорили

то же самое. Тунаев — безбожник, он защищает большевиков, его место там же, где сидит Гомид...

— Тебя самого с кручи спустить давно надо.

— Молчать. Продырявлю твою пустую тыкву... — вскричал оратор, хватаясь за пистолет.

Но тут вскочил Ибрагим.

— Кунаки, к чему раздоры? Мы, правоверные, всегда с помощью Аллаха помиримся между собой, нам нужно обсудить сейчас вопрос о том, как изгнать большевиков. Вы слышали, что сказал Хаджи Тагиров? С нами затевают борьбу комсомольцы. Но помните, против Шамиля тоже не раз восставали аулы, и все они жестоко были наказаны Аллахом. Против нас восстали, но мы не одни. Утром разведчики принесли известие о том, что аул Чегерда готов присоединиться к нам. Чечня сильно недовольна большевиками. В Кабарде вспыхнуло восстание. Братья, мы зажгли лучину, пусть же из нее загорится большой костер. Я призываю вас не покладать оружия до тех пор, пока земля правоверных не будет очищена от большевиков.

Дверь с шумом распахнулась, и в ней появился стройный молодой черкес, запыленный, с винтовкой за плечами.

— Асселяму алейхя! — приветствовал он присутствующих. Потом к Ибрагиму:

— Важные вести, атаман.

— Говори.

— По большой восточной дороге идет русский караван. Караван направляется в котловину Чорох. Во главе стоит старик-ученый.

— Большой караван?

— Двадцать пять ишаков с грузом. Десять человек русских да человек пять проводников, все верхами на лошадях и вооружены.

В глазах Ибрагима вспыхнул кровожадный огонек.

— Кунаки! — обратился он к собравшимся. — Довольно спорить и враждовать. Настало время действовать. Идите по своим саклям, отточите ваши шашки, они скоро понадобятся.

Все молча встали и нехотя стали расходиться.

ГЛАВА XXIX

Дискуссия о строительстве социализма под открытым небом

Стояла теплая южная ночь.

В долине, недалеко от Скалистого хребта, на берегу ручейка приветливо мигает огонек, как будто призывая заблудившегося путника под свою сень. Это на ночь биваком расположилась экспедиция академика Вольфа. Огонек — большой костер, разложенный на обширной лужайке. Вокруг костра расположились почти все участники экспедиции. Один проводник возился, сдирая шкуру с только что зарезанного барана. Колосов прилаживал над костром рогатки для подвешивания котла,

Профессор Вольф сидел у костра и перелистывал «Спутник по Кавказу».

— Герман Карлович, нет ли там описания того места, где мы находимся? — спросил сидевший рядом молодой геолог Панов.

— У Анисимова-то? — расхохотался Колосов. — Да он дальше Теберды и носа своего не совал, а мы уж вступили в место, куда вряд ли ступала нога культурного человека. Мы находимся в самом сердце Кавказского хребта.

— Аджаяев, наверно, здесь был, а я считаю его культурным человеком, — подшутил доктор.

— Согласен, но ведь он проезжал на лошади, а лошадь, хоть и культурное животное, но все же до человека еще не дошла. Значит, нога человека все же здесь не ступала, — отпаривал Колосов.

Этот разговор привлек внимание профессора.

— Борис Георгиевич, — обратился он к Колосову, — кажется, товариш Аджаяев сегодня должен был встретиться с нами?

— Да. Это обстоятельство меня самого удивляет. По нашим расчетам, Салих должен был встретить нас в обед к северу от Скалистого хребта.

— Спутался с какой-нибудь девчонкой или попался в лапы Ибрагима, которого вы обрисовали такими мрачными красками, — заметил геолог.

— Салих слишком осторожен и хитер, чтобы его мог провести Ибрагим, — защитил друга Колосов.

— В таком случае, что же могло послужить причиной задержки товарища Аджаяева? Как вы полагаете, Борис Георгиевич? — продолжал расспрашивать академик. — Уж не заблудился ли он где-нибудь?

— О, такой человек, как Салих, способен скорее заблудиться в трех улицах Москвы, чем в горах Кавказа.

— Чем же вы объясните его отсутствие? — настаивал Вольф.

Колосов немного стушевался и молчал в нерешительности. Стараясь казаться спокойным, произнес:

— Я боюсь, Герман Карлович, что на этот раз наш друг был слишком сумасброден и забрался не туда, куда надо...

— Вы хотите сказать, что он попал в старый замок, где вас когда-то поймали в ловушку?

— Совсем не то. Я говорю о том, что он может забраться в самое ущелье, откуда выбраться очень трудно, если вообще это возможно.

Профессор молчал, видимо, взвешивая вероятность высказанного предположения.

— Перед отъездом я его предупреждал о том, чтобы он осторожней был с радием.

— Н-да... до тех пор, пока не изобретена прозодежда, предохраняющая человеческий организм от вредного действия радия, работа по обработке и добыче его будет представлять наивреднейшую отрасль производства, — в раздумье проговорил академик.

— На первых порах это может уменьшить практическую ценность радия. Мы можем встать перед фактом невозможности массовой добычи, если сила излучения действительно так велика, как вы утверждаете, — заметил инженер.

— Но задача индустриализации страны требует быстрой разработки и использования неисчерпаемых богатств, заложенных в радиевых источниках, — горячо возразил Колосов. — И, конечно, рабочий класс нашей страны пойдет на всякие жертвы, чтобы только извлечь из земли такие источники энергии, которые раз навсегда поставят его вне зависимости от всех видов топлива. Даже сооружение таких грандиозных гидро-электростанций, как Волховстрой, будет излишним, ибо

какой-нибудь десяток килограммов радия будет излучать такое количество энергии, которое с успехом может заменить во-семьдесят тысяч лошадиных сил Волховстроя. Я беру на себя смелость дополнить лозунг товарища Ленина и провозглашаю: «Электрификация на основе радификации плюс советская власть есть социализм».

Сидевший рядом геолог покатился со смеху.

— Попробуй-ка сунуться в рабочие массы с таким дополнением к Ильичевскому лозунгу, так тебя там живо вздуют за него, — подтрунил он над Борисом.

— Нужно хорошо пообедать, чтобы понять ленинский лозунг с твоей поправкой, — присовокупил доктор, кстати сказать, любивший покушать.

Академик снисходительно улыбнулся.

— Вы, молодежь, всегда пылко беретесь за всякие дела. Я это ценю. Но в своей пылкости вы часто выбрасываете слишком смелые лозунги, а в головах созревают грандиозные, неосуществимые планы. Вы не учитываете всех трудностей, оттого очень часто останавливаетесь на полпути, неожиданно встретившись с ними.

— Конечно, Герман Карлович, вы правы в том отношении, что во всяком деле нужно учитывать трудности и препятствия, могущие встретиться на пути. Согласен и с тем, что вредно выбрасывать утопические лозунги. Но вопрос о строительстве социализма в нашей стране из области идей и лозунгов перешел уже в область практического осуществления. Теперь уже нет никаких сомнений в том; что социализм без помощи других государств в нашей стране мы строить можем и что это строительство возможно только на основе индустриализации страны. Колоссальное значение для индустриализации страны будут иметь успех нашей экспедиции и массовая добыча радия.

— Ну, вопрос о построении социализма в одной стране пока еще спорный, — отозвался физик Петр Сергеевич Селиванов.

— Как — спорный? — вскипел Борис. — Не вы ли думаете его оспаривать, тогда как вся партия в целом решила этот вопрос в положительном смысле.

— Положим, не вся, — настаивал физик.

— Вы хотите сказать, что оппозиция не согласна с этим. Вы, быть может, сошлетесь на ее демагогические выступления.

О, можете, сколько вам угодно. Оппозиция бита по всем швам и молча отказалась от своих воззрений.

— Ой, отказалась ли?

— Во всяком случае, большинство нашей партии и рабочий класс в целом отвергли воззрения оппозиции. Это достаточно убедительно для нас. А как вы, Герман Карлович, смотрите на возможность построения социализма в нашей стране? — неожиданно обратился к профессору Колосов.

Академик нехотя оторвался от созерцания небесного купола, усеянного мириадами звезд, удивленно посмотрел на своего помощника и сказал:

— Я беспартийный и в политику не вмешиваюсь.

— Я никогда не поверю, чтобы взрослый культурный человек не имел никаких политических убеждений. Правда, он может находиться вне партии, но не могу поверить, чтобы образованный человек, да еще живущий в эпоху, полную революционных потрясений, в эпоху, когда мир резко разделен на два противоположных лагеря, чтобы этот человек стоял между двумя рядами вражеских окопов и кричал: «Я беспартийный, деритесь, только оставьте меня в покое». Это — фикция. В душе каждый человек, даже не находящийся в окопах, признает кого-нибудь из борющихся правым, симпатизирует ему.

— Вы путаете две различные вещи, — возразил академик. — Одно дело — иметь какие-либо политические убеждения, соглашаться с программой той или иной партии, а другое — когда дело идет о таком конкретном вопросе, как строительство социализма в одной стране. По вопросу, о котором даже между лидерами партии, выдвинувшими эту идею, идет спор, я воздерживаюсь высказываться.

Однако, несмотря на категорическое замечание Вольфа, Колосов на этом не успокоился. Он попытался подойти к профессору с другой стороны.

— Значит, для вас, Герман Карлович, все равно, для кого работать? Будут ли плоды ваших открытий использованы для обогащения одного человека или открытия послужат на благо всех трудящихся, — вы этому никакого значения не придаете. Так ли я понял вас?

— Я служу и работаю, мой мальчик, для науки. А наука интернациональна и бесклассова.

— Согласен с тем, что некоторые секторы науки бесклассовы. Нет математики капиталистической и математики пролетарской, так же как нет электричества буржуазного и электричества рабочего класса. Но нужно быть ребенком или дикарем, чтобы не понять того, что как математику, так и электричество, можно заставить служить или на пользу капиталистов, или на пользу рабочего класса. Я не упоминаю о таких отраслях науки, как философия, политэкономия, история и еще целый ряд общественных наук, которые, безусловно, имеют ярко выраженный классовый характер. Отсюда можно сделать вывод: жрецы, творящие и применяющие эту науку в жизни, служат или классу эксплуататоров, или трудящихся.

— В данное время, как вы видите, я работаю на всех трудящихся Советского Союза. Этого вы от меня хотели? — уже с ноткой недовольства проворчал профессор.

— Нет. Меня интересует, верите ли вы, что здание социализма, которое вы строите собственными руками, может быть достроено до конца, вплоть до внутренней отделки, или вы этим так же мало интересуетесь, как раб римского патриция, прикованный к галере, курсом своего корабля.

Раздосадованный настойчивостью Бориса, академик сел поближе к костру, полусердито ткнул своим поношенным ботинком обгоревшую головешку и начал, глядя в разгорающееся пламя:

— Вас, Борис Георгиевич, труднее разубедить в чем-нибудь, чем залить этот костер чайной ложкой воды. Ну, слушайте. Вы, конечно, интересуетесь не столько моими личными взглядами, сколько тем, как абстрактная наука разрешает вопрос, ставший предметом широкой дискуссии. Вопрос, возможно ли полное построение социализма в одной стране, можно формулировать несколько иначе.

— А именно?

— Может ли в данную эпоху существовать и развиваться хозяйство одного государства, изолированное от всего окружающего мира, притом развиваться несколько иным путем и быстрее, чем окружающее? Ответить на этот вопрос можно, только решив, в каком соотношении находится общество данного государства и окружающая среда. Иначе говоря, какими естественными богатствами обладает страна и на какой стадии

развития находится техника. Подойдем с этой точки зрения к нашему государству. Обеспечивает ли наличие природных богатств в нашем Союзе нашу экономическую самостоятельность в отношении сырья? На этот вопрос нужно ответить только положительно.

Конечно, некоторые указывают на то, что наша республика не имеет продуктов, произрастающих в тропических странах. Но этот пробел легко может быть заполнен при современном уровне знания и техники. Техника в нашем хозяйстве стоит на таком уровне, что вполне обеспечивает возможность эксплуатации этих природных богатств. Преимущество же советской системы перед капиталистической неоспоримо. Таким образом, наличие всех этих положительных данных обеспечивает экономически самостоятельное развитие хозяйства нашего Союза. А раз возможно создание экономического базиса для социализма, то что мешает преобразованию политической надстройки? Правда, этим проблема построения социализма в нашей стране не исчерпывается. Нужно учесть соотношение классовых сил, рост и укрепление новой буржуазии и ее стремление взять под свое влияние крестьянство. Это является основной внутренней опасностью. При умелой политике эта опасность вполне преодолима. Так же, бесспорно, встанет вопрос о темпе и пути, по которому пойдет это изолированное хозяйство. Пойдет ли его развитие по социалистическому пути, или постепенно в нем будут расти капиталистические элементы, которые в конечном счете станут преобладающими? Никакая наука этого предсказать не может. Путь и темп развития всецело зависят от политики господствующего класса и его партии. Пока мы являемся свидетелями того, что вся политика нашего правительства способствует развитию социалистических элементов. Мы видим, что с каждым годом социалистический сектор нашего хозяйства растет. Нет никакого основания полагать, что и в дальнейшем эта политика не будет такою. Таким образом, вопрос о возможности построения социализма в нашей стране можно решить только в положительном смысле. Таков мой взгляд на данный вопрос.

После минутной паузы академик спросил:

— Вы удовлетворены, Борис Георгиевич?

— Вполне.

— В таком случае, разрешите мне пожелать вам спокойной ночи.

Он встал и направился в палатку.

Кругом царила штилевая тишина. Проводник, дежуривший у костра, сидел на чурбане и дремал. Изредка лениво подбрасывал хворост. Костер на минуту угасал, потом ярко вспыхивал, освещая густую стену леса, обступавшего полянку со всех сторон.

Откуда-то издали донеслось ржание лошади, на него отозвалось второе, такое же протяжное, игривое.

Дремавший у костра проводник встрепнулся. Он взял в руки упавшую на землю винтовку, повертел ее, шелкнул затвором и прислушался. Но кругом снова воцарилась тишина. Он успокоился, прислонил винтовку к груди и, склонившись, опять задремал.

Между тем, минут через десять послышался совершенно ясный топот конских копыт по каменистой дороге.

Один из погонщиков, спавший тут же около костра, разбуженный шумом, поднял голову и прислушался.

Топот затих, но зато теперь ясно было слышно фыркание лошадей.

— Эй, Сулейман! Храпишь? Смотри, шакалы голову отгрызут.

Дежурный проводник Сулейман проснулся и спросонья растерянно осмотрелся кругом.

— Послушай, что там лошади фыркают, уж не отвязались ли? — сказал погонщик своему товарищу, закутываясь в бурку.

Сулейман нехотя встал, подшвырнул ногой обгоревшие голешки и направился к коновязям.

Кони, чувствуя приближение человека, заволновались. Ишаки упрямо рвались с привязей. Сулейман подошел вплотную к ним и при слабом свете костра ощущал поводья, они оказались целыми, лошади на месте. Озадаченный странным поведением лошадей, он направился по границе леса, окружавшего полянку.

Не успел он сделать и десяти шагов, как вдруг под самым носом от деревьев отделились две фигуры и загородили про-

воднику дорогу. В нос больно стукнул ствол длинного черкесского пистолета, вслед за тем чей-то сердитый голос прошипел на ломаном русском языке:

— Стой на мэсты! Рука подымай квэрху!

Но сзади кто-то уж крепко, тисками, сжимал руки, стараясь связать их. Стоявший спереди продолжал настойчиво рычать:

— Подымай рука навэрх! Стрылять буду!

— Что вы смеетесь, товарищ? Разве я виноват, что мои руки держат сзади? Прикажите их бросить — и я подыму, — сердито вскричал Сулейман по-черкесски.

Вслед за его словами из-за спины кто-то проворчал:

— Этот готов. Умар, иди помогай остальным, а я его покараю.

Со всех сторон поляны тихо темными призраками подвигались закутанные в бурки люди к костру. Кольцо быстро сжималось вокруг маленького лагеря экспедиции. Наконец, когда кольцо сомкнулось вплотную, все, как по сигналу, остановились. Несколько человек, отделившись, тенями прошмыгнули к погасшему костру и в палатку. Прошло несколько мгновений.

Вот они по одному стали появляться, неся что-то в руках. Вдруг вскочил погонщик и громко заругался.

Где-то сзади цепи раздалось резкое, отрывистое: «Пли!..» Грохнул дробный, многоголосный залп, гулким эхом отозвался он в горах и, перекатываясь, разошелся, удаляясь, словно круги на воде после всплеска.

Поднялась невообразимая суматоха. Люди, ошеломленные, вскакивали на ноги полураздетые, галдели, хватаясь за все, что попадет под руку, метались, сдавленные в железное кольцо ошестинившихся стальных ружей.

В следующий момент раздался снова резкий, приводящий в трепет голос:

— Стой, не шевелись! Бросай оружие! Все, кто попытается оказать сопротивление, будут пристрелены.

Воцарилось относительное спокойствие.

— Вяжите их!

Несколько человек отделилось от цепи и направилось на середину. Вдруг оттуда раздалось несколько пистолетных выстрелов. Послышались стоны, проклятия.

Тогда эта молчаливая масса людей, составлявших кольцо, без всякого сигнала ринулась с гиком вперед.

Не прошло и десяти минут, как все участники экспедиции, избитые, лежали обмотанные веревками. Нападавшие сгрудились вокруг пленных.

Подскочил атаман, знакомый нам Ибрагим.

— Сколько их?

— Четырнадцать человек.

— А где еще один? Упустили, черти. Разыскать сейчас же! Зажечь костер!

Горохом рассыпалась шайка, шаря по кустам.

Ярко запылал костер. Замелькали факелы среди деревьев. Гулко разносились голоса, перекликавшиеся в лесу.

Прошел час безрезультатных поисков. Вся шайка собралась к костру.

— Собирайся в обратный путь, — скомандовал Ибрагим. — Всех пленных доставить в аул живыми.

Быстро погрузили ценные вещи экспедиции на ишаков, а пленных привязали к седлам. Уже светало, когда весь караван уполз под мохнатый покров леса, направляясь к западу.

Восходящее солнце застало на полянке только груды остывшего пепла да в беспорядке разбросанные ненужные вещи, не захваченные шайкой.

ГЛАВА XXX

Комсомолия поднялась

Вечерело. Ночь набросила прозрачную вуаль ночной мглы на скалистый хребет. В долине, заросшей лесом, трудно было ориентироваться.

Аджаев придержал коня и поехал шагом. Узкая дорога шла по крутому восточному склону Скалистого хребта; изредка, расширяясь, она позволяла двум всадникам ехать рядом. Салих посторонился вправо, и к нему лихо подскочил его спутник, ехавший сзади.

Спутник Салиха — Наира одета была в такую же серую черкеску, черные шаровары и широкополую войлочную шляпу.

— Когда же, Сали, мы встретим твоих друзей? Право, мне ужасно надоело ехать, — обратилась она к своему спутнику.

— Наира, еще минута терпения, и твой нос почувствует приятный запах шашлыка.

— Вот уже полдня, как ты твердишь мне об этом. Признайся, что и сам не знаешь, где они, — с ноткой раздражения заметила она.

— Конечно, точно их месторасположение я указать не могу, но, по нашим расчетам, сегодня мы должны их встретить.

— Значит, мы заблудились.

— Нет, это невозможно. Дорога, по которой мы едем, единственно доступная для каравана.

Она ничего не сказала, видимо, взвешивая убедительность его слов,

Так молча ехали минут десять. Вдруг Салих радостно вскричал:

— Браво! Браво! Вот и наши друзья!

Впереди блестел огонек. Несмотря на то, что мрак уже сгустился настолько, что трудно было различать извивающуюся ленту дороги, он прищепил лошадей и рысью помчался вперед.

— Стой! — раздался возглас из темноты,

Салих осадил лошадь и крикнул вперед:

— Свой. Не видишь, Аджаев едет!..

— Мы никакого Аджаева не знаем, — послышался уже ближе гортанный говор. — Слезайте с коней, пойдемте к начальнику, — решительно произнес вооруженный винтовкой молодой черкес, подходя вплотную.

Следом за ним показалось еще двое таких же безусых, как первый, горцев. Быстро оцепили они недоумевающего Аджаева и его спутницу и повели в сторону виднеющихся огоньков.

В этом месте дорога делала крутой поворот влево, зигзагообразно спускалась вниз по склону. Вправо раскинулась небольшая лощина, где и было разложено большим кольцом штук двадцать костров. К ним и вели наших полоненных спутников.

Идущий впереди молодой горец напевал какой-то веселый мотивчик, изредка бросая задним предостережение: «Береги глаза», «Смотри под ноги», «Обрыв!» или «Держи вправо».

Салих с напускной беззаботностью насвистывал «Комсомольский марш».

Наира была недовольна.

Их подвели к большому костру, разложенному посредине огневого кольца. Вокруг него расположилось человек восемь горцев, таких же молодых, как и конвойные.

Некоторые из них сидели у самого костра и на длинных прутах жарили баранину, жадно вдыхая приятный запах.

Двое других тут же на разостланной бурке сосредоточенно возились около разобранного по косточкам Льюиса.

Конвойный, задержавший Аджая, обратился к одному из тех, кто возился у пулемета, и доложил по-военному:

— Товарищ командир, на большой дороге задержаны два неизвестных человека. Они вооружены. Один из них, кажется... — тут он смущенно остановился и посмотрел на Наиру, потом решительно продолжал:

— Один джигит очень похож на женщину. Грудь большая, и все время молчит.

Тот, которого он назвал командиром, весело рассмеялся:

— Украл невесту себе... Что же вы, черти, помешали брачному обряду?

Тут Салих, задетый за живое, вспылil и, сделав шаг вперед, сказал, обращаясь к безусому командиру:

— Прошу зря языком не болтать: я не какой-нибудь сумасбродный похититель невест, а участник экспедиции академика Вольфа, еду по делам...

— Участник экспедиции? — с удивлением спросил командир.

— Да, участник экспедиции, Салих Аджая. Прошу отпустить немедленно, в противном случае...

— Товарищ Аджая! Да и верно, медведь тебя задерi, тебя и не узнаешь в этой одежонке? — весело воскликнул командир, радостно тряся руку изумленного Салиха.

Салих пристально всматривался в лицо приветствовавшего горца, стараясь вспомнить, где он мог встречать его.

— Неужели не узнаешь чегемских джигитов-комсомольцев? — вскричал второй пулеметчик.

— А!.. Сантал, Бабаев, да и вся чегемская братва тут!

— Немножко не вся, — заметил кто-то.

— Но почему вы все вооружены? Лагерный сбор проходили или с кем воевать собрались?

— Ну, об этом поговорим после, — сказал Бабаев, которого называли командиром. — Присаживайся к костру. Сейчас барашек будет готов. Давай своего товарища. Он немой, что ли? Молчит, точно Сторожевая скала.

— Присаживайся, Наира, — пригласил свою спутницу Салих, подсаживаясь к костру. — Придется, наверное, открыть твоё инкогнито, — продолжал он шутливо.

Потом, обращаясь к джигитам, сказал:

— Верно, ребята, мой товарищ не джигит, а девушка, зовут Наирой. Но она вовсе не похищена и пока не является моей невестой, — ты, брат Бабаев, напрасно трепанул. Ну, не стесняйся, Наира, присаживайся, — ребята свои.

Бабаев вынул из костра длинный вертел с большим зарумяненным, смачно пахнущим куском баранины и, ловко повертев им в воздухе, воткнул одним концом в землю.

— Ну, режь и валяй, сколько влезет.

Почувствовав запах жареной баранины, желудки наших друзей дали знать своим обладателям о том, что они не получали сегодня почти ничего, за исключением пары лавашей и куска сыру.

Аджаев поспешил удовлетворить справедливое требование желудка, отрезав увесистый кусок себе и своей спутнице.

Отвечая на вопросы Бабаева и Сантала, Аджаев рассказал им о том, как он снова попал на Кавказ и как оторвался от экспедиции.

Тем временем от баранины остался один начисто обглоданный мосол да приятное воспоминание.

Аджаев собрался уходить.

— Ого! Уже цыганское солнце взошло, — сказал он, глядя на луну. — Надо ехать. Наверное, и мой старикашка где-нибудь поблизости расположился со своей оравой. Ждет, небось. Уж очень медленно тащится он с этими ишаками.

Бабаев многозначительно переглянулся со своим соседом и спросил:

— О каком старикашке ты говоришь, Салих?

— Да о том, который стоит во главе экспедиции: академике Вольфе.

— В таком случае, ты говоришь неправду, Салих. Твой старикашка передвигается со скоростью быстрого кабардинца, и сейчас находится далеко отсюда.

— Ты хочешь сказать, что он едет слишком медленно?

— Нет-нет. Именно очень быстро. Слушай, расскажу все по порядку. Вашей экспедиции, участником которой ты являешься, больше не существует.

— Как не существует?.. Три дня назад...

— Выслушай до конца. Некий абрек Ибрагим организовал банду из восставших жителей аула Чегем-Баши и орудует в нашем районе. Он объявил себя потомком Шамиля и спасителем магометанской веры, и пытается привлечь на свою сторону другие аулы. Мулла и богатеи стараются вовсю, но рыба не клюет. А пока, для удовлетворения волчьих appetитов своей шайки, этот бандит вчера ночью напал на вашу экспедицию и захватил всех в плен. Сейчас он с первой добычей находится в пути в свое логовище Чегем-Баши. Но судьба этой шайки трусливых шакалов уже предрешена: вся молодая комсомольская Черкесия поднялась на борьбу с потомком Шамиля. Я команду вторым комсомольским отрядом, который организован для борьбы с абречеством. К сожалению, сегодня шайка выскользнула у нас из рук.

Салих Аджаев сидел, пораженный и подавленный сообщением о трагическом разгроме экспедиции.

ГЛАВА XXXI.

Тревога в стане Шамиля

Полдень. Тропическая жара. Раскаленный воздух проникал во все поры и буквально расплавлял организм.

Умар, стоящий часовым у сакли, где на крыше грязной тряпкой недвижно повис шамилевский флаг, чувствовал необыкновенную тяжесть в голове; клонило ко сну. Он присел в тени на завалинку и невольно задремал, но проходивший мимо сотенный командир Далиев грубо окрикнул:

— Эй, ты, чортова кукла! Чего спишь, не знаешь, как стоять на часах?

Умар нехотя поднялся и лениво начал прохаживаться вдоль стены.

Между двумя саклями в тенистом уголке лежал серый большой пес. Положив голову на вытянутые лапы, Гунит ле-

жал с раскрытой пастью и высунутым языком и водил глазами вслед за прохаживающимся часовым.

От скуки Умар стал наблюдать за Гунитом.

«А, умная собака!» — подумал он, остановившись подле него.

Пес приподнял голову и, радостно взвизгнув, замахал пушистым хвостом.

«Даже вот слова не успел сказать, а он уж понял...»

От нечего делать Умару пришла в голову мысль испытать понятливость собаки.

Он прошел до другого конца стены, затем вернулся и бросил на собаку суровый, гневный взгляд. Гунит чуть-чуть съёжился и, поджав хвост, остался неподвижным.

Умару понравилось это занятие. Он прошел еще раз к воротам и потом подошел к Гуниту, весело улыбаясь.

Собака поднялась, потягиваясь и радостно махая хвостом.

Но Умар быстро согнал с лица улыбку и гневно сверкнул на собаку — та легла, как прибитая.

Часовой, довольный своим успехом, отошел в сторону, бормоча про себя:

— А из меня хороший приручитель зверей вышел бы, недаром под моим взглядом трепещут все марушки.

Вдруг за его спиной раздался басистый лай Гунита.

Умар оглянулся — никого!

Узенькая, кривая улочка по-прежнему была пуста и хранила гробовое молчание.

— Эй ты, скотина, что ж ты без толку брешешь? — крикнул на собаку часовой.

Но Гунит только усилил лай в сторону, где за гребнем горы, окаймлявшей чегемский колодец, виднелся остроконечный пик Адит.

Умар взглянул по направлению пика.

На голом скалистом гребне отчетливо вырисовывался силуэт всадника.

Неподвижно, изваянием постоял несколько минут всадник, потом неожиданно сорвался с места и глыбой скрылся за гребнем.

Умар в раздумье зашагал вдоль стены.

Собака успокоилась и улеглась обратно на свое место, бросая ласковые взгляды на часового, словно говоря ему: «Вот какова я! Раньше тебя заметила врага, а ты сердиться!»

Но часовой вскоре забыл о всаднике. Он присел на зава-
линке и, закрыв глаза, думал о том, что скоро, когда тень от
сакли дойдет до середины улицы, его сменят. Он мысленно с
наслаждением смаковал крепкий холодный чихирь, висевший
в бурдюке в атаманской сакле.

Как вдруг Гунит снова вскочил и бешено залаял уже в про-
тивоположную сторону, где зияло ущелье, служившее един-
ственным выходом из колодца.

Умар посмотрел туда, и обомлел. По обеим сторонам уще-
лья, на самой вершине, стояло по три вооруженных всадника,
которые о чем-то переговаривались между собой, жестикули-
руя.

Часовой бомбой влетел в атаманскую саклю и крикнул:

— Верховые на горе!

Ибрагим нехотя оторвался от бумаги, на которой что-то
писал, и недовольно бросил:

— Какие верховые? Где?

— Верховые не наши, вооруженные.

— Вооруженные! — вскочил Ибрагим. — Красноармейцы?

— Нет, они в бурках, некоторые в бешметах и папахах.

— Сколько человек? Где? — спросил на лету атаман, выбе-
гая на улицу.

— Вот там, на горе, на краю трещины, шесть человек.

Ибрагим взглянул по указанному направлению, но голые
вершины были пустыни.

— Тебе что, со страху приснились верховые? — сердито
спросил он у часового.

— О, нет, атаман, клянусь Аллахом, там стояло шесть че-
ловек верховых. И совсем недавно такой же всадник появлялся
по направлению горы Адит.

— Эй, Татжибаев, поди сюда! — постучал Ибрагим в дверь
соседней сакли.

Минут через десять оттуда выполз пожилой горец с за-
спанными глазами.

— Ты стучал мне, атаман?

— Да, возьми с собою троих джигитов и поезжай, разведай,
что творится вокруг аула. Поскорей!

— Слушаюсь, атаман!

Как только разведчиков вместе с клубами пыли поглотила
прожорливая пасть ущелья, Ибрагим потерял покой души. Он

нервно сгреб со стола бумаги и, скомкав их, бросил в седельную кобуру. Прошелся раза два из угла в угол, окинул быстрым взглядом полутемную саклю и вышел во двор, держа в руках сильный девятикратный полевой бинокль. По ступенькам взбежал он на крышу сакли и, усевшись в тени на чурбане, начал пристально осматривать горы.

Отсюда открывался великолепный вид на южную часть круглого хребта, за гребнем которого торчала пикообразная вершина Адит. Дальше, насколько охватывал взор, тянулись бесконечные, все возвышающиеся хребты гор, вершины которых упирались в облака.

Ибрагим долго и напряженно водил биноклем по лохматым скалам и скалистым вершинам гребня. Кругом царило полнейшее спокойствие. Воздух, накаленный полуденными лучами солнца, в своем движении вверх создавал иллюзию фиолетового огненного моря, чуть-чуть волнуемого ветерком. Трудно было смотреть на этот раскаленный океан.

Атаман оторвал бинокль от глаз, одним прыжком соскочил с крыши и вошел в прохладную саклю. Тут он нервно, как разъяренный хищник в клетке, зашагал из угла в угол.

— К чорту Мустабека и его шамилевский план! — сквозь зубы бормотал он. — С этими олухами разве что сделаешь? Ты им долбишь о том, что нужно идти и воевать с большевиками, а они со своими хозяйственными делами: у того овцы передохли, у другого жена голодная сидит, а третий хотел бы далиевскую баранту разделить. Сегодня же ночью покину Чегем-Баши. К чорту, пускай эта правоверная гольтьба защищает своего никому не нужного аллаха, а я... я достиг своей цели. — Тут Ибрагим остановился и громко: — О, нет, я с вами еще разделаюсь! Вы жестоко поплатитесь за свое любопытство. Хотите ограбить меня, отобрать мой радий. О, нет, вы не получите! Я открыл эти богатства, они мне и достанутся. Пусть вся коммуна, весь красный ад восстанет против меня, но ни одного миллиграмма радия им не достанется.

Он полуоткрыл дверь и крикнул часовому:

— Эй, джигит, приведи сюда пленного старика!

Скоро в дверях в сопровождении часового появился академик Герман Карлович Вольф. Он сильно изменился за эти несколько дней, проведенных в тюрьме. Полные, круглые щеки

ввалились и стали бледными. И так большой нос теперь резко выделялся на заросшем лице. Он немного сгорбился.

— Ну, как, старикашка, не нравятся тебе наши харчи? Большевики лучше кормят? Вы ведь теперь сделались красными профессорами, овечью шкуру одели.

— Прошу не оскорблять. Я с первых дней революции честно работаю на благо трудящихся.

— Ну, не распинаясь, — поверю! Ты вот скажи, отец, — уже более ласково заговорил Ибрагим, — зачем ты со своей оравой поперся в горы? Что вы здесь ищете?

— Я служу у советского правительства, поэтому иду всюду, куда оно меня посылает. Да и к тому же, земля принадлежит государству, и я полагаю, что вам безразлично, кто ходит по ней.

— Брось чесать язык. Отвечай прямо на вопрос: для какой цели послана ваша экспедиция?

— Во главе экспедиции я поставлен Академией Наук, и поэтому считаю себя обязанным отчитываться только перед ней.

— Значит, не скажешь?

— Нет.

— Ну, тогда слушай, я тебе скажу. Два полусумасшедших парня путались по горам и набрали на ущелье, которое, как им казалось, обладает богатейшими залежами радия. Они развознили об этом по всей России, и в результате сидящие у власти такие же невежды организуют экспедицию с целью подтверждения учеными мужами бредней этих впавших в детство парней. Не так ли, товарищ Вольф? — окончил Ибрагим, подчеркивая последние слова.

— Я уже сказал, что намерен отчитываться только перед Академией Наук.

— Ну, а вот ты лично и твои коллеги в Академии верите ли в правдоподобие бредней? Допускаете мысль о том, что на Кавказе может быть радий? — навязчиво допрашивал атаман.

— Я считаю вас слишком невежественным, чтобы говорить о таких вещах, — заявил профессор, презрительно глядя на него.

Ибрагима взорвало:

— Ах ты, старая гадина, ты еще нос драть вздумал! Я тебя проучу!

С размаху он ударил Вольфа по лицу; кровь брызнула из носа и рта. Лицо профессора перекосилось от боли. Он молча прислонился к стене.

— Отведи назад! — крикнул он часовому. — Сейчас же приведи молодого — Колосова!

Пришел Колосов, вид у него был бодрый.

— А, красный исследователь, — иронически встретил его Ибрагим. — Как, не нашел еще залежей уранита в саклях Чегем-Баши?

Ответом был молчаливый презрительный взгляд.

Атаман, как бы не замечая враждебности, продолжал:

— А где же твой соратник, красный клешник? Струсил? Улизнул?

Тот же ответ.

— Скотина! Разговаривать не хочешь? Заставим! — злобно бросил Ибрагим и крикнул в дверь часовому: — Позвать сюда Хурджиева и Кулиева!

Скоро в саклю, ругаясь, ввалились два зверского вида горца.

— Ты кликал нас, атаман?

— Да. Заставьте этого молодчика заговорить. Способ можете применять любой, не стесняйтесь.

— Насчет этого можешь не беспокоиться, атаман. Мы ему враз развяжем язык. Дело знакомое. Где прикажешь?

— Валяйте тут, веселее будет.

Палачи выдвинули стол на средину сакли и сбросили ковер. Один из них принес со двора мелкого, как горох, щебня и высыпал его на стол. Другой в это время достал пару черных заржавленных шомполов.

Колосов равнодушно следил за всеми их приготовлениями, точно его это не касалось. Когда все было готово, палачи стащили со студента одежду и совершенно голого положили на покрытый щебнем стол. Привязали руки и ноги к ножкам стола и доложили:

— Все готово, атаман, позволь приступить.

Тот кивком головы дал свое согласие.

Палачи, став по обеим сторонам стола и засучив широкие рукава черкесок, приготовились.

— А кожа-то у него какая нежная, что у моей Джанеты! — сказал Хурджиев, шомполом поглаживая по спине Бориса.

Вдруг шомпол со свистом прорезал воздух и с глухим хлестким звуком опустился на спину. На мускулистых лопатках сначала показалась ровная красная линия, а через несколько мгновений вздулась и веревкой легла поперек спины. Палачи с восхищением наблюдали за этим превращением.

Колосов молчал. Первый удар вызвал у него еле заметное содрогание. Прожжужал еще раз шомпол, и вторая веревка легла параллельно первой.

— Что вы с ним нянчитесь? Жаль стало? — крикнул Ибрагим.

Палачи с ожесточением стали сыпать удары. Скоро красные линии и рубцы перекрещивались по всем направлениям. Брызнула кровь. Борис до боли стиснул зубы и, впившись руками в стол, безмолвно переносил адские муки. Это еще больше ожесточило врагов. Они ожидали стонов, просьб, но бездушное молчание привело их в бешенство. Энергичней засветили в воздухе шомпола.

Через несколько минут спина Бориса превратилась в бесформенный окровавленный мясной блин. При каждом ударе кровь брызгами летела во все стороны. Но истязатели, опьяненные кровью, ничего не замечая, продолжали иступленно хлестать.

— Довольно!

Гневный окрик атамана отрезвил их. Они остановились. Посмотрели на кровавое месиво, потом друг на друга и, потупись, отошли в сторону.

— Ни к черту не годится ваш способ. Устарел. Убьете, а толку не будет. Давай другое.

Палачи подошли к своей жертве. Отвязав конечности, попытались поставить на ноги. Но жертва продолжала лежать неподвижно. Принесли кувшин холодной воды и начали его отливать. Минут через десять Колосов открыл глаза и, шевеля губами, простонал: «Воды!» Ему дали напиться из кувшина. Затем очистили стол от щебня и положили на него свою жертву.

Хурджиев принес со двора охапку дров и растопил очаг. Снял со стола старый кинжал и начал его подогревать на огне. Когда кинжал накалился докрасна, горец вынул и подошел к своей жертве. Борис снова потерял сознание от боли.

Вдруг в это время с улицы донесся приближающийся топот лошади. Топот замер у сакли. Вслед за тем в саклю бомбой влетел Татжибаев, запыленный, с кровавым шрамом на лбу.

Ибрагим вопросительно посмотрел на него.

— Атаман, мы окружены со всех сторон. Над выходным ущельем стоит шайтан-арба.

— А где остальные джигиты?

— Один убит в перестрелке, а другой убежал к ним. Я насили удрал.

— Что за войска?

— Точно не удалось узнать. Но не красноармейцы: одеты в черкесскую одежду, все молодые.

— Комсомольцы, мошкара, — проскрежетал Ибрагим. — Ну, мы им покажем. Сколько их?

— Много, очень много.

— Убрать эту гадину, — крикнул он палачам, указывая на Бориса, — запереть его в темную! А ты, джигит, — обратился он к часовому, — бей сбор.

По улицам аула широкой волной покатались звуки барабанной дроби, предвещавшие скорую грозу.

ГЛАВА XXXII.

Рокот шайтан-машинки

Несмотря на то, что солнце давно уже погрузилось в безбрежные дали гор, а безоблачный купол небесного шатра осветился мириадами звезд, Чегем-Баши не спал, как обычно. На его узеньких, кривых улочках царило необыкновенное оживление. Небольшими группками взад и вперед сновали всадники, или одиночки бешеным галопом с гиком пролетали по извилинам аула. Где-то внизу скрипела арба, грохоча по ухабистой дороге. Слышались подбадривающие окрики, изредка пересыпаемые сочным матом на русском языке, рельефно выделяющимся на фоне горской речи. Над аулом повис сплошной гул собачьего воя. Внизу, на дне чегемского колодца горел большой костер. Вместе со столбом сизого дыма к небу подымались стройные звуки черкесской боевой песни.

Со стороны ущелья к аулу по дороге тихо подвигались два закутанных в бурки всадника.

— Да, уздень, нынче нам предстоит жаркая ночь, — сказал один из них, постарше.

Тот промолчал.

Первый как бы в раздумье продолжал:

— Лазутчики говорят, что комсомольцам большие силы удалось собрать. Есть орудия и пулеметы. Передают, что из Ростова на помощь идут красные.

— А знаешь, Хурджиев, я не очень надеюсь на «Скрипучую переправу», хотя она пока еще цела. Надо думать, что к полуночи наши противники или займут ее, или разрушат. Необходимо сейчас же выслать охрану. Этой ночью мы, во что бы то ни стало, должны выбраться из этой дыры, в противном случае нас захлопнут здесь, как мышь в капкане.

— А нельзя ли пробиться по восточной тропе, на Козьем спуске?

— Нет, на днях из предосторожности я приказал взорвать скалу на повороте. Тропа завалена. Потребуется дня три для ее расчистки. Время не терпит.

Ехали молча, каждый углубившись в свои мысли.

Дорога вынырнула из ущелья, тянулась по крутому, отвесистому склону, и дальше зигзагами спускалась на дно чегемского колодца.

Хурджиев первый прервал молчание:

— Послушай, атаман, у меня созрел новый план, более совершенный, чем тот, который предлагаешь ты.

Тот недоверчиво покачал головой, потом безразличным тоном протянул:

— Ну, что ж, излагай. Все равно лучше не придумаешь.

Холодный, безразличный тон спутника рассердил Хурджиева. Он с досадой хлестнул плеткой лошадь и поехал рысью.

Тот, кого называли атаманом, спохватился. Пришпорил коня и нагнал своего спутника.

— Ну, не сердись, Гуссейн. На меня напала сегодня меланхолия. Выкладывай твой план.

— Я могу его открыть только при условии, если ты никому об этом не расскажешь.

— Крой. Буду нем, как могильный камень.

— Скажи, атаман, ты дорожишь твоей шайкой?

— Храбрые джигиты, — уклончиво ответил тот.

— А что бы ты сказал, если бы тебе предложили бросить всех и удрать одному без всякого риска?

— Это тебя интересует?

— От того, как ты ответишь на мой вопрос, будет зависеть, стоит или не стоит предлагать мой план.

Ибрагим окинул быстрым взглядом кругом и, понизив голос, сказал:

— Вся эта нелепая история с потомком Шамиля — бредни правоверного шалолая Мустабека. Мне она изрядно надоела. Приехал я сюда по другому делу, которое наполовину уже сделано. Как только я разделаюсь с теми, которые сидят под замком, я свободен.

— Значит, ты согласен бросить свою ораву?

— Да, грубой силой оружия с большевиками ничего сейчас не сделаешь. В этой игре моя карта бита. Но мы еще поборемся с ними.

— Ты, атаман, поступишь мудро, если последуешь моим словам. Теперь слушай мой план. Из чегемского колодца есть тайный подземный выход. Вход в него у восточного обрыва завален каменной плитой, очень узок; выход ведет к северному склону Адит. О нем я узнал случайно от одного старика. По этому подземному ходу мы свободно можем выбраться из окружения.

— Ты вполне уверен в существовании этого подземелья?

— Сам в первые дни прихода красных скрывался в нем.

— Решено, Гуссейн. Сегодня ночью, со вторым петухом. Не забудь шепнуть Далиеву, — понадобится нам: карман толстый.

Они подъезжали к тому месту, где дорога поворачивала вправо и круто спускалась вниз. Там внизу горел большой костер, вокруг которого, как призраки, маячили фигуры людей.

Всадники пришпорили лошадей и быстро направились к костру.

А сзади из-за скалы неожиданно вынырнул человек и, гневно грозя кулаком, прорычал:

— У-у! Трусливые шакалы! Попадётся мне!

Лунная ночь. Та же небольшая полукруглая площадка на краю обрыва, где не так давно воцарился потомок Шамиля. Те же озабоченные, нахмуренные лица черкесов, но эти люди уже не те. Тогда они стояли кучей, неорганизованной толпой, теперь же они были как бы бездушной машиной в руках своего атамана.

Черной стеной вытянулась шеренга вдоль отвесной скалы лицом к обрыву. Впереди расхаживал Ибрагим, нетерпеливо поглядывая то на дорогу, идущую к аулу, то на шеренгу.

Его беспокоили злобные огоньки, сверкавшие из-под нахмуренных бровей. Он решил проверить механизм своей машины. Шепнул что-то на ухо Далиеву. Тот вскочил на седло стоявшей тут же лошади и вихрем умчался к аулу.

Минут через пять он возвратился, везя через седло связанного веревками молодого горца. Снял и поставил шагах в десяти впереди шеренги.

Ибрагим обратился к своей шайке:

— Вот он, комсомолец Ризахан. Вчера ночью он пытался убить служителя аллаха Мустабека. Что заслуживает он?

— Смерть! — прогудела шеренга.

— Зарядить ружья!.. Целься!.. Пли!..

Грохнул залп.

Жертва сорвалась в обрыв и беззвучно полетела в пропасть.

Шеренга осталась такой же молчаливой и мрачной.

Атаман остался доволен своей машиной: она работала безукоризненно.

Прошло еще четверть часа до тех пор, пока от последней сакли, служившей тюрьмой, не отделилось какое-то темное пятно, которое медленно, черным жуком, подвигалось к площадке.

Атаман остановился, окинул гипнотизирующим взглядом шеренгу и отрывисто произнес:

— Мы окружены. Нас мало, но мы боремся за святое дело. Аллах и его великий пророк Магомет с нами. Великий наш учитель Шамиль тоже не раз оставался один, но с помощью Аллаха он всегда выходил победителем. Будем и мы бороться до тех пор, пока руки способны владеть оружием. Чтобы побе-

дять, нужно быть беспощадными со всеми врагами. Вот они — наши враги, — жестом указал он на приближающуюся кучку людей.

Это были арестованные в сопровождении вооруженных провожатых.

Впереди шел Гомид. Усталый, измученный, он по-прежнему гордо держал голову. За ним шли академик и еле державшийся на ногах Колосов, также со связанными руками. Вслед за ними вереницей тянулись остальные жертвы атамана.

— Отлично. Поставьте арестованных в одну шеренгу к обрыву. При попытке к сопротивлению пуля в башку. Живей!

Сам повернулся к шеренге и, указывая на арестованных, произнес:

— Перед вами враги правоверных. Они Аллахом обречены на смерть. Вы знаете их вину.

Над шеренгой пронесся ропот недовольства. Это несколько обеспокоило Ибрагима. Машина, которая до сих пор работала без отказа, начала давать перебои.

Он решил поскорее разделаться с пленниками.

— Зарядить ружья! — гаркнул он повелительно.

Вместо четкого, быстрого исполнения команды атаман увидел, как человек пять из всей длинной шеренги нехотя подняли винтовки и взяли на изготовку. Вяло щелкнуло несколько затворов. Остальные же, сгрудившись маленькими группками, о чем-то оживленно забалагурили. Шеренга мгновенно распалась.

На стороне арестованных тоже произошло оживление. Грозные окрики Хурджиева на них уже не действовали. Они перекидывались возбужденными фразами. Вдруг неожиданно из длинного ряда осужденных Гомид сделал несколько шагов и что есть силы поспешно крикнул:

— Товарищи, вас обманывают. Этот бандит надувает вас именем Аллаха... Большевики никогда не преследовали мусульман. Они наши друзья. Гнусный мулла Мустабек коварно отправил наших последних овец, он...

Грянул выстрел, и Гомид, как подкошенный, повалился к обрыву.

Атаман одобрительно крикнул Хурджиеву:

— Молодец! Собаке собачья смерть.

На каблуках повернулся к своей шайке. Теперь она уже не представляла стройной, грозной шеренги, приводившей в трепет осужденных. Все смешались в одну бурливую толпу.

Такое отношение к дисциплине взбесило атамана. Он, потрясая кольтом, гневно крикнул:

— Стать на места! Зарядить ружья!

Из массы вооруженных сгрудившихся горцев послышались иронические возгласы:

— Ого-го, какой прыткий!

— А в кого стрелять?

— Не лучше ли, атаман, проголосовать сначала?

— Тише, знаком, — арбу сломаешь.

Вперед вышел горец, убеленный сединами, и, обращаясь к Ибрагиму, спокойно проговорил:

— Атаман, мы истинно преданы Аллаху. Мы все будем бороться с врагами правоверных. Многих осужденных мы знаем лучше, чем тебя. Они ни в чем не виноваты.

— Молчать! Стать на место! — с пеной у рта закричал Ибрагим.

— И еще не известно, кто более достоин смерти — ты, атаман, или они...

Сухой, отрывистый треск кольта прервал спокойную речь старика. Он несколько секунд постоял с опущенными руками, потом медленно повалился на землю.

Этот выстрел вызвал целую бурю негодования. Горцы, которые до сих пор пассивно относились к действиям атамана, возмущенные его поступком, пришли в бешенство. Послышалось беспорядочное щелканье затворов. Блеснули обнаженные кинжалы. Толпа грозно зарычала.

Ибрагим увидел, что дело принимает трагический оборот для него. Одним прыжком очутился у скалы. Быстрым взглядом окинул окружающую местность.

Бежать по освещенной луной дороге к аулу — значит обречь себя на верную смерть. Влево — глубокий обрыв, вправо — отвесная стена скал.

Но раздумывать было некогда. Толпа, грозно ощерившись кинжалами и дулами ружей, бешеным валом неслась на него.

Ибрагим рискнул на отчаянный шаг: судорожно цепляясь руками и ногами за карнизы и уступы, он начал спускаться в бездну.

За ним последовал Хурджиев.

Разъяренная толпа остановилась у обрыва.

Со свистом градом посыпались камни вслед беглецам.

Вдруг воздух прорезала сухая, отрывистая дробь пулемета. Пули с треском ударились о скалы. На площадке воцарилось смятение. Поднялся невообразимый гвалт.

— Шайтан-машинка!.. Шайтан-машинка!.. — пронеслось над толпой.

Кто-то истушенно вопил:

— О, Аллах!.. Аллах!.. Аллах!..

Высоко над головой громом ухнула ручная граната, сброшенная сверху, и осыпала площадку шрапнелью.

ГЛАВА XXXIII.

Расплата

К утру все было кончено. Восставшие жители Чегем-Баши, застигнутые врасплох на площадке, сдались без единого выстрела, сложив оружие.

Прозревшие и раскаивающиеся бунтари сами изловили и заперли в саклю-тюрьму вдохновителей восстания, чегемских богачей: Козиева, Далиева и Мурата Оразова. По настоянию раненого Гомида и Ахмета также был арестован и мулла Мустабек, хотя большинство черкесов считали его непричастным к этому делу. Но главный виновник и зачинщик всей этой авантюры и его кровавый помощник бесследно исчезли. Были обшарены все уголки колодца, обысканы все сакли, но Ибрагим и Хурджиев как в воду канули.

Два комсомольских отряда, подкрепленные пулеметным кавалерийским взводом, к рассвету вступили в аул. При первых проблесках света на самой низине чегемского колодца, на дороге к ущелью произошло братание победителей и побежденных. Встреча была простая и душевная, словно черкесы принимали своих джигитов, возвращавшихся с очередных терсборов.

Высокий седой старик побежденной стороны вышел вперед из толпы навстречу приближающейся колонне победителей и громко произнес:

— Мы были жестоко обмануты, но Аллах милостив: он открыл нам глаза и указал на истинных виновников нашего страдания. Но мы, которые предательски, как трусливые шакалы, напали на наших лучших джигитов, виноваты и заслуживаем наказания. Убейте нас, но теперь мы все как один скажем: да будет проклят тот, кто еще раз посмеет поднять кинжал против Совета!

Старик умолк.

Едущие впереди командиры отрядов Бабаев и Касумов переглянулись. Бабаев крикнул:

— К чорту покаяние и слезы! Товарищи, мы знаем, что вы, как овечки, были надуты уздею. Вы виноваты так же, как этот старик в том, что у него седая борода. В знак мира нынче празднуем. Гуляй, танцуй вместе!

Последние слова были встречены восторженными криками как победителей, так и побежденных.

Скоро чегемский колодец наполнился веселыми звуками зурны и ритмичной дробью тамбуры.

Гулянье подходило к концу. Гомид не принимал участия в увеселении, а сидел в сторонке на ковре, обложенный подушками. Рядом с ним лежал Колосов, не оправившийся после вчерашнего истязания; тут же подле него сидели академик Вольф и некоторые участники экспедиции.

Прибежал молодой горец, поставленный сторожить пленников, и доложил Гомиду, что те бунтуют и требуют к себе начальство. Встал вопрос, что с ними делать.

Гомид подозвал к себе Бабаева и Касумова. После краткого совещания они решили троих немедленно отправить в город под конвоем, а муллу предать гласному народному суду сейчас же.

Сообщение о суде над муллой было встречено бурей восторженных криков, ибо суд этот сулил продлить веселье еще на несколько часов.

Избрали суд: председателем — Гомиду, членами — Бабаева и Салиха Аджаева. Все чинно расселись прямо на траве. Привели под конвоем подсудимого. Председатель, обращаясь к подсудимому, строго сказал:

— Вы, гражданин Мустабек, обвиняетесь в том, что, используя суеверие населения, с корыстной целью отравили водоем, результатом чего явилось распространение чумы, от которой погибла большая часть скотины нашего аула.

По рядам присутствующих прошел гневный гул.

Председатель спросил:

— Подсудимый, признаете вы себя виновным?

— Нет. Озерка я не отравлял. Падеж скота есть возмездие Аллаха за неверие правоверных.

— Где вы были вечером накануне дня, когда начался падеж?

— В своей сакле.

— Никуда из аула вы не выезжали?

— Нет.

— Подумайте!

— Нет.

— Свидетель Галиев, что вы можете сказать по этому делу?

— В начале той недели, когда месяц был на ущербе, я шел из родного аула в Чегем-Баши. Подошел к аулу поздно, решил заночевать в горах. Расположился около озерка на горе. Ночью был разбужен топотом конских копыт. Я увидел всадника, который направлялся к озерку. Поведение всадника показалось мне подозрительным: он крался трусливым шакалом. Я стал следить за ним. Всадник подъехал к озерку, снял с седла какой-то сверток и, повозившись с ним на берегу, бросил в воду. Этим всадником был подсудимый мулла.

— Врет! — вскричал мулла, потом обращаясь к председателю: — Клянусь священными строками Корана, я был в ауле.

— Я сделал пометку на лошади и могу узнать ее в целом табуне... — произнес Ахмет.

— Приведите сюда лошадь муллы, — распорядился Гомид.

Скоро перед судом явился новый бессловесный свидетель, встреченный дружным смехом и шутками горцев.

— Ваша лошадь? — спросил судья.

— Моя.

— Где она была вечером накануне начала падежа?

Какая-то новая мысль блеснула у Мустабека. Он нагло проговорил:

— Паслась на склоне за аулом. Ею мог воспользоваться каждый, кто хотел.

Настала томительная минута молчания. Ахмет почувствовал неубедительность своих доводов.

Вдруг на средину одним прыжком выскочил разъяренный мулла Хаджи Тагиров и гневно закричал:

— Врешь, лживый пес! Ты воспользовался своим лошаком. Ты, подлая, трусливая собака, накануне приезжал в аул Джанхот на этой лошаденке. Ты мне предлагал тридцать рублей за труп дохлой овцы. А не ты ли вместе с подкупленным Гарьевым откопал в балке разлагающийся труп овцы и увез к себе на этом лошаке? Для чего ты все это делал? Куда ты дел труп? Пусть решит суд.

Председатель спросил, обращаясь к Мустабеку:

— Можете ли вы доказать ложность показаний Тагирова?

Тот горько усмехнулся и, с презрением глядя на своего противника, произнес:

— Он прав. Я привез труп издохшей овцы и бросил его в озеро Бекеш. По моей вине погибло больше половины баранты в ауле.

Над толпой пронесся рокот возмущенных голосов. Некоторые повскакали и бросились к мулле, но тот продолжал:

— Я сделал все это по велению Аллаха, я был послушным исполнителем воли всемогущего Аллаха. Жестоко покарает Аллах тех, кто осмелится поднять руку против исполнителей воли его. Но Хаджи Тагиров, это воплощение дьявола, ради пополнения своего кармана отравивший почти всю скотину в Джанхоте, заслуживает...

Гул возмущения голосов заглушил речь подсудимого.

— Довольно!.. Все о своем кармане...

— Пристрелить, как собак!

— Смерть им!..

Суд быстро распутал паутину мелких, грязных интриг служителей Аллаха.

Приговор был краток, но жесток и беспощаден:

«Расстрелять. Имущество конфисковать и передать пострадавшим».

Черкесы стали уже расходиться, как вдруг на повороте дороги показался быстро скачущий всадник. Он галопом врезался в средину толпы и осадил коня. В длинном костлявом всаднике толпа узнала гордость Чегем-Баши, охотника Тунаева. Соскочив с лошади, он снял с нее длинный закутанный в бурку предмет и бесцеремонно опустил его на землю. Затем Саид

взял лошадь под уздцы и, отойдя в сторону, застыл на месте. Все выжидательно смотрели то на охотника, то на сверток.

Прошло минут пять. Бурка зашевелилась.

Толпа заволновалась. Всадник продолжал оставаться бесстрастным зрителем. Салиху надоела эта таинственность, он подошел и быстро развернул бурку.

К его ногам покатился скрученный веревками человек.

— Атаман!!! — ахнула толпа.

— Опять Ибрагим! — пробормотал Салих.

Толпа забушевала, крепче стиснулось кольцо. Раздались гневные возгласы:

— Обманул!! Трусливая собака!!! Убийца!

— С муллой отправить к дьяволу!

— Расстрелять!

Салих Аджаев, поднявшись на возвышение, бросил в толпу:

— Товарищи, перед вами государственный преступник. Он организовал восстание, он напал на экспедицию, поэтому он должен быть передан в руки ГПУ.

Толпа заволновалась сильнее. Ею начал овладевать кровожадный инстинкт. Казалось, вот-вот сейчас она с жадностью голодного волка набросится и растерзает преступника.

— В обрыв!

— К хвосту!

— К хвосту! — ревела толпа. Этот последний крик все чаще и громче раздавался до тех пор, пока вся толпа в один голос не потребовала:

— К хвосту!

Аджаеву с детства была знакома эта утеха. Он попробовал протестовать, но тут к нему подошел молчавший до сих пор Саид и мрачно, внушительно сказал:

— Не мешай! Народ страдал, терпел, теперь пускай потешится... он имеет право. Если будешь мешать... смотри!

Тем временем толпа десятками рук схватила авантюриста и повлекла на гору, за аул. Туда же был приведен длинноухий лошак муллы, ему завязали глаза, затем привязали Ибрагима за ноги к хвосту. Все было готово.

Толпа на минуту замолкла, потом раздался громкий гик и свист. Но животное боязливо топталось на месте, не подаваясь ни взад, ни вперед.

Кто-то выхватил кинжал и с силой пырнул в круп. Взбесившаяся лошадь рванулась вперед, вихрем помчалась к обрыву. Подлетела к обрыву, на один момент как будто задержалась и затем с шумом загремела в пропасть, увлекая за собой Ибрагима.

Толпа вздрогнула, замерла, с напряжением прислушиваясь, как с неизведанной глубины доносились слабые звуки человеческого голоса, не то умоляющего, не то посылающего проклятия.

А. БЕЛЯЕВ

ЗАОЧНЫЙ ИНЖЕНЕР

Фантастический рассказ

Художник А. Медельский

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
Ж У Р Н А Л

РЕВОЛЮЦИЯ
И ПРИРОДА

№ 2 (21) 15 НОЯБРЯ
1931 г.

*Публикация Караваева Алексея Владимировича,
25.06.2022*

Заочный Инженер

Рассказ А. БЕЛЯЕВА

Рис. А. МЕДЕЛЬСКОГО

— Сбежала одна река в Казакстане. Надо вам сказать, что эти азиатские реки шальные. Прямо можно сказать, сумасшедшие. Где вчера была мель, сегодня на том месте омут. Текла река вправо, глядишь — повернула влево. В один день метров двадцать берега отгрызет вместе с кишлаками. Шалит, одним словом, Есть и такие реки: невесть откуда начинается и невесть где пропадает. Не то высыхает, не то в песок зарывается, — от солнца прячется, — и течет себе под песком, никому не ведомая. А люди по пескам ходят и умирают от жажды. За этими реками никакие карты не угонятся. На карте — одно, а на деле совсем другое. Хоть каждый день карту перечерчивай.

Бывают и совсем курьезные истории. Течет себе река, орошает край, поит людей да животных, да травы степные, а потом вдруг как с цепи сорвется: в сторону ее кинуло. Прорыла река новое русло и с другой рекой соединилась, а та в озеро впадает. Так и пропала река. Сбежала. И край гибнет от безводья. Вот такую сбежавшую реку нам надо было ловить, — вернуть ее в старое русло. Интересная это штука, но только сейчас разговор будет не про сбежавшую реку. О том, как мы ее ловили, я как-нибудь в другой раз расскажу.

А начал я про реку потому, что свела она меня со старым знакомым — Мишкой Синицыным. Надо вам сказать, что Синицын был изобретатель. Но человек неустойчивый. Метало его из стороны в сторону, как среднеазиатскую реку. Кончил семилетку в Москве, поступил на трикотажную фабрику подносчиком шерсти. Потом попал во Всесоюзный электротехнический институт и что-то такое там изобрел. Упростил крепление неоновых ламп к цоколю, так кажется. Потом метнуло его на глissеры. Получил я от него письмо из Нижнего, — участвовал в глissерном пробеге. Уверял, что и в глissер

какое-то усовершенствование внес. А потом и совсем я его на время потерял.

И вот привелось встретиться в Казакстане, недалеко от Балхаша, на медных рудниках Коунрада. Надо сказать, что недалеко от Коунрада и случилось это происшествие с рекой. А воды этой реки как раз рудник снабжали. До Балхаша дальше. На верблюдах воды не навозишься. Ехала нас целая компания реку ловить — все молодые гидротехники, и я, в том числе. Подъезжаем на автомобилях к Коунраду вечером. За нами солнце садится. Перед нами уже рудник виднеется. И видим, на пригорке что-то светит ослепительно, как маяк. Что бы это могло быть? Начали гадать. Один говорит: аэромаяк. Но зачем ему светить, когда еще солнце не зашло? Да при солнце свет маяка и не будет такой яркий. Другой говорит: это солнце от чего-то отражается. Словно от зеркала. Может быть, солнечную станцию установили? Их несколько в Казакстане и Туркмении строилось. Может быть, и так.

Подъезжаем ближе, видим, что «зеркало» имеет форму ромба. На блестящем фоне какая-то черная точка.

Словно движется. «Солнечное пятно»! — шутит кто-то из нашей компании. «Мираж в пустыне!» — подхватывает другой. Истинно, мираж в пустыне!

— Да это человек на крыше лазит! — сказал мой сосед Трофимов. — А крыша-то горит, как купол Исаакия на заходе солнца.

— О, смотрите. Полетел! Упал! С крыши упал...

И в самом деле, соскользнуло «солнечное пятно» вниз и грохнулось на землю. А дом-то двухэтажный. Внизу люди зашевелились, шум, смех, голоса, крики слышатся. Подъезжаем мы.

— Что у вас тут случилось? — спрашиваю. — Давно ли золотые крыши на домах делать начали?

— Заочный инженер с крыши упал!

— Крыша-то не золотая, а медная! — слышу в ответ.

Какой еще такой заочный инженер? Смотрю на человека, который сидит на земле и колено трет. Возле него ведро и кисть валяются. Молодой человек, курносый такой. Морщится и улыбается. Да это Мишка!

— Мишка! — кричу, — эй, Синицын! Здравствуй!

А он отвечает:

— Надо бы мне привязаться веревкой. Здравствуй, Коля!

Поднялся, поздоровался. Обернулся к молодым товарищам, что стояли возле него, и говорит:

— Ну, ребята, на сегодня представление окончено. Надо гостя встречать.

И опять ко мне:

— Идем, Коля. У меня остановишься.

Прихрамывая, он побрел вперед, а я со своим чемоданчиком за ним. Жил он в том же доме «с золотой крышей», только вход был с другой стороны.

Вошли мы в его небольшую комнату. Вся она была завалена всякой всячиной: на столах мотки проволоки, арматура электропроводки, тисочки, отвертки, ключи, молотки — инструмент разный. Посуда химическая, бумаги с чертежами, на стене — полки с книгами. Сразу видно, что изобретатель. Над маленьким письменным столом — радиорупор. На столе — общая тетрадь и карандаш. Пока мы помылись и Мишка зажег примус, чтобы чаем с дороги меня угостить, уже солнце зашло. Стемнело. Из-под стола появилась лампа без абажура.

— Вот, полюбуйся, — сказал Мишка, зажигая лампу. — Приходится керосиновым освещением пользоваться. Это позор в наш век электрификации!

— Разве при руднике нет электростанции?

— Собираются строить, — ответил Мишка, — да нелегкое это дело. Откуда здесь взять энергии? Местного топлива нет, а реки? Была поблизости одна, да и та сбежала. А если бы и не сбежала, толку от нее мало. Какой уклон падения воды в ней, знаешь?

— Одна десятипятисая, — ответил я.

— Ну вот видишь. На километр десять сантиметров. Гидростанции не построишь. Ставить же электростанцию на угле — больно дорого энергия обойдется. Попробуй доставлять сюда. Разве что нефть найдут.

— Где тут нефть? — с сомнением сказал я.

— Ну, не скажи. У пустыни, брат ты мой, еще немало загадок, разгадать которые на наш век хватит. Вот недавно мне приходилось слышать. Отправили скотоводы караван в Хиву по большой караванной дороге Ашхабад — Хива. По этой до-

роге сотни лет двигались караваны. Каждый кусочек изучен. А уж колодцы — и говорить нечего. Ведь здесь за каплей воды десятки километров не крюк. А вот нашли же заброшенный и полузанесенный песком колодец в зарослях кустарника. Начали рыть — вода черная. Все халаты в темных масляных брызгах. Не нефть ли? Зажгли пук сухой травы, бросили в колодец — как ухнет. Едва песком забросали. Нефть! Почему колодец? Почему нефть? Просочилась, быть может. Мюррек Телькиев — брат председателя аул-совета — сам в караване был, «огненный колодец» видел и может путь к нему показать. Мало ли таких находок и поблизости оказаться может? Но только время-то не ждет.

— Подождите, детки, дайте только срок. Будет вам и кукла, будет и свисток, — продекламировал Мишка, подкачивая примус. — Вот хотя бы и примус взять. Опять дичь. Первобытный, можно сказать, инструмент. Шумит, гудит и воздух портит. То ли дело электрочайник... Ты говоришь, солнечные установки. Читал я, что за границей придумали совершенно новый принцип. Представь себе у подножия горы нечто вроде большого парника. Солнце нагревает в парнике воздух. А из парника на гору проложена труба. Горячий воздух идет вверх, где холоднее. Поставь сверху турбину, которая вращалась бы от этой струи горячего воздуха. Вот тебе и готовая солнечно-ветроэлектроустановка. Для такой штуки я знаю подходящее местечко: северные и северо-западные границы Голодной степи. Ведь степь эта — плоскогорье. С севера оно скатывается шестидесятиметровой багровой от выхода гранитных пород стеной. Вот где устроить этакую машину. Я уж был там, посмотрел местечко и думаю заняться этим делом, как только покончу тут со своей медной крышей.

— Что это за крыша?

Мишка потер ушибленное колено.

— Здорово расшибся, — сказал он, — только виду не подавал. Опухло. Надо будет компресс сделать. А ты чай пей. Я еще успею.

И, занявшись своей ногой, он продолжал:

— У меня тоже, если хочешь, солнечная установка. Только иного рода. Непосредственное превращение солнечной энергии в электрическую. Фотоэлемент. Слышал?

— Собственное изобретение? — спросил я.

Мишка пожал плечами и скромно ответил:

— Идея не моя. Слышал я по радио речь товарища Иоффе. Академика. О новом плане электрификации. Шестьдесят миллионов киловатт. Это не жук комара поймал! Чтобы такую силу собрать, надо отовсюду, где только можно, энергию черпать. Говорил он и о фотоэлементах. И еще говорил о том, что молодежь, комсомольцы в первую очередь, должны поднажать, чтобы такую задачу выполнить. Вот я и решил: чем я не молодежь? Чем не комсомолец? Почему не взяться за это дело, не откладывая? Фото так фото. Элемент так элемент. Начал с литературой знакомиться, опыты делать. Ты знаешь, ведь я сам маленько изобретатель.

— Как же, знаю. Прости, Мишка, а почему тебя, когда ты упал, назвали заочным инженером?

— Так, шутят. В анкете я как-то написал, что имею высшее самообразование. Меня на смех подняли. Я говорю, что тут ничего смешного нет, что и самому можно высшие науки преодолеть и технику изучить. Я, мол, по радио целый курс электрофизики прослушал. Заочное обучение. Ну, кто-то и пустил: «Заочный инженер»! Только это они так смеются, без жала. Ребята любят меня и сами мне помогали. Ты только послушай, что тут с медной крышей было.

Занимался я, значит, опытами над фотоэлементам...

Да ты, может быть, не знаешь, что такое фотоэлементы? Видишь ли, электропроводность некоторых металлов в соединении с другими химическими веществами повышается от действия света. Возьми железный лист и покрой его селеном. Вынеси его на солнечный свет — вот тебе и готовый элемент. Появится ток. Ученые давно это знали, только ток получался очень слабенький — в какие-нибудь тысячные доли процента от энергии солнца, света, Ну, а теперь это дело быстро в гору пошло. И уж теперь фотоэлементы маленькие моторы вращают. Думал я устроить такой элемент. Только с селеном дело плохо. Добывается он в небольшом количестве на Гавайских, Липарских островах. Туда не поскачешь. Не советские они еще пока что. После я уж узнал, что селен можно добыть из осадка в свинцовых камерах при получении серной кислоты. Но по радио об этом мне вовремя не сказали.

И остановился я на другом — на медном фотоэлементе. Лист должен быть из меди и покрыт окисью меди. Это все под рукой.

— И какая сила такого элемента?

— Подожди, будет речь и об этом. Начал я делать небольшие фотоэлементы. Долго ничего у меня не выходило. Но, как говорится, терпение и труд все перетрут. Несколько ребят моей затеей заинтересовались. Приходили ко мне, вместе работали. И что же ты думаешь? В конце концов, загорелась от моего элемента маленькая лампочка карманного фонаря. Ты себе и представить не можешь, какая у нас радость была. словно мы первые электрическое освещение выдумали. Жгли эту лампочку, пока не перегорела. А другой не было. И достать скоро нельзя. Так. Ну, все-таки дело сделано. На мази, можно сказать.

Иду я к нашему директору завода — только что приехал, человек новый, — и говорю ему: «Товарищ директор, желаю я электрифицировать наш новый дом. Провести электрическое освещение». Смотрю, у директора брови на лоб полезли. Хотел скрыть улыбку, не удалось: усов нет, бритый. Делать нечего, улыбнулся во все лицо и говорит: «Очень хорошо, товарищ «Синицын. Но только мне кажется, что для электрического освещения нужен электрический ток. Нужна электростанция». «Мне это хорошо известно, товарищ директор. Станция будет и ток будет. Я сам устрою все это».

Вижу, директор на меня и совсем как на сумасшедшего смотрит.

«Как же это вы устроите?» — спрашивает.

«Фотоэлемент, товарищ директор. Крыша у нас вместо электростанции будет».

«Фотоэлемент-э-энт! — протянул директор и смотрит на меня уже только как на полусумасшедшего. — Какую же мощность будет развивать ваш фотоэлемент?»

А у меня готовый расчет. Говорю, как по книжке читаю:

«На один квадратный метр падает киловатт фотоэнергии. Мой фотоэлемент может использовать только один процент фотоэнергии. Это немного, но вполне для нас достаточно. Один киловатт мы, значит, будем иметь со ста квадратных метров. Это площадь нашей крыши. А один киловатт энергии может дать свет для двух тысяч свечей. Для освещения комна-

ты в двадцать квадратных метров достаточно одной лампочки в сто свечей. Для пяти комнат — пятьсот свечей. А мы имеем две тысячи. На двадцать комнат. По двести тысяч свечей на этаж^{*)}. Весь двухэтажный дом будет освещен».

^{*)} Так в публикации (прим. изд.)

Задумался директор. Не знает, какой теперь ярлычок приклеить ко мне. Опять брови вверх вскинул и говорит:

«Ну, что ж, дело хорошее. Освещайте!»

«Товарищ директор. Вы знаете, что для фотоэлемента материал нужен Медь. Окись меди. Вот Я и пришел просить вас, не разрешите ли вы мне отпустить меди для изготовления медных листов на покрытие ими крыши. Затем только я вас и побеспокоил».

«Ах, вот оно что! — Директор побарабанил пальцами по столу. Товарищ Синицын. Мы должны поощрять рабочее изобретательство.

«Да ведь это не мое изобретение, тут дело ясное», — перебиваю я его, видя, куда он клонит.

«Ну, не изобретательство, так овладение техникой. Мы должны всемерно поощрять. И я не имел бы ничего против того, чтобы отпустить на ваши опыты медь, если бы вопрос шел, ну... о каком-нибудь килограмме. Но делать медные крыши, когда у нас два процента невыполнения плана; когда каждый грамм меди на счету, когда в ней так нуждаются наши фабрики и заводы...» — И пошел, и пошел. А резолюция, само собой: «отказать». — «Я и сам, — говорит, — человек подотчетный. Что обо мне подумают?...»

Пробовал я с ним спорить, вижу — ни к чему. Уперся человек, боится.

«Теперь, — говорит, — обезличка уничтожена. Персональная ответственность на мне. Я один отвечаю. Не могу. Рад бы, да не могу!...»

Вышел я от директора, а у крыльца меня уже товарищи ожидают.

«Ну что?...»

Махнул рукой: «Отказ!»

«Как так отказ? На такое-то дело!...»

Крик, шум. Среди моих товарищей несколько туркменов, узбеков было. Горячие ребята. Хотели прямо к директору всей компанией валить.

«Мы лучше к предзавкома пойдем, к товарищу Окизову, свой парень, с ним скорее сговоримся!» — предложил кто-то

«И к предзавкому пойдем, и к секретарю ячейки. Всех на ноги поднимем, а от своего не отступимся».

Пошли к Окизову. Тот в фотоэлементах ничего не понимает, но выслушал нас внимательно. И не улыбается, хотя и есть куда улыбку прятать: усы густые, только бороду бреет. «Краса», как говорят туркмены, — «лысая борода», безбородый.

«Что-то мудреное затеяли вы товарищи, — говорит, — выйдет ли толк?»

«Выйдет! Выйдет! — кричим. — Мы уже делали. У нас уже маленькая лампочка горела».

«А вы не зажжете ее передо мною?» — спрашивает.

«Зажгли бы, да перегорела».

«А отчего перегорела? Может быть, и все лампочки перегорать будут?»

Объяснили ему. Крутит головой.

«Если бы я сам видал».

«Да пойми же, лампочки другой нет!»

«А вы достаньте, выпишите. Своими глазами увижу — помогу вашему делу».

Опять двадцать пять! Хорошо еще, если в Ашхабаде или Ташкенте достанешь. А если из Москвы выписывать, когда-то получишь? Не терпелось нам. А делать нечего. Разослали письма знакомым, заказ в Москву. И ждать-то нам долго пришлось бы, если бы не случай.

Приехала изыскательная партия Геолкома. Я познакомился с одним ленинградцем, и в свой выходной день отправился с ним в пески. Заночевали в палатке. А он, приятель-то мой новый, скорпионов, тарантулов боится. Ворчит, ворочается на кошме, да вдруг как крикнет. Укусил его кто-то. Вскочил, пошарил в темноте, и вдруг вижу: свет вспыхнул. Фонарик карманный! Я набросился на фонарик, как басмач на овец, бедняга и фонарь выронил, больше скорпиона меня испугался. Я ему кое-как объяснил, успокоил его. Прошу лампочку подарить или продать, — ни за какие деньги! Боится впотьмах со скорпионами остаться. «Последняя лампочка!» — говорит. Ну что ты поделаешь? Не удушить же человека из-за лампочки, не украсть ее. Начал я его и так и сяк уламывать. И чем же убедил, в конце концов? Тем, что свет зажигать еще опасней, что на свет вся пустынная нечисть еще больше лезет. На опыте, на факте ему доказал: зажгли фонарик, и действительно поползли, закишели, забегали — все к свету. Подарил-таки!

Уж не помню, успел ли я ему и спасибо сказать. Прямо так ночью и помчался обратно в Коунрад, ребят своих разбудил, а те к Окизову. Его с кровати подняли. И ничего я с ними не мог поделать.

«Ребята, — говорю, — да ведь ни к чему ночью-то! Для моего фотоэлемента свет нужен, элемент-то еще не заряжен».

Окизов сердит на то, что его среди ночи разбудили. Услышал он мой разговор с ребятами, да и говорит мне:

«Так, значит, сейчас ты не можешь лампочку зажечь? Надо солнца ждать? А на что мне твоя лампочка при солнце, когда и так светло? Плохое твое изобретение, заочный инженер! Не дам меди!» — И снова на кровать завалился.

Ну уж тут и я из себя вышел. Трясу его за плечи: «Подожди, Окизов, засыпать! Дай хоть объясню тебе!»

А он то ли взаправду, то ли нарочно — захрапел на всю комнату, и ничего с ним не поделаешь.

Утром я его встречаю и говорю:

«Выспался, Окизов?»

«Выспался».

«И сил сном набрался?»

«И сил набрался».

«Так пойми же ты, что и мой фотоэлемент вот так же действует. Только он днем, при солнце, сил набирается, а ночью работает. Солнце мои лампочки днем силой заряжать будет, а ночью они гореть будут».

Ну как ему иначе объяснишь? Главное понял, однако.

Среди моих товарищей — молодых туркмен — уже многие электротехнику знали и физику, а этому не пришлось еще в советской школе учиться. Ну да ничего, думаю, мы его тоже скоро подкуем насчет электрификации,

Зарядил я в тот день светом свои фотоэлементы, а вечером Окизов хлопал в ладоши от удовольствия, глядя на маленькую горящую лампочку, и, несмотря на то, что уже поздновато было, сам побежал к директору. А мы остались дожидаться.

Вернулся Окизов совсем в другом настроении.

Видно было, что директор хорошим ушатом воды его окатил.

«А ты меня не обманул, заочный инженер?» — спрашивает Окизов.

«Как это обманул? В чем?»

«А в том, что может быть ты этот самый... элементик от карманного фонаря где-нибудь спрятал, от него и ток брал. Такие случаи, говорят, были. Какой-то изобретатель уверял, что из земли тоже можно электричество добывать. И добывал, а потом оказалось, что у него в земле элементы закопаны были».

Вот оно что! Не утерпел я. «Ребята, — говорю, — директор нас в обмане подозревает! Айда к нему!»

«Бас! — кричит один туркмен-комсомолец. «Бас» значит «дави». От этого слова и «басмачи» называются. Ну, и надавили мы на директора. Заставили его пойти с нами и самому посмотреть.

Он все внимательно осмотрел, видит — никакой фальши нет.

Сел у меня за стол, вот тут, где ты сейчас сидишь, — в этой комнате все и происходило, — закурил папироску и говорит:

«Вы меня простите, товарищи, давайте поговорим мирно. Каждый себя бережет. Не подумайте, что я какой-нибудь вредитель и против вашей затеи. Затея хорошая. Отличная затея. Если удастся, большое дело сделаете. Но станьте вы на мое место. А если не удастся? Как вы думаете, погладят меня по головке за медь-то? Да и не в одной меди дело. Ведь вам нужны будут тонкие медные листы. У нас их не сделать. Надо на заводе заказывать. Как оформить такой заказ? На чьи средства?».

«Вы нам только медь отпустите, а уж мы все остальное устроим!» — отвечаю я.

«А с медью так дело обстоит. Сам я на свой страх не дам, и не просите. Но давайте попытаемся получить разрешение треста. Я, со своей стороны, обещаю поддержать ваше ходатайство и подтвердить, что в лабораторных условиях вы добились успеха, хотя... гм... Конечно, многое, что удавалось в лаборатории, не вытанцовывалось на практике... Но об этом мы сейчас говорить не будем. Так по рукам?»

Молчим мы все.

«Ведь, вы, товарищ Окизов, на себя личную ответственность не возьмете?»

Вижу: и Окизов жметса. Ему это простительно. Откуда ему знать, что из нашей затеи получится?

«Так на этом и покончим, — говорит директор. — Завтра мы пишем в трест!»

Ушел он, ушел Окизов, а мы сидим, кто на столе, кто на табурете, а кто и прямо на полу, на корточках. Время за полночь, а никому в голову сон не идет. Думаем: как быть? И вот один говорит:

«Директор не против нас. Директор не хочет быть только против себя. Он боится отпустить медь потому, что меди не хватит для фабрик и заводов. А мы еще, наш рудник, не выполнили промфинплана. Задолжали стране. Что надо сделать, чтобы директор дал медь? Мы пойдем завтра к нему и скажем: «Мы все записываемся в ударники. Мы обязуемся ликвидировать прорыв. Мы перевыполним план. А медь, которая нам нужна для крыши, мы будем добывать в сверхурочное время, бесплатно. Если из нашего фотоэлемента ничего не получится, мы возвращаем руднику всю медь».

И как это нам раньше в голову не пришло!

Наутро мы изложили наш план директору. Расцвел человек. Еще бы! Теперь не он нам, а мы ему такой подарок преподнесли.

Промфинплан мы перевыполнили.

Медь получили. Остальное все устроилось. И, как видишь, дом уже покрыт медными листами. Сегодня я начал окрашивать их окисью меди. Через несколько дней надеюсь окончить.

На другой день мне пришлось уехать на работу — ловить реку.

Случилось так, что на обратном пути мне не удалось захватить к Синицыну, хотя наши автомобили проезжали поздно вечером совсем недалеко от медного рудника. Окна стоявшего на пригорке двухэтажного дома были ярко освещены электричеством. Заочный инженер и его товарищи добились своей цели. Солнце Туркестана начало светить не только днем, но и ночью.

ЮРИЙ КИН (Ю. КУРОЧКИН)

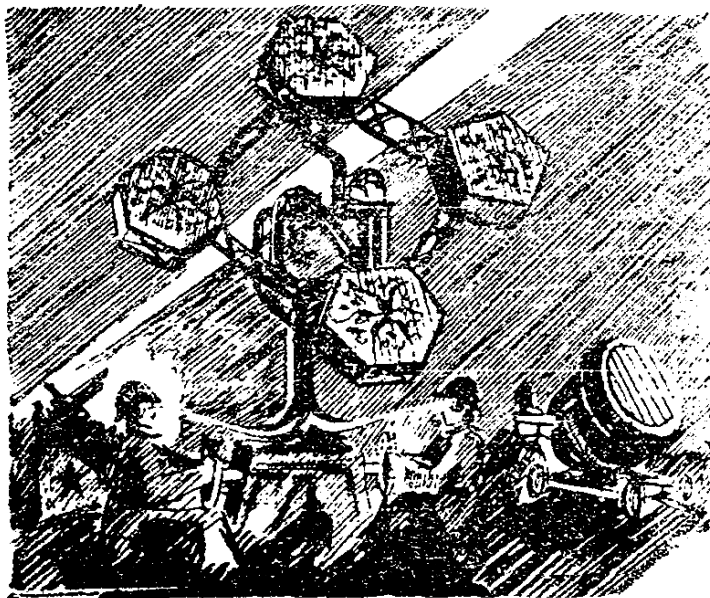
ТАИНСТВЕННЫЙ ГОСТЬ

Фантастический рассказ

Художник Б. Кондратьев

Был второй час ночи. Обычная летняя ночь,— на небе ни звездочки, кругом плотная, густая темнота. В двух шагах уже трудно различить очертания фигуры. Дежурство наблюдателя Ш. у звукоулавливателя близилось к концу.

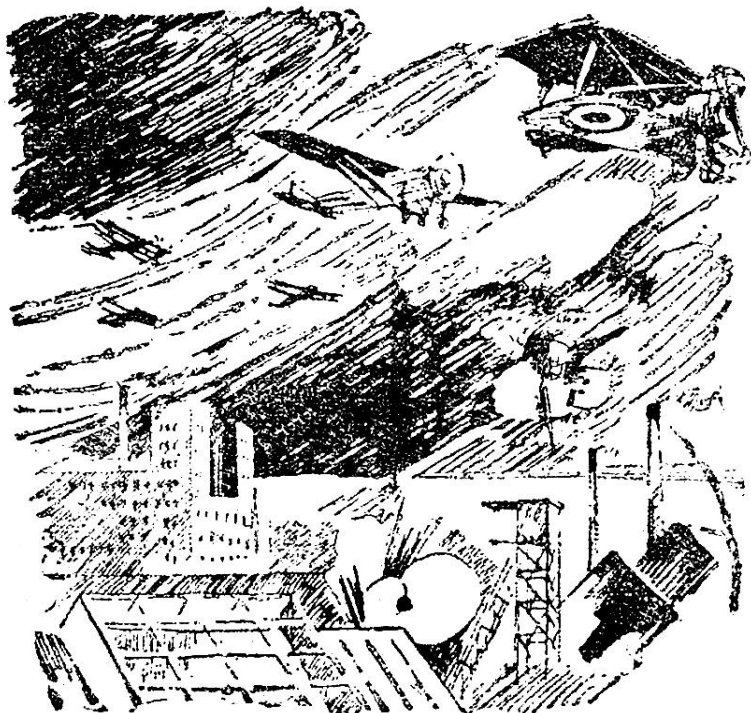

Все насторожено...

За два часа напряженного внимания, в наушниках, плотно прижатых к ушам, не слышно было ничего. От напряжения иногда в ушах начинало звенеть, но это заставляло Ш. тотчас же упрямо встряхивать головой, отгоняя навязчивый шум.

Вдруг... что это? — Тонкий певучий комариный зуд заколебал мембрану наушников... Или это опять ненавистный звон

в ушах?... Нет, зуд все явственнее и настойчивей... Встревоженно забилось сердце, чуть заметно дрожат руки, поворачивающие рычаг звукоприемников... где? Зуд, уже не похож на комариный — все явственнее слышится стрекот самолетного мотора. Теперь уже сомневаться нечего.

...Старший наблюдатель поста, выслушав донесение наблюдателя, уже отдавал приказание команде прожектора, стоящего рядом с звукоулавливателем. Через минуту донесение было передано в штаб войсковой части.

„...на высоте 1000... расстояние 20 км... курс — северо-восток...“

Стрекот аэроплана ясно слышно уже и без звукоулавливателя. Но к приему „гостя“ готовы — потушены все огни, прекращено всякое движение. Все насторожено и готово к бою — прожектора, зенитная артиллерия, пулеметы.

Лучи окружили мечущуюся птицу...

Плотную темноту ночи прорезал яркий луч прожектора... другой... третий... целый десяток лучей, словно пальцы чьих-то гигантских рук вонзились в небо и необычайно подвижно забегали по нему, то скрещиваясь по два-три, то расходясь в разные стороны.

Вот, вдруг, сразу два пальца-луча уткнулись в темную поверхность гигантской птицы с какими-то таинственными знаками на крыльях, а за ними и все остальные сразу плотной стеной пальцев-лучей, сложенных в щепоть, окружили мечущуюся металлическую птицу.

Где-то сзади глухо ухнул выстрел зенитной пушки и начался обстрел непрошенной воздушной гостьи. В лучах

прожекторов видны разрывы шрапнели, тесно окружившие „Птицу“. „Птичка“ попала в „клетку“ — световую и шрапнельную. Из этой „клетки“ лишь два пути: вниз — на землю, или вверх — куда выбраться, хоть и небольшая, но все же надежда есть.

И „птица“ делает эту последнюю попытку вырваться из все суживающегося кольца, разрывает, пробует круто взмыть вверх... но в этот же момент неуклюже трепыхнувшись, стремительным „штопором“, подстреленная, несется вниз. Разом смолкают пушки, складываются в невидимый кулак огненные пальцы прожекторов, и лишь два из них, как бы в раздумье — „уйти иль не уйти“ — еще минуту скользят по небу и, как гигантским мечом рассекши тьму, пропадают...

ЮРИЙ КИН (Ю. КУРОЧКИН)

ПЕРВАЯ НАХОДКА

Рассказ

Художник Б. Кондратьев

Юр. Кин.

ПЕРВАЯ НАХОДКА

Затейливо извивается Нейва среди волнистых берегов, густо поросших осокой. С высоты смотреть — кажется река змеей с ущемленным в скалах хвостом. Силится она вырваться, уползти в густую, сочную траву, блестит серебристыми кольцами на солнце, но хвоста освободить не может и злобно шумит о камни на перекатах.

Повыше прибрежной осоки — тропочка; следует неотступно за извинаями реки. По бокам — словно снопы на поле, разбросаны кучки речного галечника. Работа старателей. Вон у берега и вашгерд^{*)} белеет свежевыструганными досками. На вашгерде, быстро семена лапками, суетится серенькая трясогузка.

— Тоже старательница, — усмехнулся Сережа Лебедев и бросил в суетливую трясогузку камнем.

Владимир Павлович Бирюков сел рядом с Сережей.

— Видел, чем бросил?

— Чем? Галькой, конечно.

— Гальки разные бывают. Вот тебе тоже гальки, — порывлся он в галечнике. — Одна кварцевая, а другая...

Сережа удивленно поднял брови:

— Хромит!^{**)}

— Вот то-то и есть — хромит. Геологи гальками не бросаются — породами и минералами. Пойдем-ка, лучше поищем, откуда эта галька сюда попасть могла.

^{*)} Вашгерд — станок, на котором промывают золотосодержащий песок.

^{**)} Хромит — хромистый железняк. Железная руда.

Находка хромитовой гальки окрылила Сережу надеждой найти выход залежи хромитов. Теперь он останавливался у каждой кучки галечника. Остановившись, перерывал ее, потя от напряжения и жары. Владимир Павлович к галечнику не наклонялся. Шел легко и быстро, но зато внимательно вглядывался в каждое обнажение.

— В кучках зря роешься, — галечник из реки — это ты знаешь. Откуда он в реку попал — вот что искать надо. Где-нибудь массив должен быть, Ну-ка, взгляни на обнажение, — указал он рукояткой молотка на серую проплешину в склоне зеленого берега. — Что-то сереет, я вижу. Никак, „рябчик“^{*)}.

Сережа взобрался на холмик. Среди пестрого галечника действительно серели включения хромита-вкрапленника.

— „Рябчик“, Владимир Павлович. Только мало его.

— Знаю, что мало. Не в этом дело. Здесь мало, в другом месте больше. Возьми-ка образец. Потом сравним

Сережа заколотил молотком. Разноцветные гальки рассыпанными бусами катились по склону и сухо шелестели в траве у тропочки.

За поворотом реки начались утесы Полякова Камня. Высокие и крутые скалы его пересекались наискось какими-то светлыми полосами. Издали казалось, что кручи опоясаны веревками. Наверху мощных утесов зелеными шапками щетинился сосняк. В расщелине скалы маячила раскачиваемая ветерком тоненькая березка. Среди-массивов камня она казалась травинкой.

По зеленым утесам камня — карабкались ребята.

Алеша Рябинкин — стоял на коленях перед жилой и долбил ее молотком.

— Тридцать седьмой образец. А идем пятый день. Интересно, сколько к концу похода будет. В одной Мурзинке сотню наберу. Никаких сумок не хватит. Ты чего смотришь? — обернулся он.

Леньша лежал на животе и рассматривал в лупу какой-то серый обломок.

^{*)} Рябчик — хромит-вкрапленник.

— Не знаю, пироксенит^{*)}, что ли? Все названия в голове перепутались.

— Дай, посмотрю, — бросил Алеша молоток. Взял обломок и осмотрел его со всех сторон. Понюхал. Потом засмеялся и лизнул обломок,

— Опока.^{**)}

— Сам ты опока, — безучастно отозвался Леньша.

Алеша поколотил обломок молотком.

— Хромит это.

— Сам ты хромит, — так же ответил Леньша.

— Нет, верно, хромит. Про опоку это я так — поймать тебя хотел, — уверял Алеша,

— И на хромит тоже поймать хочешь.

— Да вот, не верит. Я говорю тебе — хромит. Только не чистый, а вкрапленник. На, посмотри.

Леньша вскользь посмотрел на образец:

— На пироксенит похоже.

Алеша раздраженно чиркнул молотком по обломку.

— Ты посмотри на черту — шиколадная?

^{*)} Горная порода.

^{**)} Минерал. Прилипает к языку, если его лизнуть.

— Ну-да, шоколадная^{*)}. А ты — пироксенит...

Откуда-то сверху, где на обрыве гнезился сосняк, донеслись перебаты эхо. Кто-то громко кричал:

— Ребята, хромит!

— ...ята... омит... ит...

— замирало эхо.

Ребята молча переглянулись и подняли головы в сторону крика.

— Ну вот тебе и пироксенит, — победно улыбнулся Алеша.

Наверху сорокаметровых скал, цепляясь за выступы, торопливо спускались ребята. Впереди всех — Сережа. Под ним обломился выступ

скалы, и сейчас он, сидя, быстро катился вниз. На самом верху смешно суеился отставший Коля. Ему хотелось обогнать ребят, но спускаться быстро он трусил и испуганно смотрел на падающего Сережу.

Ребята хохотали.

— Пойдем — быстро встал Алеша.

**) Если чертить хромит металлом, на хромите остается шоколадного цвета черта.*

Все еще хохоча, Ленюша начал спускаться.

Как и следовало, внизу первым очутился Сережа. Он потирал ушибленные места и морщился. Спуск достался ему нелегко. Прихрамывая, он направился к берегу.

Вскоре подбежали и остальные.

Перед руководителями выросла горка образцов. Нацепив пенснэ, Владимир Павлович рассматривал их.

— Ну, что-ж. Никуда не денешься — хромит... Даже довольно чистый. Вот разве только у Коли попадается пироксенит. Хромит тяжелее, да и черту от удара молотком дает шоколадную. Сережа, сравни-ка теперь эти образцы с теми, что раньше взяли. Вот она, галька, которыми в трясогузку бросался. Теперь видишь, откуда она попала?

— Ну, что-ж медлить-то? Давайте отбирать образцы.

Ребята улеглись на животы и зашуршали газетами.

Юрий Михайлович, сидя в стороне, рассматривал карту и шагал по ней измерителем.

Коля Степанов, положив на чью-то согнутую спину дневник, писал, читая вслух:

— В полугоре половины первой четверти Полякова Камня... так, Владимир Павлович?.. Хромит более чистый... смотри образец номер двадцать семь.

За работой не заметили, как закатилось за Поляков Камень солнце. Сейчас оно лишь бросало мягкий багрянец на мелкий ивняк другого берега. Утихли крикливые кулички. В овсе, за ивняком, надсадисто закричал коростель. Воздух посвежел.

— Пять километров еще, — поднял Юрий Михайлович голову от карты. — Пора в путь.

Но ребятам встать не хочется. Только сейчас подобралась усталость. Заныли навиханные за день ноги. Недавно казавшаяся легкой, сумка ощутительно тянет плечо. Как будто в нее налили свинца.

Застегнув ворот ковбойки, встал Юрий Михайлович. Все поняли это как сигнал к отходу. Сережа, украдкой вздохнув, начал собирать свою „сбрую“. Коля повернулся спиной и незаметно выкидывал из сумки тяжелые образцы. Теперь сумка полегчала.

Негромко переговариваясь, тихонько двинулись дальше.

А. ПИЛЬЧЕВСКИЙ

ЭКСПРЕСС УШЕЛ

Фантастический рассказ

Художник Б. Кондратьев

А. ПИЛЬЧЕВСКИЙ

Надвигались июльские сумерки. Высокоскоростной экспресс Москва-Владивосток остановился у станции города Омска,

— Поезд стоит три минуты! — предупредил проводник.

«За три минуты успею сдать радиogramму» — решил инженер Кузин и быстро перебежал перрон. Протянутая через окошко радиографной рука Кузина на полдороге застыла:

— Да вы ли это, Иван Петрович? — крикнул он.

— Товарищ Кузин! Николай Сергеевич! Каким образом? — подошел вплотную к окошечку начальник радиографной.

Приятеля начали припоминать, сколько лет они не видались. И, по самым точным подсчетам обоих, было установлено, что в последний раз они в 1926 году были вместе в научно-исследовательском радиоинституте.

Потекли воспоминания. Вспоминали наиболее яркие моменты из совместной студенческой жизни в небольшой комнатенке на окраине Москвы...

— Вот и экспресс ушел. А вы надолго в Омск приехали, Николай Сергеевич?

Кузин слегка побледнел. Не ответив, он ринулся от окошка и бегом пустился через перрон. Но увы, было поздно. Легкое облачко дыма провожало последний вагон быстро уходящего со станции светло-зеленого экспресса.

«Что же делать? Там уехала вся семья, а у меня билеты, деньги. Что же теперь делать? При первом контроле их где-нибудь высадят».

Кузин снова у окошка радиографной:

— Иван Петрович! Дорогой Иван Петрович! Пренеприятнейшая новость!

Мой экспресс ушел, а я остался. В экспрессе уехали жена, сын и старик-отец, Ну, вы представляете, Иван Петрович, их положение!

— Представляю и не завидую... Но это самый скорый поезд, и никаким поездом его не догонишь.

— Но догнать их я должен, во что бы то ни стало, иначе...

Иван Петрович радостно прищелкнул пальцами и сказал:

— При современной технике да чтобы мы не догнали — это стыдно!.. Мы техникой перегнали Европу и Америку, а тут вдруг какой-то экспресс, да еще свой собственный, не перегнать! — в голосе начальника радиостанции Кузин услышал ободряющую надежду. Несомненно, у его старого приятеля уже назрел какой-то план.

Начальник радиографной отдал какое-то распоряжение своему помощнику и вышел в коридорчик.

— Идемте со мной, Николай Сергеевич, — схватил он под руку Кузина, еще ничего не понимающего, но уже чувствующего, что какой-то выход из положения найден.

— У нас здесь хороший начальник аэродрома. Пойдем к нему, авось выручит...

— Неужели аэропланом? — догадался Кузин — Признаться, никогда отродясь не приходилось летать. Но я готов хоть на хвосте кометы полететь, лишь бы догнать.

Через несколько минут Кузин с Иваном Петровичем вошли в кабинет начальника аэродрома. Начальник внимательно выслушал гостей. И, не дослушав до конца, кивнул головой и снял телефонную трубку с аппарата.

— Дежурный? Экстренно приготовить на Новосибирск скорый «А» 235! На приготовление даю три минуты.

— Бывает, бывает, дорогой товарищ. Выручим вас из беды, — улыбаясь, говорил начальник аэродрома, предлагая гостям закурить.

Взволнованный, радостный Кузин крепко жал руку Ивана Петровича. Автомобиль начальника аэродрома птицей помчал обоих по улице.

Светло-зеленый экспресс полным ходом шел от Омска. Первым спохватился двенадцатилетний Костик:

— Ну, а где же папа?

— Где же, как не в вагоне-ресторане? Сосет, наверное, свое любимое пиво, — равнодушно ответила мать.

— Может, застрял в каком вагоне со знакомым — заметил старик, шурша газетой в углу на мягком диване. Лицом он был очень похож на самого Кузина.

Скоро Костик снова спросил:

— Что это папа как долго?

Мать Костика тревожно глянула в окно. Подождав еще минут пять, она попросила проводника сходить в вагон-ресторан, отыскать там Кузина, Николая Сергеевича, и передать, что его ждут. Тревога у всех троих нарастала. Проводник сообщил:

— В вагон-ресторане такого пассажира нет!

Он обошел все шесть вагонов экспресса — нигде Кузина не было.

Костик плакал. У Кузиной мелькали самые мрачные предположения:

«Может, когда переходил из вагон-ресторана, свалился под поезд... Может, в Омске прыгал на ходу, и попал...»

У нее заблестели слезы на глазах.

Надвигался вечер. В купе вспыхнула яркая электрическая люстра. Старик пытался утешить кое-как обоих, но безуспешно. Он сам пал духом, когда контролер, выразив участие, все же заявил:

— В Новосибирске вам придется сойти. Мы не имеем права везти без билетов.

* * *

— Ну, я вам не буду желать успеха, потому что успех обеспечен, — пожал руку Кузина начальник аэродрома, выходя из кабины быстроходного самолета. — Наша «ласточка» прорезает воздух со скоростью 400 километров в час. Не пройдет и двух часов, как вы опуститесь в Новосибирске.

У Кузина совершенно исчезло тревожное настроение. Он уже думал о другом:

«Раньше Новосибирска их не высадят: экспресс нигде раньше не останавливается. Вот встреча интересная предстоит!»

Кузин так увлекся картинкой предстоящей встречи, что не заметил, как самолет уже поднялся высоко над землей. Глянул в окно — приближался вечер.

Специально сопровождавший Кузина пилот сообщил:

— Сейчас на таком вот самолете лететь безопаснее, чем ехать в поезде. Если бы даже случилось такое невероятное событие, как облом всего крыла, то и то мы не перевернемся. Под самолетом установлен мощный гироскоп. Достаточно пустить в ход его гигантский волчок, и самолет сохранит равновесие. Под вами кресло-парашют. А вот там все приборы, которые позволяют вести самолет ночью, совершенно не глядя в окно...

Пилот повел Кузина за собой и показал несколько аппаратов, указывавших скорость, высоту полета, местонахождение самолета.

— А теперь пойдем к окну, зажжем оба нижних прожектора. Смотрите внимательно вниз!

Кузин увидел внизу освещенную прожекторами самолета землю. Виднелась длинная полоса.

— Это, кажется, полотно железной дороги.

— Да, — подтвердил пилот, — теперь вы внимательно смотрите на это полотно. Самолет сейчас будет некоторое время идти вдоль железной дороги.

Кузин пристально глядел вниз. Ему уже надоело это занятие, он хотел было отойти от окна, как вдруг заметил серую ленточку,двигающуюся вперед по линии железной дороги.

— Ну, как вам это нравится, товарищ Кузин? Ведь мы догнали ваш экспресс!

Кузин глянул пристальнее — и в самом деле экспресс! Отчетливо видна белая широкая полоса вдоль крыши каждого вагона.

Экспресс отставал. Через минуту, он остался далеко позади и потерялся в ночной мгле. Пилот выключил свет прожекторов.

Едва только спустился самолет на Новосибирском аэродроме, Кузина обрадовали приятной новостью:

— Экспресс прибывает через два часа.

Кузин не торопился. Осмотрел город, и к самому приходу поезда приехал на вокзал. Толкаясь по перрону среди публики, он непрестанно улыбался, предвкушая, необыкновенную встречу с семьей.

Подошел ярко освещенный экспресс. Вот и вагон № 3. Кузин, сбивая с ног пассажиров, ворвался в купе.

— Папа! — крикнул радостно Костик и обвил руками шею отца. — А мама говорила, что ты, наверное, под поезд, упал...

— В каком, же ты вагоне сидел? Ты же знаешь, что мы беспокоились! — осыпала мать Кузина упреками. — Ехать в одном поезде, и весь путь в разных вагонах. Свинство!

— Я и не ехал в этом поезде. Я вас в Новосибирске жду уже два часа...

Все трое глянули такими тревожными испытывающими взглядами, как будто перед ними стоял сумасшедший человек.

Кузин улыбнулся, закурил папиросу, уселся поудобнее на диван и рассказал о своем необыкновенном путешествии.

От редакции:

Случай, взятый в основу сюжета рассказа т. Пильчевского, не вымышлен. Подобный случай был описан в газете «Уральский рабочий» от 6 июня 1935 года. Вот что мы читаем в этой заметке:

ДОГНАЛИ!

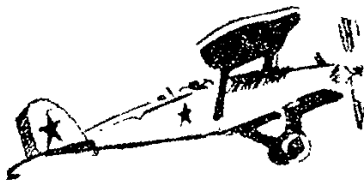
Экспресс № 2 отошёл на Владивосток. На перроне станции Свердловск метался А. П. Кучеренко. Отстал! В поезде осталась семья Кучеренко — жена, слепой старик-отец и дети. Как догнать экспресс? На поезде этого не сделаешь. Разве что на самолете...

Взволнованный Кучеренко обратился к начальнику политотдела гражданской авиаций тов. Мелещко. Ему не пришлось долго просить о помощи. Судьбой рассеянного пассажира и его семьи заинтересовались. Начальник управления гражданского воздушного флота тов. Сергеев выехал в аэропорт и организовал отправку тов. Кучеренко до Тюмени.

Техник Парфенов и моторист Расковалов, узнав, в чем дело, за 20 минут подготовили «П-5». Пилот Бажан сказал пассажиру несколько ободряющих слов, и машина оторвалась от земли. Через 1 час 25 минут «П-5» сел на Тюменском аэродроме.

Работники авиации проявили большую чуткость к человеку. А. П. Кучеренко нагнал экспресс.

Но пилот Бажан улетел только тогда, когда стало известно, что Кучеренко встретился со своей встревоженной семьей. Все в порядке! Пилот вылетел в Свердловск.

ЮРИЙ КИН (Ю. КУРОЧКИН)

СКАЗКА, ПРЕВРАЩЕННАЯ В ЖИЗНЬ

Фантастический рассказ

Художник Б. Кондратьев

Легко оторвавшись от земли, самолет стал набирать высоту. Сделав над аэродромом два широких круга, самолет плавно развернулся и, взяв курс на север, скоро исчез в темнеющей синеве вечернего неба.

На аэродроме в маленькой белой каменной будочке, на столе перед двумя людьми с голубыми петлицами, стрекотал радиоаппарат. Через каждые пять минут на узенькой белой ленте, медленно выползавшей из аппарата, появлялись четкие ряды цифр.

— Высота 3200... скорость 456... Курс — норд... — расшифровывали дежурные аэропорта.

Самолет, вылетевший недавно с аэродрома, не имел на борту ни одного человека. Даже пилота. Управляемый по радио, он летел в тайгу — тушить грандиозный лесной пожар, начавшийся еще пять дней назад.

— Где сейчас самолет? — обратился старший дежурный к «заочному» штурману, сидевшему у стенда управления.

— Квадрат 38-91... 200 метров от очага пожара.

— Сбросить пять бомб, — отдал приказание дежурный.

— Есть!

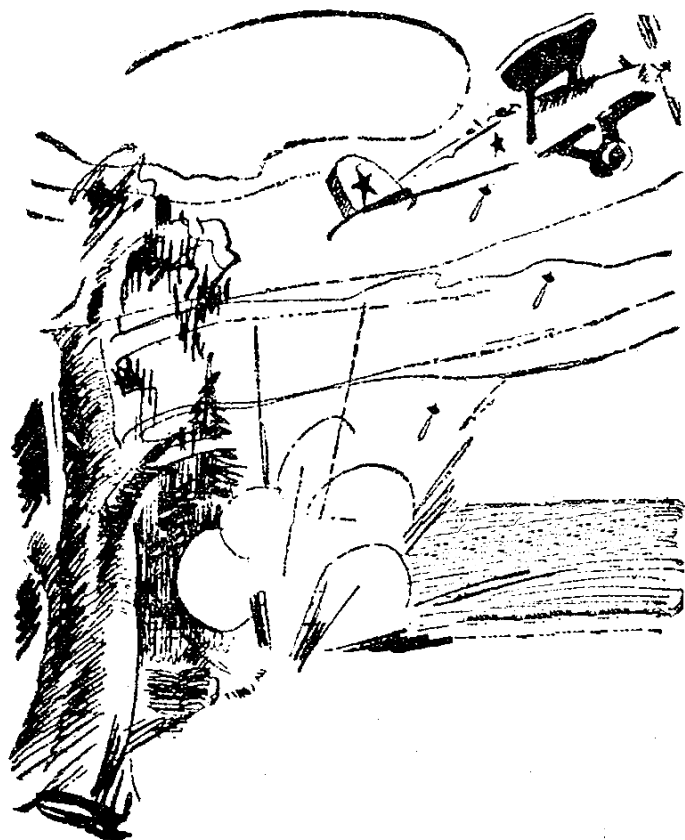
Сухо щёлкнул ключ аппарата... раз... другой... третий...

— Квадрат 38-91. Сброшено пять бомб, — доложил штурман.

— Включите телевизор.

— Есть.

На маленьком экране перед стендом управления замелькали тени. Вот они резче, яснее... Перед взорами людей, сидевших в будке аэродрома, поплыли голубые от дыма массивы тайги с огромным, зияющим пламенно-красным пятном — огонь продолжал свирепствовать.

Дежурный сухо продолжал приказания:

— Спустить пять баллонов огнетушительной массы.

— Есть, — эхом откликнулся штурман.

Часть красного пятна на экране начала темнеть. Темная полоса окаймила со всех сторон пятно.

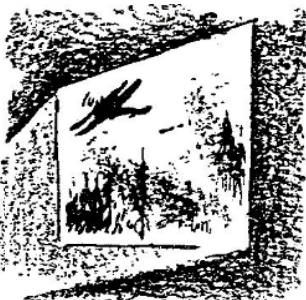
Дежурный оторвался от экрана и, устало зевнув, бросил штурману:

— Сбросьте еще в самую гущу баллонов двадцать, и можете возвращать самолет.

Через полтора часа, уже в темноте, самолет возвратился на аэродром. Звукоулавливатели, соединенные с прожекторами,

при приближении самолета автоматически включили свет, и вышедший на поле дежурный мог любоваться классической посадкой, произведенной с земли. Сверкнув последними кругами оборотов, пропеллер мягко остановился. Самолет повели в ангар.

Как это фантастично, и... как реально. Фантастично потому, что всего лишь тридцать с небольшим лет отделяют нас от того дня, когда два брата-американца впервые

поднялись в воздух на крылатом аппарате. И как это реально, потому что очень немного лет отделяют нас от описываемой картины. Так буднично будут совершаться большие дела, на которые еще недавно человеком тратилось столько труда.

Телемеханика (так называется отрасль науки, разрабатывающая способы управления механизмами на расстояние), наука еще совсем молодая. Но она, как сказочный князь Гвидон, растет не по дням, а по часам. И достойно — потому что несет она человечеству изумительные возможности.

Вот в голубом небе стрекочет безлюдный самолет. Легкими нажимами телеграфного ключа управляет им с земли один человек.

Вот по желтой песчаной насыпи, бодро отфыркиваясь, несется электро-экспресс. На нем нет машиниста. И даже на небольших промежуточных станциях почти нет обслуживающего персонала — всего один-два человека. Автоматы-

машины сделают за Человека все — переведут стрелку, остановят электровоз, снова пустят его, подадут свежую воду в вагоны, включают в поезде свет.

Это на транспорте.

Но вот мы на металлургическом заводе. Обойдем все его цеха, и лишь в немногих из них встретим двух-трех человек. Автоматически подается сырье, автоматически же смешиваются в нужных долях составные части, без помощи людей подается сырье в агрегат. Контроль технологического процесса, разлив металла, выемка готовых болванок — все это происходит автоматически или с помощью дежурного инженера, сидящего за столом управления, в другом помещении.

Мы идем по городу. Начинает темнеть.

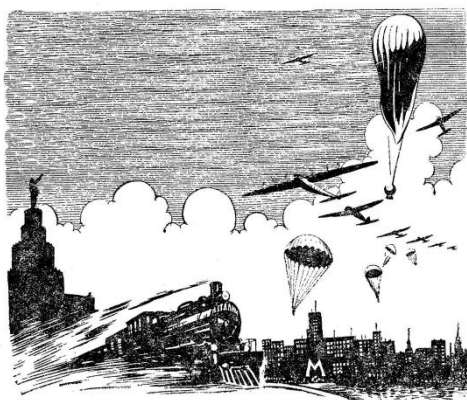
Чувствительные «электрические глаза» — фотоэлементы, автоматически включают свет, постепенно усиливая накал по мере наступления темноты.

Мы на поле, покрытом желтеющей нивой. Без умолку гудят и стрекочут машины. Ровные ряды туго набитых зерном мешков остаются на тех местах, где проехали машины. Под тенью густой липы у столика сидит человек. Повинуясь легкому нажиму ключа аппарата, машины с невысокими антеннами на корпусе чинно строятся в ряды, бурно взревев, ровной колонной движутся по полю, исполняя безмолвные приказания человека. Словно гигантские невидимые руки поворачивают их в нужном направлении, заставляют делать то, что нужно

этому маленькому человеку, сидящему под тенью липы.

Сказка превращается в жизнь.

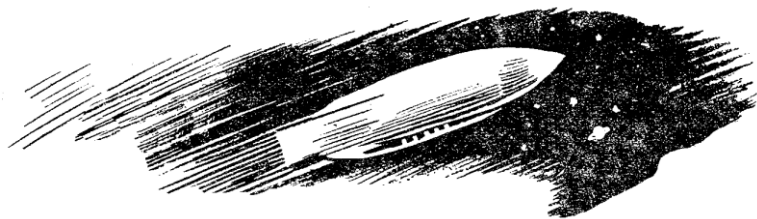
И жизнь превращается в указку. Радостен и почетен будет свободный творческий труд, в котором умственная и мускульная энергия сольются в единое неразделимое целое.

И. ФОРТИКОВ

О МЕЖПЛАНЕТНЫХ ПОЛЕТАХ

Очерк

О межпланетных полетах

Кто из вас не любовался великолепной красотой ночного неба, кто не задавал себе волнующего вопроса относительно расстояний, отделяющих нас от лучезарных звезд, от манящей светлой Луны?..

Однако, мало кто из вас представлял себе подлинные размеры межпланетных расстояний. А между тем, ученые с точностью уже давно определили эти расстояния, и установили, как далеко отстоят от Земли и Луна, и Марс, и малые, и большие звезды.

В цифрах эти расстояния запомнить трудно — очень много их будет. Лучше покажем на примере.

Если между Ленинградом и Москвой протянуть паутину, то, в общей сложности, ее соберется до 10 грамм.

Такой же паутины на расстояние между Землей и Луной потребуется 8 кг. Паутиновый путь от Земли до Солнца будет весить уже 3 тонны. До отдаленных звезд паутиновая связь обойдется в . . . 600 миллиардов тонн.

Как же возможно осуществить полеты в столь отдаленные мировые пространства.

Самолет (стратоплан) может подняться на высоту не свыше 20 км, так как уже на такой высоте воздух настолько разрежен, что винт не может поддерживать самолет в этом пространстве из-за отказа мотора нормально работать.

Стратостат (воздушный шар) может достигнуть максимальной высоты в 30 км.

Водородные шары-зонды достигли 44 км высоты, но они никогда не поднимали и не смогут поднять людей.

Осуществить полет из пушки в гигантском снаряде, как совершали его путешественники Жюль Верн в его увлекатель-

ных романах «От земли до мира» и «Вокруг Луны» технически невозможно, так как они неизбежно были бы раздавлены в снаряде в момент выстрела, еще находясь в канале пушечного ствола.

Техника располагает единственным средством для межпланетного полета — при помощи ракеты. В безвоздушном пространстве, за пределами земной атмосферы, сможет лететь только ракета. Однако, техника ракеты очень сложна, опыты с ракетами опасны, необычайно велики технические трудности создания летающей ракеты. Ракета движется в пространстве без какой-либо опоры, создавая тягу для движения и энергию для этого внутри самой себя.

Сейчас техника реактивного движения сосредоточила все свое внимание на совершенствовании уже изобретенных ракетных моторов и достижении с помощью ракет стратосферы и высших слоев атмосферы — высоты от 30 до 100 км.

Пока ракетам удалось достигнуть высоты 7 км (Тилинг — Германия), 10 км (Тихонравов — СССР) и 22 км (Годдар — США). Постройка больших ракет для полета в межпланетные пространства будет доступна только после полного завоевания ракетами стратосферы и всей толщи земной атмосферы, достигающей высоты в 1000 километров над поверхностью земли.

Самое трудное, чего до сих пор не могут достигнуть, это того, чтобы ракета преодолела необычайно мощное притяжение Земли, которое особенно сильно возрастает на расстоянии 60—100 км от земной поверхности. Преодолеть земное притяжение ракета может только при том условии, если ей придадут огромную скорость.

Так, учеными установлено, что если ракете придать скорость движения с Земли меньше 7906 м в сек., то описав троекратно земной шар в высших слоях атмосферы, ракета под влиянием земного притяжения неизбежно упадет на поверхность земли.

При скорости ракеты, равной 7906 метров в секунду, ракета будет по кругу вращаться вокруг Земли и неизбежно навсегда превратится в ее крохотную спутницу — новую микроскопическую искусственную луну.

Если ракета ринется в пространство с большей скоростью (но не более 11181 метра в секунду) она будет летать вокруг

Земли уже не по правильному кругу, а по все более и более вытягивающемуся эллипсу, последовательно оказывая сопротивление земному притяжению, пока, не достигнет Луны.

При еще большей скорости ракета окончательно выйдет из сферы тяготения к Земле и сможет достигнуть планет — Марса, Венеры и других, более отдаленных космических миров.

Осуществить эти космические скорости удастся не так скоро. Пока рекордная скорость, достигнутая ракетой Годдара (США) всего 311 метров в секунду. Человечеству предстоит еще много работать над увеличением скорости движения ракеты.

Только тогда можно будет претворить в жизнь те проекты космических ракет, которые имеет человечество, и один из которых первым выдвинул К. Э. Циолковский. По его проекту космическая ракета помещается внутри земной ракеты.

Ученые нашей страны проводят огромную работу по завоеванию стратосферы, и надо думать, что величайшая мечта человечества сможет быть осуществима только у нас, в Советском Союзе, в результате героической совместной работы физиков, химиков, теплотехников, радиотехников, астрофизиков, астрономов.

И. Фортиков.

ЛЕВ УСПЕНСКИЙ

КУПИЦ,

или необыкновенные, неправдоподобные, невероятные,
невозможные, но поучительные приключения профессора
В. О. Бабера, капитана П. Ф. Койкина, Николая Андрееви-
ча Устрицына, мамы и многих других во время их
путешествия по земному шару

Фантастическая повесть

Рисунки Е. Косяковой

Журнал «Костер», 1937 г., №№ 10, 12, 1938 г., №№ 1-9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Л. УСПЕНСКИЙ

Рисунки Е. Косыковой

Глава I. Да здравствует мнемоника!

В редакции наконец стало тихо. Вечернее солнце косо заглядывало в окна. Стояла поздняя ленинградская осень.

— Уф! Дождались! — сказал редактор автору. — Все ушли... Вот теперь-то мы с вами и поработаем. Да-с, поработаем, мой друг! Знаете что? Вы снимите трубку с телефона, чтобы не помешали. Пора, голубчик, пора! Надо сейчас же сесть и спешно придумать тему для романа. Для этакого... такого... Ну, вы сами понимаете. Чтобы были, знаете, приключения. Чтобы все одно за другое так и цеплялось. Чтобы никак нельзя было узнать, что случится на следующей странице. Понимаете? Садитесь... Я уже чувствую нечто такое... этакое... в голове... Какую-то идею, что ли. Мысль! Снимите, голубчик, я вас прошу, трубку, ведь если мне помешают — пиши пропало! Ребята останутся без романа. Это будет ужасно!

Автор встал, чтобы выполнить приказ, но не успел. Долгий, внушительный звонок рассыпался по комнате.

— Семьдесят тысяч проклятий! Все кончено! — закричал редактор, с отчаянием падая в кресло. — Кончено! Романа уже нет! Роман погиб! Спросите, кто там?

— Алло! — сказал сердито автор телефонному аппарату. — Я вас слушаю.

— Очень хорошо, дорогой мой! — вдруг совершенно неожиданно ответил ему из трубки приятный басистый голос. — Очень хорошо... Отлично! Превосходно!! Замечательно!!! Однако я не советую вам начинать разговоры по телефону с «алло». Что значит «алло»? «Алло» — слово английское. Оно означает — «ату его! куси! усь-усь! хватай!» Вот что оно значит. Так английские охотники науськивали некогда своих собак на зверя. Почему же вы кричите мне «куси»? Мне это непонятно! Да, непонятно. Что?

Автор растерялся.

— Простите... Я не знал... — забормотал он.

— Пожалуйста, пожалуйста, — добродушно пророкотала трубка... — Я только так, попутно... Всегда лучше, если понимаешь то, что говоришь... Но это так, к слову. Я очень занят. Очень! Я тороплюсь. Ваш номер — шесть шесть сорок четыре шесть восемь? Прекрасно! Тогда скажите мне, пожалуйста, и ваш адрес. Я крайне спешу. Заеду к вам через пять минут. Надо привести одну весьма важную справку. Сугубо важную. Глубоко важную. Предельно важную. До свиданья!

Испуганный автор торопливо пробормотал адрес.

— Какой-то... чужак! — прикрыв трубку ладонью, шепнул он редактору. — Ни с того, ни с сего ругается. Говорит — «ату его!» Приедет через пять минут!

— Да кто он, кто? — крикнул редактор, делая несчастные глаза. — Спросите — кто?

— Позвольте! Эй, алло, алло, простите!.. А кто это говорит? — заторопился автор.

— Это говорит Бабер. Да, Ба-бер! Профессор Бабер. Я выезжаю!

— Говорит Бабер! — с благоговением вымолвил автор. — Профессор Бабер. И он — выезжает.

— Говорит Бабер?.. — повторил невыразительным голосом редактор. — И выезжает? Сюда? Очень приятно! Хотел бы я только знать — кто это такой: Бабер?

СЕРГЕЙ
КОСТРА

* * *

Редактор сидел убитый и сердито пил чай с лимоном.

— Конечно, — бормотал он. — Все погибло. Не могу собрать мыслей! Была какая-то гениальная идея и исчезла. В голове — каша. Ребята будут сидеть без романа. А все из-за этого вашего Бабера... Хотел бы я знать, кто он такой.

— Представления не имею. Накричал, нашумел. Запрещает говорить «алло». Такой... бородатый. Я испугался, — виновато ответил автор.

— Бородатый? Почему вы думаете, что он бородатый? Вы его видели? Знаете? Может быть, вы нарочно сговорились с ним?

— Нет, что вы, что вы! — замахал руками автор. — Никогда не видел! Но по голосу кажется, что непременно бородатый... Он меня напугал. Заорал на меня. Говорит: «алло» значит по-английски «усь-усь!» Как глупо!

Редактор пытливо посмотрел на автора. Но в этот миг в дверь постучали.

— А! Профессор Бабер! — вскричали два голоса сразу, потому что в дверях показалась добродушная, но и внушительная, бобрового цвета, профессорская борода.

Профессор Бабер (и автор и редактор сразу почувствовали, что это был не кто иной, как он) вошел в комнату. Несколько секунд он шурился и всматривался в сидящих. Косой луч солнца, падавший из окна, слепил его. «Гм... Небольшого роста! — подумал редактор. — Небольшого роста, но плотный».

«Палка в руке, — подумал автор. — Приятное лицо! Какой широкий лоб. Шляпа мягкая. Настоящий ученый... Добряк, я думаю».

Профессор Бабер поднял руки к глазам и снял очки. Но под этими очками сейчас же блеснула другая пара стекол. Сунув первую в карман, профессор снова поднял руку и порывисто закинул вторые очки на лоб. Однако под ними оказались третьи. Тогда он с досадой опустил эти третьи на кончик носа, пронзительно взглянул поверх них и прямо подошел к редактору.

— Привет! — очень добродушно, но и строго произнес приятный рокочущий бас. — Привет. По-русски — добрый вечер. По-немецки — гутен абенд. По-французски — бон суар. По-английски — гуд ивнинг. Но это все равно... Я тороплюсь. Спешу. Мне некогда. Я говорил с вами пять минут назад. Незамедлительно нужна справка: в какой день какого месяца здесь в Ленинградской области длина тени, падающей от предметов в полдень, абсолютно равна длине самого предмета. Точная справка. Я могу подождать (он взглянул на часы) минут семь. Но не больше. Да, не больше. Иначе — все погибло!

И он сел в кресло так энергично, что пружины издали нежный мелодический звон.

— Я умираю... — жалобно сказал редактор. — Что это?.. За что? Почему именно меня...

— Простите... п... п... растите... п... п... рофессор... — испуганно залепетал автор. — Но почему вы думаете, что мы... Вы, вероятно, просто не туда попали.

— Не туда? Как это не туда? Что значит: не туда? Я же у вас спрашивал ваш номер. Мне нужен телефон шесть шесть сорок четыре шесть восемь. Это — астрономическое общество...

— Нет, нет, нет! Тысячу раз нет! — облегченно вздохнул редактор. — Вы ошиблись! Это наш телефон. Это — редакция детских журналов... «Костер», «Чиж»... Никакой астрономии. Вы все перепутали, все!

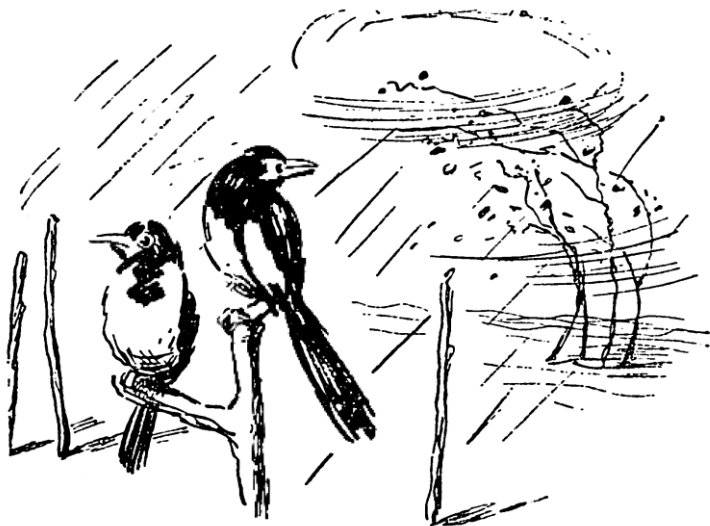
Но тут профессор Бабер вдруг выпрямился и выставил бо-роду вперед.

— Я не мог перепутать номера телефонов, юноши! Слышите? — строго отчеканил он. — Не-мо-гу. По-французски — же не пе па. По-немецки — их кая нихт. По-ораветлански... Да, не могу. Ибо я запоминаю эти номера, руководствуясь правилами безошибочной науки. Она носит название «мнемоника», молодой человек. От греческого слова «мнема», молодой человек. Это значит — «память», молодой человек. Возьмите ваши легкомысленные слова обратно.

— Мне... моника? — ужаснулся редактор. — Это еще что такое?

— Он не знает, что такое мнемоника, — вдруг окончательно возмутился Бабер. — Не знает, а говорит? Да где же вы учились молодой человек? Стыдитесь! Мнемоника — это наука о запоминании. Мне приходится иметь дело с миллионами телефонов. Да, с телефонами миллионов. И я должен их запоминать. А чтоб запомнить цифры, мнемоника учит нас подбирать к ним слова. Стихи. Фразы. Поговорки. И я подобрал фразу к вашему номеру и номеру телефона астрономического общества. Прекрасную фразу. Отличную. Превосходную!

Шесть-шесть-сорок-четыре-шесть-восемь! Два шеста — две сороки — шест и осень! Некрасов!

Запомните эту фразу, молодые люди, а потом попробуйте забыть номер вашего телефона. Ну-ка, попробуйте! А? Что же вы не забываете? Что же вы не путаете? Видите? Разве я мог забыть ваш телефон?

Редактор вдруг встрепенулся.

— Как, как? — хлопотливо привскочил он. — Как? Шест? Почему — шест? Ах, постойте, я понимаю: «шест» это — «шесть»! А две сороки? Сорока — сорок? 44 — две сороки? Скажите на милость! А ведь это действительно удобно. Т-с-с! Постойте. Как же это будет? Например, сто-семьдесят-семь-пять-девять... А? Что же выходит? Ага!.. Стоп, Семен Семеныч! Пятнистая девочка? Так, что ли? Вот это здорово! Действительно никак не опутаешь. Вот только одно — зачем вы прибавили «Некрасов», профессор? Разве эти стишки — из Некрасова?

Не успел он выговорить этих слов, как в комнате раздался громкий щелчок. Профессор Бабер что было силы ударил себя ладонью по лбу.

— Старая шляпа, — проговорил он и добродушно, по-стариковски засмеялся. — Старый глупец. По-немецки — дер альте нарр. По-французски — ле вье фу. По-турецки — бир

эски ве акылсыз адам. Мнемоника! Она тут ни при чем. Это я сам спутал. Без всякой мнемоники. Я все запомнил. Но я забыл главное, забыл, зачем придумал Некрасова. А это страшно важно. Ведь надо было звонить на Некрасовскую станцию. А я звонил просто на букву Б.

Так состоялось знакомство редакции и профессора многих довольно трудных наук — Владимира Оскаровича Бабера.

Владимира Оскаровича не сразу выпустили из редакции.

— Простите, профессор, — так и ходил вокруг него редактор. — Одну секунду. Мы позвоним по телефону куда надо и выясним все, что вам нужно... Ну, там насчет этих теней от предметов и всякой тому подобной че... чертовски интересной материи, хочу я сказать. Да, да! Но зачем вам нужна эта тень? Что за поиски тени?

Профессор Бабер глубоко задумался. Наконец он поднял голову.

— Гм... Ха-хм! Видите ли, дорогие и достопочтенные мои друзья... Да — друзья! По-французски — ме камрад. По-немецки — майне фрейнде. По-турецки — аркадашларым! Видите ли, я являюсь председателем КУПИПа. Да — Купипа. Ребячьего Комитета Удивительных Путешествий и Приключений. О! Купип!.. И вот у нас в Купипе наклеивается новая экспедиция. Очень интересная. Сугубо. Крайне. Восьма.

Группа лиц, в возрасте от семи до семидесяти семи лет обнаружила документ... странный документ... удивительный

документ! Тайнственную бумагу. Ее тайна должна быть разгадана. Непременно. Обязательно. Во что бы то ни стало. Я не сомневаюсь — эта тайна увлечет нас очень далеко. Крайне далеко. Но куда?

Чтобы решить куда, надо разгадать непонятные письма. Чтобы разгадать их, необходимо выяснить, откуда взялся документ. А выяснить это невозможно, если не принять в расчет числа, когда он был найден...

— Ну-ну, — сказали в голос и редактор и автор.

Профессор поднял очки номер два на лоб, а на нос спустил очки номер три. Затем он вздохнул.

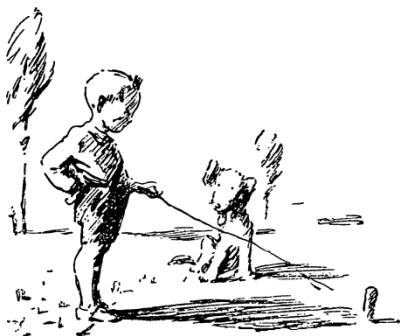
— Лица, обнаружившие бумагу, как это ни грустно, забыли, когда это случилось... Они молоды и легкомысленны... Летом, говорят они, летом! А? Какова точность?! Летом! Но когда? Первого июля или седьмого августа? Двадцать девятого мая или пятнадцатого июня? По счастью, одно из этих лиц, почтенный Николай Андреевич Устрицын, мой друг, мой добрый друг, наш секретарь, запомнил важнейший факт. В тот день, когда великое открытие было сделано, он случайно измерил сантиметром свою тень, точно в полдень. В ней оказалось ровно столько сантиметров, как и в нем самом. Это страшно важно. Это дает ключ в руки. Я могу узнать, когда это было, потому что я знаю, где это было. Вы понимаете меня? — обратился он к автору.

Автор робко покачал головой.

— Не совсем, — проговорил он. — Нет, не совсем. Простите, профессор, а что же это за документ?

— А! — повторил профессор Бабер. — Я все понял. Все.

Наука интересует вас мало. Но зато вы упрямо хотите знать, что это за документ. Гм... гм?.. Видите ли... Если бы ваш журнал был журналом взрослым, я бы прямо сказал «не могу — это тайна». Но ваш журнал, насколько я понимаю, — ребячий журнал.

Это меняет дело. КУПИП также ребячье общество. Гм? Пожалуй, я могу...

Профессор Бабер открыл толстый коричневой кожи портфель, вынул оттуда старый бумажник и извлек из него маленькую, затрепанную и замусленную бумажонку. Затем он опустил со лба очки номер один, покрыл их очками номер два, поднял на лоб очки номер три и, аккуратно разгладив складочки, развернул бумажонку на столе. Редактор и автор нагнулись к ней, и громкие восклицания сейчас же огласили комнату.

Глава II.

Таинственная бутылка

Николай Андреевич Устрицын визжал.

Он визжал так громко, что большие темно-синие стрекозы, дрожа крыльями, останавливались над ним в горячем воздухе. Видимо, они сомневались, стоит ли им лететь дальше. Сидя на корточках посреди песчаной отмели, Николай Андреевич выгнул спину, прикрыл глаза, заткнул уши пальцами, чтобы самому было уж не так противно, и — визжал, насколько хватало сил.

Ручей в этом месте впадал в реку. Река, большая и ленивая, разлившись среди темно-зеленых кустов, делала спокойный изгиб вправо, и там, в дымчатой жаркой дали, переходила в мерцающий как плавленное олово простор моря.

По морю бродили и перебегали ослепительные острые искорки. Совсем далеко тянулся, расплываясь, коричневый дымовый хвост. Хвост был, а самого парохода не было, — совсем как в учебнике географии 4 класса.

Ближе во мгле маячил небольшой светлый парус. А в реке, в тихой бухточке, под ветками прибрежных лоз, покачиваясь и подняв вверх узкое горлышко рыльцем, плыла небольшая темно-зеленая бутылка.

Поэтому-то Устрицын и визжал.

— Ай! — взывал он. — Скорее! Сюда! Робинзон! Пятница! Бутылка в виду! Бутылка под ве-е-е-тром! Я ее упущу-у-у! Ай-ай! И чудовище уполза-а-ет!

Чудовище действительно уползало. Оно медленно перебирало лапами, выволакивая тяжелое тело на песок. Зелено-черный панцирь его обсыхал пятнами. Выпуклые глаза смот-

рели тусклым и зловещим взглядом. Сердце Устрицына разрывалось.

— Самый страшный гавиал уползает! — чуть не плача кричал он. — Идите скорее! Тут плавает таинственная бутылка... Аллигатор уползает! Вы слышите?

— Хватай его и кидай обратно! — донесся из-за кустов мужественный голос «Робинзона».

— Ну да... У него — клешни... я боюсь!

— У аллигаторов не бывает клешней, это — во-первых! У них челюсти, способные перекусить годовалого козленка. Толкни его сандалией, во-вторых!

Кусты зашатались, раздвинулись. «Робинзон» и «Пятница» мощными скачками ринулись на отмель. В руках у «Робинзона» была драга, круглая драга, ячейки которой были залеплены чем-то белым; утром сквозь нее протирали дома творог на сырники. «Пятница» размахивала мушкетом. Перевитые зеленой ленточкой белые косицы ее подпрыгивали на каждом шагу.

— Эх, ты! — загремел «Робинзон», одним ударом ноги сбрасывая гавиала в окруженную песчаным валом заводь. — Полюбуйся, «Пятница»! Этот несчастный попугай не способен даже сторожить дичь, когда мы уходим. Его придется застрелить, я думаю...

— Я всегда говорить то же самое, хозяин... — покорно сказала «Пятница» и тряхнула косичками.

Но «Попугай Поль» негодуяще запищал:

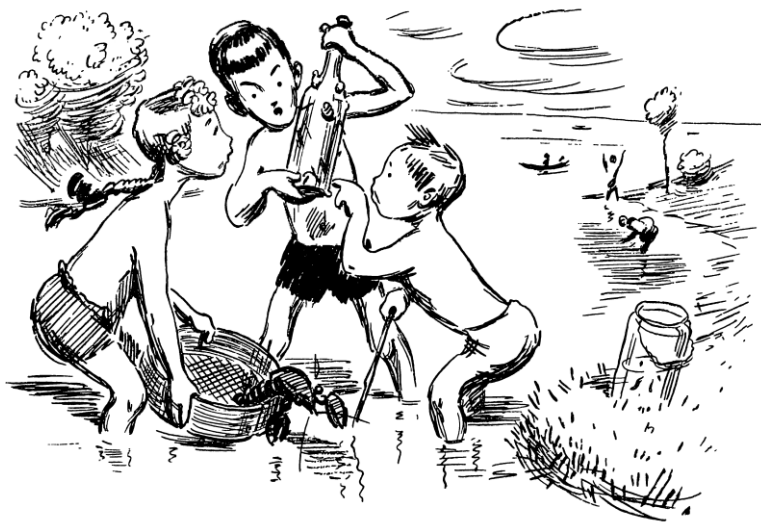
— Я вам дам — застрелить! — возмутился он. — Меня комары ели-ели! Пока вы там ничего не поймали, вон смотрите, какую я таинственную бутылку нашел. Вон плывет!..

Тут глаза «Робинзона» вспыхнули мрачным огнем торжества. Он тоже увидел бутылку.

— Ура! — рявкнул он, — Люська!.. Вернее: «Пятница»! Смотри: бутылка за бортом, настоящая бутылка. Вот так Устрицын! Чур! — я тогда не Робинзон! Чур! — я тогда Джон Мангльс! А ты — леди Елена, ладно?..

— А я — Роберт, я Роберт, да? — взвизгнул Устрицын. — Лева, слышишь? Я тогда — Роберт. Чур! Чур! Я больше ни за что не буду попугаем! Вот что!

Так в погожий летний день 19... года экипаж шхуны «Дуглас», находясь под 60° сев. широты и 28° 15' восточной долготы, вторично обнаружил в море плавающую бутылку.

Несколько минут спустя мускулистые руки «капитана» и его спутников извлекли бутылку из воды.

«Леди Елена» вытаращила свои большие глаза, того самого прекрасного цвета, какими бывают глаза совсем молодых галчат.

— Стекланная! — благоговейным шепотом сказала она. — Это — от уксуса. Я знаю. Смотри, Лева: она запечатана чем-то.

— Миледи, — отвечивал «Джон Манглс», с шотландской вежливостью наклоняя голову, — вы сегодня менее проницательны, чем обычно. Это, конечно, бутылка от крепкого ямайского рома. Разве вы не узнаете зеленоватого вестиндского стекла? Почем мы знаем, откуда принесли ее в наш тихий залив морские течения? Может быть, в ней заключена великая тайна...

— Может быть, — пискнул Устрицын, — она прошла желудки десяти акул?..

— Глупости, «Роберт», это невероятно, этого не может быть!

— А я говорю — вероятно! Может быть, сначала ее съел маленький акулёночек, потом этого акулёночка, может быть,

съела акула побольше, потом еще больше, потом вот этакая, потом...

— Устрицын, замолчи немедленно! — грозно окликнул «капитан». — Интересно, что там в бутылке?

Устрицын прижал к бутылке нос, постучал по ней пальцем.

— Вижу! — закричал он. — Там какая-то бумажка лежит. Такая грязная... Надо ее достать!

«Капитан Мангльс» вздрогнул. — Бумажка? — прошептал он. — Открывать бутылку? Да ты с ума сошел, Устрицын! Тогда документ немедленно рассыплется в прах...

— В пух и в прах, — подтвердила «леди Елена».

— Не в пух и в прах, а просто в прах, — рассердился «Мангльс». Я никогда нигде не читал, чтобы документы рассыпались в пух и в прах. Ее надо открывать умело. Как же быть-то, Люсилья, а?

Воцарилось долгое молчанье. Лева держал бутылку в руках так, точно это был лучший из брильянтов короля сиамского Чула-лонг-кори-кута. Солнце слепило глаза. Устрицын и Люся, разинув рты от жары и любопытства, смотрели на находку. Внезапно с лесопильного завода прилетел звонкий удар колокола.

— Уже час, — задумчиво сказал «Джон Мангльс». — «Роберт», измерь величину тени шагами. Эти хронометры вечно врут. Гм! Что же нам делать?

Устрицын вышел из воды на отмель. Его вихрастая коротышка-тень легла прямо на юг.

— Лева! — закричал он через минуту. — Смотри, как смешно-то. Тень как раз с меня ростом. Как раз! Вот я лег на нее. Тень — до щепки и моя голова — до щепки. Лева, знаешь, я придумал, что делать! Побежимте лучше к этому дяденьке, который живет около пруда... Ну, у которого такой свисток... Который все время на лодке... У которого на одной руке пять якорей, а на другой два туза, чья-то морда и по-китайски написано... Уж он-то наверное умеет бутылки открывать...

Люся Тузова взглянула на Леву: «Ай да Устрицын!»

— А ведь верно, — сказала она. — Еще ребята его зовут — капитан Койкин. Его все боятся. Его один раз даже наш пехотух, — тут Люся сделала большие глаза, — испугался, а уж он — ну решительно никого не боится... Наверное, он все умеет! Бежим к нему.

Быстрее быстрого они запихали в ведро добычу — пять аллигаторов, одного гавиала и двух скользких усатых дельфинов — и помчались по берегу. Впереди, подпрыгивая, мчался Устрицын, за ним поспешала Люся, а сзади всех бежал Лева Гельман с бутылкой. Ему вчера воткнулась вот такая заноза в пятку, он побоялся йода, все прикладывая к пятке подорожник, и теперь изрядно хромал.

* * *

Около той дачи, где жил капитан Койкин, тянулся желтый дощатый забор. Забравшись на камни (— У, крапива какая противная! — заворчала сейчас же «леди Елена»), все трое старались заглянуть во дворик.

— Там собака ворчит... кажется, — опасливо проговорила Люся, прислушиваясь.

— По-моему, храпит кто-то... или хрюкает, — сказал Устрицын.

И он был прав. За забором они увидели чисто морскую и величественную картину. По всему двору тянулись веревки. На них пестрело развешенное белье. Оно весело хлопало и парусило на ветру. В углу, на земле, стоял брезентовый шезлонг. Над ним на веревках был натянут какой-то странный тент из простыни, а под тентом, развалившись в кресле, покоился капитан Койкин. На обложке толстой книги, которую он держал в левой руке, виднелся черный силуэт парохода. Правой рукой капитан то сердито почесывал загорелую и волосатую грудь свою, то что есть духу хлестал себя по плечам березовой веткой — на ней осталось уже очень мало листьев. Удивительнее всего были его брюки: они спускались на босые капитанские ноги таким привольным клешем, каких ребята не видывали еще никогда.

В каждый из двух этих раструбов могли свободно поместиться, по меньшей мере, три Устрицына. Неподалеку от капитана, у его ног, на земле стояла бутылка с надписью «лимонад», подальше другая, еще дальше третья. Усы капитана двигались как у кота, но глаза были закрыты.

— Смотрите... он усами читает, — в страхе прошептала Люся.

— Проклятые москиты! — в тот же миг хрипло сказал сонный морской голос. — Вот я вас... У!

Капитан протянул босую ноту, охватил пальцами горлышко ближней бутылки, поднял бутылку ногой высоко над землей, перехватил ее в руку, отпил глотка два и, по-прежнему орудуя ногой, не глядя, поставил ее на песок.

— Уф-ф!

— Ай! — в восхищении взвизгнул Устрицын, — Люся! Смотри!..

В тот же миг книга упала налево, ветка направо. Капитан сел в своем кресле и обеими рутами прижал к глазам бинокль.

— Три физиономии! — рявкнул он. — Одна другой чище! Девица! Юнги! Эй, там под ветром, слушать мою команду! Отвечать, кто такие? Откуда? Куда? С заходом в какие порты? Груз? Назначение?

Все трое ребят наполовину опустили за забор от страха.

— Мы — ребята... пискнула Люся. — Нам нужен капитан Койкин.

— Ребята? — грозно переспросил капитан, позволяя биноклю свободно упасть на ремне и страшно наморщив лоб. — Гм! Ребята? Ребята — ребятам рознь. Без седла верхом ездить умеете? Гм! Из рогаток в бутылки умеете стрелять? Ну, это еще проверим! Тонули хоть раз? Босиком-то ходите? Эй, ты, крайний... Вон тот... Подними-ка ногу над забором! Гм! Сандалии... рваные... Ну, ладно, это все равно, что босиком. Хорошо. Давайте сюда. Будем разговаривать, если — босиком. Не люблю белоножек! Лезьте сюда. В чем дело-то?

— В бутылке... В зеленой... — ответили Устрицын и Лева, торопливо перелезая через забор. Люся смотрела туда и сюда, ища калитки.

— Девица! — загремел капитан, выпрямляясь. — Прекратить поиски калиток! Никаких калиток! Капитан Койкин не

любит калиток! Зачем калитки, если всякий может через забор! Как так — дело в бутылке? Что значит — дело в бутылке? Какое дело? В какой бутылке? Немедленно объяснить!

Трепеща от множества различных чувств. Лева и Устрицын приблизились к капитану.

— Вот в этой... — пробормотал Лева. — Мы ее выловили из реки... ловили аллигаторов (Люся вытащила из ведерка рака) и дельфинов (Люся вытащила пескаря)... Вдруг плывет бутылка...

— От уксуса. Я знаю... — пискнула Люся.

Капитан Койкин сурово взял бутылку в руку.

— Гм? Да, это — бутылка, — проницательно сказал он. — Водоизмещение — ноль пять десятых литра. Говоришь: от уксуса? Гм, гм... Как сказать... Я полагаю... Впрочем это — безразлично. А что в бутылке?

— Там — документ... — начал Лева.

— Документ? Там — документ?! Клянусь десятибалльным шквалистым норд-остом. Ты говоришь — там документ? Так что же вы молчите?

— Мы не молчим... — твякнул Устрицын.

— Молчать! — загрохотал капитан. — Стоять неподвижно! Документ в бутылке! Бутылка в реке! Река впадает в море! Все понял. Необходимо вскрыть немедленно. Вскрыть с чрезвычайной осторожностью. Дай-ка мне тот кирпич...

Не успели ребята ахнуть, как капитан ударил камнем по горлышку, и оно со звоном разлетелось на множество осколков. Маленькая бумажка выпала на широкую капитанскую ладонь.

Маленькая свернутая бумажка.

— Вот... — задыхаясь от почтительности, прошептала Люся. — Я же говорила, что он умеет... бутылки! Вон он как осторожно: трах кирпичом!

Капитан снова уже сидел в кресле. На колене он разглаживал бумажонку, ворча над ней, как бульдог над костью. Глаза его горели...

— Документ! — бормотал он. — Ей-ей документ... Весь подмок... Только некоторые слова... Дырка!.. Клянусь утренней побудкой и национальным флагом Уругвая! Чорт возьми! Весь подмок!

— Как у Жюль-Верна, — задыхаясь от восторга ахнул Лева... Как в «Детях капитана...» Вы читали?

— Молчать! — тихо ответил Койкин. — Стоять смирно! Не дышать. Я все читал... что нужно! Гм... Что же тут написано?

Действительно, бумажка сильно подмокла. На ней было что-то написано химическим карандашом, видимо, второпях. Наверху стояло жирно: «Крайне важно. Сегодня 26-го июня... нашел пять жемчужин довольно крупных...», дальше шел длинный ряд клякс. Потом виднелись слова: «...Ондатра шмыгнула в пещеру... В этой пещере... ради... 0,5 кило... чрезвычайную ценность...» Дальше опять пестрели разнообразные строчки расплывшихся, совершенно непонятных слов. Наконец в самом низу снова повторялось: «0,5 кило... ради... завтра, 26-го июня...» Сбоку справа было наспех начерчено нечто вроде плана пещеры. Выше стояла точка, похожая на звездочку, и около нее с трудом можно было заметить почти смытые водой бледные буквы: «С. Пол...».

Капитан Койкин наконец отвел глаза от бумажонки. Эти глаза горели торжественным пламенем.

— Ребята! — отдельно и внятно произнес он. — Ребята! Мы с вами сделали великое открытие. Ценнейшую находку, разрази тайфун того, кто плохо закупоривает бутылки! Вы почувствуете это? Приказываю немедленно почувствовать. Но вы бы пропали, как пена на волне, если бы не капитан Койкин. Я уже все понял: тут решительно ничего нельзя понять. Как быть? Что делать? Откуда приплыла бутылка? Как это выяснить? Капитан Койкин все знает. Надо ехать в КУПИП. Надо ехать к Баберу. В Ленинград. Бабер все знает. Далее больше, чем я. Он скажет, что это значит. Далее если бы на этой бумажке не было ни единственного слова, он все объяснил бы. Даже если бы в бутылке не было бумажки, он сообразил бы все. Даже если бы бутылки не было, он и тогда не задумался бы. Едем к Баберу.

— Милый капитан Койкин! — пропищала тут Люся. — А кто это — Бабер?

Койкин бросил на нее убийственный взгляд.

— Стыдись, девушка! — загремел он, размахивая пальцем перед ее носом. — Тщательно скрывай свое грубое невежество. Бабер — это самый ученый, самый премудрый, самый замечательный человек на земле. Он везде был. Он все знает. Он пробовал все кушанья на свете...

— Все кушанья? — ахнул Устрицын, — и заячью кислицу пробовал?

— Все, кроме овсяного киселя, — важно сказал Койкин. — Он вас так не отпустит. Он сразу же заберет вас с собой в экспедицию. Мы поедем разыскивать несчастного, который не умеет закупоривать бутылки.

— Ка... капитан Койкин... а вдруг нам мамы не позволят!

— Мамы?! — рявкнул Койкин, хватая с веревки первую попавшуюся рубашку и ныряя, в нее головой. — Ма-мы? Это еще что за научный термин? Кто выше — мама или капитан? Кто знаменитее — мама или профессор? Никаких мам! Никаких пап! Ведите меня к вашим мамам и папам: посмотрим, что они скажут после беседы с капитаном Койкиным!

Все это случилось летом 1937 года, когда профессор Бабер был в очередной экспедиции. А спустя несколько месяцев, вечером солнечного и теплого осеннего дня, капитан Койкин, нарядный, красивый, начищенный, как только что выпущенный из дока корабль, и трое ребят, все с чемоданчиками, остановились у двери на полутемной лестнице.

Наверху на двери висела медная табличка: «Профессор некоторых наук Владимир Оскарович Бабер».

Пониже был пришпилен длинный белый лист бумаги. На нем можно было прочитать:

«Звонкологическая таблица.
Прсят звонить:
Почтальонов — два раза громко и продолжительно, один раз тихо и коротко.
Ученых — семь раз громко.
Милиционеров — три раза коротко.
Ребят — непрерывно, пока не откроют.
Гостей — один раз неуверенно.
Членов КУПИПА — стучать в дверь коленом.
Профессор Бабер».

Разинув рты, ребята изучали таблицу. Но капитан Койкин небрежно взялся за ручку, и дверь открылась сама собой без всяких звонков.

— Никогда не закрывается... — равнодушно сказал капитан. — Замок сломали, когда Бабер потерял ключ. В 1926 году. Не наступите на спрута, ребята. Лево руля! А ну, Устрицын, взвизгни-ка!

Но взвизгнула Люся. Она как раз наступила на что-то мягкое и взвизгнула очень громко. Сейчас же на потолке загорелась лампочка.

— Фотоэлемент, — пояснил Койкин. — Стоит взвизгнуть, и лампочка сама зажигается. Мне не зажечь. Голос груб. Визга не получается. Идите!

Озираясь, ребята увидели, что прихожая как бы сделана из книг. Книги огромными пыльными колоннами лежали справа и слева, до потолка. Около наружной двери в них было нечто вроде пещерки, и оттуда падали на пол, точно шланги пожарной машины, длинные коричневые щупальцы осьминога.

— Чучело! — с некоторым опасением сказал Лева.

— Чучело! — подтвердил Койкин. — Держитесь в кильватере за мной. Полный ход... курс ост-норд-ост.

Пройдя по заваленному книгами коридору, они остановились у двери, из-за которой раздавалось приятное покашливание. Очень осторожно капитан Койкин постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь настежь. Ребята ахнули. Комната была похожа на музей. Под потолком всюду висели на проволочных тросах, в необыкновенной смеси, рыбы, глобусы, птицы, самолеты... Посреди комнаты стоял большой круглый стол под абажуром, огромным, как палатка; у окна другой стол, сплошь уставленный блестящими медными приборами и тонкой, слабо сияющей в лучах лампы, химической посудой. И от этого стола шел к нам навстречу, профессор Бабер. Лицо его было взволновано. Он простирали руки навстречу прибывшим.

— Глубокоуважаемые ребята! Достопочтенные ребята! — заговорил он. — Мой добрый бравый капитан! Вы сделали изумительную находку. Необычную! Превосходную! Великолепную!! Капитан Койкин! Я внимательно читывался в твою телеграмму. Да, все ясно. «Полкило...» и дальше все размыто... Это — замечательно! «Ради...» и дальше все размыто. Это превосходно! Все ясно. Записка сообщает о невероятно важной и драгоценной вещи. Некто нашел, очевидно, радий. Радий! Вы слышите это? Радий! Редчайший из минералов. Драгоценнейшее из веществ. Где же он его нашел? Сомнений нет. Он нашел его в таком месте, где есть пещеры, жемчужные раковины и ондатры. Вы знаете, что такое ондатра?

— Я знаю! Можно мне? — запищал Устрицын. — У меня в лото есть ондатра. Там сказано: «мускусная крыса, или ондатра».

— Совершенно верно, достопочтенный товарищ... товарищ...

— Устрицын, — подсказал капитан Койкин.

— Николай Андреевич, — добавил сам Устрицын.

— Совершенно верно, глубокоуважаемый товарищ Устрицын, Николай Андреевич Устрицын! Некто нашел радий. А? Понимаете? Каково? До сих пор на всем свете его добывали миллиграммы. Он ценится дороже золота, дороже всего. А тут его — полкило. Полкило! Пятьсот граммов! Фунт и девяносто граммов! Это неслыханно! Очевидно, радий зарыт в пещере. Я полагаю — нашедший его потерпел катастрофу. Аварию. Крушение. Он бросил бутылку. Мы должны спешить на выручку его и радия. Но куда? В ту страну, где есть жемчуг и ондатры!..

— Жемчуг — в тропиках! — неуверенно произнес Лева.

— Ондатры в Канаде! У меня в лото сказано: «канадская мускусная крыса!» — пискнул Устрицын. — А повыше — «безоаровый козел». А пониже — «бантенг» — индийский скот. А справа — «гусь-гуменник». А слева — ничего нет. Там — край. Лото кончается.

— Совершенно верно, уважаемые ребята. Вы правы. Жемчуг — в тропиках. Ондатры — на севере. Где же тогда лежит страна, которую нам нужно отыскать. Все погибло бы, если бы не было одного указания. В этой стране бывает сегодня 26-е число и завтра тоже 26-е число. Ты понимаешь, Койкин, что это значит?

— Гм! — Койкин снял свою фуражку и бросил ее на стол. — То есть как это — понимаю ли я? Я все понимаю. Как только ты объяснишь, я и пойму. Очень хорошо. Сегодня 26-е, завтра 26-е, послезавтра 26-е... Отлично! Плыдем туда.

— Капитан Койкин! — строго остановил его Бабер. — Ты торопишься. Послезавтра — не 26-е. Ни в коем случае. Отнюдь. Это невозможно! Только сегодня и завтра. Только! Но такие страны есть. Такие места есть. Это каждый знает. Как по-твоему?

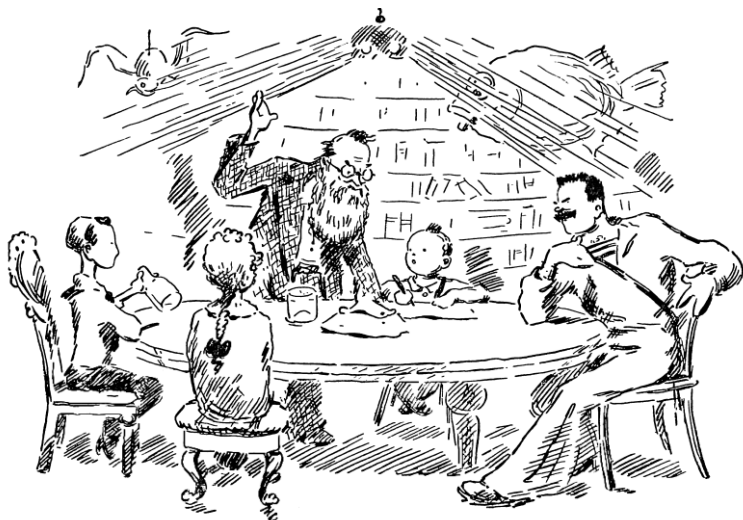
— Гм... Понятно, есть. Это каждый знает... Еще бы я не знал.

— А где? — заинтересовался Бабер. — Где, brave капитан? Где? Но во всяком случае именно туда мы и направимся. Таких стран может быть две. Только две. Их мы и посетим. Их мы и обследуем. КУПИП спасет несчастного путешественника.

— Койкин, закрой плотнее дверь! Нельзя, чтобы нас слышали. Все должно быть строгой тайной. Садитесь за стол, глу-

бокоуважаемые товарищи ребята. Вот карта. Установим маршрут.

Ребята сели за стол. Койкин прикрыл дверь и забаррикадировал ее тремя стульями. Все затихло снаружи. Ни одного звука не доносилось более из рабочей комнаты профессора Бабера.

Глава III. Куда он полетел?

Прошло много времени после совещания на квартире у профессора Владимира Оскаровича Бабера. И Люсю Тузову, и Леву Гельмана, и даже самого Николая Андреевича Устрицына была лихорадка.

Ребят тревожили два вопроса: во-первых, возьмет ли их профессор Бабер с собой в экспедицию и, во-вторых, отпустят ли их в эту экспедицию свои, домашние?

— Да! — сказал на совещании профессор. — Да! Конечно. Несомненно. Безусловно. Надо выяснить, как посмотрят на это ваши глубокоуважаемые родители. Ваши достопочтенные родители. Да! Так и сделаем. А, капитан?

— Ясно! — хмуро кивнул головой капитан Койкин. — Раз уж вы, ребята, по неопытности завели себе этих... ну, как их...

пап да мам... или, может быть, чего доброго, даже бабушек... Значит — ничего не попишешь, тью-тью!..

Ежедневно Люся начинала с утра аккуратно выводить палочкой на песке эти пункты:

1) Возьмет ли профессор?..

2) Отпустит ли папа без мамы?..

Она пискнула было на заседании: — А что, если бы и маму мою тоже взять?.. — но капитан Койкин сразу же подскочил на метр и семь сантиметров в воздух, и руки его задрожали мелкой дрожью.

— Ма... маму? — с ужасом выговорил он. — Ты что хочешь этим словом сказать, девица? Бабер! Она меня убивает. Маму! Нет, уж, Бабер... Видел я некоторых этих мам... издали! Да я лучше с тигром в одной клетке поеду, чем с мамами. Да я...

Но тут Бабер остановил его.

Неделю спустя все папы и мамы все же получили по письму с сургучными печатями. Капитан Койкин постарался. На толстой белой бумаге жирными лиловыми буквами было напечатано вежливое, но строгое приглашение: «немедленно допустить вверенных вам детей к участию в первой ребячьей купипской экспедиции, ввиду особой важности сделанных ими чрезвычайных открытий». Под этим стояли подписи профессора фитопатологии и еще десяти-двенадцати наук профессора доктора Бабера, а также главного администратора и зам. председателя КУПИПа П. Ф. Койкина.

Все родители были, конечно, польщены. В какие-нибудь два-три дня сборы были кончены, и ребята перебрались в первое купипское общежитие для путешественников в Ленинграде, по Друскенинскому переулку, дом 82.

Одна только мама Люси Тузовой все как-то недоверчиво щурилась и покачивала головой.

— Все бы хорошо, — говорила она. — Но одного не пойму: какой это Койкин? Неужели тот, что у нас на Приморской улице, у Малининых на даче каждый год живет? Верно, отчаянный он лодочник и вообще водянистый какой-то человек: только бы и бултыхался в море. Но разве нее он капитан? Гм! Что-то не видала я таких капитанов...

Тем не менее, всё, наконец, устроилось. Даже в школе педагоги не стали возражать, как только услышали, что в дело вмешался КУПИП.

— О, если КУПИП, — сказал директор Сигизмунд Карлович, — тогда все хорошо! Можно. Пусть едут. КУПИП — это нечто вроде больших практических занятий. И, главное, — с Бабером! О, Бабер, это — ученый! Это — человек!

Учитель же географии Гавайский только рукой махнул и запел:

*«Ах, зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной...»*

И Люсе стало его сразу очень жалко.

* * *

Так или иначе, 22-го числа утром Владимир Оскарович Бабер снова собрал всех членов предыдущего совещания и сообщил им вот что:

— Дistinguished товарищи ребята! — говорил Бабер. — Хитроумные и смелые товарищи ребята! На прошлом нашем совете вы уполномочили меня уточнить... Да, вот именно: уточнить наш маршрут. Я сделал это. Я наметил пока что два пункта, которые мы должны незамедлительно посетить. Два. Только два. Именно два. А почему два? Потому что некоторые упомянутые в документе события возможны лишь в двух местах земного шара. Только в двух. Вы согласны со мною?

Никто не выразил сомнения.

— Однако, — важно продолжал профессор Бабер, разглаживая бороду, — однако я не могу сейчас сообщить вам точно всего нашего маршрута. Более того, я не могу вам даже указать и места первой нашей остановки. Почему? Очень просто почему. Потому что мы ищем радий. Полкило радия. А вы знаете, как дорог радий? Нет, вы этого не знаете! Один грамм радия стоит сотни тысяч рублей. Сотни тысяч!

— Сотни тысяч! — ахнул Койкин. — Клянусь килем и клотиком! Вот так порошок! Это вам не фунт изюму!

— Радий не порошок, а металл, — строго заметил Бабер. — Надеюсь, ты запомнишь это, brave капитан? Металл! Но не в этом дело. Дело в том, что эти пятьсот граммов радия должны добыть мы, КУПИП! Вообразите себе, distinguished ребята (тут профессор взял стакан и отхлебнул глоток-два воды; он волновался), вообразите себе, что сможет предпринять КУПИП, если в его руках будет такое огромное богатство? Мы организуем тогда сотни экспедиций. Тысячи экспедиций! Наши ребята полетят на Марс и на Венеру! Мы спустимся глубже, чем Бийб, в бездны океана. Мы проберемся к центру земли. Мы посетим высочайшие вершины. Мы — ребята! По-французски — ле занфан. По-немецки — ди киндер. По-испански — лос ниньос. По-турецки — чэжуклар! Впрочем, простите, я оговорился. Я уже не ребенок. Но — все равно! А чтобы этот радий добыли мы, надо соблюдать тайну. Строгую тайну. И вот я решил (а наш brave капитан одобрил этот план) сделать так: неделю спустя, в качестве разведчика, отправлюсь в экспедицию я. Да, я. Один из всех нас. Я полечу на дирижабле. На цельнометаллическом дирижабле «Купип-01». А затем, по получении от меня радиogramмы о прибытии, вы направитесь вслед за мной.

— Тоже на дирижабле? — спросил Устрицын, который, сильно скосив в сторону глаза и высунув довольно длинный язык лопаточкой, записывал речь профессора печатными буквами.

— Отнюдь, дорогой Николай Андреевич Устрицын! — возразил сейчас же Бабер. — Ни под каким видом. Ни в коем случае. Вы поплывете за мной на нашем судне. На купипском судне. Оно носит гордое имя — «Рикки-Тикки»...

— Мы поплывем! — вскричал с радостью капитан Койкин. — Ага, поплывем! На лодке! Кому охота болтаться на всяких там воздушных пузырях. Если плыть, так уж по воде. Как полагается. Как все капитаны всегда плавали. Поплывем на нашей под...

Но Бабер вдруг застучал ребром ладони по столу.

— Мой добрый капитан! — сказал он. — Лишаю тебя слова. Ты умен и находчив, но легкомыслен. Если ты скажешь: «лод-ка-кая» это лодка, наша тайна уже будет открыта. Призываю тебя к молчанию. На нашей лодке «Рикки-Тикки» вы поплывете туда вслед за мной...

— А... а куда же это **туда**, профессор? — пробормотал слегка растерявшийся капитан. — Мы же не знаем, **куда** ты летишь. Как же мы тебя найдем? Я что-то ничего не понимаю.

Тогда Бабер нахмурился. Он закашлялся и стал пить воду. Да, он волновался. Устрицын тоже начал волноваться. Он сунул в рот сначала карандаш, потом поискал вокруг, нет ли еще чего-нибудь подходящего, и принялся тревожно сосать свой галстук.

— Устрицын! — сейчас же зашипела Люся. — Опять ты за

галстук... Срам какой!

— Ой, прости, мама... Фу, что я! Прости, Люсенька. Я забыл, — заторопился Устрицын, поспешно вытаскивая галстук и карандаш изо рта, а капитан Койкин, услышав его слова, вздрогнул и подозрительно оглядел Люсю.

— Нет! — сказал наконец профессор. — Нет, друзья мои. Я не могу даже вам, даже вам, — да, даже тебе, доблестный капитан, открыть преждевременно эту тайну! Я могу сказать только очень немного, дабы вы, подумав хорошенько, могли, каждый про себя, догадываться, куда я лечу. Вы хитроумны. Вы догадаетесь. Несомненно. Бесспорно. Безусловно! Но вы будете соблюдать строгое молчание.

— Милый, милый профессор Бабер! — ахнула Люся, — мы будем так молчать, так молчать... Безумно молчать будем. Я и Устрицыну ничего сказать не позволю!

— Вот еще! — возмутился Устрицын. — Она не позволит! Ишь, какая нашлась! А кто еще тебе позволит мне не позволить.

Люся широко открыла глаза, и ее косички запрыгали.

— Мне твоя мама, — тут Койкин громко засопел, — твоя мама сама сказала: — Люсяночка, следи за Устрицыным, он маленький, как микроорганизм...

Койкин снова вздрогнул, но профессор оставался погруженным в глубокую задумчивость.

— Внимание! — возгласил он наконец. — Я направляюсь в такое место, которое лежит ближе к центру земного шара, чем мы сейчас находимся. Ближе, чем когда-либо человек приближался к центру земли. Ближе, чем он когда-нибудь к нему приблизится... В ближайшее время, понятно. Я говорю — в ближайшее время... Я полагаю, это место на десять или даже на пятнадцать километров ближе к центру, чем мы.

— Бабер! — ахнул Койкин. — Да как же ты туда попадешь? В такую глубину? К центру земли? На дирижабле? Это невозможно!

— Это возможно, мой добрый капитан, — задумчиво произнес профессор Бабер. — Вполне возможно. Это абсолютно просто. Вот первый признак, по которому вы меня разыщете. Уважаемый товарищ Устрицын, ты записал первый пункт?

— Угу, записал! — промычал Николай Андреевич.

— Так, — сказал Бабер, распутывая свою бороду. — Теперь второе. Гм... Да!.. Я думаю так... Вот что, капитан Койкин: вообрази, что ты прибыл на Землю Пири. На крайний север Гренландии. Вообразил? Ты вынул компас и повернулся лицом туда, куда показывает своим вороненым концом его стрелка. Представил?

— На север? Представил! — отозвался капитан, набивая трубку и с видимым усилием морща лоб.

— Стрелка компаса, — торжественно возгласил профессор, — эта вечная путеводительница капитанов, смотрит, допустим, в эту сторону, вон туда, — махнул он рукой на шкаф. — И ты, мой славный капитан Койкин, ты тоже смотришь туда. И все купипские достопочтенные и хитроумные ребята стоят сзади за тобой на Земле Пири, на севере Гренландии, и смотрят туда, куда показывает синий конец магнитной стрелки. Так вот, если ты вообразил себе ясно все это, тогда знай: надо повернуться под прямым углом вправо и лететь в эту сторону все прямо, все прямо и пролететь так много сотен километров и опуститься в некоторой точке Земли. Да-с! В некотором пункте. Около этого места я и буду ждать вас. Дорогой Устрицын, ты записал мое второе определение?

Ребята зашевелились. Устрицын стал писать быстрее. Люся Тузова во все глаза смотрела на Бабера, и ее губы что-то шеп-

тали. Лева Гельман поднял было палец ко лбу, да так и остался сидеть.

Наконец Койкин сердито запыхтел своей трубкой. Синие клубы дыма поднялись под потолок к развешанным там чучелам диких зверей и моделям удивительных летательных приборов.

— Профессор! — вскричал капитан. — У меня уже ум за разум заходит! Стрелка показывает на север? Вправо будет восток? Пролетев много сотен километров от Земли Пири к востоку, куда же я попаду? В открытое море? Где же ты будешь там меня ждать? Среди моря на камушке, — так, что ли? И почему там такая яма, на 10 километров глубиной? Ты не шутишь, Бабер?

Профессор Бабер вздохнул:

— Нет, я не шучу, мужественный капитан. Там я и буду вас ждать. Ты подумай немножко.

— Подумай! — закричал вдруг Койкин. — Подумай! Что за «подумай»! Я, брат Бабер, старых правил капитан — с 1903 года. Меня, брат, особенно думать-то не учили. Не так, как нынче. Мое дело было не думать, а командовать: «Эй, там, на

баке!» И все тут. Ты меня тоже курам на смех думать не ставляй — и все тут! Я без думанья: прикажешь прибыть в эту чортову яму и прибуду, хотя бы она в тартарах была...

Он задохнулся.

— Бабер! А, Бабер! — начал он вдруг совсем другим, нежным и жалобным голосом. — Ну что тебе стоит? Брось ты нам загадки-то загадывать. Скажи, где это место? Ну хоть одну долготу скажи...

Профессор Бабер поднял голову и, спустив с носа две пары очков, посмотрел сквозь третью пару на капитана добрыми, участливыми глазами.

— Ах, капитан, капитан! — с мягким укором сказал он. — Горе мне с тобой. Нет. Никак. Не могу тебя отнести к самым хитроумным ребятам. Никак! Ни в коем случае! Не могу я тебе сообщить долготы этого места. Не то, что не хочу, а не могу. У этого места нет никакой долготы.

— Нет долготы! — так и подскочил капитан Койкин. У этого места нет долготы? Славное местечко, клянусь утлегарем. Ха-ха-ха! Хо-хо-хо! Ребята! Вы слышали? Молчать! Приказываю вдуматься! У места — нет долготы. А широта-то у него есть? Хоть какая-нибудь завалящая? Устрицын, ты вдумался? Место без долготы! Девица! Как с твоей просвещенной точки зрения? Нет долготы! А? Ну, Бабер, уморил!

— Широта у этого места есть, Койкин! — кротко ответил Бабер. — А долготы нет. И это совсем не смешно.

— Долгота равна нулю? — вдруг живо спросил Лева Гельман.

— Нет, глубокочтимый товарищ Лева. Долгота этого места не то, чтобы была равна нулю. У него просто нет долготы. И нулевой тоже нет. А если нулевая есть, то тогда есть и любая другая, какая угодно... Ну-с, товарищ Устрицын, Николай Андреевич! Вы, я полагаю, записали и этот, важнейший, третий пункт моего определения? Я советую тебе, Койкин, после того, как «Купип-01» покинет ангар, посоветоваться с самыми хитроумными членами КУПИПа. А если они не догадаются, запроси у других ребят со всего СССР. Запроси через журнал «Костер», что это за место? Тогда можно будет обсуждать этот вопрос, потому что я уже улечу. Тайна перестанет быть тайной. И, наконец, — ба! — да как мне это раньше не пришло в голову?!

Наконец, ты можешь в момент моего отлета очень ясно установить, куда именно я направился.

— Ты полетишь из Ленинграда?

— Конечно, мой старый капитан, конечно. Я взлечу с нашего купипского аэродрома, в 14 километрах от Ленинграда, возле села Пулково.

— Я знаю Пулково! — пискнула Люся. — Туда автобус № 3 ходит. Мы там весной пили клюквенный квас...

— Вот, вот!.. — подтвердил Бабер. — Именно: клюквенный. Я взлечу оттуда и направлюсь к Ленинграду. Здесь, над одним из его зданий, я пущу зеленую ракету. От этого пункта дирижабль полетит все прямо. Совершенно прямо. Абсолютно прямо. Не сворачивая ни вправо, ни влево. Он пролетит ровно 3330 километров. Не более, не менее. И он опустится. Там я и буду ждать вас. Вам достаточно только проследить направление моего пути над городом, перенести его на план Ленинграда, потом на карту СССР, потом на глобус... И все выяснится... Считаю заседание закрытым!

Заседание, действительно, закрылось. Правда, капитан Койкин еще долго не мог успокоиться. Он то разжигал, то гасил большим пальцем свою старую, изгрызанную трубку, то расстегивал, то застегивал воротник. Вытащив из кармана газету, он начал писать на ней что-то огрызком карандаша, потом остановился, нахмурился, решительно засучил рукав и снова пустился писать, взглядывая то на бумагу, то на свою мускулистую, волосатую руку.

Устрицын выпучил на него глаза.

— Что это он со своего локтя какие-то буквы списывает? — с великим недоумением толкнул он Люсю. — Посмотри!

Люся изогнулась и заглянула на капитанский локоть.

— Милый капитан Койкин! — вскрикнула она с ужасом. — Что это у вас такое?

— Где? — невнимательно отозвался капитан. — Это-то? Шпаргалка. У меня тут таблица умножения нататуирована. Смотрю и считаю. Нельзя же человеку всю жизнь эту ерунду наизусть помнить.

Ребята переглянулись.

— А я... без шпаргалки как-то все... — неуверенно и стесняясь, сказал Устрицын. — Например, шесть семь — сорок два...

— Ничего, Устрицын! — шепнула ему Люся... Я думаю — это ничего... Я думаю, так и лучше!

Несколько минут спустя ребята вышли на улицу, и купипский автомобиль М-1 № 12-372 повез их в Друскеникский переулок.

Лева Гельман всю дорогу думал.

— Погодите, — зажимая уши, говорил он. — Я уже почти догадался. Что вы тарантите там, точно сороки!.. На десять километров ближе... 3330 и все прямо...

Но Устрицын прямо заявил, что не может думать по пятиклассному, раз он в первом классе. Он ехал рядом с шофером очень довольный и громко пел:

*Испекли каравай
Вот такой широты,
Никакой долготы!*

По дороге они обогнали троллейбус, два автобуса, шесть грузовиков-трехтонок и даже один линкольн. И Устрицын всякий раз ужасно этому радовался.

Прошла неделя. Стоял солнечный, но ветреный день. На главном купипском аэродроме, недалеко от Авиагорода, откуда ленинградские самолеты уходят на Москву, было заметно большое движение.

Посреди поля, подобный блестящей металлической сигаре, виднелся еще привязанный к земле цельнометаллический дирижабль. На его хвостовом оперении было можно прочесть четкие надписи «КУПИП-01». Винты вращались на малом газу. Моторы издавали булькающий забавный звук — точно одну за другой откупоривали бутылки. У кормы дирижабля, прикрепленный к огромному рулю направления, вился по ветру маленький флажок нежного цвета остуженного киселя. Золотая мангуста с хвостом, распушенным, как щетка для ламповых стекол, так и прыгала вместе с флажком в порывах ветра.

Ровно в час дня на аэродром с Пулковского шоссе торопливо въехал черный красивый автомобиль. На пробке его радиатора, там, где у линкольнов скачет борзая собака, была укреплена маленькая серебряная мангуста. Дверца растворилась. Профессор Бабер, капитан Койкин, Люся, Лева и Устрицын вышли из машины. Профессор был одет в теплую доху, в высокие фетровые лётные валенки, в теплую шапку с наушниками. За ним несли тяжелые чемоданы. Множество корреспондентов советских и иностранных газет окружили Бабера и остальных членов Купипа. Они наперебой спрашивали со всех сторон, куда летит «Купип-01», и какие цели преследует своей экспедицией всеми уважаемый, вызывающий общее почтение разносторонностью своих знаний, профессор?

Но Владимир Оскарович Бабер остался непреклонным. На шестидесяти трех языках он шестьдесят три раза подряд вежливо произнес: — Не знаю.

Он сказал «не знаю» по-русски, «их вайе нихт» — по-немецки, «же не сэ па» — по-французски, «нэсцио» — по-латыни, еще как-то — на одном из тюркских языков и повторил это на 58 других диалектах. Потрясенные корреспонденты отошли в сторону и сбились взволнованной кучкой. За всю их практику это был первый случай, когда профессор Бабер на заданный ему вопрос ответил: «не знаю». Это было удивитель-

но. Это заслуживало особого внимания. На следующий день во всех охранах мира главнейшие газеты вышли со статьями под заголовком: «Бабер не знает».

Профессор Бабер обнялся со всеми членами КУПИПа по очереди и поднялся в кабину дирижабля. Койкин проводил его до самой двери.

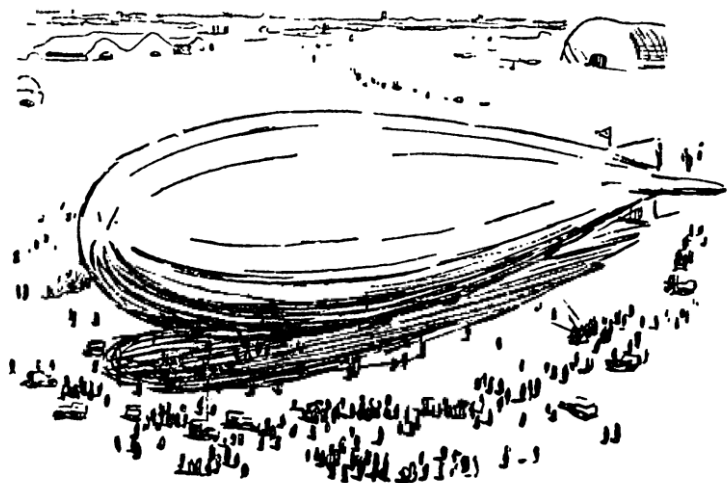
— Бабер! — уговаривал он. — Ну что тебе теперь стоит? Скажи, а?

Но профессор Бабер только развел руками и скрылся в каюте. Через минуту его борода и очки выглянули из круглого окошечка. Он замахал рукой. Послышалась команда:

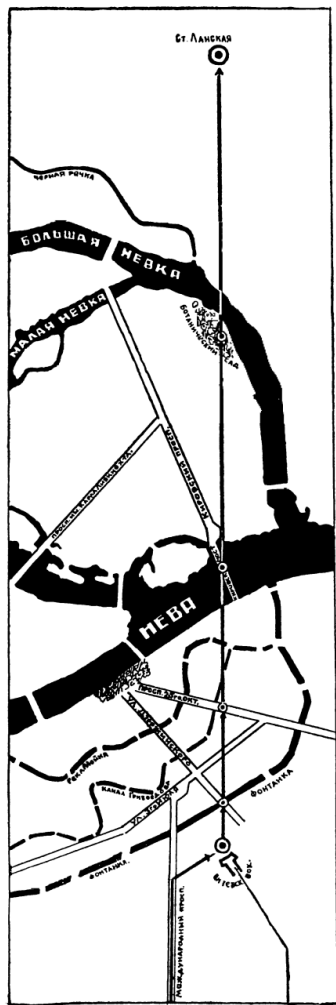
— Отдать поясные!

Люди стали мало-помалу отпускать веревки. Винты завертелись сильнее. Моторы взревели.

— Профессор! Скажи! Чего уж тут!!! — в последний раз гаркнул сквозь их рев капитан Койкин.

Дирижабль отделился от земли и, плавно набирая высоту, описывая огромную дугу, поплыл в сторону Пулковских холмов к знаменитой обсерваторий, к городу Пушкину. Потом к Ленинграду.

— Бабер! Хоть широту бы сказал! — кричал Койкин, размахивая шапкой, но его уже нельзя было услышать оттуда, сверху, с четырехсотметровой высоты...

* * *

Автомобиль с ребятами и Койкиным неистово мчался по ленинградским улицам. Дирижабль неторопливо плыл как раз над ними. Сначала он летел вдоль Пулковского шоссе и Международного проспекта. Потом его путь стал отклоняться понемногу вправо. Как раз над Витебским вокзалом рассыпалась дождем зеленая ракета. Отсюда начинался прямой путь воздушного судна.

Маленький, серебристый, похожий на челнок швейной машины, «Купип-01» плыл теперь в голубой дымке все выше и выше над городом. Тысячи ленинградцев провожали его добродушными улыбками.

— Ага! — говорили они. — Вон купипский дирижабль куда-то полетел. Ну, значит, будет дело.

Дирижабль прошел точно над углом улицы Дзержинского и Фонтанки, пересек проспект 25 Октября как раз у Дома книги с тем глобусом, который был изображен в 5-м номере «Костра», пролетел над серединой бывшего Троицкого моста, самого длинного в городе, как бы разрезал своим путем на две части Ботанический сад на Аптекарском острове... Последним

пунктом, с которого за ним еще удалось проследить, был угол захолустных улиц Выборгской стороны у самой станции Ланской — Перфильевой улицы и Железнодорожной.

Миновав это важное место, воздушное судно резко набрало высоту и скоро исчезло где-то там, в стороне Токсова.

Ребята и капитан Койкин вернулись домой. Они развернули план Ленинграда и принялись решать свою задачу. С тех пор прошло уже немало дней, а они все еще не могут решить, куда улетел профессор Бабер. Куда надо плыть на лодке «Рикки-Тикки»? Где назначена встреча обеих частей экспедиции? Просьба к читателям «Костра» — помочь разрешить эту задачу.

Глава IV.

„Мама“

Как только «Купип-01» с профессором Бабером на борту скрылся в направлении на Перфильеву и Железнодорожную улицы, капитан Койкин принялся готовиться к отплытию.

— Ну, вы, хитропочтенные... или как он вас там зовет... достойные, что ли, ребята! Вы думайте! — мрачно подгонял он купиповцев. — Все время думайте, куда он полетел. Приказываю напряженно думать. Но покладая мозгов! Пока чего-нибудь не выдумаете!

В то же время через радио, через детские журналы и газеты достойный капитан обратился ко всем ребятам Советского Союза с просьбой ломать голову над этим сложным вопросом.

В магазинах Ленинграда и Москвы вдруг образовались очереди за глобусами. То там, то здесь, на улицах и в скверах, можно было видеть ожесточенно спорящих граждан, вертящих так и этак небольшой голубоватый шарик. Случалось, что шоферы резко останавливали машины на полном ходу, впадая во внезапный столбняк. «Куда же, все-таки, он полетел?» — шептали они.

Письма с ответами на этот раз поступали в КУПИП туго.

Правда, пришло их довольно много. Однако в девяти случаях из десяти небрежные и скоропалительные ребята опрометчиво утверждали, будто, пролетев 3330 километров от Ленинграда, Бабер неминуемо опустится на острове Крите. Только там. Нигде иначе. Должно признать — они правильно измерили расстояние. Но Койкин очень сердился:

— На Крит! На Крит! Что, они меня уморить хотят, эти ребята? — кричал он. — На какой там Крит? Я же сам видел, как профессор пихал в чемодан валенки! Валенки, а не тапочки! Какой это, спрашивается, франт будет по Криту разгуливать в валенках? Он на север полетел! Клянусь кнехтом, камбузом и клотиком — на север! Но куда?

Одна милая девочка, Наташа Штамбок из 27-й школы, написала еще проще: «По-моему, Бабер сел на Сенной площади!»

— Гм! — сказал Койкин. — Быть этого не может. Хотя пятнадцать копеек — не расчет. Надо съездить, посмотреть. Кто его знает, Бабера?

Сев на 14-й номер трамвая, он поехал на Сенную, но скоро вернулся и только плюнул.

— Ничего подобного! — зарычал он. — Милиционер говорит — никто там уже года два не садился. Никто! Молчать!

Наконец на секретном совещании наиболее опытных членов КУПИПа было решено: «Судну «Рикки-Тикки» выйти немедленно в море и, крейсируя в различных направлениях, но, в общем, придерживаясь северных румбов, дожидаться в открытом море решения вопроса».

Отплытие было назначено на последние числа месяца.

* * *

Дымный осенний рассвет брезжил над мокрыми сваями и серым, как спина бегемота, бетоном Купипской пристани в порту. Клубы тумана, поднимаясь, шевелились у поверхности холодной невской воды. Небольшие волны мягко всхлипывали между сваями. Люся Тузова тоже мягко всхлипывала, но в каюте: капитан Койкин категорически потребовал, чтобы всякие прощания с этими самыми... как их?... мамами и папами были произведены накануне вечером в общежитии Купипа. Так и было сделано.

Допустив мам и пап в стены общежития, капитан, громко сморкаясь, ушел на добрых три часа из дома.

— Приказываю выплакаться тут! — сурово сказал он. — Чтобы завтра никакого мяуканья у меня на борту не было. Моряк должен быть мужественным! Это кто там идет? Чья-нибудь мама? Ну, я удаляюсь!

Теперь радостный, как белка в колесе, он носился с пристани на лодку «Рикки-Тикки» и обратно. Тут и там он свистел в забавного вида металлическую свистульку.

— Девица, девица! — говорил он, пробегая мимо заплаканной Люси. — Приказываю прекратить! Закрой кингстоны! Сейчас отчаливаем!

Устрицын и Лева Гельман, понятное дело, не хныкали. Какое там! Они то бросались внутрь лодки, как бы проваливаясь в ее многочисленные люки, то выскакивали на низенькую палубу, всюду совали носы, все разглядывали.

— Товарищ Койкин! А вы сами будете командовать лодкой? — спросил Лева, когда капитан появился наверху. — Сами? Как капитан Немо?

Капитан Койкин промычал что-то неразборчивое.

— Нет, дорогой товарищ; Лева, — сказал высокий плечистый человек, выглянувший из люка. — Лодку поведу я. Капитан Койкин у нас будет на это время... прямо адмиралом Койкиным. А, ведь, у каждого адмирала всегда есть свой флаг-капитан... командир адмиральского судна.

— А он умеет сам править лодкой? — невежливо и опрометчиво спросил Николай Андреевич. Но тут капитан Койкин страшно засвистал в свою дудку.

— Приказываю молчать! — рявкнул он. — Приказываю прекратить бессмысленные вопросы. Умеет! Умеет! Я, может быть, такими лодчонками малого тоннажа вовсе и не желаю править! Может быть, это даже ниже моего достоинства! Умеет! Я все умею, что мне нужно! Иди-ка лучше вниз, Устрицын. Сейчас отплываем! Эй, больше никого на судно не принимать!

Он очень разгорячился. Фуражка его была сдвинута на самый затылок, грудь расстегнута, рукава засучены. Холодный осенний ветер яростно свистал вокруг, но старому морскому и речному волку все было нипочем. Устрицын и Лева с восхищением смотрели на него.

В эту минуту там, на берегу, на пристани, раздался какой-то невнятный шум — гул голосов, топот. Слышно было, как кто-то пробирается к трапу, кого-то не пускают, кто-то спорит.

Капитан Койкин прислушался и тревожно посмотрел на командира купипской лодки.

— Что это еще там?.. — с недоверием спросил он. — Как будто какой-то тетке что-то здесь нужно?.. Гм! Дорогой мой, сходи-ка, выясни.

Но выяснять ничего не пришлось.

Сначала из пристанского помещения выскочил взволнованный служащий.

— Капитан Койкин! — кричал он. — Павел Филиппович! Эй, опустите снова трап!

— За-зачем? — изумился Койкин.

— Тут одна гражданка вас требует. Говорит, что она тоже с вами пойдет в море...

— Гражданка? — охнул Койкин. — Товарищ командир лодки! Ты слышал? Гражданка! С нами в море! Она что, хитроумный ребенок, что ли?

— Никак нет, товарищ Койкин. Она — взрослая. С удостоверением...

— Взрослая? — взревел капитан. — Отдать концы! Эй, там на буксире! Отчаливай!

Дверь на пристани широко отворилась. На пристань выбежала небольшая, но полная женщина, одетая в теплое демисезонное пальто, в маленькую шляпку, в теплые ботики. В одной руке у нее был легкий чемоданчик, в другой — такой мешок, с каким хозяйки ходят на рынок.

— Эй, капитан, не отчаливай! — грозно закричала она высоким голосом. — Ты смотри у меня! Ты вот отчалъ, отчалъ только, попробуй! Ты знаешь ли еще, кто я такая? Я — мама! Я по предписанию профессора...

Бравый капитан побледнел, как юнга во время первой бури.

— Ма-ма?.. — пролепетал он. — Как мама? Зачем? Чья мама?

— Чья? — возмущалась маленькая женщина. — А тебе не все ли равно, чья? Мама — и все тут. Не понимаешь, что ли, что это значит? Тебя не касается — чья! Вон у тебя дети без фуфак на ветру бегают. Чья! Да ты и сам тоже хорош... Ворот расстегнут! Три градуса тепла! Вот я тебе покажу, чья! Застегнись, бесстыдные твои глаза! Надень сейчас же кашне на шею.

— Каш..? Каш-не?! — поперхнулся Койкин, и голос его сдал. — Товарищ командир «Рикки-Тикки»... Что же это? — Вдруг взгляд его упал на воду за бортом лодки. Узкое пространство между судном и пристанью с каждой секундой расширялось: концы были отданы, трапы сняты, лодка отчаливала. Глаза капитана Койкина сверкнули.

— Каюк! — рявкнул он во всю силу своих легких. — Кончено! Не могу принять никого. Судно отходит! Вы опоздали, мамочка!

— У меня приказ есть, приказ Бабера! — кричала мама на берегу. — Не смей уплывать, капитан! У вас, небось, там и зубного порошка нет... Йод наверное забыли! Рыбий жир!

— Опоздала, опоздала, опоздала! — торжествовал Койкин. — Давайте, давайте, ребята! Давайте ходу!

Лодка пошла вперед быстрее.

— Мама! Мамочка! — взвизгнули вдруг разом Люся и Устрицын... — Капитан Койкин! Милый капитан! Возьмите ее!

— Не могу! Нет! Не могу! Этого никто не делает. Никаких мам! Она сама виновата! Зачем опоздала. Да что вы-то из себя выходите? Разве это ваша... мама?

— Дядя Койкин... да не все ли равно-о-о! — вдруг взревели Люся... — Зачем вы ее бросили... Она же мама... чья-то...

Вон она какая бедненькая... какая миленькая... Вон у нее чемоданы какие... Ма-а-мочка!

Но внизу заработали дизеля, и лодка пошла.

* * *

Прошло часов шесть. Остались сзади вежи морского канала. Мимо проплыл Кронштадт, огромный, низкий, серый и грозный, точно величайший в мире линкор, ставший на глухие якоря на стражу перед замечательным городом Ленина, на подступах к Советской стране.

Койкин успокоился. Потирая руки, ворча что-то себе под нос, он ходил взад и вперед по палубе и курил трубку.

— А ловко-таки я от нее удрал, — доносилось до ребят. — Еще бы! Не на таковского напала! Кто хитрее-то — мама или капитан?

Ребята тоже успокоились. Они мерзли, но с восторгом смотрели с палубы вперед. Носы у них покраснели, руки посинели, однако они держались храбро: экспедиция Купипа! Только Люся все еще вздыхала и рюмила тихонечко там внизу.

— Девица, девица! — мрачно говорил ей от времени до времени Койкин. — Милое ты создание. Приказываю прекратить!

Было около половины третьего, когда Устрицын оглянулся назад, за корму. Там, далеко в осенней мгле, под неверным, изредка проглядывающим из-за туч солнцем, тянулась белая пенистая полоса — струя от винта лодки «Рикки-Тикки». Над ней, как белые тряпочки, мотались по ветру чайки. Оправа и слева синели низкие берега. А совсем далеко, почти на горизонте, виднелось движущееся белое пятнышко.

— Дядя Койкин! — запищал Устрицын. — Смотрите-ка, что это там такое плывет? — Он схватил огромный купиповский призматический бинокль (всем ребятам было выдано по такому восьмикратному морскому биноклю) и, еле подняв его, взгляделся в даль. — Дядя Койкин, это — катер! Быстроходный торпедный катер!

Койкин тоже поднес к глазам огромную старомодную подзорную трубу. На минуту он застыл неподвижно.

— Смотри, Устрицын! — с восхищением шепнул Лева Гельман, — точь в точь как у Жюль Верна: «труба не могла быть неподвижной и в мраморной руке!»

— Гм, гм! — пробормотал капитан. — Да, это — катер! Значит, там получили какие-нибудь сведения о Бабере... Или хитропочтенные купипские ребята что-нибудь такое написали в «Костер»... Что-нибудь достойное! Это наш катер, купипский. Скорость хода — 55 узлов... Видишь, как догоняет... Это хорошо!

И на самом деле, маленький катер несся за лодкой полным ходом. Пенные усы, выбиваясь из-под его форштевня, белыми столбами ложились на свинцовую воду. Слышно было, как два сильных мотора с неистовым ревом вращают винт... Даже заплаканная Люся, услышав этот мощный рев, высунула нос из люка.

Ближе... ближе... Вдруг подзорная труба выпала из ослабевших рук капитана Койкина. Черты его подвижного лица

выразили сразу множество пылких чувств: «К... к... клянусь кабестаном, кабельтовым и коком!» — только и мог пробормотать он, пятясь к люку. «Вот тебе и на... Что ж это будет-то?»

Катер неся уже совсем недалеко за кормой «Рикки-Тикки». Он умерил ход, и на нем можно было легко разглядеть двух человек. Один, в кожаном комбинезоне, очевидно показывая рулевому направление, водил по горизонту рукой. Второй размахивал в воздухе какой-то длинной узкой тряпочкой, похожей на корабельный выпел. Ветер широко развевал его демисезонное пальто.

— Мама! Это мама приехала! — в один голос завизжали Устрицын и Люся. Капитан Койкин затрепетал...

Не дожидаясь, чтобы катер окончательно остановился у борта лодки, мама прыгнула на ее палубу. Длинное серое теплое кашне извивалось по ветру в ее руке.

— Сейчас же надень кашне, противный капитан! — закричала она, направляясь решительными шагами к Койкину. — Ты что же это делаешь, бесстыдник? С открытым воротом на ветру! Простудиться хочешь? Надевай, надевай без всяких разговоров. А ребята-то! Вон, посмотри — Устрицын, ненаглядный ребенок, застыл как сосулька... Вы простудитесь все, а я потом возись с вами... Ничуть вам меня не жалко...

Капитан Койкин не успел даже возразить, как ворот его оказался уже плотно застегнутым, и теплое кашне обвило его бронзово-красное просоленное солью всех морей горло. Можно было подумать, что эта мама только и делает, что завязывает всем кашне — так ловко это у нее вышло.

Растерянno опустив руки, несчастный капитан стоял перед нею как манекен.

— Гм... гм... товарищ мама... — испуганно бормотал он... — Милое ты создание... Гражданка мама... Гм... Ну зачем же мне кашне? Я же капитан... Да я его никогда в жизни не носил!

— Вот оно и видно! — строго ответила мама, завязывая кашне бантом на широкой капитанской груди. — Вон голос-то

у тебя какой... Точно дверь скрипит... Ну, ничего... Я у вас тут наведу порядок. Долго-то нам рассусоливать некогда. Пора дальше плыть. Забирайте чемоданы... Осторожнее, осторожнее! Там рыбий жир, йод, манная крупа, зубной порошок, зеленое мыло... Осторожнее!

Устрицын и Лева Гельман переглянулись. Все это было им, ох, как знакомо! Капитан Койкин тоже взглянул на них несчастными глазами. Украдкой он попробовал было распустить хоть немножко давивший ему шею бант, но тотчас же махнул рукой.

— Ну, брат Николай Андреевич, влипли мы с собой на этот раз! — пробормотал он и с отчаянием передвинул свою яхт-клубку с затылка совсем на нос.

Люся ухватила маму за палец и повела ее внутрь судна. Катер отплыл в обратный путь.

Да, для капитана Койкина настали теперь трудные дни.

В первый же час мама облазила всю лодку.

— Это кто — кок? — спросила она, увидев человека, возившегося с кастрюлями возле электрической плитки. — Это что же значит — кухарка? Вот что, милый товарищ, ступай-ка ты отсюда прочь... Там тебе наверное какие-нибудь другие морские дела найдутся... А это уж — я сама!

Заглянула она и в каюту самого Койкина, и когда он, выждав минут двадцать, тоже просунул туда нос, — он ахнул. Все было расставлено по ранжиру — книги на столике сложены аккуратными стопочками, к стенке булавками прищиплены две открытки (на одной кошка с голубым бантом, на другой собачка с умильным выражением лица). Даже койка, койка капитана Койкина приняла совсем особый вид, и у подушки все четыре уголка были симметрично заткнуты внутрь. Бедняга поник головою.

— Ну и ну... — прошептал он. — Клянусь КУПИПом!..

Но несчастья его только начинались.

На следующее утро мама спозаранку явилась в кают-компанию, где Койкин, только что отпив какао, дремал, не снимая кашне, в кресле. Ребята сидели тут же.

— Ну вот, Койкин, то ли дело! — поощрительно сказала мама. — Хотя на человека стал похож. Зубы-то чистил? Ты мне вот что скажи, милый, человек, куда мы плывем на этой твоей подводной лодке?..

Дух протеста проснулся в старом капитане.

— Мама, милое ты мое создание! — сказал он. — Куда мы плывем, это медицине неизвестно. А лодка наша совсем не подводная. Это — подлёдная лодка. Понимаешь ты это слово? Подлёдная, клянусь румбом, бимсом и шпангоутом! Построенная для плаванья подо льдом!

— Ну, это-то мне все равно, — равнодушно сказала мама. — Хотя под землей. Если ребят с тобой отпустили, значит, ты их и подо льдом должен благополучно прокатить. А вот, как же это — медицине неизвестно? При чем тут медицина? Ты должен! сам знать, куда плывешь.

— Ой, мама, восхитительное ты существо! — возопил Койкин. — Да спроси ты у хитропочтенных баберовских ребят, и они тебе скажут то же самое: неизвестно! Читала? Во всех газетах было напечатано: Бабер не знает! И мы не знаем. Вот будем туда-сюда ходить... Недлинными курсами... Туда-сюда...

— Слоняться? — перебила мама.

— Нет — крейсировать! — с сердцем ответил Койкин. — Крейсировать, дорогой товарищ мама! Пока нам Бабер не сообщит что-нибудь более ясное. А если хочешь — посмотри по плану, куда он полетел. Это — тайна, потому что мы ищем радий. Понимаешь? Радий, а не рыбий жир!

Не без труда, но все же, в конце концов, удалось растолковать маме, как обстояло дело с целью плавания. Она долго рассматривала план Ленинграда. Почти про каждый отмеченный кружком пункт она сказала что-нибудь существенное.

— Витебский вокзал? Знаю, — говорила она. — Там поезда приходят на второй этаж. Я оттуда племянницу в Одессу отправляла!.. Угол Дзержинского и Фонтанки? Знаю! Там отличный щеточный магазин открывается... Перфильева улица? Ну как же! Там моя одна знакомая живет. Угол Железнодорожной? Гм! Да это же невесть где. За городом. Почти в Удельной. Там такой маленький скверик. 3000 километров? Гм! Она и вся-то километра не будет, эта Перфильева...

Но все эти сведения, к сожалению, тоже не могли прояснить положения. Койкин торжествовал. А подлёдная лодка «Рикки-Тикки», постукивая своими дизелями, направилась в северные моря.

— Почему в северные? — удивлялась мама.

— А валенки-то? — говорил Койкин. — Зачем бы иначе профессор стал валенки с собой на дирижабль брать?! Дуюм на север, ребята! Капитан Койкин знает, что делает.

Шестеро суток прошли в полной неясности. Всем начинало уже наскучивать болтаться так, без видимой цели, в тесной подводной лодке, хотя мама, взяв себе в помощницы Люсю, завела на ней удивительный порядок и уют. Экипаж, состоявший из опытных старых купцов, благословлял мамино присутствие. Устрицы по утрам мужественно пил перед завтраком рыбий жир и закусывал мятными пряниками. Однако капитана Койкина нельзя было соблазнить ничем.

— Вот зато ты такой тощий и болезненный! — сказала мама. — Все трубку свою сосешь!

Но Койкин уже осмелел и освоился.

— Мама, мама! — строго свистал он в свою дудку. — Не простирайся на морской устав! Приказываю замолчать! Капитан без трубки! Разве это мыслимо?

На седьмые сутки, когда все сели обедать, радист «Рикки-Тикки» связался по радиотелефону с Ленинградом, с КУПИПом. Все население лодки, выскочив из-за стола, помчалось в радиорубку. Сначала шли обычные деловые телеграммы, приказы по КУПИПу.

«В журнал «Костер», — сообщал ученый секретарь КУПИПа, — поступило такое множество писем с верными ответами на задачу, предложенную нашим глубочтимым председателем в № 4 «Костра», что президиум Купипского совета постановляет:

1. Признать всех ребят Советского Союза особо хитроумными и прекрасно знающими географическую карту.

2. Продолжив конкурс, зачислить всех, кто прислал ответы, в кандидаты в КУПИП, а членами КУПИПа считать лишь тех, кто к концу года даст самое большое количество самых лучших ответов на все помещаемые в «Костре» задачи.

3. Пока что списки ответивших верно не публиковать, так как они заняли бы весь номер «Костра», а это представило бы крайне унылое зрелище. Ни картинок, ни рассказов, ни задач — одни списки!»

— Молодцы ребята! — сказал Койкин. — Здорово отвечают!

— Клянусь КУПИПом, кашне и Койкиным! — пискнул Устрицын.

— Молчать! — взревел капитан. — Приказываю молчать! Смирно!

В эту минуту лицо радиста вдруг расплылось в радостную улыбку.

— Бабер! — неуверенно произнес он. — Кажется, «Купип-01» говорит. Поймай Бабера!

— Бабера? — прошептал Койкин. — Давай его сюда скорее! Давай, давай! Эй! Бабер! Говори громче! Бабер, где ты? Хоть широту-то скажи, чужак!

— Он, по-видимому, уже давно передает что-то... — вслушиваясь, сказал радист. — Получается как-то из середины... Но что поделаешь? Включаю микрофон.

И вот в радиорубке лодки «Рикки-Тикки» зазвучал приятный, рокочущий баберовский басок. Всем показалось далее, что пушистая, с изрядной проседью, добродушная и строгая профессорская борода, просунувшись сквозь дверную щель, появилась среди них.

...— Увы, досточтимые ребята! — рокотал Бабер. — Увы! В этой стране, невзирая на все ее достоинства, мне не удалось заметить ни жемчуга, ни ондатр. По-видимому, здесь нет и радия. Зато и без них страна весьма богата. Чрезвычайно обильна. Крайне плодоносна. В морях, окружающих нас, добываются и могут добываться йод и рыбий жир, — из водорослей и бесчисленных косяков трески...

— Йод! — вскричала мама. — Рыбий жир? Койкин! Скорее плывем туда!

— Смирно! Молчать, мама! Что за страсть к йоду? Ты же мешаешь слушать Бабера! — затопал на нее ногами капитан, и железный пол рубки загудел, как колокол под его башмаками.

— Да... страна эта замечательна! Удивительна! Необычайна! — снова донесся голос профессора. — Каждый из нас стал здесь тяжелее... Хотя не на много, но тяжелее...

— В весе прибавились! — мечтательно прошептала мама. — Скорей бы ребят туда! Устрицын-то, ненаглядное дитя, в теле, а вон Левушка Гельман какой худышка, бедненький! Да и ты, капитан, тоже хорош...

— Это зависит... — говорил Бабер. — как вы сами понимаете, от нашей сравнительной близости к центру земного шара. Да, да, да! Это понятно каждому. Всякому. Любому.

Не успели отзвучать эти его слова, как в рубке раздался торжествующий голос Левы Гельмана:

— Ну вот! — кричал он. — Ну вот! Мы так и знали. Мы так и думали с Устрицыным. А помните на той бумажке, которая была в бутылке, там тоже были буквы... Так оно и есть!

— Да, да, да! — визжал и Устрицын. — Так оно и есть. Я тоже сразу же догадался.

— Смирно! Молчать! — гаркнул Койкин. — Если вы сразу догадались, так извольте сейчас же сказать мне таинственным

голосом на ухо, где, по вашему мнению, он нас ждет. Приказываю догадаться правильно. Лева, говори ты!

Лева пригнул к себе капитанское ухо. Минуту спустя Койкин громко хлопнул себя ладонью по лбу. — Клянусь кройт-камерой, клюзом и кливером! — вскричал он. — Ей-ей, это так! Ай да хитропочтенные ребята.

Прошло еще десять минут, и лодка «Рикки-Тикки», определив свой точный курсу двинулась полным ходом... Но... куда?

Глава V. *„Шары-попрыгунчики“*

Девять суток, не останавливаясь ни на минуту, вращались до этого счастливого момента винты знаменитой лодки «Рикки-Тикки».

Девять суток, то уходя в глубину (потому что, по мнению мамы и ребят, это все-таки была подводная лодка в самом прямом и буквальном смысле слова), то всплывая на поверхность, «Рикки-Тикки» двигалась в «неизвестном направлении».

Она шла со скоростью четырнадцати узлов. Она не заходила ни в какие порты. Она, насколько можно было судить, и вообще не приближалась к земле.

Каждый день дважды, утром и вечером, лодка останавливалась. Ее командир и его помощник, вместе с капитаном Койкиным, поднимались тогда на мокрую палубу.

Командир производил какие-то наблюдения. Закончив их, он докладывал о результате Койкину. Бравый капитан вынимал трубку изо рта, затем клал ее обратно в рот.

— Ага, — говорил он важно. — Ага! Отлично. Приказываю идти дальше!

И лодка снова погружалась.

Девять дней на досуге Лева и Устрицын вдвоем играли в поддавки. Правда, они попробовали один раз принять в игру и капитана, но старый морской и речной волк сразу же начал так плутовать, что играть с ним оказалось прямо невысказимо.

— Молчать! — кричал он в ответ на всякие протесты. — Приказываю плутовать тоже. Кто вам запрещает? И — разве это плутовство? Вот у нас в 1908 году на баркасе «Святой Фомы Кемпийский», вот там так было плутовство! Сядут играть,

играют-играют, а понять, кто выиграл — невозможно. До того наплутовано.

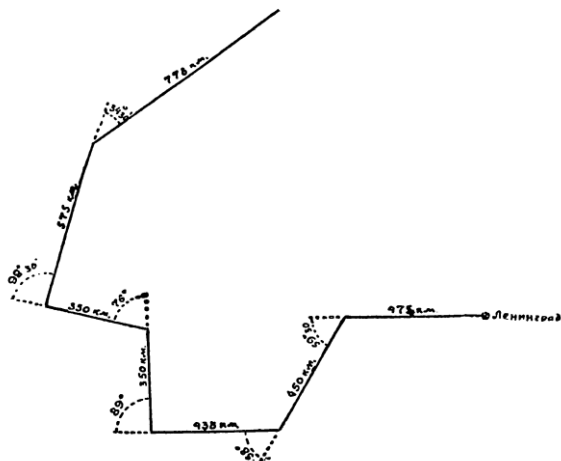

Девять дней мама приставала к Койкину с вопросом, куда плывет и где находится лодка «Рикки-Тикки»? Но Койкин мрачно молчал.

Наконец она пошла к командиру лодки, высокому молчаливому латышу. Командир засмеялся.

— О, мама! — сказал он. — Это — проще простого. Смотри. Вот наш путь.

И он протянул ей такую бумажку с таким рисунком:

Разумеется, каждый из хитроумных купипских ребят легко может, взглянув на этот чертеж, узнать, где плыла лодка «Рикки-Тикки». Но ни маме, ни Койкину решить эту задачу оказалось не по силам.

Понятно поэтому, как обрадовались они теперь, когда все разъяснилось.

С того самого момента, как, по приказу профессора Бабера, лодка тронулась в дальнейший путь, на ней царило оживление и веселье. Капитан Койкин достал из чемодана гармонику и лихо играл на ней целыми вечерами, а ребята дружным хором распевали куплеты купипского купального гимна:

*Кто записан в КУПИП,
Не хандри, не глупи,
Путешествуй по миру без устали.
Не скучай, не зевай,
Изучай, узнавай,
Чтоб на деле сравняться с мангустами!
Рикки-Тикки-Тикки-Тикки.
Рикки-Тикки-Тикки-Чк!
Ведь, на свете везде —
На земле и в воде,
От созвездий до леса окрестного
Жизнь повсюду идет,
И повсюду нас ждет
Столько нового и интересного!
Рикки-Тикки-Тикки-Тикки.
Рикки-Тикки-Тикки-Чк!..*

Наконец, повинаясь приказу председателя Купипа, знаменитого профессора Владимира Оскаровича Бабера, подлёдная лодка «Рикки-Тикки» погрузилась в холодные волны полярного моря у кромки льдов и направилась прямо к полюсу.

* * *

Было время, когда людям представлялось спорным — на воде или на суше расположена эта любопытнейшая точка земного шара. Жюль Верн помещал ее в кратере фантастического вулкана. Многие исследователи полагали, что она лежит на

острове или среди архипелага неведомых островов. Но работы наших советских полярников развеяли все сказки и все недомыслия. Наши ученые побывали в непосредственной близости от полюса. Наши самолеты во всех направлениях исчертили небо над ним. И мы теперь знаем — полюс лежит среди скованных льдами просторов глубокого океана. Морской путь к нему закрыт только льдом.

Вот почему командир лодки «Рикки-Тикки» смело вел ее вперед под полярными льдами, не боясь наткнуться на какую-либо подводную скалу или опасную отмель. Но другое препятствие встало на его пути.

Особыми приборами экипаж то и дело определял толщину ледового покрова над головой. Эта толщина имела особое значение, так как ледовые буры, которыми подводная лодка могла в нужный миг просверлить льдину над собой и высадить своих пассажиров на поверхность, были способны преодолевать лед не выше, чем двухметровой толщины. Первые несколько дней пути мощность льда возрастала очень медленно. Командир лодки надеялся уже доставить экспедицию КУПИПа точно до того пункта, где находился профессор Бабер. Однако этого не случилось.

Вскоре «ледовые толстомеры» системы Бабера предупредили путешественников о том, что ледяная крыша над ними достигает предельной толщины и, очевидно, ближе к полюсу обещает оказаться еще более мощной. Командир лодки доложил капитану Койкину о своих соображениях. Бравый капитан думал недолго. Он приказал всплывать и сверлить лед точно на том месте, где в этот миг находилась «Рикки-Тикки». Так и сделали, и, сутки спустя, тепло одетые ребята, а за ними и другие обитатели «подлёдного судна» высыпали с шумом на лед.

Над безбрежными белыми просторами Арктики стояла многомесячная зимняя ночь. На небе, ясном и звездном, то вспыхивали, то угасали легкие переливы неяркого полярного сияния. Мама, как только выползла из узкой трубы ледового бура, села на первый же попавшийся торос и замерла от восторга.

— Ах, какая красота! — повторяла она. — И не так, чтобы уж очень холодно. Не многим холоднее, чем у нас в Ленинграде в январский мороз да на ветру...

Но долго восторгаться не приходилось. То место, где почти месяц тому назад опустился цельнометаллический дирижабль «Купип-01», где теперь поджидал остальных членов экспедиции профессор Бабер, это место, быть может, отстояло на добрую сотню километров от подлёдной лодки. Надо было решить, каким способом лучше достигнуть этого пункта.

В трюмах «Рикки-Тикки» хранилось богатое оборудование. Там были сложены в разобранном виде и снежные мотоциклы с полозьями, и аэросани, и автомобили-вездеходы, приспособленные как для проползания через торосы и между ними, так и для переплывания разводий.

Однако Койкин протестовал против применения всех этих средств передвижения.

— Какое расстояние отсюда до полюса? — важно спросил он у командира лодки. — Около семидесяти пяти километров? Клянусь трапом, тросом и тендером! Ветер дует куда? Прямо на полюс? Я так и знал. Скорость ветра? Сорок километров в час? Ха, ха! Все в порядке! Какая настоящая купипская экспедиция поползет по льду на этих несчастных «драндулетах»? Отнюдь! Мы полетим туда на шариках-прыгунчиках. Вот как! Два часа, и мы будем там!

— На прыгунчиках? — ахнула мама. — Что это еще за прыгунчики такие?

— На прыгунчиках! На прыгунчиках! Ура! Ура! — закричали ребята.

— Мама! Ну мама же! — выходил из себя Устрицын. — Да ты послушай же меня! Это же такие воздушные шары... Такие не очень большие. Мне папа говорил... Вот ты вешишь сколько кило?

— Ну шестьдесят пять кило и триста граммов... — скромно отвечала мама. — Ну и что же?

— Ну вот!. А шарик может поднять шестьдесят четыре кило. Если бы в тебе было шестьдесят четыре, — ты взяла бы и потихонечку совсем улетела. А в тебе шестьдесят пять кило («и триста граммов!» напомнила Люся).

— Все равно! — сказал Устрицын. — Вот ты уже и не можешь совсем улететь. Зато можешь страшно высоко прыгать. Выше всех деревьев. Выше домов. Выше Исаакиевского собора. («Выше облака ходячего, выше леса стоячего», пробормотала Люся таким голосом, точно она бредила во сне.)

— Ну еще, — разозлился Устрицын. — Люська вечно со своими стишками да сказочками... Ничуть не выше облака! Некоторые облака уже в стратосфере летают. Мне папа говорил. Ну, мама, слушай же! Ты прыгнешь, а ветер тебя понесет, понесет. Можешь одним прыжком на пять километров прыгнуть...

Мама недоверчиво покачала головой.

— Койкин, да может ли это быть? — спросила она. — А ребята у нас не простудятся при этих прыжочках? А друг от друга они не отобьются? Может быть, им веревочки в руки дать... Чтобы все за одну веревочку держались?

— Да ну тебя, мама! — пренебрежительно ответил озабоченный сборами капитан. — Ну, что ты во всем этом понимаешь? Веревочки! Разве КУПИП допустит употребление каких-

то веревочек? Для этого есть удивительное изобретение профессора разнообразных наук Владимира Оскаровича Бабера. Каждому купипскому хитроумному младенцу на спину — стальную нашлепочку. Такую пластинку. А мне на грудь — мощный электрорадиомагнит системы Бабера. Отлетел кто-нибудь в сторону — трах! — Койкин нажал кнопку и — пожалуйста: тут как тут младенец.

— А! — сказала мама. — Ну, это — дело другое. Только этот магнит, мой миленький, не у тебя будет, а у меня...

Койкин чуть не сел на ближайший торос.

— Ка... как это у тебя, мама? Да разве ты тоже с нами полетишь? Да что ты, мама, милое ты мое создание! Разве это твое мамье дело, на прыгунчиках скакать? Полно, полно, оставайся тут.

И вот тут-то мама и высунула довольно длинный язык прямо капитану Койкину в глаза.

— А это ты видел? — ядовито спросила она. — Мое, мамино, дело там быть, где ребята путешествуют. И уж ты, Койкин, крути не крути, от меня не отвертишься. А вот капитанам — не знаю, полагается ли им с ребятами возиться?..

Но теперь Койкин гордо выпятил грудь вперед и окинул маму пренебрежительным взглядом.

— Эх, мама! — укоризненно заметил он. — В твоих словах звучат пережитки далекого прошлого. Это в других странах капитаны стыдятся дружить с ребятами. А в нашей стране каждый капитан, каждый летчик, каждый ученый за честь считает возиться с ними, а не только что... Ребята, брат мама, это самый замечательный народ! (Если, конечно, настоящие ребята, купипской системы, а не кисляки какие-нибудь.) А ты — возиться!

— Ну и чудесно! — мирно ответила мама. — Это верно. Ты прав. Значит, вместе и полетим. И ты, и я.

* * *

Спустя несколько часов пять красивых шариков-прыгунчиков были наполнены водородом и прикреплены особыми стропами к наплечным лямкам за плечами у мамы, Койкина и ребят. Между лопаток у каждого была укреплена гладко отполированная стальная пластинка, на груди пристегнута яркая

маленькая фара, как у автомобиля. Подлёдная лодка «Рикки-Тикки» зажгла свой прожектор, и в его свете закутанные в пляжные одежды, похожие на плюшевых медвежат, фигурки путешественников начали тренироваться к полету.

Первым для образца и примера разбежался и прыгнул капитан Койкин:

— Раз-два! Ух-ты! — отчаянно и с удовольствием завопил он, взлетая высоко вверх. — Ух-ты! Ха-ха-ха! Го-го-го! Эй, прощайте, ребята! Прощай, мама! Улетаю! Держите меня!

Однако он не успел улететь слишком далеко. Мама подскочила, как мячик, и понеслась вслед за ним, сверкнув на лету ярким нагрудным фонариком.

— Мама! Мамочка! — взвизгнула Люся. — Куда же ты? И я с тобой!

И неистово болтая ногами, она устремилась вслед за мамой. Лева Гельман тотчас же присоединился к ним.

— Вот чудесно-то! — восхищался он. — Даже у Жюля Верна нет ничего подобного. Даже у Уэллса нет...

Но все рекорды побил Николай Андреевич Устрицын. Он был легче всех, а шарик ему попался порядочный. Поэтому он взвился вверх стрелой, ракетой, к самым облакам, и ледовые пустыни Арктики огласились пронзительным устрицынским визгом.

Мама всплеснула руками:

— Смотрите, смотрите! Устрицын-то, ненаглядное дитя, как наверх возносится. Ах ты, моя крошечка драгоценная! Эй, Устрицын, Коленька, куда же, куда же это ты? Ай, улетит! Улетит!..

В следующий миг она, испугавшись, привела в действие баберовский электромагнит, и почти тотчас же все четверо членов КУПИПа, притянутые мощным аппаратом, оказались возле нее.

Только самый тяжелый и рослый из всех, Койкин, словно бы упирался. Он медленно подвигался спиной вперед, барахтался, пытался повернуться и громко ворчал.

— Ну, мамочка... Если ты по каждому пустяку будешь магнит включать, далеко мы не улетим.

— Да, — оправдывалась мама, — а ты не слышишь, что ли, как Устрицын, милый ребенок, на высоте в полкилометра визжал?

— Ну мама же, — с досадой ответил Устрицын. — Я же это не от испуга визжал. Это я, наоборот, от неистуга визжал. Мне очень понравилось на прыгунышке!

Прошло еще несколько часов, и стало ясно, что экспедиция может трогаться в путь. Все члены ее оказались очень способными пилотами на прыгунах.

Прожектор лодки погас. В темноте, под звездным небом крайнего севера, во всех направлениях, подобно громадным летающим светлякам Кавказа, носились фонарики путешественников.

Командир лодки предложил отрядить на помощь экспедиции своего помощника-штурмана для точного определения пути, но Койкин встал, как говорится, на дыбы.

— Еще не хватало! — шумно негодовал он. — Что я, дороги не найду? Семьдесят километров-то? Да у нас на «Фоме Кемпийском» в девятьсот восьмом... Чего тут не найти-то? Компас у меня отличный. Дуй прямо на север, только и всего. Прямым курсом до полюса. Категорически протестую. Приказываю лодке дежурить здесь до получения директив от Бабера. Мы долетим и одни.

— Есть, товарищ капитан Койкин! — послушно ответил командир «Рикки-Тикки», и разговоры на этот счет прекратились.

Ровно в 12 часов 07 минут 31½ секунды экспедиция тронулась в путь.

Свежий ветер с юга подхватил шарики и понес их в морозную темень.

Внизу простирались мрачные ледяные поля, остроугольные торосы, заглаженные и зализанные ветром снежные заструги. Но это не смущало путников.

Приближаясь к ледяным буграм, они приподнимали ноги, точно садясь на корточки, затем, едва коснувшись снега, сильно отталкивались ими и, точно подкинутые пружиной, взвивались вперед и вверх. Выше всех и дальше всех прыгал Николай Андреевич, и мама то и дело нажимала рычажок баберовского электромагнита, притягивая его поближе к себе.

Капитан Койкин поминутно хватался за подвешенный у пояса рупор. Приложив его к губам, он командовал на всю Арктику:

— Два румба вправо! Строй кильватера! Пять румбов влево! Клянусь гротом, гаком и гитовым! Эй, мама! Лево руля. Куда ты все забираешь в сторону? Следи за мной! Я, брат мама, луплю вперед по всем правилам штурманской науки. Прямо по компасу. Точно на север. Сейчас будем на месте. Бабе-рище-то ждет нас, небось. Застрял там один, без Койкина...

Первое время, оглядываясь назад, капитан видел вдали, на темном арктическом горизонте, медленно движущийся луч: это напутственно сиял им прожектор купипской подлёдной лодки. Он подбадривал Койкина.

Но с каждым новым километром свет этот тускнел, слабел, уменьшался. В сердце храброго моряка начала закрадываться тревога:

— Гм! — бормотал он себе под нос. — Гм! Что-то ничего не видать впереди. Гм!! Куда же этот Баберище задевался?

Когда время приблизилось к двум часам, забеспокоилась и мама.

— Эй, Койкин! — закричала она. — Уже два часа летим. По сорок километров в час, сам говорил. А никакого Бабера я не вижу. Куда мы летим?

«Куда ты ведешь нас? Не видно ни зги!!» пискнула издали Люся.

— Молчать, мама, молчать! — не слишком уверенно сказал Койкин в свой мегафон. — Что я не довоенного времени капитан, что ли? Туда веду, куда надо. Я говорил тебе — оставайся на лодке...

Мама замолкла. Но десять минут спустя капитан вдруг скомандовал: «Стой! Бросай концы. Причаливай!» И все опустились в мягкий снег посреди небольшого ровного ледяного поля.

— Ну что? — спросила мама.

— Что? Что? — обиженно ворчал Койкин. — Уж не знаю — что. Не люблю я этих их компасов: считай, смотри. Вот, бывало, у нас в девятьсот восьмом на «Святом Фоме Кемпийском» — никаких компасов не надо! Выйдешь из Севастополя, смотришь, а Балаклава и так видна. Выйдешь из Балаклавы — ан вон она Ялта. А эти компасы... Может быть, он не туда показывает? Видите — нет Бабера.

— Компас не может не туда показывать. Он всегда показывает в одну сторону, — заметил Лева, придерживая рукой стропы своего шарика и заглядывая на приборчик, который Койкин держал в своей огромной ладони.

— В одну! В одну! — вознегодовал Койкин. — Я сам знаю, что в одну. Компас показывает на полюс. Эй, девица, ты там что какие-то нечленораздельные звуки издаешь? Отверни башлык и говори яснее!

Люся подергала себя за край башлыка.

— Магнитный компас, — пропищала она таким голосом, точно отвечала урок в школе, — магнитный компас всегда об-

ращен одним из концов своей стрелки в сторону северного *магнитного* полюса Земли.

В ту же секунду громкий треск разбудил отголоски в пустынях северного полярного бассейна.

— Кто это выстрелил? — вздрогнула мама.

— Ах, я старый гнилой баркас! — закричал Койкин, вторично шлепая себя что было силы по лбу. — Ах, я разбитый волнами затонувший проржавевший буй! В сторону *магнитного*! Маг-нит-но-го! А Бабер-то на *обыкновенном* полюсе. Эй! Слушать мою команду! Смирно! Напра-гоп! Восемь румбов направо! Строем пеленга! Отдай концы!

Он сделал мощный прыжок стараясь, по-видимому, как можно сильнее отдалиться от мамы. Но мама, надав ходу, мгновенно взлетела и, приведя в действие баберовский магнит, притянула Койкина к себе.

— Нет-с, дружочек мой, — начала она голосом, преисполненным зловещей нежности. — Ну-с, нет-с! Никуда ты от меня не улизнешь! Так как же было у вас в девятьсот восьмом? На «Святом Ереме»-то? Ты куда же это нас по морозу гоняешь? Отдай мне твою трубу! Я сама не хуже тебя скомандую. Отдай компас! Вот велю всем ребятам сесть на снег, и пусть сидят. Лучше уж пусть Люсенька или Устрицын, милое дитя, нас ведут, чем ты...

— Ой, мама, мама! Превосходное ты создание, — измученным голосом взмолился капитан. — Да говори хоть ты потише. Ведь, слышат же все! Ну и что случилось-то, подумаешь? Ну, решил я по пути вам показать второй полюс, магнитный. Потом передумал. Если бы ты за нами не увязалась, мы бы туда мигом доскакали... А тебя мне жалко...

— Ой, Койкин, не финти, — сердито сказала мама. — Не выкручивайся ты, пожалуйста! А где этот второй полюс находится?

— Где, где! — начал было Койкин. — Да вот там (он махнул непринужденно рукой). Обыкновенный — поправее, а этот — полеее...

— Он лежит в море Мельвиля, около Земли Бутия! — крикнула, издали Люся. — Я знаю. Мы проходили... От географического полюса до магнитного ровно две тысячи километров!..

Мама оглянула Койкина с головы до ног.

— Ну, мама, что же ты на меня так смотришь-то? — с ужасом произнес он. — Я-то чем виноват? Ну, ошибся! Все великие моряки всегда ошибались. И Колумб ошибся: думал, что в Индию плывет, взял да и открыл Америку. А, ведь, я довоенного времени капитан, нас на «Святом Фоме» никаким таким особенным наукам не учили. Дадут линьком по спине или щелкнут пальцем по носу, вот тебе и вся наука. А теперь я и сам вижу, что мне наука — вот как нужна. — Он вдруг замолчал и почти тотчас же ахнул:

— Э! Мама! Смотри-ка вперед. Вон, вон! Правее! Видишь — свет? Это — Бабер! Это — баберовский лагерь. Эй! Молчать! Слушать мою команду. Идти на снижение в направлении видного справа по носу света. Петь гимн!

И над снегами Арктики снова грянул бодрый гимн хитроумных купипских ребят:

*Нам наука нужна,
Крепкий парус она,
Лодка легкая с длинными веслами!
Мы не можем забыть,
Что придется нам быть
В новом мире советскими взрослыми!
Рикки-Тикки-Тикки-Тикки.
Рикки-Тикки-Тикки-Чк!
Нет на свете нигде,
Ни в земле, ни в воде,
Справедливей обычая нашего:
Не скучать, не ворчать,
Узнавать, изучать,
Обо всем непонятном расспрашивать.
Рикки-Тикки-Тикки-Тикки.
Рикки-Тикки-Тикки-Чк!*

Шарики быстро шли на посадку, а внизу уже светили прожекторы. Там бегали люди, и впереди всех, широко расставив ноги, стоял на льдине профессор Бабер. Он махал руками. Он что-то кричал.

— Милый, милый профессор! — завизжала Люся. — Вот и мы! И Устрицын! И мама тут!

В ту же минуту ноги Койкина коснулись льда.

— Ну что, мамочка? — самодовольно обернулся он к спустившейся вслед за ним маме. — Вот и довел, клянусь мелью, мачтой и марсовым мостиком! А ты еще говорила!..

ПРИКАЗ ПО КУПИПУ № 2

Находясь в районе северного полюса и готовясь к продолжению экспедиции, приказываю:

§ 1

*Опубликовать в журнале „Костер“ следующее письмо:
„Профессор! В „Костре“ № 7 был объявлен приказ № 1.*

В приказе было объявлено, что таких-то и таких-то ребят и Васю Морозова считать остроумными ребятами и чле-

нами КУПИПА. А меня почему нет? Меня, Маки Красногорского? Когда в журнале была помещена карта Земли Паганеля, тогда я и Вася с рвением принялись разбирать ее. Разобрав, мы послали вам ответ. Послали от Васи и меня. Но меня в приказе № 1 не оказалось. Может быть, наборщик в типографии пропустил мою фамилию? Или вы, профессор Бабер, забыли ее написать в приказе по своей рассеянности? Тогда прошу написать второй приказ и поместить ее в нем.

Очень прошу, не забудьте!

Написано в 20 часов 40 минут,

13 сентября 1937 года.

Красногорский Максим

Что все это верно, подтверждаю

В. Морозов“

§ 2

Считать Маку в высшей степени хитроумным ребенком. Совершенно! Весьма! Вполне. Зачислить его в кандидаты Купипа, запросив, однако, почему в слове „не/забуд/ь/те“ он сделал две хитроумных ошибки. Почему? Pourquoi? Warum?

§ 3

Всем ребятам незамедлительно приступить к сочинению дальнейших стихов Купипского купального гимна. Таковые присылать мне.

§ 4

Всем ребятам рисовать хитроумные проекты нового купипского нагрудного значка. Чем красивее, тем лучше. Их прислать капитану Койкину. Самые великолепные — печатать.

Дано в сорока тысячах километрах от центра Земли, а также в 3330 километрах от угла Перфильевой и Железнодорожной улиц.

Точно! Punctum! Precisement!

В. Бабер

Глава VI. *Снова в путь*

— Уф! — произнесла, отдуваясь, мама примерно через десять минут после приземления шариков. — Ну, что? Все теперь? Больше обниматься-то не с кем?

— Мамочка! — пискнула сейчас же Люся Тузова, — а медвежонок... Вон тут еще медвежонок есть. Беленький... Ой, какой он миленький... носик черненький!

— А ну его! — сурово заметила мама. — С медвежонками завтра будем... Теперь марш мыться, зубы чистить и спать... Профессор, который сейчас час? Небось, восемь уже давно пробило?

Но в этот миг профессор Бабер разгладил впервые перед мамой свою широкую, шоколадного цвета, бороду.

— Как сказать, многоуважаемая гражданка мама! — снисходительно заговорил он. — Да-с, достопочтенная товарищ мама, как сказать!! Вы прибыли сюда в весьма благоприятный момент. В данный миг мы с вами, глубокочтимая мама, в некотором смысле попираем пятнами как раз самую точку северного географического полюса Земли. Не следует ли из этого, что ваш вопрос является, по меньшей мере, праздным?

Мамины глаза округлились и расширились. Ничего подобного она, наверное, не ожидала.

— Как так — праздным? — удивилась она. — Почему праздным? Пятами там или не пятами, а детям-то всегда надо в один и тот же час спать ложиться. Про это нам и в консультации миллион двести тысяч раз говорили. Вы, может быть, профессор, каждый день на какой-нибудь полюс опускаться будете, так что же ребята — все не спи? Ну уж, извините. Есть сейчас восемь часов или нет?

Профессор приподнял со своего носа очки на лоб и с удовольствием оглядел маленькую толстенькую фигурку, стоявшую перед ним.

— Гм! — произнес он, видимо стараясь продлить наслаждение. — Гм! А любопытно было бы узнать, дорогая мама, для кого из здесь присутствующих членов КУПИПа (он с торжеством окинул глазами тесный кружок столпившихся возле него людей) хотите вы установить координату времени на данный момент?

— Эх! — прищелкнул языком Койкин, слушавший его во все уши. — Ну и говорит же профессор! Что, мамочка, скушала? А ну-ка — для кого?

— Как для кого! Как это для кого?.. — возмутилась мама. Понятно, для кого. Вон Устрицын, милое дитя, рот до ушей разорвал зевая. Для Устрицына всего прежде, а там и для других.

Профессор улыбнулся, все более и более довольный.

— Наш уважаемый Николай Андреевич, дорогая мама, сейчас стоит... Да, да! Урса Майор¹⁾ там... Малая Медведица — вот... Совершенно ясно. В том положении, в каком находится Николай Андреевич, в настоящий момент время по солнцу равняется восьми часам тридцати минутам утра...

— Ура! — взвизгнул Устрицын. — Вставать надо! Вставать пора, мамусенька! А ты веки вечные спать да спать!..

— Вот так фунт! — не теряя присутствия духа, сказано мама. — Это что же? И у вас, профессор, тоже половина девятого утра?

— Отнюдь, высокочтимая мама! — строго нахмурил брови Бабер. — Ни под каким видом. Ни в каком случае. Отнюдь! Это легко сообразить. Разве я не стою к Николаю Андреевичу боком? Так? Следовательно, у меня сейчас половина третьего

1) По-латыни — Большая Медведица.

дня. Да, дня, и ничего другого, ибо я расположился несколько восточнее, чем он...

Бабер поднял очки и важно выставил вперед бороду. Он был очень доволен. Но еще более доволен был капитан Койкин.

— Следовательно! — восторгался капитан, подняв вверх палец. — Следовательно! А? Мама, ненаглядное мое создание! Ты слышала это? Следовательно!.. Клянусь ураганом, утлегарем и Устрицыным! Интересно, как ты из этого выкрутишься?

Несколько секунд царило полное молчание. Члены КУ-ПИПа, затаив дыхание, следили за мамой. Она стояла, наморщив лоб, и размышляла. Потом решительный огонек вспыхнул в ее глазах. Схватив воткнутую неподалеку в снег лыжную палку, она провела ее острием длинную и глубокую черту перед носом у профессора, от Устрицына прямо на Леву Гельмана.

— Ага! — зловеще сказала она Леве. — Там половина девятого утра? Значит, под тобой-то, мой голубчик, полдевятого вечера? Понимаю! Марш зубы чистить. Я еще тоже географию не совсем забыла...

В следующий миг она сделала еще одну многометровую отметку, перпендикулярную первой.

— У вас, профессор, три часа дня? Чудесно, чудесно! Значит, здесь уже ночь глубокая. А тут шесть часов. А тут — семь вечера. Так, так...

Ни Койкин, ни ребята, ни даже сам профессор не успели опомниться, как она уже бросилась к тому месту, где намечалась линия восьми часов, стала на ней, попирая ее пятami, и в последний раз пустила в ход свой электрорадиопротягиватель системы Бабера. В тот же момент и ребята и капитан, притянутые мощным аппаратом, уже барахтались на снегу возле нее.

— Ага! — уничтожающе повторила еще раз мама. — Ага! Который тут у меня час, профессор? Восемь? Ну, голубчики, спать! Спать, без единого слова. Интересуюсь, как вы вывернетесь?

— Мама! — негодуяще барахтался в снегу Койкин... — Мама, да превосходная же ты личность... Да ты хоть меня-то отпусти! Что же это, и мне, что ли, с ними спать ложиться?

— А ты что еще за особенный? — холодно ответствовала мама. — Конечно, и тебе спать. Нечего, друг мой, нечего. Я тебя научу, как на свете жить...

Удрученные ребята отправились в палатку.

— Бабер, — жалобно начал было Койкин, но вдруг махнул рукой и поплелся вслед за ними.

— Смотри ты, капитан! — ядовито произнесла вслед ему мама. — Смотри ты у меня. А то я про все твои штучки расскажу. Вот что, профессор: пускай-ка они тут этих моих заметок на полу ножищами не стирают. Мне так будет удобнее: все-таки — часы. А завтра я им везде половички чистенькие постелю...

Профессор Бабер стоял задумавшись и держал свою бороду зажатой в меховую перчатку. Потом он внезапно снял перчатку и протянул руку маме.

— Глубокоуважаемая мама! — сказал он взволнованным голосом. — Это превосходно. Прекрасно. Чок эйи. Трэ бьем. Вэри бьютифулл. Зер гут.

* * *

Тихая и ясная зимняя погода стояла на следующий день над полюсом. Красивые яркие звезды с некоторым недоумени-

ем взирали на раскинутый среди белых пустынь купипский лагерь; смотрели они и на темное веретенообразное тело цельнометаллического дирижабля «Купип-01», привязанного к угловатым торосам. Вдоль дирижабля, поскрипывая сухим снегом, ходил дежурный часовой с винтовкой, а возле самого полюса во все стороны тянулись проведенные лыжными палками глубокие снежные борозды: по приказанию профессора Бабера экипаж дирижабля о сто роялю обходил мамины отметки. Мамины часы, самые большие в мире, в горделивом молчании шли вперед. Неизмеримо-огромный земной шар, бешено крутясь, увлекал за собой их пушистые снежные стрелки.

В большой, прочно укрепленной на снегу палатке было тепло и уютно. Члены КУПИПа лежали под легкими стенками спальных мешков. Некоторые из них хитроумно бредили. Другие достопочтенно храпели. Устрицын со вкусом сосал во сне собственный кулак: должно, быть, ему снилось, что кулак — пирожное; а может быть, что он сам — медведь в берлоге.

Люся Тузова проснулась раньше других. Высунув нос из мешка, она долго не понимала, что с ней и куда она попала.

Вдали, за путаницей каких-то столбиков, подпорок и веревок, горела большая керосиновая лампа-молния. Под ней, около легкого столика, укрепленного на стойках, тихо разговаривая, сидели профессор Бабер и мама. Пушистые волосы мамы золотились в ламповом луче. Заботливо оттопырив губы, она большущей иглой штопала сначала устрицынские рукавицы, прогрызенные на концах пальцев, потом прожженное табаком кашне капитана. Она работала и слушала, и вид у нее был теплый, деловитый, уютный. «Вот уж настоящая мама!» разнежась, подумала Люся. В следующий момент, однако, она навестила уши.

— Так вас интересует, глубокоуважаемая гражданка мама, — гудел баберовский басок, — вас интересует, причем там были Перфильева и Железнодорожная улицы? Очень хорошо. Отлично. Великолпно. Сейчас я вам это объясню.

Это замечательные улицы... Еще бы! И с точки зрения географа тоже. Ведь Ленинград стоит как раз на пересечении нулевого Пулковского меридиана и шестидесятой параллели. Меридиан тянется сначала от Пулкова прямо по шоссе. Потом шоссе чуть-чуть уклоняется влево, к западу.

— Я знаю, это у Средней Рогатки... Там у нас подшефный огород был — чудная капуста, — сказала мама.

— Совершенно верно. Абсолютно точно. Меридиан же тянется прямо вдоль тротуаров пустынной Цветной улицы.

— Знаю, — заметила снова мама, — я там один кооператив обследовала. Ничего себе кооператив. Навела я им порядки.

— Так, так... Дальше он проходит через Витебский вокзал, пересекает мост через Фонтанку на улице Дзержинского, потом Кировский мост...

— А! — мама положила койкинское кашне на стол и подняла голову. — Так это мы, значит, все время по меридиану ехали, когда вы улетали? Все понятно.

— Не совсем, дорогая мама, не совсем! Есть еще параллель. Она лежит чуть-чуть севернее нашего города. Она пересекает его окраины, она скрещивается с меридианом как раз на углу Перфильевой улицы и Железнодорожной... Вот через точку этого пересечения я и провел в тот достопамятный день «Купип-01». Как раз через эту точку. Без малейших отклонений. Красиво, не правда ли?

— Ничего себе... — задумчиво произнесла мама, снова принимаясь за штопку. — Скажи на милость — меридианы, параллели... Жила, жила и не думала никогда, что меридианы у нас по улицам протянуты... Я считала — они только в пустынях. Пустыни желтые, а меридианчики — такие черноватенькие...

— Хо-хо-хо-хо! — с добродушной укоризной засмеялся профессор Бабер. — Хо-хо-хо-хо! Что вы, почтеннейшая мама! Вот видите, какое прискорбное недоразумение. Ну-с, а если так, тогда все ясно. Перфильева улица на 60-й параллели, а полюс...

— Вот здесь, — уверенно заметила мама.

— Да, вот здесь... На девяностой. Девяносто минус шестьдесят — тридцать градусов. Каждый градус — 111 километров. Тридцать градусов — 3330 километров. Тут я и условился вас ждать...

Мама хотела произнести какое-то слово, но в этот миг что-то зашевелилось за их спинами, и капитан Койкин с шумом выпростался из спального мешка.

— Стой, стой, Баберище! — закричал он, хватаясь за свою боцманскую дудку. — Стоп! Задний ход! Не понимаю! Решительно не понимаю одной вещи. Двух вещей. Или шести. Нет, двенадцати! Требую, чтобы объяснили. Где яма? Я спрашиваю, где яма? Это раз. Второе: почему я должен был тогда, с Земли Пири — помнишь? — идти-то к тебе не прямо по компасу, а куда-то вправо от твоего шкафа, вбок? Ну как же! Ты же сам так говорил; это далее в восьмом номере «Костра» напечатано...

— Яма? — изумился Бабер. — Какая яма?

— Та самая, в которой ты сидишь! — кричал Койкин. — Опять-таки, ты же сам говорил — на десять километров ближе к центру Земли! Где же эта яма? Покажи мне яму! Клянусь пассатом, парусом и полюсом, я ее не вижу!

Профессор Бабер накрепко захватил бороду в руку и пылливо глянул в лицо капитана.

— Капитан! — мягко сказал он. — Ты — мужественный старый морской и речной волк. Я помню многие твои смелые подвиги и предприятия. Но этого (он покрутил пальцем у себя передо лбом), этого у тебя всегда было несколько меньше нор-

мы. Увы, это так! Причем тут яма? Возьми себя в руки, brave капитан. Запомни раз навсегда. Земля похожа на шар; но на сплюснутый с полюсов шар. Поперек она чуть короче, чем вдоль. На пустячную величину. На какие-то жалкие 44 километра. И все же из этого следует, что каждый, кто станет на полюс, окажется ближе к центру Земли, чем стоящий на экваторе. Насколько ближе? На двадцать два километра. На двадцать два, отважный капитан! Да, да, на двадцать два. Как ты мог не понять этого. Ведь, именно по этой причине каждый из нас стал сейчас немного тяжелее, чем был в Ленинграде. Центр Земли здесь ближе к нам; она притягивает нас сильнее.

— Фу! — мама сделала недовольную гримаску. — Вот в чем дело! А я-то надеялась, что ребята тут по-настоящему потолстеют... От воздуха, думала, от климата... тяжелее станут.

— Мама! Восхитительное ты создание! Не перебивай! — рявкнул Койкин. — Тут меня наука терзает, а ты с каким-то своим домашним хозяйством... Да тощие ребята, ей-ей, в тысячу раз красивее... Такие поджарые, легонькие, — прямо прелесть! Бабер, не слушай ее! Объясняй дальше: почему с Земли Пири надо идти направо от компасной стрелки? А? Это же чушь?

— Это чушь?! — вдруг выпрямился Бабер. — Ты мне говоришь, что это — чушь? Ты, с которым я столько времени был в самых добрых отношениях? Ужасно! По-русски — ужасно. По-английски — хоррибл! По-немецки — шрекклих! По-французски — аффрë. Капитан! Одумайся! Я тебе даю время одуматься. Нет, я не дам тебе никакого времени. Отвечай немедленно же: на что показывает синий конец стрелки магнитного компаса?..

При этих профессорских словах brave капитан вдруг сложился вдвое, точно его схватили страшные желудочные колики.

— Понятно! Все понятно!! — глухо забормотал он, со страхом косясь на маму. — Mamочka, дорогая, чудный ты человек!.. Что ты на меня так смотришь?.. Положи, положи иголку... Ну, ошибся раз — только и всего... Что это у тебя? Кашне? Оставь ты его, терпеть я не могу всякого этого бегучего такелажа... Не надо больше ничего объяснять, Бабериче... Мне уже все понятно...

— Да и мне понятно! — многозначительно выговорила мама. — Значит-таки тебя, голубчика, заранее предупреждали? Учили тебя? А ты? Ну, хорошо же! Ладно, профессор. Мы с ним потом поговорим. Вы мне другое скажите: радий тут есть?

Воцарилось минутное молчание. Профессор поутюжил ребром ладони свою мягкую пушистую бороду, потом снял сразу все очки. Близорукие и добродушные глаза его с умилением глядели на маму.

— Нет, мама... — наконец проговорил он. — Нет! Здесь мы не нашли того, что искали. Нам придется лететь за ним в другое место. Не знаю, достоуважаемая гражданка мама... Я не ручаюсь даже, существует ли на земле такая сказочно богатая страна, где есть сразу и жемчуг, и ондатры, и север, и юг, где хранится наше полкило радия?..

— Полкило... и дальше все размыто! — томным голосом отозвался во сне Николай Андреевич. — Р-р-ради... И дальше все размыто...

— Да, да, размыто... — задумчиво подтвердил Бабер. — Не знаю. Не уверен. Не приходилось встречать указаний. Но мы попробуем. Может быть, вы... не довольны путешествием, высокопочтенная мама? Может статься, по-вашему, не стоило лететь?

Мама немного подумала.

— Нет, почему же? — мирно сказала она. — Радий, радий... Обойдемся и без радия... Конечно, он бы нам в КУПИ-Пе по хозяйству пригодился — вещь дорогая! Но, ведь, в нашей стране, профессор, ребят, если нужно будет, и без всякого нашего радия в любую экспедицию отправят; верно я говорю? Не пожалеют трудов-то, а? А летать, по-моему, или там на подлёдных лодках плавать — это детям полезно. Я не возражаю. Если бы я еще не мама была, а тетя или бабушка... А то, ведь, я же — мама! Давайте, летимте дальше. Вот только — куда?

Как только профессор Бабер услышал это слово «куда?», все три пары очков мигом оказались на его носу, и ученые глаза снова приняли свой таинственный суровый оттенок.

— Достопочтенная мама! — важно заметил он. — Сейчас я с надлежащей точностью укажу вам, куда мы полетим. Совершению строго. Без всяких погрешностей. Я думаю прежде всего пролететься вдоль всей той линии, которая отделяет поне-

дельники от вторников, пятницы от четвергов. Сегодня от вчера. Вчера от завтра...

— Вот-вот. И третьеводня от позавчера! — с той же важностью добавил, кивая головой, Койкин. — Это — в моем вкусе дело!

Но Бабер лишь слегка покосился в его сторону.

— Мы пройдем всю эту линию, если понадобится, от начала до конца...

— А она длинная? — спросила мама, мимоходом примеряя на себе койкинское кашне и озабоченно двигая бровями. — Где она начинается? Мы опустимся где-нибудь?

— О да, достойная уважения мама! О да! Длина этой линии достигает нескольких десятков тысяч километров. Завтрашний день — довольно длинная штука...

— Зато узкая, — небрежно проронил Койкин.

— Как когда, мой лихой капитан, как когда. В пять минут третьего по ленинградскому времени завтрашний день действительно узковат. Да, узковат, бесспорно. Каких-нибудь несчастных сто сорок километров в самом широком месте. Но зато в два часа ночи... О! Это день! Его площадь равна тогда двумстам пятидесяти пяти миллионам квадратных километров!..

— Чья площадь? — испуганно перебил Койкин.

— Как чья? Завтрашнего дня... — спокойно ответил профессор.

Но тут мама возмутилась. Отбросив на стол кашне, она провела руками по лицу.

— Ф-фу! Совсем запутали. Пошли какие-то узкие дни, короткие, длинные... Погодите, это потом! И так ничего понять нельзя. Профессор, скажите точно: где мы опустимся?

— Вы правы, дорогая мама, — любезно согласился профессор Бабер. — Мы увлеклись. Да, увлеклись. Мы опустимся, я полагаю, около двадцатого декабря, ровно в полдень, на таком острове, где наша тень будет в этот миг лежать точно у нас под ногами. Вот и все.

— И больше ничего сказать нельзя?

— Решительно ничего. Ни одного слова, — ответил Бабер. — По причинам, не подлежащим никакому оглашению, я, дорогая мама, вынужден об этом умолчать.

Мама вздохнула и не сказала ни слова. Но капитан Койкин сначала выпятил грудь, потом надул щеки, лотом выставил нижнюю челюсть вперед и, хитро прищулив один глаз, ехидно воззрился на маму.

— Ага, мамочка? — с торжеством выговорил он. — Что? Влипла? Да, брат мама, это тебе не кашле вязать. Это, брат мама, чистая навигация. Ее только капитаны и знают... Ну, вот профессора некоторые еще...

* * *

С раннего утра (впрочем, утро здесь было таким же темным и звездным, как и самая ночь) стало известно, что днем будет какое-то важное купипское собрание. А на вечер был назначен отлет дирижабля в неведомый путь. Налившись какао, ребята уселись на полу в главной палатке и помогали распутывать сбившиеся в полете части веревочного оборудования «Купип-01». Вскоре затем началось собрание.

Оно прошло очень хорошо. Устрицын, выпавшись, отлично секретарствовал, хотя мама все-таки поминутно ужасалась: толстый белый медвежонок то и дело взбирался на стоявший рядом с Николаем Андреевичем стул и приноравливался лизнуть его в нос. В самую что называется фуфорку. Люся была слегка обескуражена: Бабер взял да и рассказал всему КУПИ-Пу то, что она тайно подслушивала ночью. Какой же после этого интерес?

Тем не менее, в самом конце собрания вдруг произошли два необыкновенных случая. Во-первых, хотя и неизвестно, кто послал председателю записку, но, во всяком случае, в ней стояло вот что:

«Потому что мама знает куда больше, чем капитан Койкин, предлагаю маму назначить капитаном и помощником профессора Бабера; а капитан пусть себе будет просто хитроумным ребенком. А то он нас куда-нибудь заведет. Мы все его очень любим, но уж пускай он лучше еще немного подучится».

Подписи Бабер не прочитал.

Нельзя изобразить человеческими словами, что произошло с неукротимым морским волком, когда текст записки был оглашен. Он подпрыгнул так, что чуть не пробил годовой брезентовый потолок палатки. Он схватился рукой за горло и хотел было разодрать ворот рубашки, однако тотчас же отдернул пальцы: вокруг шеи было повязано плотное шерстяное кашне.

— Я!.. Меня!.. Эту обыкновеннейшую маму та мое капитанское место?! — вопил он. — Дайте мне сюда нашего небольшого белого медвежонка, я его разорву на клочки! Дайте мне скорее что-нибудь острое!.. Бабер! Мама! Устрицы!.. Неужели и ты против меня? Опомнись! Ведь, она тебя зальет рыбьим жиром. Она на всех по сто кашне повяжет! Возражаю! Долой!

Но его никто не слушал.

Профессор смотрел на записку. Подумал несколько долгих-долгих секунд.

— Капитан, — строго сказал он наконец, — отвечай мне по честности: правда ли, что ты упорно не пускал маму, нашу глубокоуважаемую маму, на борт купипской подлёдной лодки «Рикки-Тикки»?

— Бабер! — возопил несчастный Койкин. — Да, ведь, я же... Я же все заранее знал!.. Ты посмотри только, каких она мне кошечек там по степам развесила. Ведь, смотреть же страшно...

— Ты нарушил мой приказ, капитан, — не слушая его, сурово заметил Бабер. — Отвечай дальше: правильно ли ты провёл хитроумных ребят от подлёдной лодки до моего лагеря?

— Н-ну... Ничего себе провел... Ну, там, с маленьким крючком... Но долетели же... — бормотал капитан. — Клянись... Клянись ярдом, Ярмутом и якорем! Долетели!

— Ты обнаружил глубокое невежество, мой старый капитан. Невежество в самых основных вопросах ребятовождения и прыгунчикоплавания. Теперь последнее: у кого на поясе был во время этого вашего рейда укреплен мой электрорадиоприятитель?

— Бабер, — голос Койкина задрожал как вымпел на свежем ветру, — так она же сама отняла у меня эту штуку... Я же ее боюсь до смерти...

— Отлично! Отлично, мой старый друг! Мне все ясно. Нет, я не лишу тебя твоего звания. Нет, ты останешься попрежнему капитаном. Но отныне моим прямым помощником и правой рукой на самом деле будет наша достоуважаемая мама.

Раздался общий радостный шум.

— Да я... — начал было Койкин, — да она... — но в эту-то минуту и случилось кое-что второе, тоже совсем неожиданное. Сначала кто-то неведомый заскрежетал когтями по двойной полотняной двери палатки. Почти тотчас же она открылась, и огромный белый зверь, весьма арктического вида, одним толчком ворвался в помещение. Кое-кто из ребят взвизгнул. Все сбились в кучу в противоположном углу палаточного зальца. Только медвежонок вдруг заверещал неестественным голосом и кувырком, через голову, пустился, не разбирая дороги, к неожиданному пришельцу...

Все последующее произошло в несколько секунд. Надо прямо сказать — ребята трусили. Устрицы прижался к Баберу, Лева вскочил на стол, а Люся исчезла, точно ее и вовсе не было. Бабер непонятно долго возился со своими очками. Вот тут-то капитан Койкин чуть-чуть было и не проявил себя. Вскочив с табурета, он, не задумываясь ни минуты, ринулся к тому месту стены, где висел девятизарядный купипский карабин. Он сорвал его с крючка, щелкнул затвором и, смело выступив вперед, хотел было уже вскинуть оружие к плечу... Но как раз в этот момент раздался дрожащий и все же звонкий голос мамы.

— Не надо! — крикнула мама. — Не надо стрелять, Койкин!.. Не надо, ну пожалуйста!

Она тоже поднялась со своего места. Рука ее потянулась к висевшей над столом и жарко, с легким свистом горевшей керосиновой пятидесятилинейной лампе.

— Не надо... не надо стрелять, миленькие! Боюсь я этого! — еще раз пробормотала она, выхватывая лампу из подвески и решительно двигаясь к медведице. — Пошла! Пошла прочь, дура! Забирай этого своего беспризорника... Ступай, ступай! А то еще выстрелят! — очень убедительно покрикивала она и помахивала на зверя горящей лампой.

Медведица принялась к запаху керосина, двинула головой вправо и влево, точно собираясь встать на дыбы, но вдруг струсила, круто повернулась на месте, толкнула медвежонка мордой в открытую дверь и исчезла. Тогда мама в свою очередь повернулась назад, быстро поставила лампу на стол, в один миг вытащила из-под него Люсю, схватила в охапку Устрицына, привлекла к себе Леву и громко заплакала. Она прямо зарыдала. Но еще громче засвистал в свой боцманский свисток капитан Койкин. А когда со всех сторон сбежались люди, они увидели, что старый речной и морской волк, сорвав с себя свою знаменитую дудку, усердно сует ее рыдающей маме.

— Мама! Знаменитая ты женщина! — задыхаясь от полноты чувств, умолял он ее. — На! Бери! Бери эту дудку, мама! На совсем бери! Капитанствуй себе на здоровье! Куда мне до тебя мама, а? Лампой-то, лампой медведицу-то, а? Бери, бери дудку, мама! Ты не мама! Ты прямо флагман неизвестного ранта!

Профессор Бабер не успел испугаться. Второпях он перепутал порядок, в котором следовало надевать очки. Он растерянно стоял теперь посреди палатки и спрашивал в полном недоумении:

— Кто это был, товарищи! Что это было? Мне показалось, как-будто белая мышь! Проклятые очки! Как неприятно!

* * *

К вечеру, однако, все тревожнения окончились. Экипаж дирижабля «Купип-01» скатал палатку, собрал все необходимые мелочи и погрузил их внутрь вместительных корабельных хранилищ. Могучее судно было теперь закреплено только на одном автоматическом ледовом якоре. Погрузились ребята, вошел в гондолу все еще взволнованный капитан. Профессор и мама поднялись по лесенке последними.

— Ах, многоуважаемая мама! Достопочтенная гражданка мама! — укорял ее Владимир Оскарович. — Ну как же можно так? Это легкомысленно... С лампой на медведицу! Где это видано? И, главное, ведь у нее — медвежонок!

— Простите, профессор, я не знала, что так нельзя... — робко отвечала мама. — И то верно. Как еще пожара не надделала, сумасшедшая... Ну что ж, что у нее медвежонок? А у меня вон их — целых трое!

Алюминиевая дверь захлопнулась за ними. Полнос опустел. Ледовый якорь, щелкнув, отцепился. Заработали моторы, и «Купип-01», тускло поблескивая в полярной ночной темноте серебристыми боками, неторопливо поплыл к югу. Но куда?

Он уносился, а сквозь закрытые окна гондолы слышалось дружное пение купипского купального гимна:

*Мы умеем лететь
На любой широте,
Над полярной страной и над южною;*

*И следить с корабля,
Не богата ль земля
В сонных водах ракушкой жемчужною.
Рикки-тикки-тикки-тикки,
Рикки-тикки-тикки-чк!
Но еще веселей
Меж лесов и полей,
В теплом море, близ озера пресного,
Не зевать, не скучать,
Узнавать, изучать
Все, что есть на земле интересного.
Рикки-тикки-тикки-тикки,
Рикки-тикки-тикки-чк!*

Читатели «Костра»! А ну-ка? Куда они полетели?

ПРИКАЗ ПО КУПИПУ № 3

Сего числа отбыл с полюса на дирижабле „Купип-01“ в неизвестном направлении. Приказываю:

§ 1

Маме с первого января 1938 г. и впредь быть моим заместителем и помощником. Капитану П. Ф. Койкину — подтянуться.

§ 2

Утвердить музыку Купипского гимна и напечатать в этом номере „Костра“. Всем членам КУПИПа разучить гимн в трехдневный срок. В третьем такте ребята, обладающие хитроумными голосами, пусть поют высокую нотку. Те, у кого голоса достопочтенные, могут петь другую, более низкую ноту — она подписана рядом.

§ 3

Полагать зачисленными в члены КУПИПа следующих ребят, проявивших и хитроумие и достопочтенность, а также давших экспедиции ряд ценных советов и догадок:

Абрамович В., Андреев Ваня, Бажанова Таня, Барановский,

Бесправная Надежда, Бобров Рэм, Богданов Николай, Борисов Владимир, Букарева Галина, Буркин Сергей, Варлас Юра, Веллер Маруся, Виглин С., Вайнос Ю., Гиркин Анатолий, Гольдберг Александр, Гольдиштейн Ар., Григоренко В., Довбор Алла, Домбровский Александр, Егоров Владимир, Зайцевский Михаил, Зак М., Зверев, Каган Людвиг, Кандауров Сергей, Койкин Юра, Колбанов Митя, Колесников Борис, Колобродов Н., Коняхина Нина, Королев В., Красногорский Максим, Кропотин Андрей, Литвиненко Юра, Мамет Вова, Морозов Вася, Натрусов Сергей, Никитин Борис, Орбинский Саша, Павлов В., Петрунькина К., Пиченник Изабелла, Поволоцкий В., Потоманова А., Прусаков Феликс, Рабкин Нема, Раков В., Реутов Николай, Родионов Шурик, Розин Воля, Смирнов Валя, Соколова Валя, Стельмох Михаил, Суворов Юрий, Сычева Вера, Тихонова Зоя, Ткачев Ваня, Ткачев, Толокунский Толя, Третьяков Миша, Туболкин С., Уточкин Борис, Утетников Слава, Фикель Б., Фурман Ноля, Чистяков Олег, Шайкайц Витя, Шаповалова Лиля, Шарко Владимир, Шлеков Слава, Щеглов Л., Яхонтов Сергей.

§ 4

Надеяться, что в будущем, 1938 году, число членов КУ-ПИПа возрастет в 1938 раз, что мне будет приятно, а им полезно.

§ 5

Ребятам, не сумевшим, либо же не пожелавшим принять доныне участие в трудах нашего всеми уважаемого общества, выразить мое крайнее неудовольствие. О сорока тысячах километров — в следующий раз.

На борту дирижабля „Купин-01“

В. О. Бабер.

Верно и кроме того:

§ 6

Всем чистить зубы два раза в день.

§ 7

Поздравляем с Новым годом!

Мама.

КУПИЦКИЙ ГИМН

Весело и вадорно

Музыка НАТАЛИИ ЛЕВИ

f

Кто за-пи-сан в Ку-пц-ри, не жанд-ри, не глу-пи, пу-те-ше-ствуй по ми-ру без

у-ста-ли. Не ску-чай, не зе-вай, и-зу-чай, уз-на-вай, чтоб на

де-ле сров-нять-ся с ман-гу-ста-ми! Рук-ку, тук-ку, тук-ку, тук-ку,

p

Рук-ку, тук-ку, тук-ку, чк! Рук-ку, тук-ку, тук-ку, тук-ку, Рук-ку, тук-ку, тук-ку, чк!

Ruk-ku, muk-ku, muk-ku, muk-ku, Ruk-ku, muk-ku, muk-ku, чк! Ruk-ku, muk-ku, muk-ku, muk-ku,

p

Для повторения. Для окончания.

Ruk-ku muk-ku muk-ku чк! Ведь на Ruk-ku muk-ku muk-ku чк!

p

Конец

А. УСПЕНСКИЙ

или необыкновенные, неправдоподобные, невероятные, невозможные, но поучительные приключения профессора В. О. Бабера, капитана П. Ф. Койкина, Николая Андреевича Устрицына, мамы и многих других во время их путешествия по земному шару.

Рисунки Е. КОСЯКОВОЙ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Трое ребят — Лева Гельман, Люся Тузова и Устрицын, которого все зовут Николаем Андреевичем, хотя ему только восемь лет, — летом, на даче в Усть-Луге, случайно нашли в ручье, возле его впадения в дельту реки Луги, плавающую бутылку с запиской. Лева, знаток Жюль Верна и Купера, сразу же сообразил, что бумага должна содержать важное и таинственное сообщение. Не рискуя распорядиться с ней собственными силами, ребята обратились к самому „водянистому“ человеку в Усть-Луге, отставному моряку, которого все жители местечка звали „капитаном Койкиным“. Бравый капитан отвез бутылку и ребят в Ленинград к своему старому другу и учителю, профессору весьма разнообразных наук, Владимиру Оскаровичу Баберу. В лаборатории профессора, где, как оказалось, помещалась дирекция Комитета Удивительных Путешествий и Приключений (сокращенно — КУПИП), документ был прочтен. Два слова привлекли особое внимание профессора: „полкило...“ и „ради...“. Так как морские волны, совсем как в лучших романах, сильно потрепали рукопись, то председатель Купипа высказал догадку, что в ней говорится о находке необыкновенного сокровища — целой половины килограмма радия. Решено было немедленно отправить купипскую экспедицию на поиски этого клада. Ревниво охраняя от всего мира тайну своего маршрута, профессор Бабер вылетел в неизвестном направлении на цельнометаллическом дирижабле „Купип-01“, а капитан Кой-

кин и трое ребят двинулись вслед за ним на подледной лодке „Рикки-Тикки“. По приметам, оставленным осторожным профессором, хитроумнейшие ребята Ленинграда и всего СССР определили, куда надлежало плыть лодке: первую остановку Бабер сделал на северном полюсе.

Лодка вышла в море и достигла своей цели. Но в экспедицию, к непередаваемому ужасу бравого капитана, замешалась против его воли неизвестно чья мама, которая немедленно взяла всю власть в свои руки, как это мамам и свойственно. По пути экспедиция, благодаря тому, что географические познания „капитана“ Койкина оказались не слишком блестящими, испытала ряд приключений. Однако полюс был ею достигнут, и Бабер найден.

Через несколько дней после встречи выяснилось, что никакого кило радия в этом районе нет. Тогда в декабре месяце прошлого года „Купип-01“ снова отправился в путь. На общем собрании членов экспедиции перед отлетом Бабер сообщил, что вторая остановка будет „на границе между вчера и сегодня, и как раз в том месте, где 22 декабря тень человека ляжет ему прямо под ноги.“ На том же собрании капитан Койкин был по ряду причин снят с должности заместителя председателя КУПИПа, а на его место назначена мама.

Глава I.

В страну двойного дня

Итак, в середине декабря 1937 года, цельнометаллический, дюралюминиевый, трехмоторный дирижабль «Купип-01» отбыл из района полюса в неизвестном направлении. Со скоростью в 130 километров в час стремился он к югу; да, к югу, ибо куда еще мог бы он полететь?

Прошло немного времени с момента отлета, а маме уже успело показаться, что за последние дни Устрицын что-то несколько ослаб в русском языке и арифметике. С удивительной быстротой она достала из тайников своего чемодана две книжки подозрительного вида. Спустя несколько минут Николай Андреевич, сидя за откидным столиком в самой большой каюте, высунув набок довольно длинный язык, скосив глаза, закрючивая ноги, — носки вместе, пятки врозь, — уже выводил

шатким воздухоплавательным почерком фразы, преисполненные таинственного смысла:

«Манная каша вкусна»...

«Анна, затопи ванну»...

Маленькая эмалированная табличка поблескивала и качалась над ним на стенке.

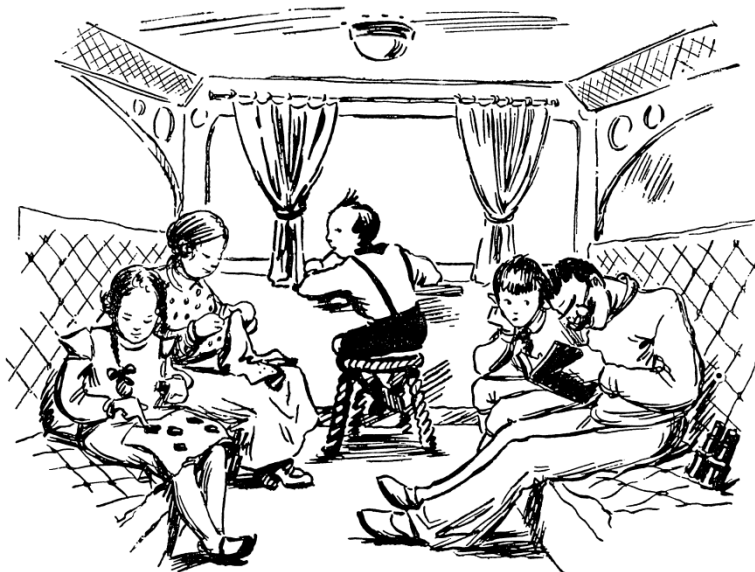
КУПИП

*Комитет удивительных путешествий
и приключений.*

Дирижабль „Купип-01“

значилось на ней.

Тут же, в этой каюте, собрались вскоре после отлета и другие члены экспедиции. Капитан Койкин неведомо откуда раздобыл огромные очки в черепаховой оправе и, кое-как напялив их на нос, но глядя то под них, то через них, с трудом читал вместе слевой Гельманом «Остров сокровищ» Стивенсона.

Время от времени он цокал языком, хлопал себя рукой по колену и вскрикивал с досадой:

— Эх, чужак! Ну и шляпа! Клянусь КУПИПом!..

Мама, сидя в легком парусиновом шезлонге, на первый взгляд как будто дремала в углу каюты. Но стоило Устрицыну завести глаза куда-нибудь в сторону, как она сразу же произносила очень нежным и очень бодрым голосом: «Устрицын, детка?!..» И Устрицын снова начинал скрипеть пером.

Люся восседала у маминых ног на низенькой скамеечке. Перед отлетом всем выдали по плитке шоколада и по три мятных пряника. Все немедленно съели свои плитки, но Люся не съела. Теперь она разломала шоколад на самые маленькие кусочки, разложила их узором по разостланной на коленях бу-мажке и независимо обдумывала, с какого куска начать.

Устрицына это волновало. Он сопел.

Под полом знаменитого купипского дирижабля вихрем уносились назад пустынные, полные холодного тумана пространства. Стенки гондолы чуть-чуть дрожали, отзываясь на работу мотора. И справа, и слева, и сверху, и снизу, отовсюду сквозь корпус воздушного корабля, сквозь газовые баллоны, сквозь тела путешественников проносились вездесущие радиоволны...

Мама внезапно вздрогнула, потому что репродуктор вдруг заговорил и очень громко.

«Английская газета «Таймс», — сказал его скрипучий голос, — пишет: «Таинственная экспедиция КУПИПа, возглавляемая профессором Н. А. Устрицыным, покинув полюс, двинулась по неизвестному пути. Как установили наши осведомленные корреспонденты, слово Купип означает по-латыни: «Квис уби потест, иби пробуэрит» — «кто где сможет, тот там и попытается». Экспедиция, бесспорно, начала межпланетное путешествие... Уже довольно давно она находилась в сорока тысячах километров от центра земли...»

Капитан Койкин выронил книжку из рук и поднял очки на лоб.

— Мама, восхитительное ты создание! — изумленно сказал он. — Ты слышала новости? Устрицын, друг милый, да разве ты — профессор?

— Нет еще... — скромно ответил Устрицын. Он не мог сосредоточиться: как раз в этот миг Люся принялась хищно ис-

треблять самую большую шоколадину. Тогда Николай Андреевич догадливо порывлся левой рукой у себя в кармане, нашел там что-то, сунул в рот и, жуя, принялся грустно списывать дальше. Но радио заговорило вновь.

«Париж. Франция. Газета «Фигаро» сообщает: «Из самых авторитетных источников известно: экспедиция Купина задалась целью повернуть земную ось и заморозить цивилизованный мир. Общество Купин возглавляет некто Мама, в прошлом свирепый бандит».

Люся ахнула. Койкин тоже разинул было рот, чтобы сказать что-то, но только плюнул. Отложив в сторону «Остров сокровищ», он с недоумением уставился на громкоговоритель.

— Ну и врут же на Западе!

«Герцог Ричмонд, — разглагольствовало радио, — внес в парламент запрос: «известно ли высокочтимому лорду и премьер-министру, что значит слово Купин?» Секретарь премьера, однако, дал незамедлительный ответ: «Нет, достойному лорду и премьер-министру это не известно».

«Губернатор Кентукки (США), получив сведения о вылете некоего дирижабля с некоего полюса, прекратил поездку по стране и вернулся в свой штат. На вопрос корреспондентов прессы, чем вызван этот его поступок, губернатор ответил: «А вам какое дело, джентльмены?»

«На берегах Уругвая, Коста-Рики и Сиамы цена на бананы внезапно упала на семь пунктов».

— Красота! — бормотал, все сильнее тараща глаза на радио, Койкин. — Красота!

Неизвестно, как отнеслись бы остальные члены Купина к дальнейшим сообщениям из эфира, потому что в это время произошло непредвиденное событие.

Устрицын с разгона налетел на очень каверзную фразу:

(В. место) пр-бывания комиссии автомобиль пр-бывает (в. место) семи часов в пять. Напишите эту фразу полностью.

Именно так было напечатано в учебнике.

Устрицын смутился. Он сразу почуял, какие мудреные ловушки расставлены на его пути. Сначала он покосился в мамину сторону, потом вздохнул, наклонил голову и, забыв про все на свете, высунул в припадке усердия язык вдвое сильнее, чем обычно. Перо его громко скрипнуло.

Но тотчас же мама ахнула еще громче.

— Устрицын, детка! — вскричала она. — Что это с тобой? Койкин, посмотри, какой у него язык! Ах, батюшки! Совсем белый! Он наверное болен... Дай-ка я пощупаю тебе голову Устрицын!

Одним прыжком она очутилась возле столика и тревожно, но властно положила руку на устрицынский лоб.

— Ну да, так и есть — определенный жар! — произнесла она роковым голосом, оглядывая всех присутствовавших. — Этого еще не доставало! Скверный ребенок, я тебе говорила — не высовывайся из окна! Койкин, сейчас же сходи в мою каюту, принеси градусник!.. Или нет, веди его туда... Ты знаешь, где моя каюта? В конце коридора, направо. Налево — метеоролог, а направо — я. Поставь ему градусник — он там, на столике лежит. А я пойду, скажу Баберу. Да ты термометры-то умеешь ставить?

Капитан Койкин взглянул на маму не без презрения.

— Забываешься, мамочка! — сухо ответил он. — Термометр! Капитан Койкин, если нужно, так и барометр поставить сумеет. А ну, Устрицын! Право на борт! Так держать! Следуй за мной. Покажи флаг... то есть что я — язык!.. Верно, брат, язык у тебя тово... точно наштукатуренный... А насчет жара — это все, по-моему, чушь. Ну ничего, идем уж, идем...

Встревоженная до невозможности мама заметалась по дирижаблю в поисках Бабера.

— Профессор! — взывала она. — Владимир Оскарович! Скорее! Устрицын, ненаглядный ребенок, заболел... В неизвестном направлении! Профессор, да где же вы?

Однако найти профессора Бабера в недрах купипского дирижабля было не так-то просто. Он обнаружился наконец за белой дверцей дирижабельной лаборатории. Но на все мамины просьбы — немедленно бежать к Устрицыну, он ответил уклончиво:

— Что? Устрицын? Николай Андреевич? Заболел? Он болен? По-немецки — эр ист кранк! По-французски — иль э маляд! Жар? Язык белый? Отлично! Превосходно! Великолепно, глубокоуважаемая мама. Поставили градусник? Восхитительно! Замечательно! Через пятнадцать минут я приду...

— Владимир Оскарович, как через пятнадцать? — ужаснулась мама. — Да вы бы видели, какой у него язык!.. Этот ребенок меня погубит. Заболел! На дирижабле! В неизвестном направлении!..

Бабер остался непреклонным.

— Уважаемая мама! По-французски — нотр трэ-з эстимэ мэр! По-немецки — унзере зеер геэрте муттер! За пятнадцать минут с ним ничего не случится. Ровно ничего. Ничего решительно. По-латыни — нигиль! Я не могу идти. У меня протекает важнейшая реакция.

Мама бросилась прочь от лабораторной двери, но не надолго. В коридоре с ней столкнулся несколько растерянный Койкин.

— Эй, мама, драгоценное мое создание! Мужайся, брат мама! — уже издали закричал он... — Делишки-то — плохишки. Полный шторм!..

— Что? Что? Да не мучь ты меня... Говори прямо, сколько градусов! — взмолилась мама. — Сорок?

— Вот то-то и есть, что не сорок... — в недоумении пробормотал бравый капитан. — Какое там сорок! Девяносто семь, брат мама! Девяносто семь и два.

Мама, как стояла, так и села на бухту тонкого гайдропного троса.

— Девяносто?.. Семь? Да ты что, шутишь Койкин?..

Но взглянув в огорченное и испуганное лицо старого моряка, она, как истребитель, ринулась к лабораторной двери.

— Профессор! Профессор! Да плюньте вы на эту вашу реакцию. Ну, заткните ее чем-нибудь, если она протекает... Устрицын... крошка-то моя золотая! Устрицын сейчас... сейчас закипит! У него уже девяносто семь и два! — И она зарыдала.

Дверь растворилась незамедлительно. Взъерошенная во время химических опытов борода показалась на ее пороге.

— Что вы, что вы, почтеннейшая мама! — торопливо говорил профессор. — Что вы, не волнуйтесь... До кипения еще далеко... Целых три градуса! Но, как хотите, я что-то не понимаю... Как? Почему? Странно! Не понимаю! По-французски — же не компран па. По-испански — но компрэно. По-итальянски — нон каписко. Вот именно: чего-то я не компрэно! А впрочем, идемте, идемте же скорее...

Оба они устремились, толкая друг друга, по коридору и вскоре увидели Устрицына. Он благодушно лежал, одетый, на собственной своей койке в собственной своей ребяческой каюте и, видимо, отдыхал от грамматических трудов. Пара от него

не валило, он не пузырился, почти не клокотал и ничем не обнаруживал своей близости к точке кипения.

— Устрицын! Уважаемый товарищ Устрицын! — вскричал, протискиваясь в маленькую комнату, взволнованный профессор. — Что с тобой? В чем дело? Почему ты так непозволительно нагрелся? Где градусник? Капитан! Это ты ставил ему термометр? Дай мне его сюда!

Бравый моряк исполнил приказание не без некоторого, впрочем, неудовольствия.

— Что, градусник? Вот градусник! — заворчал он. — Что я, до ста считать, что ли, не умею? Сказано девяносто семь — значит девяносто семь и есть. Была бы точка замерзания, я бы так и сказал: ровно нуль. Чего там проверять? Вот, смотри! Ровно девяносто семь.

При этом слове профессор Бабер вдруг поднял голову.

— Как? Девяносто семь? — сказал он. — И две десятых? Гм! Странно, как я об этом раньше не подумал. Девяносто семь? Гм, гм! Девяносто семь минус тридцать два будет, будет...

— Шестьдесят пять! — крикнул из-за двери встревоженный Лева Гельман.

— Да, да! Да, да! Шестьдесят пять умножить на пять — триста двадцать пять. Разделить на девять... О, наша уважаемая, наша глубокочтимая мама! Вы можете быть спокойны. Блестяще! Восхитительно! Триста двадцать пять разделить на девять!.. Идеально! Да у него самая нормальная температура...

— Да как же нормальная? — ахнула мама. — Ребенок пылает, как примус, а вы — нормальная. Девяносто семь градусов — это нормальная температура?

Но тут Бабер выпрямился и широко, веером расправил бо-
роду.

— Капитан! — сказал он торжественно. — Капитан! Ты умеешь читать по-латыни? Так читай же. Что тут написано?..

Капитан снял очки и уставился на градусник.

— Фа... фа... фарен... гейт, — прочитал он. — Ну, Фаренгейт. Ну и что же?..

Громкий хохот покрыл его слова. И Бабер, и Люся, и Лева смеялись так, что мама с ужасом смотрела на них, прижав руку к сердцу.

— Фаренгейт! — тряслась от смеха баберовская борода. — Фаренгейта! Поставить больному градусник Фаренгейта! У которого точка замерзания на 32 градуса выше нуля! У которого каждый градус на четыре девятых меньше, чем градус обычного докторского Цельсия... Фаренгейта! А-ха-ха-ха! Да ведь это же уличный градусник!

Мама повернулась к Койкину и посмотрела на него испепеляющим взором.

— Где ты его взял, шалопай ты, а не капитан? — с негодованием спросила она.

— Как где взял? Где ты сказала, там и взял. Вон в той каюте, на столике...

Мама только махнула рукой.

— Ворона ты, ворона! Да ведь я же тебе говорила: моя каюта направо. Налево же — метеоролог! Это ты у него уличный градусник и стянул. А еще капитан!

Койкин схватился за голову.

Но Бабер уже склонился к ложу больного.

— Ну так что же, почтенный товарищ Устрицын? — вытирая платком глаза, заботливо заговорил он. — Что же это ты нас тревожишь? Это нехорошо. Плохо. Дурно! Жара у тебя, правда, нет, но почему тогда язык белый? Какова этому причина?

При этих профессорских словах Устрицын вдруг сконфузился и уткнулся носом в подушку.

— Дядя Бабер... — пробормотал он чуть слышно... — Это я, думаю, потому, что я... я мятный пряник доедал...

Тут новый и не в пример более мощный взрыв хохота потряс судно. Правда, смеялся Койкин один, но зато смеялся так, что жужжания моторов стало не слышно. Стрингера и шпангоуты дирижабля задрожали. По коридору пробежал испуганный вахтенный.

— Хо-хо-хо! — гремел капитан. — Ха-ха-ха-ха! Клянусь мысом, марсом и мамой! Белый язык, а? Устрицын, алмазный ребенок! Подросток красного дерева! Ах, ложись! Ах, у тебя чума, холера, тиф и аппендицит! Ах, ты умрешь сейчас! Эх, мама, мама! А еще мама! Ну уж ежели я ворона, так кто же ты тогда, неоцененное ты мое создание? О-хо-хо-хо! А-ха-ха-ха! Мятные пряники!

Он схватился за бока и выбежал в коридор, но еще долго компас дирижабля плясал и рули вздрагивали, сотрясаемые шквалами морского капитанского смеха. Таково было первое происшествие.

* * *

Второе произошло два дня спустя.

Все изменилось за эти два, полные непрерывного движения вперед, дня. Теперь с утра до вечера округлое серебристое тело «Купипа-01» висело как будто в центре неслышанно огромного синего шара. Снизу этот шар был темнее и гуще — вода. Сверху прозрачнее и легче — небо.

Горячее солнце пекло так, что до сияющей алюминиевой поверхности бортов нельзя было дотронуться. Половину времени ребята бегали в трусах, и у Устрицына (он все время глядел в окно) одна щека, левая, загорела сильнее, чем другая.

Время от времени внизу, в глубокой сверкающей бездне, проползал крошечный пароходик, самый настоящий игрушечный. Иногда в синем море показывались странные круглые островки колечком — розовые, желтые, беловатые. Увидев первые такие острова, Лева Гельман точно взбесился.

— Атолл! — кричал он. — Профессор Бабер, атолл! Товарищ капитан Койкин, атолл! Устрицын, Устрицын, атолл!

На исходе пятых суток непрерывного полета «Купип-01» приблизился к намеченной профессором Бабером цели. Целью этой был как раз такой же атолл, полупустынный коралловый риф, в бескрайней пустыне моря, какие попадались на пути и раньше.

Согласно лучшим купипским обычаям, перед окончанием пути Бабер созвал всех членов экспедиции в самую большую каюту и сделал им не большой и не маленький доклад о работе ближайших дней.

Все шло отлично. Мама уже вытащила из чемоданов самые нарядные белые костюмчики для ребят, разгладила галстуки, приготовилась к высадке. В каюте целой грудой лежали прочно и изящно запакованные научные инструменты — секстанты, компасы, хронометры, отвесы. Капитан Койкин не выпускал из-под мышки складной резиновой лодки.

— Это же прямо целый фрегат! Целый дредноут! Целая «Нормандия»! — с восторгом говорил он.

Да, все шло как не надо лучше. Внезапно, среди общей радости, раздался шум шагов во внутреннем коридоре. Командир корабля вошел в каюту, видимо, чем-то сильно встревоженный. Вытянувшись в струнку перед председателем Купипа, он озабоченно отрапортовал:

— Товарищ председатель Купипа! На борту обнаружена авария. В бензиновом баке была незамеченная нами доньяне течь. Часть бензина вытекла в пути. Горючего остается только на полчаса работы моторов. Что прикажете предпринять?

Койкин широко открыл рот. Профессор Бабер нахмурился.

— До намеченного пункта не дотянуть? — спросил он. — Ваши предложения?

— Имею в виду два необитаемых коралловых островка вправо по носу, на расстоянии 15 миль. В случае посадки можно затребовать горючее с ближайших населенных островов...

Профессор Бабер задумчиво разгладил бороду.

— Ну что же, — сказал он. — Придется садиться... Это грустно. Да, грустно. Очень грустно. По-французски — трэ трист. По-немецки — зеер траурих! Но что поделоть?..

Командир «Купипа-01» слегка прищурился.

— Товарищ председатель... — нерешительно произнес он. — Я не знаю, как мы можем произвести посадку, не имея ни одного человека на земле... Надо принять гайдроп, закрепить его за что-либо... Хотя бы за пальму.

— Ну, в чем же дело? — вскинулся капитан Койкин. — Ба-берище, прикажи, пусть кто-либо спрыгнет с парашютом и примет дирижабль... Давайте я сейчас!.. — и он встал. Но Бабер и командир переглянулись.

— Сядьте, мой brave капитан! — сказал профессор. — Да, да, сядьте! Зетцен зи зих! Сит даун! Ассейе ву! На борту «Купипа» нет парашютов. Да, нет. Увы! Грубая ошибка. Ужасно! Непростительный промах. Но их нет. Я был слишком уверен в нашем корабле...

В эту минуту раздался голос Люси.

— Милый профессор Бабер! — пискнула она сзади. — Как нет парашютов? А там, за кухней... Я видела. Такие белые с красным, с синим... Такие хорошенькие...

Командир и Бабер переглянулись вторично.

— Это вещевые парашюты, товарищ Люся, — серьезно сказал пилот. — Вещевые и балластные. Они поднимают не

свыше двадцати восьми кило. Никого из нас они не выдержат...

Воцарилось смущенное молчание.

Но оно продолжалось только несколько секунд. Устрицын внезапно соскочил со стула, на котором стоял на коленях, глядя в окошко.

— Дядя Бабер! — сказал он. — А я — двадцать четыре кило. Я вешался. В коньковых сапогах. И шапка с наушниками. И двадцать четыре кило...

Не успел он выговорить эти слова, как мама с одной стороны, Люся — с другой вцепились в устрицынскую белую матроску.

— Нет, нет, нет, нет! — кричала мама, загораживая Николая Андреевича от остальных. — Нет, ни за что! Я не позволю ребенку с такой высоты прыгать! Что он, пузырь какой-нибудь, чтобы так скакать...

— Устрицын, не прыгай! Милый Устрицын, не скачи. Разве ты пузырь? — заливалась и Люся.

Бабер и командир смотрели на всю эту возню внимательно и серьезно.

— Гм! — произнес наконец профессор. — Вот именно: гм! Это я и хотел сказать. Глупости! Нельзя ребенку прыгать. Смешно. Как может он прыгнуть?

Но Устрицын вошел в раж.

— А почему же я с парашютной вышки прыгал? — кричал он. — А почему я на прыгунчике выше всех взлетал? Вот, мама, ты всегда так! Вот, когда рыбий жир — так, «Устрицын, ты уже большой, ты уже секретарь», а когда прыгать — тогда, «Устрицын, ты маленький!» А все равно, — в тебе, может быть, миллион кило, а во мне — двадцать четыре. И с наушниками...

— Гм! — сказал снова профессор Бабер. — Гм! Глубокоуважаемый Николай Андреевич Устрицын! Ну, допустим, ты прыгнешь. Но ведь нужно еще привязать канат. Морским узлом. Разве ты сумеешь завязать морской узел?

— А какой? — Устрицын сразу повернулся к Койкину. — Ну, какой? Беседочный двойной? Могу! Выбленочный? Могу! Рифовый? Могу! Шкотовый?.. Я все узлы могу. Верно, дядя Койкин?

— Устрицын! Честное слово, ты — золотой ребенок! — взревел капитан. — Ты не только узел можешь. Ты все можешь!

И, ослабев от полноты чувств, он только махнул рукой.

Тогда Бабер еще раз внимательно посмотрел сначала в окно, за которым уже совсем близко, почти под гондолой, виднелась острова, потом на командира дирижабля.

— Ну так как же, товарищ командир? — медленно спросил он. — А раскроется ваш парашют? Наверняка?

Командир стоял, закусив губу.

— Товарищ председатель, — сказал он через миг. — Разрешите, лучше я как-нибудь сам прыгну.

— Бессмысленно! — сказал Бабер. — Да, бессмысленно, безумно. По-турецки — акылсыз! Вы разобьетесь...

— Профессор! Профессор! — горячо заговорила мама. — Дайте я! Позвольте, лучше я... ринусь. Вон у меня пальто, юбка... Может быть, как-нибудь... Не надо ему...

Но Бабер решительно провел рукой по лбу и по глазам.

— Это ужасно! — пробормотал он. — Да, ужасно! Полатыни: «хоррибиле визу эт дикту» — «ужасно с виду и по рассказам!» Но ничего не поделаешь. Устрицын! Я разрешаю тебе прыгнуть. Да. Товарищ командир, а откуда ему... Ах, достопочтенный Устрицын, глубокоуважаемый Устрицын!.. Но когда же ты успел одеть парашют?

Последние мгновения промелькнули как во сне. Мама с плачем бросилась обнимать Николая Андреевича. Люся, по словам капитана Койкина, завизжала, как ржавый брашпиль в сырую погоду. Лева с завистью негодовал на свои тридцать два кило...

Потом командир дирижабля внимательно осмотрел парашютные лямки, выглянул в окно, открыл механический запор двери... В дверь ударило яркое солнце. Маленькая фигурка бесстрашно разбежалась и исчезла в голубом сиянии. Раздался торжествующий устрицынский визг. Все бросились к окнам.

Парашют раскрылся тотчас же. Ветер упруго наполнил его белый с алыми полосами купол. Устрицын спускался ровно и точно, как опытный парашютист. Близо вокруг него вились большие серебристо-белые чайки... Внизу был розовый песок атолла и снежная пена рифов.

Все ниже и ниже. Вот парашют закрыл на миг крошечную фигурку Николая Андреевича, вот он вдруг обмяк и лег пестрой тряпочкой на прибрежном песке. Загудел, разворачиваясь, длинный канат гайдропа. Видно было, как Устрицын бежит за ним, точно быстрая белая блоха, внизу по земле, как он падает, вскакивает, ловит... Схватил! Побежал к пальмовой роще... Привязывает...

«Купип-01» вздрогнул и остановился. Мощная рука Николая Андреевича Устрицына задержала его стремительный бег. Неведомая точка земли, лежащая в неизвестном направлении, была достигнута. Грянуло радостное «ура».

Глава II.

На островах Устрицына - I

Спустя несколько часов после посадки дирижабля «Купип-01» на неведомом острове, лежащем в неизвестном направлении, на одном из самых прямых меридианов земного шара, все в экспедиции пришло в полный порядок.

Низкий кольцообразный атолл погрузился во тьму тропической ночи. На темном, как котиковый воротничок, небе зажглось недопустимое множество звезд: их было столько, что все они точно не стояли на месте, а шевелились, двигались и даже шуршали. Кое-где, на них рисовались тонкие кокосовые пальмы, а в одном месте черный силуэт «Купипа-01» казался рыбой, вырезанной на этом огненном поле. Поперек неба тянулся яркий, как никогда, Млечный путь. Но и этого было мало: с той стороны, куда опустилось за море солнце, высоко навверх поднималось теперь, затмевая звезды, вытянутое светлое дугообразное пятно.

— Вот тебе на... — сказала мама, расставив на костре, пылавшем над лагуной, целую батарею котелков и кастрюлек. — Вот так штука! Летели-летели на юг, а тут опять северное сияние? Здравствуйте!

Услышав это, Лева Гельман так и подпрыгнул.

— Ай, мама, что это вы говорите? — ужаснулся он. — Где северное сияние? Где?

— Да вон... — невозмутимо отвечала мама, размешивая кипящее какао. — Вон, за твоей спиной...

И она показала туда локтем руки, державшей шумовку.

— Да какое же это сияние? — Лева в ужасе чуть не опрокинул кастрюльки. — Ведь это же зодиакальный свет!

— Зо-ди-а-кальный? — удивилась мама. — А что это такое? Почему он бывает? Зачем? Профессор, а профессор! Правда Левушка говорит, что это какой-то зодиакальный свет? Вон он, вон! Вон, который в какао отражается...

Оторвавшись от своих записей, Бабер пытливо заглянул через очки в кастрюльку.

— Совершенно верно, совершенно верно, дорогая товарищ мама. Абсолютно точно. Это и есть самый настоящий зодиакальный свет, — с большим удовольствием подтвердил он. —

Что это такое? Увы, не могу ответить вам с исчерпывающей точностью, дорогая гражданка мама. Не могу. Не в состоянии. Наука еще не решила этого вопроса. Да. Увы! Нет. Увы! Пока еще — не решила. Впрочем многие — ваш покорный слуга в том числе — думают, что это светится внешняя часть солнечной короны. Такое легкое облако газа. Окружает Солнце. Простирается за пределы орбиты Земли. Светится. Отражается в вашей кастрюльке. Кстати, какао как будто уже кипит? А где капитан? Где Люся? Где уважаемый Николай Андреевич?

Никто не знал, где в данный миг находится капитан Койкин.

Едва только дирижабль приземлился на острове, едва мама, обливаясь слезами восторга, накинулась на пляшущего по горячему песку Устрицына, едва успел Бабер взволнованно растеребить во все стороны бороду и возгласить: «Дорогой Николай Андреевич! Ты — герой! Объявляю, что этот затерянный в морях архипелаг отныне должен называться «Островами Устрицына», — тотчас же после того как все это произошло, из гондолы «Купипа-01» выпрыгнул на песок старый пенитель соленых и пресных вод земли. На нем были трусы и белый пробковый тропический шлем. Под мышкой он держал надувную купипскую лодку, а на капитанской шее болталась боцманская дудка. Испуская дикое рычание, капитан вихрем промчался мимо всех, на ходу надул лодку, швырнул ее на спокойную воду лагуны и, вздыбив вверх целую Ниагару брызг, рухнул в теплые волны океана.

— О-го-го! — гоготал, фыркал, гремел он. — Уф! Ох! Га-га! Пф-ф! Ай-ай-ай! Вот где благодать-то... Вот-то где купануть... Хо-ха! Мама! Бабер! Устрицын! Лева! Люся! Плюйте на все! Ха-ха! Лезьте в воду! О-го-го-го!

Он кувыркался в лазоревой пенистой влаге, нырял, выскакивал, погружался опять, обивал пену ногами, чуть не плакал от восторга.

— Батюшки! — кричал он. — Обалдею! Матушки! Уй-уй-уй-уй!.. Клянусь — пф-ф! Клянусь кабестаном, коком и кашалотом! Уф! Клянусь гаком, гитовым и гафелем! Вот где здорово-то!..

Испуганная мама даже отпустила на минуту облитого ее радостными слезами Устрицына.

— Койкин! — взволновалась она. — Койкин! Вылезай сейчас же, скверный капитан... Бабер, велите ему... А вдруг тут акулы...

Но капитан Койкин почувствовал себя, должно быть, в родной стихии.

— Акулы? — неистовствовал он, прыгая в волнах, как в рыхлом сене. — Акулы, мамочка? Интересно, какие акулы усидят там, где капитан Койкин купается? Хотел бы я видеть таких акул! Давай их сюда. И сама иди сюда. Иди сюда, мама!

Но мама оказалась не храбрее акулы. Она только с берега увидела, как Койкин, в досталь набезобразив в воде, прыгнул в надувную купипскую лодку, налег на весла и стрелой понесся вдоль розоватого кораллового берега, загребая воду «ласточкой», с прискользом. Мама махнула рукой.

— Ну погоди ты, погоди, миленький, — пробормотала тогда она пророческим тоном. — Вернись только! Увидишь, что получится.

Предсказав таким образом печальную капитанскую судьбу, она занялась хозяйством.

Между тем Люся и Устрицын, забравшись неподалеку в тесный проход между угловатыми глыбами розового коралло-

вого известняка, обсуждали неожиданно возникший перед ними вопрос. Дело в том, что Люся, на все устрицынские предложения — или побежать к морю, или влезть на пальму и «осмотреть» местность, или даже сделать на ноге печку из влажного прибрежного песка, — отвечала почтительными и робкими отказами. Большими глазами она с восторженной грустью взирала на вихры Николая Андреевича и не соглашалась.

— Ах нет... Устрицын, — печально говорила она. — Разве можно печку? Ах, что вы, Устрицын!.. Как же, вам уж теперь нельзя на пальмы лазить...

Наконец Устрицыну стало непереносно.

— Да что ты, Люсиля? — сердито закричал он. — Что это ты расскучнилась-то? Пальмы нельзя, печки нельзя... Почему это нельзя печечку?..

Люсины глаза стали еще больше и круглее.

— Как же можно нам теперь печки?.. — дрожащим голосом чуть слышно промолвила она. — Как же можно теперь нам в глупые игры играть, когда вы теперь уже — герой...

Несколько мгновений Устрицын, открыв рот, с недоумением разглядывал девочку. Потом, круто повернувшись на месте, он без единого слова понесся сквозь быстро сгущающийся тропический мрак туда, где, полыхая красным светом, горел костер и где двигались вокруг него силуэты мамы, Левы и профессора Бабера.

— Мама! Ну, да мама же! — с негодованием взывал он. — Ну, мамочка же! Ты послушай только, что эта твоя Люська противная говорит...

Мама не сразу ответила на его вопли. Мама пребывала в разнеженном и довольном состоянии.

— Удивляюсь, профессор, — рассуждала мама, помешивая ложкой в кастрюльке, — как это на таком архипелаге — и ни одного дома отдыха? Ведь экая же красота! А запах-то какой! Сразу видно, ужасно здоровый климат. Пахнет-то как?! Морем, песком. Прелесть! Неужели эти острова и всегда были такими необитаемыми?.. Или тут нечем жить?

— Что вы, что вы, дорогая мама! — отвечал ей рокочущий баберовский басок. — Что вы! Отнюдь! Острова Устрицына принадлежат, полагаю я, к тем самым островным группам, которые издавна называют страной золотого века, земным раем.

Превосходный климат! Богатейшая растительность! Видели вы большой лесистый островок по соседству? Я уверен — там мы найдем бананы, кокосы, саговые пальмы, хлебное дерево... Море изобилует рыбами, ракообразными... Да, ракообразными, почтенная мама! Было время, — все острова в этих морях были плотно заселены... Первые европейцы уверяли даже, что их население занимается только пением и плясками. Ничем больше...

— Как так плясками и пением, профессор? — удивилась мама. — А еще что-нибудь надо же делать?.. Работать-то?..

— Зачем же, дорогая мама, зачем же? В лесу росли готовые плоды. Море оставляло на отмели рыб, моллюсков — вкусную и сытную пищу... Вы представляете себе хлебное дерево, мама? Отличное дерево, прекрасное дерево, превосходное! На нем растут... м-м-да... Как бы это определить точнее? М-м-да, м-м... Да — булки, дорогая мама... Готовые булки... На днях я вам это покажу.

— Ой, что вы, профессор? — ахала мама. — Да не может же быть! Это — прямо как в сказке. Почему же теперь я тут никого не вижу? Куда же они делись все... обитатели-то?.. Неужели куда-нибудь уехали?

— Вымерли, почтенная гражданка мама... — отвечал профессор, озабоченно вглядываясь в показания какого-то необыкновенного инструмента. — Вымерли. Как, уехали, куда? Зачем? Отнюдь! Они — вымерли...

— Вымерли? — ужаснулась мама. — Почему вымерли? Отчего?

— От голода, дорогая мама. От голода. Да, да. Так, несомненно. Причиной был голод. По-немецки — «хувгер». По-французски — «фэн». По-болгарски — «глад». На всех языках — плохо. Противно. Отвратительно!

— Как от голода, профессор? Да что вы говорите? А хлебное дерево как же? А рыбы? А эти... булкообразные-то?.. Ведь это же земной рай...

Тут профессор Бабер поднял на лоб очки и пытливо оглядел маму.

— Ах, дорогая гражданка мама, дорогая мама! — сказал он. — Какая наивность! Как вы не понимаете? Все это было тут, было когда-то! И рыбы, и кокосы, и ракообразные. Все

было, да, может быть, и сейчас есть. Но пришли белые люди, белые, да, бледнолицые. Ты слышишь. Устрицын? — Бледнолицые! Купцы, солдаты, монахи... Они захватили и землю, и воду, и лес, и отмель. Они стали торговать той рыбой, которая сотни лет ловилась бесплатно. Они огородили заборами старые хлебные деревья... Здешние коричневые люди были некультурны... Да, некультурны. Они не умели воевать, не умели бороться. Они не умели и лгать, мама.... Да, не умели лгать. Странно, поразительно: совсем не умели... Умели петь прекрасные песни в честь чужеземцев, умели украшать гостей цветами. И вот они вымерли, мама. Вымерли. От голода под густолиственными хлебными деревьями... Старики и дети, мужчины и женщины. Все. А потом... потом на многих островах завоеватели выловили всю рыбу, вырубili драгоценные деревья в лесах, обломали лучшие кораллы рифов и ушли. Да, — ушли. Остался пустой песок да заброшенные старые могилы. Да, дорогая мама, это так. Вы правы, — это ужасно!

Пока профессор говорил, мама так и порывалась вскочить с места. Маленькие крепкие кулаки ее сжимались, глаза загорелись.

— Профессор! — опять вскричала она. — Так что же мы? Да я бы... Да я бы этих негодных... купчишек-то этих... Да попадись они мне! Да кто же им позволил это?.. Почему не следили? Их выгнать надо было отсюда!..

— Погодите, погодите, дорогая мама! — перебил ее профессор Бабер. — Погодите. Терпение! Это и случится... Рано или поздно. Наука уверена в этом, мама. Да, наука. Настоящая, точная наука в этом убеждена. Но — терпение! По-французски — «пасьянс». По-немецки — «гедульд». Терпение и выдержка. Выдержка и борьба. На всех языках есть и эти слова. На всех! Имейте это в виду, дорогая товарищ мама!

Мама хотела сказать еще что-то, но как раз в это время Устрицын, изловчившись наконец, со всех сил дернул ее за локоть.

— Мама! Ну, мама же! Ты только послушай! — кипятился он. — Ты смотри, что мне Люська говорит. Какие гадости! Говорит, что со мной теперь нельзя никак играть. Что печки нельзя из песку строить, говорит. Говорит, что я — герой. Да разве с героями играть-то нельзя? Разве герои такие скучные?

Разве они все время сидят и так — пыжатыся, пыжатыся? Я так не хочу!

— Герой? Какой ты еще там герой? — вдруг возмутилась мама. — Ну и что же из этого, что он герой? Да что ты, Люсенька, выдумала? Что ты к нему привязалась? Подумаешь: герой! Ха-ха! Да он самый обыкновенный герой. Вон он какой — ребенок, как ребенок... Двадцать четыре кило и с наушниками. Почему же это с ним играть нельзя? И нечего ему голову забивать: герой, герой! У нас дома все ребята такие герои. Сегодня ты — девочка, а завтра поезд спасешь и станешь героем. Я сегодня — мама, а завтра, надо будет, возьму винтовку и лучше всякого героя пойду... Очень просто!

— Мама! — не унимался Устрицын. — Да нет же, мама! А играть-то с героями можно? Возиться-то можно с героями? Ты ей скажи, а то она на меня глаза выпучила, точно я какая-то ондатра! Можно героям по песку валяться?..

— Валяться? По песку? В воде? Необходимо! — вдруг загремел из мрака бодрый голос капитана Койкина. — Гельман! Лева! Э-эй! Держи конец! Причаливай лодку! Что ты там? на берегу, как Паганель, зря бодрствуешь? Герои все должны делать, Устрицын! Все! Возиться, кататься, играть, бегать... Я героев на своем веку десятки перевидел. Сотни! Самый милый народ, ей-ей! Уж я-то их знаю... Я и сам-то в случае чего...

Он откашлялся и вдруг без всяких предупреждений грянул громовым голосом:

*Настоящий герой
Не хандрит за игрой
И над книгой никак не соскучится.
Он в пустынях живет.
Он на полюс плывет,
Но и дома играет и учится.
Рикки-тикки-тикки-тикки.
Рикки-тикки-тикки-чк!
Чтоб рекорды держать,
Чтоб врага отражать.
Чтоб машиной владеть и винтовкою,
Будь героем везде —
В облаках и в воде,*

И в игре, и за школьной диктовкою.

Рикки-тикки-тикки-тикки

Рикки-тикки-тикки-чк!

Аплодисменты и крики «ура», которыми было встречено это неожиданное выступление, разбудили птиц, задремавших во мраке на пальмах. С тревожными криками закружились они в розоватом свете костра.

— Ну, Баберище! — говорил между тем старый моряк, закручивая усы, снимая шлем и удобно садясь к костру. — А ну, профессор... Уверял я тебя: со мной не пропадешь! Гляди-ка, что я нашел? — И он небрежно швырнул на песок перед профессором с полдюжины пустых жемчужных раковин.

— Как! Жемчужные раковины?! Пластинчатожаберные моллюски! Семейство *Lambellibranchiata*? Род *Meleagrina*? Жемчуг! Да где ты их взял, капитан, где ты взял эти створки? — так и метнулся к нему профессор Бабер.

— Там их пропасть, — равнодушно ответил Койкин. — Целые кучи. Наверное, раньше их там сотнями ловили. А ну-ка, Люся, дай мне бутербродика... Да нет, зачем один? Дай штук восемь... Я посмотрел: там в воде и живых много... ням, ням, ням! Только глубоко... Пустяки: завтра слазаю, погляжу... тям, тям, тям! Вот видишь, Бабер, ты еще про меня: то, се, пятое, десятое... А я жемчуг уже — хлоп, и нашел... Хотел тебе заодно и ондатру поймать, да стемнело. Не стоило возиться. А их там сколько угодно. Ползают по пальмам... Значит, и радий ваш где-нибудь поблизости валяется. Дело в шляпе, Баберище. Ну-ка, мама, дай мне еще штучки четыре... Да нет, с икрой, с икрой...

— Ондатры? По пальмам? Здесь? — испуганно и смущенно отшатнулся от него профессор. — Не может быть! Ты уверен, что это были ондатры?

— Ну вот! — махнул рукой капитан. — Да что я, ондатр твоих не видал? Ты меня, может быть, с Устричным спутал или с мамой? Вот завтра пойдем, я нырну за жемчугом и поищу там, где этот ваш несчастный радий лежит... Только мне смешно: стоило за каким-то полкило такую даль лететь... Меня, например, жемчуг почему-то больше интересует... чем ящерицы эти...

— Гм, гм! Дорогой капитан Койкин... — уже не слушая его, бормотал Бабер, то снимая, то надевая очки и внимательно изучая раковины. — Гм! Да... но нет... Ничего не поделаешь... Это — *Meleagrina*. Ты прав, мой brave капитан! Ты прав. Но ведь там глубоко? Метров пять? Как же ты нырнешь? У нас нет водолазного костюма. Я не предвидел этого... Да, не предвидел. Не предусмотрел...

— Подумаешь! — не задумавшись ни на миг, ответил Койкин. — Очень мне нужен твой костюм. Я, брат Бабер, по способу Койкина нырять буду. Возьму с собой дирижабельный баллон с кислородом — раз. Надену высотный воздухоплавательный скафандр — два. И плюх в воду — три. Баллон чертовски тяжелый; значит, я — камнем на дно. Наберу ракушек, захвачу уже и радий этот ваш, если попадется. Схватил, и марш назад.

— Да как же ты выплывешь, Койкин, с таким грузом? Или тебе позволят баллоны внизу бросать? Ведь они, небось, дорогие! — усомнилась мама.

Но капитан Койкин взял какую-то сухую травинку и начал небрежно чистить ею зубы.

— Эх, мама, мама! — высокомерно произнес он. — Сколько раз я тебя учил: не суйся ты, восхитительное создание, в наши морские дела. Ничего ты в них не понимаешь. Баллоны! Ну зачем я буду баллоны на дне бросать? Сделал свое дело, открыл кран, напустил полный костюм кислорода и — марш наверх. Раздует меня, я и всплыву... И с баллоном... Сообщила?

Вдоль маминого лба пробежали морщинки.

— Н-нет, ничего я еще не сообразила, капитан ты недопустимый. Как же это так? Если бы тебе газ сверху накачивали, я бы поняла. А то ведь ты и в воду хочешь с газом лезть, с баллоном-то. И из воды вылезать опять с тем же газом? Так ведь ты его из того же баллона напустишь. Почему же ты вдруг легче станешь? То тебя с газом вместе ко дну тянуло, то вдруг — всплывешь? Профессор, он, по-моему, что-то выдумывает.

Но, как на беду, профессор в этот миг весь ушел в изучение раковин. Он скреб их, ломал, растирал, нюхал. Ему было не до маминых вопросов. Он проворчал что-то невразумительное, не то: «закон Архитрава!», не то: «закон Магомета!».

Капитан же Койкин преисполнился вдруг необычайной важности.

— Ну, мама, — без всякого снисхождения процедил он наилучшим профессорским баберическим тоном. — Познания твои в объеме шестого класса средней школы довольно неудовлетворительны. Пиши лучше в «Костер», мама; запроси хитроумных ленинградских ребят. Пусть они разрешат наш спор: поднимусь я или не поднимусь? Да, пусть они разрешат — иначе где же их хитроумие? А теперь — спать! Спать мама! Бабер! Спать. Шляфен. Дормир.

И все пошли спать.

Глава III.

На островах Устрицына - 2

Наступил день, следующий за посадкой дирижабля. Утро вспыхнуло сразу горячей красивой зарей. Как ни торопилась мама, солнце в этих широтах поднималось быстрее, чем она. Какао еще не закипело, печенья «Мария» и «Альберт» еще не были раскупорены, а огромное тропическое светило уже взлетело над горизонтом, как великолепный ослепительный стратостат.

Капитан Койкин первым после мамы выбрался из своей палатки: Не сказав ни здравствуй, ни прощай, он незамедлительно поднял такую волну в зеленых, ласковых водах внутренней лагуны, что разбудил весь экипаж дирижабля. Испуганные воздухоплаватели заматались по каютам, уверенные, что приближается тайфун.

Однако, испугавшись, добрый моряк смирнехонько сел на песок возле костра. Выражение его глаз тотчас стало столь умильным, что мама подумала-подумала, да и поставила на огонь еще одну, самую большую кастрюлю.

— Вот-вот, мама! — одобрительно пробормотал капитан. — Вот-вот! Правильно! Бункеровка, так бункеровка. Грузиться, так грузиться. Да и пора, брат ты мой мама! Скоро мы пойдем с тобой за жемчугом! Нырять буду для твоего удовольствия. Считаю своевременным разбудить членов Купип. А? Зарядочку-то сделать? Потом ты с ними — чистописание или что у вас там... Потом Баберище чем-нибудь таким хитроумным с ними под займется... Потом...

Но мама отрицательно закачала головой.

— Не надо! Не надо! Не буди! Пусть их спят, глупые, достопочтенные. На сегодня не будет занятий. Сегодня день-то какой? Забыл? 31 декабря! Новый год ведь встречать будем. Сегодня я им позволю до самой полуночи не спать. Так пусть хоть с утра высыпаются.

— Ну что ж, и то дело! — согласился покладистый Койкин. — Это отлично. А я, и верно, — забыл, что сегодня Новый год. Да что — новый! У нас теперь, мама, каждый месяц но-

вый. Неделя каждая — опять новая. День! Клянусь швартовом, штирбортом и шлюпкою! А впрочем — я пошел...

Он и впрямь пошел готовиться к предстоящим водолазным работам. Несколько минут можно было наблюдать, как он хлопотливо таскает какие-то предметы из купипских палаток в свою лодку, не упуская, однако, при каждом таком походе случая хоть на миг окунуться в воду. Но после второго или третьего оборота он вдруг поднял из лодки голову и прислушался: «Что это? Мама зашумела!»

— Койкин! — взволнованно звала мама. — Койкин! Иди скорей сюда!.. Да скорее же, тихоход ты несчастный!.. Смотри, смотри! Это что еще за новости?.. Я скоро с ума тут сойду!..

Быстро подоспев на выручку, славный капитан проникает, как подобает моряку, осмотрелся вокруг, но не увидел нигде ничего подозрительного. Тем не менее мама, стоя над дымным костерком, широко открытыми глазами вглядывалась в розовый песок возле собственных сандалий.

— Ну что? Что случилось-то? А? — окликнул ее Койкин.

— Тень! — трагическим шепотом прошипела мама. — Смотри: тень! Ты видишь тень, капитан?

— Тень? Вижу тень! Обыкновенная тень. От дирижабля... Да что это с тобой, мама?

— Обыкновенная? Ну, нет! Хороша обыкновенная! Обыкновенная тень... Койкин, а мне это не мерещится? Обыкновенной-то тени как, по-твоему, полагается идти? Простой, солнечной тени? А? Разве не справа налево? Вон оттуда сюда. Я нарочно тут и костер развела. Вот, думаю, солнце будет подниматься, меня и накроет тенью. Все честь-честью. А она — смотри: уходит! Да нет, ты посмотри, посмотри, капитан! Ах, батюшки, что же это такое? Солнце-то, солнце шиворот навыворот идет... Ах, буди скорее профессора... Ух, ужас какой!

Капитан Койкин открыл было рот, хотел запротестовать, возмутиться, но взгляделся в движение тени и недоуменно передвинул свой пробковый шлем козырьком на глаза: да, сомнений не было! Солнце, вынырнув из моря правее пальмы, поднялось теперь уже довольно высоко и впрямь стояло гораздо левее ее стройного, чешуйчатого ствола.

— Вот тебе и на!.. — изумился выдавший виды мореплаватель. — Действительно, мамочка, ничего себе штучки! Это называется — залетели! Клянусь!..

Он сделал шаг к баберовской палатке — большая черная мангуста была нашита на ее полотнищах, — но дверь палатки приоткрылась сама.

— Дорогая товарищ мама! — тотчас же торопливо сказал подернутый приятной утренней хрипотцой бархатный профессорский бас. — Всеми уважаемая гражданка мама! И ты, мой бравый капитан! Окюн пер! Кейн ангст! Ничего страшного! Перед вами обыкновеннейший географический феномен. Элементарный факт. Азы науки! Да, да! Просто я забыл предупредить вас. Но вы — наблюдательный человек, превосходная наша мама! Значит, вы заметили, что солнце доньше двигалось над вами всегда слева направо? Вот так?

— Ну еще бы, профессор! — все еще взволнованно и в некоторой растерянности оправдывалась мама. Как же не заметить? Само собой. Бывало утром, как встану, сейчас оно у меня взойдет — где тебе? Почти над Октябрьским вокзалом. А потом, глядишь — вот оно, уже правее, над Обводным... Мне из окна все видно... вся астрономия...

— Ничего, ничего, мама! — профессорская рука успокоительно легла на мамино плечо. — Это ничего не значит. Ровно ничего. Па дю ту. Нихтс!

— Ни бум-бум! — убежденно произнес Койкин.

— Вот именно: ни бум-бум... — подхватил профессор. — То есть как это, впрочем, ни бум-бум? Это на каком же языке «ничего» значит — «ни бум-бум?» — вдруг запнулся он. — Я вовсе не говорил: ни бум-бум. Может быть, это ты — позулусски, Койкин? Объяснись! Что ты хотел выразить этими словами?

Но капитан столь небрежно махнул рукой — э, мол, пустое! — что Бабер, успокоившись, продолжал:

— Будьте уверены, дорогая мама: это тут так и должно быть. Мы напрасно (о, совсем напрасно!) думаем, что солнце всегда и всюду ходит слева направо по небу. Это не так! Да, не так! Это неверно! Это столь же неверно, как если бы я стал бессмысленно утверждать, будто солнце всегда встает на востоке! Или что оно садится только на западе. Это же чушь! Нет, не ахайте, не ахайте, дорогая мама! Не надо ахать! Я не сказал ничего странного! Подите сюда. Я вам все объясню на ухо. Я только не хочу, чтобы это слышали члены КУПИПа. Это — недопустимо! Невозможно! Отнюдь! Они должны дойти до этого сами. Лица старше 15 лет, к сожалению, часто бывают невеждами в области географии. С этим, увы, приходится мириться! Но члены КУПИПа обязаны знать эту науку назубок!..

Тут Бабер склонился к мамину уху. Капитан Койкин хотел было тоже прислушаться к объяснениям, но, по-видимому, сообразил, что его возраст превышает указанную профессором цифру, и скромно удалился к своей лодке. Должно быть, объяснения оказались блестящими. Ибо несколько минут спустя совершенно успокоенная мама торопливо накрыла герметическими крышками одни свои кастрюли, слила в термосы содержимое других и вдруг тоже бегом припустилась туда же, к надувной капитанской лодке. Два или три мощных взмаха весел, окрик капитана... И вот они уже скрылись из глаз за излучиной берега...

В тот же миг из палатки снова вышел профессор Бабер с блокнотом и карандашом в руке и через очки с досадой оглядел берег.

— Уехали! — огорченно сказал он. — Жаль! Очень жаль! Ах, как жаль! Да! Прискорбно! А я хотел записать это странное выражение. Как, бишь, он сказал? «Ни дзынь-дзынь?» Нет, как-то иначе! Вероятно, это язык каффров. Или, может статься, древневерхненемецкий... Они близки между собой в некоторой степени, все эти первобытные языки!..

* * *

Мама и Койкин отсутствовали в тот день довольно долго; их всецело увлекло стремление добыть для экспедиции побольше жемчужных раковин. Они не видели, поэтому, как просто и легко растолковали хитроумные члены КУПИПа профессору Баберу кажущуюся странность в движении солнца. Дело, по их словам, объяснялось тем, что стоянка экспедиции лежала на этот раз в южном полушарии Земли. Только этим. Солнце вправе ходить тут шиворот навыворот. Оно и ходит. Койкин и мама не присутствовали и при торжественной церемонии называния островов, проливов, рифов и бухт архипелага Устрицына; только позднее капитан нанес их все на прилагаемую здесь карту. Без них профессор произвел и свои астрономические наблюдения; выяснилось при этом, что через пролив, отделяющий остров Мамы, тот, на который опустился дирижабль, от соседнего, более возвышенного, густо поросшего тропическим лесом острова Бабера, как раз и проходит один из самых замечательных меридианов земного шара. Но, главное, в их отсутствии знаменитый ученый, собрав вокруг себя всех членов КУПИПа, долго и заботливо сговаривался с ними о чем-то и наконец, по-видимому, к общему восторгу, договорился.

Немедленно после этого весь КУПИП был вооружен сачками, банками, губчатыми мореходными туфлями. Вот почему, когда мама и Койкин, плывя на тяжело нагруженной надувной лодке, добрались наконец до места стоянки дирижабля, все члены достославного ученого общества, во главе с его председателем, засучили штаны и брызгались выше голов теплой водой. Это они с наслаждением занимались научно-исследовательской работой по коллекционированию фауны внутренних лагун атоллов.

Мама правила лодкой свободно и уверенно. Легкое судно, скользя по тихой влаге, подплыло к самым ногам Бабера.

— Профессор! — возбужденно кричала уже издали мама. — Не понима-а-ю! Так-таки ничего я все-таки и не пойму! Объясните мне: как он выныривает? Всякий раз выныривает! Кто? Да он, Койкин! Кинется в воду и — вынырнет! Почему он тонет — это я понимаю: еще бы, вон кислородный баллон какой тяжелый! Ну, пусть в нем пятьдесят кило, пусть сто; все равно — груз. Понятно, что тонет. А почему выныривает? Что ж баллон над водой легче делается, что ли?

Капитан Койкин ударил себя ладонью по затылку.

— Тьфу, мама, недопустимое ты создание! — возмущенно закричал он. — Да ведь я тебе сто раз говорил: я газом из баллона наполняю свой высотный скафандр...

— Ну и что же? Ну и что же? — не сдавалась мама. — Что же, что скафандр? Все равно ведь газ тот же самый? Больше-то его не стало? Почему же ты всплываешь? Ты мне прямо скажи, почему? По какому правилу? Кто тебе позволил? Ты мне объясни, объясни!

Койкин отчаянно закрутил носом и безнадежно махнул рукой. Но Бабер хитро раздернул в обе стороны свою вымокшую в соленой воде, покрытую водорослями и рыбьей чешуей бороду.

— Дistinguished члены КУПИПа... — задумчиво сказал он. — Да! Глубокоуважаемые купипские ребята. А в самом

деле, почему он всплывает? По какому правилу? По какому закону? А ну-ка? Объясните-ка маме... Ну!..

На минуту воцарилось молчание. Потом вдруг Лева вытащил глаза, надул щеки и чуть не выскочил из воды.

— Да по закону же Архимеда! — выпалил он.

— Милая, милая мамуся! — подхватила сейчас, же Люся Тузова. — Ну, конечно же, по закону Архимеда. Разве ты не учила?

— По закону Архимеда, досточтимая товарищ мама! — подтвердил и Бабер. — Они совершенно правы. Это превосходный закон. Великолепный, замечательный закон. Сливки отстаиваются на молоке — закон Архимеда. Летит стратостат — закон Архимеда. Устрицын сел в ванну — закон Архимеда. Чтобы тело всплыло, — говорит между прочим этот закон, — достаточно иногда, чтобы вес его остался тем же самым, а объемом вдруг увеличился. Допустим, вы бросили в воду этот баллон. Бросили, а к нему привязали резиновую трубку и пустой резиновый шарик. Сложенный шарик, смятый вроде прыгунчика. Эта система тел, конечно, потонет. Вес велик, объем мал. Теперь, допустим, — под водой открылся кран. Шар надулся. Объем? Резко возрос! Вес? Остался тем же. Что произойдет? Шар всплывет и вытащит баллон. Система тел всплывает. Понятно? Так, по-вашему?

Мама не успела ответить. Капитан Койкин вдруг впал в неожиданный восторг. Он схватил Устрицына за руку, Люсю за другую и ринулся с ними в воду.

— О-го-го! Мама! Дорогу! — ревел он. — Смотри! Вот бежит система тел. Будет купаться! Раз, два! Нырять, система! Ого-го! Выныривай! Закон Архимеда, милая! Закон! Отдай Баберу этих жемчужных черепашек. Го-го! Эй, вы, система! К берегу вали, к берегу!.. Уф-ф!

Вечером на острове Мама в Архипелаге Устрицына состоялась торжественная встреча Нового года. Мама, конечно, терзалась, потому что ребята с полным правом не ложились спать до 12 часов. Но все же в полночь все члены КУПИПа расселись вокруг костра, довольные и радостные. Звезды светили, как и вчера; в темном воздухе вокруг, то зажигаясь, то потухая, носились красивыми голубоватыми огненными дугами какие-то насекомые, вроде огромных летучих светлячков, а поодаль, в клетках, копошились во сне великолепные пестрые птицы, пойманные экипажем дирижабля.

Когда все новогодние угощения были выпиты и съедены, мама расчувствовалась.

— Эх, профессор, профессор! — сказала она, глядя на ясное звездное небо. — А много, все-таки, у нас в науке недостатков. Не все еще усовершенствовано!

— А именно, дорогая мама, а именно? — благодушно осведомился сквозь дым костра Бабер.

— Ну как же? Все-таки... — размышляла мама. — Вот мы тут сидим, Новый год встретили... Койкин вон сколько раковин нанырять. Как бы интересно было: взять да и позвонить домой, в Ленинград. Сказать: дорогие ленинградцы, с Новым годом! Что бы они ответили? Наверное, удивились бы?

— Что бы они ответили, дорогая мама? — также задумчиво произнес Бабер. — Я это знаю. Они сказали бы: в КУПИПе сошли с ума! Что вы, мама, что вы? Кто же это поздравляет с Новым годом в два часа дня тридцать первого декабря?

— В два часа! Тридцать первого! — Мама не сразу сообразила, в чем дело. — Батюшки мои! Да почему же? Да неужели там сейчас... А я-то думала — они там тоже сидят за столами, слушают радиосигналы. Два долгих, один короткий...

— Отнюдь, дорогая мама, отнюдь! — настойчиво возразил профессор. — Там сейчас два часа дни. Четырнадцать часов. Точно. Презизман! Когда здесь полночь, там ровно два часа. Предыдущего дня, мама! Но, впрочем, оставим сейчас эти

научные вопросы. У нас тут — самая настоящая новогодняя полночь. Прекрасная вещь — полночь тридцать первого декабря, мама. Не так ли?

Однако в этот миг маме вспомнились ее многочисленные тревоги.

— Хорошая-то она вещь, хорошая, — уклончиво отвечала она, — однако ребята вон не спят и не спят. Разве это дело? Ну, да уж ладно, только 31-го числа, только раз в году...

— А если бы два раза Новый год?... — пискнула было Люся, но Бабер тотчас перебил ее:

— Вы правы, почтеннейшая мама, вы совершенно правы. Это допустимо лишь 31 декабря. Только 31 декабря, конечно. Но зато каждое 31 декабря?.. Без отмены? Имеют право сидеть до 12 ночи. Ложиться в полночь. Вы согласны?

— Да что уж, профессор, пускай уж, так и быть. Ведь новье-то года не каждый день бывают...

— Конечно, конечно, дорогая мама. Само собой. Помилуйте, это немыслимо, каждый день, — согласился Бабер. — Кстати, товарищ командир дирижабля «Купип-01», как вы решили с дальнейшим? Остаемся здесь? Перелетаем туда?

Высокая фигура командира сейчас же легко поднялась в багровом свете костра на ноги.

— По данным разведки, товарищ председатель КУПИПа, — почтительно сказал он, — я считал бы полезным перелететь на восточное побережье острова Бабера. Там, по-видимому, имеется бухта, очень благоприятная для стоянки. Вперед мы вышлем человека на шлюпке. Завтра к вечеру будем там...

Он смолк, а профессор вдруг очень хитроумно подмигнул Леве, Устрицыну и Люсе.

— Ну что же? — сказал он. — Отлично! Да, да, да, дорогая мама. Отлично. Бьен. Бэне. Гут. Так вы говорите — сидеть до полуночи ребятам полагается 31 декабря? Вы правы, мама. Это отличное правило. Будем его строго соблюдать.

* * *

Следующий день, первый день нового 1938 года, прошел быстро и незаметно за сборами к перелету на соседний остров. Великий позор постиг в этот день только злосчастного капитана. Профессор, пожимая плечами, самолично проследовал вместе с ним к тому месту, где бравый моряк, по его словам, видел многочисленных ондатр, и вернулся слегка возбужденный.

— Это непостижимо! Это возмутительно! — негодовал он. — Это же — ящерицы, любезнейший капитан. Обыкновенные ящерицы. Не более и не менее.

Никаких ондатр на острове Мамы не было. Не было на нем и радия. Капитан очень огорчился, и до отлета так и не вылез из воды.

Ровно в 4 часа «Купип-01», рокоча одним пущенным в ход мотором, взлетел над пляжем, а 17 минут спустя его гайдроп уже был прочно привязан к толстому стволу дерева на берегу вулканического острова Бабера, в виду пика Хитроумия, коническая вершина которого высилась над темной зеленью тропического леса.

До вечера все шло спокойно. День выдался особенно жаркий. Солнце казалось затянутым легкой дымкой. Море блестело подобно расплавленному и остывающему металлу. Ветер стих.

К сумеркам мама приготовила в палатках все, что было нужно для ночлега. Но Устрицын, к которому она обратилась со своим суровым: «Устрицын, детка!.. 9 часов!» — этот са-

мый Устрицын вдруг проявил совершенно неожиданную строптивость.

— Ну и что же, что девять? — небрежно ответил он, продолжая сидеть на корточках над ползущим по песку крабом. — Ты сама же нам сказала: под Новый год будем ложиться в 12 часов, а не в какие-то несчастные девять...

— Не в Новый год, а накануне Нового... — как порох вспыхнула мама. — И вообще, Устрицын, раз я говорю — спать, значит...

— Ну что ты мне чепуху несешь! — не на шутку рассердилась мама. — Терпеть не могу глупых шуток. Вчера было 31-е. Вчера мы и Новый год справляли. Что ты, забыл, что ли?

— Вчера было 31-е, а сегодня другое 31-е! — взвизгнул Устрицын и в восторге перекувырнулся через голову. — Ну что ты споришь, мама? Ты спроси лучше у дяди Бабера...

Мама пошумела еще некоторое время. Но с Устрицыным никакого сладу не было.

— Ах, так? — грозно сказала она и пошла к палаткам.

По дороге ей встретился капитан Койкин. Он устанавливал силки на птиц в листьях бананов.

— Капитан, а капитан! — негромко окликнула она его. — Какое у нас сегодня число-то?

— Тридцать первое, мама, тридцать первое, — торопливо ответил моряк, спеша по своему экстренному делу. Мама остолбенела, но, заметив поодаль командира дирижабли, решительно направилась к нему.

— Товарищ командир, — твердо, но дипломатично начала она. — Вы случайно не знаете, какое у нас завтра число? Я что-то забыла.

— Есть установить завтрашнее число, товарищ мама! — бодро ответил командир, делая маме под козырек, но не смотря ей в глаза. — Завтра у нас первое января, товарищ мама. Новый год.

— По...погодите... А вчера-то?.. Вчера какое же было число?..

— Есть определить вчерашнее число! Вчера было тридцать первое декабря, товарищ мама.

— А сегодня утром?

— Сегодня утром было первое января, товарищ мама.

— А теперь опять тридцать первое?

— Так точно, товарищ мама. Опять тридцать первое! Готовьтесь встречать Новый год.

Мама хотела сказать что-то, но вдруг махнула рукой, как-то съежилась и, ни слова не говоря, начала таскать к костру вторичное новогоднее угощение.

Бабер, выйдя из палатки, некоторое время с удовольствием наблюдал за ее работой.

— Итак, дорогая мама... итак? В путешествиях встречаются неожиданности, не правда ли? — сказал он. — Что делать? Вас махен? Ке фер? Придется нашим достопочтенным ребятам сегодня опять предоставить возможность сидеть до полуночи. Да, да. Это — неизбежно. Сегодня опять 31 декабря. Второй раз подряд. Как вам это нравится, мама?

— Ничуть мне это не нравится, профессор, — сурово отвечала мама. — В чем тут дело? Почему это случилось-то у вас... такая волынка?

Профессор зажмурился и несколько раз пропустил в кулак свою темную с проседью бороду.

— Почему, дорогая мама? Вы хотите знать, почему? Я отвечаю вам. Да, да, мама, я тотчас же дам научное объяснение этого случая. Он произошел потому только, что мы сегодня пересекли самый удивительный меридиан в мире. Тот самый, на котором начинаются дни. Он пролегает как раз между двумя островами. Между моим и вашим. Тут, в архипелаге достопочтенного Николая Андреевича. По ту его сторону Новый год начался почти сутки тому назад. Но как бы быстро ни бежал он к западу, нужно ровно сутки, чтобы он докатился до востока, до этих же мест. Согласны вы с этим, мама? Здесь у нас еще длится вчерашний день. Здесь еще не было Нового года... Но он будет. Через несколько часов. А? Вам непонятно?

Неизвестно, как реагировала на эти объяснения мама, но достоверно и бесспорно, и записано в бортовой книге «Купипа-01», что члены знаменитого научного общества встретили на этот раз два Новых года подряд. Это было необычайно приятно, это было бы еще прекраснее, если бы восхитительное торжество их не закончилось ужасным, грозным и трагическим образом, чуть было не приведшим к безвременной гибели весь состав купипской и баберовской экспедиции.

Что же случилось?

Глава IV.

Жемчуг и ондатры

Веселый вторичный новогодний ужин членов КУПИПа был в самом разгаре. Вернее, он подходил к концу. Окончательно примирившаяся с таким неслыханным беспорядком мама, махнув на все рукой, наливала один стакан какао за другим. У костра горками лежали огромные зрелые апельсины, уложен был матовый дикий виноград. Все это было самое свежее, только что собранное в дремучем лесу, покрывшем богатую вулканическую почву необитаемого острова Бабера. Капитан Койкин большим кривым садовым ножом вскрывал мягкую скорлупу незрелых кокосовых орехов и передавал их сидящим. Каждый орех превращался тогда в глубокую чашу, наполненную прозрачным освежающим напитком восхитительного вкуса и запаха. На углях, которые мама отгребла в сторону от костра, лежали какие-то продолговатые темные предметы. То пеклись, превращаясь во вкусные булки, плоды удивительного хлебного дерева, растущие прямо на морщинистой коре его, а не на ветвях.

Пламя костра, трепеща, отражалось в неподвижной воде бухты, вырывало из мрака могучие деревья опушки, взлетало языками высоко под нависшие под ветвями лианы. От костра по тропическому лесу расползлся дым.

— Такой же дым, как у нас, под Лугой, — умиленно сказала мама.

— Такой, да не совсем, — с сомнением возразил Койкин. — Что-то как будто этот жженой пробкой больше отдает...

От времени до времени огромная летучая мышь врывается на освещенную полянку и, резко изломив полет, снова уносится в темноту. Однако мама и ухом не вела при этом. Койкин не мог упустить случая поддразнить ее.

— Мама, мама, что же ты не пугаешься? Почему не визжишь-то? Вон, смотри, мышь, мышь полетела. Визжи!

Но мама только пожимала плечами.

— Ну вот еще, буду я такой громадины бояться, — презрительно говорила она. — Какая это мышь? Сенбернар целый. Вот маленьких мышей, тех я до смерти боюсь. Таких пищущих, с хвостиками... Бррр!..

И капитан Койкин гоготал на весь архипелаг Устрицына:

— Ух, мама, золотое ты мое создание! Ну и чудачка же ты, а?

Словом, все шло превосходно примерно до 12 часов. А в 12 часов внезапно страшным звуком заняла тревожная сирена на борту «Купипа-01», покачивавшегося на якоре поодаль за деревьями. Тотчас команда дирижабля, вскочив с земли, бросилась туда на вызов дежурного: сирена тревоги должна была подаваться лишь в самых крайних случаях.

Минуту спустя командир возвратился. Лицо его даже в смутном свете костра казалось озабоченным и бледным.

— Товарищ председатель, — торопливо проговорил он. — Барометр резко упал. Неслышанно упал. Дежурный принял призыв о помощи с судна неподалеку к востоку. Оно терпит бедствие. Идет страшной силы тайфун. Через десяток-другой минут он может быть здесь... Надо немедленно грузиться и взлетать. Единственное спасение — в воздухе.

— Тайфун? — удивилась мама. — Да полноте. Смотрите, какая тишь кругом.

— Вот это-то и страшно, — сказал командир. — Профессор Бабер! Медлить нельзя. Прикажите собирать все и спешить на дирижабль. Я не могу задерживать судно на причале.

Тотчас же поднялась неистовая суматоха. Все хватали вещи, свертывали палатки. Мама разволновалась.

— А виноград-то? — ахала она. — А бананы? Вот еще два пакетика... Еще три!

Люся помогала ей, как могла. Лева и Устрицын задыхались от страха и восторга! Тайфун! Настоящий! Тайфунице! Идет!

Как ни спешно делалось все это, однако последние тюки еще поднимались по лесенке в кабину дирижабля, когда звезды вдруг исчезли на половине неба. Сразу стало темно и жутко. Сделалось трудно дышать. Потом издалека с юга донеслось что-то вроде отдаленного гула бешено несущегося поезда. Этот гул становился все сильнее и сильнее. Он перешел в тяжелый грохот, в ни на минуту не прекращающийся раскат оружейной пальбы. Первые струи ветра зашелестели в ветках деревьев и улеглись. Дирижабль, отделяясь от земли, медленно поднимался над лесом. Ребята внутри кабины прижались носами к темному окну.

Командир быстро захлопнул дверь и пошел в рубку.

— Да, мама, да! — резко ответил он на какой-то вопрос. — Да... Если только он выдержит первую минуту...

Он не успел договорить этих слов, как ужасающий, нестерпимый блеск залил все внутри кабинки. Удар грома, такой удар, какого никто из членов КУПИПа, кроме профессора Бабера, наверняка не слышал никогда, заставил отшатнуться от окна даже смелого Устрицына...

И все же дирижабль «Купип-01» выдержал-таки первый страшный напор тайфуна, одного из самых чудовищных ураганов юга. Такие тайфуны то и дело рождаются в тропическом поясе, над волнами океана, неведомо за какие достоинства названного «Тихим».

Командир дирижабля был прав. В первый миг, когда гигантский поток закрученного циклоном воздуха обрушился на купипское судно, опасность была чрезвычайно велика. Она, пожалуй, была не намного меньше той, которую испытали бы вы, сидя на дрезине в момент, когда на нее налетает несущийся по тем же рельсам со скоростью ста миль в час экспресс. Скорость тайфуна не ниже, а даже выше скорости наших поездов, кроме, разве, самых быстроходных. Сила удара несущейся воздушной стены не поддается описанию.

Но командир «Купипа» не только высказывал верные идеи. Он совершал также и верные действия. В те несколько секунд, которые оставались до критического момента, он успел поставить свой дирижабль кормовым оперением к ветру и дал полный газ моторам. Тайфун поэтому не просто налетел на неподвижно висящий в воздухе корабль, — он догнал его сзади и, перегнав, в следующий миг охватил его со всех стороны. Теперь пассажирам «Купипа-01» не угрожала прямая гибель.

Все же толчок первого шквала был поистине ужасен. Цельнометаллический дирижабль сразу удвоил, если не утроил свою скорость. Устрицын кубарем покатился по полу каюты маме под ноги; Люся вцепилась с криком в какую-то алюминиевую планку, а Бабер и Койкин вдруг, к общему ужасу, стали рядышком на четвереньки и, взбрыкивая ногами, мотая головами, помчались друг за другом по главному коридору к его корме, точно соревнующиеся по беговой дорожке пони. Что-то зазвенело, что-то покатилося. Мама ахнула.

Почти тотчас же воцарилась полная тишина. Даже моторы «Купипа-01» как будто остановились. Только голубовато-

зеленые молнии, ни на минуту не переставая, полыхали за окном, да за стенками гондолы гремел один бесконечный громовой раскат. Но ни толчка, ни ударов, ни качки больше уже не было.

— Бабер! — сейчас же встревоженно закричала мама. — Профессор Бабер! Койкин! Где вы? Куда вы понеслись? Идите назад! Почему так тихо? Что? Буря

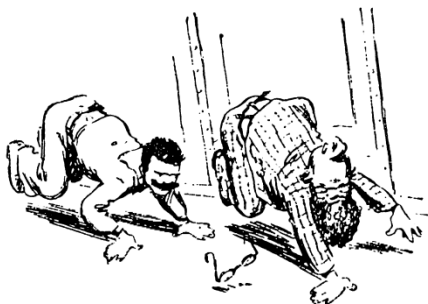
уже кончилась, что ли? Мы вылетели из нее?

— Отнюдь, дорогая гражданка мама, отнюдь, — послышалось из коридора. — Отнюдь! Ни в коем разе. Ничего подобного. Наоборот, мы в нее влетели. Койкин, я бы удержался, если бы ты меня не толкнул! Надо быть осторожнее...

— Ну вот, Баберище, — мгновенно взъерепенился капитан. — Опять я виноват! Да это наоборот, я за тобой вдогонку бросился. Я думал, ты бежишь к рулям, на корму...

— Зачем преувеличиваешь, Койкин? — ворчливо отозвался Бабер. — Или, если хочешь, для чего ты преуменьшаешь? Если ты бежал за мной, почему же ты бежал на четвереньках? Ты просто упал... раскатился... не удержался на ногах...

— Я? Я не удержался? Опять — двадцать пять! Койкин не удержался на ногах во время бури? Капитан Койкин? На этом несчастном пузыре? Да у нас на «Святом Фоме Кемпийском» мы вальс в такую погоду на палубе танцевали! Просто я увидел, как ты куда-то шмыгнул собачкой. Ну я и решил, что так и надо. Думаю, а может быть — это самый научный способ? Стал тоже на все четыре и побежал за тобой.

Маме, однако, надоели эти пререкания.

— Довольно спорить, капитан! — строго сказала она. — Прикуси язычок!

— Есть прикусить язычок, товарищ заместитель председателя! — четко ответил старый служака. — Что прикажешь, уважаемая товарищ мамочка?

— Я спрашиваю, прекратилась буря или нет? Детей можно спать укладывать? Что, они до утра сидеть будут? И ничего смешного тут нет.

Профессор Бабер в этот миг показался в салоне. Он шел, потирая бока и прочищая тряпочкой одну за другой все три пары очков. Войдя в кают-компанию, он сел на стул прямо под барометром.

— Неслыханно! — сказал он. — Давление 700 миллиметров. Нам необычно, удивительно, чрезмерно повезло! Тайфун исключительной силы! Что вы, досточтимая мама! Он, конечно, не прекратился. Разумеется, нет. Склонен думать — он усиливается. Полагаю, скорость наша сейчас равна примерно двумстам километрам в час. Это — редкая удача. Великолепный удел! Восхитительный жребий!

Мама, сделавшаяся на борту «Купипа-01» уже неплохим навигатором, подбежала к настенному указателю скорости. Тотчас лицо ее выразило крайнее недоумение: стрелка прибора стояла на минус 60 километров.

— Бабер! — закричала мама в испуге. — Что это? Мы задним ходом летим? Почему? Куда?

Но Бабер уже разглаживал свою несколько всклокоченную в предыдущей суматохе бороду.

— Ничего подобного, дорогая мама! — совсем спокойно сказал он. — Ничего даже приблизительно похожего! Тоже — как раз наоборот! Я утверждаю, что мы несемся вперед, и притом с огромной быстротой. Несемся вперед, разумеется, относительно земли, превосходная наша мама! Это не значит, что относительно некоторых, особо быстрых струй воздуха, тех, которые обгоняют нас, мы не движемся назад. Да, да, не значит. Вполне возможно, что это именно так...

— Относительно земли! Относительно воздуха! Относительно воды! — рассвирепела мама. — Вы мне скажите прямо, профессор, относительно самих-то себя мы что делаем?

— Относительно самих себя, совершенно почтенная наша мама, — с полной невозмутимостью отвечал профессор Бабер, забрав в кулак свою бороду и покусывая ее кончик, — относительно самих себя мы, несомненно, пребываем в полнейшей неподвижности. Заметьте, дорогая мама, что я отвечаю на ваш несколько ненаучно поставленный вопрос только по дружбе к вам. Да, только по дружбе.

Мама открыла рот, чтобы продолжить спор, но вдруг остановилась.

— В неподвижности? — радостно переспросила она. — Значит, ребят можно спать укладывать?

— Можно, дорогая мама. Можно! Допустимо! Вполне мыслимо! Законам физики, механики и метеорологии это отнюдь не противоречит. Пусть члены КУПИПа идут спать!

Прошло пять минут. Все члены КУПИПа, заняв горизонтальное положение на дирижабельных койках, но продолжая передвигаться в пространстве с несколькими различными скоростями сразу (смотря по тому, относительно чего эти скорости определялись), сопели и храпели, как говорится в художественной литературе, во все носовые завертки.

* * *

Через два часа начало светать. Потом наступил день. Он был мрачным, облачным и туманным. Профессор Бабер, расстегнув воротник своего костюма, дремал в кресле. Ребята спали в каютах. Мама и капитан Койкин не спали. Их интересовал важный вопрос: куда летит дирижабль? Что он летел, и очень быстро, в этом не было больше никаких сомнений: островки, рифы, какие-то суденышки так и мелькали под ним в прорывах облаков. Но вот куда он летел, оставалось неясным.

Койкин неистово метался от карты к окну, от окна к карте. Он озадаченно вглядывался в косматые, неимоверной величины хребты волн, бушевавших под ними.

— Вот заметить, мама! — многозначительно говорил он. — Вот суди сама, легко ли моряком быть? Легко ли по такому морю плавать? А ты еще говоришь?!

— Да брось ты, Койкин, — с сомнением отвечала мама, — ведь ты не по этому океану плавал!

— Вот именно, мамочка, не по этому плавал. Это какой океан? Тьфу! — вот что это за океан. Его недаром и называют-то «Тихим». Я по другим морям плавал. Меня в других водах держали. Вон, возьми для примера Ладожское озеро. Уж его, брат мама, никто «тихим» не назовет. Ни-ни! Ничего подобного. А я по нему плавал! Стой, мама! Смотри — солнце! Солнце по носу! Времени-то сейчас сколько? Ого, уже полдень. В полдень — солнце по носу судна. Значит, мама, летим мы с тобой прямо на юг. Прямо на южный полюс! Ну вот, так я и знал...

То, что маме и Койкину удалось произвести столь удачное наблюдение, было, конечно, простой случайностью. Почти тотчас же дирижабль снова окутали облака, стало опять темно, и земля надолго исчезла из глаз путешественников. Возможно, что в командирской рубке производились в это время какие-либо другие наблюдения, были получены иные результаты, но членам КУПИПа это осталось неизвестным. Вот почему в своих дальнейших домыслах относительно местонахождения дирижабля они основывались только на этом самом койкинском расчете. Поэтому, когда хитроумные и достопочтенные члены КУПИПа проснулись, они узнали только одно: дирижабль, увлекаемый тайфуном, неся опять-таки в неизвестном, но, в общем, в южном направлении.

* * *

Только по возвращении экспедиции КУПИПа в Ленинград и после опубликования подробных путевых записок, ведомых главным образом пером Николая Андреевича Устрицына, станет известным, что происходило на дирижабле, пока его уносил с островов Устрицына сверхмощный циклон 1–5 января 1938 года. Пока мы должны основываться только на отрывочных сведениях, переданных нам отважными путешественниками по радио.

Вот почему мы сейчас не можем ничего рассказать о том, как ветром поломало вертикальный руль цельноалюминиевого судна и как мама с Люсей, на двухкилометровой высоте, добравшись по стабилизатору до этого руля, обшили его временным чехлом из брезентовых палаток. Мама шила прямым стежком, а Люся через край. Капитану Койкину они по вере-

вочке передавали иголки для вдевания ниток, и все вышло хорошо.

Вот почему мы умолчим пока и о замечательном подвиге Левы Гельман. Когда на дирижабле кончилась пресная вода, а опуститься для пополнения ее запасов он не мог из-за сильного ветра, экипаж «Купипа-01» спустил Леву на двухсотметровом канате вниз с ведерком, и, стремительно пролетая вдоль неизвестной реки в неведомой стране, Лева набрал два брезентовых ведерка великолепной чистой воды чуть-чуть желтоватого цвета.

У нас нет данных, чтобы рассказать подробно об этом и о многом другом, еще более удивительном. Вот почему мы должны обратиться сразу к утру пятого дня.

Утром пятого дня, как только ребята встали, почистили зубы, умылись, сделали утреннюю зарядку и собирались пить какао, — дирижабль «Купип-01» вышел из облаков.

Все бросились к окнам. Внизу уносилась назад неведомая страна, лесистая, гористая, изобилующая реками и озерами.

— Летим над умеренным климатом! — сказал проницательный Койкин. — Придется одеться потеплей!

— А ты что же, капитанская твоя душа, сейчас только заметил, что стало прохладно? Хорош! Вон я ребят уже со вчерашнего утра одела. Устрицын, ненаглядный ребенок, застыл вчера как сосулечка! — нежно сказала мама.

Койкин напялил на себя свой добротный старый бушлат и, решительно подойдя к окну, взялся за ручку, чтобы открыть раму.

— Койкин, Койкин! — взвизгнула мама. — Ты что? С ума сошел? Ведь там же ураган! Буря! Циклон! Тайфун! Дети простудятся! Профессор! Профессор! Не позволяйте ему!

Но было уже поздно. Мощная койкинская рука настезь распахнула широкое окошко дирижабля. Ни малейшего дуновенья не донеслось оттуда. Мама с ужасом осторожно высунулась за раму. Абсолютная, недвижимая тишина поразила ее.

— Бабер! Профессор! Никакого циклона нет! Полная тишь! Смотрите сами. Не шелохнет. Можно спускаться.

Но профессор многих наук В. О. Бабер, подойдя к окну, покачал головой.

— Вы все еще глубоко ошибаетесь, дорогая мама. Вы страшно, вы роковым образом ошибаетесь. Нас по-прежнему несет сильный ветер. Обратите внимание: моторы почти не работают, а страна под нами так и течет, так и течет к корме корабля... Мы неподвижны относительно воздуха! Позвольте! Погодите!.. — вдруг спохватился он и вцепился пальцами в раму окна. — Что такое? Койкин! Устрицын! Лева! Что за странность! Что это за местность? Куда нас принесло? Койкин! Передай командиру «Купипа-01» приказ — держаться как можно ближе к земле... Идти... как это у них называется?.. Ах, да, стригущим полетом! Необходимо узнать, что это за земля? По-видимому, мы прибываем в какую-то богатую и изобильную страну.

Койкин кинулся выполнить приказ, а все члены КУПИПа повисли в ряд на оконном бортике дирижабля. Почти тотчас же гондола дирижабля огласилась восторженными возгласами.

— Дядя Бабер! Дядя Бабер! — визжал Устрицын. — Смотри! Смотри!.. Вон озеро, озеро-то! Все просверлено какими-то дырками... весь лед... Вон озеро, а на озере остров, а на ост-

рове еще озеро, а на озере
опять остров. Разве так
бывает? И какие-то дя-
деньки что-то такое из
него таскают... Вот
еще!.. Еще!..

— Да, да, Устрицын!
Ты прав... — ответил
профессор, прижимая к
глазам окуляры призма-
тического морского би-
нокля. — Ты прав! Это
замечательно! Рыбные
ловли! Богатейшие рыб-
ные ловли!

— Профессор! Про-
фессор! — в тот же миг
закричала мама. — Смот-
рите, на берегу какие
здания! Это скотные дво-
ры! Вот так дворы!
Сколько же тут скота?
Ай-ай-ай! Ой-ой-ой! Уй-
уй-уй!

— Где, где, мама?
Где? Да! Вы правы! Вы
правы, достопочтенная
товарищ мама. Здесь, по-

видимому, грандиозно и скотоводство.

— Лоси! Лоси! — вопил вне себя Лева Гельман. — Смот-
рите, сколько лосей! Они едят возле каких-то кормушек!

— Где лоси? — загремел, появляясь в каюте, капитан Кой-
кин. — Батюшки! Бабер! Вели спускаться. Что за местность?
Куда мы приехали? Это же рай для охотников. Целое охотни-
чье хозяйство. Вон лисьи следы! Вижу лисьи следы справа по
носу! Тетерки полетели! Охотник идет, стреляет! Бабер! При-
казывай причаливать!..

Прошло пять, десять, двадцать минут полета, а неведомая
страна развертывала под гондолой дирижабля «Купип-01»
свои все новые и новые богатства. Местами на десятки и сотни

километров тянулись необозримые леса. Широкие дороги были проложены по ним. Покрытые глубоким снегом, они спускались к берегам рек, а возле этих берегов громоздились бесконечные штабели досок, кражей, бревен, окоренных гладеньких чурбанчиков. Казалось, тут заготовлено дров и дерева на весь мир, и Бабер, прижимая бинокль к слезящимся от напряженного взглядывания глазам, шептал:

— Нет, нет, эта страна живет лесным хозяйством! Какое богатство! Какое неисчислимое богатство...

Потом перед глазами путников вдруг возникли горные уступы, изрытые щелями рудников, шахты с нагроможденными возле них грудами угля, другие шахты, от которых разбегались во все стороны узкоколейные дорожки, и вагонетки везли во все стороны тускло сияющие слитки какого-то белого, похожего на серебро вещества.

— Алюминий! — шептал Бабер. — Редкие металлы! Фарфоровая глина! Электростанции на реках! Каменный уголь! Что за страна! Что за удивительная, неслыханно богатая промышленная страна!.. Товарищи члены КУПИПа! Я в восторге!

Дирижабль опустил нос и плавно пошел на снижение. Прекрасные лесистые дали разворачивались под ним, такие широкие, такие мягко изрытые речными и озерными долинами, такие суровые и великолепные, каких члены КУПИПа не видели нигде — ни возле северного полюса, ни на знойном архипелаге Устрицына. Мама как прижала носовой платок ко рту, так и стояла недвижимо, не в силах оторваться от восхитительной картины. Капитан Койкин рычал, как лев: на огромном пространстве замерзшего озера он усмотрел у берега целую эскадру новеньких белых теплоходов.

Из озера этого вытекала река. И вот на одной из ее излучин Устрицын заметил ряд маленьких, аккуратных построек. Белые, с красными черепичатыми крышами, они стояли у самого берега. Возле них, вдоль забора, неторопливо прогуливался часовой с винтовкой, а на другой стороне реки возвышался другой домик — серый, с зеленой, тоже черепичной крышей. За ним, уходя из глаз, тянулось до горизонта огромное, заваленное снегом болото.

— Дядя Бабер! — взвизгнул Устрицын. — А тут что добывают?

Мгновенно, по приказу профессора Бабера, дирижабль «Купип-01» развернулся на 180° и, с некоторым трудом выгребая против ветра, повис неподвижно над таинственными домиками. Часовой, подняв лицо кверху, любопытно смотрел снизу на застывший в сотне метров над ним воздушный корабль. В моторы были включены глушители купипской системы. Шум моторов утих. Привели в действие усовершенствованный электромегафон и электрическое ухо профессора Бабера.

— Я спрошу, я! — топал ногами капитан Койкин. — У кого голос-то? У меня! Я и без мегафона крикну — услышат.

И действительно, когда, став у приемника, он гаркнул всю мощь своих капитанских легких на четырех наиболее распространенных языках мира одну и ту же фразу:

— Что здесь добы-ва-а-ю-у-у-т? — отголоски ее, подобно грому, раскатились надо всей страной. Часовой подумал, поднял голову, приставил руки рупором к губам... В следующий миг точно молния ударила в гондоле дирижабля «Купип-01».

— Perlen! Les perles! Pearrls! Же-ем-чуг! — ясно донеслось снизу тоже на всех самых распространенных мировых языках.

— Жемчуг? — подскочил на полметра вверх профессор Бабер. — Жемчуг? Здесь? Быть не может. А на том берегу что?

— Эй! Там, на земле-е! А на том берегу что-о? — снова грянул на тех же языках Койкин.

И, секунду спустя, снизу прилетел спокойный четырехязычный ответ:

— На том берегу? Он-даа-ат-ру!

«Купип-01» спешно шел на посадку. Общее ликование царило в его гондоле, но профессор Бабер метался по ней, как тигр по клетке.

— Жемчуг и ондатры? Жемчуг и ондатры! — вскрикивал он, то снимая, то надевая очки. Не может быть... Где же это бывает? Что же это за страна? Что за удивительная, сказочная страна? Дайте мне секстан и хронометр. Необходимо определить нашу широту и долготу. Удивительно! Неслыханно! Потрясающе! Неправдоподобно! Жемчуг же — в тропиках! Ондатры — в Канаде... Ничего не понимаю! Решительно ничего! Па дю ту! Нихтс!

Наконец якорный канат, сброшенный с дирижабля, подхватили на земле. Воздушное судно остановилось. В тот же

миг члены КУПИПа грянули дорогой их сердцам Купипский гимн:

*Есть на свете страна,
Всех прекрасней она,
Все земные в ней скрыты сокровища.
У речных берегов
Много там жемчугов;
Там ондатры бесчисленны ловища.
Рикки-тикки-тикки-тикки,
Рикки-тикки-тикки-чк!
За такую страну
Мы взлетим на луну,
Мы до Марса пойдем экспедицией.
Встанем все за нее,
Будем жить для нее,
Чтобы вечно по праву гордиться ей!
Рикки-тикки-тикки-тикки,
Рикки-тикки-тикки-чк!*

Глава V.

Возвращение

Веселое оживление с утра царило на улицах Ленинграда. Люди останавливались на углах, скоплялись у громкоговорителей, размахивали руками, кричали.

— Прилетели! — слышалось повсюду. — Как же! Только я вышел из дому — слышу: шум. Поднял голову, — батюшки, совсем низко летит. И надпись видна: «Купип-01». Такой серебристый... Этакий цельноалюминиевый...

Действительно, в два часа дня экспедиция профессора Бабера вернулась в Ленинград, следуя тем же маршрутом, по какому она отбыла в свой дальний путь много дней назад. Дирижабль миновал Витебский вокзал и вдоль Цветочной улицы направился к своему Купипскому аэродрому. Еще час — и множество мам и пап уже выходили из себя при виде Люси Тузовой, Левы Гельмана и Николая Андреевича Устрицына, которые под громовые приветствия следовали между рядами публики в Главный зал КУПИПа.

Купипские лестницы, коридоры, вестибюли ломились от множества скопившихся в них членов знаменитого ученого общества. Телеграфисты то и дело врывались в здание с приветственными телеграммами-молниями. «От Паганелевского географического общества, Париж! — возглашали секретари. — От астрономической ассоциации имени Пальмирена, Розетта! От Арчер-Гордон-Пим-клуба, Вашингтон!»

На площадках лестниц, на эстраде зала там и здесь возвышались изящные клетки; в них кувыркались обезьяны, порхали и щебетали яркие птицы, вывезенные с островов Н. А. Устрицына. Несколько аквариумов поблескивали, мерцали, светились радугой в углах; странные рыбы с длинными хвостами, с разноцветными плавниками, с жабрами, покрытыми узором причудливых шипов, резвились в их прозрачной воде. Но самый главный аквариум и самая главная клетка стояли на столе посреди эстрады. На дне аквариума недвижно, изредка выпуская маленькие серебристые пузырьки воздуха, лежало с полдюжины жемчужных раковин, добытых в одной из рек лучшей в мире страны — Страны Великих Сокровищ.

Внутри высокой и длинной клетки то хлопотливо шныряли по ее дну, то, вставая на задние лапки, нюхали воздух, то, сидя на корточках, грызли какие-то корешки и стебли два пушистых серовато-коричневых зверька. Это были ондатры. Ондатры, пойманные на берегу той же самой реки. В той же самой стране.

Но далеко не все желающие смогли проникнуть внутрь купипского помещения и занять там места. У стен здания на улице собралась большая толпа, имевшая вид отчасти хитроумный, частично же достопочтенный. То и дело сюда подлетали двух- и трехколесные велосипеды самых последних марок, подвозя все новых и новых членов КУПИПа. Бесконечная вереница мощных роллеров неудобообтекаемой формы тянулась вдоль фасада и скрывалась далеко за углом. А внутри здания в огромном и высоком белом зале заканчивался увлекательный, неправдоподобный доклад профессора Бабера.

— Уважаемые ребята! — говорил Бабер, благожелательно двигая своей только что подстриженной и свеженадушенной бородой. — Глубокоуважаемые ребята! Досточтимые члены КУПИПа! С доверенной моему руководству экспедицией произошла поразительная вещь. Вещь — странная. Вещь, я бы сказал, труднообъяснимая. Позвольте в двух словах остановиться на этом выдающемся факте.

«Много времени назад — вы все это помните (дорогой товарищ Устрицын, ты записываешь мои слова?) — во второй половине прошлого лета трое ребят из числа самых хитроумных и максимально достопочтенных нашли плавающую в воде бутылку. Дело было в Усть-Луге, на запад от Ленинграда, при впадении реки Луги в Финский залив. Уважаемые исследователи, обратившиеся со своей находкой ко мне, не помнили точно дня, когда это случилось. Но я установил этот день, так как они заметили, что тень Николая Андреевича ровно в полдень равнялась ровно длине предмета...

(— Ровно равнялась ровной равнине! Ух-ты! — пробормотал Койкин, сидевший за столом президиума.)

«Да! Так! Совершенно точно. Абсолютно правильно! Но такой случай бывает на широте Ленинграда лишь дважды в году: первого мая и пятнадцатого августа. Только в эти дни солнце стоит на 45° над горизонтом. Значит, это было либо 1

мая, либо 15 августа. Раз это случилось не 1 мая, — значит, это произошло 15 августа...»

Потрясенная простотою и ясностью чисто научного довода, аудитория робко молчала.

— Итак, дорогие почтенные и любознательные товарищи-ребята! — продолжал профессор Бабер, поглаживая бороду и снимая первую пару очков, — оставалось разгадать содержание документа...

— А это сделал я! — рявкнул Койкин, вскакивая со своего места. — Я! Мы на «Святом Ереме Кемпийском» и не такие еще бумаги разгадывали...

— Успокойся, добрый капитан... Да, это сделал он. (Раздались шумные аплодисменты.) Он провел эту работу отлично. По его блестящей догадке следовало, что в некотором пункте земного шара нашими учеными обнаружено неопишное сокровище: полкилограмма радия. Полкилограмма! Пятьсот граммов! Потрясающе! Неимоверно! Упоительно! Судя по тому, однако, что о сокровище сообщалось во вложенной в бутылку записке, стало очевидным: исследователи потерпели бедствие. Мы решили тотчас же, немедленно плыть им на выручку. Лететь им на помощь. Ехать, чтобы оказать им содействие. Немедленно. Но — куда? Записка не определяла места...

Аудитория зашевелилась. Раздалось несколько возгласов, выражавших тревогу и нетерпение.

— Мы преодолели и эту трудность! — важно сказал профессор многих наук Владимир Оскарович Бабер. — Да, да, да! Именно так! Документ был поврежден. Но все же он давал некие указания. Во-первых, пункт «а», — в нем! упоминался жемчуг. Там говорилось: «Ведь в нашей области есть даже жемчуг». Жемчуг! Продукт, добываемый в тропических морях. Из створок раковин *Meleagrina* и других близких. Жемчуг! По-немецки — ди перлен. По-французски — лэ перль. По-английски — пирлс! Это — раз! Во-вторых, там было сказано: «В ее пределах живут мускусные крысы, или ондатры». Мускусные крысы! Ондатры! Типичный зверек Северной Америки! Странно! Спрашивается: где же расположена страна, в которой бок-о-бок существуют жемчуг и ондатры? Я просмотрел шестнадцать энциклопедий на двенадцати различных языках.

Капитан Койкин перечел все лоции и мореходные книги. Нигде — ничего. Среди известных стран такой страны не было. Да и быть не могло. Жемчуг и ондатры! Вода и камень! Лед и пламень! Как говорится, — немыслимо! Надо было искать страну новую, еще не описанную. Но где?

Профессор Бабер потянулся за водой и сделал минутную паузу, но Койкин, широко открыв глаза, стукнул кулаком по столу.

— Мы наплевали и на это! — нетерпеливо закричал он.

— Койкин, Койкин! — укоризненно сказал профессор. — Успокойся, капитан. Мама, накапайте ему немного валерьяны... Да, мы победили и это затруднение! В документе была одна замечательная подробность. Исключительно удачная подробность. Суший клад в руках научно мыслящего человека. Записка начиналась так: «Вчера, 21-го...» А внизу рядом с неразборчивой подписью стояло: «Завтра, 22-го...» Что это могло означать? Это могло означать лишь одно, глубокочтимые товарищи ребята... Это могло означать, что место, где спрятано сокровище, великий купипский радиевый клад, расположено *в пункте с перепутанным временем...*

В этот миг глухой шум донесся из-за плотно закрытых дверей зала. Кто-то рвался в них. Кого-то не пускали.

— Э-э-э... — произнес профессор, крайне недовольный тем, что его прервали. — Что там случилось? В чем дело? Почему мне мешают...

— Профессор... — ответило тотчас же несколько голосов. — Тут какой-то гражданин вас спрашивает, профессор... Говорит — очень важно!

Бабер на миг задумался.

— Гражданин? А он что — принадлежит к числу distinguished купипских ребят?

— Нет, нет, постарше! — ответили от двери.

— Гм... Может быть, тогда он чей-нибудь папа или мама?

— Нет, что Вы? Он помоложе...

— Ну, тогда — пусть подождет! — рассердился профессор, нервно поднимая на лоб все свои очки сразу. — Может подождать. Аттандр! Вартен!

— Итак, многоуважаемые ребята, я остановился на чем? На пунктах с перепутанным временем! Таких пунктов на земле —

три. Два полюса и линия смены дат. Знаменитый стовосьмидесятый антигриничский меридиан... Два из них мы посетили. Но вот тут-то и начинается самое поразительное. Там мы не нашли клада. Мы улетели далеко, но таинственная прекрасная страна сокровищ ускользала от нас. Мы нашли один из важных признаков — жемчуг. Мы обнаружили и вторую основную примету — перепутанное время. Но ондатр — ондатр нигде не было. Не было, естественно, и радия... Тогда...

— Тогда, — закричал кто-то в зале, — вам нужно было лететь на южный полюс! На девяносто южной широты!

— Вы правы, почтеннейший товарищ и несомненный член Купипа! — горячо вскричал Бабер. — Туда мы и намеревались лететь. Но, как вы знаете, нас подхватил ураган! Вихрь невероятной силы! Тайфун! Он увлек нас с собой...

— В неизвестном направлении... — испугавшись задним числом и бледнея, сказала мама, гладенько причесанная голова которой тоже виднелась за столом президиума.

— Ну и пёр же он нас, ребята! — с удовольствием подхватил Койкин. — Это — да-а!

— Ужасно! — согласился Бабер. — И все же наконец — вот тут я прошу особого внимания — наконец он принес нас в совершенно замечательное место. В изумительную страну. В настоящую, подлинную страну сокровищ. Здесь, в этом необычайно богатом, обильном, сказочном краю мы нашли вот эти жемчужные раковины. Здесь мы поймали и этих ондатр...

Уверенным жестом естественника профессор Бабер сунул руку в клетку и, вытащив оттуда за хвост одного из пушистых зверьков, потряс им над взволнованным собранием...

— Жемчуг и ондатры! — прогремел он торжественным, проникновенным голосом, продолжая, однако, держать ондатру за хвост. — Ондатры и жемчуг. Рядом. Вместе. Бок-о-бок!

«Я поступил в подготовительный класс гимназии в

1878 году. Ондатры тогда жили только в Канаде, жемчуг добывался преимущественно в тропиках. Я поступил в университет в 1887 году. Жемчуг попрежнему был на юге, ондатры — на севере. Я стал профессором в 1896 году, но между жемчугом и ондатрами все еще лежали тысячи километров пути. Я преподавал, путешествовал, исследовал... Годы шли... Шли десятки лет. Но, как и раньше, нигде в мире не было такой замечательной страны, которая одновременно бы давала приют и жемчугу и ондатрам. А вот теперь, в 1938 году, я попал в эту страну. Я, сам. Она появилась. Она есть... Что же произошло в мире?..»

Он еще не успел закончить своей речи, как в зале начался шум. Он продолжался бы долго, если бы капитан Койкин вдруг изо всей силы не засвистал в свою боцманскую дудку.

— Приказываю соблюдать приличие! — взревел он штормовым, десятибалльным ревом.

Мгновенно воцарилась тишина.

— Профессор Бабер!.. — донесся тогда из зала тоненький голос. — А где же лежит эта страна?..

— Эта страна, — горячо ответил Бабер, хватая со стола карту, разматывая ее и не глядя вешая на подставку, — эта страна — великолепная страна. Это — изумительная страна. Я утверждаю, что более богатых, более прекрасных, более счастливых, более любимых своим населением стран нет и не может быть на свете. Не может. Да, не может. Я сам убедился в этом. Вот она перед вами, карта этой страны. Но я, профессор Бабер, не понимаю многих вещей. Да, не понимаю. Одной, двух, трех... Да, трех! Может быть, даже пяти!

«Я не понимаю, почему, — если только в этой стране жили ондатры, — почему я не прочел про них ни в одной энциклопедии? А если они там не жили, так откуда же они взялись? Какая сила принесла их сюда, из дальних, очень дальних стран? Я спрашиваю: какая великая сила?

«Я не понимаю, почему мне до сих пор, с самого моего детства, не кричали, не говорили, не учили меня, что есть такая страна, такой неслыханно богатый край сокровищ?

«Наконец, я не понимаю и еще одного важного пункта. Причем в той записке было перепутанное время? При чем оно тут? Койкин, ты понимаешь это?..»

— Гм-м-м... Да как тебе сказать, Баберище?.. — уклончиво промычал капитан Койкин. — С одной стороны, как будто и нет...

— А с другой — понимаешь? Прекрасно! Во всяком случае, я — не способен этого объяснить себе. Профессор Бабер не знает этого. Значит, он не может больше быть председателем Купипа... Я наделал ошибок, я напутал... Я вынужден сложить с себя свои полномочия... Выбирайте другого!..

Атмосфера на торжественном собрании знаменитого общества вдруг стала трагической и мрачной. Снова поднялся шум. Мама, Устрицын, Люся, Лева с отчаянными жестами кричали что-то профессору. Но он, разведя руками бороду в обе стороны, грозно стоял на кафедре. Одна пара очков была поднята у него на лоб, другая спущена на нос. Полные стыда и негодования глаза гневно смотрели через третью.

Неизвестно, чем кончилась бы вся эта сцена. Но в этот жуткий момент от двери снова донесся гул голосов, какая-то приглушенная, сдавленная перебранка.

— Ну что еще там опять! — закричал, приподнимаясь, капитан Койкин.

— Да это опять тот гражданин... который ни мама, ни папа... Который хочет что-то важное сказать...

Койкин хотел рывкнуть еще свирепее, но Бабер остановил его.

— Важное? — переспросил он задумчиво и тихо... Ну что ж, сделайте ему щелку. Пусть он просунет в нее свою голову и скажет нам важное. Пусть.

Створки двери медленно распахнулись. В них показалась взъерошенная разгоряченная голова паренька лет семнадцати-восемнадцати. Он и сердился и смеялся сразу. Он что-то кричал.

— Что, что? Ничего не слышно. Нельзя ли потише! Что он говорит? — вслушиваясь, спросил Бабер.

— Он говорит, — передал распорядитель, — он говорит, что может ответить на все вопросы, которые Бабер не понимает.

Он говорит — тут ошибка. Говорит — это он писал записку в бутылке! Ее неверно прочитали...

Раздался грохот. И существенный грохот. Это капитан Койкин. Он имел давнюю дурную привычку качаться на стуле, воображая, что плывет в мертвую зыбь. От неожиданности он грохнулся теперь со стулом на спину. В тот же миг, однако, он вскочил, как встрепанный.

— Он... писал... записку?.. Вот этот, ничуть не уважаемый? Писал мою записку? Которую я расшифровал? Я, капитан Койкин?.. И я — сделал ошибку? Бабер!.. Прикажи мне, я его в два счета... ликвидирую!.. Устрицын, держи меня за хлястик, иначе я за себя не ручаюсь!..

Бабер тоже очень взволновался.

— Пойдите, погодите, товарищи!.. — засуетился он. — Погодите!.. Как же так? Пусть этот товарищ подойдет хоть немножко поближе... Что вы говорите, товарищ? Как так? Вы писали эту записку?

— Которую мы в бутылке нашли?... — взвизгнули Люся, Лева и Устрицын.

— В которой про жемчуг говорится? — всплеснула руками мама.

— Будьте добры, товарищи, — хлопотал Бабер. — Минуточку. Минуту внимания. Может быть, сейчас раскроется тайна. Великая тайна. Тайна нашей экспедиции. Тайна ошибок профессора Бабера...

Юноша, насколько позволило ему отчаянное переполнение зала, пробился вперед. Остановившись посередине прохода, он не без вызова поглядел на капитана и несколько смущенно — на профессора.

— Видите, молодой человек? По-турецки — бир йени адам? Видите? Перед вами здесь — КУПИП. Перед вами — самые хитроумные ребята Ленинграда... Обмануть вам их не удастся. Я призываю вас к серьезности и честности! Что вы скажете нам по поводу ваших полкило радия?

«Бир йени адам» виновато засмеялся.

— Да нет же, профессор Бабер... Там не было и речи о радии...

— Баберище, ты слышишь? — крикнул Койкин. — Там говорилось не про полкило радия. А про что, юный самозванец? Про что? Про фунт ячневой, что ли?

— Там же стояло: «полкило...» и все размыто, — пискнула Люся.

— Да, да... Потом: «ради...» и все размыто, — добавил Лева.

— Ребята, ну и что же из того, что все размыто? — вдруг, торопясь высказаться, закричал неведомый молодой человек. — Это же ничего не значит. Сейчас я вам все расскажу. Это мы с моим приятелем сделали. Мы построили в одном месте маленький радиопередатчик. В одной пещере, под землей. Мы изучаем, как радиоволны проходят сквозь землю. Мы по очереди туда приезжали. Один раз был дождь, я хотел оставить ему записку, побоялся сырости и сунул в бутылку. Наверное, ее снесло водой в речку, из речки в реку и донесло до вас. Но только там вовсе не говорилось про радиий и полкилограмма. Там говорилось: «радиостанция» и «полкиловатта...» Вот честное слово...

— Допустим, допустим, почтеннейший товарищ! — взволнованно, но строго сказал профессор Бабер, жестом умеряя койкинский пыл. — Пусть так. Но почему же вы писали там про жемчуг и ондатр? Киловатт! Радиостанция! Пускай! Но жемчуг и ондатры? Откуда? — И он проницательно посмотрел на юношу из-под двух очков.

— Профессор! — взмолился тот. — Да в нашей области, в той, где мы работали, там же есть и жемчуг и ондатры... Ведь это же наша область. Уверяю вас...

Лицо Бабера приняло при этом вдруг очень лукавый оттенок. Усами он хитро поднял вверх нос. Бороду выставил на добрый метр вперед, горизонтально.

— Отлично! Очень хорошо! Превосходно! Допустим, — сладко сказал он. — Ну, а время? Время-то как? Почему у вас в начале письма стоит 22-е, а в конце 21-е... Или что-то в этом роде. Почему это так?

Тут крайняя растерянность и конфуз изобразились на оживленном лице неизвестного. Он смешно выпучил глаза, высунул язык, почесал затылок.

— Вот хоть убейте меня, профессор, этого не могу вам объяснить... Просто, не знаю... Я думаю... Я даже уверен... Это я так... По рассеянности...

Он не договорил своих слов. Никакой львиный рык не может сравниться с теми звуками, которые вырвались в этот миг

из горла капитана Койкина. Он заревел так, что Люся Тузова, да и не она одна, задрожала мелкой дрожью.

— А-а-а! — рычал и скрежетал он зубами. — Ах, вот как! Так по твоей рассеянности мы на полюс летали! Это из-за твоей рассеянности Устрицын, бедный, — на что уж ненаглядный, по маминым словам, ребенок, — на парашюте вверх тормашками кидался? Нет, конечно, ко-он-че-но! Пустите меня! Дайте, я выну из него шпангоуты! Дайте, я сниму с него его бегучий такелаж! Дайте, я разберу его на отдельные мелкие детали! Устрицын, не держи меня! Это не поможет! Что? Что он говорит?

Шум, гам и грохот достигли небывалой силы и напряжения. Ничего не было слышно. Только кое-как до слуха сидящих на эстраде донесся один хитроумный голос:

— Дядя Койкин! А он говорит, что он тебя не боится!

Койкин снова засвистал в дудку.

— Почтеннейшие ребята! Уважаемые ребята! — зывал Бабер. — Успокойтесь! Один вопрос. Еще один вопрос к неизвестному товарищу. Последний вопрос. Скажите, товарищ, по какой же речной системе приплыла, по вашему мнению, эта бутылка к нам в Усть-Лугу? И как же зовут этот изумительный край, изображенный вот тут на карте? Эту сказочную, волшебную, неизмеримо богатую страну? Прекрасную страну?.. Страну соковищ?

Неизвестный молодой человек с удивлением взирал то на профессора Бабера, то на бушующих вокруг него купищев. Наконец, видимо, он решился.

— Профессор! Профессор! — закричал он. — Да ведь вы же эту карту вверх ногами повесили. Ну, наоборот! Переверните ее. Поглядите. Ведь это же — Ленинградская область.

В зале точно разорвалась бомба...

* * *

Да, это была карта Ленинградской области. Да, совершенно верно — та земля, над которой экспедиция Бабера, увлекаемая сильным ветром, пронеслась в последний день своего пути, — она была нашей, советской, Ленинградской землей. Советской была река, где созрел и рос в перламутровых створ-

ках пресноводный северный жемчуг. Советскими были болота и тундры по ее берегам, те самые, среди которых, на удивление стариков-биологов, живет и теперь и размножается ничуть не хуже, чем в Канаде, дорогая мускусная болотная крыса ондатра, вывезенная советскими людьми из Америки. Советскими, нашими, родными были пологие, выглаженные ледниками прошлого холмы, и вырытые ими же озера, и бесценная шуба дремучих лесов, и серебряные потоки, вращающие роторы недавно построенных турбин. Богатые стада молочного скота, неисчислимые штабеля дров и леса, угольные копи и залежи алюминиевой красной глины, воды, переполненные рыбой, и спящие под снегом плодородные поля, на которых родится лучший в мире лен, — все это было в истинной стране чудес, в стране сокровищ, в нашей родной стране. Только лежала эта страна не за тридевять земель, не на девяностом градусе широты, не на стовосьмидесятом от Гринича меридиане. Она лежала тут же, рядом, под рукой, и все же хитроумнейшие купипские путешественники не узнали ее. Как ни стыдно им было, как ни горько, они не только не узнали ее — они даже и не предполагали, что она существует так близко. Иначе зачем полетели бы они искать жемчуг и ондатр невесть куда, на самый край света? Даже профессор Бабер... Впрочем, трудно с уверенностью сказать, что думал в эти минуты профессор Бабер. Во всяком случае, опустив на нос одну пару своих очков, держа вторую в левой и третью в правой руке, он стоял на кафедре и внимательно рассматривал очертания карты. Под его толстой, профессорской бородой играла тонкая академическая улыбка.

Зато Койкин — Койкин был буквально убит.

— Вот те и на! — растерянно твердил он. — Баберище, что же это такое? Да ведь нас теперь октябрюта засмеют... Так сказать, находясь в докупипском возрасте... Бабер, прикажи считать, что это все вранье! Неужели мы зря летали? Неужели мы так и не нашли страны сокровищ-то...

Бабер думал. Потом, не торопясь, он повернулся к залу.

— А я склонен думать, — промолвил он, тщательно старым баберовским жестом разглаживая бороду, — а я, уважаемые товарищи ребята, склонен думать, что мы летали не зря. Вовсе не зря. Отнюдь! Мы не только нашли Страну Сокровищ,

страну неисчерпаемых богатств, — мы нашли ее там, где искать порою не приходит и в голову, — у себя дома. О! Да, да! Как же! Теперь-то я знаю, почему я, профессор Бабер, ошибся, ломал себе голову над тем, где могут жемчуг и ондатры встретиться вместе. Это случилось потому, что я неверно думал. Я думал — в мире действуют, меняя его лицо, только все те же старые, неизменные, вечные стихийные силы. Я не учел самой новой из этих сил — той, которая сложилась, окрепла, выросла у нас на глазах. Она меняет нашу родину не меньше, чем ветер и вода, не менее плодотворно, чем солнце. Эта новая сила — большевистский разум, дружная воля всего нашего великого народа. Мы с вами летали долго и много. Но мы прилетели, в конце концов, в самое замечательное место мира — в Советский Союз. Не знаю, как вам, но мне кажется — мы летали не зря. Мы поняли теперь, как плохо мы знаем свою родину, как тщательно, как неустанно должны мы ее изучать... Нет, Койкин, мы не зря летали...

Койкин сидел, согнувшись, на стуле, уронив голову чуть ли не до колен. Но тут он сразу выпрямился.

— Не зря? — тотчас же громовым голосом громыхнул он. — Бабер! Верно? Не зря? Так и прекрасно! Так и великолепно! Вот, клянусь портом, пароходом и палубой! Здорово!.. А где же этот головорез? Тот, который нас так запутал? Дайте мне его сюда! Устрицын, да не держись ты за меня! Что вцепился-то? Дайте мне его сюда, — я его обниму и расцелую. Что? Что он там бормочет?

— Дядя Койкин! — сейчас же ответило из зала несколько человек. — Он не идет. Говорит — он тебя боится!

— Хо-хо-хо-хо! Ха-ха-ха-ха! — разразился жизнерадостный моряк. — Вот так чудак: когда я его испепелить хотел — он не боялся, а когда его целовать собираются — боится! Ну и оригинал! Ну, шут с ним! Ладно, Бабер. Кончай заседание. Скоро лето. Наверное, опять куда-нибудь полетим. Собираться надо.

Е. Л. КОБУС

ЗАПАД В ОГНЕ

Фантастический очерк

*Журнал «Техника-смене», 1940 г., №№ 1-3
Художник не указан.*

Инженер Е. Л. КОБУС

(ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

ФОРТ № 6

29 июля 1914 г. в 15 часов ухнула первая австрийская пушка, направленная на Белград, а утром 1 августа проснувшееся солнце встретило уже несколько тысяч рычащих на все лады орудий. Лавины вооруженных до зубов людей хлынули через шесть фронтов в разных концах Европы. Каждая лавина имела единственную цель: одним порывом дойти до столицы противника и, поставив его на колени, принудить к сдаче.

Идея маневренной войны так прочно владела умами, что французская армия, например, почти вовсе не имела осадной и гаубичной артиллерии, будучи уверенной, что полевая, подвижная, дальнобойная пушка разрешит все стратегические проблемы.

Ведь невозможно учесть всю совокупность политических, экономических и военных факторов, могущих повлиять на ход развивающейся войны.

Отсюда понятны мечты и стремления каждого генерального штаба — начать войну внезапно, и разрешить ее до того, как эти непредвиденные факторы изменят положение.

Особенную решительность и последовательность в проведении идеи короткой маневренной войны проявила Германия.

Злой гений немецкого народа, император Вильгельм II, самоуверенно заявил: «Мы позавтракаем в Аахене, пообедаем в Париже, а ужинать будем в Бордо».

И, действительно, осуществляя пресловутый план Шлиффена, германская армия сквозь Бельгию стремительно ринулась на Париж. Один из немецких полков за 27 суток прошел 650 км, побывав за это время в 10 боях.

Такой же стремительный, хотя и неподготовленный натиск проделала на восточном фронте русская армия. Разбив австрийцев, русские захватили всю Галицию и ее столицу Львов,

а на германском фронте подходили к Кенигсбергу, угрожая всей Восточной Пруссии...

Стремясь овладеть темпом за всякую цену, армии безжалостно жертвовали людьми, совершали совершенно очевидные ошибки.

«Опрометчивые, зачастую бессвязные атаки, — говорит военный французский специалист Люка, — слишком густые боевые построения, недостаточная поддержка пехоты артиллерией, неумение пользоваться лопатой и общая нелюбовь к полевым фортификационным работам...» — вот основные ошибки, за которые кровью и костями рассчитались безымянные русские, французы, немцы, австрийцы, итальянцы...

Принужденная снять с западного фронта несколько корпусов и перебросить их против русских на Восток, германская армия проигрывает в сентябре сражение на Марне и останавливается лицом к лицу перед фактом затяжной позиционной войны.

Кадровая пехота выбита, снарядов не хватает, и решительные действия упираются в проволочные заграждения и бетонированные укрепления.

К концу 1914 г., всего через несколько месяцев после начала столь, казалось бы, быстро начавшихся на западном фронте операций, линия фронта остановилась, и без существенных изменений держалась так почти 3 года.

Началась изнуряющая, затяжная, позиционная война, так хорошо известная по монотонным донесениям: «На западе без перемен».

Но это лишь внешнее, кажущееся спокойствие. Отчаянно, ожесточенно две гигантские армии пытаются, если не опрокинуть, то хотя бы изнурить друг друга.

Марши, атаки густыми цепями перестают себя оправдывать.

Зарыться в землю, в спасительную землю, укрыться от губительного огня, от зоркого, всевидящего глаза снайпера!

Лопата становится равноценной винтовке. Бегущий солдат падает на землю, окапывается для стрельбы лежа, потом вкапывается все глубже в землю: вот он может уже стоять; затем прокапывает щель к товарищу, затем стрелковое отделение ямки превращается в окоп, окоп — в траншею.

Всю ночь работают саперы с бойцами, и на утро, на пустом поле вырастает из-под земли (вернее, врастает в землю) неприступная крепость.

Завтра ураганный огонь неприятеля будет страшными пастьями воронок покрывать поле, но к приему этих гостей уже готовы. Под толстым слоем земли и земляных мешков лежат внизу убежища, блиндажи, командирские и штабные помещения, даже переходы укрыты и замаскированы. Поле впереди окопов опутывается колючей проволокой. Иногда через проволоку пропускается сильный ток, острыми вверх концами вкапывают в землю рельсы против танков; устанавливаются огневые точки, маскируются батареи и лавина огня, вырываясь из под мирной земли, обрушивается на врага тоннами свинца и стали.

Можно ли прорвать сейчас эту линию укреплений?..

Французское командование решает сделать прорыв оборонительной линии к северу от Реймса, на реке Эп.

Прорыв намечен на небольшом участке в 40 км, но участок этот состоит из нескольких линий окопов с бетонированными блиндажами, с мощными батареями, с двенадцатью рядами колючей проволоки.

Удачный прорыв перейдет во всеобщее наступление. Патристическим угаром все французские газеты пытаются поднять настроение усталых солдат. Все говорят о наступлении. Вся промышленность работает для фронта.

500 поездов свозят со всей Франции 6000000 снарядов; 6000 орудий (из которых 2000 тяжелых) подвозятся к фронту.

Затем 2 дня пристреливается по неприятелю французская артиллерия, и затем, применяя массированный артиллерийский огонь на узком участке, 9 дней и 9 ночей артиллерия выливает сталь и огонь на неприятеля.

На каждый метр фронта упало 150 снарядов. И на десятый день через это море воронок и насквозь пропаханной земли пошла полумиллионная армия с музыкой полковых оркестров, с развернутыми знаменами, как на парад.

И вдруг проснулось мертвое, развороченное поле. Губительные пулеметные очереди застрочили по французским рядам, шрапнель десятками вырывала людей из колонн. Французы дрогнули, залегли и, теряя сотни людей, повернули назад. Наступление сорвалось.

Разгадка провала французской затеи быстро вскрылась: хотя без артиллерийской подготовки прорвать современные укрепления (даже полевые), нельзя, но несоблюдение тайны подготовки и длительная пристрелка вскрыла намерения англо-французов.

Атака без внезапности обречена на неудачу. Немцы закопались еще глубже в землю, отвели часть войск за линию огня, а после обстрела вернули их по подземным переходам с легкой артиллерией и пулеметами, и достойно встретили незваных гостей.

Почти год прошел после сражений на реке Эп. Еще больше истощились и изнервничались обе армии, но французские войска пополнились сильными английскими и американскими частями; на французском фронте уже боролись и побеждали танки.

Новый прорыв французы наметили в Шампани, юго-восточнее Реймса.

Теперь уже никто о готовящемся наступлении не знал. На короткую 25-тикилометровую полосу фронта приехала группа штабных офицеров и артиллерийских специалистов.

Они тщательно, в бинокли и в стереоскопы изучили позицию германцев, они нанесли на планшеты все интересные точки противника, а на своей земле поставили в разных точках деревянные колышки и на каждом колышке нанесли номерок.

Затем группа эта уехала.

А в далеком тылу закипела работа.

На пустынном артиллерийском полигоне Сен-Жан-Сюр-Моавр была восстановлена позиция в Шампани, точно высчитаны для орудий поправки на износ каналов, на потери начальной скорости, тщательно рассортированы по весу снаряды. Даже небольшое отклонение от нормы веса заставляло класть снаряд не в ту, а в другую группу. Все таблицы стрельб были заранее вычислены.

И к 26 сентября, двигаясь лишь по ночам, небольшими группами, со всего фронта свозилась артиллерия и снаряды. Каждое орудие стало на свой номер места у колышка.

2600 орудий притаились на расстоянии в 25 километрах. В пристрелке они уже не нуждались, и вдруг в ночь на 26-е сентября заговорили сразу и сразу ударили каждое по своей цели. За 6 $\frac{1}{2}$ часов, вплоть до рассвета, на линии германских окопов, на блиндажи и на батареи обрушилось 1.675.000 снарядов.

В первую минуту никто на германской территории ничего не мог понять. Все трещало, ломалось, гудело, страшные взрывы сотрясали землю. В воздух взлетали разбитые в щепки вековые деревья, ядовитый газ пополз по земле, заполняя в окопы. В ночной тьме взрывы ярко вспыхивали и тухли, взметая горы обломков и трупов.

На рассвете канонада на мгновение замолкла, и послышался далекий, но быстро приближающийся рев. 350 танков мчались на германские позиции. За танками, в 1000 шагах бежала пехота.

Снова началась канонада, но разрывы снарядов перешли уже на вторую линию окопов, огненным валом идя впереди танков, а танки уже шли по разбитым физически и морально передовым линиям окопов.

Так на 11 километров вглубь был прорван германский фронт в Шампани.

Это было началом конца империалистической войны.

Больше истощенная германская армия уже не знала побед. Германия сдалась, и война окончилась. Начался «мирный, созидательный» период.

Хорошо оценившая положение Франция решила временно застраховать свои границы от возможных нападений.

Отдельные крепости, оторванные от сплошных укрепленных линий, не оправдали себя. Армии вторгаются в промежутки между крепостями, оставляя их в своем тылу. Маневренная война окончательно доказала свою несовременность и несостоятельность.

И вот, вдоль всей границы Франции протягивается сплошная укрепленная полоса, равномерно насыщенная техникой.

По имени военного министра Франции, руководившего работами, полоса эта, обошедшаяся в 7 миллиардов франков, была названа «линией Мажино».

Немного сведений об этой линии просочилось в печать, но, все же, мы можем сейчас представить себе эту цепь заграждений, по мнению ее устроителя, совершенно неприступную...

Перенесемся мысленно на 1—2 года вперед. Перед нами записки французского офицера штаба восточной армии. Офицеру поручено связаться с II корпусом, расположенным в районе Седана.

Задача корпуса — комплектование и оборона участка линии Мажино, имеющего на левом фланге Седан и на правом Мезьер.

Итак, мы раскрываем толстую тетрадку:

«Я проснулся неожиданно и сел на постели. Все гудело вокруг... Резкий, разбудивший меня звук зловеще затихал, смешиваясь с воющими звуками, как бы пересекающими небо. Я понял: истребители. Гудящий звук истребителя нарастал, достигал максимума, казалось, он уже мчался в комнате, вдруг резко менял тон и, завывая, удалялся, чтобы уступить место другому, третьему...

Надрываясь, выла сирена.

Я вскочил с постели и распахнул дверь на балкон. Огни города затухали, город исчезал во тьме все более и более...

А небо! Все небо исчерчивалось десятками лучей прожекторов. Они скрещивались вдруг, и на их пересечении вспыхивала и начинала трепыхаться металлическая серебряная птица. Вокруг птицы стали загораться и разрываться пушистые облачка. Затем, очевидно, поняв какую-то ошибку, прожекторы бросали птицу и лихорадочно бросались исчерчивать другую часть неба.

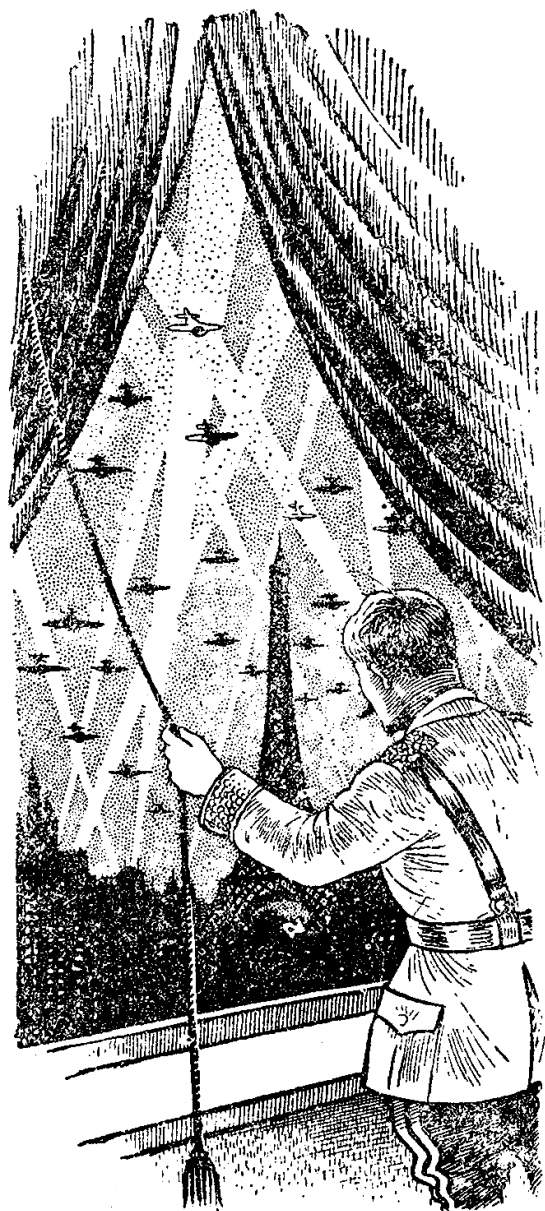
Итак, военные действия начались. Я оделся и отправился в штаб.

Все были уже в оборе, когда я пришел, и генерал Фуше счел возможным начать совещание.

— Господа, — начал генерал. — Я по необходимости буду краток. Действия Германии, хотя и имеют характер неожиданности, все же прекрасно и своевременно продумались нашим командованием. Бомбардировщики неприятеля не долетят до границы и не вернутся назад. По имеющимся сведениям...

Здесь адъютант генерала передал ему телефонную трубку.

— Так, — продолжал генерал, — по имеющимся уже сведениям, 4 бомбардировщика сбиты; остальные, сбрасывая бомбы без всякой цели, чтобы облегчиться, пытаются под прикрытием своих истребителей прорваться к границе, но там уже поднялась в воздух эскадра свежих истребителей навстречу. Итак, предоставим судьбу бомбардировщиков нашим летным силам и обратимся к своим непосредственным задачам.

Здесь адъютант разложил на столе перед генералом карту, а все обратились к стене, где с большой электрифицированной карты медленно сползала занавеска.

— Обратимся к карте. Вам хорошо известно, господа, что условия позиционной войны заставили нас протянуть вдоль границы полосу укреплений, хорошо известных под именем «линии Мажино». Я со всей ответственностью могу заявить о полной технической, физической и моральной невозможности прорвать эту линию и выйти к Парижу.

Тем не менее, мы заняты сейчас серьезными фортификационными работами в глубоком тылу и вокруг столицы.

Подземные города линии Мажино давно уже укомплектованы опытными гарнизонами, которые, очевидно, и воспримут первый удар врага. В то же время мы уже распорядились о подкреплениях, которые полчаса тому назад отправились к местам назначения.

Они не пойдут по дорогам, чтобы не привлечь внимания разведывательной авиации. Поэтому вы их не встретите.

Задача каждого из вас, господа, — ознакомиться на месте с состоянием объектов, и, съехавшись обратно через 3 суток в это время, представить все данные для совместного с главным командующим разрешения вопроса о возможности развития нашего наступления с участка, занимаемого обследованным корпусом.

Кроме того, учтите наше неперменное указание. В случае, если бы произошло невозможное, и какой-либо из объектов был окружен неприятелем, оставаться в тылу у неприятеля, развивая максимальную деятельность и оттягивая возможную массу частей врага на себя, а в последнюю минуту затопить объект и местность.

— Теперь разрешите перейти к конкретной части задачи...

Генерал, подошел к карте, а мы тотчас же стали покрывать условленным шифром свои блокноты...

Через час я уже ехал к месту моего назначения по направлению к УР (укрепленный район) Седан-Мезьер. Водитель моего мотоцикла развил бешеную скорость, ловко лавируя между машинами, которые мы обгоняли. Я не мог заметить никакого особенного оживления на дорогах, но зоркий глаз мог бы заметить идущие через леса, болота, вспаханную землю, как бы случайно брошенные точки.

Они замирали при гуле пропеллера разведчика и снова срывались с места, когда успокоенный разведчик уходил в сторону. Эти вездеходы с частями свежих пополнений день и ночь шли к фронту.

Да, так, как в прошлую войну, на нас врасплох не нагрянешь.

Не доезжая километра 2 до известной мне деревушки у самого подножья скалистых Арденнских гор, я отпустил мотоцикл, и дальше пошел пешком сам, ориентируясь по карте. Я торопился: ознакомление со столь серьезной фортификационной системой, какую представлял порученный мне участок, да еще с целью вынести суждение, от которого могли зависеть судьбы будущих операций, представлялось мне задачей очень не легкой и ответственной. Но я решил, что это первое порученное мне задание выполню с честью, и через 3 суток, докладывая на совете армии...

Но здесь я вошел в селение и поток моих мыслей оборвался. Жители выехали отсюда, почти все. Сейчас, последние семейства, получив пропуска, в сопровождении нескольких верховых, длинным обозом выезжали из селения по дороге на Реймс. Это было первое оживление, которое я заметил за весь путь от Парижа.

Свой обход я решил начать с форта № 6: поэтому я повернул в сторону и, сверившись с компасом и полевой картой, пошел на № 00 34° в направлении на чернеющий вдали лес.

К вечеру я вышел на опушку леса, и перед моими взорами развернулась прекрасная картина. Заходящее за горы солнце своими розовыми лучами обливало небольшое, лежащее в лесу озеро. Воды озера пылали, как расплавленный металл. Картина была такая мирная, что я с трудом удержал в себе порывы какой-то смутной тоски, которая всегда овладевает человеком, когда он остается один на один с природой.

Но я был не один. Я это скорее почувствовал, чем услышал. Обернувшись, я увидел несколько дул автоматических ружей, удивительно искусно замаскированных в деревьях. Я шагнул в сторону, и дула ружей повернулись за мною.

Я сказал пароль.

Из-за кустов вышли 3 человека с ружьями наперевес и окружили меня.

Тщательно проверив документы, начальник караула повел меня вперед. Я оглянулся. 2 его товарища исчезли, как сквозь землю провалились.

Мы подошли к берегу. Мой провожатый открыл... шкафчик в дереве, как дверцу отвернув кору, и по телефону вызвал моторку.

Из скалы на противоположном берегу вырвалась моторная лодка и помчалась к нам. Я сел в лодку и через $1\frac{1}{2}$ — 2 мин. очень быстрого хода моторист уже выключил мотор. Лодка по инерции скользила по прозрачной воде к черной, отвесной скале и скоро вошла в ущелье между двумя утесами.

Солнце зашло уже и в ущелье было совсем темно, да тут, наверное, и днем всегда была тьма. Поэтому я так и не понял, откуда опустился мостик, на который я ступил. Помню только, что проезжая озером, я все смотрел в воду, надеясь увидеть силуэты колоссальных нефте- и бензино-хранилищ, расположенных на дне озера, вне досягаемости неприятельских глаз и снаряда, но так ничего и не увидел.

Стоя на мостике и привыкая к тьме, я смутно различил, как стала подниматься кверху массивная стальная плита в скале. Кто-то толкнул меня слегка в плечо, я переступил порог в темноту, и плита пошла книзу.

По наклонному коридору наша группа (я! не знал, сколько нас, кто мы и куда идем) пошла вперед, непрерывно меняя направление вследствие извилин в коридоре.

Вдруг свет блеснул за поворотом, и я вздрогнул: в упор на нас смотрели 2 пулеметных дула и наглухо закрытая стальная дверь.

Дверь поднялась, как и первая, и мы вошли в широкую и высокую галерею. Мы, были в главном магистральном туннеле линии Мажино. В месте, куда привел нас потайной коридор, была площадь. Отсюда, радиусами по всем направлениям, разбегались галереи, четко различаемые по длинным ниткам электрических лампочек. Рельсовые пути были проложены во всех этих галереях и по всем направлениям; сходясь и расходясь, бежали через площадь электрокары со снарядами, с патронами, гильзами.

Площадь, очевидно, была узлом этих дорог. В центре площади за пультом сидел диспетчер. Перед ним вспыхивали и тухли лампочки на щите с номерами, а руки его, как по клавишам пианино, быстро бегали по разным кнопкам на пульте.

Все, кто вошел со мною, тотчас же разбежались, каждый по своему направлению. И я снова остался один.

Но здесь уже разговаривали между собой, и царило значительное оживление, хотя праздношатающихся нигде не было видно.

Передо мною был первый этаж линии Мажино на участке Седан. Он предназначался для перевозок вдоль участка боеприпасов. Эта ровная площадь-магистраль, глубоко расположенная под землей и укрытая железобетонными сводами, время от времени перемежалась тяжелыми, еще глубже уходящими под землю железобетонными башнями и башенками. В каждой башне находились 2 орудия, в башенке 2 спаренных пулемета. Хотя в каждой башенке и башне сидели люди, но задача их сводилась лишь к исправлению неожиданной поломки. Орудия наводились автоматически, управлением из центрального наблюдательного поста участка. Все точки противоположной стороны были давно уже изучены, все ориентиры взяты на учет и пронумерованы, все расстояния измерены и углы начислены. Теперь только кто-то в центральном посту с дьявольской систематичностью направлял весь огонь на 1,2... — 145-й номер ориентира и методически вычеркивал этот номер из блокнота. Где-то летела вверх земля со щепками, трупами, кусками рельс и частями орудий, но здесь была полная тишина. Очевидно, 1 противник все не обстреливал. Я отправился вручить мои документы командиру форта — полковнику Жюно.

По лифту, идущему глубоко вниз на 7—8 этажей, я спустился на 2-й этаж (от верху) и отправился в центральный командный пост. Командир был там. Он принял меня приветливо и пригласил к себе в комнаты. Молчаливые ординарцы у дверей пропустили нас, и мы очутились в прекрасно обставленной кожаной мебелью уютной комнате. На письменном столе горела великолепной работы настольная лампа. Хозяин, очевидно, обладал тонким вкусом. Как-то странно было видеть такую лампу именно здесь. Лампе, очевидно, не угрожала опасность

быть разбитой. По мягким коврам мы прошли к кожаным креслам. Командир и я, вытянувшись стояли друг против друга, пока я устно передавал приказания моего начальника, затем полковник Жюно принял от меня запечатанный пакет, вскрыл его, прочел, запер в несгораемый шкаф и сразу преобразился. Из сухого, выдержанного, подтянутого полковника стал вежливым и галантным французом. Он пригласил меня сесть в одно из кресел, и мы разговорились.

Полковник сообщил мне, что лес на немецкой стороне совершенно уничтожен нашей артиллерией, что их противотанковые заграждения горами исковерканных рельсов выброшены в воздух, что его удивляет почти полное молчание немцев и что он не надеется, чтобы оттуда рассчитывали предпринимать какие-либо операции на этом участке.

На мой вопрос о возможности нашего наступления через его участок, он ответил положительно, но предложил созвать всех своих офицеров для совместного с ними совещания. Я, конечно, согласился.

Полковник взял трубку телефона и предложил дежурному на коммутаторе созвать совещание, по списку № 4.

Затем мы отправились снова в следующий этаж вниз. По дороге мы прошли через коммутатор. Я с изумлением узнал, что этот коммутатор обслуживает 25000 телефонных точек, что провода, идущие отсюда в глубокий тыл, спрятаны на глубине 5 метров под бетонными плитами такой прочности, что максимально начиненный мелинитом снаряд 500 мм гаубицы мог только оцарапать эту плиту; что сверловка дырочки в 30 см отняла 24 часа, причем только 150-е сверло дошло до 30 см. Кроме того, сами кабели армированы свинцом и сталью и так прочны, что несколько оползней в Альпах были сдержаны этими кабелями. И все же, в особо важные точки идут по 3 кабеля по 3-м различным путям. Форты связаны не только друг с другом, но и непосредственно с Парижем. Радио себя в этих условиях не вполне оправдывает: неприятель заглушает, да и погода может подвести.

Зал заседаний находился рядом с сооруженным в готическом стиле концертным залом, рассчитанным на 400-600 чел. Офицеры уже собирались. Внимание мое почему-то остановилось на одном из них. Он так пытливо всматривался в каждого

вновь входящего, так сверлил его взглядом, что становилось как-то не по себе.

Наконец, собрались все. Полковник Жюно вежливо предложил мне председательствовать. Я попросил список № 4 и опросил всех присутствующих. К моему удивлению, офицер, фамилия которого меня особенно интересовала и который так внимательно всех осматривал, не откликнулся. Я посоветовался с полковником Жюно.

— Этот человек есть в списке, — сказал полковник. — Его фамилия Ренар. Он недавно прислан из Реймса.

— Ренар, — снова вызвал я.

— Я, — сказал совсем другой офицер и встал.

Мы прервали заседание и вышли.

Полковник был изумлен. Наконец, наше недоумение разрешилось. Один из них имел фамилию Ренаре, оканчивающуюся на «е», а другой — Ренард, оканчивающуюся на «д», а выговаривались обе фамилии одинаково.

Уйти пришлось моему первому знакомому. Совершенно случайно я заметил, что уходя, Ренар 1-й многозначительно посмотрел на Ренара 2-го, и тот сдержанно кивнул ему головой.

Весь этот небольшой эпизод показался мне до крайности странным.

Я воспользовался случаем попросить полковника Жюно дать этому офицеру поручение. Через 2 минуты лейтенант Ренар 2-й ушел выполнять задание командира форта.

Из-под опущенных век я мог все же заметить, как злобно взглянул он на меня, выходя из зала.

Мы начали совещание.

Первым выступил начальник эскадрильи дальних разведчиков.

— Наша дальняя разведка, — доложил он, — прошла над линией железной дороги до 300 км вглубь неприятельского расположения и может констатировать следующее: неприятель готовит прорыв, но не на нашем участке, а на участке Монмеди. Все воинские эшелоны идут в том направлении.

Затем он передал ряд подробностей и проанализировал грузопотоки по линии Вонеш — Монмеди.

Ближняя разведка доложила, что хотя некоторое оживление и заметно на нашем участке в расположении противника,

особенно по ночам, но это оживление, очевидно, происходит по причине переброски небольшой части войск с нашего участка на участок Монмеди.

Затем высказались командиры объектов и заявили о полной боевой готовности их участка не только к обороне, но и к нападению.

Начальник артиллерии участка заявил, что обеспечен снарядами, по крайней мере, на 2 недели ураганного огня, могущего проложить путь танкам.

Начальник танкового отряда сказал, что гараж, расположенный на 7-м этаже (книзу), полностью укомплектован танками и всеми запасными частями, и его машины только ждут приказаний.

В таком же состоянии оказались и ангары самолетов, расположенные в 8-м этаже (этажом ниже танковых экипажей).

На этом я закрыл совещание, все же передав указание главного командования о необходимости держаться до конца, хотя, очевидно, такого поворота событий не предвиделось.

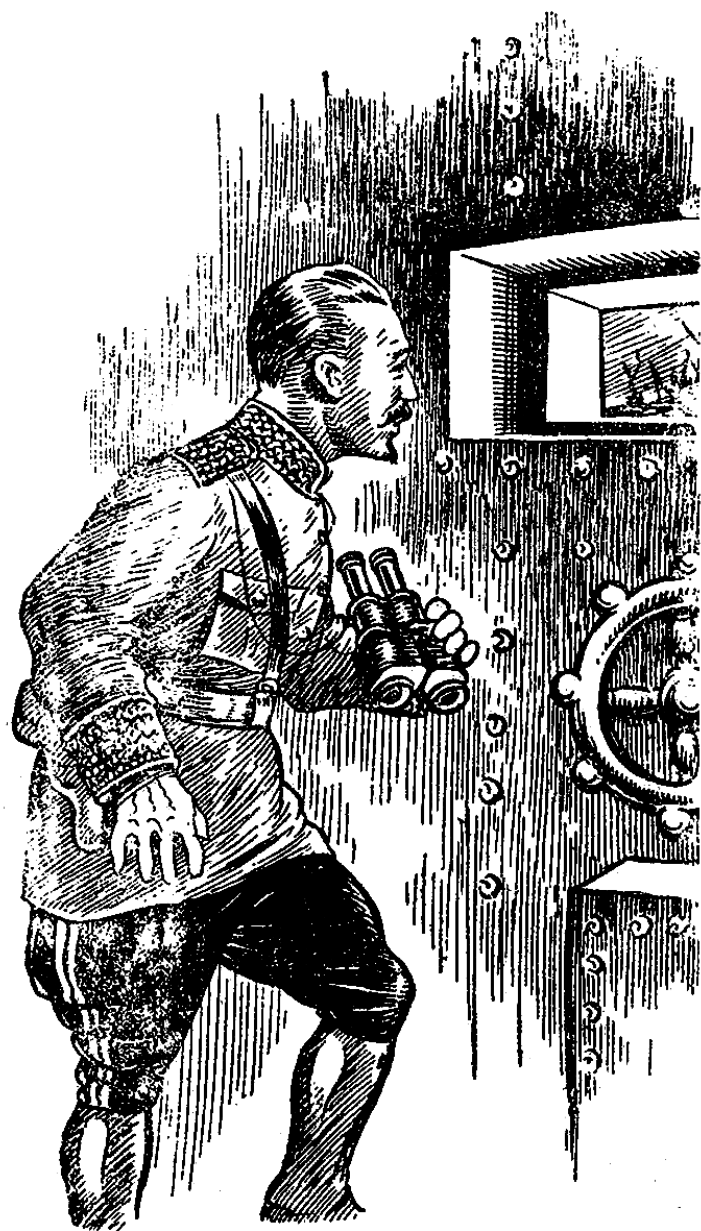
Теперь мне оставалось осмотреть отдельные пункты участка, и со всеми данными отправляться обратно.

По часам я определил, что уже ночь, и только теперь вспомнил, что не спал и почти ничего не ел.

Столовая командного состава помещалась здесь же, рядом с концертным залом. Кормили прекрасно.

Час спустя я уже спускался на лифте в 5-й этаж. Здесь мне была отведена комната с письменным столом для занятий и постель.

Несмотря на завывание поездов метро, как раз подо мною, в 6-м этаже, я заснул, как только дотронулся до простыни.

Половину следующего дня я посвятил составлению подробных сводок для своего командования по принесенным мне материалам.

Завтракал я у себя, а обедать снова поднялся в ресторан у концертного зала, решив после обеда отправиться в наблюдательный пункт прощупать глазом и через бинокль неприятельскую территорию. Быть так близко и не увидеть ни одного живого германца! С этим неудобно было бы возвращаться в Париж.

На наблюдательном пункте № 3 я застал двух солдат и офицера. Офицером оказался Ренар 1-й. Он услужливо начал отвечать на все вопросы, рассказав даже, что родился и вырос в Нанси. Эта возбудило мое любопытство, ибо я учился в колледже в Нанси, и я стал его расспрашивать подробнее. Он почему-то смутился и отвечал уклончиво.

Я насторожился, и, шутя, рассказал, как мы на маленькой площади у больницы стащили памятник Пастеру и перенесли его на бульвар, и все это он принял за чистую монету. Как мог человек, родившийся и выросший в Нанси, не знать, что на этой площади никакого памятника нет.

Очевидно, здесь есть какой-то обман. Но обман в самом сердце УР! — Это заставило меня похолодеть. Ничего не сказав, я приник к щели из прочного небьющегося стекла. Теперь я увидел германскую сторону.

День был замечательно красивый и тихий. Эта был один из тех теплых осенних дней, когда желтая, золотистая листва с деревьев еще не совсем спала, и зелено-золотым ковром лежит у подножья деревьев, заглушая шаги, а теплые лучи солнца так мягко греют, ласкают и гладят по лицу, по рукам.

Но какой вид представляла германская земля! Развороченная, изрытая воронками, в которые можно было бы упрятать целый домик, с разбитыми в щепки деревьями, лежащими корнями вверх, с рельсами, каким-то чудом завязанными бантами и узлами. И полная тишина. Тишина кладбища...

Да. Отсюда навряд ли можно ожидать нападения, но прорваться сюда, пожалуй, можно.

Я положил бинокль и собрался отойти от щели, как вдруг что-то блеснуло на нашей стороне, разорвалось и мелкими осколками рассыпалось вокруг.

Потом еще, еще... и при этом ни звука, ни дымка с той стороны. Эти мелкие снарядики никакого вреда не могли принести нам. Я вспомнил, как подбирали для блиндажей и башен Линии Мажино систему тройной защиты. Каждую плиту из бетона, из стали, из железобетона в упор расстреливали снарядами из 500 мм гаубиц, затем ту толщину, при которой плита не разрушалась при трехкратном попадании в одну и ту же точку, еще утраивали, и тогда лишь ставили на место, аккуратно маскируя легким слоем земли и дерна. На эти снарядики я мог только смотреть с улыбкой, но через некоторое время я понял, что недооценил их назначения. Они сбрасывали верхний земляной покров, одну за другой демаскируя и обнажая наши башни.

И почему так бесшумно? И откуда стреляют? Только много времени позже я узнал, что германцы приняли на вооружение легкую электрическую пушку. Впущенный в спираль ток всасывает снаряд внутрь, и если таких спиралей поставить несколько, и последовательно включать ток, то снаряд, втягиваясь из спирали в спираль, разгоняется и вылетает в воздух. Такая бездымная и бесшумная пушка выбрасывает 150 небольших снарядов в минуту.

Цель неприятелем была достигнута. Наша линия заметно обнажилась.

И вдруг началось что-то неописуемое! От страшного грохота и гула я совершенно растерялся, и только выскочив из кабины наблюдательного пункта, овладел собою. Последнее, что я увидел, было гигантское дерево на нашей стороне у обрыва. Я запомнил, что поднятое с корнями на громадную высоту, оно как-то особенно медленно, как в замедленном фильме, опускалось вниз.

Всюду, разрываясь, жужжали телефоны, и отовсюду неся вопрос: «Что такое? Что случилось?» — И отовсюду один ответ: «Ничего не видно, ничего не слышно. У нас ураганный огонь».

Растерянность наша усугублялась полной неожиданностью происшедшего. Как могли заговорить мертвые германские поля? Какой прорыв могли готовить те жалкие части, которые еще остались на германском участке фронта?

— Ренар!..

Я вспомнил и бросился назад в наблюдательный пост. Его нет там. Сержант указал, куда он вышел. Я бросился вслед. Завернув за поворот, я увидел его. Он осторожно крался вдоль стены, затем вошел в материальную кладовую, плотно затворив за собою дверь. Я выждал немного и подошел к двери. За дверью слышался шум отодвигаемых мешков, затем раздался характерный жужжащий звук. Говорил коротковолновый передатчик. Я подозвал 2-х солдат, приказав им вынуть револьверы и следовать за мною. Мы толкнули дверь. Она была заперта. Я приказал открыть ее. Снова послышался шум перемещаемых мешков, и на пороге показался бледный Ренар. Мы отодвинули мешки, нашли передатчик и предложили Ренару идти впереди нас.

Впоследствии, на чрезвычайном заседании военно-полевого суда он показал, что является германско-подданным, в мирное время пробравшимся в Париж. Здесь он встретил Ренара, молодого офицера, назначенного в форт № 6 линии Мажино. Убив Ренара и воспользовавшись его документами, он проник в укрепленный район; все время чувствовал себя прекрасно и даже писал письма родным Ренара в Нанси. Несколько сообщников он впустил через коллектор канализации. Я отдал приказание арестовать Ренара 2-го, его его нигде не оказалось. Факт измены был налицо.

Как оказалось впоследствии, наша авиаразведка, как ближняя, так и особенно дальняя, были введены в заблуждение ловким маневром германцев. Идущие на Монмеди воинские эшелоны, ночью, почти не останавливаясь, проходя мимо нашего участка, выгружали части и снаряжение, а затем продолжали идти дальше, инсценируя высадку у разъезда Аванго, около Монмеди.

Выгруженные же части, двигаясь исключительно глухой ночью и только по полям и проселкам, подходили к нашему участку, стягиваясь к месту прорыва, как раз против фортов № 6, № 5 и № 3.

Ураганный огонь прекратился так же неожиданно, как и начался. Сразу наступила полная тишина. Я отправился к полковнику Жюно, где срочно было назначено совещание.

Меня интересовали результаты канонады. Выяснилось, что несмотря на исключительную прочность наших укрытий, в

распоряжении германской армии оказались снаряды страшной разрушающей силы. Так, некоторые из снарядов весом в $1\frac{1}{2}$ тонны, при стрельбе под углом в 45° стреляют на расстояние в 55,5 км, и на этом расстоянии пробивают, не разрываясь, стальную плиту толщиной в 30 см, а при прямой наводке пробивают плиту из закаленной стали толщиной свыше метра и разрываются уже внутри башни. Очевидно, сейчас обстреливали этими снарядами. Некоторые из пулеметных башен были начисто снесены, кое-где трещины и изломы внесли угрожающие разрушения, ряд орудий был выведен из строя. Тотчас же были отправлены саперные части, которые быстротвердеющим бетоном должны были заделать разрушения.

Газов опасаться не приходилось.

Внутри наших укреплений давление поддерживалось выше атмосферного, и любой газ попросту выталкивался из укрепления.

Противотанковые заграждения были в значительной степени разрушены, но меня особенно интересовали противотанковые минные поля, которые, очевидно, взлетели на воздух; но оказалось, что минные поля линии Мажино, хотя и детонируют от самого ничтожного толчка, но только тогда, когда они под током. Следовательно, когда мы включим ток, германцы в эту ловушку попадутся.

Я взглянул на часы. Снова канонада! Это не обстрел, это, какой-то ливень огня и стали. И всю ночь, с дьявольской методичностью, переходя с места на место, каждые 5 минут начинался и 5 минут продолжался, с 5-минутными перерывами, огонь, не давая возможности хоть что-нибудь заделать и исправить. К утру некоторые разрушения стали катастрофическими, и ровно в 5.30, когда чуть засерел рассвет, когда замолкли орудия и наступила та особенная, зловещая тишина, которая воцаряется только после сильного шума, с северо-запада послышался сначала еле слышный, а затем все нарастающий гул.

— Танки! — мелькнуло в голове.

И, действительно, из легкого предрассветного тумана вырвались серые, неуклюжие машины и помчались прямо на нашу территорию. Я заметил, что презрительная улыбка играла на лице старого полковника Жюно.

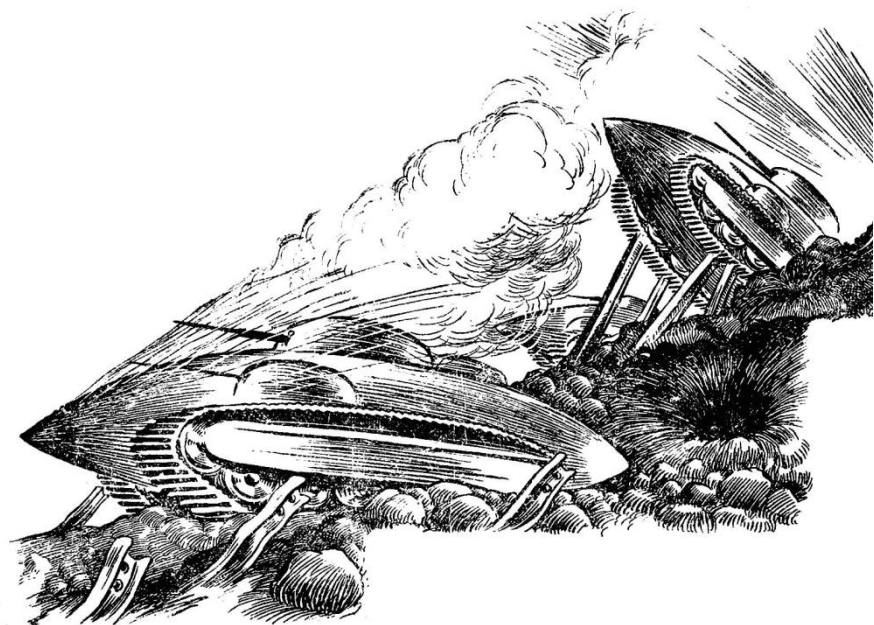
Танки дошли до первых препятствий и вдруг стали вспыхивать и загораться, один за другим. Но странное дело, горели не только самые танки, горел воздух вокруг них! Это невидимый горючий газ, выпущенный нами, вспыхнул от прикосновения с огнем моторов.

Какой ужас находиться внутри этого факела! Но никто не выскакивает. Неужели смерть их моментальная? Почему же они среди этого моря пламени так уверенно продвигаются вперед?

Два все-таки застряли и стоят, упершись в надолбы, с порванными гусеницами среди догорающего газа, но остальные бегут вперед. Какая сила могла уцелеть внутри них? Но вот и минные поля! Страшные взрывы потрясли воздух.

Развороченные металлические туши полетели кверху, и все же три танка прорвались. Один с размаху налетел на пулеметное гнездо, и своротивши его, сам упал набок.

Еще долго крутились колеса, ломая сцепление гусениц, а двое других прошли в глубокий тыл. Странно, отчего они не стреляют? Вот бегут наши смельчаки наперерез, они бросают пачки гранат, бросают прыгающие гранаты под гусеницы.

Есть. Один стал, и другой стал. Вихрем срываются наши храбрые французы, взламывают дверь. Внутри никого нет...

Все танки управлялись по радио!

Мы просчитались. Истратив горючий газ и взорвав поля, мы сами очистили дорогу неприятелю. И, действительно, быстрые, неуловимо быстрые танкетки пробежали вдоль границы, оставляя за собою облако молочно-белого тумана. Зловещее рычание слышалось из-за тумана. Теперь заговорила наша артиллерия. Она наугад била в белый туман, но оттуда уже вырвались гигантские серые машины.

Они стреляли, во все стороны поворачивая дула орудий. Сколько их? Кажется, несколько десятков. Наши снаряды рвутся среди них, но они мчатся так быстро, что о пристрелке или нацеливании не может быть и речи. Одни останавливаются, и на их место вырываются другие. Следом за ними идут механизированные вездеходы. Пехота! Самодвижущаяся артиллерия.

Пушка на гусеницах останавливается, и в упор расстреливает нашу башню, наш канонир. Пехота соскакивает и, разбившись группами, автогенном вырезает окна в куполах башен и забрасывает башни гранатами. Каждая группа заранее получила свой точно назначенный объект. Вот когда мы поняли, что автоматическая наводка всех орудий из одного центра здесь не годится. Ах, если бы каждое орудие могло стрелять самостоятельно!

Танки зашли в тыл. Полковник отдал приказание затопить все входы и выходы в наш сектор УР. Теперь мы отрезаны от окружающего мира. У нас 2500 чел. (убитых и раненых мы еще не считали), боеприпасов на полтора и провианта на год. Дешево германцам этот орешек не достанется!

— Германцы в коридорах!

Откуда? Измена! Командир отдает приказание опустить все металлические двери в галереях и включить рубильник. Пулеметы-автоматы начисто выбивают всех, кто очутился между дверями в изломе коридора. Несколько наших погибает там смертью славных, но на некоторое время мы спасены, и теперь мы заговорим по-настоящему.

Наши самолеты взвиваются к небу, но с германской стороны темная туча истребителей и бомбардировщиков неумолимо

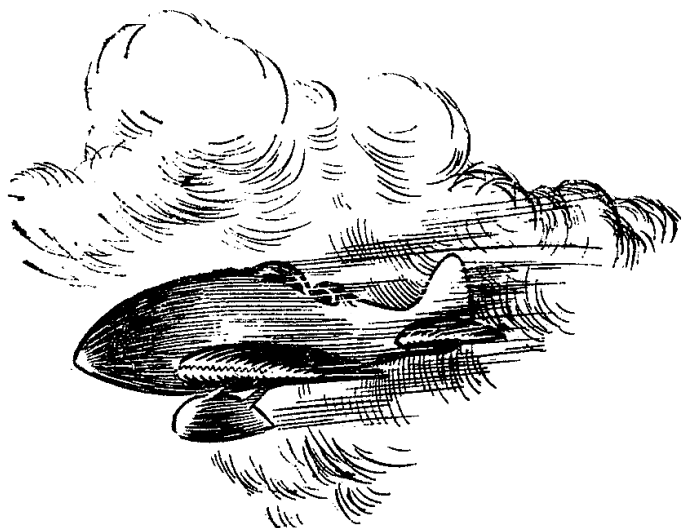
движется в нашем направлении, и небольшие наши эскадрильи поворачивают назад для соединения с основными французскими воздушными силами, идущими со стороны Вердена.

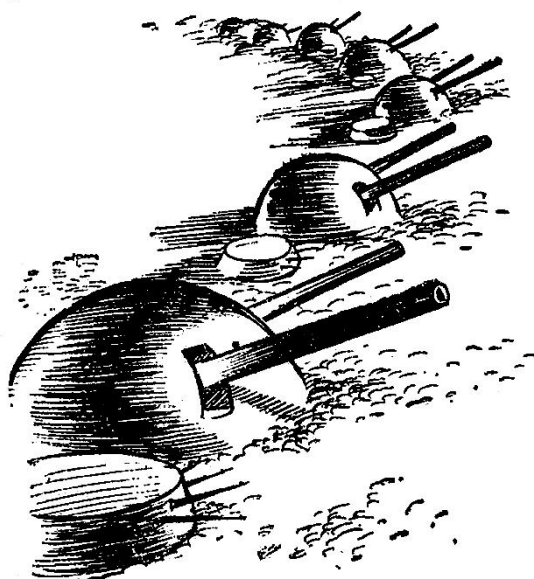
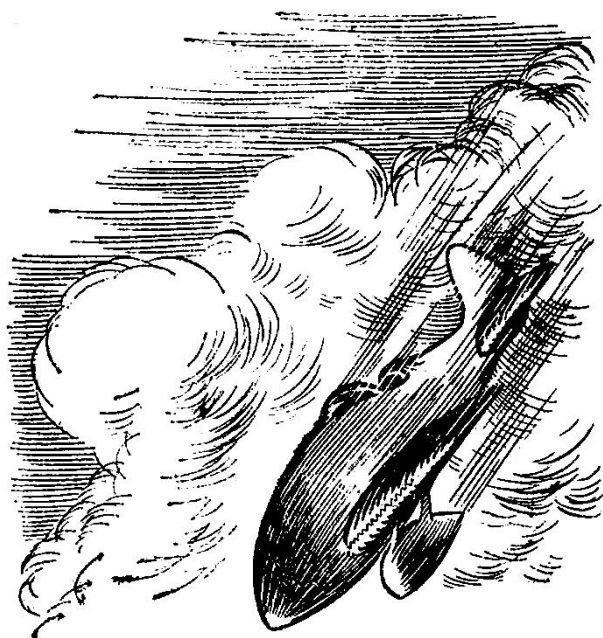
Вот уже германские воздушные армады над нами. А славно работают наши зенитки! Один за другим падают с неба дымящиеся факелы, но все же основная масса пролетает вглубь. Что там будет?

Неужели этот поток не сдержат наши вторые линии? Хотя укреплены они гораздо слабее нас. Теперь в прорыв льется пехота. Откуда столько пополнений? Наша оправившаяся артиллерия бьет в упор, расстреливая врага, пулеметы захлебываются, и дула их настолько перегрелись, что вода почти кипит в кожухах. Неприятель несет жестокий урон, но подбитые его танки словно нарочно так расположились, что затрудняют видимость и затрудняют круговой обстрел.

Дивизия за дивизией вливаются в прорыв. Если у них хватит пополнений, то мы не успеем организовать контрудар.

Телефон передает, что вторые линии вступили в бой, части вторых линий уже пошли в контратаку. Теперь мы должны продержаться, во что бы то ни стало. Но держаться даже нам нелегко. Снова появляется германская авиация. Самолеты очень странные.

Коротенькие, с узким размахом крыльев, они летят с колоссальной скоростью. Вот они уже совсем близко. Сейчас заговорят наши зенитки.

Вдруг передний как бы ныряет носом вниз и сразу уходит с прицела. Камнем вниз он пикирует на 4-ю башню с двумя орудиями! Вдруг от самолета, как бы вспыхнув, отделяется парашют, а самолет обрушивается на башню и весь взлетает на воздух. 2 исковерканных дула орудий, торча в равные стороны, замолкают навеки.

Несколько пулеметных очередей, одна за другой, насквозь «прошивают» летчика.

Новотот же маневр проделывает другой, третий самолеты.

Чорт возьми! Так мы останемся без одной башни! Зенитки пытаются взять инициативу в свои руки и, как видно, не без успеха. Вдруг почему-то все самолетики поворачивают назад. Сильный, воющий звук, и эскадрилья французских истребителей мчится, как ураган. Германские летчики, один за другим, сбрасывают без прицела, куда попало, свой смертоносный груз и спасаются на парашютах. Удирать от французских истребителей бесполезно (их скорость — самая большая в мире).

Германская пехота перестает продвигаться дальше. Очевидно, контратака наших частей помогла. Теперь оставшуюся артиллерию мы наводим назад. Сейчас весь огонь мы сосредоточим по зашедшему нам в тыл врагу.

Вдруг гухнет свет, и останавливаются все электрические механизмы. Мы сразу осознаем весь ужас положения. Электростанция в 5-м этаже. Снаряд туда достигнуть не мог. Измена! Враг в 5-м этаже! Или ловкий и осторожный подкоп? Почему же молчали наши геофоны? Полковник Жюно отдает приказание управлять всей артиллерией вручную; центральный пост наблюдения и управления ликвидировать; каждой точке отвечать только за себя и до последней капли крови отстаивать свою позицию.

Сам капитан Жюно с 120 людьми бросается к лифту. Лифт не работает. Он вызывает по телефону электростанцию. Оттуда на германском языке Ренар 2-й предлагает капитану Жюно сдать форт, башни, капониры...

Взбешенный капитан вешает трубку, обрывая разговор на полуслове. Затем он снова берет трубку и предлагает Ренару и

его изменникам выйти на честный бой. Оттуда отвечают смехом.

Мы стоим при свете карманных фонарей, взбешенные, возмущенные, бессильно сжимая руки в кулаки...

— Хорошо, — говорит капитан, — мы заставим их выйти. Мы их, как крыс, утопим в мышеловке.

Капитан Жюно идет к потайному шкафу в стене у центрального поста. Нажим кнопки, и какой-то ровный гул распространяется под бетонными сводами.

Я в это время звоню по телефону во все этажи. Наши люди еще есть там. Я приказываю всем, кто как может, добираться до 5-го этажа, окружить станцию, и вместе с находящимися в станции подниматься наверх. Изменники, очевидно, тонуть не захотят и пойдут наверх.

Вдруг вспыхивает свет и неожиданно из пасти лифта выскакивает кабина. Они! Кабина распаивается, выкатываются пулеметы и немедленно начинают бить по нашим людям. Мы едва успеваем спрятаться за прикрытие, но несколько человек падают.

Вдруг германцы выскакивают из 2-й башни. Они автогенным прорезали в стальном куполе дыру, забросали артиллеристов ручными гранатами и хлынули внутрь форта.

Забрасывая ручными гранатами преследующего нас противника, мы вбегаем в боковую галерею. Опустить за собою стальную дверь — дело одной минуты, затем мы включаем автоматы-пулеметы, и теперь у нас одна цель — скрыться.

Капитан Жюно раскрывает карту. Мы считаем людей — 98 человек. Мало. Шум воды близко. Нужно уходить.

По карте капитана мы идем довольно долго, усталые, какие-то опустошенные. Мне кажется, что я постарел. Жюно идет, сгорбившись.

Вот последний поворот, и свежий ветер пахнул нам в лицо. Как странно было увидеть деревья, закат солнца!

Скорее машинально, чем сознательно, мы послали вперед разведку и охранение, и вышли в овраг.

Здесь просидели мы до вечера.

Теперь нужно уходить. Плотины у реки Пайб наши части, отступая, взорвали. Вода скоро зальет всю долину, все форты, весь тот участок линии обороны. Мы вышли на пригорок.

Среди полной тьмы один участок был ярко освещен ракетами, далеко бросая блики по прибывающей воде.

Прожекторы жадно шарили по небу.

Как поток, неудержимо лились танки-амфибии, понтоны не успевали наводить мостов, как кавалерия уже наступала на них; артиллеристы далеко били вперед, подавляя французские пушки.

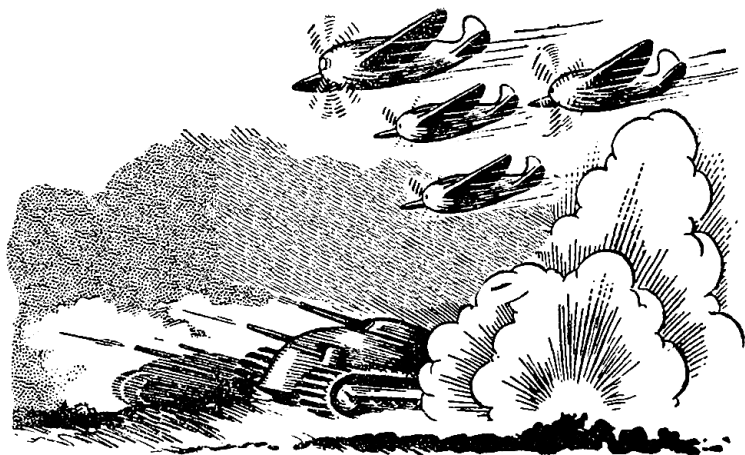
Германцы прорвали фронт!

Нас взяли в плен на рассвете.

Какие ужасные сутки! Я никак и ни от кого не могу добиться, где наши войска, как далеко вглубь прорвана линия Мажино.

Германцы очень корректны с нами, но карандаши, бумагу, блокноты отбирают и очень тщательно все нумеруют, так что это, очевидно, моя последняя запись.

Конец

А. ПИЛЬЧЕВСКИЙ

ДЫХАНИЕ МОРЯ

Научно-фантастический рассказ

(Научно-фантастический рассказ)

А. ПИЛЬЧЕВСКИЙ

Вдали показался берег, к которому шел полным ходом пароход «Светлана». Шторм догнал пароход уже у входа в небольшую, хорошо защищенную бухту. С парохода были спущены шлюпки. Пассажиры группами плыли к берегу. Но они были глубоко разочарованы. Их неприветливо встретила песчаная пустыня, которой, кажется, не было конца.

— Вот такие пустыни только портят наш земной шар! Ну, к чему этот бесполезный, не рождающий ни одной травинки песок? — возмущался Приходько, плетясь вслед за инженером Незлобиным обратно к берегу.

— Бесполезной земли не существует! Всякая земля может пользу принести. Вот я смотрю на эту бесконечную песчаную степь, — Незлобин обвел рукой вокруг, — и у меня возникает идея переделки этой пустыни в плодородную землю. Это, безусловно, можно сделать. Можно! — с чувством повторил инженер и быстрее зашагал к лодке. Приходько пожал плечами и, чтобы не обидеть собеседника, решил промолчать.

— Вот года через три-четыре, если будете здесь близко, приезжайте сюда за свежими огурцами! — продолжал Незлобин, подплывая на лодке к пароходу.

Приходько удивленно глянул на Незлобина и решил перевести беседу на другую тему. Вечером шторм утих, море успокоилось и «Светлана» покинула свой временный приют.

Прошло три года. Ленинградский геолог Приходько за это время получил от Незлобина несколько писем, в которых тот подробно рассказывал об оригинальном сооружении на берегу Каспийского моря.

«Море работает на человека, — писал Незлобин в одном из своих последних писем, — Мы заставили море превратить сухую бесплодную степь в зеленое пространство. Я свое обещание, дорогой друг, выполнил. Приезжайте на когда-то песчаный пустынный берег Каспийского моря летом за свежими огурцами. Увидите интереснейшие сооружения».

После этих сообщений Приходько потерял покой. К тому же, во всех газетах и журналах стали появляться статьи и заметки под заголовками «Величайшая победа человека над дикой природой», «Фантазия стала действительностью», «Гигантское сооружение инженера Незлобина» и т. д.

Весною из разных концов Советского Союза потянулись к Каспийскому морю многочисленные экскурсии. Приезжали иностранные специалисты. Летом из Ленинграда двинулась туда же экскурсия геологов, в которой принял участие и Приходько.

Незлобин его встретил как старого друга. Он взял под руку ошеломленного Приходько и потащил его за собой.

Вдоль берега тянулась толстая бетонная стена. В некоторых местах стена была значительно толще. В этих местах были сделаны туннели. Но самое интересное было между туннелем и берегом. Здесь, у полукруглой пасти туннеля, ритмично, в такт морскому прибою, качался на воде огромный поплавок, величиной в одноэтажный дом. Такие поплавки были установлены на одинаковом расстоянии друг от друга перед отверстиями многочисленных туннелей в стене.

К верхней части поплавок были прикреплены с двух сторон металлические конструкции. Они представляли собой переплетенные железные прутья. Концы этих конструкций исчезали в небольших каменных домиках, расположенных по обе стороны туннеля на специальных каменных помостах.

Незлобин открыл дверь одного такого каменного домика, напоминавшего будку железнодорожного стрелочника. Приходько увидел, что конец металлической конструкции был соединен с вечно двигавшимся, никогда не знающим покоя механизмом.

— Этот «морской двигатель» будет работать до тех пор, пока будет существовать это море! В нем двадцать лошадиных сил. И с той стороны поплавок — такой же двигатель. Всех их

здесь сто шестьдесят. Три тысячи двести лошадиных сил дает морской прибой, не затихающий никогда,— рассказывал Незлобин.

В каменном домике Приходько увидел сложную систему зубчатых колес и рычагов. При малейшем опускании и подъеме поплавков металлическими конструкциями, точно лапами, толкал эти колеса и рычаги. Они непрерывно двигались, вертели стоявшую рядом динамо-машину. От каменной будки шли провода.

— А теперь пойдемте в наш «зеленый поселок», рожденный на том песке, который вы с возмущением созерцали несколько лет назад.

Приходько шел за Незлобиным по дорожке, окруженной кустами винограда, малины, смородины. Среди них на одинаковом расстоянии друг от друга росли молодые деревья абрикосов, яблок, груш, слив.

Приходько наклонился к земле. Он увидел, что вся земля среди кустов, точно толстой железной паутиной, была окутана сетью переплетающихся водопроводных труб. Маленькими фонтанами из стен труб били еле заметные струйки воды.

— Откуда этот гигантский водопровод? Откуда эта вода? Неужели из моря? Но ведь морская вода не годится для орошения земли с такими растениями! — воскликнул Приходько.

— Идемте за мною, — потянул Незлобин гостя дальше по дорожке. Они пришли к круглой каменной стене глубочайшего колодца. Здесь работал электрический насос, который подавал воду в стоявшую рядом водонапорную башню. А из башни вода устремлялась по трубам в гущу зеленых кустов.

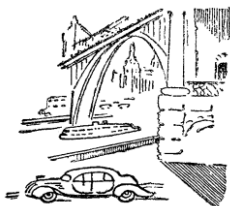
— Вон там дальше, видите, торчит другая водонапорная башня у такого же колодца! Дальше вы еще увидите такие колодцы с башнями. Здесь их сто шестьдесят. Этого вполне достаточно для орошения нашего совхоза! — объяснял Незлобин, продолжая идти с Приходько по дорожкам дальше.

Незаметно Незлобин быстро нагнулся к земле и так же быстро поднялся.

— Разрешите, дорогой друг, исполнить мое обещание! — И с этими словами он протянул Приходько два только что сорванных огурца.

Вечером Незлобин и Приходько вышли на берег моря. Электрические прожекторы освещали гигантскую стену, напоминавшую широкий крепостной вал. В вечерней темноте не было видно моря. Но оно было слышно в плеске прибоя, размеренно ударявшего в бетонную стену и стремительно врывающегося в туннели.

Мощный репродуктор радио совхозного клуба разливал в теплом воздухе летнего вечера красивую мелодию бодрой песни о молодости. Песне вторил несмолкаемый прибой моря.

Б. РЯБИНИН

ПОДАРОК БУДДЫ

Научно-фантастическая повесть

Художник А. Г. Вязников

Научно-фантастическая повесть Б. РЯБИНИНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ночное нападение. Раненый ученый. Опасная переправа. Через пустыню. Тревога Чэна. Ночлег в обществе Будды. Электрический город среди гор.

Ночь была темна, ветрена. Протяжно скрипели, качаясь, деревья. Временами луна показывалась из-за туч и тотчас пряталась обратно, едва успев озарить небольшую поляну и высокий покосившийся частокол с проломом вместо ворот, за которым виднелись очертания фанзы. Потом все это вновь тонуло во мраке. Какие-то тени, припав к земле, ползли через поляну. Внезапно темноту прорезали две огненных вспышки — два выстрела. Поляна мгновенно ожила. Трескотня выстрелов смешалась с пронзительным воем: «Банзай! Банзай!»^{*)} Из-за частокола ударил дружный винтовочный залп. Вслед за тем из пролома вырвалась темная компактная масса всадников, и с оглушительным криком — «Ван-суй»^{**)} — проложила себе дорогу через поляну.

Один из всадников со стоном повалился на гриву коня. Двое других на полном скаку подхватили его с двух сторон. Не останавливаясь, отряд углубился в лес. Скоро выстрелы позади затихли. Слышался лишь дробный топот коней да шелест ветвей, безжалостно стегавших всадников по лицу.

Постепенно галоп перешел в спокойную рысь: — Стой!

Отряд остановился. Раненого сняли с лошади. Вспыхнул электрический фонарь, осветив лежащего на траве человека. Глаза его были закрыты, из полукрытого рта стекала струйка крови.

*) По-японски: соответствует русскому — «ура».

**) То же — по-китайски.

Командир отряда опустился на колени в кругу света и обнажил грудь раненого.

— Он без чувств. Пуля вышла между ребрами. Больше никто не пострадал?

— Кажется, оцарапало меня, — трубным голосом отозвался большой грузный всадник, на голову возвышавшийся над остальными, — но — благодарение моей толстой шкуре! — я могу сидеть в седле.

— Ты молодец, Мао. Если бы не ты, он упал бы с коня.

— Вы забываете о себе, начальник.

По приказанию командира два человека спешили и исчезли в зарослях. Они вернулись, неся по связке гибкой лозы. Пока шла перевязка раненого, они быстро сплели удобную качалку и, застелив ее одеялами, привесили между двумя лошадыми. Уложив в нее раненого, отряд рысью тронулся дальше.

Командир спешил, опасаясь погони. Сотый раз в течение этой ночи он всматривался в бледное Лицо безмолвно лежащего человека и вполголоса давал выход своим чувствам:

— Ван-ба-дянь! ^{*)}. И надо же было этой проклятой пуле угодить именно в профессора.

Ехавший рядом Мао качал головой.

— Откуда взялись в джунглях эти островные лягушки, чтоб они пропали?

— Это парашютисты. При свете выстрелов я заметил комбинезоны и кожаные шлемы. Видимо, они выследили нас. Хорошо, что наша стража заметила их приближение.

Раненый застонал. Командир наклонился к нему.

— Он приходит в себя...

— Что со мной, Чэн?

— Задела пуля, учитель.

— Где мы?

— Уже далеко от этого проклятого места и движемся к дому.

— Мне душно... пить...

Вода освежила раненого. Он опять заговорил:

— Все цело, Чэн?

— Все, учитель. Не потеряно ни одного камешка.

— Хорошо... Как жаль, что мы опять не нашли то, что искали.

^{*)} *Черепашье яйцо! — Китайское ругательство» наподобие нашего «чорт возьми».*

— Это ничего. Рана заживет, и мы вновь отправимся на поиски.

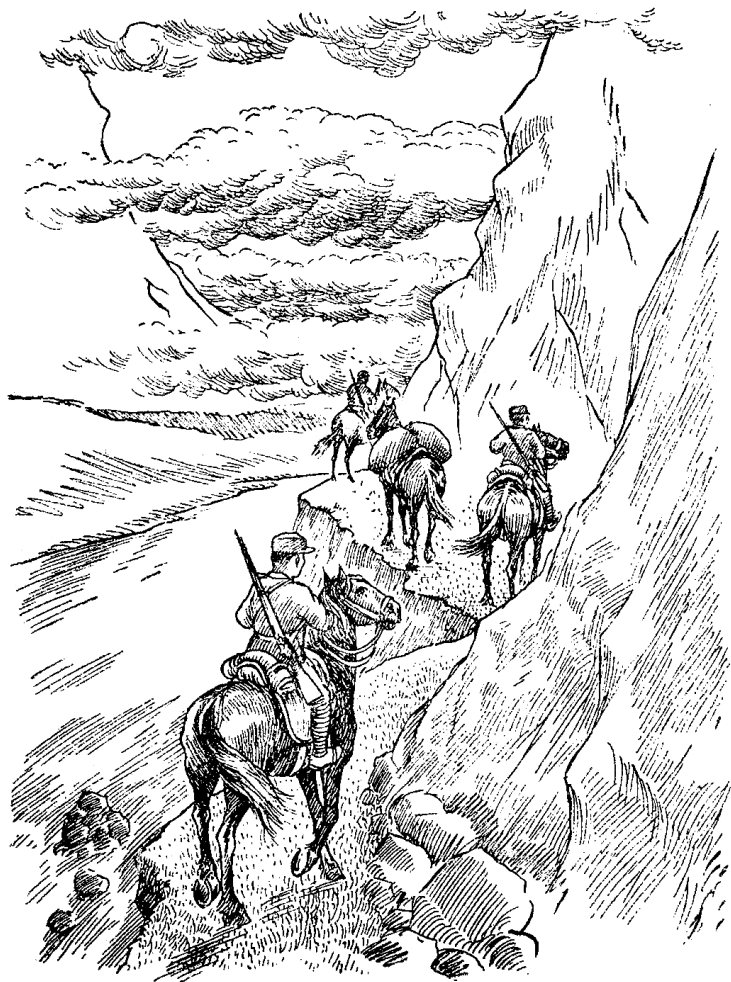
— Ты верен себе, Чэн...

Всю ночь отряд продвигался к перевалу. Лес кончился. Он уступил место каменным осыпям, утесам, молчаливо встававшим из темноты по бокам труднопроходимой дороги. К утру с вершин гор спустился туман. Плотной влажной завесой окутал он все вокруг. Медленно наступал рассвет. Белесая завеса колебалась, пришла в движение и разорвалась на отдельные влажные клочья. Лучи солнца ворвались в разрывы между ними, и сразу все осветилось вокруг.

Дорога лепилась по краю узкого каменного карниза.

Обогнув отвесный гранитный утес, путешественники увидели далеко внизу реку. Она походила на светлую ленту, брошенную среди темных гор. Волны тумана еще катились по ней.

— Мэконг, — сказал Мао.

Он остановил коня и стал всматриваться в реку. Чэн, вынув бинокль, тоже последовал его примеру.

Молодой, подтянутый, с иссиня-черными волосами и большими спокойными глазами, командир отряда был полной противоположностью гиганту Мао, устрашающая физическая сила которого могла бы служить пугалом для людей, если бы

не добродушнейшее лицо, полное, как луна, с выпуклыми височными костями монгола и с узкими, заплывшими жиром, глазками. Годами Мао, верно, не уступал третьему путешественнику, раненому, хотя и не имел седых волос, как тот.

Остальными членами экспедиции были солдаты, бывалые люди с заветренными лицами. Кроме винтовок, за спину у них были заброшены широкополые бамбуковые шляпы — обязательная принадлежность каждого китайского воина, спасающая его и от дождя, и от жгучего южного солнца, и от воздушного врага.

Солдаты шумно выражали свою радость тому, что самый трудный и опасный конец пути остался позади.

Однако командир не разделял их восторга.

— Моста нет... — тревожно сказал он, отнимая бинокль от глаз и вопросительно посмотрев на Мао.

— Он был.

— Когда это было?

— Это было... — великан задумался, — ...когда Мао еще не был толстым. — Но никто не помнит Мао худым!

Мао благоразумно промолчал. Они начали медленный спуск. Опытные, привыкшие к кручам лошади осторожно переставляли ноги. Мелкие камни с возрастающей скоростью катились вниз, увлекая за собой другие камни, и грохочущей лавиной обрушивались в реку.

Река шумно мчалась по каменистому ложу, разбиваясь в пену о прибрежные утесы. Плеск воды заглушал человеческую речь. В воздухе носилась мельчайшая водяная пыль.

Моста не было. Проехав около ли^{*)} вверх по реке, Мао нашел его остатки — несколько камней, уступом выдававшихся над водой. Где-то в верховьях прошли ливни, река поднялась и сбросила ветхий мост. В старину здесь проходил караванный путь из Индии в Китай. Долиной Мэконга шел в XIII веке по европейскому летоисчислению Марко Поло, первый европеец, проникший в таинственную небесную империю. И вот теперь наши путешественники очутились в положении знаменитого венецианца: или повернуть назад и искать обходного пути, или же решиться на опасную переправу.

*) Китайская ли — примерно 400 метров.

Но сзади могли ждать враги. Раненый бредил, время не ждало. И Чэн выбрал переправу.

Мао нашел брод. Течение было настолько сильным, что сбивало с ног. Лошадь пугалась рева воды. Таща ее за собой на поводу и противостоя потоку всем своим богатырским телом, Мао удалось, наконец, после нескольких неудачных попыток, достичь противоположного берега и прикрепить конец длинной и прочной веревки, протянутой через реку.

Это облегчило переправу остальным. Держась за веревку, можно было бороться с течением. В первую очередь переправили раненого и вьючных лошадей. Переправа уже закончилась, когда произошло несчастье. Натянутая, как струна, веревка не выдержала и лопнула. Прижатая к ней напором воды лошадь была моментально сбита с ног и увлечена потоком. На секунду над водой показалась голова с выкаченными от ужаса глазами, жалобное ржание донеслось до слуха людей, затем, перевертываясь в воде, как мяч, несчастное животное исчезло в стремнине.

Чэн помрачнел, когда ему донесли, что на погибшей лошади были навьючены дорожные медицинские средства. Рана профессора начинала гноиться. Чэн отгонял тревожные мысли, но они назойливо лезли в голову. Положить столько трудов, постоянно ожидать, что скоро наступит радостный день, когда профессор, друг и учитель, скажет: «Ну, Чэн, дорогой мой, победа близка!...» — и все потерять от глупой случайной пули, посланной врагом...

При воспоминании о враге у Чэна сжимались руки и нервная дрожь пробегала по коже. О, как он ненавидел его! Врагу еще мало разграбленных приморских провинций, теперь он пытается проникнуть внутрь страны, чтобы охватить своего противника и с флангов и с тыла, отрезать от всего остального мира и постепенно удушить. И высадка парашютного десанта — лишь очередное средство для достижения этой цели.

Хорошо, что в ту роковую ночь отряд наткнулся на заброшенную фанзу и оказался под защитой частокола! На открытом месте одна пулеметная очередь — и от всего отряда осталось бы кровавое крошево...

Некоторое время путешественники двигались вверх по течению Мэконга. Затем уклонились вправо, пересекли несколько небольших горных хребтов и, наконец, выбрались на обширное горное плато.

Пустынная и дикая страна лежала перед ними. Теплые муссоны — ветры постоянных направлений, насыщенные испарениями океана, — не достигали сюда. Горы преграждали им путь. Здесь было суше, растительность беднее. Начались пески! Призрачное марево играло вдали. Иногда могучий крылатый хищник всплывал в вышине, высматривая добычу. Раз в отдалении мелькнуло стадо антилоп.

Мао уверенно вел отряд через пустыню. Здесь он знал каждый камень. Здесь когда-то прошла его молодость. Много лун сменилось с тех пор, как он кочевал по горным пастбищам Западного Китая. Потом он стал борцом в бродячем цирке, и вместе с трупной объехал страну от Калгана до Кантона. Звезда непобедимого борца взошла над ним. За добродушие его прозвали «ласковым Мао». Когда началась война, Мао бросил цирк и взялся за винтовку. Судьба привела его в партизанский отряд, которым командовал Чэн, студент из Шанхая. Впослед-

ствии их обоих отправили далеко на запад. Там произошла их встреча с профессором Чжаном, работавшим в недостижимой для врага глуши над изобретением, которое должно было дать победу народу. Вместе с профессором они пересекли в нескольких направлениях обширные пространства провинции Сикан и Синин. Профессор искал что-то крайне важное и необходимое, а Чэн и Мао с отрядом верных людей охраняли его и помогали поискам.

И вот теперь тот, кого они оберегали, лежал недвижимый, с едва заметными признаками жизни, покачиваясь в такт движению лошадей. Он очень ослаб за эти дни. Зной и длительный переход томили его.

Впереди оставался еще один день пути. Путешественники пересекли песчаное плато и расположились на ночь у подошвы невысокого и совершенно голого холма. Одна сторона его была поката, другая обрывиста и скалиста; на вершине стояло изваяние Будды^{*)}, вытесанное из камня неизвестным художником и поставленное здесь много веков назад. Неподвижное, безмолвное, высотой в два человеческих роста, оно казалось суровым стражем пустыни и, хорошо видное издалика, служило надежным дорожным знаком.

Расседлав коней, путники занялись ужином. Пищей служил сухой вареный рис, упакованный в аккуратные пакетики. Для раненого вскипятили кофе. Великан Мао ухитрился испечь на костре настоящие пампушки — хлебца, которые, обычно пекутся на горячем пару. Однако раненый не прикоснулся к ним. Он то впадал в забытие и начинал бредить, то тихо, протяжно стонал и метался.

Чэн произвел очередную перевязку. Рана продолжала гноиться. Синева вокруг нее заметно увеличилась. Нужно было немедленно применить обеззараживающие средства, но они остались в Мэконге.

Чэн не мог подавить острое чувство тревоги. Ночь он спал плохо, рано утром уже был на ногах и поднял отряд.

Холмы, увалы, покрытые жёлтой, выгоревшей травой... Этот пейзаж казался бесконечным.

1) Святой, почитаемый восточными народами, в том числе китайцами. Отсюда и религия, исповедуемая ими, называется буддизмом.

Солнце клонилось к западу, когда преодолев еще один непродолжительный подъем, отряд поднялся на плоскую, изрезанную оврагами, возвышенность. Еще четверть ли — и перед глазами путешественников открылась котловина, укрытая со всех сторон холмами. Среди зелени пальм и серебристых акаций белели каменные домики с красными черепичными крышами, столь необычные в этой стране, как, впрочем, необычен был и весь этот оазис, радостный, суливший долгожданный отдых!

Вдали с горы низвергался вниз водопад. До половины он падал свободно, а затем исчезал в отверстии широкой трубы, нижний конец которой уходил в здание, опутанное сетью проводов и высоковольтных изоляторов. Без сомнения, это была электростанция, работающая на белом угле. Линия высокого напряжения тянулась от нее к двухэтажному кубическому зданию с плоской крышей и высокой куполообразной башней.

Поодаль у маленького домика возвышались две металлические ажурные башни, с натянутой между ними антенной.

Наконец, еще дальше виднелось ровное квадратное поле, на котором стоял самолет, похожий издали на стрекозу.

Путешественников ждали. Едва они показались в поле зрения, от крайнего домика отделились две человеческие фигуры — мужская и женская — и быстро пошли по дороге навстречу отряду. Чэн пришпорил лошадь, и, обогнав процессию с раненым, тоже поспешил вперед. На полпути они встретились. Мужчина был в форме летчика. Сопровождавшая его молодая девушка, с кокетливой челкой на лбу и пухлыми яркими губами, имела внешность эрлиски — женщины, рожденной от китайца и монголки.

Чэн, прыгнув с лошади, радостно приветствовал их обоих:

— Лань Чжи, привет вам! О, да это братишка Ли? Как ты здесь оказался?

Братья не видались уже много месяцев.

— Прибыл с донесением, — отрапортовал летчик, вытянувшись во фронт и козырнув рукой.

Чэн развернул депешу; поданную братом, и пробежал глазами:

«Электро-город, отроги Сычуаньских Альп, в верхнем течении Янцзы-цзян. Военному коменданту города Чэн Тай-пина.

В виду полученных сообщений о выброске противника в ряде районов воздушных десантов, направляем в ваше распоряжение, в качестве подкрепления гарнизона города, эскадрилью истребительной авиации под командованием Ли Тай-пина. Для ликвидации очагов опасности срочно перебрасываются войсковые соединения из провинции Юньнань».

— Я вылетел раньше. Эскадрилья прибудет ровно в семь ноль-ноль, — пояснил летчик, взглянув на часы.

— Ты немножко запоздал, Ли, — грустно возразил Чэн. — Мы уже имели удовольствие встретиться с ними. Видишь... — показал он рукой на приближавшуюся процессию.

Девушка изменилась в лице.

— Что это? Случилось несчастье с отцом? Он умер?..

— Не пугайтесь, он жив. Но он ранен. Скорей доктора! Может быть, мы еще сумеем его спасти...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Центр в науки, в пустыне. Болезнь не проходит. Рассказ Мао. Опять в дорогу. Сокровище каменного Будды. «Мы нашли то, что искали!»

Странное впечатление производил этот необычайный, не указанный ни на какой карте город, затерянный среди гор малоисследованного и полупустынного Западного Китая, где на квадратный километр поверхности в среднем едва приходится около двух человек населения.

Возникновение его было тесно связано с именем профессора Чжана.

Профессор Чжан Сю-линь, доктор физических и математических наук, член-корреспондент Парижской академии и крупнейшее светило в области электромагнетизма и радиологии, принадлежал к числу тех людей, имя которых составляет гордость целого народа, а существование — неразрывно связано с прогрессом науки.

Уроженец провинции Цзянсу, он провел свои ранние годы в Шанхае. В этом первом городе страны, и в одном из крупнейших городов мира, он окончил университет и изучил историю китайской культуры. Затем поехал в Европу и провел там несколько лет. Разносторонне образованный, знающий несколько языков, вернувшись на родину, он решил посвятить себя изучению ее. Он побывал в горах Куэнь-Луня, исследовал Большой Хинган и Цинлинский хребет. Среди степных просторов внутренней Монголии он едва не погиб от жажды. Лошадь упала от укуса ядовитой змеи, ближайший колодец оказался засыпанным песком. Умиравшего ученого подобрала девушка-наездница, дочь местного монгольского князька.

Вместе с нею, своей женой, он вернулся в родной Шанхай и погрузился в научную работу.

Война не дала закончить открытие, над которым он работал много лет; Под бомбами погибли лаборатория, библиотека, институт. Во время эвакуации осколком снаряда была убита жена. Лишившись всего, успев захватить с собой лишь маленькую свинцовую ампулу с веществом, над которым он производил свои опыты, и количество которого исчислялось десятками долями грамма, в сопровождении дочери профессор Чжан покинул Шанхай и направился на запад страны.

Правительство знало об опытах профессора и придавало им большое значение. С невероятными трудностями оно создало для него первоклассную лабораторию, выстроив целый городок в глухой местности у истоков Янцзы-цзян. Каких нечеловеческих усилий стоило перебросить сюда все необходимое оборудование — приборы, машины, предметы повседневного обихода!

Ученый вновь взялся за работу. Но спустя некоторое время, лаборатория стала испытывать крайнюю нужду в том веществе, которое играло в опытах главную роль. Профессор делил его на микроскопические доли, но вещества не хватало. Приобрести его было невозможно — оно стоило невероятно дорого: за грамм — сотни тысяч золотых долларов. Не каждая страна могла позволить себе роскошь иметь его в количествах, необходимых хотя бы для научных исследований. Тем более, не могла это сделать родина Чжан Сю-линя, напрягавшая все силы в борьбе с иноземным врагом.

Тогда неуголимый ученый решил найти это вещество. Вместе со своим неизменным спутником Чэном и Мао он исколесил тысячи километров. Он нашел нефть, каменный уголь, различные руды и минералы, но не то, что ему было так необходимо. Ничтожные признаки не шли в счет.

Однако он не терял надежды.

И вот теперь он лежал между жизнью и смертью. Правда, покой и уход энергично противостояли болезни, но кризис задерживался, и два врача, лечившие ученого, все еще не ручались за счастливый исход.

Сильные боли мучили раненого. Когда они утихали и наступало временное облегчение, профессор слабым голосом отсылал дежурившую у постели дочь в лабораторию, закончить исследование образцов, собранных в последней поездке.

Со стесненным сердцем девушка шла исполнять эту обязанность. Приученная отцом любить науку, сейчас она не могла сосредоточиться для работы.

Сиделка доложила больному, что его хочет видеть Мао.

— Пусть войдет, — медленно ответил профессор. Язык еще плохо повиновался ему.

— Что ты хочешь мне сказать, любезный Мао? — ласково спросил он, когда великан, стараясь ступать как можно тише, появился в комнате.

Мао чувствовал себя неловко в этой тихой, затемненной комнате, где пахло лекарствами, и каждый шорох отдавался в углях. Сложив руки, он отвесил несколько смущенных поклонов, не зная с чего начать.

— Подойди ближе, садись и говори, какое дело привело тебя ко мне.

— Когда я был пастухом... — начал проводник, но, испугавшись своего грубого голоса, сразу перешел почти на шепот, — ... мне довелось услышать одну историю о том Будде, мимо которого мы проезжали. Один старый лама^{*)} рассказывал мне ее...

Больной закрыл глаза. Мао поспешно поднялся с места.

— Я могу в другой раз...

— В другой раз ты можешь опоздать, — грустно отозвался профессор, открывая глаза. — Продолжай, я слушаю. Так что рассказывал тебе старый лама?

— Жил на берегу Голубой реки бедный старый китаец, — начал свой рассказ Мао, глядя куда-то в сторону, — садил рис, половину урожая отдавал чиновникам, на другую половину с трудом тянул до нового урожая. И вот пришел великий голод. Небо не дало дождей, земля потрескалась, риса не стало. Пришли чиновники, требовали риса, но что мог дать бедный китаец, когда кожа его иссохла, как та земля, на которой были похоронены его предки... Чиновники гневались, топали ногами, приказали дать ему много палок. Бедный китаец тяжело заболел, тело его покрылось болячками и опухольями, он лежал и ждал смерти. И вот ночью слышит он, кто-то говорит ему: «Вставай, ступай по Голубой реке, поклонись перед смертью Будде, раны твои закроются, и ты здоровым попадешь на небо».

Встал бедный китаец, взял несколько пампушек, которые ему дали добрые люди, и пошел в Лхассу.

Мао перевел дыхание и осторожно скосил глаза на профессора. Убедившись, что его слушают, он продолжал:

— Долго он шел, все берегом матери рек. И вот раз завыл ветер, закружил песок, потерял бедный китаец реку, которая вела его, и очутился один в пустыне. И вот думал он уже, что пришел его конец. Взошел на холм и не мог удержаться, чтобы не пожаловаться на свою судьбу: «За что небо послало мне такой печальный конец? Жил я благочестиво, предков чтил, соседям не завидовал, подати чиновникам платил исправно, не моя вина, если голод взял у меня все...»

^{*)} Буддийский монах.

И вдруг с неба спустилась черная туча, стало темно, как в могиле, засверкали молнии...

Упал бедный китаец в страхе на землю, а когда решился поднять голову — увидел перед собой Будду... каменного Будду. Три дня и три ночи лежал он перед Буддой, а когда встал, то почувствовал себя совсем здоровым. Опухоли спали, раны закрылись...

— И что же ты хочешь, дорогой Мао? — прервал рассказчика профессор, болезненно улыбаясь.

— Я хочу предложить вам...

— Поехать и поклониться твоему Будде, чтобы он дал мне избавление от недуга!

— Нет, не поклониться, — смутился Мао, — а так...

В этот момент дверь распахнулась и в комнату быстро вошла Лань Чжи. Она была чем-то возбуждена, и на минуту, казалось, даже забыла о тяжелом состоянии отца. В руках она держала какие-то черные пластинки, с которых на пол стекали капли воды.

— Отец! Все снимки, что ты привез, почернели при проявлении. Вот, смотри.

Она слегка приподняла подушку, на которой лежала голова профессора, и показала ему снимки, вернее, то, что называлось ими. Все они были непроницаемо черны, как будто перед проявлением подверглись воздействию самого сильного света.

— Но ты же их засветила!..

— Отец, как ты можешь так говорить!

Лицо профессора внезапно стало серьезно. Он закрыл глаза и замолчал. Лань Чжи испуганно впилась в него глазами. Мао переступил с ноги на ногу и на цыпочках направился к двери. Неожиданно раненый слегка приподнялся и окликнул его.

— Мао! Подожди минутку. Я последую твоему совету, мы поедем к твоему Будде!

— Что ты хочешь сделать, отец?

— Поехать туда, куда мне советует Мао.

— Но это безумие с твоей стороны!

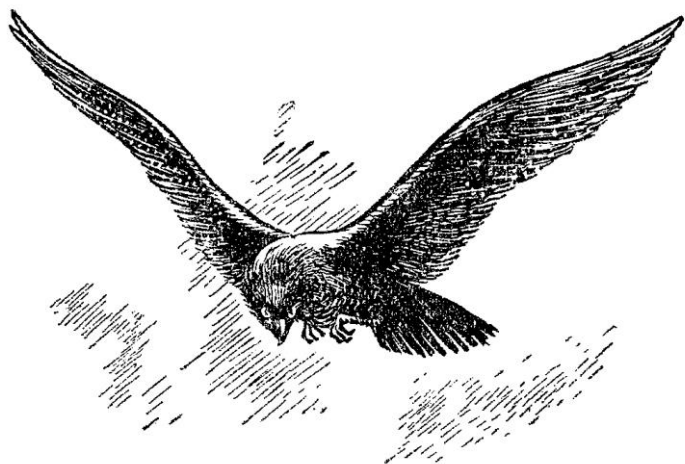
— Осторожней, девочка. Я еще жив и мы поедем. Если я вынес неделю пути, то переживу еще один день. Мао, сообщи Чэну: собираться. И ты, Чжи, тоже поедешь с нами. Приготовь свой прибор. Заряди электроскоп и не забудь, пожалуйста, захватить с собой магнитомикрометр и фотоувеличитель.

Напрасно профессора пытались отговаривать. Он стоял на своем, возбуждение охватило его. На бледных щеках его выступил румянец. Он не хотел слышать возражений и лишь повторял:

— Ехать, ехать! Ехать немедленно, пока я ещё в состоянии это сделать. Если Мао прав, я выздоровею. Если нет... ну пусть будет так угодно Будде, как говорит Мао. Кроме того, насчет этого Будды я имею кой-какие свои соображения... Ехать, без разговоров!

Они поехали рано утром следующего дня. Опять профессор покачивался в качалке, рядом с которой ехала Лань Чжи. Она отлично управляла конем, унаследовав это искусство от матери. Профессора сопровождали врач и сиделка — тоже верхом на лошадях.

Солнце еще было высоко, когда они добрались до холма с изваянием Будды. Истукан был виден за много ли. На голове его сидел большой степной коршун. Увидев людей, он взмахнул крыльями и поднялся в высоту.

Широкое, с плоским носом и узким разрезом глаз, лицо каменного святого было обращено на восток. Мёртвая загадочная улыбка застыла на нем. Полуопущенные руки касались скрещенных ног.

Этот памятник глубокой старины мог бы привести в восторг любого археолога, но не профессора Чжана, мысли которого были заняты другим. Он приказал поднять себя на вершину холма, и Лань Чжи, повинуясь указаниям отца, приступила к целой серии научных исследований. Взяв пробы породы, из которой был сложен холм, она опробовала их различными кислотами, затем подвергла испытанию кварцевым пьезо-гальванометром.

Подножие каменного истукана превратилось в походную лабораторию. Дымились и шипели кислоты, металась по шкале стрелка гальванометра, куски породы рассыпались в прах.

Приближение ночи прервало работу Лань Чжи. Пришлось все отложить до утра.

Утром внимание профессора целиком поглотила стрелка электроскопа. За ночь она отклонилась влево на несколько делений. К полдню она отклонилась еще больше. Это взволновало профессора. Он не мог оторвать глаз от маленькой черной иглы, медленно передвигавшейся по шкале. Сомнений не могло быть, электроскоп разряжался без всякой видимой причины. Это открытие приковывало и внимание Лань Чжи: она-то понимала, что это может значить! Их волнение передалось и остальным, все ждали чего-то необычайного.

К концу дня электроскоп разрядился почти полностью, и его показания были подтверждены показаниями магнитометра — чувствительнейшего прибора, отвечавшего на самые ничтожные магнитные волны. Оставалось проверить показания этих точных измерительных приборов еще одним, более точным и чувствительным. Это было сделано.

Поздно вечером фотоувеличитель зарегистрировал присутствие невидимых лучей, разлагавших бромистое серебро светочувствительного элемента.

Где-то здесь в распыленном состоянии находилось лучистое сияющее вещество, предмет постоянного вождения профессора! Это оно испускало невидимые активные лучи и окружало себя сильным магнитным полем.

Но все ли верно? Нет ли где ошибки? Когда сделано большое открытие, первое чувство ученого — сомнение. И профессор хотел еще и еще раз проверить себя, и только тогда назвать

то, что открыто. Лишь лихорадочный блеск глаз выдавал, какие чувства обуревают его сейчас. Чэну он сказал:

— Завтра мы возвращаемся домой. Необходимо захватить с собой тонну породы, из которой сложен этот холм...

— Будет сделано, учитель, — коротко ответил Чэн.

Профессор помолчал и, наконец, тихо, как бы не решаясь признаться даже самому себе, произнес:

— Кажется, мы нашли то, что искали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Счастливое излечение. Профессор берется за работу. Торжественный день. «Друзья мои, это радий!..» Чэн едет в Шанхай.

Опасения врачей не сбылись. Случилось обратное тому, чего все так боялись, — поездка не утомила больного, не привела к осложнению в ходе болезни, а, наоборот, казалось, влила в ослабевший организм ученого какие-то живительные соки. Там, на кургане у Будды, произошел кризис болезни, и профессор Чжан стал быстро поправляться. Врачи приписывали это действию целительного свежего воздуха. Мао, вероятно, связывал все происшедшее с историей старого ламы. А сам ученый пока ничего не говорил, быть может, имея на этот счет свои соображения.

Однажды утром дежурный врач, придя к больному, не нашел его. Халат и туфли были здесь, но сам профессор исчез. Его обнаружили в лаборатории и немедленно водворили обратно в постель. Но ненадолго. Силы профессора восстанавливались с каждым днем, и его уже ничем нельзя было остановить. Ежедневно он стал заглядывать в лабораторию, где Лань Чжи уже пыталась что-то делать с привезенной породой. С каждым разом эти визиты становились продолжительнее. Наконец, в один прекрасный день он заявил, что чувствует себя вполне здоровым и просит не мешать ему.

Он надолго заперся в лаборатории. Это затворничество делила с ним Лань Чжи. От нее и через брата Ли Чэн знал, что работы развертываются благоприятно, и на этот раз сулят многое.

И вот наступил день, когда скрытный Чжан (или просто осторожный в своих выводах, как каждый истинный ученый)

сам пригласил Чэна и Ли к себе в лабораторию. С ними с первыми он хотел поделиться своей радостью.

Лаборатория помещалась в самом большом здании городка, двухэтажном, с высокой башенкой. Служитель — пожилой китаец в круглой шапочке, неслышно ступая мягкими туфлями, проводил братьев на второй этаж и, распахнув перед ними небольшие, окованные темным металлом двери, ввел в высокий светлый зал. Здесь было много воздуха, царили тишина и свой особый, присущий только научным заведениям порядок и покой. На длинных столах поблескивали бесчисленные реторты и колбы. Чуть пахло кислотами.

Профессор был за рабочим столом. Сидя в кресле и попыхивая трубкой, он внимательно изучал разложенные на столе записи, испещренные столбиками формул и цифр. Услышав четкие шаги молодых людей, он поднялся с места и дружески приветствовал их.

— Рад вас видеть, друзья мои. Садитесь. Что нового на свете? Я как-то отстал от жизни за последнее время, чего, кажется, нельзя сказать о Чжи...

Лань Чжи, занятая по соседству каким-то опытом, пролила на стол капельку кипящей жидкости. Чтобы скрыть порозовевшие щеки, Она принялась поправлять на голове белую косынку, из-под которой выглядывала черная блестящая челка. Одна рука девушки была забинтована. Чжан лукаво прищурил один глаз. Ли улыбнулся. Чэн ждал, что последует за этим предисловием.

Но празднично настроенный профессор был не прочь поинтриговать и не спешил удовлетворить чужое любопытство. Щеки его были еще бледны после перенесенной болезни. Свежий халат и белоснежная шапочка придавали ему сходство с врачом.

— Чжи, оставь на минутку свои пробирки и иди к нам, — сказал он дочери — Так вы не хотите сообщить мне, что нового передают в эфире? Как поживают наши друзья на островах? А мы им приготовили маленький подарочек...

Внезапно он умолк и задумался. Ему вдруг вспомнился университет в Шанхае, где он преподавал, вспомнились студенты, его ученики. Они так же, как вот эти двое сейчас, приходили к нему, чтобы взять от него то, что он копил в своей

голове десятилетиями, так же нетерпеливо и почтительно ждали его слов... Что-то теплое поднялось от сердца профессора. Он ощупывал глазами двух молодых людей, сидевших перед ним... Чэн настоящий боевой командир. Как он возмужал за эти годы! Ему нет и тридцати лет, но про него не скажешь, что он не установился^{*)}. И заботливый, как женщина... Ли тоже боевой командир. Говорят, он немало сбил этих воздушных фокусников... Оба молодцы и очень похожи друг на друга. Только Чэн чуточку ниже, коренастее и более спокоен, вдумчив. А Ли — кипяток, горячий, нетерпеливый. Он строен и, пожалуй, изящен. Такие нравятся девушкам. А ведь оба они были студентами, оба могли стать учеными!..

Неожиданно, тоном учителя, экзаменующего ученика, профессор громко спросил:

— Что вы знаете о Ле-Шьене, короле радия?

— Очень мало, почти ничего, — ответил Чэн. — Бельгийский миллионер, один из директоров «Всеобщей компании». В тысяча девятьсот девятнадцатом году, после окончания Первой мировой войны, получил в свои руки кусок африканской колонии Конго. На этом куске оказался радий.

— Верно, мой мальчик. Я доскажу остальное. Ле-Шьен стал королем радия. Правда, кроме него, были еще два торговца радием, но он сумел их разорить. Он установил цену за грамм радия — пять пудов золота. Чтобы купить пять граммов радия, в 1920 году Швеция вынуждена была объявить всенародную подписку. Франция купила в том году только шесть граммов, а Германия — четыре. Ле-Шьена просили снизить цену, но он отвечал, что производство радия крайне сложно и требует много затрат. В год он продавал не больше шестидесяти граммов. Шестидесять граммов на весь мир вещества, которое могло бы облагодетельствовать человечество! Вы понимаете, что это значит?

Профессор затянулся трубкой и, не дожидаясь ответа на свой вопрос, продолжал:

— Это значит, что мир фактически был лишен радия. Грустно сказать, но ученые, открывшие радий, были лишены возможности иметь его в своих лабораториях. А ведь в дальнейшем изучение его могло дать миру очень многое. Как был

^{*)} Китайское выражение, в смысле — «не сложился характер».

открыт радий? Это случилось 1-го марта 1896 года. В этот день французский ученый Анри Беккерель обнаружил, что кусок урановой руды испускает невидимые лучи, способный воздействовать на фотографическую пластинку. Это открытие поразило всех учёных.

Мария Кюри-Склодовская, жена выдающегося французского физика Пьера Кюри, решила найти таинственные лучи Беккереля. Повторив его опыт, она пришла к выводу, что в урановой руде содержится какое-то новое, никому не известное вещество. Вместе с мужем она задалась целью отыскать это вещество. Через четыре года, переработав два вагона отбросов урановой руды, они извлекли несколько крошечных белых кристалликов. В этих кристалликах, в соединении с хлором, и скрывалось новое вещество радий — «лучистый», как называли его Кюри. Еще через шесть лет эти крупинки превратились в чистый металл — радий.

Радий — удивительный металл. Без какого-либо заметного изменения для самого себя, он непрерывно шлет в пространство лучи, заряженные электричеством и способные проникать через самые непроницаемые тела — резину, камень, дерево, сталь. Только свинец может задержать этот невидимый поток лучей. Это свойство Кюри называли радиоактивностью. В присутствии радия даже воздух становится радиоактивным. Английским физикам Резерфорду и Содди удалось собрать этот радиоактивный «воздух», газообразное вещество, выделяемое радием, которое они называли эманацией радия.

Профессор сделал паузу и разжег потухшую трубку.

Он задумался, как бы пробегал мысленно то, о чём рассказывал. Спичка догорела, и пламя лизнуло кончики пальцев. Профессор болезненно встряхнул рукой. Чэн заметил, что пальцы у него были, казалось, обожжены и кожа на них шелушилась,

— Как-то раз Кюри одолжили Беккерелю трубочку с радием, — продолжал профессор. — Он сунул трубочку в жилетный карман и пошел на лекцию. А через десять дней он заметил у себя на груди, на том месте, где лежала трубочка, красное пятно. Потом пятно превратилось в рану, которая очень долго болела. Отсюда родилось предположение: если радий может причинять вред, то почему бы ему не приносить и поль-

зу? Многие страшные яды, если изменить дозировку, становятся лекарственными средствами.

— Предположение оказалось верным. Мир был взволнован, узнав, что радий, разрушая больные клетки организма, излечивает многие злокачественные опухоли и рак. Страшная болезнь рак, от которого ежегодно умирают миллионы людей, этот рак излечим! Радий сразу стал необходим, как воздух.

— Радий распылен по всему земному шару и, как печка, непрерывно подогревает землю. Но собрать его бесконечно трудно. Лишь в немногих уголках земли нашлись места, где мог быть извлечен радий. Таким местом оказался клочок Африки, попавший в руки Ле-Шьена. Миллионы пораженных раком требовали радия, но Ле-Шьен давал только шестьдесят граммов в год и говорил, что больше невозможно добыть. На самом же деле не хотел этого. Ему невыгодно было снижать цену на радий.

— С тех пор прошло немало времени, но положение с радием почти не изменилось. За все это время было добыто немногим больше одного килограмма радия. Он все так же дорог. Правда, ученые научились заменять его в какой-то мере искусственными радиоэлементами, но это тоже требует огромных затрат. И вот этот радий, удивительный сияющий радий, совсем недавно мы с вами нашли у себя дома...

В этом месте плавное течение рассказа профессора оборвалось. Он порывисто поднялся с места, прошел в конец лаборатории, где в углу возвышалось странное кубическое сооружение, наподобие огромного несгораемого шкафа и, открыв массивную дверцу, пригласил жестом следовать за собой. Когда все вошли, он захлопнул дверцу и щелкнул выключателем. Камера осветилась. Она была совершенно пуста, если не считать круглой подставки, на которой стояла небольшая шкатулка темного цвета. Из такого же темноцветного материала были сделаны стенки, пол и потолок камеры. Ли осторожно чиркнул о стенку ногтем.

— Свинец?

— Свинец, — подтвердил профессор.

Он открыл шкатулку и вновь повернул выключатель.

Стало так темно, что на секунду в глазах появились радужные круги — запоздавшие отблески света, отраженные радуж-

ной оболочкой глаза. Все притихли. Неожиданно Чэн уловил слабый фосфоресцирующий свет, исходивший от шкатулки. По мере того, как глаза привыкали к темноте, он становился ярче, сильнее. Он был синевато-сиреневый, неподвижный, какой-то неземной. Так светятся звезды в темноте ночи, но они мерцают, и свет их очень слаб и далек. При этом же сиянии можно было даже читать.

— Это радий... — шепнул профессор. — Наш радий! Ты знал, Чэн, что я давно искал его...

— Как он красив! — тихо сказала Лань Чжи. — Когда я смотрю на него, мне хочется улететь к звездам.

— Ну, это слишком далеко, — сказал Ли. — А вот для затемнения при воздушных налетах такой свет в самый раз...

— Ты прав, мой мальчик, — отозвался ученый. — Радиевым составом покрывают циферблаты часов, компасов, навигационных приборов, и они светятся в темноте. Если миллиграмм радия опустить в сернисто-цинковую массу, то она будет светиться десять лет.

Он включил освещение. Голубое сияние сразу потухло. Вместо него на дне шкатулки, в маленькой стеклянной ампуле, слегка окрашенной в фиолетовый цвет, лежали несколько серебристых песчинок, таких крохотных, что их не сразу можно было заметить.

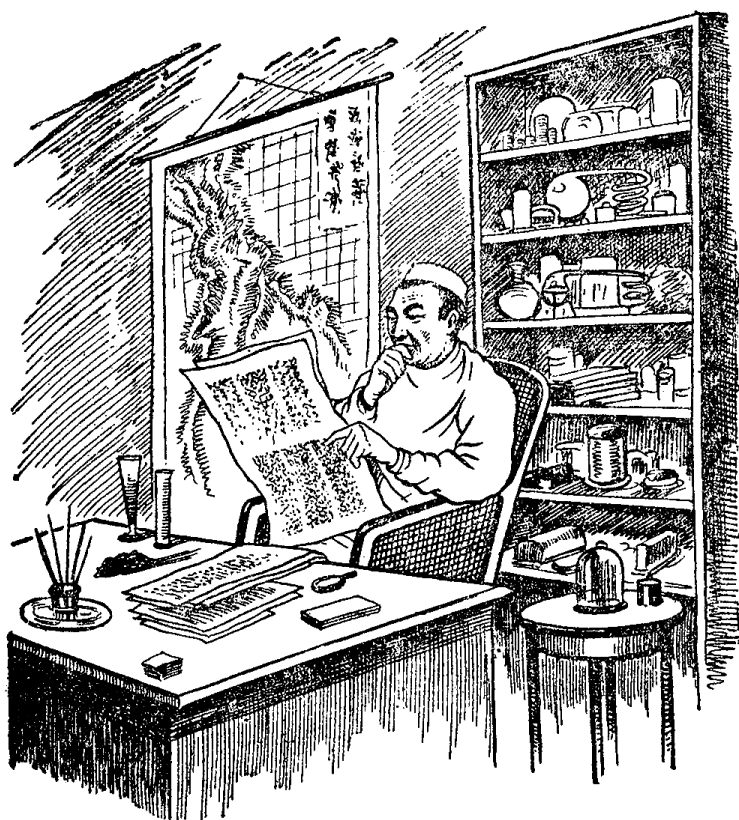
— Мы славно поработали с Чжи все эти дни, — сказал профессор, пряча свое сокровище в свинцовое хранилище. — Здесь три сотых грамма. Это очень много для тонны руды, обработанной нами. На руднике Ле-Шьена для получения такого количества радия нужно затратить месячный труд пяти человек, пятнадцать тонн руды, столько же реактивов и триста тонн дистиллированной воды. Это никак не сравнить с тем, что затратили мы с Чжи. Не так ли, девочка? Только она опять сильно обожгла себе пальцы.

«А вы сами?» — хотел сказать Чэн, но воздержался.

Профессор не любил, когда говорили о нем.

Они покинули камеру. Профессор тщательно притворил за собой герметическую толстостенную дверку.

— Малейшая щелочка, и запляшут все приборы, — заметил он. — Этот радий прилипчив, как сотня лихорадок. Сейчас мы с вами надолго пропитались его эманацией.

Он задумался, как бы пробегая мысленно то, о чем рассказывал...

Они вернулись к столу и профессор продолжал:

— Итак, два человека за сравнительно короткий промежуток времени извлекли в лабораторных условиях из тонны руды три сотых грамма радия. Что это значит? Это значит, что руда очень богата радием, сказочно богата! Кстати, как подтверждение этого, я склонен рассматривать и свое быстрое выздоровление. Я надеюсь, вы теперь догадываетесь, в чем его секрет? Там, на холме, я подвергся интенсивному облучению радием, жизнедеятельность организма восстановилась, ну... и,

как видите, я вновь здоров. Мы нашли огромное богатство и дадим наш радий всякому, кто будет нуждаться в его целебной силе. Но сначала надо освободить нашу родину от врага. И сделать это поможет радий. Враг силен и жесток. Необходимо такое оружие, о которое разбились бы все его усилия. Там... — профессор кивнул головой на глухую стену с массивной дверью, за которой помещалась электрогенераторная установка лаборатории, — там я надеюсь добыть это оружие.

Теперь, когда мы имеем свой радий, это стало ближе, чем когда-либо. Но нужно спешить. Каждый день промедления уносит новые жертвы. Как я жалею, что оставил там, в Шанхае, все мои научные записи за много лет. Без них я сейчас, как без рук.

— Они сгорели вместе с университетом? — быстро спросил Ли.

— Нет, возможно, они и не сгорели, но все равно потеряны для меня. Когда пылал Шанхай и бомбы падали на университет, я успел лишь передать их Сингу, старому слуге, нянчившему Чжи. Он остался в Шанхае.

— Но, может быть, он жив, и записи сохранились?

— Трудно сказать...

— Можно поехать и найти их!

— Это невозможно, — запротестовал профессор. — Слишком опасен переход через фронт и пребывание там, в Шанхае.

— Я полечу туда на самолете...

— Тебя собьют над первым же городом, занятым неприятелем, — сказал Чэн.

— Нет, нет, — горячо повторял профессор. — Это слишком опасно, почти верная гибель!

— Вот если на самолете до линии фронта, а там дальше с помощью партизан... Это может получиться, — задумчиво произнес Чэн.

— Все равно, если даже вам и удастся благополучно перейти фронт, вы не сумеете найти Синга, — возражал профессор.

— Отец, — Лань Чжи потянула профессора за рукав, — когда мы расставались с ним, он успел шепнуть мне: «Синг будет там, где сверчки».

— Сверчки? Да, верно, старик грешил этой страстью. Я помню, он все свободное время возился с ними...

— Отлично! — обрадовался Чэн. — Я найду его по этой примете.

— Почему ты, а не я? — запротестовал Ли.

— Потому, что ты горяч и нетерпелив.

— Я протестую...

— Я приказываю...

Ли замолчал. Чэн продолжал говорить:

— На своём самолете ты перебросишь меня и Мао до линии фронта. Если только самолет подымет Мао, — пошутит он. — У меня есть партизанский опыт.

— Будь осторожен, мой мальчик, — сказал профессор. В голосе его слышалось волнение и нежность. Чэн посмотрел на него долгим признательным взглядом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В Шанхае. Воспоминания Чэна. Китайский Нью-Йорк.

Курильня опиума. Синг там, где сверчки. Шпион. Гибель Мао.

Огромный город шумел, как океан в часы прилива.

Чэн бродил по улицам и с трудом узнавал знакомые места. Если центр города изменился сравнительно мало, то окраины были неузнаваемы. Чапей; когда-то многолюдный, густо заселенный китайской беднотой, лежал в развалинах. Стерлись очертания кварталов; груды щебня, бесформенных обломков и пепла возвышались там, где стояли дома. Среди этих руин копошились группы кули, собиравших металлические обломки. Японские солдаты с примкнутыми штыками наблюдали за их работой. Императорской Японии не хватало металла...

Чапей! Как много говорит это слово каждому китайцу! Ещё в 1932 году японцы, пытаясь захватить Шанхай, получили отпор от Девятнадцатой армии, окопавшейся в Чапее. Чапей тогда выгорел дотла. Его отстроили. Но ненадолго. Через пять лет он запылал вновь; Чэн помнит, как это началось.

В этот день он вместе с товарищами по университету был в кино, смотрели фильм об испанских событиях. На экране шли эскадрильи самолетов, слышался гул моторов, падали бомбы на незащищенные селения и апельсиновые рощи. Фильм закончился, студенты вышли на улицу, но рокот моторов преследо-

вал их. Это были уже настоящие самолеты. Они шли низко, чуть не задевая крыши высоких зданий, и сбрасывали настоящие бомбы. Глухие удары разрывов слышались в центре города. На Нанкин-род^{*)} виднелись глубокие воронки. От Чапея и Цзян-ваня доносился грохот ожесточенной канонады.

Накануне японцы потребовали очистить город от китайских войск и скрыть в окрестностях все укрепления. Уже до этого они непрерывно высаживали войска, используя международный сэттльмент, который был неприкосновенен для китайцев. В пригороде Хонкью маршировали японские солдаты, одетые в пуленепроницаемые кольчуги. Прибывали танки и пушки. На Вампу бросил якорь японский авианосец. Китайцы тоже готовились к неизбежному столкновению. Форты Усуна — морского порта Шанхая, Северный вокзал и аэродром усиленно охранялись. Молодежь — кули, крестьяне, студенты — проходила военную подготовку.

Правительство отвергло требование врага. Тогда он перешел от слов к насилию. После трехмесячных боев китайские войска оставили город и отошли на запад. Вместе с ними ушёл и Чэн...

И вот он вновь в Шанхае. Многомиллионный город шумит. Там, где выстроились кварталы европейских домов-небоскребов, внешне все кажется неизменным. Звенят трамваи. Бесшумно скользят автомобили. Бегут лампацо — потные, едва прикрытые лохмотьями, «люди-лошади». И все же Чэн не узнает Шанхая. Чего-то не хватает городу. Чего? Чэн понял это, когда вышел на набережную Вампу.

Широкая река была пустынна. Лишь несколько чужих военных кораблей стояло на ней. Исчезли суетливые буксиры, бесчисленные джонки и торговые суда под флагами всех наций мира. Величайший порт на востоке замер.

Шанхай называют китайским Нью-Йорком. Расположенный близ моря на судоходной реке Вампу, впадающей в устье реки Янцзы, он меньше чем за сто лет превратился из третьего-разрядного местечка в международный город с четырехмиллионным населением. И вдруг этот колосс лишился того, что дало ему жизнь — торговли. Он продолжал существовать, но он уже не был прежним Шанхаем.

^{*)} Центральная улица Шанхая.

Однако, даже уменьшившийся, с сожженными окраинами, город был огромен. Как найти в нем одинокого, затерянного среди миллионов человека?

Сверчки — вот, что в первую очередь искали Чэн и Мао. Методически они обыскивали квартал за кварталом, побывали во всех курительных опиума, на всех сверчковых боях.

Целую неделю Чэн обследовал международный сеттльмент, этот город в городе, созданный иностранцами, со своей полицией, с собственными законами, судом и муниципалитетом.

Приходилось соблюдать крайнюю осторожность. Могли найтись люди, которые знали Чэна в лицо, а бывших студентов японцы ловили особенно усердно. Зато Мао чувствовал себя, как рыба в воде. Скопление народа, массовые азартные зрелища — все это напоминало ему о годах, проведенных в цирке.

Однажды он пропадал целую ночь и вернулся под утро оборванный, со ссадинами на лице и руках, но довольный. Оказалось, что он принял участие в потасовке в ночном притоне. Была азартная игра. Двое игроков не захотели платить проигрыш старому китайцу, владельцу сверчков.

Завязался спор. Один из спорящих пригрозил старику, обозвав его «Университетской крысой». Лукаво улыбаясь, Мао с наслаждением смаковал подробности драки.

— Как звать старика? — нетерпеливо спросил Чэн.

— Его звать... Синг!

— Записи?

— Он обещал их принести вечером.

Но теперь Мао было опасно показываться там. И Мао договорился, что придет Чэн. Желтая повязка на правой руке и слова «куплю великого маршала» должны были помочь Сингу опознать Чэна.

Дождавшись темноты, Чэн отправился к условленному месту. Нанкин-род был ярко освещен. Прыгали, мигали, бесновались светящиеся рекламы. Длинные полотнища с жирными китайскими иероглифами свешивались до земли у магазинов. Из роскошных ресторанов, кафе, баров на улицу лились звуки джаз-банда. В открытых окнах виднелись танцующие пары. Завоеватели веселились... По асфальту сновали пешеходы. Между огнями автомобилей, как светлячки, мигали бумажные фонарики бегущих с сытыми седоками лампацо-рикш.

*В сизом полумраке на деревянных нарах сидели и лежали
неподвижные человеческие фигуры.*

Чэн повернул к Вампу. Здесь было не так оживленно.

Набережная освещена скудно. Река темна. Противоположный берег казался вымершим. Там лежал унылый рабочий район Путун, застроенный верфями, гигантскими складами горючего и доками; теперь наполовину разрушенный и выжженный.

У мрачного приземистого здания Чэн остановился. Над темной нишей висела слабо освещенная надпись «Осенние развлечения». Шагнув в темноту, Чэн спустился по сырým каменным ступеням и ощупью нашел низенькую дверь. Пахло сладким дурманящим запахом. В сизом полумраке на деревянных нарах сидели и лежали неподвижные человеческие фигуры. Некоторые, покачиваясь как автоматы, что-то уныло гнусли себе под нос и время от времени прикладывались к длинным трубкам. Из-за грязной захватанной занавески бесшумно появился сухой сморщенный кореец и льстиво согнулся навстречу гостю.

— Господин хочет выкурить трубку?

Чэн отрицательно качнул головой и прошел в глубину помещения. За тонкой камышовой перегородкой был виден свет и слышались человеческие голоса. Чэн откинул тяжелый занавес и очутился в ярко освещенной тесной комнате, наполненной возбужденными людьми. Посредине стоял небольшой стол, на котором барахтались два толстых длинноногих сверчка. Зрители, окружив стол, азартно жестикулировали, спорили и громко восклицали:

— Хао! Хао!

Это были бедные люди — кули, рабочие, бездомные, жившие случайным заработком. Они с пылом отдавались этому странному развлечению, дешевому и возбуждающему. Здесь заключались пари, проигрывались последние деньги, а то, что оставалось, шло за трубку опиума, которая хоть на время давала забвение от тяжелой, беспросветной жизни.

Громче всех кричал и смеялся молодой круглолицый китаец в помятой соломенной шляпе и с затасканным пестрым галстуком на шее. Одной рукой он дергал себя за галстук, а другой держал кисточку, сделанную из усов крысы, и щекотал ею сверчков. Щекотание возбуждало их.

Чэн, как истинный китаец, был не чужд этому необычному спорту, столь излюбленному в Китае и совершенно неизвест-

ному ни в какой другой части света. Но сейчас ему было не до того.

Кто-то осторожно тронул Чэна за руку, повязанную желтым платком. Чэн обернулся. Перед ним стоял старый китаец с бледным лицом.

— Чего хочет, господин?

— Куплю великого маршала...

— Когда?

— Сейчас.

— Я принес, — шепнул старик и поманил Чэна за ширмы. Вытащив из-под широкой синей блузы толстую пачку тетрадей, перевязанную бечевкой, он передал ее Чэну.

— Скажите моему доброму господину, что мне уже не дожидаться их... — печально добавил старый слуга.

Чэн хотел ободрить его, но дряблая, с зеленоватым оттенком кожа и безжизненные глаза говорили, что это бесполезно. Синг уже поддался губительному недугу и сознавал свою обреченность. Чэн спрятал сверток под одежду и вышел из-за ширмы.

Громкие крики возвестили, что поединок окончился. Один сверчок повалил другого и впился в него клещиками.

Китаец в шляпе вскочил с места и закричал:

— Синг, давай твоего великого маршала!

Синг приблизился к столу, вытащил из-за пазухи маленькую клетку, сделанную из бамбуковых прутиков, и выпустил на стол нового сверчка. Это был «великий маршал» — неоднократно победитель состязаний. Лицо и глаза старика сразу оживились. Сейчас для него не существовало ничего, кроме сверчков...

Чэн не стал ждать конца этой схватки. Он незаметно выскользнул из комнаты и покинул притон. Очутившись на улице, он с облегчением вдохнул свежий воздух. С Вампу дул легкий ветер. Освещенная канонерка прошла вверх по реке и исчезла за мысом.

Чэн прибавлял шаг. Сердце билось легко и радостно. Он ощупывал драгоценный сверток и с трудом удерживал себя, чтобы не пуститься в пляс тут же на улице. Наконец-то эти записи, которым не было цены, найдены! Скоро профессор получит их, и тогда... Чэн погрозил кулаком вслед канонерке. Тогда посмотрим, кто кого!

Внезапно Чэн ощутил неясное чувство тревоги. Все ли он сделал чисто? Не выдал ли чем-нибудь себя? У этих ищеек острый нюх... Но нет, едва ли кто-нибудь сможет его узнать в этом костюме китайца среднего достатка, каких тысячи в Шанхае.

На время Чэн успокоился. Вскоре он вышел на людную улицу и смешался с толпой. Несмотря на поздний час, улицы, где помещались торговые, зрелищные заведения, были оживлены. Однако тревожное чувство постепенно овладело Чэном. Он свернул в переулок. Здесь было тише, освещение слабее.

Сомнения не могло быть: сзади слышались шаги. Может быть, это случайный прохожий? Нет, это японец. Только японцы могут так шлепать подошвами.

Чэн свернул еще раз. Шаги тоже повернули за ним.

— Это, несомненно, сыщик... Как лучше поступить? — соображал Чэн. — Он, конечно, не отвяжется. Напасть на него самому? Рискованно. Филер наверняка вооружен. Могут погибнуть профессорские тетради...

Чэн скрипнул зубами. Из предосторожности, на случай обыска, он не брал с собой оружия и сейчас сожалел об этом.

Вот и место, где он уговорился встретиться с Мао.

Чэн прошел фонарь и остановился в тени. Сыщик приближался. Вот он в кругу света. Знакомая шляпа, пестрый галстук... Ого, да это любитель бойцовых сверчков! Чэн сжал кулаки. Внезапно он вздрогнул. Сзади послышался топот. Чэн обернулся: японский патруль... Сыщик быстро подошел к офицеру, что-то сказал. Патруль направился к Чэну.

— Кто такой? — рявкнул толстый, перетянутый ремнями унтер.

— Я бедный китайский коммерсант... — быстро заговорил Чэн, сгибаясь и втягивая голову в плечи.

— Что он говорит? — спросил офицер.

— Он говорит, что он не тот, за кого себя выдает, — насмешливо ответил сыщик и угодливо хихикнул.

— Обыскать! — приказал офицер.

Солдаты направили штыки на Чэна.

В этот момент из-за угла показалась высокая грузная фигура в одежде кули. Покачиваясь и напевая пьяную песенку, человек не спеша направился по панели.

— Стой! — крикнул шпик и, подскочив к кули, заглянул ему в лицо. — Руки вверх! Еще одна птичка, господин поручик. Это Ласковый Мао. Я видел его в цирке Чжи-лилу...

— У тебя хорошая память, лягушонок, — пробасил Мао, перестав покачиваться.

Внезапно, он распрямился и наотмашь ударил шпика своей волосатой ручищей. Тот, не издав ни звука, отлетел в сторону и свалился замертво. Другой рукой Мао схватил офицера и ударил им о стену дома. Затем ринулся на остальных. Все это он проделал с такой непостижимой быстротой, какую никак нельзя было ожидать от его огромного тела. Схватив двух солдат сразу, он стукнул их головами и бросил на мостовую. Последнего из них, увернувшись от направленного штыка, сшиб с ног и обезоружил Чэн.

Они пустились бежать по улице, и когда уже были в сотне шагов от места схватки, за спиной загремели выстрелы. Это подоспел второй патруль. Мао тихо охнул и схватился за грудь. Сделав еще несколько шагов, он тяжело упал на колени.

Чэн попытался приподнять товарища, но Мао обмяк, мускулы уже не повиновались ему, и он все ниже сползал на землю.

— Беги... — хрипло шептал Мао. — Не жди, погубишь все.

Сзади послышался шум погони. Тонко взвизгнула над головой пуля. Чэн бережно опустил голову товарища на мостовую и, придерживая рукой сверток, бросился в темноту.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Прощай Шанхай! Вверх по Голубой реке. Китаец и рис.

Японский патруль. Допрос. В плену.

Голубая река величаво несла свои желто-бурые воды. Легкая рябь плескалась о борта и двумя струями расходилась за кормой. Далекие берега казались стиснутыми двумя стихиями — небом и водой.

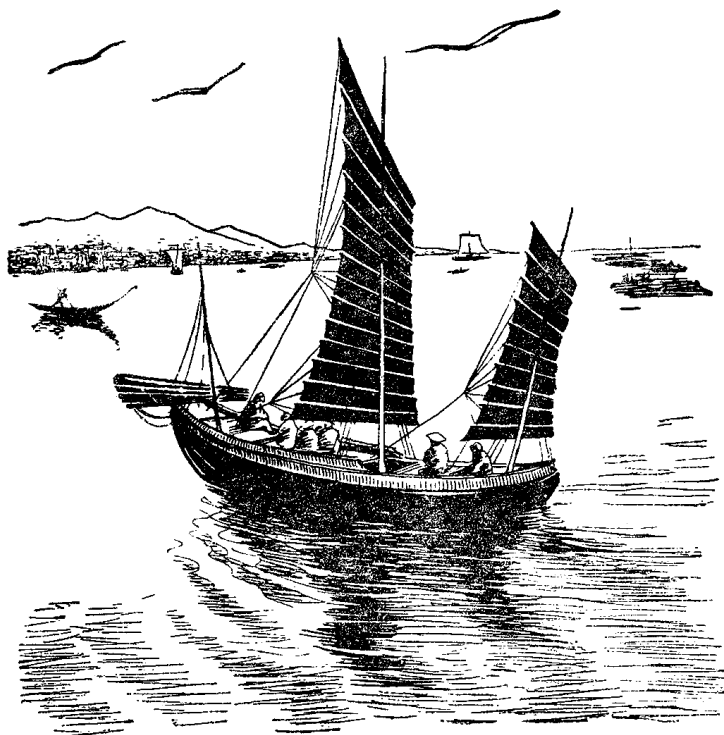
Прощай, Шанхай! Прощай, Мао, отважный солдат и верный товарищ...

В глубоком раздумья Чэн сидел на корме и смотрел на растекающийся на воде пенистый след джонки. Мао все еще за-

нимал его мысли. Еще одна жертва этой проклятой войны, которой не видно конца. Сколько горя, смертей, разрушений уже принесла она. Удастся и когда-нибудь вернуться к любимому делу, скинуть костюм солдата и вновь взяться за книгу? Кто знает? Сегодня Мао, завтра, быть может, твой черед...

Чэн тяжело вздохнул.

Джонка быстро уходила на запад. Попутный ветер с океана подгонял ее, наполняя косые перепончатые паруса.

Попутный ветер с океана подгонял ее, наполняя косые перепончатые паруса...

Навстречу плыли вереницы плотов, сампанов, товарных и рыбацких джонок с плетеными парусами и с огромными глазами дракона, нарисованными на носу. Порой, вспенивая воду, проходили военные корабли, приземистые быстроходные, по-

хожие на хищных акул. Река была полноводна. Даже океанские суда с глубокой осадкой поднимались по ней на тысячу километров от устья. Янцзы-цзян, Голубая река — величайшая река азиатского материка. Двенадцать провинций омывают ее воды. Почти половина населения Китая — более двухсот миллионов человек — живет в бассейне Янцзы. Гигантской змеей, длиной свыше пяти тысяч километров, опоясала она страну от Тибета до Шанхая.

Еще не так давно она была единственным путем в провинцию Сычуань, которая одна больше целой Франции. Этот путь оказался неоценимым, когда началась война, и миллионы людей двинулись от врага в глубь страны. Плыли на сампанах, пароходах, парусных лодках. Увозили свои пожитки, оборудование фабрик и заводов, книги, музейное имущество. Это было великое переселение. В далеком Чунцине, за две с половиной тысячи километров от моря, была основана новая столица взамен старой, занятой неприятелем.

Глаза Чэна непрерывно натыкались на следы пронесшейся здесь военной бури. Черные, выгоревшие поля, сожженные дотла деревни, брошенные на отмелях суда и баржи. У входа в Великий канал, пересекающий Янцзы у города Чженьцзяна, над водой торчали мачты затопленных кораблей. Перед Нанкином — прежней столицей страны — виднелись остовы разрушенных текстильных фабрик.

За Нанкином началась живописная местность. На южном берегу подступали высокие лесистые холмы. Река то расширялась до пяти-шести километров, то суживалась, стиснутая скалистыми уступами. Местами она делилась на несколько рукавов, образуя низкие песчаные острова. На северном плоском берегу тянулись бесконечные рисовые поля. На них копошились крестьяне, одетые в синюю одежду. Эти синие фигуры казались необходимым дополнением к пейзажу. Старинные водяные колеса, приводимые в движение ногами, со скрипом гнали на поля воду. Рис требует много воды. Три месяца поля должны быть покрыты ею. Только когда он начнет желтеть, воду спускают. Солнце и земля жадно поглощали влагу. И заунывное скрипение висело над полями с утра до ночи.

Рис — самое распространенное в Китае культурное растение, которым питается свыше трети населения земного шара.

Рис — предмет самых тщательных забот народов Азии. Но риса не хватает. И голод — вечный спутник китайского крестьянина.

...Близился опасный момент — переход через фронт. Мысли Чэна, как мысли всякого путешественника, у которого первую половину пути они обращены назад, к тому, что оставлено, а затем устремляются вперед, в ожидаемое будущее, все чаще возвращались к этому последнему препятствию.

В первый раз это удалось сделать так, как и рассчитывал Чэн, — с помощью партизан. Фронт растянулся на тысячи километров. Японцы были не в состоянии держать его непрерывно на всем протяжении и занимали стратегически важные пункты, выставляя сильные заслоны. В разрывы между заслонами партизаны проникали в тыл противнику.

В обратном направлении Чэн думал проделать это водой. Угрюмый китаец взялся доставить его на джонке до Ханькоу, а затем под покровом ночи переправить к своим. Джонка приближалась к Цзюцзяну. До Ханькоу, где проходил фронт, было еще далеко, но река с каждым новым поворотом становилась пустыннее. Впереди показался одинокий скалистый островок с храмом на вершине. Голые темно-красные уступы поднимались отвесно из воды. Когда судно огибало их, из-за острова неожиданно выскочил на полном ходу моторный катер. За кормой полоскался японский флаг. Поравнявшись с джонкой, катер заглушил мотор и, сделав крутой поворот, закачался на волнах. На носу поднялась невысокая, одетая в форму японской морской пехоты, фигура.

— Куда вас ходи? — крикнул японец на ломаном китайском языке, делая знак остановиться.

— В Ханькоу... везем товар... — смиренно складывая руки, ответил владелец джонки и назвал известную торговую фирму, покровительствуемую властями.

— Вас ходи к берегу.

— Нам в Ханькоу... Хозяин ждет!

— Ханькоу нельзя. Ходи к берегу! — угрожающе повторил японец. В отверстии носового иллюминатора появился черный глазок пулемета.

— Нарвались на патруль... — встревоженно прошептал Чэну лодочник.

Джонка, спустив один парус, покорно направилась за катером к берегу. Чэн торопливо раздумывал: оставить драгоценный сверток при себе или спрятать в джонке? А если джонку конфискуют и не будет времени вынуть его? Нет, пусть лучше будет при себе.

Захрустела речная галька. Джонка клонула носом и остановилась. Катер тоже приткнулся к берегу.

— Ходи на берег!

Задержанных под конвоем двух солдат привели к домикам, стоявшим на пригорке. В одном из них, видимо, помещался штаб: в дверях стоял часовой, у коновязи были привязаны верховые лошади. На улице группами и в одиночку разгуливали солдаты. В отдалении, на сухом рисовом поле, Чэн заметил несколько военных самолетов.

Из штаба вышел с непокрытой головой молодой худощавый офицер с нашивками лейтенанта авиации.

— Обыскать! — крикнул он фальцетом, скользнув взглядом по задержанным.

Чэн похолодел... Через минуту сверток был в руках у лейтенанта. Сузив глаза, офицер внимательно осмотрел его. Затем развязал бечевку и раскрыл одну тетрадь.

Внезапно лицо лейтенанта исказилось.

— Шифр?! — выкрикнул он и в упор посмотрел на Чэна.

Глаза его сразу стали злыми. Он круто повернулся и вошел в штаб.

Один из конвоиров подтолкнул Чэна винтовкой к штабу. Остальных повели куда-то за деревню.

В штабе, неловко скрестив ноги под табуретом, сидел за столом тучный офицер с салфеткой у подбородка. Он завтракал, запивая каждый кусок маленькими глотками сакэ^{*)}. Мясистые щеки его вздрагивали при каждом движении челюстей.

— Господин майор, задержан шпион, — доложил лейтенант. — При обыске обнаружены зашифрованные документы.

Лейтенант положил стопку тетрадей перед майором.

Майор кончил жевать, не спеша вытер салфеткой жирные губы и перелистал несколько страниц.

— Это не шифр, а скорей, какие-то научные выкладки, — сказал он после некоторого молчания.

— Тем хуже! — отозвался лейтенант.

*) Японская рисовая водка.

— Интересно... — бормотал майор, перелистывая одну тетрадь за другой. — Допросить!

— Куда вез документы? — закричал лейтенант, оборачиваясь к Чэну. Чэн молчал. Еще несколько вопросов — и с тем же успехом.

Внезапно на улице послышался неясный шум. Майор скомкал салфетку и выглянул в окно. Страшный грохот сотряс стены хижины. Офицеры схватили фуражки и выскочили из комнаты. Грохот повторился с новой силой. Хижина напротив зашаталась и рассыпалась. Столб пыли и дыма взметнулся над улицей. Со стороны поля, где Чэн заметил самолеты, донесся рев моторов. Еще через секунду Чэн уловил далекий гул, плывший в вышине.

Он был один. Унтер тоже выскочил вслед за офицерами. Тетради лежали на столе...

«Наши! Идут на большой высоте...» — определил Чэн.

Он быстро огляделся. Он был один. Унтер тоже выскочил вслед за офицерами. Тетради лежали на столе. Чэн сунул их под рубашку, кинулся к двери и... столкнулся с унтером Омицу.

Чэна заперли в тесный сарайчик рядом со штабом. Тревога, вызванная налетом китайской авиации, постепенно улеглась. Чэн слышал, как возвратились офицеры. Ямамото что-то говорил зло и нетерпеливо. Майор односложно отвечал. Спустя некоторое время рев моторов возвестил, что вернулись японские истребители, преследовавшие бомбардировщики китайцев.

Чэн пытался спрятать тетради, но спрятать было некуда. Глинобитные стены были тверды, как камень. Утрамбованный земляной пол тоже не поддавался ногам. А кроме ногтей, у Чэна ничего не было. Нож был отобран при обыске.

Чэн ждал, что его вызовут на допрос. Но этого не последовало. Казалось, о нем забыли. День угас. В крохотном оконце Чэн видел клочок темного неба и несколько звезд. Звезды напомнили ему радий. Проклятие!.. Быть так близко у цели и погубить все... Уж не изменник ли этот Сяо, взявшийся переправить его через фронт? Сяо уверял, что путь безопасен вплоть до Ханькоу...

Тяжелые мысли мучили Чэна. Он не испытывал страха. Он думал об изобретении, в котором так нуждалась его родина, о профессоре Чжане, который с нетерпением ждал возвращения Чэна...

Хотелось пить, но воды не было. Никто не вспоминал о пленнике. Только за стеной слышались мерные шаги часового.

Ночью Чэн услышал отдаленный гул орудий. Это обрадовало его. Сяо не был изменником. Фронт передвинулся к востоку под напором китайцев, и этим можно было объяснить неожиданное появление японских патрулей под Цзюцзяном.

Чэн старался измыслить способ побега. Шаги часового заходили. За стеной послышалась какая-то возня. Потом что-то тяжелое с глухим стуком упало на землю. Тихо скрипнула дверь. Все чувства Чэна сразу обострились до предела...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Чжан играет в шахматы. Возвращение Чэна. Электрическое сердце города Чжан Сю-линя. Ли сердится. «Подарок Будды».

Профессор и Ли, сидя на веранде, сражались в шахматы. Профессор любил в часы отдыха отдаваться этому занятию, которому выучился еще в студенческие годы. Играл он спокойно и расчетливо, тщательно взвешивая каждый шаг. Ли играл очень решительно, но опрометчиво/

— Кажется, вы опять перехитрили меня,— с огорчением признался он, тщетно стараясь спасти положение.

— Хитрость — великая вещь, мой мальчик,— ответил профессор.— Только не надо смешивать ее с коварством.

— Но у вас вялый стиль!

— Стиль — это человек.

— Вы слишком медлительны!

— Все приходит в свое время к тому, кто умеет ждать,— говорят французы. Шах королю!

Еще несколько ходов, и белый король оказался под угрозой мата.

— Сдаюсь! — взмолился Ли. — Ваш стиль победил. Но мне он не нравится.

Ветер донес слабое жужжание мотора. Игроки прислушались. Ли перегнулся через барьер и стал смотреть на небо. Над холмами появилась черная точка. Она быстро увеличивалась в размерах, принимая очертания самолета. Сделав плавный вираж, самолет выключил мотор и стал планировать.

— Это Чэн! — вскричал Ли, и, спрыгнув с веранды, бегом бросился к аэродрому.

Почему Чэн? Мог быть совсем и не Чэн. Но эта фраза выдавала мысли Ли, которые не расставались с Чэном.

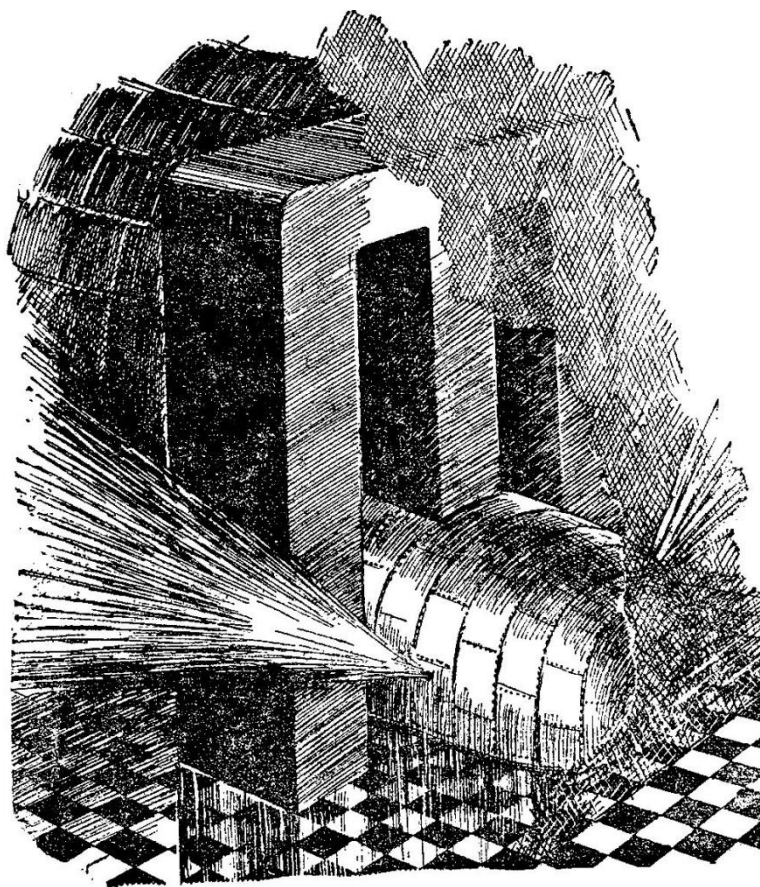
Профессор, у которого дрогнуло сердце от этого возгласа, надел шляпу и тоже поспешил на аэродром.

Да, это был Чэн! Как радостно было издали узнать его коренастую, подтянутую фигуру! Рядом с ним профессор ожидал увидеть огромного нескладного Мао, но вместо Мао около Чэна стоял незнакомый человек, молодой, узколицый, в форме японского рядового, с которой были спороты все нашивки.

— Это Ван-Лин, — представил неизвестного Чэн. — Если бы не он, вам, вероятно, больше не видать бы меня... А это ваши тетради, учитель.

Тетради, бесценные тетради вновь вернулись к своему владельцу! «Но где же Мао?» — хотел спросить профессор, но по глазам Чэна понял, что случилось несчастье...

Вечером, за чайным столом, Чэн рассказал о том, как, спасая товарища, погиб честный Мао, как сам Чэн уже ждал смерти. Судьба изменчива! — В стане врагов оказался неизвестный друг, солдат Ван-Лин — кореец, мобилизованный в японскую армию. Связав часового, он освободил Чэна и бежал вместе с ним в расположение китайских войск.

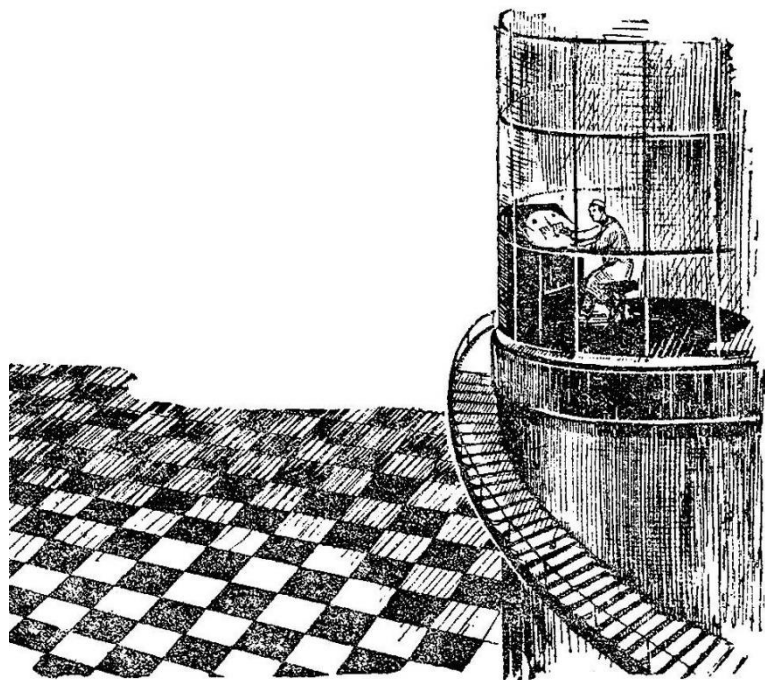

Дальше уже было просто. В штабе китайской воинской части Чэн назвал себя. Снеслись по прямому проводу с Чунцином, получили скоростной самолет, пилотируемый опытным летчиком, и... вот он, Чэн, живой и невредимый, вместе со своим неожиданным спасителем, вновь в Электрогороде, в кругу друзей...

Потянулись дни, полные напряженного труда. В городе начиналось большое строительство, у холма с Буддой был заложен радиевый рудник. Прибывало оборудование, партии рабочих. Кореец Ван-Лин получил место десятника и уже успел проявить на работе свою сметливость.

Все дни профессор проводил в лаборатории около электрогенераторной установки. Здесь помещался электрический мозг города. Сюда поступала почти вся электроэнергия, вырабатываемая гидростанцией. Через посредство этой энергии рождалось то оружие, о котором говорил профессор.

Центральную часть обширной лаборатории занимал гигантский циклотрон — электрический бомбардировщик атом-

ного ядра. Верхняя часть его упиралась в стеклянный купол башни, возвышающийся над зданием. На прочном фундаменте покоился мощный электромагнит, похожий на массивную металлическую арку. Полюсы его достигали пяти метров в диаметре. Посредине этой сложной конструкции находилось специальное приспособление, где под напряжением в миллионы вольт получался мощный поток дейтонов (ядер атомов тяжелого водорода), бомбардировавших вещество, атомы которого подвергались расщеплению.

Все сооружение было окружено тройной металлической сеткой, которая была заземлена и во время работы служила защитой от страшных электрических разрядов.

Опыты профессора нередко затягивались до поздней ночи. И тогда силы, скрытые в этих могучих машинах, проявляли себя особенно буйно, по крайней мере, зрительно. Когда темное небо повисало над городом, в окнах лаборатории вспыхивало ослепительное голубое пламя. Казалось, грозовые молнии, низвергнувшись на землю, беззвучно раскалывали ночную тьму.

С некоторого времени профессора стали часто видеть на плоской крыше лабораторного здания. Он часами возился около какой-то странной машины, назначение которой было никому не известно. Детали этой машины были изготовлены по чертежам профессора в механических мастерских Электрогорода. В сборке ее принимали участие Ли и авиационный механик его эскадрильи. Ли держался того мнения, что они собрали ультракоротковолновую установку неизвестной конструкции, механик же уверял, что это не что иное, как... электрический зенитный пулемет, изобретенный профессором.

Кто из них был прав — оставалось неясным. Сам же профессор, по обыкновению, до поры до времени хранил полное молчание. К воскресному столу он приходил рассеянный, погруженный в свои мысли, быстро глотал пищу и почти ничего не говорил.

Больше всех обычно говорил Ли. Однажды он долго распространялся об авиационных моторах, которые Америка поставляла Китаю. Он с возмущением отзывался о них, хотя еще совсем недавно был противоположного мнения. Они капризничали, давали перебои, а раз даже отказали полностью: сколько с ними ни бились, их не могли даже запустить! Ли уже ре-

шил заменить их новыми, но на другой день моторы работали, как часы. А еще через день они опять беспричинно закапризничали, и мотористы ничего не могли поделать с ними. Впрочем, на мотористов Ли был зол не меньше, чем на моторы. Он считал, что они невероятно обленились здесь. Хотя, признался Ли, лично он тоже не мог найти причину неисправности моторов.

— Это от рассеянности, — пошутил Чэн.

— А при чем тут рассеянность? — не понял Ли.

— Влюбленные рассеяны.

Лань Чжи покраснела и опустила глаза. Но Ли не унимался:

— Ты этим не шути. А случись налет противника! Нас забросают на земле, как крыс!

— Ну, будем надеяться, что в нужный момент моторы окажутся в полной исправности, — спокойно сказал профессор, отрываясь от тарелки.

Вскоре после этого разговора Ли получил задание вылететь в Чунцин. Он вернулся на другой день и не один: одновременно с ним прибыли два военных инженера и уполномоченный военного ведомства — члены правительственной комиссии, которую ждал профессор. Утром следующего дня, в присутствии членов комиссии, Ли, Чэна и Лань Чжи, профессор сделал важное сообщение.

— В молодости я думал посвятить себя мирным наукам, истории и географии, — начал он, когда все собрались. — Война положила конец моим мирным намерениям. Пусть простят мне это мои коллеги из Парижа! В самом деле: еще пять тысяч лет назад Китай существовал как государство. Он знал искусственное орошение и строил сооружения, которые действуют и поныне. Китайцы изобрели порох, бумагу и фарфор, открыли шелк, первыми применили в мореплавании компас. Они построили Великий канал и Великую стену^{*)}. Китай знал золотые века поэзии, искусства и наук. Еще Марко Поло поразил своих соотечественников рассказами о том, что в Китае добывают камень, которым топят печи, а из земли выкачивают жидкость, которая горит. И вот началась эта война.

^{*)} Великая Китайская стена была построена для защиты от северных кочевых орд. Она имела более 5000 км длины и несколько десятков тысяч боевых башен.

— Страна поднялась для борьбы. Наши люди отважны, выносливы, полны самопожертвования. Но нам не хватает оружия. Вот этой проблеме я и решил отдать свои силы. Вам известно, что я долгое время занимался изучением радия и атомного ядра. Тот, кто хотя бы в общих чертах знаком с атомистической теорией, знает, что излучение радия — это поток частиц, несущих с собой электрический заряд. Присутствие свободных зарядов в воздухе и является причиной того, что там, где есть радий, разряжается электроскоп и нарушается работа всех точных электрических приборов. Это свойство радия послужило мне отправным пунктом в моей работе. Однако, завершение исследовательских работ тормозилось отсутствием необходимых количеств радия. Совсем недавно это затруднение отпало. Легенда, рассказанная проводником Мао, помогла нам наткнуться на богатейший пласт радиевых руд, лежащий почти на поверхности, так сказать, своеобразный подарок Будды, если верить рассказу нашего Мао! Мы нашли свой радий...

Легкое оживление в зале заставило на минуту замолчать профессора. Жестом руки он восстановил тишину.

— Это открытие имеет величайшее значение для нас, и мне понятно ваше волнение. Но я еще не сказал самого главного. Дело в том, что некоторые любопытные свойства руды, замеченные нами при извлечении из нее радия, заставили нас произвести весьма тщательные дополнительные исследования ее. Результатом этого явилось новое открытие. Мы нашли спутника радия, новый, неизвестный доселе элемент, обладающий чрезвычайно интересными свойствами, более интересными, даже чем радий...

Возбуждение, охватившее слушателей, прервалось приветственными криками в честь смелого новатора науки профессора Чжана Сюиня. Он с улыбкой следил за этими проявлениями радости, затем продолжал:

— Это вещество также радиоактивно, и обладает атомным весом, большим, чем наиболее тяжелый из известных нам элементов — уран, занимающий, как известно, последнее место в таблице элементов. Поэтому условно его можно назвать трансураном. Какова история образования его? Она пока еще неизвестна нам. Может быть, это своеобразный остаток от тех вре-

мен, когда земля еще только начинала формироваться, приближаясь к современному своему состоянию. Так сказать, первородный элемент, один из тех, которые были на земле в период расплавленного состояния ее и не дошли до нас в своем первоначальном виде, так как за миллионы лет подверглись распаду с образованием новых элементов. Или же это продукт распада гигантского болида, упавшего на землю в далекие от нас времена.

— Все это требует дальнейшего длительного изучения. Но сейчас не это важно нам. Важны свойства этого вещества. Так, излучение его обладает способностью ускорять рост животных и растительных клеток, наподобие митогенических лучей Гурвича (чему, по всей видимости, я обязан своим выздоровлением). Под действием мощного пучка дейтронов, обладающих энергией, соответствующей 200 миллионов вольт, новое вещество становится искусственно радиоактивным, превращаясь с течением времени в свинец и марганец. Период искусственного полураспада нового вещества — несколько дней. И вот тут-то я добился наиболее интересных результатов.

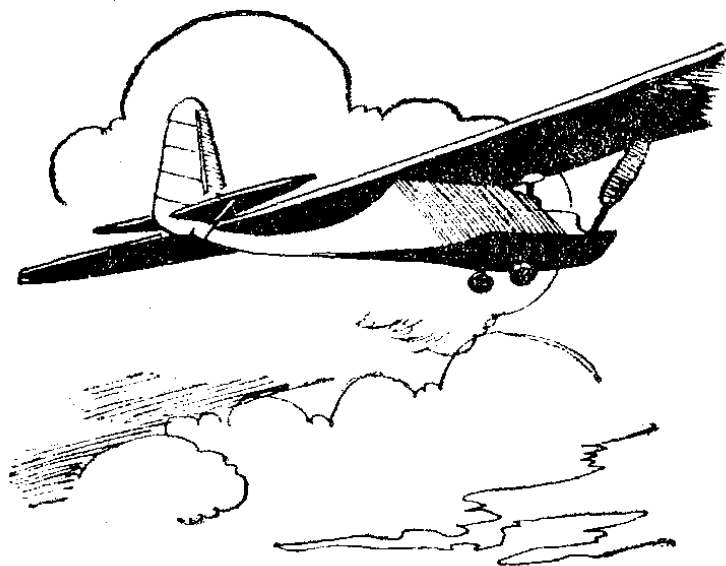
— Проблема, которую я пытался разрешить все эти годы — это вызвать техническими методами распад элементов. В первую очередь я хотел ускорить распад радия. Для этого он мне был нужен. Отсюда я начинал свои изыскания. Новый элемент сразу приблизил меня к цели. При распадении он испускает (среди прочих продуктов) мощные потоки сверхбыстрых нейтронов (тяжелых частиц, не имеющих заряда) и новое, до сих пор неизвестное электромагнитное излучение с длиной волны меньшей, чем у гамма-лучей радия. Покрывая новым веществом экраны специальной формы, удастся получить мощные направленные пучки излучения, безвредного для живых клеток, но при падении на металлические тела вызывающие в них интенсивную искусственную радиоактивность с выделением больших количеств электронов и альфа-частиц. Благодаря последнему факту прекращают работу моторы самолетов и автомобилей (не работает магнето) и происходит пробой обмоток электромоторов. Лишь свинец может служить защитой от этих лучей, но при толщине покрытия не меньше 25 сантиметров.

— Что я получил практически от всего этого? Мне удалось осуществить постройку прибора, с помощью которого можно произвольно менять направление этого излучения, интенсивность и, если так можно выразиться, дальнобойность его. Недавно я заставил нашего друга Ли пережить несколько неприятных минут, испробовав без его ведома действие своей машинки на его авиадвигателях. Насколько мне известно, проба была удачна: моторы отказывались работать именно тогда, когда я этого хотел.

Профессор улыбнулся, бросив взгляд на Ли, который сконфуженно ерзал на стуле. Члены комиссии перешептывались, одобрительно кивая головами. Чэн опустил какую-то шуточку, отчего Лань Чжи весело рассмеялась, а Ли сердито тряхнул головой. Когда шум утих, профессор продолжал окрепшим голосом:

— Мне кажется, что я нашёл то оружие, о котором мечтал. Оружие могучее и одновременно гуманное. Не нужно истреблять людей. Они сами прекратят кровопролитие, когда замолчат все те орудия разрушения, без которых немыслима ни одна современная армия, с помощью которых люди делают убийствами. Пехота не страшна нам. Только для особо упорствующих, для тех, кто охвачен жадой разрушения, придется применять частоту-зет(Z), частоту биологического действия, несущую смерть. Эта частота является результатом второй темы моих работ в области сверхкоротких радиоволн, таящих в себе большие неиспользованные возможности. Я нашел волны, способные проникать сквозь металлические и другие препятствия, и на расстоянии воздействовать на мозг человека. Все это мне удалось соединить в одном приборе, работающем в одном случае с использованием мощного направленного пучка излучения, в другом — по принципу ультра-коротковолнового генератора. Одновременно я разработал конструкцию конденсаторных бомб, аналогичного с генератором действия, но об этом после, а сейчас перейдем к техническим деталям...

Профессор жестом пригласил присутствующих к столу и, развернув один из многочисленных бумажных свертков, склонился над ним...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Планеро-бомбардировщики идут на восток. В полете. Китай с высоты 7000 метров. Над японскими островами. Сражение в воздухе. Ли сбит.

Земля плыла, далекая, в клочьях облаков.

Ли сделал широкий круг над городом, покачал на прощанье крыльями и, увеличив число оборотов мотора, занял свое место в строю истребителей. Он шел головным. Ниже клинообразным строем шли бомбардировщики. С земли они, вероятно, походили на стаю журавлей. Это были скоростные машины дальнего радиуса действия, способные с большим грузом бомб пролететь без посадки несколько тысяч километров. Но сейчас они были загружены только бензином и служили воздушными буксирами для планеров, которые гирляндами по пять штук бесшумно плыли за каждым тяжелым самолетом. Планеры несли бомбовую нагрузку, и, судя по широкому размаху крыльев — немалую.

Все необычно было в этом рейде. И цель, и расстояние, которое предстояло покрыть воздушным кораблям, и бомбы,, которыми они были вооружены, и многое другое.

Ли был горд. Ему выпала большая честь. Он — командир эскадрильи истребителей, обязанность которых — конвоировать тяжёлые самолеты и планеро-бомбардировщики.

Чжан настоял на том, чтобы эта операция была подготовлена в глубоком тылу, в полной безопасности от вражеской разведки. Удар неожиданный чувствителен вдвойне.

Прошло всего лишь несколько месяцев с того дня, как профессор сделал сообщение о своем замечательном изобретении, принятом правительственной комиссией на вооружение армии, а сколько перемен! Профессор значительно усовершенствовал первую модель «пушки», как назвал он свой генератор, разработал детализированный технический проект конструкции и сдал его в производство. За это время в Электрогороде было закончено оборудование завода радия и нового вещества «трансурана», найденного профессором Чжаном. Поодаль, на пустыре поднялись корпуса бомбозавода, широкая шоссе-ная дорога соединила город с радиевым рудником, механические мастерские превратились в небольшой инструментальный завод. Электрогород стал городом важных оборонных предприятий, за разрушение которых дорого бы дало командование противника, если бы оно знало о существовании их.

Но оно не знало... И отсюда Китай изготовился нанести свой первый удар, первое грозное предупреждение зарвавшегося хищнику.

Воздушные корабли, набирая высоту, шли на восток. Ли включил кислородную маску. Настроение было приподнятое. Он громко запел;

*«Все, кто ищет встречи с врагом,
Пусть оружие в руки берет»...*

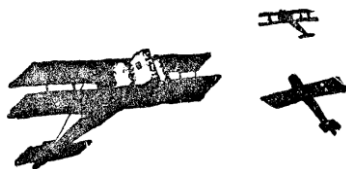
Рокот мотора глушил слова песни. От пения запотели стекла маски. Ли протер их резиновым пальцем и стал следить за картой.

Горная, изрезанная глубокими каньонами страна простиралась вниз. В узких ущельях струились реки. В котловинах, как монокли, поблескивали озера.

На огромной высоте самолеты пересекли несколько скалистых хребтов. Альтиметр показывал 7000 метров над уровнем моря. Небо казалось фиолетовым. От неправильной циркуляции крови закладывало в ушах. Белые искристые шапки лежали на вершинах гор. Косматые тягучие облака бестолково толкались вокруг них. Было холодно, хотя солнце сияло над головой, и в долинах цвела весна...

(Публикация повести на шестом номере за 1941 год была завершена по независящим от редакции причинам – началась Великая Отечественная война).

Л. ШЕЙНИН

**«НЕМЕЦКИЕ
КОНСЕРВЫ»**

Рассказ

Иллюстрация на обложке А. Туркина.

*Антология «Фашистские шпионы»
Новосибирск: Новосибгиз, 1942 г.*

ОГИЗ—НОВОСИБИЗ
1942

Л. Шейнин

„Немецкие консервы“

Это был маленький, спокойный городишко, расположенный в глуши, в стороне от больших железнодорожных узлов, не очень далеко от границы. Промышленных предприятий здесь не было, население преимущественно служило в районных учреждениях, а на досуге занималось огородничеством. В городе были кинотеатр и клуб, где функционировал драмкружок. Руководил кружком местный старожил, которого все в городке знали и звали запросто по имени-отчеству: Адам Иванович.

Ему уже перевалило за пятьдесят. Адам Иванович служил землеустроителем в райзо. Был он лыс, сухощав и добродушен.

Старик не имел никого, кроме внучки Тамуси, осиротевшей после смерти его дочери, погибшей от туберкулеза. Девочка была пионеркой и переходила в пятый класс. Дед заменил ей отца и мать, и весь город восхищался его заботой о ребенке.

— Не у всяких родителей, — говорили в городке, — такую ласку встретишь.

Адам Иванович сам обучал внучку немецкому языку, строго следил за ее отметками и даже выкроил из своего скромного бюджета плату за уроки музыки.

Как многие старики, Адам Иванович был чудаковат, и страстно, совсем по-детски, увлекался радиотехникой. Не имея средств для покупки дорогих радиоприемников, он конструировал их сам, и его письменный стол всегда был завален конденсаторами, радиолампами, предохранителями.

В городке Адам Иванович дружил со всеми. Его знали как аккуратного служащего, незаурядного общественника и отзывчивого соседа. Удивительно ли, что к нему хорошо относились. Приехал он в этот городок давно, почти четверть века назад, сравнительно молодым, щеголеватым землемером.

Скромно жил, работал, обзавелся небольшим домиком, разбил около него веселенький палисадник.

Долгими зимними вечерами, когда городок заносило снежными метелями и на улицах заунывно пели телеграфные провода, Адам Иванович репетировал в клубе очередную пьесу, горячился, неистово размахивал руками и раз'яснял любителям их ошибки.

А на премьерах Адам Иванович волновался больше всех, носился по сцене, как угорелый, часто утирал вспотевшее от усталости лицо и, выходя в конце спектакля кланяться восторженной публике, смущался, как гимназист.

— Адам Иванович, — грохотал зрительный зал. — Браво... Режиссера... Адама Иван-ы-ча...

Когда драмкружок, организованный Адамом Ивановичем, праздновал свой десятилетний юбилей, местная общественность отметила заслуги основателя кружка: Адаму Ивановичу преподнесли трехламповый колхозный радиоприемник постоянного тока с соответствующей надписью.

Юбилейный вечер затянулся. Было уже совсем поздно, когда Адам Иванович вышел из клуба. Моросил дождь, неуверенно мигал тусклый фонарь, и под ногами тяжело хлюпали большие топкие лужи. Где-то в Заречье заливались собаки. Дома в комнате Тамуси почему-то горел свет, но девочка уже спала. Адам Иванович подошел к ее кровати, поправил сбившееся одеяло и потушил lampu.

Он прошел в свою комнату, плотно притворил дверь, закрыл ставни и сел к столу. Минуту Адам Иванович сидел в кресле, закрыв глаза и вытянув ноги. Потом он поднялся, включил какой-то провод, пропущенный незаметно под пол через ножку стола, и стал возиться с рычажком передатчика.

Да, радиопередатчика, потому что в подполье добродушно-го старичка» была тщательно и искусно запрятана переносная маленькая радиостанция, последняя модель «Телефункена», потому что в этом скромном домике, в маленьком, глухом городке окопался, жил и действовал старый немецкий шпион.

Его перебросили в Россию в 1913 году. Позади у молодого лейтенанта кайзеровской армии было детство на Одере, военное училище и первое офицерское звание. Лейтенант отличался как лингвист; особенно хорошо ему давались славянские

языки. Начальник училища, маленький, суетливый, всезнающий фон-Таубе доложил об этом по назначению. В день выпуска совсем еще юного лейтенанта пригласили в один из отделов генерального штаба.

Пожилой человек в штатском платье встретил его так, будто они знали друг друга много лет. Смутившийся лейтенант с удивлением обнаружил, что все, решительно все о нем, его близких, даже об его шалостях знает этот худощавый человек с лицом солдата и глазами каторжника. Да, у него были странные глаза. Они избегали лица собеседника, они беспокойно бегали по углам кабинета, но, если взгляд их, наконец, падал прямо в лицо, его трудно было вынести, этот взгляд, — такой он был тяжелый, неподвижный и требовательный.

Итак, они договорились — юный лейтенант императорской армии и человек в штатском из генерального штаба.

— Отлично, лейтенант, — сказал в заключение человек в штатском, — я вижу — из вас выйдет толк, я очень доволен вами. Вы будете моим крестником, лейтенант. И, кроме того, вы будете русским...

На следующий день, не простившись с товарищами, лейтенант выехал в маленький немецкий городок, чтобы продолжить там свое образование. Здесь находилась секретная школа, одна из многих специальных школ германской разведывательной службы.

Вслед за ним в школу прибыл опечатанный сургучом пакет с карточкой нового сотрудника. В ней говорилось коротко:

«Профиль — русский, профессия — землемер, пребывание — тридцать лет».

В той же карточке упоминались новые имя, отчество и фамилия, надолго, на тридцать минимум лет, обретенные будущим русским землемером:

М....р Адам Иванович.

Через два года Адам Иванович закончил образование и уехал в Петербург. Сначала ему предложили остаться там. «Крестного отца» интересовали Гатчинская авиационная школа и слухи о каком-то необыкновенном самолете, над конструцией которого работал тогда Сикорский.

Действительно, несколько позже, уже во время войны, в России родился первый в мире многомоторный самолет, получивший название «Илья Муромец». По тем временам это был самолет фантастических размеров и грузоподъемности.

Адам Иванович специально поселился в Гатчине, завел знакомство с персоналом авиационной школы и многими офицерами. В конце концов, он собрал кое-какие сведения, но раздобыть чертежи самолета не смог: Сикорский был осторожен и неподкупен. Офицеры Гатчинской школы вели себя менее осторожно, охотно пьянствовали с веселым землемером, но сами знали очень мало.

Потом изготовление самолетов «Илья Муромец» взял на себя Русско-Балтийский завод. Адам Иванович переехал из Гатчины в Петербург и поступил на этот завод слесарем. Ему удалось собрать сведения о сроках изготовления и количестве выпускаемых самолетов. «Крестный отец» уведомил, что доволен его работой.

Постепенно Адам Иванович расширял круг знакомств, пользуясь всеми гнусными методами германской разведки. Подкупом и шантажом, ласками и вымогательством, вином и женщинами, обещаниями и угрозами, используя уголовников и дам петербургского света, обещая или угрожая, вербуя священников и беглых каторжников, военных писарей и сановников, шулеров и журналистов, не останавливаясь перед дерзкими кражами со взломом и убийствами лиц, ставших, почему-либо опасными, — действовал в период войны 1914 — 1917 годов Адам Иванович. Так действовали сотни Адамов Ивановичей, переброшенных германской разведкой в Россию, во все страны Европы и Америки.

Осенью 1916 года Адаму Ивановичу сообщили, что в приказе по императорской армии лейтенант Х. за «неоценимые боевые заслуги высочайше награждается его императорским величеством Вильгельмом II железным крестом».

«Поздравляю вас от души, мой крестный сыночек, — писал Адаму Ивановичу его покровитель, — уверен, что и впредь вы будете столь же усердно служить великой Германии, призванной покорить весь мир и установить в нем истинно немецкий порядок...»

А в 1918 году, когда грянула революция, и Адам Иванович невольно растерялся, в его квартиру однажды ночью постучал-

ся какой-то человек. Адам Иванов впустил его и остолбенел: перед ним стоял человек в штатском из генерального штаба — его «крестный папаша».

— Здравствуйте, капитан, — сказал пришедший. — Я поздравляю вас с этим званием.

И начался второй разговор этих двух людей — тогда еще молодого капитана императорской армии и человека в штатском из генерального штаба, разговор двух матерых шпионов, двух немецких волков из волчьей стаи, задумавшей перекусить горло всему миру во имя торжества взбесившегося «немецкого духа».

Уже на рассвете, когда огромный город возникал, как видение, в утреннем тумане Невы, человек в штатском тихо сказал:

— Такова ваша программа, мой друг. Сейчас вы уедете в глушь, в какой-нибудь городок, вполне освоитесь там, будете тихо и мирно жить. Мы вас пока «консервируем», мой милый. Срок контракта далеко еще не истек. О, вы еще пригодитесь, еще очень пригодитесь. Итак, пока в глушь, в «консервную банку», до более счастливых времен...

Человек в штатском задумался и, улыбнувшись, добавил:

— Уверен, что мы будем иметь доброкачественные «немецкие консервы», которые не портятся...

И вот тогда в маленьком, захолустном городке появился новый землемер. Он действительно как бы законсервировался, он мирно работал и мирно старился. Он спокойно ждал указаний, а пока вращался в быт городка и, разъезжая по району для землеустройства, фиксировал пункты расположения военных складов, проселочных и шоссейных дорог, железнодорожных пакгаузов и тупиков.

Дважды за эти годы ему давали знать, что о нем помнят, что он состоит на «вооружении» и входит в соответствующие расчеты. Дважды он подтверждал свою готовность к действию.

Потом он ездил в крупный центр по вызову, где встретился с одним приезжим. Адам Иванов передал через него присягу новому правителю Германии — фюреру, истерические ругань, клятвы и заклинания которого он не раз слышал по радио. Приезжий из Берлина снабдил Адама Иваныча портативной радиостанцией и научил, как ею пользоваться. Он передал ему

также новый код, который Адам Иванович вызубрил наизусть, и ампулы с отравляющими веществами.

Так вернулся Адам Иванович к своей деятельности. Он работал аккуратно, ни разу «не наследил», им были очень довольны.

И в ту ночь, когда он вернулся с подаренным ему радиоприемником домой, он сел к передатчику, чтобы к рассвету успеть сообщить ряд сведений, накопившихся за неделю.

Выстукивая по радио, Адам Иванович, сам того не замечая, стал произносить вслух все, что передавал. Тихо потрескивал передатчик, дождливая ночь способствовала хорошему приему, работа уже подходила к концу...

— Дедушка, что ты делаешь? — раздался внезапно взволнованный крик Тамуси. А Иванович оцепенел. На пороге комнаты стояла внучка, глаза ее широко раскрылись от ужаса, она дрожала, как в приступе лихорадки. Она слышала все.

Мгновение стояла страшная тишина. Потом этот высокий худой старик, изогнувшись, прыгнул к ребенку. Цепкие пальцы сомкнули горло девочки, рухнувшей под тяжестью его тела.

Утром он подал заявление о том, что его внучка покончила с собой, повесившись ночью в своей комнате. Он высказал предположение, что самоубийство явилось следствием каких-либо школьных неприятностей и «повышенной, как он писал, нервной психики девочки, подорванной тем, что она рано осиротела».

Здесь нет нужды рассказывать о том, как шло следствие по этому делу, как судебно-медицинское вскрытие установило факт насильственной смерти девочки, как постепенно разматывался клубок этого сложного преступления и как был, наконец, полностью разоблачен Адам Иванович М...р — капитан германской армии Х., старый немецкий шпион, и о том, как была вскрыта еще одна банка «немецких консервов».

Содержимое этой «консервной» банки так же отвратительно, страшно и ядовито, как все, что изготавливает и чем пытается отравить мир дьявольская кухня взбесившегося Гитлера.

С. ХМЕЛЬНИЦКИЙ,
С. ПОЛОЦКИЙ, В. ВОЕВОДИН

НЕВИДИМКА

Фантастическая повесть

Рисунки В. Конашевича

С. Хмельницкий, С. Положий, В. Воеводин

Рис. В. Конашевича

ЗЕЛЕНОЕ ОБЛАКО

Белое здание школы стояло на вершине холма. С обсаженной березами площади сбегали к реке приземистые домики, обшитые деревянными кружевами резьбы. Весной их не видно было из-за черемухи, зимой они прятались в сугробы, и, казалось, их бревенчатым бокам теплее в снегу.

Отсюда на восток тянулись леса до самого Белоозера. В них водились и лоси, и медведи, и не редкость было здесь на обыкновенном городском дворе увидеть медвежонка, играющего с котятками или даже большого пестуна, посаженного на цепь.

И здесь, в древнем городе, среди лесов раздавался голос Ленинграда. На площади звучала музыка его оркестров, пение его певцов, речи его руководителей. Врачи в городской больнице были из Ленинграда, инженеры на заводе — из Ленинграда, учителя в школе — из Ленинграда.

Ребята седьмого класса, в котором учился Сережа Званцев, называли свою школу «Белым домом», а директора — президентом. Когда в конце коридора появлялась преподавательница немецкого языка, румяная, пышная Мария Ивановна, с вьющимися седыми волосами, семиклассники торжественно оповещали друг друга о прибытии «германского посланника». Учитель рисования, высокий, сутулый Василий Тихонович, в

изрядно потертой бархатной куртке, с пенсне в золотой оправе на черном шнурке, говоривший немного театрално, а, в общем, отличный человек, обожавший свое искусство и своих учеников, — именовался «полпредом изящных искусств».

Когда-то известный ленинградский художник, он под старость переселился в этот городок — обучать ребят и самому рисовать зимние зори, цветение яблонь в школьном саду, колхозный базар и рыбаков с сетями, в которых золотом и серебром играет рыба.

Дочь «полпреда искусств» Шура училась в седьмом классе вместе с Сережей. Они сидели за одной партой, любили дразнить друг друга, иногда переписывались на уроках «германского посланника», зимой ходили вместе кататься на коньках, а летом — удить. Они были друзьями.

Шура была спокойная девочка, очень наблюдательная, с насмешливыми искорками в глазах. Сережа, подвижной, быстро загорающий, мнительно самолюбивый и большой фантазер, давал Шуре много поводов к насмешкам. Уязвленный оче-

редным метким уколом, Сережа вспыхивал, прерывал с Шурой «дипломатические отношения» и мстил ей остроумными эпиграммами, которые долго сочинял. Шура была необидчива, любила остроумие, стихи, и они вместе смеялись над эпиграммой и мирились.

Сережа любил свой город, любил свой дом над рекой и небольшой садик позади дома. Там летом, у дощатой ограды, стеной поднимался малинник, а в черной, унавоженной земле позади дровяного сарая можно было в изобилии накопать больших красных червей, на которых с такой охотой идет крупный окунь.

Отец Сергея, начальник железнодорожного депо, умер много лет назад. Сергей жил с матерью и ее братом — дядей Колей, инженером, работавшим на заводе.

*Василий Тихонович,
учитель рисования.*

Завод выпускал не то лаки, не то краски, но дядя Коля сам по себе работал еще над какими-то другими составами, имевшими, как он говорил: «сугубо секретное оборонное значение».

— Ну что за состав такой? Ну что в нем секретного? — однажды стал допытываться Сергей.

— Ой, милый мой! Лак лаку рознь, — смеялся дядя. — Лак и самолету необходим, и некоторым металлическим частям... Да, в общем, о чем разговор?

Веселый, словоохотливый, ласковый к своему племяннику, он не любил говорить об этой своей работе. Но Сергей не унимался.

— А, может быть, такой лак или состав, чтобы, скажем, самолет стал невидимым? Вот в книжке Герберта Уэллса «Человек-невидимка» — так там весь человек стал прозрачным.

Дядя Коля смеялся и пальцем стучал по лбу.

— Вот эта штука, украшающая человека, до всего может прийти, нет предела ее силе. Но то, о чем ты говоришь, — пока что беспочвенная фантазия. Хотя...

Вот это «хотя», да серьезный, задумчивый вид дяди Коли, с которым оно говорилось, больше всего занимали Сергея. Это «хотя» означало, что есть у дяди Коли в голове кое-какие интересные замыслы, пусть на первых порах и «беспочвенные», как он сам говорил. Разговор обычно на этом месте и кончался, и, если дело было летом, дядя и племянник вместе отправлялись удить рыбу, захватив по дороге и Шуру. Но часто, проснувшись ночью, Сергей видел в дядиной комнате свет. Дядя работал по ночам, что-то писал, высчитывал. Иногда из-за неплотно притворенных дверей слышалось какое-то странное шипение, и валил пахучий, то желтый, то зеленоватый дымок.

Мать сердилась:

— Дом спалишь со своими опытами.

Сосед Званцевых — часовщик, или, как он сам себя называл, «часовых дел мастер», Кнохе, шутил:

— Вы колдун, Николай Петрович, или как это? Снахар? Знахар!

Старик как попал к нам в плен в 1915 году, так и застрял, прижился в России, но все никак не мог научиться правильно

говорить по-русски. Да и вообще это был смешной человек: тучный, седые волосы ежиком. По воскресеньям он даже в самый зной рассказывал в крахмальном воротничке и черной шляпе. Дядя Коля его терпеть не мог — «глупый надутый немец», — а Сергей — ничего. Старый часовых дел мастер, бывший унтер немецкой армии ему даже нравился, особенно, когда, забредя вечером на огонек, Кнохе пустился в свои воспоминания о войне четырнадцатого года. Кроме всего прочего, в саду у него росли такие чудесные яблоки!..

Стояли ясные дни. По улицам города колонны танков проходили на запад, ребята и девушки толпой провожали их, и танки шли, усыпанные сиренью и зелеными ветками.

Шура теперь была связисткой при городском штабе МПВО. Телефон работал с перебоями, и, когда он выбывал из строя, быстрые Шурины ноги заменяли провода.

Сережа состоял в школьном пожарном звене. Часами дежурил он на крыше «Белого дома», в деревянной вышке. вытянув длинную шею, он жадно вглядывался вдаль, в надежде увидеть зарево пожара. Сереже не везло: за время его дежурства не произошло ни одного пожара.

Уже деревья стояли голыми в садах и в лесу. С каждой неделей к городу неумолимо приближалась война. «Президент», созвав ребят, сообщил им, что по улицам ходят вражеские диверсанты с карманными радиостанциями и передают в свои штабы шпионские сведения. Было известно, что такие радисты носят наушники, которые они прячут под шапками-ушанками.

В часы, свободные от дежурств, Сережа до изнеможения бродил по улицам и не пропускал ни одного человека в ушанке. Он подбегал к прохожему и «поднимал ему уши». Но Сереже и тут не везло: ни одного диверсанта он не обнаружил, зато на его долю досталось немало ругани и пинков от оскорбленных граждан и насмешек Шуры.

Начались морозы, выпал первый снег. И настал вечер, когда впервые стали слышны орудийные раскаты. К городу приближались немцы.

С тоской оглядев комнату, Сережина мать сказала:

— Ну, что ж, будем и мы собираться в путь.

Завод дяди Коли уезжал со всеми рабочими и оборудованием. На путях около станции стояли теплушки с надписанными мелом названиями цехов и накрытые брезентом площадки со станками.

По улицам всю ночь тянулись обозы колхозников, покидавших свои деревни, гнали скот, везли домашнюю птицу, горожане тащили на салазках свои тюки и корзины — все, что можно было погрузить на поезд.

Два дня назад уехал сосед, часовщик Генрих Карлович. «Я имею ученик в Великий Устюг, — сказал он на прощанье. — Он меня зовет».

А Шура лежала в бреду, у нее было воспаление легких. Она хрипло дышала и кашляла. Сережа всю ночь метался между своим домом и домом Василия Тихоновича. Он прибегал к учителю рисования и уговаривал его:

— Едемте с нами, Василий Тихонович! Шуру мы отнесем на носилках. Я буду за ней ухаживать в дороге...

Василий Тихонович сидел у Шуриной постели и молчал.

В отчаянии Сережа прибегал домой и заявлял:

— Никуда не поеду!

Мать начинала плакать, и Сережа, махнув рукой, опять убежал к Василию Тихоновичу.

Наконец, старый учитель вышел из оцепенения и стал уговаривать Сережу ехать.

— Шуру я увезу, как только ей станет лучше. Десять лет назад, когда я получил назначение сюда, ее мать ни за что не хотела отложить поездку. У нее тоже было воспаление легких. И я потерял ее...

Василий Тихонович обнял Сережу и твердо сказал:

— Иди, мой друг!

Светало, когда вся семья Званцевых вышла на улицу. В полнеба полыхало за городом дальнее зарево, и вспыхивали отсветы оружейных выстрелов. Дядя Коля повесил на воротах большой чугунный замок. Зачем? Все равно придут и сорвут, и разграбят все, что не могли увезти с собой и отнести к Василию Тихоновичу. Двери и мебель сожгут в печках, может быть, и дом сожгут...

— Мне все кажется, что я что-то забыла, — сказала мать. На самом деле ей просто тяжело было отойти от ворот, и она

медлила, топталась на месте, чтобы еще хоть минуточку постоять перед своим домом. Черными пустыми окнами смотрел он им вслед, казалось, цветы на подоконниках и те сразу увяли.

Дядя Коля взял под руку сестру.

— Пойдем, Лиза.

Но сам был бледный и осунувшийся. Две ночи подряд он перебирал свои вещи и бумаги, часть бросил, а другую — старательно упаковал в чемодан.

Тяжело было идти к поезду. Не корзина, которую нес на плечах Сережа, казалась ему тяжелой (хотя она и весила около двадцати килограмм), — тяжело было уходить из города, где оставались Шура и Василий Тихонович, и «Белый дом», из города, где он провел всю свою тринадцатилетнюю жизнь. Сережа порывисто оборачивался, хмурился, вздыхал и опять шел дальше, сердито поправляя корзину на плечах.

Уже показался переезд через железную дорогу и привокзальная площадь, запруженная народом, как мать вдруг ахнула и заплакала. Что она наделала впопыхах! В кухне на подоконнике она забыла мешок с провизией, приготовленный на дорогу.

— Да, — сказал дядя Коля, — без еды нельзя. Сергей сбегает домой, пока я буду искать места по вагонам. Есть еще время.

Сережа обрадовался — он забежит еще раз к Шуре. Может быть, Василий Тихонович передумал...

Сергей подбежал к своему дому. Он не хотел отпирать ворота, перелез прямо на огороде через забор, зажимая в рукавичке ключ от входных дверей, взбежал на крыльцо и остановился.

Дверь была не притворена. А, между тем, двадцать минут назад он сам ее запер и подергал — хорошо ли заперта...

Осторожно он шагнул в сени, вошел в кухню. Никого. Темно и тихо. Сердце его колотилось, он хотел было уже схватить мешок с продуктами, лежавший на подоконнике, и убежать, но вместо этого на цыпочках вошел в комнату матери. Кто-то приходил сюда. Зачем? Страх не мог побороть в нем любопытства и смутной тревоги.

Сережа прислушался и вдруг услышал тихое поскрипывание половиц.

В соседней, дядиной комнате кто-то был.

Сергей не двигался с места, он только вытягивал шею, чтобы заглянуть в приоткрытую дверь, откуда падал слабый луч света. Кто-то открывал один за другим все ящики в дядином столе, рылся и шелестел бумагами, пачками швырял их на пол. Потом что-то звякнуло о стекло в шкапчике, где дядя Коля хранил свои аппараты и химикалии, и вдруг кто-то вполголоса выругался по-немецки: «Таузенд тейфель!»

На секунду Сергей закрыл глаза и схватился за двери, чтобы не упасть. Да, он не ослышался, это была немецкая ругань. Неужели немцы уже... Но этого не могло быть! Еще по улицам тянулись последние обозы, поезд еще стоял на путях. Вот издалека, в промежутках между орудийными выстрелами, донесся гудок паровоза.

Все равно. Нужно было сейчас же, немедленно выскочить на улицу, кричать, звать людей...

Сергей шагнул в кухню, и в это время дверь из дядиной комнаты распахнулась.

Прикрывая ладонью свечу, в дверях стоял Генрих Карлович Кнохе, часовщик, сосед. Молча он смотрел на Сергея.

— Вы? — пробормотал Сережа. — Вы здесь, Генрих Карлович? Ведь вы позавчера...

Генрих Карлович вдруг шагнул к нему, заглянул в кухню, и свободной рукой ухватил мальчика за плечо.

— Где твои? — сказал он.

Никогда Сергей не видел у него такого лица: оно было чужое, страшное, совсем не то, которое он знал; огонек свечи колючими искрами переливался в глазах часового мастера.

— Мама ждёт меня на станции. Почему вы здесь, Генрих Карлович? Ведь ещё третьего дня вы...

— Куда? Куда? — голосом, сдавленным до шёпота, закричал вдруг Кнохе. — Куда тфой дядя дефал сфои бумаги? Он их фзял с собой? Он их закопал? В подвале, да? Ну, кавари, малыш?

Сергей смотрел в его чужое злое лицо и не отвечал. Он понял всё. Понял, что такой их сосед Генрих Карлович Кнохе.

— Я ничего не знаю, Генрих Карлович, — сказал он с усилием. — Мама ждёт меня на станции.

— Врёшь! — крикнул Кнохе. Он втолкнул Сергея в соседнюю комнату и прежде, чем тот успел опомниться, повалил его

на кровать, заткнул ему рот своим носовым платком и по рукам и ногам скрутил его длинным полотенцем, валявшимся на кровати. Потом он вышел и в кухне задул свечу.

— Ничефо, мой миленький! — слышал Сергей его смешок. Даже смех у него изменился, еще пугливый и сдержанный, он звучал скрытым торжеством. — Скоро придут люди, которые сумеют разфязать тебе язышок.

Дважды щелкнул ключ в дверях, и все стихло.

Сережу охватила бессильная ярость. Он плакал от злобы и негодования. Он представлял себе, как мать и дядя Коля с тревогой ждут его. А вдруг они уедут без него? Сережа напрягал все силы, чтобы высвободить руки, бился головой о стенку, задыхался.

Он слышал выстрелы, голоса пробежавших под окнами красноармейцев. Потом он вдруг отчетливо услышал дядин голос — дядя окликнул его по имени и дернул дверь, запертую на ключ.

Сергей рванулся всем телом, попробовал крикнуть, хотя бы застонать, и не мог — только задохся. Теперь он слышал даже похрустывание снега во дворе: дядя Коля уходил, убедившись, что дом пуст.

Все было кончено. Сергей потерял сознание.

Когда он очнулся, за окнами уже не стреляли, не переговаривались люди на ходу, не скрипел снег, и эта мёртвая тишина была ещё страшней.

Опять Сергей заметался. Он упал с кровати и корчился на полу, и вдруг узел за спиной ослаб, его правая рука высвободилась. Тогда он вскочил, больно ударившись головой о дядин шкафчик, висевший на стене. Какие-то банки и склянки со звоном посыпались на пол. «Всё равно, — подумал Сергей, — теперь это всё равно».

Он вырвал платок, закрывавший ему рот, нагнулся развязать полотенце на ногах и вдруг увидел свет.

Это было зелёное, изнутри светившееся слабым мерцающим светом пламя, поднимавшееся с полу от вдребезги разбитых баночек и скляночек с какими-то порошками и жидкостями. Всё выше поднималось оно, и что-то шипело и потрескивало на полу. Зелёные искры ракетами прорывались сквозь облачко, трещали, как дрова в печке, и гасли.

Серёжа стоял полусогнутый, взявшись за узлы на ногах, и облачко, чуть пахнувшее лежалыми яблоками или какой-то краской, окутало его с головы до ног. Изумленный, он не шевелился. Вдруг шипение прекратилось так же внезапно, как и началось, зеленоватый мерцающий свет слабел и угас. Снова стало темно.

— Что это? — сказал Сергей вслух. — Может быть, это у меня в глазах? От темноты?

У него слегка кружилась голова, руки и ноги ослабели. В конце концов, он несколько часов пролежал связанный...

Думать было некогда. Сережа скинул полотенце и тотчас же всем телом прижался к стенке.

Со свечой в руках к нему опять шел Кнохе. Он высоко поднял над головой свечу, огляделся. Злость и изумление были у него на лице.

Сергей стоял перед ним в двух шагах, он смотрел ему прямо в глаза. И Кнохе тоже смотрел на него, смотрел... и не замечал.

НЕВИДИМЫЙ И НЕВИДЯЩИЙ

Часовщик пихнул ногой черепки, валявшиеся на полу, выругался и побежал к выходу.

Дверь стукнула, однако замок не щелкнул. Не думая больше ни о чем, позабыв даже о мешке, за которым вернулся, Сергей бросился во двор.

Выбежав на улицу, он слышал металлический лязг, рев автомоторов и частую орудийную пальбу — где-то совсем близко шли танки. Зарево разрасталось. Теперь не только на окраине, теперь и в центре города горели дома.

Сергей метнулся к вокзалу. Может быть, мать с дядей Колей еще ждут его, ищут, может быть, поезд еще не ушел...

Но поезд ушел. В тумане колеблющиеся отсветы пожара освещали пустые пути и несколько разбитых вдребезги вагонов. Один из них тоже горел.

А пушки били все ближе и ближе, и рев моторов нарастал. Вдруг на двухэтажном деревянном домике с грохотом взлетела крыша. Дом запылал.

Сергей продолжал бежать к вокзалу. Может быть, пешком по шпалам он догонит поезд — пути перегружены, эвакуированные поезда идут медленно, иногда сутками простаивают у разъездов...

И в эту минуту Сережа увидел танк.

Танк выскочил из-за угла в самом конце улицы и круто замедлил бег, поворачиваясь на месте, точно большое черное животное, раздумывающее, в какую ему сторону сейчас ринуться.

Раздумье было недолгим. Опять зарывав и выстрелив куда-то в ночь, танк ринулся по улице навстречу Сергею.

Сергей замер на месте. На башне танка он увидел большой белый крест. Это был немецкий танк.

По одну сторону улицы пылал дом, а по другую тянулась глухая стена.

Сергей прижался к стене, бежать было некуда. От нестерпимого жара у него слезились глаза. Но черное чудовище с белым крестом на башне тоже сторонилось пылающего дома, оно шло вплотную к стене, шло прямо на Сергея. Оно приближалось, готовое придавить его своим боком, смять гусеницами и перескочить дальше.

Сергей зажмурил глаза и упал ничком в снег. На какую-то долю секунды стремительно мчавшаяся машина накрыла его своим бронированным брюхом. Когда она проскочила дальше, Сергей еще лежал с закрытыми глазами.

Медленно он приподнялся и сел прямо на снегу. Он посмотрел на свои ноги и увидел, что ног у него нет. Он оглядел всего себя целиком и увидел, что у него нет ни ног, ни рук, ни тела. Он сидел на снегу, рукавом полушубка отирал мокрое от снега лицо. Сергей видел только снег на том месте, где он сидел, — вернее, выбоину в снегу, которая, видимо, и спасла его от гусениц танка. А самого его, Сергея, просто не было.

Но он чувствовал своё лицо, свои ноги, он ощупывал их руками — штаны, полы полушубка, валяные бурки. Они были невидимы.

— Вот так штука! — сказал он вслух.

Зеленоватое облако пара, светящееся изнутри каким-то мерцающим светом, пронеслось у него перед глазами. Теперь всё было ясно и понятно: и облачко, и Кнохе, который его не заметил, и танк, который наскочил на него.

Он стал прозрачным, как тот человек в заграничной кинокартине. Это случилось с ним именно там, в дядиной комнате, когда он в потёмках опрокинул шкаф с остатками дяди-Колиных химических составов.

— Вот так штука! — повторил Сергей.

Он не испытывал ни страха, ни изумления. Казалось, невозможно было поверить тому, что с ним произошло, но он даже не очень удивлялся. Он всегда был уверен, что дядя Коля не зря сидит по ночам; что там, в его комнате, когда он запирается на задвижку, происходят любопытные дела.

Сергей даже успокоился. По крайней мере, он не оставил Шуру и Василия Тихоновича, и никакой часовщик Кнохе теперь ему не угрожал.

Сергей вскочил и пошел к дому Василия Тихоновича. грохот снаряда, разорвавшегося неподалеку, заставил его только вздрогнуть, и Сергей даже не прибавил шагу: он почему-то решил, что и осколки ему теперь не страшны — пройдут насквозь, и все. Но тут же выругал себя за эту глупую мысль и перебежал под защиту домов и заборов.

Сергей уже был недалеко от дома, где жила Шура, но вдруг он остановился.

«Как же я приду к ним? — подумал он. — Ведь я теперь... Как мне быть вообще?» Сережины размышления были прерваны выстрелами.

Снова где-то совсем близко ударила пулеметная очередь. Сергей осторожно выглянул из-за угла. Танк, по-видимому, тот самый, который чуть не раздавил его, остановился здесь, за углом, и бил изо всех своих пулеметов. А там, в глубине улицы, тоже полыхали языки огня и метались какие-то люди и падали в снег, ползли и оставались лежать на месте.

Вот женщина в платке, наброшенном на голову, схватила за руку малыша лет четырех и потянула за собой, и оба вдруг улеглись в снег. Спокойно так улеглись, женщина только подняла голову, точно выбирала себе сугроб поудобней.

Вот, надевая на бегу пальто, выскочил из калитки человек, — без пиджака, в одной рубашке, — надел один рукав и рухнул.

Танк равнодушно отвернул от него свою бронированную голову. Он бил теперь по площади, где в кучу сгрудились с дюжину крестьянских саней. Лошади рвались, сцепившись оглоблями. Одна повалилась набок, раскидывая копытами снег, точно все еще продолжала бежать.

Те, кто сидели в танке, все это видели очень хорошо: и женщину с малышом, и мужчину в рубашке.

Сергей прижался лицом к забору, возле которого он стоял. Его вдруг начало знобить, он трясся всем телом, ноги у него подгибались.

А танк с белым крестом на башне снова грохотал и, подмяв под себя кусок забора, ринулся в чей-то сад.

Шатаясь, Сергей отошел от забора, потом побежал, побежал со всех ног туда, где лежала женщина и рядом с ней малыш лет четырех. Да, если бы не красные пятна на снегу, можно было подумать, что они прошли долгий путь и от усталости уснули тут, прямо на мостовой. У малыша было очень спокойное лицо. Его желтенькие салазки с привязанным к ним чемоданом и узелком белья съехали под уклон к мосту и еще тихо продолжали катиться.

Лошадь все еще перебирала копытами и встряхивала головой, когда Сергей пересек площадь. Навстречу ему два немецких солдата вели человека. Сергей вскрикнул. Это был Василий Тихонович.

Один из немцев спросил о чем-то старого учителя. Василий Тихонович покачал головой.

— Я ничего не понимаю, ничего не знаю и ни о чем не буду говорить, — услышал Сергей.

Солдат ударил старика кулаком в переносицу. Василий Тихонович упал. Немец ударил его ещё раз, на этот раз тупым носком сапога в лицо, и тотчас же оба ушли в подъезд. Василий Тихонович не шевелился.

— Василий Тихонович! Василий Тихонович, — бормотал Сергей, склонившись над ним.

Старик был жив, со стоном он приподнял голову.

— Кто это? Я ничего не вижу...

— Это я, Серёжа, ну, Сергей Званцев. Приподнимитесь немного, Василий Тихонович, я просуну вам руки под мышки. И вот мое плечо, вы обопритесь

Сергей положил руку учителя себе на плечо. Старик, опираясь на своего ученика, не видел его, и не мог, конечно, увидеть. С трудом он встал. Все лицо его было в крови, пенсне разбилось или упало в снег.

Они хотели, чтобы я перечислил им всех комсомольцев из старших классов, — почти простонал он. — Это не люди...

— Идёмте как можно скорее, Василий Тихонович, — сказал Сергей.

На крыльце своего дома Василий Тихонович споткнулся, и Сергей едва успел подхватить его.

— Где ты, Сережа? — сказал старик. — Я тебя не вижу.

— Потом, потом, Василий Тихонович, я вам все объясню...

— Глупый! — ласково и грустно улыбнулся учитель, нащупывая его голову. — Ты мне объяснишь! Я знаю, что они со мной сделали. Ох, какая боль!..

Сергей усадил учителя в кресло у окна, Василий Тихонович сел и ладонью прикрыл глаза.

— Позови, Сережа, доктора, который живет в третьем номере, — попросил учитель. — Ах, нет! Он уехал позавчера!.. Шура! Когда она придет в себя, как она испугается!

Сережа оглянулся и увидел, что Шура приподнялась на постели и смотрит на отца.

— Шура, — шепотом сказал Сергей, — что они сделали с ним! Только ты не волнуйся.

Шура вздрогнула, услышав его голос, и оглянулась по сторонам. Сергей примолк, он не должен был обнаружить свое присутствие в комнате. Но Шура уже разглядела окровавленное лицо отца и бросилась к нему, забыв обо всем на свете.

— Папа! — закричала она.

— Я не вижу. Где ты, Шура? Где ты, Сережа? Ох что они сделали с моими глазами!

Только тут Сергей, как следует, вгляделся ему в лицо и, чтобы не закричать, закусил зубами свою рукавицу. Учитель смотрел прямо перед собой, и он не видел не только его, Сергея, которого он не мог увидеть, а ничего вообще не видел. Он ослеп со второго удара сапогом в лицо.

Сергей отвернулся. Он отошел в самый дальний угол, стоял там и всхлипывал. Холст, не забеленный по краям, прибит был к стене. На холсте было небо, дворик позади их школы и много ребят, лепивших большую снежную бабу с метлой в руке, — это недели две назад, в первую оттепель, они лепили ее всем классом на перемене. Никогда уже Василий Тихонович не будет рисовать!

Сергей выбежал на улицу. Губы у него дрожали. Он должен был что-то сделать! Немедленно! Сережа сам не мог вспомнить потом, как он очутился позади школы, во дворе, рядом с той снежной бабой.

Сережа остановился. Он увидел в тумане десятки грузовиков, въезжавших на школьный двор, солдат, суетившихся в перекрещенном отсвете автомобильных фар. Моторы ревели, в воздухе пахло бензином, отовсюду неслась грубая немецкая брань.

Один солдат указал другому на снежную бабу. Оба загоготали и, скинув винтовки, разом всадили штыки в ее пухлый живот. Солдаты стояли и хохотали, потом первый вытащил из кармана папиросу и закурил. Товарищ нахмурился, что-то сердито крикнул ему, кивнув каской на грузовик с бензиновой цистерной, и первый с досадой швырнул закуренную папиросу в снег.

Окурок не погас. Он упал Сергею на валяный бурок и тлел.

Сергей посмотрел на окурок, поднял глаза, осмотрелся. Солдаты насосом перекачивали в бидоны из цистерны бензин. Весь двор пах бензином. Сергей торопливо нагнулся и поднял окурок. Сердце его бешено заколотилось.

— Что это? — крикнул солдат, шарахаясь в сторону. Рука его, которой он указывал на огонёк брошенной им папиросы, поднявшейся сама собой и повисшей в воздухе, слегка тряслась. — Смотри, Ганс! Что это?

Пальцами, дрожащими от волнения и возмущения, Серёжа оторвал кончик папиросного мундштука, который немец держал в зубах, раскурил угасшую папиросу и изо всех сил швырнул её в прозрачную маслянистую струю, лившуюся из цистерны.

ОДИН ПРЕСЛЕДУЕТ МНОГИХ

Сергей не увидел пламени. Опрометью отскочив за угол, он только видел, как, точно при вспышке магния, озарились школьные стены, услышал топот за своей спиной, брань, крики, чье-то тяжелое дыхание, и все заглушил грохот взрыва и звон разбитого стекла...

Через несколько минут Сережа, запыхавшийся, радостный, гордый, стоял в городском саду и любовался заревом, пламеневшим над стоянкой грузовиков на школьном дворе.

Досадно было только то, что никто не видел его в минуту подвига. Особенно жаль, что Шура... А рассказать ей — ни за что не поверит, только начнутся насмешки... Всегда она так...

Сережа обиженно поджал губы. Но сейчас же он представил себе Шуру, хрипло дышащую, с трудом передвигающуюся по комнате, представил себе и окровавленное лицо Василия Тихоновича.

Сережа нахмурился, порывисто вздохнул и бросился бежать к дому Василия Тихоновича. Но в это время он услышал крик.

Кричала на улице женщина. Платок, которым она была повязана, съехал на бок, волосы растрепались. Коротконогий, плотный немец рвал у нее из рук сверток. Женщина вцепилась в сверток обеими руками и кричала. Наконец, солдат ударил ее сапогом в живот, вырвал сверток и быстро зашагал по панели.

— Ну погодите, гады! — прошептал Сережа, сжимая свои невидимые никому кулаки...

Ефрейтор Шпюльбюрсте и двое солдат стояли на крыльце городского музея, превращенного в казарму, и смотрели на пожар, когда их внезапно отбросило друг от друга. Дверь музея на их глазах открылась и опять закрылась, как будто от порывов ветра, и тотчас же за дверью в коридоре послышались торопливые удаляющиеся шаги. Ефрейтор, открыв дверь, заглянул в коридор, но он был пуст.

В это время в одной из комнат музея солдат Рудольф Кнаус, сбросив мраморный бюст с подставки и положив на нее колбасу, вырванную им на улице у местной жительницы, собирался позавтракать и угостить товарищей. Кнаус вытащил нож, причмокнул, подмигнул солдатам и приготовился резать свою добычу... Как вдруг, дверь приотворилась (как будто от сквозного ветра), колбаса поднялась на воздух, а затем быстро стала уменьшаться и, наконец, совсем исчезла.

Нож вырвался из рук ошеломленного солдата, полоснул его по носу, на котором выступила капля крови, и вылетел в окно, разбив стекло. Затем дверь захлопнулась, и кто-то пробежал по коридору.

Часа через два, на глазах у немецкого часового, уголек, поднявшийся с панели, сам вывел на стене Дома культуры, превращенного в комендатуру, надпись:

***„Прежде здесь была культура,
А теперь — комендатура“.***

Перепуганный часовой выстрелил в воздух. Прибежавший на выстрел майор фон-Швиммель, — длинный, тощий, бело-брысый ариец с оловянными глазами, — уже прицелился было в прохожего, остановившегося, чтобы прочитать надпись, как вдруг автоматический револьвер вырвался из рук майора, описал в воздухе петлю и с размаху ударил своего хозяина в висок — раз и другой.

Револьвер поплыл по воздуху...

Майор фон-Швиммель покачнулся и упал. А револьвер поплыл по воздуху и исчез за углом.

С большим трудом майор, промокший в талом снегу, поднялся, стараясь сообразить — действительно ли произошло с ним такое невероятное происшествие или это был страшный сон.

Он схватился за кобуру, надеясь там нащупать револьвер, но кобура оказалась пуста. Он потер себе лоб, чтобы собраться с мыслями, и вскрикнул от боли. Все это доказывало майору фон-Швиммелю, что сон его происходил наяву.

Майор вскочил на ноги, решив, что он обязан обо всем сейчас же доложить генералу.

Фон-Швиммель, перепачканный и избитый, стоял в смущении перед дверью кабинета и не решался постучать, когда дверь открылась сама.

Майор увидел прямо перед собой генерала, который сидел за столом, окруженный всем своим штабом. Генерал сердито смотрел на майора и кричал:

— Что это значит? Прошу объясниться.

Перепуганный майор вытянул руки по швам, застыл у порога. Но генерал не видел майора. Уставившись в пространство, он кричал:

— Позор, господа! Я не допущу в армии таких разговоров. Зарубите себе на носу, — невидимок в природе не существует!

— Однако, господин генерал, — возразил сидевший напротив полковник, — ефрейтор Шпольбюрсте сам слышал, как кто-то шагал по коридору, но при всем желании не мог увидеть человека.

— Пошлите ефрейтора на гауптвахту, — сказал генерал. — Если это не обострит его зрения, то, по крайней мере, укрепит его нервы. Раз были слышны шаги, значит — был человек, а раз был человек, то почему он не арестован?

— И все-таки, — поднялся со своего места капитан, — нельзя отрицать, что колбаса, которой собрался позавтракать солдат Кнауус, была вырвана у него из рук. С этой минуты солдат Кнауус совершенно потерял аппетит.

— Бабьи сказки, — сердито сказал генерал, как вдруг заметил фон-Швиммеля, стоявшего на вытяжке у дверей.

— Ага, — воскликнул генерал, — я вижу майора фон-Швиммеля. Вот настоящий солдат. Он не станет повторять глупых бредней. Подойдите сюда, фон-Швиммель. Берите с него пример, господа.

По мере того, однако, как фон-Швиммель приближался к столу, — одобрение на лице генерала сменялось негодованием.

— Что свами, майор? В каком вы ужасном виде! С кем вы подрались?

Майор фон-Швиммель тяжело вздохнул, и, заикаясь от волнения, ответил:

— С невидимкой, господин генерал.

Генерал откинулся на спинку стула, высоко подняв брови. В это мгновение из темного угла показался до тех пор неподвижно и скромно сидевший там пожилой человек в крахмальном воротничке, с седыми, подстриженными ежиком волосами. В руке он держал черную фетровую шляпу.

— Мне кажется, господин генерал, — почтительно сказал часовых дел мастер Кнохе, — что я кое-что начинаю понимать в этом деле.

— Говорите, Кнохе, — сказал генерал. — Надеюсь, что вы поможете мне.

Часовщик наклонился к самому уху генерала. Как ни старались присутствовавшие, им удалось разобрать лишь отдельные, не связанные друг с другом слова:

— Опыты... Соседи по дому... Сбежал...

И только последние фразы донеслись до всех целиком:

— Просто глупый мальчишка. Будьте спокойны, ничего серьезного не может случиться.

Сперва генерал, слушая Кнохе, недоверчиво качал головой, но под конец одобрительно хлопнул часовщика по плечу.

— Молодец, Кнохе. Это действительно редкий случай. Но, судя по вашим словам, ничего серьезного нам не грозит. Вероятно, все это детские шалости. Я поручаю вам покончить с мальчишкой.

Он облегченно вздохнул и протянул руку к телефону, который уже несколько секунд без перерыва звонил.

— Алло! Алло! Что? Повторите... Бензинохранилище?

Трубка выпала из рук генерала. Он метнул яростный взгляд на Кнохе и, побледнев, прошелеstel одними губами:

— Господа! Бензинохранилище взорвано невидимкой... Это, по-вашему, тоже ничего серьезного?

Ошеломленный Кнохе молчал. Генерал, вскочив с кресла, отодвинул его с такой силой, что оно грохнулось на пол.

Часовщик Кнохе

— Немедленно расставить посты на углах! Установить наблюдение! Приказываю стрелять в каждого невидимого!.. Ну, в чем еще дело, Кнохе?

Часовщик, оправившийся после конфуза, осторожно дергал сади за рукав генерала.

— Тс-с, ваше превосходительство, — бормотал он, прикладывая палец к губам, — умоляю вас, — тише! Кто знает, может быть, в эту минуту невидимка находится здесь. Подумайте, что, если он незаметно стоит где-нибудь и подслушивает ваши приказы? Мне послышался какой-то шорох в углу...

— Тс-с, — прошипел генерал.

Офицеры затаили дыхание, но шорох, о котором говорил Кнохе, больше не повторился.

— Я думаю, Кнохе, — сказал генерал, — у вас нервы не в порядке. Вам, наверное, почудилось. Его, безусловно, здесь нет.

— Конечно, — согласились все остальные, — его здесь нет.

Но, словно в насмешку, из глубины комнаты раздалось чье-то чихание.

— Он здесь! Это он чихнул! — закричал генерал, бросаясь вперед. Он широко растопырил руки, чтобы схватить невидимку и начал метаться из угла в угол по комнате. — Ловите его!

Все кинулись выполнять приказ генерала, задевая и опрокидывая стоявшие в комнате вещи.

Только один майор фон-Швиммель с чрезвычайно смущенным выражением лица не двинулся с места.

— Почему вы стоите, как пень, фон-Швиммель? — крикнул ему генерал.

— Потому что, — все еще заикаясь, ответил майор, простудившийся после лежания в снегу, — потому, ваше превосходительство, что это я сам и чихнул.

— Тыфу, — генерал даже плюнул от злости. Он снова сел в кресло. — Видимо, господа, я ошибся. Его здесь действительно нет. Прекратим розыски и будем продолжать обсуждение... Ну, в чем дело, Кнохе?

Часовщик с широко расставленными руками медленно двигался по комнате. Он обследовал каждый угол, иногда поспешно сдвигая руки, словно пытаясь кого-то схватить. И

вдруг, без всякой видимой причины, часовщик согнулся в три погибели, как будто наткнувшись на что-то. Он повалился на пол, руки его сомкнулись и он стал перекатываться с боку на бок, крича:

— Он здесь! Он здесь! Я держу его! Он лягнул меня прямо в живот! На помощь! Ай!

Кнохе затряс в воздухе правой рукой, на которой показалась струйка крови и следы чьих-то зубов.

— Держите его! Он меня укусил.

Все бросились на помощь часовщику, толкая друг друга и сбивая с ног, но было уже поздно.

Дверь сама собой распахнулась, пропуская кого-то, и хлопнулась перед самым носом фон-Швиммеля и генерала, которые одновременно стали протискиваться в нее. Они вдвоем выскочили в приемную и разом упали, споткнувшись о лежавшего посреди комнаты адъютанта.

— На меня что-то налетело, — оправдывался адъютант, поднимаясь на ноги. — Это было совсем неожиданно.

Последним в приемную выбежал Кнохе, держа укушенный палец во рту.

— Как это вы опять его упустили? — закричал на него генерал. — Вперед, фон-Швиммель! От нас-то он теперь не уйдет.

Он выхватил револьвер и, сопровождаемый офицерами, бросился вниз по лестнице.

Через минуту на улице началась стрельба. Изумленные жители, прячась в домах, видели как по опустевшей мостовой стремглав несло несколько германских офицеров. Они на бегу стреляли в расстилавшееся перед ними пустое пространство.

Это началась охота за невидимкой.

МНОГИЕ ПРЕСЛЕДУЮТ ОДНОГО

Сергей в школе славился, как хороший бегун. Теперь он летел по улице, что есть духу. За собой он слышал топот шагов, выстрелы и громкие крики:

— Хальт!.. Невидимка... Это он...

«Ничего, — успокаивал себя Сережа, — сейчас я сверну в переулок. Меня они все равно не увидят».

Но, бросившись в первый же переулок, он на бегу оглянулся и вздрогнул от удивления: преследователи повернули за ним.

«В чем дело? — с тревогой подумал Сергей. — Неужели я перестал быть невидимкой?»

Он поспешно взглянул на себя: сквозь свое прозрачное тело он различил лишь мостовую, покрытую снегом. Нет, конечно, он по-прежнему невидим. В то, что немцы до сих пор его не оставили, объяснялось простой случайностью.

Он хотел было остановиться, чтобы пропустить погоню мимо себя, но в это мгновение пущенная фон-Швиммелем пуля просвистела над его головой.

За первой пулей последовали другие.

Не раздумывая, Сергей кинулся дальше, но расстояние между ним и преследователями все сокращалось. Он уже слышал позади тяжелое дыхание запыхавшихся немцев.

Сергей пронесся мимо стоявшего на углу часового, и вдруг часовой вскинул винтовку и, тщательно прицелившись, выстрелил.

Шапка чуть не слетела с головы Сергея. «Хальт!» — звучало у него за спиной.

«Часовой целился... целился... Значит, он видел меня!»

Задышавшись, он выбежал на крутой, обрывистый берег, к мосту, — за ним начиналась заречная часть.

Сережа хотел перебежать через мост. Но с той стороны, громыхая, показался танк, — знакомый, с белой, похожей на паука, свастикою на башне. Танк осторожно взбирался на мост, занимая всю его ширину.

Путь вперед был отрезан. Сереже пришлось повернуть назад. Но тут он понял сразу все: следы на снегу!

Вот почему немцы гнались за ним по пятам.

Вот почему пули чуть не задевали его.

Следы! Они тянулись за ним отчетливой цепочкой по снегу, служа путеводной нитью для немцев.

— Хальт! — закричал генерал, приближаясь во главе своих офицеров. — Не стреляйте, фон-Швиммель. Мы захватим невидимку живьем: он остановился. Забегайте вперед!

Сережа понял, что сейчас его схватят. Надо было мгновенно принять решение.

Он поднял ногу и поставил ее на собственный, оставленный им позади себя след. Затем также переставил вторую ногу. Пятясь, он очутился на некотором расстоянии от места, где обрывались его следы.

— Вот он стоит! — торжествовал между тем генерал, указывая на два последних следа, с которых только что сошел Невидимка. — Сейчас мы схватим его. Забегайте, фон-Швиммель, с той стороны, а я схвачу его с этой. Ну, живо!

И в то время, как Сергей отступал назад по своим старым следам, генерал и фон-Швиммель кинулись один другому навстречу. И вместо того, чтобы схватить Невидимку, они вцепились друг в друга.

— Пустите! — завопил генерал, стараясь освободиться из объятий фон-Швиммеля. — Я держу Невидимку.

— Извините, ваше превосходительство, — возразил фон-Швиммель, — это вы меня держите.

Сергей, отступая все дальше, наблюдал эту сцену, но ему было совсем не до смеха.

Едва генерал воскликнул растерянно: «Куда же он девался?», как к нему обратился почтительный Кнохе:

— Вы видите, ваше превосходительство, что следы обрываются. Так что вперед Невидимка не мог убежать.

— Ну, конечно.

— И в сторону тоже следы не ведут.

— Не ведут.
— По воздуху Невидимка передвигаться не может.
— Ну, ясно. Только, что это может доказывать?
— Это доказывает, господин генерал, что Невидимка вернулся назад.

«Пропал!..» — подумал Сергей.

Но тут произошло нечто совсем неожиданное.

Раздался оглушительный грохот, толпившихся на берегу людей будто порывом ветра повалило на землю, и мост вместе с танком взлетел в воздух.

С ужасным лязганьем танк обрушился вниз, пробив лед. Прежде, чем кто-нибудь успел сообразить, что случилось, танк погрузился на дно реки.

Поднялся страшный переполох. Немцы метались, крича:

— Невидимка! Это он взорвал мост...

Но Сергей не меньше других был поражен происшедшим.

«Кто же взорвал мост? — думал он. — Теперь всё будут приписывать мне!..»

Оглянувшись, Сережа увидел, что его преследователи в замешательстве остановились. Не теряя времени, он бросился в сторону от моста.

Смеркалось. Сережа очутился на углу той самой улицы, где недавно в него стрелял часовой.

Теперь на углу стояла толпа, которую разгоняли солдаты. Сергей прислушался, — то тут, то там раздавался взволнованный шепот:

— Невидимка... среди белого дня...

«Ну, что тут еще?» — подумал беспокойно Сергей.

Толпа расступилась, и он увидел лежавшего с раскинутыми руками на мостовой часового. Кто-то объяснял:

— Внезапно... убил часового... Невидимка!

«Да что же это? — растерялся Сергей. — Кто это под мою марку работает?»

Теряясь в догадках, Сергей свернул на очищенную от снега панель. Он мог шагать по ней, не оставляя следов.

Наступила ночь. Он был голоден и устал. В доме, мимо которого он проходил сейчас, жил его школьный товарищ. Зайти, попросить приюта? Но это значит — открыть свою тайну.

Сережа решил идти к Василию Тихоновичу, — для него все люди теперь невидимки, от него не приходится ждать не-

нужных расспросов! И, может быть, ему нужна Сережина помощь. Но Шура? Как ей объяснить все, что произошло? Нет, от Шуры нужно все это скрыть.

Сергей повернул к дому Василия Тихоновича. Весь путь он проделал без приключений.

Василий Тихонович по-прежнему сидел в кресле у окна. Перед ним на столе горела лампа. Лицо старика было забинтовано. Услышав шаги за спиной, он тревожно обернулся:

— Кто там?

Сережа кинул взгляд на постель. Шура спала.

— Добрый вечер, Василий Тихонович, — сказал с порога Сергей. — Извините, что я так поздно... Но я хотел вас проведать.

— Очень рад тебя видеть, — сказал учитель и улыбнулся грустной улыбкой. — Хотя, собственно, видеть тебя не могу.

— Василий Тихонович, — нерешительно обратился Сергей к старику. — Я вас хотел попросить: когда Шура проснется — не говорите, что я тут, у вас.

— Почему? — удивился учитель.

— Не спрашивайте, — смутился Сергей, — Честное слово, я вам когда-нибудь все объясню.

— Но ведь она сама увидит тебя.

— Не увидит, — сказал Сергей и, спохватившись, поправился. — Я спрячусь на время. Не удивляйтесь, Василий Тихонович, это очень серьезное дело. Вы мне поверьте.

— Ну, что же, — сказал после молчания учитель, — я тебе верю. По-моему, на плохое ты не способен...

В это время Шура зашевелилась на постели и подняла голову. Сергей поспешно отошел в угол, где стоял подрамник и прислонился к стене.

— Ты с кем-то разговаривал, папа? — спросила Шура. — Я слышала голоса.

— Нет, Шурочка — смутился Василий Тихонович, — это я так... Сам с собой... То есть я хочу сказать: это тебе приснилось...

Неизвестно, чем бы кончился разговор, если бы вдруг Сергей не задел подрамник и тот не свалился бы на пол.

— Ах! Кто там? — услышав шум, испуганно вскрикнула Шура.

Необходимо было спасать положение. Одним прыжком Сергей подскочил к столу и задул лампу. В комнате стало совсем темно.

— Кто там? — повторила взволнованным голосом Шура.
— Что случилось?

— Это я, Шура, — громко сказал Сергей. — И, кажется, что-то здесь уронил. Не пугайся.

— Откуда ты взялся? — удивилась Шура. — Я даже не видела, как ты появился...

— Это потому, что когда я вошел, лампа потухла.

— Так поздно!.. — продолжала удивляться Шура. — Сейчас зажгу лампу.

— Подожди, тебе нельзя вставать, я сам зажгу, — предложил Сергей. — Где спички?

— На столе.

Сергей пошарил руками и нащупал коробок. Он сунул его в карман и сказал:

— Что ты придумала? Там вовсе нет спичек.

— Куда ж они делись? — воскликнула Шура. — Какая досада! Соседка принесла экстренный выпуск газеты, и я хотела прочитать папе. Там напечатано о награде тому, кто поймает Невидимку. Неужели его поймают?

— Все это глупые выдумки, — ответил Сережа как можно спокойнее, — Невидимок нет. Просто даже слушать смешно.

— Совсем не смешно, — рассердилась Шура. — Весь город знает уже о Невидимке. Кто поджег бензохранилище? Невидимка. Кто побил майора самой комендатуры? Невидимка. Кто взорвал мост? Опять Невидимка.

— Ну, вот это уж враки, — возразил твердо Сергей. — Мост взорвал кто-то другой.

— Ты думаешь? — ответила Шура насмешливо. — А кто убил часового?

— И часового убил кто-то другой.

— Откуда ты знаешь? — совсем рассердилась Шура. — Что, Невидимка тебе докладывает?

— Не докладывает, — тоже рассердился Сергей, — а раз говорю, так знаю.

— Ты просто завидуешь Невидимке, — сказала Шура. — Еще бы! Сколько можно дел натворить, если быть Невидимкой. Мстить немцам на каждом шагу и знать, что ты неуловим.

— Положим, — ответил Сергей, вспомнив о недавно пережитой погоне, — а на снегу остаются следы, и по ним можно догнать Невидимку.

— Конечно, — сказала Шура презрительно, — тебе, наверное, было бы очень страшно быть Невидимкой.

«Зажгу лампу, — сердито подумал Сергей, — и докажу ей».

... Но нет! Нужна осторожность...

Сергей промолчал. Разговор был так неприятен ему, что он решил уходить.

— Ну, прощай, — сказал он обиженно. — До свиданья, Василий Тихонович.

Шура поняла, что задела Сергея.

— Да ты посиди... И что же ты будешь делать совсем один дома? Ну, постой, я тебя провожу, закрою за тобой калитку...

Это было совсем уж некстати. Только то, что за окнами стояла черная ночь, в которой не было видно ни зги, заставило Сергея сказать:

— Ну ладно, пошли. Только оденься потеплей.

Сережа сильно проголодался, и было бы очень хорошо, если бы Шура дала ему поесть. Но для этого нужно было зажечь свет... Сережа невольно подумал о мешке с провизией, оставшемся дома.

Они вышли вдвоем на крыльцо. Густой мрак окутывал землю. Сергей слышал голос Шуры, но, как ни старался, не мог ее разглядеть. Он нашел в темноте Шурину руку и пожал ее на прощанье, — рука была горяча. Голос Шуры сказал:

— Как бы я хотела познакомиться с Невидимкой!

В это мгновение луна вышла из-за туч. Она осветила крыльцо и двор, и сугробы, и при бледном свете ее Сергей внезапно увидел искаженное ужасом лицо Шуры. Он рванул свою руку, но Шура крепко держала его. Она держала его и... не видела.

— Сергей, — прошептала она, — значит... это ты и есть — Невидимка?!

— Тише, — ответил Сергей. — Ты одна это знаешь. Но больше чтоб — никому!

— Никому, — обещала Шура. — Можешь на меня положиться... Это ты поджег бензохранилище и побил майора?

— Я.

Шура крепко сжала его руку своей горячей рукой.

— И взорвал мост? И уложил часового?

Сергею хотелось приписать и эти подвиги себе, но он честно признался:

— Я ж говорил, что это кто-то другой. Только тогда ты не верила... Иди скорее домой, Шурочка.

Но Шура не уходила. Она была занята своими мыслями.

— Как же это может быть? Разве есть еще другой Невидимка?

— Честное слово, не знаю, — в недоумении ответил Сергей. — Но, если есть еще другой Невидимка, то обязательно нужно его разыскать.

ВТОРОЙ НЕВИДИМКА

— Куда же ты пойдешь, Сережа? — спохватилась Шура. — Нет, не уходи, оставайся здесь!

— Знаешь что? — отозвался ее невидимый друг. — Я схожу домой и вернусь. Там мешок с едой остался. Обидно же, чтобы немцам...

— Не уходил бы ты лучше, чорт с ней, с едой! Я накормлю тебя.

— Я скоро вернусь, — решительно сказал Сережа. — Уходи, Шура, ты простудишься.

— Ну так возвращайся поскорей, а то я буду беспокоиться.

Сергей кивнул головой, но вспомнил, что Шура не может увидеть его кивка, и зашагал по пустынной улице.

Поравнявшись с воротами своего гома, Сергей остановился, толкнул калитку, вошел.

Чужие люди уже побывали здесь. Может быть, они находятся здесь и сейчас. Перед дверью сарая дотлевал на снегу костер. У сарая стояла скамейка, и на ней был рассыпан пепел от трубки. Кто-то совсем недавно сидели курил на скамейке: пепел еще не сдуло ветром.

Дверь в дом оказалась незапертой.

В комнате на столе чадила керосиновая лампа.

На диване спал Кнохе. Один глаз его был приоткрыт. Кнохе во сне шевелил пальцами и бормотал. Рядом с ним, обхватив винтовку и уронив голову на руки, сидя, храпел немецкий

солдат. На полу валялись его трубка и разбитая бутылка. В комнате пахло водкой.

Сергей заметил на столе мешок с едой, забытый им накануне. Мешок был развязан и наполовину опустел. Часть его содержимого валялась на столе, а часть, как видно, была уже съедена солдатом и Кнохе.

— Гады! — сказал Сережа со злобой и отвращением.

Сережа подошел к столу, чтобы собрать то, что осталось. Вдруг позади в сенях скрипнула половица. Сергей вздрогнул и повернул голову.

В сенях послышался как будто легкий шорох удаляющихся шагов. Потом на дворе раздался тихий свист. Сергей повернулся и выбежал из дома.

Ярко светила луна и Сережа увидел, что двор пуст.

«Померещилось?» — подумал он, но в это время услышал чей-то приглушенный голос:

— Ты, Федор?

Голос шел из сарая. Сергей подбежал к двери сарая, на ней висел громадный замок. Неожиданно дверь изнутри подалась, и Сергей увидел в щель лицо человека.

Лицо было воспаленное, обросшее, в крови. Но Сереже особенно запали в душу глаза: поставленные очень близко к переносице и немного косящие, они были полны тревожного ожидания.

Несомненно, этот человек был арестован немцами, и его сторожил тот самый солдат с трубкой, который уснул на диване у Кнохе. Солдат, видимо, зашел погреться и напился водки. Ключ от замка, конечно, находился у него. Овладев ключом, можно было освободить арестованного.

Сергей бросался назад, в дом.

Он стал поспешно шарить в карманах у солдата, но ключа найти не мог.

Солдат, не просыпаясь, во сне чувствовал чьи-то прикосновения. Он мычал и отмахивался рукой.

От их возни проснулся Кнохе. Он приподнялся и протёр глаза. Сергей застыл на месте.

— Бездельник! — крикнул Кнохе на солдата. — Ты все еще здесь? Иди сторожить своего арестанта!

И он толкнул солдата коленом в бедро. Солдат, не просыпаясь, зарычал и схватился за бедро.

— Иди! — еще раз крикнул Кнохе, повалился на диван и уснул.

Облегченно вздохнув, Сергей снова принялся за розыски ключа. Наконец, он нашел его. Ключ на шнурке висел у солдата на груди, под рубахой, как крест.

Сергей стал осторожно снимать ключ. По мере того, как он поднимал шнурок с ключом, солдат хватался за грудь, за шею, за волосы, но не просыпался.

Наконец, с ключом в руках, Сергей бросился из дома.

В изумлении замер он на пороге: дверь сарая была открыта настежь.

Сергей подбежал к сараю, — он был пуст. В раскрытом замке торчал ключ.

Сергей оторопело смотрел на ключ в замке и вертел в руке другой ключ, который он снял с солдата.

— Второй Невидимка! — прошептал Сережа.

Вдруг из дома донеслись громкие крики.

— Мой ключ! — орал солдат.

— Опять Невидимка! — вопил Кнохе.

Часовщик и солдат появились на пороге.

— Стреляй в Невидимку! — закричал Кнохе и выхватил револьвер. — Видишь, он стоит у сарая и держит в руке ключ. Целься.

Кнохе и солдат выстрелили...

Кнохе и солдат выстрелили: Кнохе — из револьвера, а солдат — из винтовки.

Две пули просвистели у самой щеки Сергея. Он отшвырнул от себя ключ и побегал к калитке.

— Следы, следы! — заорал Кнохе. — Стреляй на шаг впереди следа!

Испуганные жители, выбегая из своих домов на крики и выстрелы, видели, как часовых дел мастер Кнохе и немецкий солдат бегут по улице и стреляют в пустое пространство, заряжают и снова стреляют.

До края города гнались часовщик и солдат за Невидимкой. Наконец, следы его потерялись в лесу.

Кнохе и солдат долго бегали по опушке и стреляли.

Возвращались они усталые и мрачные. Кнохе был в ярости от того, что опять упустил Невидимку.

Вдруг Кнохе остановился и хлопнул себя по лбу.

— Как я об этом раньше не подумал? Теперь Невидимка в моих руках... Хальт! — крикнул он солдату. — За мной!

И Кнохе повернул к дому учителя...

В это время Сергей, хрипло дыша, сидел в лесу на пне. В ушах у него звенело, кружилась голова, ноги стали будто чужими.

Уже двое суток он не спал и не ел, почти не присаживался и находился в беспрестанном волнении. Одна опасность сменялась другой, неожиданность следовала за неожиданностью.

Сергей с тревогой думал о больной Шуре, которая, вероятно, в это самое время с не меньшей тревогой ждала его возвращения. А мать и дядя Коля? В каком они страхе за него, сколько мучительных колебаний, должно быть, пережили они прежде, чем решили уехать, не дождавшись его, как терзаются сейчас, что отпустили его!..

Долго сидел он на пне, не в силах двинуться с места. Уже светало. Вдруг он услышал хруст шагов.

Шаги приближались. Вскоре Сергей увидел двух немецких офицеров.

Офицеры шли медленно, внимательно разглядывали деревья, останавливались, что-то соображая, и, как будто выбрав правильный путь, снова ускоряли шаги.

Офицеры то появлялись, то исчезали за деревьями. Вот они опять остановились. Один из них повернул голову в ту сторону, где сидел Сергей.

Сергей вскочил на ноги и едва не вскрикнул: он узнал арестованного, которого видел в дверную щель в сарае... Он не мог ошибиться: эти глаза, поставленные близко к переносице и немного косящие!..

Второй офицер был пониже ростом, плотный, краснощекий.

Сергей стоял и изумленно разглядывал приближавшихся к нему людей. До него долетели слова, — немецкие офицеры говорили на чистейшем русском языке:

— Да, Федор, — сказал тот, которого Сережа видел в сарае, — невесело было сидеть и ждать, пока поведут вешать. Но была и у меня радость. Вчера вечером меня как тряханет в сарае! Я сразу подумал: верно, друзья мост взорвали.

— А про танк ты не знаешь? — отозвался Федор. — По мосту танк шел. Мы его отправили на дно — с рыбами воевать. Так вот он — «второй Невидимка!»

Сергей пошел следом за собеседниками.

МИНИСТР ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Один «государственный деятель» школьной державы до сих пор был оставлен нами без внимания: это — «министр земледелия», а попросту говоря — школьный садовник Богданыч.

«Министр земледелия» был подслеповат, рыжеватая борода и остатки волос его всегда были растрепаны, а фартук неизменно перепачкан землей и травой. Он любил школу и школьников, любил деревья, цветы, птиц и любил пофилософствовать.

Сережа, страстный юннат, был частым собеседником Богданыча. Немало интересного он узнал от старика. Раз Богданыч показал Сереже рукой на пенек в глубине сада, — там сидела большая голубая кукушка, развернув крапленный белыми колечками хвост:

— Смотри, друг, зезюля сидит, ждет няньку. А нянька-то вчетверо меньше ее, — видишь, хлопочет в ветвях? Они, зезюли, птенцов не выводят, а подкидывают яйца в чужие гнезда. Птицы, а тоже эксплуатация выходит!..

Война принесла Богданычу много огорчений. В один из первых ее дней учащиеся и персонал школы рыли в саду укрытия от бомб. Богданыч, годами проводивший свои дни в саду в неустанном труде, наотрез отказался принять участие в этой работе. Он стоял, прислонясь к дереву, сложив руки на животе под фартуком, и с недоуменной грустью смотрел, как под дружными взмахами лопат траншея быстро ползет от дерева к дереву и безобразит его сад. Когда же окоп подошел к большой, еще не расцветшей астре, Богданыч решительно шагнул к цветнику и сказал:

— А вот уж цветка мне не портьте! Пока я жив, пусть и он живет.

И он большими заскорузлыми руками стал бережно выкапывать астру, чтобы пересадить ее.

Из преподавателей особенной любовью Богданыча пользовался Василий Тихонович, часами просиживавший с палитрой в саду и зарисовывавший все его уголки.

— Ну, как, мой друг, ты находишь эту траву? — бывало спросит, по обыкновению немного театрально, Василий Тихонович, отходя от акварели.

Богданыч тотчас же уткнется носом в акварель, теребя бороденку, потом откинется назад, щуря свои подслеповатые глаза.

— У тебя она, Василий Тихонович, не блестит, А живая-то травка, друг, сам знаешь, от природы будто лаком покрыта.

Василий Тихонович, если бы услышал такой отзыв о своей акварели из уст художника, непременно надел бы пенсне и окинул бы самонадеянного критика насмешливым взглядом.

Но слушая Богданыча, Василий Тихонович глубокомысленно закрывал глаза, наклонял голову и после многозначительной паузы произносил:

— У тебя душа художника, Иван Богданович!

Травка вскоре «оживала».

Водворение в школе немцев, принявшихся вырубать любимые деревья Богданыча, было для него большим ударом. Постаревший, сторбившийся, выходил он на порог своей сторожки и молча смотрел на поваленные деревья.

Когда же Богданыч от встретившегося ему на улице школьника узнал о несчастье, постигшем Василия Тихоновича,

он как-то посерел весь, заковылял домой, долго стоял посреди комнаты, потом сунул в «недра» полушубка, то есть за пазуху, ломоть хлеба, запер на замок сторожку и ушел.

Вернулся он через несколько дней. Немцы, обратившие внимание на отсутствие старого садовника, допросили и избили его. Вразумительных объяснений от старика они не добились, но, считая его безвредным, отпустили, разрешив ему попрежнему жить в сторожке.

На другое утро, заметив, какими глазами смотрел садовник на срубленный в саду старый дуб, обер-лейтенант усмехнулся и отдал приказ, чтобы впредь рубил и пилил деревья сам Богданыч.

Офицер был уверен, что Богданыч откажется выполнять приказ и этим даст повод еще раз избить его и поиздеваться над ним.

К удивлению обер-лейтенанта, Богданыч покорился. «По-бои пошли ему впрок», — подумал немец, наблюдая за тем, как старик садовник подпиливает березку, но о действительной причине его покорности офицер не догадывался.

Угрюмо подпиливая обреченное на сруб деревцо, Богданыч бормотал себе под нос:

— Исполнится, исполнится мера грехов ваших, окаянные. За все тогда воздастся вам, за каждое деревцо!

Но Богданыч думал не столько о суде Божьем, сколько о тех удивительных людях, с которыми завязал дружбу в дни своего исчезновения из сторожки.

Когда немцы ушли обедать, Богданыч бросил пилу, сердито сплюнул и отправился к себе. Он достал из погребка немного масла, пяток яиц, — гостинец Василию Тихоновичу, — и пошел навестить учителя рисования.

Богданыч уже подходил к дому Василия Тихоновича, когда калитка отворилась и на улицу вышли учитель с забинтованным лицом и пожелтевшая, исхудавшая Шура, которая вела его за руку, а за ними — немецкий солдат с винтовкой наперевес.

Увидя забинтованное лицо Василия Тихоновича и немца с винтовкой, Богданыч побелел и остановился.

— Ну, марш, марш, — закричал солдат и погнал арестованных по мостовой.

— *Марш!* — *закричал немец.*

Богданыч, перебирая трясущимися руками узелок, сначала провожал их глазами, а потом пошел за ними следом на таком расстоянии, которое не могло внушить подозрений.

У полуразрушенного снарядами дома, поблизости от комендатуры, стоял часовой. Солдат подвел к нему арестованных. Часовой постучал прикладом в дверь подвала. Дверь отворилась, вышел унтер-офицер. Солдат, который привел учителя и Шуру, вытянулся, щелкнул каблуками, потом протянул унтер-офицеру две бумажки. Унтер-офицер взглянул на бумажки, потом на арестованных, одну бумажку сунул в карман, а на другой расписался и вернул ее солдату. Солдат снова вытянулся, повернулся на каблуках и зашагал к комендатуре, а Василий Тихонович и Шура исчезли за дверью подвала.

Богданыч, понутив голову, смотрел на эту дверь. Потом он заметил, что с противоположной панели какой-то человек в черной фетровой шляпе смотрит в его сторону. Это встревожило Богданыча, и он побрел назад.

Оглянувшись, он увидел, что человек в шляпе, перешел мостовую и идет следом за ним.

Поравнявшись с Богданычем, он вежливо приподнял шляпу, и тогда близорукий садовник узнал часовщика Кнохе. Богданыч сразу успокоился и обрадованно кивнул старому знакомому.

Богданыч знал Кнохе больше двадцати лет и очень уважал его за искусное мастерство, за всем известную честность, спокойный нрав и благообразный вид. Встретив часовщика впервые после оккупации города немцами, Богданыч ни малейшего недоверия к нему не почувствовал, Правда, Кнохе был немец, но Богданыч так понимал, что это когда-то Генрих Карлович был немцем, а за двадцать пять лет пребывания в России он стал «своим братом». Все к нему в городе привыкли, во многих домах он был близким человеком. Да и что общего могло быть между почтенным часовщиком и этими окаянными душегубами?

Обрадовался же ему Богданыч потому, что, когда он узнал Кнохе, у него мгновенно родилась мысль, что часовщик может помочь арестованным.

— Здравствуй, друг, Генрих Карлович, — сказал садовник (он всем говорил «ты»). — Беда-то какая! Не можешь ли посоветовать?

Кнохе внимательно посмотрел на садовника.

— Вы говорите про это, Иван Богданович? — вполголоса спросил он, кивая головой в сторону подвала, куда упрятали арестованных. — Да, это ужасно. Но как я могу помогать? Меня самого...

— Ну, пустое, друг. Кто тебя тронет? Ведь ты, как-никак, немец. Я так понимаю, что ты у «них» даже в почете можешь быть. Вот и заступись за учителя с девочкой.

— Я думаю, вы ошибаетесь, Иван Богданович, — сказал часовщик, качая головой. — Я вам скажу правду (Кнохе еще более понизил голос), — вчера в мой дом ворвались эти разбойники, унесли много дорогие вещи, много поломали, а мне — смотрите, что сделали!

С этими словами Кнохе, сняв перчатку, протянул Богданычу руку, покрытую кровоточащими ссадинами. Это были укусы и царапины, доставшиеся часовщику от Невидимки во время драки у генерала.

Богданыч огорчился и возмутился.

— Свою же кровь проливают! За все, за все воздастся им, окаанным.

Часовщик пристально смотрел на Богданыча.

— Да. Я думаю, надо иначе помогать (я имею веру к вам, но тс-с! Можно погибать, если малейшая неосторожность):

надо найти мои друзья — партизаны, они могут помогать. Вы из наших, из лесу, никого не встречаете?

— Обещались ко мне навеститься, — ответил Богданыч, — да вот нейдут чего-то.

— Что-нибудь устроим, — решительно сказал Кнохе. — Я приду к вам, Иван Богданыч. Добрая ночь!

Часовщик приподнял свою черную шляпу, и они расстались.

Богданыч брел домой в раздумье.

«Прав Генрих Карлович: партизаны пособят. Самому податься к ним или ждать Федора? Обещался ведь!»

«Дождусь ночи, — решил садовник. — Может, придет. Да, и Генрих Карлович...»

И вдруг легкое сомнение закралось в душу Богданыча: «А, может, не след было откровенничать с часовщиком?.. Да нет, он — честная душа», — решил Богданыч и успокоился.

На углу перед громкоговорителем стояла толпа:

«Предлагается Невидимке, то есть Сергею Званцеву, в трехдневный срок сдать в руки германских властей, — говорил голос по радио. — Если же Невидимка, то есть Сергей Званцев, в трехдневный срок не сдастся в руки германских властей, то находящиеся под арестом учитель и его дочь будут повешены».

Уже темнело. Богданыч постоял с опущенной головой, пожевал губами, потом побрел в школу.

Дверь в сторожку оказалась незапертой.

— Что это я? Никак, забыл запереть? — подумал садовник. — Он вошел в комнату и вздрогнул. В кресле у стола сидел немецкий офицер.

Но тут же Богданыч узнал того самого Федора, который должен был к нему прийти.

— Федор, друг! — обрадовался он. — А я-то ждал...

— Тише, сказал Федор. — Я ненадолго. Немцы арестовали слепого учителя с дочкой. Надо узнать, куда они их посадили.

— Друг, да я же знаю, я все знаю! — воскликнул Богданыч. — Я всю дорогу за ними следом шел.

— Вот это ладно, — сказал Федор. — Ведь у нас теперь только два дня. Ну, ты меня подожди, Иван Богданович. Тут у меня еще дельце одно есть. Я через полчаса вернусь, и ты покажешь мне, куда посадили учителя.

Федор ушел. Богданыч запер за ним дверь, сидел и ждал. Прошло полчаса. На дворе совсем стемнело. Богданыч опять начал тревожиться. Наконец, в дверь постучали.

Богданыч взглянул в окно и увидел стоявшего на крыльце немецкого офицера.

Он пошел к двери и, прежде чем открыть, осторожно спросил:

— Федор, ты?

— Я, — слышался голос.

Богданыч отпер.

— Зайдешь? — шепотом спросил садовник. — Или сразу пойдем?

— Пойдем, — сказал офицер, и в голосе его прозвучала насмешка.

Богданыч взглянул в лицо гостя и ахнул. Это был не Федор. Перед ним стоял настоящий германский офицер (это был майор фон-Швиммель).

— Пойдем, — повторил майор. — Скорее! Вы арестованы.

ШУРА ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

В темноте, на холодном земляном полу Шура ощупью нашла кусок рогожи и сложила его вдвое. Она с отцом уселась на рогоже, поджав под себя ноги. Из двух пальто, пристегнув одно к другому, они соорудили палатку, накрылись ею и крепко прижались друг к другу. Но Шуру продолжал трясти озноб, — у нее опять поднималась температура.

«Погибнет! Если не от руки немца, так от холода и сырости, — с ужасом думал Василий Тихонович. — Нужно было уехать. Это я убил ее!»

От тревоги за Шуру он даже переставал чувствовать боль, которую ему причиняли раны.

Но Шура не могла себе представить, что она и отец погибнут. Нет! Их невидимый друг убьет часового и откроет дверь подвала. Или Красная Армия стремительным натиском возьмет город. Или... Шура не знала, что именно произойдет, но что-нибудь непременно должно было произойти.

Весь день заключенным не давали ни пить, ни есть. Вечером раздалися шаги по ступенькам, ключ повернулся в замке и

вошли генерал и майор. Фон-Швиммель направил свет электрического фонарика на заключенных.

— Встать! — закричал майор.

— Отвечайте мне, — сказал генерал, — где есть ваш друг Невидимка?

Шура и Василий Тихонович молчали.

— Ага, — усмехнулся генерал, — я вижу, вы не понимаете мой вопрос. Вам нужно иметь переводчик. Объясняйте ему, майор, чтобы они понимали.

Майор размахнулся и ударил Василия Тихоновича кулаком в лицо. Слепой упал.

— Теперь вы понимали мой вопрос? — спросил генерал. — Вы мне скажете, где есть Невидимка?

— Где есть Невидимка?

— Мы не знаем, где Невидимка, — закричала Шура. — А если знали бы, то, все равно, не сказали бы вам...

— О, — захохотал генерал, — какая храбрость! Мы понимаем: лучше самим умереть, чем выдать свой друг. Русский

человек — рыцарь, Так?.. Ха-ха... Но мы сделали маленькую хитрость. Мы объявили по радио, что, если Невидимка в течение три дня сам не сдастся в руки германский командование, то вы будете повешены. Он тоже не захочет терпеть, чтобы вы за него умирали...

— Какая подлость! — закричала Шура. — Папа, ведь Сережа придет и отдастся им в руки!

— Так, так, — подтвердил генерал. — Он не допустит ваша смерть. Вы должны быть благодарны немецкий командование, что оно придумало такой хороший выход для вас.

И, все еще усмехаясь, генерал в сопровождении фон-Швиммеля вышел.

Снова ключ повернулся в замке.

— Папа, папа, как поступить нам? — спросила в отчаянии Шура. — Они же убьют Сережу!

Василий Тихонович не знал, что ответить.

Долго тянулась томительная ночь.

Наступил день, но и он не принес облегчения арестованным: им опять не дали ни есть, ни пить. Шура с отцом сильно ослабели.

На третий день, когда отец и дочь лежали совсем без движения, опять в замке повернулся ключ. Майор фон-Швиммель с очень унылым видом спустился в подвал.

— Нун, — сказал майор, — мы старались сохранить вашу жизнь. Но ваш друг Невидимка хочет ваша смерть. Он лишен настоящее благородство. Почему вы должны умирать за такой мальчик?

— Дайте нам пить, — приподнялся Василий Тихонович. — Дайте хоть девочке.

— Если вы того заслужите, то вам будет и пить, и есть... Вы имеете последний шанс спасти вашу жизнь. Вы должны по радио сказать Невидимке, чтобы он завтра сдался. А то вас оба будут вешать на площадь. Вы должны умолять его спасти вашу жизнь.

— Мы ничего не скажем, — через силу ответил Василий Тихонович. Он задыхался. — Мы ничего не скажем. Уйдите.

— Очень плохо, — пожал плечами фон-Швиммель, — Каждый должен заботиться сам за себя. Скажите, чтоб он спасал вашу жизнь, а мы вам дадим пить и есть.

— Я скажу, — внезапно шепнула майору Шура. — Только, чтобы не знал об этом отец. Дайте нам пить и есть. Я скажу... Я буду просить его, чтобы он сдался.

— Хорошо, — облегченно вздохнул майор. — Я вижу, что вы умная девочка. Но пить и есть будет потом, а сначала сказать.

— Нет, — твердо стояла на своем Шура, — сперва накормите отца. Иначе я ничего не скажу. Меня потом, а его накормите сейчас же...

— Гут, — согласился фон-Швиммель. — Он сейчас, вы после.

По распоряжению фон-Швиммеля солдат принес в подвал миску супа и кружку воды.

Когда Шура накормила и напоила отца, майор поспешно вырвал из ее рук кружку с водой.

— Вам пить и есть после разговора с Невидимкой.

— Что ты затеяла, Шура? — понял, наконец, происходящее Василий Тихонович. Он привстал. — Я запрещаю тебе.

— Так надо, папа, — решительно ответила Шура.

— Шура! Не смей! — крикнул Василий Тихонович, вскакивая на ноги, но майор уже вел Шуру вверх по ступенькам.

Всю дорогу до комендатуры майору приходилось поддерживать Шуру, чтобы она не упала от слабости.

Он ввел девочку в комнату, и здесь Шура увидела микрофон.

— Сюда говорить, — объяснил фон-Швиммель. — Читать по бумаге. — И он вручил Шуре листок.

На листке было написано:

«Невидимка, Сережа Званцев! Если завтра до двух часов дня ты не сдашься германскому командованию, то нас с отцом повесят на площади. Спаси жизнь своих друзей, Сережа. Сдайся сам, все равно, тебя скоро разыщут. Умоляю, спаси нас!»

Майор вышел и, возвратившись, поставил перед микрофоном тарелку с супом, воду и хлеб.

Шура с трудом отвела от пищи глаза. Голова у нее закружилась.

— Говорить, — приказал майор. — Потом кушать.

— Сейчас, — негромко ответила Шура. — Я все скажу...
Перед глазами ее зажглась яркая зеленая надпись: «Микрофон включен».

ДРАМА У МИКРОФОНА И ДРАМА В ЛЕСУ.

Люди в полушубках, в ватниках, в меховых куртках, с винтовками и автоматами в руках толпились в землянке. Посредине, сдвинув брови, положив большие руки на стол, сидел человек, которому они повиновались.

Тут, в заснеженных лесах, на земле, захваченной немцами, продолжала существовать советская власть. Ее представлял этот человек. Он был командиром партизанского отряда.

Еще недавно он был товарищем Нежинцевым — секретарем партийного бюро завода, на котором работал инженер Званцев.

Теперь товарища Нежинцева не существовало.

Он бесследно исчез вместе со своими пышными усами, копной седеющих волос и глазами нежной голубизны. А в лесах появился Алексей, безусый, с бритой головой, в темно-синих очках.

Весь отряд был в сборе. В землянку набилось столько людей, что от духоты керосиновая лампа, висевшая на бревне, подпиравшем потолочный накат, медленно угасала. Только рядом с командиром оставалось на скамье одно незанятое место.

Все смотрели на Федора, все еще одетого в форму германского офицера. Печально опустив голову, он рассказывал:

— Весь город я, товарищи, обошел. Два дня, как гончая собака рыскал... И все без толку... Никто не знает, куда упрятали учителя с дочкой. Один только Богданыч знал, да и того немцы схватили... Нить оборвалась, моя вина — упустил...

— Каяться будешь потом, — прервал командир. — Говори, что теперь, по-твоему, делать?

— Одно остается. Завтра, когда их будут вешать на площади, налететь всем отрядом, перебить охрану, а старика с девочкой освободить.

— Правильно, — раздался голос.

Но командир покачал головой.

— Это значит — ставить на карту существование всего отряда. И про то вы забыли, что фашисты мирных жителей согнут на площадь. Сколько наших людей в перестрелке погибнет! Да и слепого с дочкой успеют прикончить. Нет, Федор, твой план не годится.

Тяжелое молчание наступило в землянке:

— Сегодня последний день, — сказал Федор. — Надо решать.

И вдруг со свободного места рядом с командиром послышался голос:

— Я сдамся!

Это был голос Невидимки — Сергея.

— Ты что, сынок? — повернулся к нему командир. — Об этом и думать забудь.

— Нет! — взволнованно и упорно твердил Сергей. — Иначе нельзя. Уже два дня прошло, а мы ничего не придумали. Я сдамся. Я не могу...

Сережа не договорил. Командир наклонился к нему и странно было видеть, как человек обнимает пустое место.

— Не плачь, Сергунька. Знаменитый, можно сказать, Невидимка, его все немцы боятся, а он сидит и ревет... Дай-ка мы еще пораскинем мозгами.

Командир утешал, а между тем на душе у него было так же тяжело, как у Сережи.

— Я сдамся, — опять повторил Сережа. — Пускай лучше казнят меня, а не их.

В ящике радио-приемника послышался шорох.

— Тише, товарищи! — закричал кто-то. — Слушайте!

И вот в землянке, тихий и прерывающийся, раздался голос Шуры:

— Невидимка, Сергей Званцев! Это говорю я, Шура. Слушай меня! Если завтра до двух часов дня ты добровольно не сдашься, то нас с отцом повесят...

— Я сдамся! — в отчаянии закричал Сергей. — Шура, я сдамся!

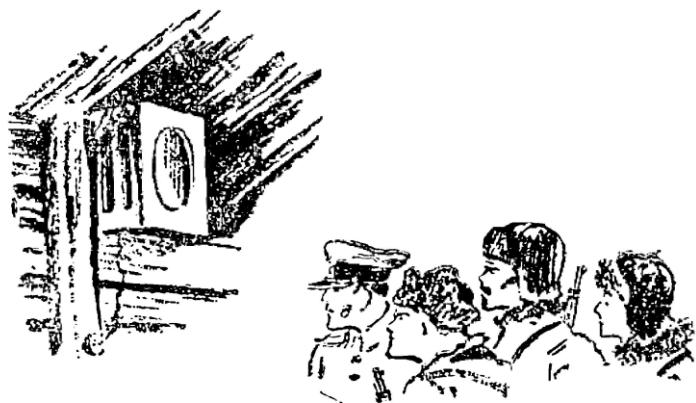
— Сережа, — продолжал голос Шуры и, по мере того, как она говорила, голос крепчал. — Сережа, меня заставили выступить. Не сдавайся! Не сдавайся, Сережа! Мсти немцам за нас! Мы ничего не боимся. Слушай меня, не сдавайся!..

Страшный шум долетел из радиоприемника: словно там, откуда говорила Шура, что-то с грохотом уронили.

Голос Шуры захрипел и оборвался.

... — Не сдавайся, Сережа, — еще раз успела она закричать. — Проклятые!..

Послышалось немецкое ругательство и шум борьбы. Партизаны, вскочив с мест, окружили радио-ящик. Руки их судорожно сжимали оружие. Но то, что происходило там, у микрофона, было слишком далеко. Они могли только слушать, но помочь не могли.

Наконец, все стихло. А партизаны еще долго стояли у ящика. И только с пустого места раздавались приглушенные рыдания. Это плакал Невидимка.

Командир отряда повернулся к Сергею.

— Ты хотел сдаться, сынок? — спросил он. — Что ж, видно, другого выхода нет. Но только, товарищи, вот что мы делаем...

НА ЭШАФОТЕ

Дверь подвала отворилась, и майор фон-Швиммель крикнул:

— Вставать!

— Уже? — прошептала Шура. Медленно поднялась и помогла встать отцу.

— Торопиться! — крикнул фон-Швиммель. — Скоро есть два часа.

Солдаты схватили Василия Тихоновича и Шуру н, больно выкрутив им руки, поволокли их по лестнице.

«Ведь уже недолго! — твердила про себя Шура,— еще несколько минут этой предсмертной тоски, потом полминуты мучений, и нам станет все равно!»

Их выволокли на улицу и повели между двумя рядами солдат.

Милое серенькое небо, улица в сугробах, бедные дома с пустыми глазницами выбитых стекол, протянутые лапы елей с охапками снега, любимый белый дом на холме!.. Все, на что смотрела Шура, видела она теперь в последний раз.

Посмотрела на отца. Какой он старенький, идет сгорбившись. За эти дни стал он таким, или прежде она не замечала? Шлепает его лопнувшая калоша, и двух пуговиц на пальто не хватает. В подвале они оборвались? Или тогда на улице? Или еще до несчастья она так плохо заботилась о нем?.. Скоро, скоро будет все равно.

Сережа будет жить. Жить — значит мстить!

Шура крепче сжала руну Василия Тихоновича. Раздалась барабанная дробь. Процессия свернула на площадь, и Шура закрыла глаза. Там, посередине площади, стоял помост, а на нем две виселицы. Как хорошо, что отец не может этого видеть.

— Шурочка, — услышала она его голос. — Мне-то легко умирать. Я старик. А ты... Это я убил тебя. Прости меня!

— Папа, — тихо сказала Шура и открыла глаза. — Я сама поступила бы так же. Не надо плакать.

На площади стояли отряды немецких солдат, а между ними — насильно пригнанные горожане. Со всех сторон на Шуру с отцом смотрели глаза, полные скорби и жалости. Шура находила в толпе школьных друзей и преподавателей. Провожая Шуру глазами, они плакали, не обращая внимания на окрики и ругательства немцев. Но чем могли они помочь, эти дети и старые безоружные люди?

Шуру с отцом ввели по ступенькам на помост. Там, у помоста, в первом ряду стоял сам генерал, а за ним весь его штаб.

В стороне стоял Кнохе, стараясь изобразить печаль на лице.

По знаку фон-Швиммеля солдат Кнаус прикрепил Шуру и Василию Тихоновичу на грудь доски с надписью: «Я укрывал Невидимку и за это повешен».

Генерал, повернув голову, посмотрел на большие квадратные часы на фасаде школы. Они показывали без двух минут два. И все глаза, устремленные до сих пор на помост, на приговоренных, на генерала, обратились к часам. Не отрываясь, сотни глаз следили за минутной стрелкой. Вот она дошла до самой верхней точки циферблата. Два часа!

— Начинайте! — махнул рукой генерал. — Сначала девочку, потом старика.

Стон пронесся по площади: солдат Кнаус накиннул веревочную петлю на шею Шуры.

С НЕВИДИМКОЙ ПОКОНЧЕНО

«Ко всем жителям города! С Невидимкой покончено». — Так начиналось объявление.

«Благодаря решительным мерам германского командования, так называемый Невидимка, — школьник Сергей Званцев, — арестован и будет на днях повешен. Сообщники Невидимки — учитель рисования В. Т. Соколов с дочерью уже сегодня повешены. В городе восстановлен германский порядок.

Подписано: генерал-майор фон-Шнапс».

Это объявление, к счастью, существовало пока еще только в мыслях самого генерала. Но сам он торопился к зданию комендатуры.

Квадратные часы на фасаде школы показывали два часа и две минуты. И, тем не менее, казнь еще не совершилась.

В то самое мгновение, когда Кнаус накиннул петлю на шею девочки, среди офицеров, толпившихся возле помоста, произошло замешательство.

Каким-то образом в руке у самого генерала очутилась записка. В записке стояло:

«Господин генерал! Я, Невидимка, Сергей Званцев, сдаюсь. Если вы явитесь немедленно к комендатуре, то можете взять меня. Я буду держать в руке белый платок на палке. По этому

вы убедитесь, что я действительно здесь. Предупреждаю, что дам арестовать себя только вам лично и при условии, что казнь будет сейчас же прекращена. Остановите казнь!»

— Остановить казнь! — закричал генерал. — Невидимка сдается!

И Шура почувствовала, что охватившая ее шею петля распустилась.

— Не расходиться! — продолжал генерал. — Всем оставаться на своих местах. Если Невидимка попробует нас обмануть, то казнь будет продолжена.

— А если Невидимка окажется у нас в руках, — послышался за спиной генерала шепот Кнохе, — то кто помешает нам обмануть его?

— Правильно, — кивнул генерал. Он понизил голос и обратился к фон-Швиммелю. — Я сообщу вам, как только мы захватим Невидимку. Тогда вы доведете казнь до конца. Понятно?

— Понятно, — осклабился фон-Швиммель. — На этот раз мы, кажется, действительно перехитрим Невидимку.

И вот генерал, воинственно выпятив грудь, шагал к комендатуре и на ходу сочинял объявление. Он умышленно никого не взял с собой, чтобы себе одному приписать всю заслугу победы над знаменитым Невидимкой.

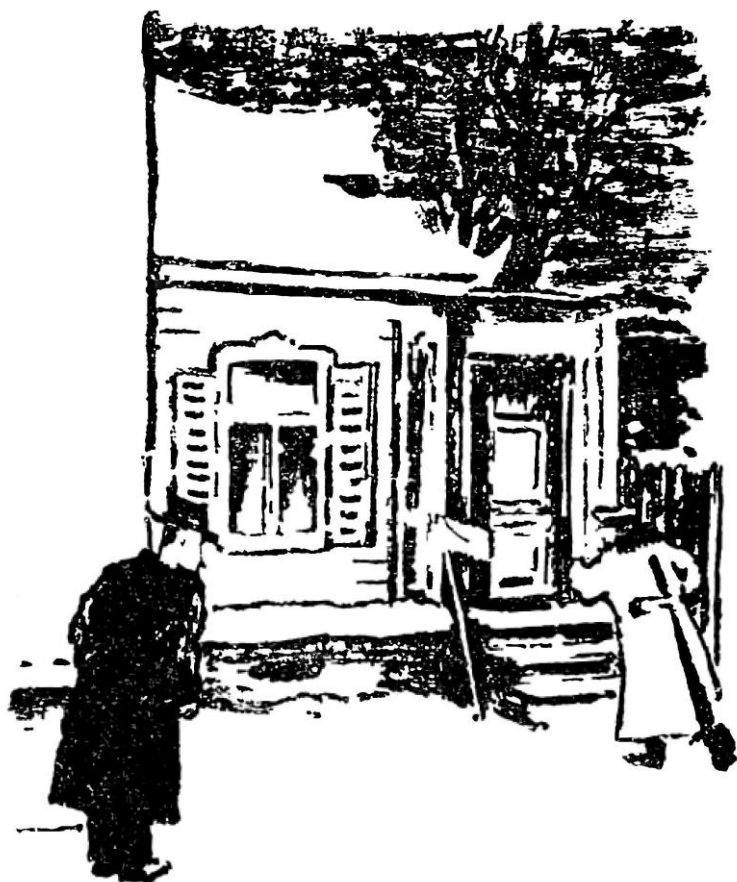
За генералом на почтительном расстоянии незаметно следовал Кнохе. Часовщик очень хорошо понимал, почему генерал шел один. И он решил непременно присутствовать при аресте Невидимки. Таким способом он добьется прибавки к деньгам, которые уже получил за арест учителя с дочкой.

Так, один за другим, по пустой улице шли два негодяя. Все жители были согнаны на площадь.

Генерал подходил уже к комендатуре, когда его обогнала легковая машина. Из автомобиля выскочили два офицера. Но генерал не обратил на них никакого внимания. Он увидел возле стены комендатуры развеваемый ветром белый флажок на палке. Невидимка здесь! Невидимка сдается!

Генерал ускорил шаги.

Кнохе остановился за углом. Генерал приближался к белому флагу Невидимки. Высунув из-за угла голову в черной шляпе, часовщик смотрел во все глаза. Он дрожал от волнения: сейчас генерал сам арестует проклятого Невидимку.

Генерал приблизился к флагу...

Вот генерал миновал вышедших из автомобиля двух офицеров. Офицеры вытянулись и отдали честь.

Кнохе замер.

Генерал подошел вплотную к белому флагу и что-то сказал. Потом лицо генерала изобразило удивление. Он поднял руку и хотел опустить ее на плечо Невидимки. Но рука прошла прямо по воздуху, не задерживаясь.

Генерал рассердился. Он топнул ногой. И тут белый флажок покачнулся и упал на панель. Его, оказывается, никто не держал. Он просто был прислонен к стене комендатуры.

Да, Невидимки здесь не было. Генерала обманули, провели, как мальчишку.

Он наклонился, чтобы поднять белый флаг. И в это мгновение произошло то, чего ни генерал, ни Кнохе за углом, ни фон-Швиммель и другие офицеры на площади никак не ожидали.

Один из немецких офицеров, приехавших на машине, свистнул другому. В следующий миг они оба набросились на генерала. И не успел генерал ахнуть, как его сбили с ног, а несколько увесистых ударов оглушили его. И во рту у него оказался кляп.

Офицеры схватили генерала — один за плечи, другой за ноги, размахнулись и бросили его превосходительство в машину.

Все это видел из-за угла Кнохе. Он хотел было крикнуть, но от страха потерял голос. Он не мог позвать часового, который с автоматическим ружьем безмятежно прогуливался у главного входа комендатуры.

Офицеры тоже увидели высунувшуюся из-за угла голову в черной фетровой шляпе.

Один из них приложил палец к губам, он как бы приказывал Кнохе молчать. Другой поманил часовщика пальцем.

И Кнохе, вместо того, чтобы бежать со всех ног, как зачарованный, покорно начал приближаться к таинственным похитителям генерала...

В это время фон-Швиммель торопливо прохаживался по площади перед помостом. Он часто протирал запотевшие очки и косился на часы на белом фасаде школы, чтобы „засечь“ ту историческую минуту, когда покажется генерал, ведя арестованного Невидимку.

Но генерал не появлялся, и озябший майор нервничал.

Солдат Кнаус застыл с петлей в руках в ожидании знака, который должен быть дать ему майор. Тогда Кнаус вздернет — сначала девчонку, потом старика, и, наконец, проклятого Невидимку.

Шура и Василий Тихонович стояли, опустив головы. Сейчас их друг погибнет, — погибнет, чтобы их спасти.

Вдруг с той стороны площади, откуда должен был появиться генерал, показался Кнохе.

Он был без своей неизменной, всему городу известной черной шляпы, воротник его пальто был разорван, к пальто прилип снег. В таком состоянии часовщика никто и никогда до сих пор не видел. Тяжело дыша, Кнохе бежал к помосту. В руке он держал записку, помахивал ею и кричал:

— Приказ, приказ генерала!

— Наконец - то, — воскликнул фон-Швиммель, покосился на часы, „засекая“ историческую минуту (два часа четырнадцать минут), и поднял руку.

Кнаус снова накинул петлю на шею девочки и ударом сапога выбил из-под ее ног колоду.

Чей-то громкий стон раздался на площади:

— Шура!.. Подлецы, остановитесь!

Фон-Швиммель, схватившись за кобуру, повернулся в ту сторону, откуда послышался голос. Но в это время Кнохе, добежав до майора, сунул ему в руку записку.

Взглянув на нее, майор побледнел, опять поднял руку и крикнул: „Остановить казнь!“

Кнаус, изумленно моргая глазами, уставился на майора. Потом поспешно приставил к столбу виселицы лесенку, взобрался наверх и взмахом ножа перерезал веревку.

Тело Шуры рухнуло на помост. Толпа вздрогнула и застыла. Вот что прочитал фон-Швиммель в записке:

«Я — в руках партизан. На меня направлено дуло револьвера. Если вы причините старику и девочке хотя бы малейший вред, — я погиб. Немедленно освободите арестованных. Только при этом условии партизаны согласны вступить в переговоры относительно моего освобождения.

Ваш несчастный генерал фон-Шнапс».

— Освободить арестованных! — приказал майор.

Кнохе побежал сообщить партизанам, что их условия приняты и арестованные освобождены.

Застывшую в напряженном молчании толпу охватило радостное волнение. Помост окружили Шурины школьные товарищи. Они окликали ее и Василия Тихоновича, протягивали к ним руки, тянули Шуру за платье.

Шура уже пришла в себя. Она стояла на краю помоста, сжимая обеими руками горло, на котором петля оставила багровый след, и медленно осматривалась.

— Пойдем! Скорей! — кричали ребята, увлекая ее и Василия Тихоновича к белому зданию.

Уже много дней никто из них не ходил в школу, несмотря на приказ генерала о начале занятий по новой фашистской программе... Но теперь радость потянула их всех к белому дому на площади.

Немецкие солдаты растерянно оглядывались на майора, а майор не менее растерянно провожал глазами толпу школьников, вливавшуюся в дверь белого здания.

Школа наполнилась радостными криками. Вдруг все смолкло. В наступившей тишине до майора донеслись изумленные восклицания.

— Это он? Сережа Званцев! Невидимка! Вот чудеса!

Фон-Швиммель выпрямился. Неуловимый Невидимка — здесь, в школе! К майору сразу вернулось самообладание. Он скомандовал:

— Оцепить школу!

Солдаты бросились к белому зданию.

— Шесть человек к двери! — приказал майор. — Оставить узкий проход — так, чтобы школьники едва могли выходить по одному. Выпустить из помещения всех, одного за другим. Когда выйдут все, кого вы видите, дверь захлопнуть. Тогда внутри останется тот, кто невидим — Невидимка.

И фон-Швиммель засмеялся, довольный своей находчивостью и распорядительностью.

Один за другим, подгоняемые прикладами и окриками, низко нагибаясь под скрещенными у выхода штыками солдат, выходили дети из школы. По одному протискивались они в узкий проход, — мышь и та не проскочила бы сбоку.

Последний школьник вышел на площадь. Дверь в ту же секунду захлопнулась.

— Притащить солому и поджечь школу! — скомандовал майор.

Вскоре школа запылала, как стог.

— Теперь-то с Невидимкой покончено, — сказал фон-Швиммель. — Невидимка сгорел.

НЕВИДИМКА СТАНОВИТСЯ ВИДИМЫМ

Когда петля обвилась вокруг Шуриной шеи, она услышала знакомый голос:

— Шура!.. Подлецы, остановитесь!..

Но в то же мгновение Шура потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, ее и Василия Тихоновича окружали школьники.

Товарищи пожимали ей руки, подруги обнимали ее... Иногда Шуре казалось, что за их голосами она слышит другой, знакомый голос. Ей почудилось, будто кто-то тихо провел рукой по ее волосам. Но все это могло померещиться ей — от волнения, от радости встречи с товарищами, от беспокойства за друга.

Толпа школьников увлекала Шуру и Василия Тихоновича к белому зданию, в котором все они провели много счастливых часов своей жизни.

Ослепшие глаза Василия Тихоновича не могли увидеть ни знакомых милых лиц, ни лестницы, по которой он поднимался столько раз — изо дня в день, из года в год, ни дверей классов, мимо которых его вели теперь за руку его ученики.

Но Василий Тихонович радостно узнавал своих юных друзей по их голосам. Он с удовольствием вдыхал знакомый запах масляной краски, которой весной были заново выкрашены стены коридора.

Враги отняли у Василия Тихоновича зрение и любимый труд, но его дружбы с ребятами они разорвать не могли.

Шура оглядывалась на отца, окликала его и, видя его бледное, измученное, но счастливое лицо, улыбалась.

Вот Шурин седьмой класс. А вот ее любимая физическая лаборатория. Тут однажды Сережа, не решивший заданной на дом задачи по физике, перед приходом учителя спрятался в шкаф, но там было тесно, и во время урока Сережа с шумом вывалился из шкафа, взъерошенный, пыльный, смущенный, под громкий хохот всего класса.

Шуру потянуло в лабораторию. Она толкнула дверь, ребята устремились за Шурой.

Они толпились между шкафами и столами, заставленными банками, большими бутылками с растворами, штативами с ретортами и колбами.

Шура оглянулась.

— Поаккуратней, ребята! Не разбить бы чего...

И в эту самую секунду произошла авария.

Василий Тихонович, повернувшись, толкнул шкаф. Шкаф покачнулся. Большая банка, стоявшая наверху, опрокинулась, облив стоявших рядом ребят голубой жидкостью. И тогда застывшие от изумления школьники увидели, как на том месте, у шкафа, которое до этой минуты казалось пустым, появилась фигура мальчика.

Сначала появилась его голова в ушанке, потом черный меховой воротник полушубка и плечи, затем все туловище и, наконец, ноги.

Мальчик изумленно разглядывал свои руки, ноги, одежду, неуверенно и смущенно оглядывался на стоявших рядом ребят

и рукавицей стирал с лица и с пальто жидкость, которою весь был облит.

— Смотрите, смотрите! — закричали кругом. — Это он! Сережа Званцев! Невидимка!.. Вот чудеса!

Шура бросилась к Сереже, крепко сжала его руку.

— Тише, ребята! — сказала она. — Нас могут услышать. Подумаем, как нам спрятать Сережу!

Но в это время на площади прогремела команда фон-Швиммеля:

— Оцепить школу! Он — здесь! Шесть человек к двери! Выпускать школьников по одному!

Прежде, чем ребята успели решить, что им делать, в школу

Сережа стал видимым...

ворвались немецкие солдаты и стали прикладами гнать всех к выходу.

По одному, низко нагибаясь под скрещенными у порога винтовками, протискивались ребята в оставленный солдатами узкий проход.

Сережу вытолкали вместе с другими.

Никто не обратил на него ни малейшего внимания. Фон-Швиммеля и солдат занимал только Невидимка, «видимые» мальчики их не интересовали. Да и никто из немцев никогда не видел Сережу.

Вместе с другими школьниками и Василием Тихоновичем бывший «Невидимка» — Сережа Званцев — выбрался на площадь.

Уже темно. Ребята шли молча, часто оглядываясь. С грустью и злобой смотрели они, как позади пылает их школа, дом их счастливого детства...

А в это время майор фон-Швиммель ликовал:

«Невидимка сгорел! Невидимки больше нет!»

Расторопное немецкое радио уже разносило во все концы оккупированной области весть об уничтожении знаменитого Невидимки. Фашистские солдаты, которые вздрагивали от скрипа половицы, принимая его за шаги Невидимки, и немецкие офицеры, которые, бледнея, вскакивали с мест, если ветер приоткрывал дверь, — теперь облегченно вздохнули: «Невидимки больше нет!»

А радисты наступающих частей Красной Армии, перехватив хвастливое сообщение германского радио, хмурились и качали головами:

«Опять брехня? Или на самом деле погиб храбрый советский школьник Сергей Званцев?»

Но Сережа Званцев был жив и невредим, хотя Невидимка действительно перестал существовать.

Сережа, Шура и Василий Тихонович укрылись у партизан. Сережа теперь часто и подолгу упражнялся в немецком языке: он помогал партизанам допрашивать вы

Этот гнусный палач заслуживал самой жестокой расправы. Но, верные своему слову, партизаны не причинили ему никакого вреда, — они обращались с ним как с военнопленным.

Сначала генерал страшно струсил, жалко лебезил перед партизанами, вымаливая себе помилование.

Но через три дня он пришел в себя и потребовал на обед бифштекс. Обнаглев, он уже хвастался, что через несколько дней храбрые солдаты фюрера перевешают всех партизан.

Однако, надеждам генерала не суждено было сбыться. Стремительный натиск Красной Армии опрокинул все его расчеты. Рано утром передовые части Красной Армии, радостно приветствуемые жителями, победоносно вступали в освобожденный городок.

В толпе, которая вышла навстречу войскам, не было Богданыча. Старый садовник погиб: немцы замучили его.

Василий Тихонович, Шура и Сережа стояли на площади, — на той самой площади, где несколько дней тому назад фашистские палачи готовили им мучительную казнь. Теперь на ней гремел „Интернационал“. Его пели проходящие войска, его пели жители, его пели Сережа и Шура.

Василий Тихонович не мог петь, — он плакал. Ему было и радостно, как никогда в жизни, и грустно — ведь он не мог видеть того, что происходило вокруг. Зато он жадно ловил каждый звук. Какой счастливой улыбкой осветилось его лицо, когда радио-рупор донес до него такие родные, давно несслыханные слова:

«Внимание! Слушайте, говорит Ленинград!»

Через несколько дней произошло еще одно радостное для Сережи событие — в городок вернулся его дядя, инженер Званцев. Сереже было непривычно и приятно видеть его в военной форме.

Со дня на день должна была приехать и Сережина мать.

Дом, в котором опять поселились Сережа с дядей, наполнился военными. Являясь к Сережиному дяде, они вытягивались, отдавали честь и говорили:

— Товарищ военный инженер первого ранга, явился по вашему распоряжению.

Инженер Званцев служил теперь в авиационных войсках. Его опыты дали блестящие результаты: первый самолет-невидимка должен был вскоре совершить свой первый боевой рейс.

Однажды к инженеру Званцеву приехали трое штатских. Они долго о чем-то беседовали с инженером.

Потом Званцев послал за Сережей. Когда мальчик пришел, инженер сказал:

— Ну, знаменитый Невидимка, расскажи-ка этим товарищам все свои похождения.

Трое штатских, как по сигналу, вытащили вечные перья и записные книжки. Уставившись на Сережу и перебивая друг друга, они стали засыпать мальчика вопросами:

— Что вы почувствовали в тот момент, когда стали Невидимкой? Какой вид имел солдат Кнаус, когда вы отняли у него колбасу? Кто ваш любимый герой?

Сережа был удивлен, но добросовестно отвечал на все вопросы.

Исписав три толстых блокнота, гости уехали.

Званцев объяснил Сереже, что это были писатели из Ленинграда. В другое время встреча с писателями заинтересовала бы Сережу гораздо больше. Но сейчас он был слишком занят. Вместе с другими товарищами он с утра до вечера таскал кирпичи, помогая рабочим заново отстраивать сожженную фашистами школу. Скоро должны были возобновиться занятия.

В единственном уцелевшем классе произошла встреча школьников с „президентом“, то есть с директором, который во время оккупации городка немцами работал в подполье.

Президент радостно приветствовал школьников. Фамилию каждого он вносил в заново составлявшийся список учащихся.

Увидя Сережу, директор обнял его и хотел было внести его фамилию в список, но вдруг заколебался:

— Постой, постой! Как же так? Ведь ты — Невидимка, и ты сгорел. Я сам читал об этом в газете.

В это время письмоносец принес пачку писем, газет и журналов. Среди них обрадованные школьники нашли последний номер „Костра“. Они вырывали его другу друга, перелистывали, читали вслух.

— Слушайте! — закричала вдруг Надя Палкина, и прочла своим звчным голосом, из-за которого ей дали прозвище «Труба архангела Гавриила»:

— Сережа Званцев был жив и невредим. Невидимка действительно перестал существовать. Сережа, Шура и Василий Тихонович укрылись у партизан. Сережа...»

Теперь Сережа понял, зачем приезжали к нему писатели. А директор, улыбнувшись, внес в список учащихся Сережину фамилию.

Б. ИВАНТЕР

**ЧУДЕСНЫЕ
ВАРЕЖКИ**

Сказка

Рисунки Р. Гершаника

Б. ИВАНТЕР

ВЫСТРЕЛ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Рисунки Р. Гершаника

*

Государственное Издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1956

*Написано зимой 1941-1942 года; возможно, рассказ был
опубликован в газете 4-й ударной армии «Врага — на штык!»,
где Беньямин Абрамович Ивантер служил
военным корреспондентом.
Погиб 5 июля 1942 года.
Печатается по публикации 1956 года.*

ЧУДЕСНЫЕ ВАРЕЖКИ

Сказка

ПОДАРОК БАБУШКИ МАЛАНЬИ

Остался еще один подарок.

Капитан брил правую щеку и, скосившись, смотрел на посылку. Кому же ее отдать? Аккуратный пакет был перевязан шнурком. И только на одной стороне холстины виднелась надпись химическим карандашом.

«Дорогой товарищ командир! — было написано на подарке. — Посылка эта особенно дорогая. Просим вас выдать ее самому, какой у вас найдется, смелому бойцу, чтобы она была ему на пользу.

Сельсовет «Крутые бережки».

Иван Афанасьевич Петровых».

«Кому же отдать? — подумал еще раз капитан. — «Самому смелому»... Легко сказать... И Орлов ничего, и Хоменко — молодец, и Каладзе как будто бы тоже подходит...»

Но Муромцев казался капитану после последнего боя наиболее достойным. И посылку получил сержант Муромцев.

Муромцев сидел у себя в землянке и чистил автомат, когда дверь открылась, и старшина бросил посылку прямо ему на колени.

— Получай! — крикнул он. — От комбата!

Чорт возьми! Это было очень приятно.

Сержант повертел посылочку в руках и вдруг увидел надпись.

— Ну, уж и самый смелый! — сказал он. — Небось все-таки не самый.

Однако это было лестно. Он даже не стал сразу вскрывать посылку, а просто держал ее в руках, разглядывая ее со всех сторон; затем ножом вспорол холстину.

В посылке оказались два полотенца, зубная щетка, флакон одеколона, два куска мыла, мешочек конфет, иголки, нитки, варежки или перчатки (в полутьме было не разобрать) и, конечно, кисет с табаком.

Муромцев свернул папироску, достал спички, закурил и подумал, что председатель, видно, хороший человек. Потом потрогал мыло, понюхал одеколон. Пахло хорошо. Муромцев вылил на руку несколько капель, потер щеки. Пора было посылочку убирать.

И тут ему попались под руку варежки. Он поднес их к свету. Варежки были старые и даже, можно сказать, худые.

Но подарок — все же подарок. Сержант хотел уж было положить их в мешок, как из одной варежки выпала бумажка.

Письмо! Муромцев обрадовался ему, пожалуй, больше, чем всей посылке.

Писем сержант ни от кого не получал, и писать было вроде некому. А хотелось бы получить письмо от какой-нибудь красивой девушки. Сержант развернул бумажку и прочел:

«Товарищ боец, варежки эти просила передать старушка Маланья Устиновна Чикарева самому смелому бойцу. «Надевет, — сказала, — сам увидит». У нас, правда, люди надевали, но результату никакого. Но как бабушка может вскорости помереть, то посылаем по ее просьбе. И как она неграмотная и сама написать не может, то передаем, что она также просит бить иродов беспощадно и посылает благословение.

С тем извините! Уважающий председатель Петровых».

Сержант засмеялся и повертел в руках варежки.

Он надел одну варежку, потом другую. И вдруг обе они исчезли. С ними вместе пропали и руки. Сержант посмотрел на ноги — ног не было. То есть они были. Он мог ими двигать, наступать на камень, на снег, на веточку, но ног не было видно. Может быть, в блиндаже было темно? Муромцев подвинулся к свету, но и на свету себя не увидел. Тогда он ощупал себя руками. Все было на месте: и шинель, и тело, и руки, и ноги, — но ничего не было видно...

Сержант протянул руку к двери, взялся за скобу — и дверь открылась как бы сама. Он вышел из землянки.

— Что за черт! — сказал Муромцев. — Ну и варежки!

Сержант стал невидим...

Что случилось дальше

— Ну, Вася, — сказал он себе, — а не хватил ли ты, друг, лишнего из фляжки?

Но тут же сержант вспомнил, что сегодня еще и не завтракал. Он ущипнул себя за руку. Нет, он не спал. Он дышал, двигался, говорил и вместе с тем был прозрачен. Он приложил руку к глазам и сквозь нее увидел деревья, небо, падавшие снежинки, протоптанную к блиндажу тропинку и батальонную кошку Маруську, которая бегала за батальоном всюду, даже в атаку.

— Кис, кис, кис! — позвал он,

Маруська выгнула спину и обернулась не сразу, но, когда обернулась, Муромцев увидел ее удивленную морду.

— Кис, кис! — позвал он опять. — Иди сюда, дура...

Но кошка, сделав несколько шагов по направлению к нему, фыркнула, отскочила и, подняв хвост трубой, осторожно стала уходить.

Тогда он быстро стащил варежки и вдруг появился — весь как есть. Он стоял на тропинке и увидел всего себя: ноги в валенках, и руки, и всю свою небольшую, ловкую и крепкую фигуру. И кошка тоже увидела его, потому что подбежала и стала тереться об его ноги.

Муромцев осмотрел варежки, даже вывернул их. Ну положительно ничего в них особенного не было: ни кнопок, ни пружин. Он даже понюхал их, но они ничем не пахли. Шерсть как шерсть, деревенские варежки.

На тропинке вдали с двумя котелками показался Маимбет Махатов, командир отделения.

«Ну вот, сейчас проверю», — решил Муромцев.

Он надел варежки и стал ждать. Котелки были полные. Махатов торопился, потому что бежал по морозцу без шинели. Он шел прямо на Муромцева, как будто его и не видел. Сержант посторонился, но Махатов все-таки задел его и, как только что сделала это кошка, удивленно оглянулся. Он было растерялся. Он даже поставил один из котелков на снег, да так неловко, что тот чуть было не опрокинулся. Муромцев, который не любил, чтобы щи зря проливались на землю, невольно подхватил его, и котелок вдруг исчез.

— Что за штука! — пробормотал Маимбет. — Котелок на снег поставил — пропал! Шайтанский штука!

Маимбет был лучшим наблюдателем в батальоне. Если уж он не видел сержанта и котелка — значит, бабушкины варежки и в самом деле невидимки.

Муромцеву вдруг стало смешно. Особенно смешно было глядеть на Маимбета Махатова. Сержант еле удержался, чтобы не расхохотаться, и, зажав рот рукой, только фыркнул. Маимбет попятился, и Муромцев со всех ног бросился в землянку, оставив Маимбета на тропинке с одним котелком.

Осторожно, чтобы не расплескать, Муромцев поставил на стол котелок, и тот стал видимым, пар поднимался над щами.

Значит, вот еще каково свойство этих варежек. Он взял кружку со стола — она пропала; поставил — появилась. Он взял ложку — и та пропала.

Тут вошел в землянку Маимбет.

— Ай-яй-яй! — сказал он, увидев котелок со щами на столе. — Маимбет с ума сошел, совсем дурак стал, все забыл. Не хорошо, Маимбет! Сегодня суп принес — забыл когда, завтра винтовку забыл почистить, послезавтра совсем старик стал, зубы потерял, глаза потерял!

Маимбет был славный парень, только очень разговорчивый. Его недавно назначили командиром отделения, и, когда ему некого было поучать, он отчитывал и поучал самого себя.

Так он долго разговаривал сам с собой, но, однако, заметив, что суп стынет, стал искать сержанта; вышел из землянки, вернулся и принялся есть.

— Сам виноват, — сказал он, — холодный будет. Кушать надо. Ему половину оставлю.

Он присел к столу, нарезал хлеб и стал есть. Тут Муромцев и сам почувствовал голод. Оказывается, невидимость не мешала аппетиту. Он подсел к Маимбету и стал ему помогать. Маимбет и сам с увлечением работал ложкой и вдруг, выпучив глаза, увидел, что в котелке осталось только на доньшке.

— Плохой ты человек, Маимбет, — сказал он, — не товарищ! Чужое скушал. Совсем испортился, Маимбет! Доложу командиру роты — он тебе два наряда даст...

У него было очень огорченное лицо.

На Муромцева напало озорство. Он поднял оба котелка, потом поставил их на стол, потом опять поднял. Снял шапку с головы Маимбета и стал ее подбрасывать. Поднял стол — так, что он исчез и опять появился. Погладил Маимбета по голове, потянул за нос. У бедного Маимбета глаза выскочили на лоб, и он схватился за голову.

— Температура сорок пять! — сказал он с огорчением и страхом. — Маимбет заболел, с ума сошел, в санчасть ложился...

Он поднял свою шапку и, осторожно оглядываясь, боком пробрался к выходу, открыл дверь и побежал.

Сержант Муромцев почесал в затылке.

— Ну и дела! — сказал он. — Надо идти к комбату.

РАЗГОВОР С КАПИТАНОМ

Сержант постучал в дверь блиндажа капитана Беркутова.

— Войдите, — сказал капитан.

Муромцев вошел. Капитан Беркутов сидел боком к двери и не видел, как она открывалась.

— Разрешите обратиться, товарищ, капитан, — сказал сержант.

— Муромцев? — спросил капитан, не оборачиваясь. — Ну что?

— Не знаю, как и доложить, товарищ капитан... — запинаясь, сказал Муромцев. — Дело в том, что... проще сказать... вид я потерял.

— То есть как это — вид потерял? — строго спросил капитан. — Этого я от вас не ожидал. Надо следить за собой. И вместо того чтобы приходить ко мне докладывать, нужно просто привести себя в порядок: побриться, почиститься и принять тот вид, какой полагается младшему командиру. Идите и исполняйте,

— Разрешите, товарищ капитан, объяснить. Вид у меня есть, но вроде как бы исчез по причине варежек из посылки...

Муромцев был в отчаянии. Ну как объяснить такую непонятную вещь?

Капитан обернулся и, не видя Муромцева — тот так и забыл снять свои чудесные варежки, — удивленно сказал:

— Ушел?! Что с ним такое?

— Никак я не ушел, товарищ капитан, — произнес сержант. Капитан протер глаза.

— Черт знает, как темно у нас в блиндаже! — сказал он. — Где вы?

— Здесь я, перед вами.

И тут капитан заметил, что голос идет из пустоты. Он протянул руку по направлению к нему и наткнулся на шинель сержанта.

— Что-то у меня с глазами, Муромцев, — взволновался капитан, — я вас не вижу.

Тут наконец Муромцев получил способность говорить и, как мог, объяснил комбату, что с ним случилось.

— А ну-ка, снимите варежки, — сказал капитан недоверчиво.

Муромцев снял варежки — и появился.

Капитан обошел его кругом, осмотрел и даже ощупал.

— Да, — сказал он, — история! Такого на свете не бывает. И вижу сам, а поверить этому не могу.

— И я не могу, товарищ капитан. И техники тут никакой нет — одна шерсть. Я бы так подумал, что это предрассудок, да ведь сами видите...

— Это не предрассудок, — усмехнувшись, сказал капитан. — Это, Муромцев, мечта! Сказка! И не будем мы гадать, отчего да почему, будем действовать. Ладно?

— Ладно, товарищ капитан, — согласился Муромцев. — А как вы думаете, по начальству-то надо доложить?

Капитан засмеялся и покачал головой:

— В уставе не упоминается.

— Так разрешите, товарищ капитан, действовать.

— Действуйте, вот карта, — сказал капитан, подходя к столу.

Часа через полтора Муромцев в своем виде, с варежками в кармане, выходил из блиндажа комбата.

Уже стемнело, и первая звезда, большая и яркая, как маленькая луна, появилась в темно-синем небе.

СЕРЖАНТ ПРОИЗНОСИТ РЕЧЬ

Муромцев шел по знакомой тропинке, по какой он ходил обычно, отправляясь к гитлеровцам на разведку. Звезда осталась впереди и чуть левее. Она стояла над белым лесом, а тоненькие лучи ее, падая на снежные ветви, заставляли сверкать и светиться то одну, то другую снежинку из миллиардов, покрывших этот лес. Идти было хорошо. Снег поскрипывал под валенками, и морозный воздух был прозрачен до самых звезд. Муромцев дошел до чистого, белого озера. На том берегу был враг. Сержант вынул варежки и минуту помедлил. Что-то вдруг не захотелось ему расставаться даже на время со своим привычным видом. Не такой уж он был красавец, а все-таки кто ни посмотрит на эти крепкие плечи, на открытое лицо, скажет, что на парня можно положиться.

Но делать было нечего. Такое уж дело война: если нужно, и верблюдом станешь, не то что невидимкой.

Он надел варежки и вышел на озеро. Фашисты тревожились, как всегда. Пускали ракеты. Снежная гладь рефлектором отражала их мерцающее сияние, и на озере становилось ослепительно светло. Муромцев хотел было, по привычке, свернуть туда, где потемнее, но, вспомнив, что он невидимка, плюнул и пошел на самый свет.

Как обычно, фашисты время от времени стреляли короткими очередями вслепую. Светящиеся пули то там, то здесь прошивали пространство над озером. Одна очередь легла почти у самых ног сержанта. Но к этому было не привыкать, и он продолжал свой путь.

Немецкие блиндажи были уже близко. Сержант подошел к самому окопу, где на краю его чернела фигура часового.

Муромцеву очень захотелось снять его ловким ударом приклада, но тут он вспомнил твердый приказ командира: «Мелочами не отвлекаться». И Муромцев оставил гитлеровцу жизнь. Однако интересно было посмотреть поближе, что это за фашист такой. Муромцев подошел так близко к часовому, что слышал даже его хриплое, простуженное дыхание. При свете ракеты он разглядел и лицо, заросшее бородой, рваную шинель, замотанные полотенцем уши.

Сержанту вдруг вздумалось поговорить с фашистом. Но как это сделать? По-русски, подлец, не поймет, а по-немецки и сам сержант был не очень умудрен. Какие немецкие слова он знал? Гитлер, Геббельс, Геринг, еще два — три таких же ругательных слова. Речи из них не составишь.

И вдруг он вспомнил: капут! Очень хорошее слово. Оно и по-немецки многое означает — погибло, пропало, конечно, безнадежно, в гроб, в могилу... Речь была готова.

— Гитлер капут, — дождавшись порыва ветра, сказал он шепотом в самое ухо фашиста.

Тот заморгал глазами и попятился.

— Капут Гитлеру, — сказал сержант уже погромче в другое ухо.

Фашист замотал перед собой рукой, как бы отмахиваясь.

— Не любишь, гадина? — сказал Муромцев по-русски, и продолжал: — Гитлер капут, Геббельс капут, Геринг капут, Гиммлер капут, фашизм капут...

Это он говорил ему прямо в лицо. При свете ракеты видно было, как физиономия фашиста перекосилась, глаза расширились. Ему казалось, что сам ветер с востока кричит ему в лицо эти погибельные слова.

Сержант еще немного поговорил по-немецки в этом же духе. Тут он вдруг заметил на руке у фашиста овчинные рукавицы, которые тот, очевидно, отнял у какой-нибудь русской женщины.

— Рукавицы капут, — сказал он и, потянув за одну рукавицу, стащил ее с руки часового. Рукавица исчезла. — Ну, ну, давай! — сказал он.

Фашист сам протянул другую руку, и вторая рукавица пропала из глаз.

— Майн гот! — в ужасе прохрипел часовой.

— Эх ты, бандит! — сказал сержант, уже совсем не заботясь, понимает ли его гитлеровец. — Счастье твое, что комбат приказал не размениваться.

И все-таки душа не позволяла сержанту оставить фашиста безнаказанным. Разве разговором его проймешь! Между тем капитан запретил поднимать шум. Сержант подумал немножко и все-таки разок стукнул часового кулаком. Тот не понимал, откуда это. Тогда сержант стукнул легонько еще раз, и гитлеровец свалился на снег.

— Ганс капут, — сказал Муромцев, наклонившись к уху солдата.

Тот ничего не отвечал. Он действительно умер от страха. Тем и закончилась речь сержанта Муромцева.

ДВЕ СОБАКИ

Сержант двинулся дальше. Путь лежал еще далекий. Навстречу сержанту шли гитлеровцы — должно быть, на смену караула. Один из них был, по-видимому, офицер. Он вел на поводку собаку. Почуввав чужого, собака рванулась вперед.

Она вырвала поводок из руки офицера и кинулась к Муромцеву.

— Иси, иси, Рекс! — крикнул офицер и побежал догонять собаку.

Это была немецкая овчарка, сильная, злая, с великолепным чутьем. Она ткнулась с разбегу в шинель Муромцева, вцепилась в нее зубами. Однако все это происходило на ярком свету, и фашисты, конечно, не поняли, в чем дело. Они только видели собаку, которая, словно взбесившись, прыгала вокруг пустого места.

«Вот, черт, еще навязался!» — подумал сержант и ударил собаку прикладом автомата. Она взвизгнула, отпустила шинель, и в ту же минуту офицер поймал ее за поводок.

Офицер, не очень молодой, коротконогий, плотный, тяжело дышал, стоя в глубоком снегу. Собака рвалась с поводка. Он притянул ее к себе, ударил в бок и что-то пробормотал. Удар был короткий, точный и расчетливо злой.

«Спец!» — подумал сержант.

Он стоял к офицеру так близко, что слышал запах коньяка. И офицер тоже вдруг принялся и, раздув ноздри, стал, точно собака, втягивать в себя воздух.

«Одеколон, — вспомнил сержант. — Кажется, только каплю выпил себе на виски, а как долго держится! Или нюх у него такой собачий?»

Двинуться с места Муромцев не мог. Он был невидим, но сохранял свою тяжесть и вовсе не собирался на виду у офицера оставлять следы на снегу.

Так они стояли друг против друга — две собаки и один человек.

Наконец офицер, словно нехотя, пошел обратно, еле вытаскивая ноги из глубокого снега, и увел за собой упиравшегося пса.

Сержант подождал, пока они ушли подальше, и, сверившись со своей звездой, пошел на запад, изредка поглядывая на снег, в котором появлялись один за другим следы невидимых валенок.

«Следы оставляю — по целине ходить бы не следовало», — подумал сержант и вышел на тропинку.

Так же поскрипывал под его подошвами снежок, такая же была кругом родная земля, как и на том берегу озера. Но он ходил по ней невидимый. Это было обидно и больно сердцу. Ему казалось, будто он ночью, в темноте, на цыпочках, ходит по родному дому, который внезапно захватила целая шайка разбойников и хозяйничает в нем. Родные ели, покрытые снегом, стояли строго и молча. Тихо, не шевеля тонкими, протянутыми к небу ветвями, стояли в инее березы. Они-то, уж наверно, видели, как по тропинке лесом и полянками ходил невидимый человек в шапке с красной звездой, с автоматом через плечо. Они видели и то, что у него было на сердце. Может быть, кому-нибудь и покажется странной такая пронизательность у белых березок, но ведь это были родные его сердцу русские березки, а во всей этой истории, как уже условился сержант Муромцев с капитаном, есть много странного, фантастического и даже вовсе необъяснимого.

Он ходил по тропинке мимо немецких блиндажей и даже заглянул в один, в другой...

Осмотрев систему укреплений, сержант вышел на большак, на тот самый большак, который был ему нужен.

Здесь они с капитаном наметили первый отдых.

Где же все-таки отдыхать? Недалеко от дороги виднелся одинокий домик. Сержант обошел его кругом. Домик как будто был пуст.

Сержант вошел. На столе горела коптилка, стояла открытая банка консервов и бутылка коньяку, уже выпитая наполовину. В доме было тепло.

Сержант присел к столу, поел, выпил рюмку коньяку и залез на печку погреться.

Но не успел он расположиться, как услышал шум шагов на крыльце, лай собаки и разговор на чужом языке.

В ДОМЕ У БОЛЬШАКА

Сержант правильно рассудил, что лучшая позиция для него — у лампы. В темноте он терял все преимущества невидимости. Он спрыгнул с печки и сел у стола.

Пока снаружи нащупывали щеколду, собака, повизгивая и лая, царапалась в дверь. Она первая проскользнула в открывшуюся щель и кинулась к столу. Это была та самая проклятая овчарка. Она не успела еще вцепиться зубами в ногу сержанта, как он схватил ее за ошейник и поднял от земли. Собака исчезла из глаз. Она было взвизгнула, но сержант другой рукой сжал ей челюсти, и она умолкла.

Гитлеровцы, вошедшие вслед за собакой в дом, не успели даже заметить, что произошло.

— Рекс! — позвал офицер.

Собака дернулась, и сержант чуть было не выпустил ее из рук. Гитлеровцы стали искать собаку по всей избе. Они так тщательно осматривали и обыскивали комнату, что удивительно было, как они не наткнулись на сержанта, который стоял посреди комнаты со своей добычей. Надо сказать, что это было не так легко. Если кто-нибудь сомневается, тот может сам попробовать подержать на весу невидимую злую собаку, выдрессированную для охоты на людей.

В углу избы стоял офицер, которого сержант давеча встретил на дороге, и звал свою собаку. Теперь уж сержанту стало ясно, что он имеет дело не с обычным офицером полевых войск: это был майор войск СС, офицер-каратель со знаком мертвой головы.

Однако с собакой нужно было что-нибудь сделать. Проклятая тварь извивалась в руках и, того и гляди, могла задеть хвостом или лапами кого-нибудь из фашистов. Сержант стал пробираться к двери. Он благополучно открыл ее и вышел на улицу. Тут он разделался с собакой очень скоро: сжал ей горло, задушил и забросил подальше в сугроб.

Вернуться в дом было теперь нетрудно, хотя часовые и стояли чуть ли не у каждого окна и вокруг домика бродили солдаты, которых майор послал искать свою собаку. Но домик был окружен лесом, и фашисты, покричав и посвистев, не шли дальше опушки, боясь войти в густую лесную тьму.

А в доме сидел майор один у стола и рассматривал на свет рюмку с коньяком, прежде чем ее выпить.

Невидимый сержант сел напротив него на лавку.

Если бы сержант умел писать повести или рассказы, он, конечно, нашел бы способ точно определить, какое лицо было у этого майора. Но сержант не писал повестей, он был простой человек и, глядя на злодейское лицо фашиста, просто-напросто его ненавидел.

«Нет, — решил сержант, — он слишком легко отделается, если я его сейчас пристрелю. Ты еще увидишь свою смерть, прежде чем помрешь!»

На столе лежали карты, книги, стопа чистой бумаги. Сержант взял красный карандаш и написал:

«Каюк тебе пришел, мерзавец!»

Перед тем как написать последнее слово, Муромцев, чтобы обратить внимание фашиста, постучал невидимым карандашом по столу. Майор как раз допил рюмку и, еще держа ее в руке, смотрел, как на чистой бумаге одна за другой появляются красные буквы.

Он даже не казался очень ошеломленным.

— «Каюк тебе пришел, мерзавец!» — медленно прочитал он вслух с немецким акцентом. — Каюк? — повторил он и, взяв со стола маленький словарь, стал искать в нем это, очевидно, непонятное для него слово.

Сержант заметил, как напрягались у него все мускулы, как шевелились ноздри, когда он смотрел в словарь.

«Опять одеколон», — успел только подумать сержант. когда фашист выхватил маузер и дал в его направлении несколько выстрелов.

СУМАСШЕДШАЯ МАШИНА

Пуля обожгла сержанту ухо. В первую секунду он инстинктивно хотел было стащить варежку, чтобы пальцами зажать ранку, но вовремя сдержался.

Майор между тем, выстрелив, прислушался, снова втянул в себя воздух и, неожиданно взмахнув перед собой рукой, чуть не задел сержанта по плечу. Тот неслышно отошел в угол, к печке. Майор же стал ходить по комнате и вдруг, словно невзначай, взмахивал то одной рукой, то другой. Потом он стал ловить невидимый запах, как ребята ловят мух, складывая ладони горстью.

Офицер увлекся. Он не заметил, как дверь отворилась, и в комнату вошел его денщик. Увидя странные движения майора, солдат остолбенел. Глядя со страхом то на майора, то на бутылку с коньяком, он, очевидно, подумал, что майор его допил до белой горячки, и ловит чертиков по углам. Денщик что-то хотел сказать, но поперхнулся и только кашлянул.

Майор сразу остановился. Ему, видно, неприятно было, что денщик застал его врасплох. Черт знает, какая слава могла пойти про него! Но он только сказал:

— Что нужно, болван?

— Ауто, — запинаясь, сказал денщик. — Польшие Бетуки.

«Ага, — подумал сержант, — должно быть, подали машину в Большие Петухи. Это мне как раз по дороге. Ну да майор всегда при мне останется!»

Машина действительно стояла у крыльца. Шофер возился у радиатора. Сержант поудобнее уселся на заднее сиденье и затих. Машина была сильная, хорошей марки. Муромцев кое-что понимал в этом деле.

Майор подошел, сел рядом с шофером, и машина тронулась.

Путешествие было настолько спокойным, что, право же, сержант подумывал было даже немного вздремнуть. Однако засыпать ему никак нельзя было: товарищи говорили, что он во

сне храпит. И хотя сам сержант всегда отрицал это, утверждая, что это очевидный поклеп на него, все же поостерегся засыпать в одной клетке с гиеной.

Машина скоро пришла в Большие Петухи и теперь шла по улице. Трудно было назвать улицей эту печальную дорогу, где по бокам стояли сожженные фашистами дома. Одни только трубы, возвышаясь над черным снегом, смотрели в холодное небо. Так вот, разоренной улицей, посреди пепелища, шла большая немецкая машина, в которой ехал никем не видимый, но видящий все сержант Василий Муромцев.

Машина остановилась у здания клуба. На дверях висела немецкая вывеска. Толпа оборванных людей, мужчин и женщин с детьми, стояла перед деревянным зданием. Иные стояли на снегу прямо босиком.

— Гераус, — приказал майор шоферу, когда машина остановилась.

Шофер выскочил из машины в одну сторону, майор — в другую. И не успел сержант опомниться, как майор уж запер машину на ключ.

Майор поднялся на крыльцо, за ним потянулись подталкиваемые солдатами люди. А сержант Муромцев сидел в машине запертый, не имея возможности выйти. Заперты были все двери. А стекла были толстые, непроницаемые для пуль, и, как ни колотил в них сержант кулаком, они не разбивались.

«Ну и влип!» — подумал сержант.

Но нужно было все же принимать решение. Не сидеть же в этой бронированной клетке на колесах!

Ключи были у шофера. Сержант видел, как майор их ему передал. Муромцев быстро пересел на сиденье шофера, включил мотор, и машина тихо двинулась за шофером. Тот шел, не оглядываясь, прямо по дороге. Встречные солдаты даже не замечали, что машина идет сама собой. Шофер повернул за угол, сержант свернул за ним. Шофер повернул за дом, и машина — за ним, пока, наконец, не толкнула его в спину. Шофер обернулся и начал неистово креститься. Был он колбасник, баварец и набожный человек. Заодно перекрестил он и свою машину. Но она стояла на месте и не рассыпалась. Шофер отскочил. Машина двинулась за ним. Шофер спрятался за столб. Машина подошла к столбу и загудела.

Она гудела так настойчиво, что шофер, крестясь и что-то шепча, все-таки подошел к ней и открыл дверцу. И в тот же момент она умолкла, и кто-то невидимый толкнул его в грудь так, что он отлетел метра на два. Невидимый сержант поспешил к клубу.

КОНЕЦ МАЙОРА

Клуб уже не был похож на клуб. У дверей стояли немецкие часовые. В зале, на полу, валялись красные лоскуты изорванных лозунгов вперемешку с черепками и осколками.

Муромцев прошел мимо часовых и смело открыл последнюю дверь.

В комнате вокруг стола, склонившись над картой, стояли и сидели немецкие офицеры. Тихо закрыв за собой дверь, невидимый сержант внимательно огляделся. Майор был здесь, и, кроме него, еще шесть человек. Среди них маленький седой генерал и два полковника. На столе были разложены бумаги и карты.

«Штаб! Прибыл, значит, по месту назначения!» — подумал сержант.

Маленький седой генерал все время вздрагивал и дергал головой. Майор, отвернувшись от стола, уже несколько минут пристально смотрел на то место пола, где стоял сержант. Сержант опустил глаза и увидел, что с его невидимых валенок натекла лужа талого снега. Отделившись от валенок, струйки воды становились видимыми и растекались по чисто вымытому полу.

Внезапно майор вскочил и кинулся к двери. Сержант едва успел посторониться, и тот с размаху ударился о косяк. Все обернулись. Седой генерал вскочил со стула и затрясся еще сильнее. Полковник с толстыми складками на шее, похожий на бульдога, пролаял что-то очень сердито.

Майор пошарил руками по двери, потянул носом и неохотно вернулся к столу, продолжая оглядываться.

А сержант спокойно обошел вокруг стола и стал за стулом генерала. Сержант осторожно протянул вперед руку и потянул за угол большой конверт, лежавший на краю стола. Как только рука сержанта коснулась конверта, тот стал невидим и исчез,

шурша по сукну стола. Другие бумаги, лежавшие около, зашевелились как будто сами собой.

Похожий на бульдога полковник придержал рукой бумаги, а потом встал и затворил поплотнее форточку.

Посередине стола лежала большая карта с нарисованными на ней красными и синими стрелками.

И сержант понял, что он не только попал точно по назначению, в штаб фашистской части, но и попал как раз вовремя, когда в штабе составлялся план нового наступления.

Сержант неплохо умел разбираться в картах и, следя за спорами штабных и за направлением красных и синих стрелок, старался уяснить себе план предполагаемого наступления. Это ему удалось: он понял все.

«Теперь нужно действовать осмотрительно, — подумал сержант. — Только бы не испортить дела! Главное — не торопиться. Дать им кончить и потом аккуратненько доставить капитану Беркутову все их приказы. Хорошо бы карту с собой прихватить, да как бы не испугать бандитов!»

Так рассуждал сержант Муромцев, в то время как офицеры спорили над картой.

Он улучил минуту и снова потянул к себе какую-то бумагу, которая тут же исчезла из глаз. Но майор как раз подвинулся, переставил локти на столе и нечаянно прижал невидимый край бумаги. Сержант дернул ее к себе. Майор завертелся и стал беспорядочно шарить и бить по столу, потом обернулся и бросился в сторону Муромцева, растопырив руки. Одну минуту сержанту показалось, что майор видит его — так верно тот шел на едва уловимый шорох бумаги, которую сержант как раз опускал в свою полевую сумку. Муромцев замер, и майор остановился в одном шаге от него, с растопыренными руками.

«Эта собака меня еще, чего доброго, поймает! — подумал сержант. — И слух у него и нюх не хуже, чем у овчарки».

Сержант стал тихонько отступать в сторону, бесшумно переставляя ноги в мягких валенках. Но майор, глядя прямо перед собой своими змеиными глазами, упорно продолжал ловить руками воздух, и уже снова приближался к сержанту

«Только бы он меня в угол не загнал!» — думал сержант, обходя вокруг стола.

Но все уже заметили странное поведение майора. Его стали звать. Похожий на бульдога полковник подошел к нему и решительно взял его за плечо в ту самую минуту, когда тот чуть не коснулся шинели сержанта. Он подвел сопротивляющегося майора к столу и почти насильно усадил рядом с собой. Другой офицер налил в стакан воды и протянул майору. Тот сердито оттолкнул стакан.

«Ну спасибо! Придержите-ка его еще немного!» — засмеялся Муромцев про себя и вдруг, перегнувшись через стол, ловким движением сдернул с генерала полевую сумку.

Невидимая сумка задела генерала по лицу.

Все вскочили. Поднялся невообразимый шум. Гитлеровцы кричали, не слушая друг друга, генерал сполз со стула на пол.

Майор выхватил револьвер и направил его в сторону сержанта. Но Муромцев опередил фашиста.

Раздался выстрел.

Падая, майор опрокинул два стула. Все бросились к нему, кроме генерала, который, закрыв руками голову, тряся, сидя на полу. Сержант Муромцев быстро сдернул со стола карту и все, что на нем еще лежало, и, перепрыгнув через стул, выскочил в дверь. Навстречу ему мчались часовые и охрана. Сержант толкнул в грудь одного, сшиб с ног другого, и вихрем пронесся по лестнице, оставляя за собой запах от еще дымившегося после выстрела автомата.

Машина майора стояла у крыльца. Шофер спокойно стоял, прислонившись к дверце. Одним ударом кулака Муромцев опрокинул шофера, вскочил в машину и, развернувшись, помчался прямо на восток. Позади послышалась беспорядочная стрельба.

СЕРЖАНТ СНИМАЕТ ВАРЕЖКИ

Задание капитана Беркутова было выполнено. Надо было возвращаться к своим.

Машина шла лесной дорогой. Приятно было мчаться на предельной скорости мимо отягченных снегом, притихших деревьев. По небу иногда пробегал луч прожектора или падала звездой ракета. Шум машины заглушил отдаленную стрельбу, и поэтому казалось, что в лесу стоит та особенная, зимняя ти-

шина, когда ветви деревьев, заваленные тяжелым снегом, не в силах пошевелиться.

Сержант даже размялся немного. Однако ехать дальше было опасно. Гитлеровцы могли опомниться, послать погоню за своей пропавшей машиной и предупредить свои посты. Если бы машину обстреляли, каждая пуля, направленная в шоферскую кабинку, могла убить хотя и невидимого, но вполне смертного сержанта.

Муромцев выбрал удобное место, замедлил ход, осторожно спустил машину с дороги в овражек, подрулил к кустам и поставил ее так, чтобы ее не видно было с дороги. Потом он сверился с картой и компасом, спрыгнул в снег и тихо пошел по лесу. Оставалась самая легкая часть задачи: незаметно перейти линию фронта.

Но тут-то сержанту не повезло.

Луна зашла за тучу. Сержант с трудом ориентировался в темноте, но, главное, он терял чудесное свое преимущество, так как ночью снайперы стреляют по слуху — на скрип шагов или треск сучка.

Кроме того, сержант скоро заметил, что сбился с пути. Он уже должен был, казалось ему, подходить к переднему краю обороны. Но вокруг был тот же частый лес, и сержант, пробираясь в темноте без дороги, все время тонул в сугробах. С высоких ветвей на плечи ему падали тяжелые комья снега и, тая, затекали за воротник. Он уже выбился из сил, а лесу, казалось, и конца не будет. Наконец Муромцев остановился, положил на снег свой компас и карту и рискнул осветить ее карманным фонариком.

Треск и вспышки выстрелов всполошили лес. Несколько пуль просвистели возле самой головы сержанта. Он не успел даже взглянуть на карту. Где-то близко над его головой сидел на дереве фашистский снайпер и, может быть, даже не один. Сержант потушил фонарь и замер. Теперь, в темноте, чудесные варежки ничем не могли ему помочь. Фашисты не видели его, но, очевидно, хорошо угадывали по шороху шагов.

Двигаться было нельзя. Сержант старался даже не дышать, так как стреляли где-то совсем близко, с соседнего дерева. Муромцев долго стоял, не шевелясь.

«Не стоять же так, в самом деле, до утра! — подумал сержант. — Это похуже майора!»

Положение казалось безнадежным, а впереди предстояла еще долгая ночь.

Где-то над головой сержанта хрустнул сучок, а дальше, в глубине леса, послышался шум. Муромцев понял, что окружен невидимыми стрелками и что они стерегут его и не выпустят из лесу живым. На этот раз все преимущества были на стороне врага.

Одного только не мог понять сержант: как это гитлеровцы в него не попали, когда он зажег фонарь? Он уже совсем было решил, что фашисты просто не умеют стрелять. Он даже, осмелев, немного переставил застывшую ногу. Но тотчас же защелкали выстрелы. Одна пуля пробила носок валенка, не задев ноги (валенки, к счастью, были очень просторные). Нет, фашисты хорошо умели стрелять даже в темноте. И тут только сержант внезапно догадался, что свет фонаря не выдал его, а спас ему жизнь.

Снайперы били мимо, потому что никого не увидели в луче света на том месте, где стоял сержант.

Решение было принято мгновенно.

«Проскочу!» — решил Муромцев.

Он зажег фонарик и бросился вперед. Расчет оказался верен: фашисты подняли беспорядочную стрельбу, но ни одна пуля не тронула сержанта. Фрицы были сбиты с толку: они видели свет, но не видели руки, которая его держала. Свет плыл по лесу без посторонней помощи, освещая вокруг только стволы деревьев.

Так сержант благополучно проскочил опасное место и скоро вышел на опушку леса. В это время из-за туч глянула луна, и он уже смело пошел по тропинке прямо к немецким блиндажам. На этот раз сержант не стал заглядывать внутрь: он торопился. Впереди уже показалась в лунном свете чистая снежная гладь знакомого озера.

«Вот я и дома!» — подумал Муромцев.

И родной блиндаж представился ему действительно теплым и милым сердцу домом.

Сержант потрогал рукой полевую сумку, полную немецких припасов, и другую, которую он стянул у генерала. Все было на месте. Еще последний немецкий окоп, несколько курстиков и... там уже свои. Но вдруг сержант споткнулся, загре-

мел автоматом, выругался нечаянно вслух, и в ту же минуту пулеметная очередь прострочила снег возле самых его ног. Сержант едва успел упасть. Тучка скрыла луну, и фашисты из последнего окопа остервенело били по тому бугорку, за которым залег сержант. Падая, он снова нашумел, и теперь в темноте они целились наверняка.

— Нет, нет, так дешево я им не дамся! — прошептал сержант Муромцев, прилаживая автомат. — Уж если погибать, так я их прежде хорошенько пощелкаю!

Автомат дал несколько выстрелов и замолчал. Сержант с досадой дернул затвор — ничего. А гитлеровцы всё строчили,

и Муромцев чувствовал, что никогда еще он не был так близок к гибели. Он снова дернул затвор, стал поправлять диск, но варежки мешали.

Тогда сержант сбросил свои волшебные варежки, и автомат вдруг снова заговорил.

Тучка ушла, стало светло как днем. Но сержант так и не подумал о своих чудесных варежках. Чудеснее, чем они, казался ему бой, который он вел один здесь в снегу со смертельным врагом, разя его метким огнем из своего автомата. И сержант Муромцев вдруг поднялся из-за своего бугорка, видимый и грозный для врага. Увидев русского бойца с автоматом, фашисты в панике полезли из своего окопа; бросая оружие, они пустились наутек.

А сержант все стрелял и стрелял им вдогонку. И когда он кончил, поблизости не было ни одного живого фашиста: те, которых пощадила пуля, уже скрылись в лесу.

Тогда сержант спокойно поднял свои варежки, сунул их в карман и легким шагом пошел напрямик через озеро домой.

ИГОРЬ ВСЕВОЛОЖСКИЙ

СОБАКА ПОЛКОВНИКА

Приключенческая повесть

Рисунки В. Цельмера

Игорь Всеволожский

Рис. В. Цельмера

Глава первая,
в которой командир германской подводной лодки фон
Шиллингер заставляет задуматься полковника Скворцова

Эту немецкую подводную лодку выловили в Чёрном море сетями, как рыбу. Её даже не пришлось глушить глубинными бомбами. Ей некуда было податься. Раньше она, отдежурив своё на позиции, возвращалась в Констанцу или в Варну. Теперь и в Констанце, и в Варне её угостили бы отнюдь не горячим, а скорее всего, залпами из добротных орудий. И она металась по морю до тех пор, пока не иссякли запасы продовольствия и топлива. Последнее её выступление было совсем глупым: лодка всплыла в нескольких кабельтовых от берега и пустила снаряд в проходивший мимо пассажирский поезд. Но тут налетел на лодку давно выслеживавший её корабль и подцепил, как рыбак подцепляет камбалу. Лодка пыталась нырнуть, но здесь, неподалеку от берега, было мелко. Стальные цепи мигом опутали ее с носа до кормы. Люки поневоле открылись — и подводные фрицы принялись выскакивать наружу.

Два рослых матроса провели командира лодки капитана фон Шиллингера в салон командира корабля капитана второго ранга Ерохина. В салоне, кроме командира корабля, сидел представитель того отдела, который весьма интересуется пленными фрицами. Это был большой, широкоплечий человек бритой головой и с длинными жёсткими усами, флотский полковник Николай Васильевич Скворцов. Все офицеры на флоте считали его умником, добрейшей душой и интереснейшим собеседником. Он знал несколько языков, и даже с фрицами умел

разговаривать так, что они, сами того не ведая, выбалтывали всё, что ему было нужно.

Полковник, казалось, совсем не интересовался Шиллингером. Он вынул из бокового кармана кителя зелёный плюшевый кисет и трубку, и принялся набивать с баком. Это была необычайная трубка, если можно так выразиться, двухъярусная. В обыкновенную, обкуренную давным-давно трубку была ловко ввинчена вторая — в виде прекрасно выточенной головы сенбернара. Когда полковник, набив табаком собачью голову, закурил, глаза собаки вдруг засверкали.

— Садитесь, — сказал пленному немцу капитан второго ранга Ерохин.

Он ненавидел и презирал этого мерзкого фрица. Он знал, что фриц — попросту подводный бандит, торпедировавший суда с женщинами и детьми, эвакуированными из Севастополя. Ерохин считал его вдобавок и хулиганом: ведь не иначе, как хулиганством, можно было назвать обстрел пассажирского поезда. Но советский офицер должен обращаться с пленными корректно, — на то он и советский офицер. И, к тому же, этот морской фриц мог кое-что порассказать, особенно по поводу снятого с его лодки человека в полувоенной форме, какую часто носят у нас ответственные работники, с двумя орденскими ленточками в петличке. Человек этот, отлично говоривший по-русски, сразу же заявил, что ни на какие вопросы он отвечать не намерен.

Фон Шиллингер сел в удобное кожаное кресло. В иллюминаторы струился солнечный свет и падал на лицо подводного пирата — не слишком старого, но и не слишком молодого, с двумя железными крестами на груди. Он старался казаться спокойным. Вдруг взгляд его упал на трубку полковника. Немец побледнел, пальцы у него задрожали.

— Простите, пожалуйста, — сказал он, — не скажете ли вы мне, откуда у вас эта трубка?

— Скажу, — ответил полковник, глядя прямо в лицо пирату. — Но только в том случае, если вы в свою очередь ответите на один мой вопрос.

— Я вас слушаю, — сказал фон Шиллингер, не отрывая глаз от собачьей головы.

— Кто этот человек в штатском, которого мы обнаружили среди вашей команды?

Фон Шиллингер молчал. Он, казалось, обдумывал, ответить ему или нет.

— Лгать не советую, — заметил полковник.

— Но ваша трубка?

— Вы получите о ней исчерпывающие сведения.

— Хорошо. Я скажу вам. Этот человек не имеет никакого отношения ни ко мне, ни к экипажу моего корабля. Он был начальником жандармерии в одном из ваших городов. И, когда ваша армия взяла город, он спрятался там, сфабриковав себе русский паспорт.

Он должен был остаться в вашей стране. Но этот человек, которого мне пришлось принять на борт моей лодки по распоряжению свыше, — продолжал Шиллингер, — оказался попросту трусом. Он не выдержал.

— Чего? — спросил полковник в упор.

— Постоянной боязни, что вы его схватите и повесите. Поверьте: ему есть, за что отвечать перед вами. И хотя документы у него, вы сами можете в этом убедиться, в полном порядке, он жил, ходил, спал в постоянном страхе. И он, наконец, вышел на берег моря и каждую ночь сигналил фонариком, до тех пор, пока мы не заметили этого сигнала. Мы его сняли два дня назад, ночью.

— Так. Всё ясно... Ну что же, поговорим о трубке. Кстати, почему она так вас интересует?

— Дело в том, что второй такой трубки быть не может. Она единственная в своём роде. Её выточил знаменитый мастер. Она принадлежала моему лучшему другу.

— Очень может быть, — сказал спокойно полковник, — и ваш лучший друг подстрелен нашим снайпером. Под Одессой.

— Да. Он высадился под Одессой в десанте. Я сам его высаживал с лодки.

— И в первой же стычке он застрелил в упор моего товарища. И тогда вестовой моего товарища заметил в темноте сверкнувший огонёк. Очевидно, ваш этот... друг так любил курить, что не удержался, и ночью разжёл свою трубку. Этого было совершенно достаточно — вестовой был отличным стрелком. Наутро мы нашли германского офицера с пробитым лицом. Трубка лежала на земле рядом. Мундштук этой трубки был разбит вдребезги. Вестовой принёс мне трубку на память. Вас удовлетворяет моё объяснение?

— Вполне. Благодарю вас.

Они помолчали.

— А теперь я попрошу вас ответить на несколько вопросов по существу, — жёстким голосом сказал полковник, садясь за стол и вынимая блокнот.

Подводный пират с готовностью согласился отвечать на все вопросы. Когда допрос был закончен и фон Шиллингера увели, капитан второго ранга сказал полковнику:

— Немало предстоит вам работы, Николай Васильевич, а?

— Всех переловим, — ответил полковник, стукнув огромным своим кулаком по столу. — Ни один не уйдёт... Ну, всего хорошего. Я пошёл. Сегодня приезжает Маринка.

— Это дочка капитан-лейтенанта Весницына?

— Да. Моего товарища по училищу и по службе. Того, что погиб под Одессой.

И полковник вышел из салона на палубу, распорядившись, чтобы ему подавали катер.

Глава вторая, в которой Марина встречает человека, которого ненавидит больше всего на свете

Поезд только что отошёл от Баку к Баладжарам. Это был скорый поезд Москва-Тбилиси. Худенькая девочка в голубом платье, белокурая, бледненькая стояла в тамбуре междунородного вагона, теребя за уши большую мохнатую серую лай-

ку. Девочка села в поезд в Беслане, ее провожала женщина-врач из города Дзауджикау. Пока поезд менял паровоз, все пассажиры международного вагона успели узнать от врача историю девочки. Дочь флотского офицера, она в сорок втором году лечилась в Теберде, в санатории для туберкулёзных ребят. Теберда — чудесное место. Высоко в горах сосновый лес, горные потоки, цветы, чудесные парки. Вокруг — вершины гор, покрытые вечными снегами. Снег сверкает так ослепительно, что на него трудно глядеть; посмотришь минуту — и зажмуришься. В санатории лечат больных туберкулёзом ребят. Они лежат на морозном воздухе, под ярким целительным солнцем, укутанные в пушистые одеяла... Они пьют какао и козье молоко. И они поднимаются на ноги, эти ребята, которых болезнь свалила в постель. Марина поправлялась быстро. Врачи утверждали, что она скоро выздоровеет, сможет ходить в школу, как все здоровые дети, будет жить дома, с отцом, у Чёрного моря. Сёстры приносили в палату альпийские фиалки и анемоны. Все полюбили эту славную, тихую, улыбчивую девочку, которая рассказывала о кораблях, на которых плавал отец. Все уважали и её серую лайку, славного пса Дика. Дик ни на шаг не отходил от Марины. Он был привязан к ней так, как могут быть привязаны только лайки. Он обожал её. Он смотрел ей в глаза преданными карими глазами. Казалось, умеи он говорить, он бы сказал ей:

— Да выздоравливай же! Выздоровливай поскорей. Марина! Мы побежим с тобою в лес к ручью, и ты станешь кидать в воду палки, а я с лаем буду бросаться в поток и приносить их тебе, Марина. Выздоровливай же поскорее!

И Марина выздоровела. В тот день, когда она собиралась уезжать, в Теберду пришли немцы. Они разгуливали по санаторию без халатов. Они кричали на врачей и сестёр, словно на своих рабов. Самый главный немец, врач, толстый и красный, как морковь, первым делом распорядился не давать больным ребятам ни какао, ни козьего молока.

Немцы перестреляли и съели всех коз. Целыми днями они слонялись по санаторию. А потом они принялись сбрасывать с постелей ребят.

Бедные ребяташки! Больные, они не могли ходить. Они лежали там, куда их бросили, на голом полу, и некому им было

помочь. Ещё в первый день немцы увели в лес главного врача, доброго Ивана Федотовича. Из леса послышались выстрелы — и немцы вернулись одни. Потом они куда-то угнали других врачей и сестёр.

Когда Дик видел немецких солдат, шерсть у него вставала дыбом. Он рычал, и Марина зажимала ему рукой пасть. Она боялась, что немцы убьют Дика.

Однажды приехал какой-то важный немецкий начальник. отвратительный, похожий на обезьянку, с приплюснутым носом и мерзкими, совершенно белыми глазами. Он кричал на своих офицеров и солдат так же, как они кричали на наших врачей. И они стояли перед ним навтыжку. Вслед за ним приехали какие-то фургоны. По приказанию приезжего фрица солдаты стали поднимать се полу ребят и запихивать их в эти фургоны.

— Мы повезём вас в весёленькое местечко! — говорил, отвратительно улыбаясь, белоглазый немец.

Машины загудели и тронулись. Меньше чем через час они вернулись пустые. Никакого «весёленького местечка» не могло быть вокруг. Только леса и горы. Марина поняла: ребят убили. Больные, слабые, они не могли убежать.

Марина была здоровой, и она убежала.

Столетние деревья шумели над ней и Диком. В лесу было темно. Дик тянул поводок. И Марина бежала за ним. Где-то раздалась стрельба. Девочка остановилась. Это немцы стреляют в ребят! За что? Что они сделали? Они были больны, их лечили, их хотели поставить на ноги, чтобы они жили и учились. А немцы их убивают... И она не может спасти ребят. Не может!..

Марина не помнит, сколько дней она прожила в лесу с Диком. Они оба совсем ослабели от голода... Их подобрал лесник. Он отнёс Марину в свою сторожку, а Дик, пошатываясь, плелся позади. Лесник знал всё: ребят удушили в ужасных фургонах. А некоторых застрелил собственноручно белоглазый немец.

Больше года прожили Марина и Дик в глухой лесной сторожке у доброго старика. И, наконец, пришли наши!

Немцев переловили в лесу. Всех переловили, кроме белоглазого. Он убежал, и его не поймали.

Марина долго лежала в больнице, в Дзауджикау. Доктора говорили: «Нервное потрясение». Её навещали пионеры, приносили ей книги, цветы и фрукты. Дик и тут не отходил от неё ни на шаг, его невозможно было отогнать от кровати. Врачи сначала сердились, потом перестали: они поняли, какой это верный пёс.

В больнице Марина получила письмо от дяди Коли, от Николая Васильевича Скворцова, друга папы. Когда-то он катал её маленькую на плечах. Он всегда приносил ей пирожные, апельсины и конфеты, учил Дика служить, подавать лапу, умирать, отыскивать за шкафами Марину. Что за весёлый это был человек!

Дядя Коля писал, что папа убит в бою под Одессой.

«Надо жить, девочка, — писал он. — Надо расти и учиться, чтобы отомстить за папу. Ты будешь жить со мной тут, на берегу моря, ходить в школу. И я постараюсь быть тебе хорошим отцом, маленькая моя доченька. Приезжай»

И вот Марина едет к полковнику Скворцову. Её маленькое сердечко столько перестрадало, что она больше никогда не плачет. Слез нету больше. Вспомнит всё, прижмётся к лохматой голове Дика и сидит так. А Дик боится пошевелинуться. Он любит её больше всего на свете.

— Ну, пойдём в вагон, Дик, — сказала Марина, потянув пса за ошейник. За окном площадки мелькали железнодорожные будки. Но пёс вдруг насторожился, наострил острые уши, опёрся передними лапами на дверь и заглянул в дверное окно. Он зарычал.

— Тихо, Дик, нас высадят с тобой из поезда. Молчи! — сказала испуганно Марина.

Но пёс залился звонким лаем.

— Молчи, Дик, молчи, ведь нас высадят! — в отчаянии закричала Марина.

На кого он там лает? Шерсть у пса встаёт дыбом, и он бросается на стекло, словно безумный. Марина взглянула в окно. На подножке висели два человека. Один — маленький, другой — высокий, бородатый, в очках, в чёрной шляпе. Высокий держал маленького за горло и что-то кричал ему в самое ухо.

«Грабит!» — подумала Марина. Она кинулась к купе проводников:

— Идите скорее! Грабят!

— Где грабят? — меланхолично спросил проводник, угощавшийся чаем.

— На подножке. Человека душат... Да идите же, какой вы! — крикнула Марина.

Она слышала, как заливается лаем Дик. А что, ес-

ли он разобьёт стекло лапами, что тогда будет? Она кинулась снова на площадку.

Дик совершенно обезумел. Он стучал лапами в стекло. Марина схватила его за ошейник и вдруг увидела: маленький, стоявший на подножке, выхватил из-за пазухи длинный, острый нож, взмахнул им... высокий всплеснул руками и провалился куда-то. А человек с ножом взглянул в окно и встретился с Мариной глазами.

Из тысячи глаз она узнала бы эти острые белые глазки! Это он в Теберде убивал ребят! Лицо у него сейчас было совсем другое, чем там, в Теберде, но глаза те же. Марина вскрикнула, а человек сразу исчез, словно сквозь землю провалился.

— Ну, вот, привиделось, — сказал сзади проводник. — Никого вовсе нету. Беспокойте зря, девочка, занятых людей...

— Да ведь убили... Человека сейчас убили! — крикнула Марина, притягивая к себе Дика.

— Чепуха!..

Но поезд вдруг резко остановился.

— Тормоза, — сказал проводник, — наверное, и вправду убили, — и принялся ключом отпирать дверь.

— Что случилось? Девочка, ты не знаешь, что случилось? — услышала Марина за собой спокойный голос.

Она подняла глаза и увидела офицера с погонами капитана на плечах. Молодой, белокурый, высокий, — она видела его, когда садилась в поезд. Он ехал в крайнем купе один и успел расспросить её обо всем, а потом угостил дыней.

— Убили человека. Ножом, — дрожа, сказала Марина.

— Где? На подножке? Кто?

— Немец.

— Скажете тоже — немец, — сказал проводник с подножки. — Какие тут могут быть немцы?

— Нет, вы знаете, это фриц. Я его хорошо узнала. По белым глазам. Он в Теберде был.

— Тот самый? — капитан положил теплую руку ей на плечо. — Ты в этом уверена?

— Да. Помните, о котором я вам рассказывала? Он, правда, тогда был в мундире, а теперь — в штатском. И лицо у него другое. Но я его сразу узнала по глазам. Да и Дик узнал. Вы видите — у него шерсть дыбом стоит. Это он его разорвать хочет.

Капитан спрыгнул с подножки и пошёл вдоль поезда. Марина увидела, что навстречу ему два поездных санитара несут на носилках бородатого. Теперь он был без очков, наверное, потерял их, когда упал, глаза его были закрыты, а руки безжизненно свешивались с носилок. «Убит», — подумала Марина. Но бородатый вдруг шевельнулся и застонал.

— Жив? — сказала Марина.

— Ну, ему жить недолго, — вставил проводник. — Поди, всю голову размозжило, свалился на полном ходу... Проходи, девочка, в вагон со своей собакой, сейчас поедем.

Поезд свистнул и тронулся. Марина заметила, что капитан в вагон не вернулся.

«Опоздал, — подумала она. — А как же его вещи?..»

**Глава третья,
в которой умирающий метеоролог рассказывает,
как он потерял и нашёл майора Шранке**

Капитан не опоздал, а отстал от поезда нарочно. Он знал от Марины, что тут не простое ограбление, что убийца — немец, злодей, уничтожавший больных детишек. И вот он где-то тут, поблизости, на свободе. И раненый, который лежит сейчас на носилках, несомненно, так же как и Марина, встречался с немцем раньше. Потому-то тот его и сбросил с поезда.

В больнице, куда Пётр Сергеевич — так звали капитана — привёз на машине раненого, сказали, что он проживёт очень-очень недолго. Пётр Сергеевич попросил провести его в палату. Он уже успел узнать, что у раненого в бумажнике оказались документы на имя сотрудника горной метеорологической станции — Афанасия Александровича Гринько.

Капитан придвинул табурет к постели и сел. Прошло десять минут, пятнадцать, двадцать. Раненый открыл глаза.

— Доктор, — прошептал он, взглянув на белый халат Петра Сергеевича.

— Я не доктор, — сказал Пётр Сергеевич. — Я, Афанасий Александрович, давно уже сижу здесь и жду, чтобы вы очнулись. Меня весьма интересует тот человек, с которым вы встретились на подножке вагона. Это злейший враг. Мы его рано или поздно поймаем. Но мне хотелось бы словить его как можно скорее, пока он не натворил новых бед. Как его зовут?

— Шранке. Майор Шранке... Но до войны его звали иначе. Наверное, у него много имён. Я работал метеорологом на Эльбрусе. И в первый раз я встретился с ним много лет назад. Вы знаете, у него было совсем другое лицо тогда, но я его сразу узнал. У него не только много имён, у него, мне думается, множество шкур, в которые он влезает. И он умеет отлично гримироваться. В первый раз я увидел его... если вы помните, германская экспедиция альпинистов восходила на Эльбрус...

— Помню, — подтвердил Пётр Сергеевич.

— Они разыгрывали из себя туристов. Он тогда угощал меня сигарами. Его тогда звали... постойте, его звали Штейнбах. Он был молодой, со светлыми глазами, с лицом, словно высеченным из камня. Он шутил и смеялся, говорил, что он художник, и делал какие-то зарисовки. А его друзья щёлкали

фотоаппаратами. Никакие не туристы они были — просто шпионы.

Я понял это в сорок втором году, когда немцы появились у нас на Кавказе. Тогда он явился в форме майора горных стрелков. Теперь его уже звали Шранке. Он распоряжался всеми и всем. И теперь это был человек со сморщенным лицом, с приплюснутым носом, с тёмными волосами и с глазами законченного альбиноса. Я сразу узнал его, а он, в свою очередь, узнал меня. Он имел наглость даже напомнить мне это. «Вы помните, я угощал вас сигарами — сказал он. — А теперь я неограниченный ваш начальник. И если я захочу, я расстреляю вас или запихну в мешок и сброшу в пропасть. Но вы мне пока нужны. Немецким войскам на Кавказском хребте нужны метеосведки. Вы станете их передавать». Я отказался. Он приказывал. Он избивал меня, загонял мне под ногти иголки. Вот следы. Расстрелять меня он не решался: тогда некому было составлять сводки. Немцы не сумели перешагнуть через хребет. Они сидели на перевалах, но наши крепко держали побережье. И тогда я, понимаете, решил передавать в эфир сводки. Сводки ведь нужны и нашим войскам. И заодно со сводками я умудрялся передавать сведения о численности немцев на перевалах. Я ведь многое слышал у себя, на горе...

Он передохнул. Пётр Сергеевич терпеливо ждал.

— Иногда Шранке исчезал от нас, — снова заговорил Афанасий Александрович. — Я слышал, что он совершает экспедиции в Теберду, в Пятигорск, в Кисловодск, в Нальчик. Его подручные часто смеялись, говоря, что их начальник — профессиональный убийца и убивает людей из любви к искусству. Что он только для того и совершает эти экскурсии, что придумывает новые способы уничтожения.

У меня был ученик, четырнадцатилетний мальчик, Боря Кисляков, очень способный мальчик. Но помню, за что, а может быть, и ни за что вовсе, Шранке выколол ему раскалённым гвоздём левый глаз. Мою помощницу, девушку Антонину, Шранке зашил в мешок и скинул в пропасть... В один прекрасный день немцам пришлось уносить ноги. Снег так сверкал в этот день на солнце. Шранке удирал первым. Наконец пришли наши, освободили нас!..

Он снова замолчал. Молчал и Пётр Сергеевич, боясь спутать мысли раненого.

Я увидел его за завтраком в обеденном зале.

— И вот сегодня... я забыл вам сказать, что я приехал в командировку в Баку и жил в отеле. Сегодня я увидел Шранке за завтраком, в обеденном зале. Он сидел за дальним столиком, у окна. Он теперь был похож на директора треста. Но я-то был уверен, что это он. Я увидел его светлые глаза. Он, наверное, заметил, что я смотрю на него в упор. Он сжался, сел ко мне спиной, потом встал и расплатился.

Почему я тут же не закричал, чтобы его схватили? Вы знаете, он так уверенно себя держал, выходя из зала, что даже я усомнился. Я пошёл за ним. Он вышел на улицу и сел в машину. Я едва упробил первого попавшегося шофера отправиться вслед за ним. Мы приехали на вокзал. Он предъявил какое-то удостоверение, и его пропустили. Меня задержали перронные контролёры. Пока я доказывал, что мне нужно обязательно пройти на перрон, поезд тронулся. Я сразу увидел немца на подножке международного вагона. Я вскочил на подножку в последнюю минуту — поезд уже ускорял ход.

Кажется, я схватил его за горло. Тогда что-то вдруг ударило меня в грудь — И я полетел вниз... Моя песенка спета...

Но вы должны разыскать его. Вы должны уничтожить его, вы, вы!

— Один вопрос, — спросил Пётр Сергеевич. — Где Боря Кисляков?

— В... в... — раненый начал задыхаться. — В Ба... Батуми...

Глава четвёртая, в которой Пётр Сергеевич начинает действовать

Через четыре часа на тбилисском аэродроме сел самолёт. Почти одновременно с ним прилетел другой, с черноморского побережья, груженный почтой. С почтовика сошёл единственный пассажир — совсем юный улыбающийся лейтенант небольшого роста.

Он отпраповал капитану:

— По вашему приказанию явился.

— Ладно, Рыжков, едем сразу в гостиницу, — сказал Пётр Сергеевич.

Они направились к стоявшему у здания аэропорта голубому автобусу. Полчаса они ехали между холмами по пыльному шоссе, обгоняя трамваи и осликов с поклажей.

— До прихода московского поезда у нас времени достаточно. Он придёт только завтра, в четыре тридцать утра.

— А я был уверен, что вы приедете поездом, — вставил Рыжков.

— Я тоже был в этом уверен. У меня даже чемодан остался в вагоне. Но обстоятельства резко изменились. Нам, брат, с тобой предстоит работка почище «зелёных стрел»^{*)}. Ты помнишь, как мы с тобой сидели зимой в моём скворечнике в городе Н., на втором этаже разрушенного дома, и обсуждали, как нам переловить «зелёных стрел»?

— Ещё бы не помнить, — подхватил Рыжков. — Вы тогда разложили на столе носовые платки с зелёными стрелками и показали мне издали юного моряка Ивана Забегалова.

— Да. Перед нами было уравнение с несколькими неизвестными. Немцы сбросили дюжину парашютистов в районе побережья, предложили им взрывать и поджигать заводы. Ты тогда здорово сыграл в Решме роль старого марочника.

^{*)} Повесть И. Всеволожского «Зелёная стрела» была напечатана в газете «Пионерская правда» в 1944 году.

— Ну, приступим к делу, Рыжков. Скажем прямо. Перед нами теперь серьёзный, хорошо подготовленный враг. Знает нашу страну, потому что не раз бывал в ней до войны, — это раз. Прекрасно говорит по-русски — два. Несомненно, имеет подручных и связи — три. Не остановится ни перед чем — четыре. Имеет отличный набор документов — пять. И, наконец, умеет так перевоплощаться, что даже тебя перекроет, — это шесть.

Он помолчал, набил табаком свою простую чёрную трубку и зажёл спичку.

— Как бы он ни менял свою наружность, известно одно: кто раз с ним встретился, в любом облике его узнает. В глазах у него это сидит, что ли... наверное, в глазах. У него глаза альбиноса. Его узнали Марина и метеоролог, несомненно, узнает его и Боря Кисляков. Не сомневаюсь и в собачьем чутье. Эта умная серая лайка, я убеждён, кинется на него так, как бросилась бы на ядовитую гадюку. Собаку не обманешь.

Он стряхнул пепел.

— Вечером обсудим план действий. Считаю, что на этот раз ты должен быть неотлучно возле девочки. В каком виде ты при ней будешь, решим после. Во-первых, я боюсь, что этот альбинос запомнил её в вагоне. Я не сомневаюсь, что он не помнит её по Теберде. Ведь там были сотни ребят, которых он убивал. Но тут он её навсегда запомнил. И этот Шранке понял, что и она его узнала. Несомненно, он это принял к сведению. Тебе придётся глядеть в оба. А я беру на себя всё остальное.

Глава пятая, в которой Марина снова встречается с капитаном

Когда поезд подходил к Тбилиси, было ещё почти темно. Какая-то серая мгла ползла за окном. Марина с тревогой думала о пересадке. Она ни разу не была в Тбилиси.

Поезд застучал на стрелках и остановился.

— Идём, Дик,— сказала девочка, беря в одну руку чемодан, а в другую поводок Дика.

Но коридор был заполнен приехавшими, встречающими, носильщиками. Марина остановилась на пороге купе.

— Разрешите девочке выйти,— раздался вдруг спокойный голос, и Марина увидела капитана, того, который отстал в Баку.

— А вы... разве вы не остались?— спросила она удивлённо.

— Я? Нет, зачем? Я просто встретил приятелей и ехал в другом вагоне. Идёмте, Марина. Я хорошо знаю полковника Николая Васильевича. И постараюсь, чтобы вы доехали до него как можно лучше.

Они вышли на широкую квадратную площадь. Уже начало светать. Но весь город ещё сверкал огнями.

— Недавно здесь снято затемнение, — сказал Пётр Сергеевич, видя удивление Марины. — Не правда ли, приятно?

— О, да!

Три с половиной года Марина жила во мраке. Не было огней в Теберде, тщательно завешивались широкие окна в больнице. Теперь она стояла, широко раскрыв глаза, глядя на этот световой праздник.

— Но идём же, машина ждёт нас.

Голубая машина стояла поодаль от других, и молодой шофер в военной форме поздоровался с Мариной, как со старой знакомой.

Первым вскочил в машину Дик.

— В гостиницу! — приказал капитан.

Машина промчалась по узкой длинной улице и вылетела на широкий, похожий на проспект мост. Со всех сторон до самого неба сияли огни — город лежал в ложине между горами, а посередине плескалась и шумела река. В реке отражались огни. Сразу за мостом, справа, Марина увидела огромный красивый дом. Машина свернула влево и побежала по асфальтовому подъёму в гору. Пётр Сергеевич сказал, что ещё несколько лет назад тут была гора, но её в один прекрасный день срезали и залили дорогу асфальтом.

Они выехали на проспект, обсаженный серебристыми блками, в свете круглых, как луна, фонарей казавшимися покрытыми инеем.

Машина загудела, развернулась и остановилась у широкого, ярко освещённого подъезда. Это была гостиница «Тбилиси».

Вошли в лифт. Бедный Дик! Он очень перепугался, весь задрожал и оцетинился: он никогда ещё не ездил на лифте. Но лифтьёрша уже отворила дверь. Они немного прошли по свет-

лому коридору и очутились в красивой комнате с зеркальным шкафом, с паркетным полом. На столе, покрытом чистой ска-тертью, были расставлены всякие вкусные вещи.

— Умывайся, садись, кушай, я скоро вернусь. Твой поезд идёт вечером, я достану билет и усажу тебя в вагон, а Николаю Васильевичу пошлю телеграмму, — сказал Пётр Сергеевич. — Хороший у тебя пёс, — добавил он, глядя на Дика. — Я люблю лаек: они привязаны к хозяевам, но очень злопамятны и непримиримы к врагам, — он улыбнулся Марине и Дику и вышел.

Марина раскрыла чемодан, достала свежее, светлое платье и переоделась. Потом причесала волосы, умылась и посмотрела на себя в зеркало.

— Ей богу, я скоро совсем поправлюсь, — сказала она, потом подошла к балкону и открыла дверь. — Нет, это сон. Я сплю и вижу чудесный сон!..

Но нет, это не был сон! Это была самая настоящая действительность. Скорее тяжёлым сном можно было назвать то, что она пережила за два года: немцы, жизнь в лесу, долгие месяцы в больнице. Страшный сон кончился, наконец она проснулась, начинается жизнь! Эх, если бы был жив папа!

Позади легонько тявкнул Дик.

— Дик, Дичонок мой!

Марина опустилась перед лайкой на колени и уткнулась лбом в лохматую голову:

— Я про тебя не забыла, Дикуша. Я очень люблю тебя. Ты мой маленький...

Пёс радостно взвизгнул.

— Мой хороший пёсинька!.. Ну, идём кушать скорей, идём кушать!

Она вскочила и села за стол. Чего-чего тут только не было! Вот заботливый человек этот Пётр Сергеевич! И почему он о ней так заботится? Ах да, он ведь друг Николая Васильевича, друга папы!

Марина принялась есть, время от времени протягивая ку-сочки Дику. Он брал подачку деликатно и ел, не торопясь, как положено воспитанной собаке.

Когда они закончили завтрак, было уже совсем светло, солнце весело светило в окна, по паркету бегали солнечные зайчики. Пришёл Пётр Сергеевич.

*Майор встал и сказал, что он тоже едет
в Батуми.*

— Ну, теперь будем осматривать Тбилиси, — сказал он.

Знакомый шофер ждал их внизу, у голубой машины.

Они побывали в зоопарке, видели слона, пострадавшего от бомбёжки, катались на детской железной дороге, где и машинисты, и кондукторы, и начальники станций были пионеры. Поднялись в смешном открытом вагончике на высокую гору и там обедали на террасе, откуда был виден под ногами весь город. А потом они вернулись в гостиницу, где Дик встретил их радостным визгом. Он, бедный, заждался! Пётр Сергеевич написал письмо, запечатал и отдал Марине для передачи Николаю Васильевичу.

Когда они приехали на вокзал, было совсем темно. Они нашли мягкий вагон. На этот раз проводник потребовал, чтобы Дик ехал в багажном. Пришлось отвести его туда и попрощаться с ним до утра. Пёс был очень расстроен. Они вернулись к вагону, поднялись на ступеньки, прошли по коридору, вошли в купе. Тут сидели уже три пассажира. Пётр Сергеевич приложил руку к козырьку, увидев молодого майора. Тот привстал и сказал:

— Здравствуйте.

Пётр Сергеевич, оглядев двух других пассажиров — один из них был толстый черноволосый грузин с чёрными усами, в шёлковой белой рубашке, а другой — седенький старичок в очках, уткнувшийся в газету, — обратился к майору:

— Товарищ майср, поручаю вам девочку. Она едет одна в Батуми.

Майор встал, сказал, что он тоже едет в Батуми, и любезно пригласил Марину садиться. Пётр Сергеевич попрощался и вышел. Поезд сразу же тронулся.

Пётр Сергеевич ещё в гостинице предупредил Марину, чтобы она никому не рассказывала о том, что пережила в Теберде. «Незачем удовлетворять праздное любопытство, — сказал он. — Говори просто, что едешь к дяде в гости». И поэтому, когда новые знакомые принялись расспрашивать у неё, кто она и куда едет, она сказала, что едет к дяде — флотскому офицеру. Все трое очень хорошо отнеслись к ней. Толстый грузин рассказал, что он директор фруктового магазина в Батуми, и угостил её инжиром. В первый раз в жизни Марина ела инжир. На ладони у неё лежал тёмно-синий мясистый плод

величиной с картофелину. Плод лопнул — и раскрылась золотая, вся в мелких семечках сердцевина. Он был слаще сахара, этот инжир! Толстый директор сказал, чтобы она обязательно заходила к нему в магазин, он ей даст сколько угодно инжира. Он был славный и добрый человек, и только странно было видеть жгучего брюнета со светлыми глазами. А седенький старичок оказался профессором ботаники. Он рассказал, что выращивает и скрещивает цитрусы. Он тут же продемонстрировал свои достижения, угостив всех помесью апельсина с лимоном, мандарином со съедобной сладкой кожицей и невиданным бразильским фруктом — «фейхоа», — похожим по виду на огурец, а по вкусу — на клубнику и ананас вместе.

Симпатичнее всех был молодой майор. Он улыбался во весь рот и рассказывал разные истории.

...Марина проснулась от яркого света, брызнувшего ей в глаза.

— Вставай же, шен генацвале, соня эдакая, море проспийшь, — сказал ей ласково грузин и вышел из купе.

Двое других уж стояли одетые в коридоре.

Марина мигом вскочила. За окном действительно расстилалось море. Поезд шёл по самому краешку, у воды, и кругом цвели удивительные цветы, а большущие пальмы запросто росли на дороге, задевая своими резными листьями стенки вагона.

Когда Марина оделась, старичок-ботаник уже собирался выходить на последней остановке перед Батуми. Он попрощался с ней и показал дом, весь утопающий в зелёных деревьях: тут он живёт, работает и выращивает свои цитрусы. Но он почти каждый день бывает в Батуми.

Через пятнадцать минут, проехав прямо по улицам города, поезд подкатил к Батумскому вокзалу.

Полковник стоял на перроне, большой, грузный, словно памятник, и курил свою необыкновенную трубку.

— Маринка! — крикнул он, и с удивительной лёгкостью подбежал к вагону.

Он исколол ей лицо своими усами. Ей показалось, что он плачет: на лбу у неё стало мокро. Но полковник уже отдавал носильщику чемодан, и благодарил на ходу майора и толстого грузина, и просил заходить, и расплачивался с проводником за

постель — всё сразу. Полковник спросил, где Дик, и они сходили за Диком, радостно выпрыгнувшим к ним из багажного вагона.

— Вот и хозяйка приехала, — бормотал Николай Васильевич. — Вот и будет теперь у меня в доме хозяйка.

Глава шестая, в которой Марина приобретает нового друга

Домик Николая Васильевича стоял в саду, в котором росло множество необычайных цветов. Хозяйка-аджарка хлопотала, увидев Марину. Она провела её в небольшую комнатку, окрашенную в белый цвет, с розами в горшках на подоконнике, с картинками на стенах, изображающими горы и море, с тахтой вместо постели.

— Вот тут ты и будешь жить, — басил Николай Васильевич. — Нравится?

— Очень нравится!..

Марина была в восторге.

Когда полковник ушёл на работу, Марина вышла из дому и пошла к Пионерскому парку. Белая колоннада заменяла тут ворота. Марине показалось, что она попала прямо в сказочное царство. Со всех сторон её обступили высокие цветущие деревья. Цветы на них были фиолетовые, розовые, белые, голубые. Клумбы тоже были полны цветов. Повсюду стояли удобные полотняные кресла, так и звавшие: присядь, отдохни. За зарослями зелёного кустарника открывалось большое озеро, по которому плавали величественные белые лебеди. Несколько ребят катались по озеру на лодках.

На берегу, на траве, сидел мальчик в полосатой майке и держал в руках что-то вроде ветряной мельницы. Когда Марина подошла и встала у него за спиной, мальчик обернулся. Марина увидела, что его левый глаз прикрыт чёрным матерчатым кружком на чёрной тесёмке

Мальчик улыбнулся и спросил:

— Ты хочешь покататься на лодке?

— Хочу.

— Приходи попозднее, а то сейчас все лодки заняты. Я тоже с удовольствием покатаюсь.

— А что это у тебя за мельница? — спросила Марина.

— Ах, это? Это не мельница. Я руковожу кружком юных метеорологов. Тебя как зовут?

— Марина.

— А меня — Боря. Боря Кисляков. Ты что, недавно в Батуми? Я тебя никогда в парке не видел.

— Я только сегодня приехала.

— А в какой школе ты будешь учиться?

— Ещё не знаю.

— Что делает твой папа?

— У меня папа убит. А мама умерла, когда мне было три года. Я живу у папиного друга, Николая Васильевича. Он полковник.

— Флотский? С большими усами?

— Ну да. А ты откуда знаешь?

— Его все ребята знают. Он у нас в парке беседы проводит. Про Нахимова, про Севастополь. Его все ребята любят! Его зовут «дедушка с усами».

— Он вовсе не дедушка, он молодой.

— Это его за усы дедушкой прозвали. А он, конечно, ещё не очень старый. Ты что-нибудь понимаешь в метеорологии?

— Это насчёт угадывания погоды? Нет, ничего не понимаю.

— А я на горной метеорологической станции работал.

— Да ну? Это очень высоко?

— Очень. Снег там даже летом не тает.

— Расскажи.

Боря терпеть не мог любопытных девчонок, но эта девочка ему почему-то сразу понравилась. И он подробно рассказал ей, что за штука — метеорология, как по приборам можно предсказать погоду и передать её по радио самолётам.

— А что у тебя на глазу? Ячмень, наверное? — спросила Марина.

— Нет, не ячмень...

Боря нахмурился. Марина поняла, что не надо было спрашивать. Но Боря сказал:

— Мне этот глаз один немец выколол. Раскалил гвоздь на огне...

Марине до слёз стало жалко мальчика. А он, подумав немного, вдруг рассказал ей, как на метеорологическую станцию

пришли немцы, как они сбросили в пропасть метеоролога Танию, как мучили Александра Афанасьевича. Когда он описал немецкого майора Шранке, Марина вдруг схватила его за руку:

— Ты знаешь, Боря, я видела этого человека!

— Где?

— Где, где!.. У него белые глаза, да?

— Да, белые.

Тогда, захлёбываясь, она принялась рассказывать про Теберду.

Они сидели рядышком на траве, перед ними журчала вода, проплывали лодки и лебеди, а они всё говорили и говорили.

Вдруг сзади раздался голос:

— Шен генацвале, нравится тебе парк?

Это был грузин, ехавший с нею в поезде.

Ребята вскочили.

— Пойдём, дорогая, я угощу инжиром.

— Я не хочу.

— Зачем «не хочу»? Хороший инжир, вкусный инжир; ты наш гость, гостей угощать надо. Идём. И ты иди, мальчик. Как тебя зовут? Бори́ко? Идём, Бори́ко. А меня зовут дядя Шали́ко.

Он повёл их по набережной. В большой круглой, похожей на чашу бухте, окружённой горами, было множество кораблей. Скользили катера, у причалов стояли грузные танкеры и транспорты. Пробежал буксир. Взвизгнув, пошла к выходу в море длинная подводная лодка.

Это было, как на экране. Вся бухта была подёрнута лёгким туманом, а на вершинах гор лежал снег. В кофейных за столиками сидели усатые аджарцы и пили из крохотных чашечек густой чёрный кофе. Во всех магазинах было множество фруктов. Шалико свернул в улицу, ведущую на базар, и подвёл их к широкой витрине, на которой были разложены коричневые груши, бледно-жёлтые яблоки, румяные персики, чёрный инжир, зелёный и синий виноград. Посередине витрины чёрным инжиром по светлым яблокам было выложено сегодняшнее число: «25. VIII. 44», — и всё это было подчёркнуто чертой из грецких орехов.

— Плохо, а? — спросил Шалико у детей. — Хорошо придумано? Шалико плохо не придумает. Идешь по улице, забудешь, какое число, заглянешь в магазин к Шалико — увидишь.

Да, действительно, это было здорово.

А Шалико, введя их в магазин, уже доставал из ящика инжир.

— Всегда заходи, шен генецвале, — радушно приглашал он Марину, наложив полный бумажный картуз плодов, — и ты заходи, Борико.

— Здравствуйте! — крикнула вдруг Марина.

За окном, тщательно разглядывая витрину, стоял старичок-ботаник. Но он не поднял головы, не расслышав через стекло приветствия Марины. Он повернулся и пошёл по улице ковыляющей, старческой походкой.

— Откуда ты его знаешь? — спросил Боря.

— А он ехал с нами в поезде. Правда, дядя Шалико?

Но Шалико уже занимался вошедшими в магазин покупателями.

Когда они вышли из магазина, Боря сказал:

— Я хочу такую же штуку устроить у нас в парке. Календарь и даже часы. Только вместо фруктов у меня будут цветы, а вместо орехов — каштаны... Ну-ка, поглядим, сколько надо каштанов на чёрточку.

Вдруг он удивлённо сказал:

— Удивительная вещь! Когда мы входили, тут было восемь грецких орехов, а теперь их двенадцать. Обсчитался я, что ли?

— Нет, я тоже считала. Их было восемь.

— А теперь двенадцать.

Марина пересчитала: правильно, двенадцать.

— Но ведь Шалико даже не притрагивался к витрине.

— Нет, не притрагивался,

— Как же это могло случиться?

— Не знаю.

— Ну, ладно! Идём.

Они ушли. Расстались они у Марининого дома, договорившись встретиться завтра в парке. Боря познакомит её с ребятами, и они станут все вместе кататься на лодке...

Глава седьмая, в которой ночью появляются страшные глаза альбиноса

За обедом Дик чинно сидел возле Марины и, казалось, прислушивался к разговору. Марина рассказала Николаю Васильевичу о том, как провела утро, и он посоветовал ей дружить с Борей Кисляковым: это хороший мальчуган, а вот насчёт директора магазина заметил, что незачем было брать у него инжир; инжир можно купить, а одолжаться перед малознакомым человеком не следовало.

Письмо Петра Сергеевича полковник прочёл и сказал, что хорошо знает его; работа их отделов соприкасается.

После обеда Николай Васильевич предложил пойти на концерт. Приехал знаменитый дирижёр.

— Ты любишь музыку, Марина?

— Очень.

— Я тоже люблю.

Через несколько минут они вышли на улицу и пошли по направлению к парку. Туда со всех сторон стекался народ: всем хотелось послушать оркестр под управлением знаменитого дирижёра. У входа в парк они встретились с Борей, и Николай Васильевич поздоровался с ним как со старым знакомым. Боря просиял от удовольствия; было видно, что он обожает Николая Васильевича.

— Вот и хорошо, — сказал полковник, — у меня как раз три билета. Пойдём с нами.

Вошли в парк. Уже стемнело, а ни один фонарь не горел; тут, на берегу моря, затемнение ещё не было снято. Прошли тёмную аллею и подошли к большому деревянному зданию. Откинулась чёрная шерстяная занавеска — и они очутились в ярко освещённом зале. На эстраде сидели музыканты и настраивали свои инструменты. Николай Васильевич стал читать программу, а Марина принялась разглядывать зал. Тут было много морских офицеров и нарядных девушек; все смеялись, шутили, разговаривали. Невдалеке Марина увидела Шалико — толстого директора магазина. Он улыбнулся ей и поклонился, как взрослой. Во втором ряду сидел старичок-ботаник, закрыв глаза рукой и опершись на палку: он, казалось, уже приготовился слушать музыку. Марина сидела между Николаем Васильевичем и Борей и чувствовала себя прекрасно. Боря рассказывал про парк, про кружок метеорологов и потом вдруг сказал:

— А ты знаешь, Марина? Я вечером проходил опять мимо магазина. И орешков было уже не двенадцать, а шесть.

— Не может быть! — удивилась Марина.

— Ума не приложу, что это значит. Зачем по несколько раз в день перекладывать орешки, когда число меняется только один раз в день? Но я это обязательно выясню...

Как раз в эту минуту всё стихло. На эстраду вышел высокий человек в длинном фраке, молодой, красивый, с орлиным носом и такими светлыми волосами, что они казались седыми.

Он поклонился, повернулся к оркестру и взмахнул своей палочкой. Всё замерло. Поились чудесные звуки. Марине казалось, что она идёт по степи и слышит, как ветер колышет колосья, как журчит где-то речка и как поют во ржи птицы. Она закрыла глаза, унеслась далеко-далеко. Перед нею стелется узкая тропка, она идёт среди ярко-голубых васильков, и они просят: «Сорви нас, Марина!..» Она наклоняется к васильку — и вдруг он начинает расти, расти, раскрывается, и на Марину глядят страшные глаза... Словно что-то толкает её, она вздрагивает и открывает глаза.

— Что с тобой? — тихо спрашивает Боря.

— Нет, ничего, — отвечает она.

Она думает: «Пока я сидела с закрытыми глазами, кто-то смотрел на меня в упор... Может быть, «он» здесь, в зале, и никто не знает этого. Даже Николай Васильевич, большой, добрый, сильный, который мог бы защитить меня, если бы знал...»

Короткий перерыв. Дирижёр, не оборачиваясь, нетерпеливым движением поднимает руку: он не хочет, чтобы аплодировали между частями симфонии: это разрушит всё впечатление. Он начинает вторую часть.

«Калинников», — читает Марина на афишке, лежащей на коленях Николая Васильевича. Она слышала о композиторе Калинникове. Он хотел в музыке отразить всё приволье русских полей, всю красоту русской природы... И снова плывут чудные звуки, и снова Марине кажется, что она лежит в степи одна, смотрит в небо.

В антракте к Николаю Васильевичу подошёл тот самый майор, с которым Марина ехала в поезде. Он ласково поздоровался с Мариной, почтительно — с Николаем Васильевичем и познакомился с Борей.

— Панфилов, — назвал он свою фамилию.

Все вышли в сад. Николай Васильевич и майор закурили, и завязался оживлённый разговор. Майор рассказал, что пробудет здесь недели две; ему подлечат в госпитале глаза, пострадавшие во время танковой атаки, потом он уедет обратно на фронт. Майор шутил с ребятами, обещал покатать их на машине по окрестностям города, свезти на Зелёный мыс и в Чакву — на родину чая. Николай Васильевич тоже, по-видимому,

слушал его с удовольствием и приглашал заходить, и майор сказал, что, конечно, зайдёт: у него ведь тут много свободного времени. И ему кажется, что если бы его маленькая дочка не умерла от дифтерита, она бы, наверное, была такой, как Марина. Марине стало очень жалко майора: такой молодой, храбрый и совсем один: жены нет, дочка умерла от дифтерита.

Они прослушали второе отделение и пошли домой. Возле дома постояли ещё минут пятнадцать, дружески разговаривая. Потом майор ушёл, а Николай Васильевич сказал, что пойдёт на работу.

— Ночью? — удивилась Марина.

— Ну да. Вечер я прогулял, ночью придётся работать. Но сначала мы попьем чаю.

Дик встретил их с бешеным восторгом. Он подпрыгивал чуть ли не до потолка и всё старался лизнуть Марину в нос. Сразу же после чая полковник отправил Марину спать.

— Спи спокойно, доченька, — сказал он. — Спи, родная.

Он поцеловал её в лоб, погасил свет и вышел. Марина слышала, как хлопнула дверь...

...Она проснулась среди ночи от грозного рычания Дика. Ей показалось, что в комнате кто-то есть. И вдруг в полумраке к ней двинулась какая-то тёмная фигура. И глаза, те самые, страшные глаза, светились в темноте, как у кошки. Марина прижалась спиной к стене. Дик с яростным рычанием ринулся вперёд — и глаза исчезли. Марина отчаянно закричала. Она услышала звон разбитого стекла, торопливые шаги под окном в саду, жалобный вой Дика. Яркий свет залил вдруг всю комнату. На пороге стоял Николай Васильевич в расстёгнутом кителе.

— Что случилось? — спросил он.

Дик, бедный Дик, весь окровавленный, лежал возле окна...

Полковник выхватил из кармана револьвер и кинулся к раскрытому окну. Но за окном уже никого не было.

Глава восьмая, в которой так и не разрешается тайна грецких орехов

Рано утром пришли два матроса и сделали крепкие дубовые ставни на железных болтах. Потом пришёл весёлый курчавый матрос, которого звали Хмара. Это был вестовой Николая Васильевича. И Николай Васильевич посоветовал Марине расспросить его, как он забрал в плен шесть вооружённых фрицев. И Хмара охотно рассказал, как на фронте, где они были с Николаем Васильевичем, он, одесский парикмахер, выполнял обязанности полкового парикмахера. И как он однажды пошёл на передний край, взяв с собою две бритвы, мыльницу и полотенце, — побрить офицеров. И как ему встретились шесть вооружённых автоматами фрицев. И ему, наверно бы, пришлось плохо, если бы он не скомандовал: «Рота, стой» И принялся так командовать своей несуществующей ротой, что фрицы перепугались и сдались ему в плен. И они так и пришли в штаб полка — впереди шесть фрицев с поднятыми руками, а позади парикмахер. А мыльница играла в тот день роль гранаты.

Хмара сказал, что он теперь будет приходить сюда ночевать, и он-то уж сумеет с любым грабителем поговорить по душам.

А Дик, бедный, лежал в уголку и смотрел на всех грустными глазами. Он даже не притрагивался к тарелке с молоком, которую поставила перед ним Марина.

Ветеринарный врач в морской форме осмотрел Дика, промыл его рану, смазал йодом и сказал, что, ударь его грабитель чуть-чуть полее, Дику была бы крышка. А теперь через несколько дней пес будет здоров.

— Хороший пёсик! — похвалил он Дика. — Отличный пёсик! Ну, попадись Дику теперь этот громила, — ему не сдобровать: злопамятнее лайки нет собаки на свете.

Солнце светило так ярко и так ласково, что все ночные страхи рассеялись, как дым. Марина вышла на улицу, решив сходить в парк. Возле самого дома её кто-то окликнул. Это был толстый Шалико, директор фруктового магазина

— А, шен генацвале! — сказал он. — Что у вас был ночью за шум? Я, как был, выскочил из квартиры и даже порезался о проволоку.

Он показал перевязанную руку.

— Я ведь ваш сосед, живу вот тут, рядом. Гляди: вот мои окна. Как поживает твоя собачка? Приходи сегодня в магазин за инжиром.

Марина сказала ему, что ничего особенного ночью не случилось; просто Дикну показалось, что кто-то лезет в окно. И ей вовсе некогда приходить к нему сегодня в магазин. Он ей был неприятен, и ей совсем не нравилось, что этот человек живёт по соседству.

В парке она нашла Борю возле озера.

— Вот и хорошо, что ты пришла, Марина, — сказал мальчик. — Я как раз достал лодку.

И они пошли на пристань и сели в белую с синей каймой лодку. Боря умел грести, и они выплыли на середину озера. У бортов лодки плескались серебристые рыбки.

— А ты знаешь, — сказал вдруг Боря, — сегодня орешков-то восемь.

— Восемь?

— Ну да, восемь. К чему бы это надо? Не пойму. Число сегодняшнее — двадцать восьмое, а в чёрточке восемь орешков. И ты знаешь, Марина: опять этот старичок подошёл и постоял у витрины. Словно не мог разглядеть сегодняшнее число в одну секунду!

Он положил вёсла, и лодка медленно поплыла по течению. Марина рассказала Боре про то, что было ночью.

— Бедный Дик! — пожалел Боря собаку. — Так ты говоришь, этот толстый фруктощик живёт с вами рядом?

Они катались целый час. Потом сдали лодку, вышли из парка и, разговаривая, пошли домой. Возле фруктового магазина ребята чуть не столкнулись со старичком-ботаником — он шёл, глядя себе под ноги, и не узнал Марины.

— Гляди-ка! — сказал Боря. — Теперь орешков-то стало четырнадцать

Когда он успел их пересчитать? Но он был совершенно прав! Орешков было четырнадцать.

Марина увидела за окном толстого Шалико и двух продавцов, развешивавших товар. В магазине было много покупателей. Она решила сегодня же рассказать обо всём Николаю Васильевичу.

* *

*

Полковник внимательно выслушал Марину и сказал, что он прикажет проверить историю с орешками, что ей незачем об этом беспокоиться. А вечером они пошли в клуб офицеров на кино — там показывали «Серенаду Солнечной долины» — и в фойе встретили майора Панфилова. Он опять рассказывал массу историй, угощал Марину мороженым и лимонадом, хвалил трубку Николая Васильевича, обещал прийти в гости.

И опять он проводил их до самого дома.

Было уже совсем темно, и кто-то чуть не наткнулся на них, извинившись. Марине показалось, что это толстый фруктощик, но она не была в этом уверена. Что ему надо поздно вечером возле их окон? Ах да, ведь он живёт в доме рядом; стало быть, ничего удивительного нет в том, что они встречаются так часто.

Дик уже был на ногах, он кинулся навстречу Марине и стал тереться об её руки своей серой головой с острыми ушами. Хмара встал, когда они вошли, — он раскладывал пасьянс. Теперь Марине нечего бояться, сказал он, ставни такие, что и пушкой не прошибёшь.

Глава девятая, в которой Марина снова видит белые глаза

Марина крепко подружилась с Борей. Один и тот же человек, если можно назвать его человеком, нанёс им обоим непоправимый удар в сердце. Разве Марина забудет когда-нибудь то, что видела в Теберде? Разве Боря, даже когда станет большим и будет заведывать где-нибудь метеорологической станцией, забудет тот страшный день, когда «он» подходил к нему, связанному, с раскалённым гвоздём?! Нет, они всегда будут это помнить.

И они чувствовали, что «он» ходит где-то здесь — среди этих чудесных пальм, среди ярких цветов — и только и думает, как бы побольше зла причинить нашей стране, нашим людям. Как узнать его? Кем он сейчас притворяется? Учителем, артистом, дирижёром, профессором, чистильщиком сапог?

Он влезает в чужую шкуру, как в свою собственную, и чувствует себя в ней прекрасно. А глаза? Но он, наверно, сумеет даже перекрасить свои глаза — из белесых в тёмные, если понадобится. Ведь он умеет так менять свою внешность!

Днём Марина была беспечна. Она целый день проводила в парке с ребятами, играла в волейбол, занималась в кружке метеорологов, собирала цветы.

Но по ночам на неё находил страх. Она была уверена, что никто не пролезет через толстые ставни; она знала, что Дик, уже выздоровевший, спит тут рядом, возле тахты, и в любую минуту можно потрогать его тёплые уши, что в соседней комнате, если Николай Васильевич уходит на работу, спит вестовой Хмара. И всё же она спала беспокойно. Но приходил день, и её страхи исчезали.

В это утро Марина с Борей отправились купаться. Подходя к пляжу, они услышали за собой знакомый голос. Майор Панфилов, оживлённый, весёлый, догонял их:

— Наконец-то уезжаю на фронт, ребята! Пойдёмте к павильону. Угощаю в последний раз мороженым. Ешьте вволю!

...блюдечко упало, разбилось, и мороженое расплылось по земле.

Они съели по порции, майор предложил по второй. Ребята с радостью согласились, и он пошёл к стойке. Буфетчица подала два блюдечка с мороженым. Майор осторожно донёс их и протянул одно Боре, другое — Марине.

Марина потянулась было за блюдечком, но вдруг кто-то толкнул её — блюдечко упало, разбилось, и мороженое расплылось по земле.

— Ох, какой неловкий! — сказала Марина.

— Прошу прощения.

Ах, да ведь это Шалико! Как блестят у него глаза!

— Прошу извинения и у майора. Сейчас я исправлю свою неловкость.

Шалико побежал к стойке и принёс двойную порцию мороженого. Марина не хотела брать, но он так настаивал, что пришлось.

Вскоре майор ушёл, сказав, что под вечер зайдёт проститься с Николаем Васильевичем. Ушёл и Шалико.

— Не нравится мне этот толстяк, — сказала Марина.

— А ты знаешь, — сказал вдруг Боря, — сегодня у него под календарём орехи выложены зигзагом. И их целых пятнадцать... Однако мы ведь пришли купаться! Ну, поплыли?

Они оба хорошо плавали и любили, доплыв до большого мокрого, скользкого камня, взобраться на него и сидеть там, болтая в воде ногами. На этот раз камень был занят — на нём уже кто-то сидел. Когда они подплыли поближе, пловец прыгнул в воду и поплыл. Кто это был, нельзя было разглядеть. Ребята взобрались на камень и уселись. Солнце пекло нестерпимо, но от воды веяло прохладой. Пловец описывал большие круги, то приближался к камню, то удалялся от него. Вдруг он повернул голову и посмотрел на ребят.

— Он! — вскрикнула Марина.

— Кто?

— Он, он! Глаза! — задыхаясь, кричала Марина. — Белые глаза!..

— Что ты говоришь? — сказал Боря, всматриваясь в удаляющегося пловца. — Я ничего не заметил.

— Зато я заметила. Это он, я сразу узнала его!..

— Ты ошибаешься, Марина, — сказал Боря. — Ведь это майор Панфилов... Удивляюсь, почему он не посидел и не по-

говорил с нами. И у майора Панфилова вовсе не белые, а чёрные глаза.

— А эти... эти были совершенно белые, как те, понимаешь?.. Наверное, мне они уже просто кажутся всюду. А может быть, это был не майор?

Глава десятая, в которой события развёртываются с ужасающей быстротой

Когда Марина пришла домой, Дик, к её удивлению, не кинулся её встречать. Он сидел возле запертой двери в столовую и злобно рычал, пытаясь подсунуть нос под дверь. Шерсть на нём взъерошилась.

— Дик, что с тобой? — спросила Марина.

Она подошла к двери. Никогда ещё не бывало, чтобы дверь из её комнаты в столовую запиралась на ключ. Она постучала.

— Дядя Коля, вы дома?

— Подожди, Марина, — глухо ответил из-за двери Николай Васильевич, — я занят.

— Но мне надо вам сказать что-то очень важное. И как можно скорее, — сказала Марина.

— Я тебе сказал, подожди, я занят, — повторил Николай Васильевич.

Никогда ещё он с ней не разговаривал так сурово. Дик продолжал рычать и скрестись лапами в дверь. Тогда Марина нагнулась и посмотрела в замочную скважину. За столом сидели Николай Васильевич и майор Панфилов.

«Странно, — подумала Марина, — что же это они меня не пускают».

Она прислушалась к разговору за дверью и вдруг побледнела: собеседники говорили по-немецки!

— Дик, Дик, да что же это такое? — прошептала Марина в ужасе, опускаясь на пол...

* *

*

— Я зашёл к вам проститься, Николай Васильевич, — сказал, входя, майор Панфилов.

— Уезжаете?

— Да. Сегодня вечером. Разрешите мне закурить? Я купался, понимаете, и оставил на пляже портсигар.

— Пожалуйста.

Полковник протянул коробку с табаком и принялся набивать свою трубку.

— У вас великолепная трубка, — сказал майор, глядя на собачью голову.

— Да. Дорога как память.

Майор продолжал пристально рассматривать трубку. У собаки загорелись глаза.

— Великолепная трубка, — повторил майор. — И я очень рад, что вижу именно у вас эту трубку, — с улыбкой продолжал он. — Я уверен, что вы мне поможете как можно скорее выбраться отсюда.

— Куда?

— Домой.

— Ах, домой. А разве это так сложно? Сядьте вечером в поезд, в мягкий вагон...

— Будет вам притворяться, полковник, — вдруг сказал майор по-немецки. — Вы прекрасно играете свою роль, но я-то ведь знаю, кто вы. Вы такой же советский полковник, как я советский майор. Вам повезло, вы сумели высоко забраться. И у вас такой добропорядочный, с советской точки зрения, вид. Этот честный взгляд, усы, как у старого воина. Вы молодец, честное слово, молодец. Я знаю, в каком отделе вы у них работаете, и, честное слово, я даже сомневался в вас некоторое время.

Но эта трубка... она не оставляет никаких сомнений. Эта трубка может принадлежать только одному человеку, — он встал. — Итак, — сказал он повелительным тоном, — не позже, чем завтра, вы организуете всё для моего отбытия. Я больше не могу здесь оставаться. Катер будет крейсировать неподалёку от берегов.

— Вы это точно знаете? — спросил по-немецки полковник.

— Я имею совершенно точные сведения.

— И вы убеждены, что я буду отправлять вас именно отсюда?

— А это откуда вам будет удобнее. Но я больше не могу оставаться в этой стране. Завтра ночью я должен быть на катере.

— Вы на нём будете. Но само собой разумеется, из этого шумного, как базар, порта не выберешься незамеченным. Вы уверены, что за вами никто не следит?

— Убеждён. Разве могут возникнуть какие-либо сомнения в подлинности того лица, за которое я себя выдаю?

— Возможно, что нет. Итак, я должен отправить вас одного или...

— Нет. Двоих.

— Кто второй?

— Это просто один икс. Его фамилия вас не должна интересовать.

— Отлично. Вы постараетесь завтра же быть в Сухуми.

— В Сухуми?

— Да. Вы знаете Сухуми?

— Отлично.

— В десять часов вечера возле Синопа, у крепостной стены, вас будет ждать быстроходный катер. Могу я всё же узнать вашу фамилию?

— Зачем? У меня много фамилий.

— Я не встречал вас никогда раньше,

— И я вас тоже. Но это ничего, мы ещё встретимся с вами у нас дома. Называйте меня майором Шранке.

— Отлично, майор Шранке. Приятного пути.

— Да. Ещё одно дело. Тут с вами живёт одна девочка. Она опасна. Вы её уничтожите.

— Постараюсь.

Когда Шранке захлопнул за собой калитку, какая-то толстая фигура вышла из соседних ворот и пошла за ним следом.

«А вот и второй, — решил полковник, провожавший Шранке до калитки. — Так называемый Икс».

Он вошёл в дом и закрыл дверь.

Через пять минут щёлкнул ключ, и полковник вошёл в комнату Марины.

— Мариночка, мы едем в Сухуми. Это совершенно необходимо. С нами поедут Боря и Дик. Собирайся. Я пойду в отдел, а за тобой зайдёт один человек. Через час мы едем.

— Дядя Коля! — закричала Марина. — Дядя Коля, объясните мне...

— Потом, потом, детка. Я очень тороплюсь... — и он ушёл.

Пёс смотрел Марине прямо в глаза умными карими глазами. Никого не было в доме, они были одни.

Вдруг резко зазвонил звонок.

Марина замерла. Дик залаял.

Звонок прозвонил ещё раз, настойчивее и громче. Марина стояла, не шевелясь.

Тогда звонок стал звонить непрерывно. Марина подошла к двери и отперла её. На крыльце стоял Боря, а рядом с ним капитан Пётр Сергеевич.

— Пётр Сергеевич! — воскликнула Марина, бросаясь к нему.

— Здравствуй, Маринка, — сказал Пётр Сергеевич. — Ты уже собралась?

— Куда?

— В Сухуми! Разве ты не знаешь, что мы едем в Сухуми?

— Но вы знаете, что...

— Всё знаю, Мариночка. И мы с Николаем Васильевичем всё тебе потом объясним. А сейчас — едем...

И дверь белого домика захлопнулась за Мариной и Диком.

Глава одиннадцатая, в которой главным действующим лицом оказывается серая лайка Дик

Они поселились в гостинице «Абхазия». С балкона были видны приморский бульвар, пляж с купальщиками, длинная пристань водной станции «Динамо» и гладкая, как стекло, набережная, по которой с воем пролетали автомобили. Над морем кружили чайки. Пётр Сергеевич куда-то ушёл, приказав ребятам никуда не отлучаться из номера. Они ему могут понадобиться в любую минуту. И ребята молча сидели на балконе. Из раскрытого окна под ними доносились звуки рояля. Там жил флотский композитор, сочинявший оперу. Солнце садилось за морем, огромный багровый шар.

— Смотри-ка... Шалико... — вдруг сказал Боря.

Внизу по панели шёл их знакомый толстый фруктощик. Как он очутился здесь, в Сухуми? Он поглядывал на окна. Ребята прижались к стене: они не хотели, чтобы он их заметил. Он повернул за угол и исчез.

Совсем стемнело, а Пётр Сергеевич всё не приходил.

В номере не было света. Ложиться спать ребята не решались. Дик принялся скулить.

— Что ты, Дик? Что с тобой?

Пёс продолжал скулить, тычась в Маринины колени...

Да, всё было подготовлено вовремя — и катер возле Синопа, и рослые матросы, спрятавшиеся за толстыми стволами эвкалиптов... Пётр Сергеевич посмотрел на светящийся циферблат часов. Десять! Ровно десять, а никто не приходит. Но вот послышались лёгкие шаги. Человек шёл от шоссе к морю. Его нельзя спугнуть, пусть придёт на катер. Один идёт, но где же второй?

Человек подходит всё ближе и ближе. Вот он уже на пляже. Темно, совсем темно. Он покашливает, мигает фонарик. С катера мигает фонарик в ответ. Кто-то тихо спрашивает:

— Кто идёт?

— «Собака полковника», — глухо отвечает человек.

— Входите на борт.

Не успевает человек взойти на борт, как на него наваливаются несколько матросов. Он отчаянно отбивается, ему вяжут руки.

— Поторопились, чорт вас возьми! — в сердцах ругается Пётр Сергеевич.

Он бежит на катер и освещает фонариком лицо пойманного. Это старик с седой бородкой, в очках, в сбитой набок шляпе.

Приходят матросы, сторожившие в тени эвкалиптов. Они показывают клочок материи.

— Ушёл! — говорят они. — Услышал шум — и ушёл. А это оставил он на колючей проволоке...

— Отваливай, — говорит Пётр Сергеевич. — Курс на городскую пристань...

Через полчаса в ярко освещённой комнате допрашивают ботаника. Старик возмущается, сердится, говорит, что он заслуженный деятель, научный работник, ботаник, выращивает цитрусы, его знают в Москве, он будет жаловаться.

Документы у него в полном порядке.

И обыск не обнаруживает ничего предосудительного. Старик возмущается искренно, на глазах у него выступают слёзы, он протирает платком запотевшие очки.

— Зачем вы очутились возле Синопа? — спрашивает Пётр Сергеевич.

— Гулял.

— Гуляли? Это, конечно, не запрещается. А что это за пароль вы произнесли: «Собака полковника»?

— Просто шутка. Какое-то воспоминание, не больше.

— Миленькое воспоминание! А почему в Батуми вы каждый день появлялись около витрины фруктового магазина?

— Любовался календарём из фруктов.

— Да? Это вас забавляло? А если я вам скажу, что вы каждый день считали число орешков? И что каждый орешек означал корабль, выходящий нынче из порта, и вы передавали эти сведения вашим подводным лодкам?

— Какие сведения? Каким моим лодкам? Чепуха!

— А почему вы выехали вчера в Сухуми?

— У меня тут дела. И я не обязан вам отдавать отчёт.

— Хорошо. Я вам скажу, какие у вас тут дела. Вчера орешки были разложены зигзагом. Это означало, что вы должны выехать в Сухуми, где вас будет ожидать катер. Не так ли?

— Я отказываюсь вас понимать.

— Зато я вас отлично понимаю. Довольно заперяться. Где сведения о наших кораблях, которые вы должны были отвезти?

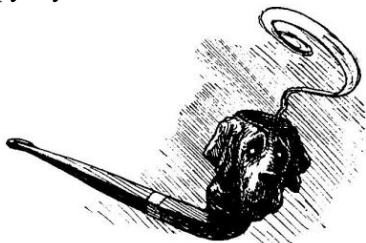
— Никаких у меня нет сведений. Вы меня принимаете за кого-то другого.

— Хорошо. Скажите тогда, где так называемый майор Шранке?

— Я не знаю никакого майора Шранке.

— Хорошо. Тогда хотите, я покажу вам «Собаку полковника»?

«Ботаник» молчит. Пётр Сергеевич говорит в телефонную трубку:

— Попросите полковника.

Дверь открывается, и входит усатый полковник. У него совсем расстроенный вид.

— Прошу показать вашу трубку, — говорит Пётр Сергеевич.

Полковник вынимает свою двухъярусную трубку с собачьей головой.

— Вот что значит «Собака полковника», — говорит Пётр Сергеевич. — Или вы с нею незнакомы?

Старик снимает очки и протирает их носовым платком. Потом снова надевает их на нос и рассматривает трубку.

— Любопытная вещь! — говорит он. — Хорошая работа. Но я не понимаю, какое она может иметь ко мне отношение.

Вдруг полковник протягивает свою огромную руку и снимает со стариковского носа очки.

— Проявить! — приказывает он густым басом Петру Сергеевичу. — Через пять минут вы будете знать, что за фрукт скрывается под маркой «ботаника».

Да, очки тотчас же проявили, и на них были нанесены секретные сведения — тихий «ботаник»-старичок оказался не кем иным, как верным помощником майора Шранке, диверсантом, таким же злодеем, как тот. Он вовсе не был стариком — седина на его бороде оказалась поддельной. И в течение целого месяца этого опытного шпиона водили за нос, ибо толстый Шалико оказался не кем иным, как лейтенантом Рыжковым, а бывший директор фруктового магазина, придумавший календарь из фруктов для передачи сведений немцам, давно сидел за надёжной решеткой. Лейтенант Рыжков, превратившись в Шалико, просто продолжал начатое немецким шпионом и не возбуждал в старике-«ботанике» никаких подозрений. Целый месяц «ботаник» передавал своим подводным лодкам сведения, не стоившие ни гроша, а в конце концов сам попался на удочку, прочитав на орешках, что ему следует поехать в Сухуми, откуда его заберёт катер. Но вот майора Шранке спугнули в последнюю минуту, и теперь он, наверное, уже далеко. Придётся начинать всё сначала. А ведь это он был вечером возле Синопа, матросы принесли Петру Сергеевичу клочок гимнастёрки, — очевидно, майор в темноте напоролся на колючую проволоку.

Само собой разумеется, за всеми пассажирами на вокзале сразу отдан приказ следить, следят за всеми уходящими из Сухуми машинами, но он не так глуп, этот майор Шранке, чтобы уехать поездом или машиной. Он опасный, очень опасный дьявол: Рыжков рассказал, как он чуть было не поймал его, вылезавшего из окна Марининой комнаты, и как он бежал, поранив его в руку. И как Рыжков, выбив блюдечко с мороженым у

Марины из рук, там, в парке, спас её от неминуемой смерти: этот злодей на ходу успел отравить мороженое!

И Рыжков не схватил майора Шранке в Батуми только потому, что ему было приказано довести игру до конца и словить обоих диверсантов в последнюю минуту, возле моря.

А полковник Николай Васильевич совсем огорчён: он так хорошо сыграл свою роль, и вдруг теперь снова всё пошло прахом!

Как удивляются ребята, когда под утро приходит Пётр Сергеевич, а с ним — Шалико и полковник Николай Васильевич, и все они дружески разговаривают.

— Простите, ребята, что мы вас оставили одних, — говорит Пётр Сергеевич. — Мариночка, нам очень нужен твой Дик.

— А зачем? — спрашивает Марина.

— Сейчас узнаешь. Николай Васильевич, начнём?

— Приступим, — говорит полковник, — хотя я питаю мало надежд на собачий нюх.

Марина прижимается щекой к большой руке полковника. И он гладит её по голове. Но его мысли заняты сейчас одним: поймать майора Шранке.

— Ну, шен генацвале, — говорит Шалико Марине, — посмотрим, на что способна твоя лайка.

Пётр Сергеевич вынимает из кармана клочок материи и протягивает его к носу Дика. Дик весь ощетинивается и рычит. И тогда Пётр Сергеевич идёт вперёд, а Дик — за ним.

— Действует, оказывается, — говорит, улыбаясь в усы, полковник.

Внизу, у широкого подъезда гостиницы, их ждут две машины. Ещё совсем раннее утро, и дворники поливают улицы. Машины срываются с места и мчатся сначала по набережной, потом по прибрежному шоссе, среди эвкалиптов, среди садов, к Синопу. Они останавливаются там, где вчера причаливал катер. Дик, ощетинившись, рыщет в траве.

Он пролезает сквозь колючую проволоку, нюхает, ищет и вдруг, залаяв, бежит по шоссе назад, к городу, белеющему вдаль.

Машины медленно движутся за лайкой, а Дик, нюхая землю, спешит всё дальше и дальше. Вот они проезжают под wiadukом, они уже в городе, сворачивают на главную улицу, потом направо, на бульвар, едут к линии железной дороги. Дик

всё бежит вперёд и вперёд. Куда-то он их приведёт? Машины снова ныряют под мост, по которому с грохотом бежит поезд. Теперь дорога поднимается в гору. Запыхавшийся Дик останавливается возле ворот: дальше дороги нет.

— Это обезьяний питомник, — говорит Пётр Сергеевич.

Дик скребётся в ворота. Николай Васильевич нажимает кнопку звонка. Выходит заспанный сторож. Он не хочет пускать посетителей, говорит, что ещё рано, питомник закрыт, и обезьян нельзя беспокоить. Но Дик ныряет у него под ногами. Пётр Сергеевич еле поспевает за псом. Позади идёт Николай Васильевич, попыхивая своей двухъярусной трубкой, а за ним — Шалико, Боря и Марина. Дик приводит их к клеткам, где резвятся макаки. Они корчат гримасы и швыряют сквозь прутья клеток орехи. Один орех больно ударил Марину по лбу. Дик описывает круги, нюхает, бегаёт, потом останавливается с растерянным видом, высунув розовый язык.

— Потерял след, — говорит Пётр Сергеевич.

— Зарапортовался, брат! — сокрушённо укоряет Дика Николай Васильевич.

Дик и в самом деле совершенно растерян. Он поглядывает то на Марину, то на Бориса, то на полковника. Он водит носом по только что подметённому песку. Но вдруг он снова находит след и устремляется вперёд. Он семенит по дорожке, среди колючих кустов, усыпанных яркими цветами. Он добегают до большой клетки, посреди которой растут деревья. Две огромных рыжих обезьяны ловят друг у друга блох. Они не обращают на посетителей никакого внимания. Дик рвётся в клетку, шерсть его встаёт дыбом, он рычит. Николай Васильевич говорит подошедшему сторожу:

— Отоприте клетку.

— Не имею права, — говорит сторож. — Это злые обезьяны, они могут вырваться на свободу и загрызть вас.

— Я вам приказываю отпереть клетку, — не терпящим возражений голосом повторяет полковник.

Сторож вынимает связку ключей и, недовольно ворча, отпирает замок. Дик сшибает его с ног и врывается в клетку.

Обезьяны перестают ловить блох и отчаянно визжат, махая лапами на Дика. А Дик кидается к толстому стволу дерева, растущего посреди клетки. Обнюхивает его, бежит дальше, скребёт лапами железную решетчатую дверцу, соединяющую

клетку с соседним вольером с просторным бассейном посередине.

— Там никого нет, — сердито говорит сторож. — Ваша собака глупа, как пробка. Там жил орангутан. Он сдох в прошлом году от чахотки.

— Отоприте, — приказывает полковник.

Дик чуть не сшибает сторожа с ног. Пётр Сергеевич входит за ним в вольер. Лайка бежит вокруг бассейна, заглядывает в воду, потом кидается за загородку, в бетонную конуру. Выбегает оттуда с виноватым, растерянным видом. Скулит, машет хвостом.

— Обмишулился, брат? — вдруг говорит сторож. — Только зря людей тревожите, граждане.

Пётр Сергеевич с трудом отгоняет Дика и приказывает Шранке вылезти из бассейна.

Дик вдруг садится и протягивает Петру Сергеевичу лапу, словно просит простить за то, что целое утро он водил его за собой зря.

Пётр Сергеевич стоит, озадаченно соображая, и вдруг он прямо в сапогах влезает в бассейн, весь заросший ярко-зелёной

плесенью. Он хватает одинокий тростник, вытаскивает его, зелень вздымается, пузырится — и появляется водяной, леший, что угодно, — словом, нечто с ног до головы покрытое изумрудной тиной.

— Он! — кричит Марина.

А Дик с размаху кидается в бассейн, расплёскивает воду и изо всей силы вцепляется в водяного.

Теперь они барахтаются в воде, Дик вцепился чудищу в горло, оно поворачивает голову, хрипя, и все видят совсем белые, злые глаза.

Пётр Сергеевич с трудом отгоняет Дика и приказывает Шранке вылезти из бассейна.

— И вы поедете с нами, — коротко говорит он сразу осунувшемуся сторожу.

Они спускаются вниз, к машинам, по усыпанной гравием жёлтой дорожке. Шранке сажают в машину.

— Теперь мне понятно, почему девочка не узнала его ещё в поезде, — говорит Пётр Сергеевич полковнику. — Он достиг совершенства в гриме. Он научился перекрашивать даже свои белые глаза. И ловко же он лежал в этой вонючей луже с тростниковой трубкой в зубах. Не новый способ прятаться, впрочем.

— Мы скоро приедем, идите домой! — кричит полковник ребятам и закуривает свою знаменитую трубку.

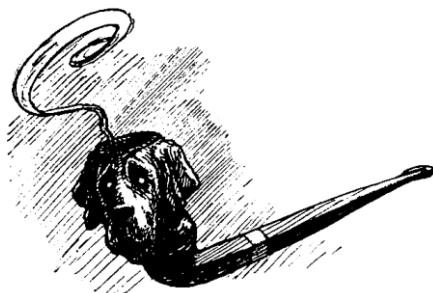
А ребята спускаются с горы. Впереди бежит Дик. Шалико оставляет их, он говорит, что ему надо сбросить толщинки, от которых ему до смерти жарко, снять усы и переодеться, чтобы предстать перед ними лейтенантом Рыжковым. Они могут спокойно идти в гостиницу. Теперь воздух чист.

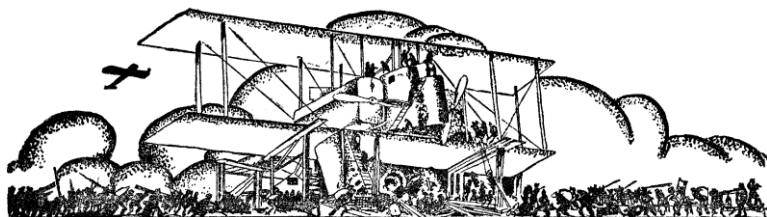
Морской бриз обвеивает их лица. Ребятам кажется, что красивее этой широкой, прямой улицы нет ничего на свете. Солнце так ярко светит, а цветы так чудесно пахнут!

— Ты знаешь, — говорит Марина Боре, — мне думается, что я спала, видела страшный сон, и вот, наконец, проснулась. И сон этот никогда, никогда больше не повторится. Дик, милый, ты попадёшь под машину, иди сюда, не носись!

— Да, Марина, — отвечает Боря, прикладывая руку к чёрной повязке на левом глазе, — этот сон больше уже никогда не повторится!

И они идут, взявшись за руки, посреди широкой, залитой солнцем улицы, и вокруг них цветут диковинные цветы, каких они раньше никогда не видали. Дик бежит перед ними, закрутив хвост крендельком. А впереди встаёт голубой стеной беспредельное, сверкающее, искрящееся на солнце море.

СОДЕРЖАНИЕ

N

Д-41-3

Рассказ

5

А. А. ПЕТРОВСКИЙ

ЗАМОК МОЛВЫ

Научная фантазия

17

АНАТОЛИЙ КОЛОМЕЙЦЕВ

УЩЕЛЬЕ ДЬЯВОЛА

Фантастико-приключенческий роман

27

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

ЗАОЧНЫЙ ИНЖЕНЕР

Фантастический рассказ

239

ЮРИЙ КИН (Ю. КУРОЧКИН)

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОСТЬ

Фантастический рассказ

255

ЮРИЙ КИН (Ю. КУРОЧКИН)

ПЕРВАЯ НАХОДКА

Рассказ

261

А. ПИЛЬЧЕВСКИЙ

ЭКСПРЕСС УШЕЛ

Фантастический рассказ

269

ЮРИЙ КИН (Ю. КУРОЧКИН)
СКАЗКА, ПРЕВРАЩЕННАЯ В ЖИЗНЬ
Фантастический рассказ

277

И. ФОРТИКОВ
О МЕЖПЛАНЕТНЫХ ПОЛЕТАХ

Очерк

283

ЛЕВ УСПЕНСКИЙ
КУПИИ

Фантастическая повесть

289

Е. Л. КОБУС
ЗАПАД В ОГНЕ
Фантастический очерк

439

А. ПИЛЬЧЕВСКИЙ
ДЫХАНИЕ МОРЯ
Научно-фантастический рассказ

475

Б. РЯБИНИН
ПОДАРОК БУДДЫ
Научно-фантастическая повесть

481

Л. ШЕЙНИН
«НЕМЕЦКИЕ КОНСЕРВЫ»

Рассказ

535

С. ХМЕЛЬНИЦКИЙ, С. ПОЛОЦКИЙ, В. ВОЕВОДИН
НЕВИДИМКА

Фантастическая повесть

546

Б. ИВАНТЕР
ЧУДЕСНЫЕ ВАРЕЖКИ

Сказка

603

ИГОРЬ ВСЕВОЛОЖСКИЙ
СОБАКА ПОЛКОВНИКА
Приключенческая повесть

627

